СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит 4 раза в год

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),

О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий, М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 126-94-45

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА НИЖНЕМ ДОНУ

(памятники кобяковской культуры)

Нижний Дон представляет значительный интерес для археологического изучения, так как этот район является местом, где сходятся степи Северного Причерноморья и Поволжья, а также Северного Кавказа. Передвижение древних этнокультурных групп из этих трех областей, очевидно, и обусловило специфику археологических памятников Нижнего Подонья.

В низовьях Дона, в основном в дельте, находятся поселения своеобразной кобяковской культуры предскифского времени — Кобяково, Нижнегниловское, Хапры и Сафьяново. Эти памятники, кроме последнего, многослойные и впервые были изучены в 1923—1928 гг.[1] Верхний слой относится здесь к I—III вв. н. э.[2] Заслугой А. А. Миллера было открытие и обследование на этих памятниках напластований эпохи бронзы. Но работам этого исследователя не суждено было завершиться.

Наши исследования основываются на работах Кобяковской (1956—1962 гг., С. И. Капошина, Э. С. Шарафутдинова) и Нижнегниловской (1970 гг., Э. С. Шарафутдинова) экспедиций, а также Хапровского и Сафьяновского[3] отрядов (1966—1967 гг., Э. С. Шарафутдинова) совместно с Ростовским областным музеем.

Материал, полученный в 20-е годы, был незначительным, что неизбежно приводило к разнобою в его оценке; но своеобразие кобяковских находок чувствовалось уже тогда. Благодаря работам 1956—1970 гг. существенно расширилась источниковедческая база. Одновременно с этим заметно изменились и общие представления о бронзовом веке южнорусских степей. Все это дало нам возможность по-новому интерпретировать исследуемую группу поселений, т. е. определить их принадлежность к особой кобяковской культуре периода поздней бронзы.

Признаки этой культуры, свойственные только четырем указанным памятникам[4], составляют: топография поселений, характер застройки на них, устройство и назначение жилищ, керамический комплекс, своеобразные каменные грузила, набор костяных наконечников стрел и состав фауны.

Бросается в глаза небольшая территория, занимаемая кобяковскими поселениями, и особенно их расположение на естественно защищенных

[1] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, I, Л., 1926, стр. 71—142; его же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. СГАИМК, II, Л., 1929, стр. 69—79, 91—102, 120.

[2] Раннесредневековый слой почти не сохранился, о нем свидетельствуют обломки керамики.

[3] Поселение Сафьяново открыто С. Н. Братченко в 1956 г. С. Н. Братченко. Новое поселение эпохи бронзы в донской дельте. Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, стр. 120—127.

[4] Э. С. Шарафутдинова. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Автореф. канд. дис. Л., 1971.

участках местности. Эти холмы второй надпойменной террасы, высотой до 25 *м* и ограниченные с трех сторон береговым обрывом и оврагами. Четвертая сторона — напольная. В этой части на поселении Сафьяново обнаружен фрагмент основания каменной стены, однако для того, чтобы уверенно считать ее оборонительной, данных еще мало.

Размеры этих поселений (в $м^2$): Кобяково — 63 000, Нижнегниловское — 5000, Хапры — 6000, Сафьяново — 5000. Рядом с ними в дельте, иногда всего в полукилометре, находятся 12 открытых и неукрепленных позднесрубных поселений типа Ливенцовки I (рис. 1), расположенных, как и подавляющее большинство степных предскифских поселений, на нижней надпойменной террасе.

Рис. 1. Расположение поселений эпохи поздней бронзы в дельте Дона. *1* — поселения кобяковской культуры; *2* — поселения позднесрубной культуры типа Ливенцовки I

Естественно, а частично и искусственно укрепленные поселки этого периода открыты пока в Среднем Поволжье (Первое Сусканское и Кайбелы), по-видимому, в Северном Приазовье (Обиточная 20) и на Северном Кавказе (Змейское и Сержень-Юрт) [5]. Лишь чернолесские городища лесостепного Поднепровья являют собой классический образец укрепленных поселений со рвами и валами. Тем не менее следует считать, что укрепленные поселки любого типа (в том числе и кобяковские [6]) указывают на определенную историческую обстановку, связанную с внешней опасностью.

Не случайно, видимо, и то обстоятельство, что известные нам немногочисленные укрепленные поселения рассматриваемой эпохи располагаются на границах этнокультурных и географических зон (степь и лесостепь; степь, предгорья и горы).

Особенностью культурных напластований эпохи бронзы на кобяковских поселениях оказывается наличие двух слоев: песчаного (Кобяково I) и золистого (Кобяково II). Наши наблюдения привели к коррективам стратиграфической схемы, установленной А. А. Миллером. Выяснилось, что совместное залегание обоих предскифских слоев не является общим правилом и зависит от характера древнего рельефа и других причин. Несколько завышенной оказалась и мощность слоев на участках работы Северо-Кавказской экспедиции: песчаный слой — 3 *м*, золистый слой — 2,5—2,7 *м*. Мощность этих слоев на раскопах 1956—1970 гг. составляла соответственно 0,3—2,5 и 0,6—2 *м*. Новые материалы показали также, что оба предскифских слоя различаются лишь по структуре, а не по составу и характеру находок, как это считалось прежде [7]. На отсутствие разницы у посуды из этих слоев в свое время указала и О. А. Кривцова-Гракова [8].

---

[5] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 104, 118, 149; В. В. Дворниченко. Памятники эпохи поздней бронзы — Обиточная 20. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 99; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 12, 35; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 80.

[6] Э. С. Шарафутдинова. К вопросу о топографии поселений типа Кобяково на Нижнем Дону. КСИА АН СССР, 123, 1970, стр. 52, 54.

[7] Архив ЛОИА АН СССР, Ф. 2: 1924 г., д. 101, л. 14; 1928, д. 95, л. 77.

[8] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, 101—102.

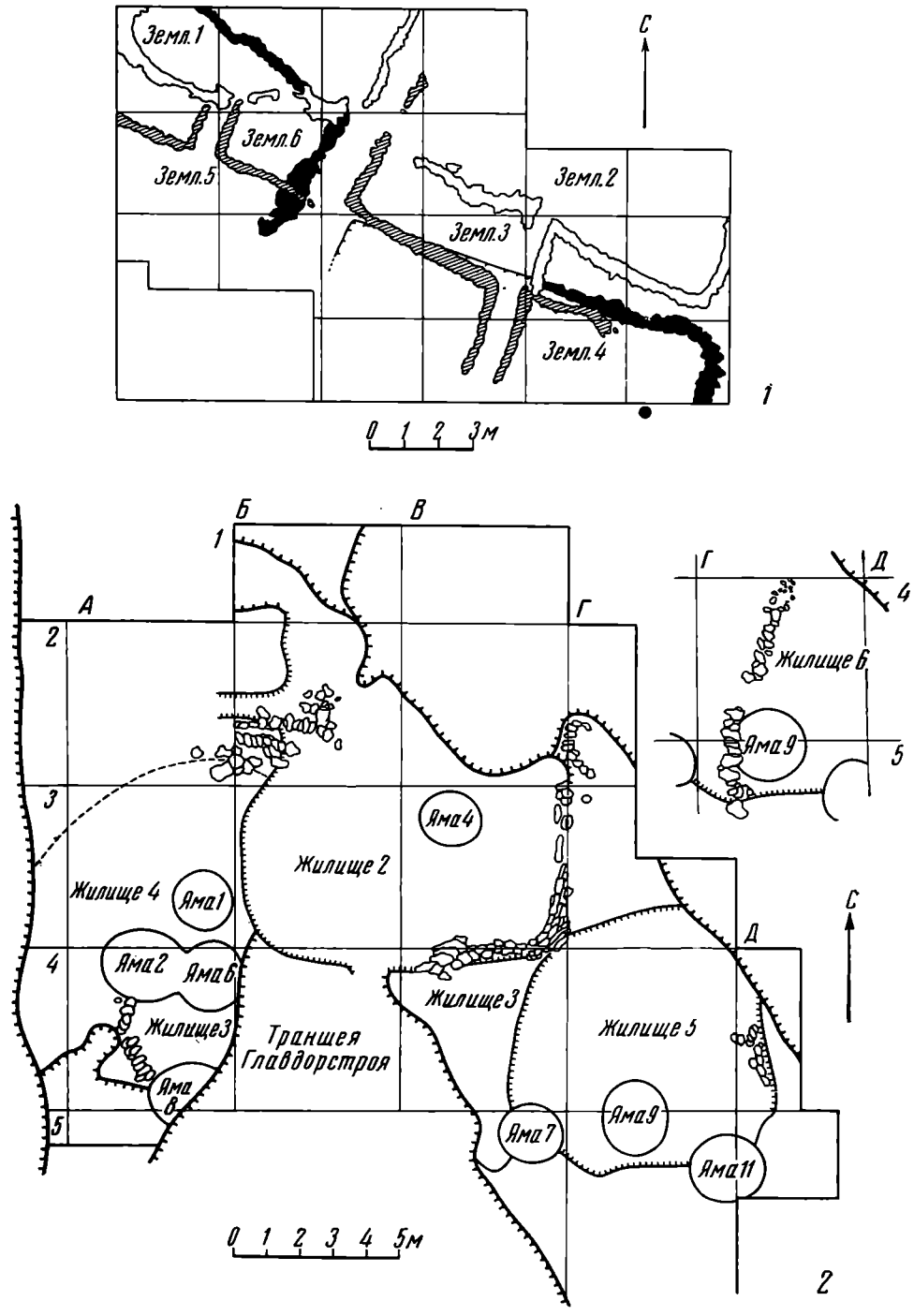


Рис. 2. *1* — план расположения разновременных жилищ на Нижнегниловском (1970 г.); *2* — план расположения разновременных жилищ на Кобякове (раскоп III, 1958—1962 гг.)

Рассматриваемые поселения значительно нарушены поздними культурными отложениями и современной застройкой, что существенно препятствует исследованию их широкой площадью.

В послевоенные годы на кобяковских памятниках впервые обнаружены жилища[9]: в Хапрах открыта часть одного, на остальных поселениях — по шесть жилищ. Полнее всего исследованы жилища на Кобякове и Нижнегниловском. На Кобякове выявлены два типа построек: четыре

[9] Э. С. Шарафутдинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковском городище. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 58—62; ее же. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 75—81; ее же. Раскопки поселения Сафьяново на Нижнем Дону. АО — 1967, М., 1968, стр. 80—81; ее же. Нижнегниловское поселение позднебронзовой поры на Нижнем Дону. АО — 1970, М., 1971, стр. 108.

Рис. 3. Нижнегниловское (1970 г.), землянка 2, вид с северо-запада

землянки и два наземных жилища; на остальных поселениях все обнаруженные сооружения землянки.

Землянки прямоугольные в плане, с закругленными углами (рис. 2), однокамерные и двукамерные. Размеры жилищ от 50 до 100 *м*². Большие размеры землянок, отсутствие во многих случаях четких столбовых ямок, как и разница в ширине обеих половин у двукамерных сооружений, позволяют предположить пирамидальную конструкцию кровли, подобную той, какую реконструировал М. П. Грязнов для землянок у хут. Ляпичева [10] и других памятников.

Стены котлованов, максимальная высота которых достигала местами 1,2—1,4 *м*, облицованы камнем (рис. 3; 4, *1*). Каменная кладка однорядная (в ширину), сухая и нерегулярная. У землянок два типа входов: покатый спуск (Кобяково) и длинный коридор со стенами, облицованными камнем (Нижнегниловское).

В жилищах несколько уровней глинобитных полов, на каждом из которых были кухонные очаги и хозяйственные ямы. Очаги — неглубокие чашевидные ямы (иногда с каменной облицовкой — Кобяково) либо круглые или прямоугольные в плане сооружения, составленные из вертикально стоящих плит (Нижнегниловское). Но наряду с ними на Кобякове встречен очаг особой конструкции. Это глинобитный круг диаметром около 1,2 *м* с ямкой посредине, обмазанный по краям, в форме кольца, глиной (рис. 4, *2б*). Он находился в «чистой» половине землянки 3 и несомненно имел культовый характер. Близки ему лишь культовые очаги-диски из энеолитических поселений Южной Туркмении (рис. 4, *2а*) и Грузии [11]. В степных поселениях Евразии такие очаги в эпоху бронзы пока неизвестны.

Большой интерес представляют на Кобякове постройки специального хозяйственного назначения, где производился обжиг глиняной посуды.

[10] М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, L, 1953, стр. 140, 144, 145, рис. 63.

[11] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М. 1964, стр. 87—91, рис. 41; Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-Гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахети. Тбилиси, 1963, стр. 29, 95, 96, рис. 6, *20*.

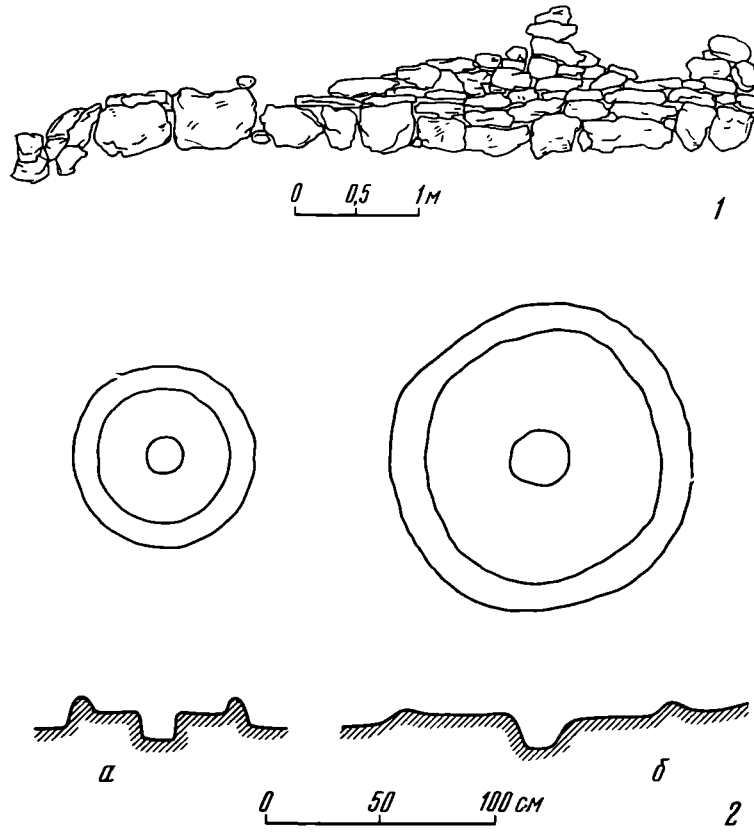


Рис. 4. *1* — каменная облицовка стены землянки 2 (Кобяково); *2* — культовые глинобитные очаги:
а — Геоксюр 7, *б* — Кобяково, землянка 3

Здесь располагались очаги несколько иного устройства: они круглые в плане, сооружены из вертикально стоящих плоских камней и на глинобитном (сильно прокаленном) поде. В очагах и на полу сохранились куски обугленного дерева, очевидно, остатков топлива, и фрагменты от 35 бракованных сосудов.

Известные до сих пор гончарные горны (например, Магала, Змейское, Сержень-Юрт) размещаются либо около жилой постройки, либо в ее отгороженной части и связаны, таким образом, с домашним гончарством. В связи с этим мы можем ставить вопрос, не служат ли производственные помещения Кобякова указанием на самое начало специализации данного производства у этого населения.

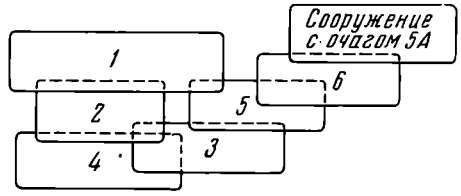
Особого внимания заслуживает характер застройки на всех кобяковских поселениях, представленный несколькими этапами (пять — на Кобякове, три — на Нижнегниловском; рис. 2). Между существованием жилищ, возникавших на одном месте, проходил большой период времени. Все это объясняет процесс накопления мощного культурного слоя и свидетельствует о длительности жизни на поселениях.

Последовательность существования жилищ на Кобякове (раскоп III), схематически представленная на табл. 1, кратко выглядит следующим образом. Наземное жилище 4 — самое раннее. Оно срезано землянкой 3, нарушенной впоследствии землянками 5, а затем 2. При этом землянка 2 повредила еще одну часть жилища 4. Больше половины землянки 5 было использовано под производственное помещение 6. Вероятно, землянки 6 и 2 частично синхронны. Землянка 2, а частично землянки 3 и 5 перекрыты наземным производственным жилищем 1, которое тоже, очевидно, сосуществовало какое-то время с жилищем 6. Последнее перекрывалось наземным производственным сооружением с очагом 5А, синхронизирующимся с жилищем 1, и оба они являлись последними на исследуемом участке.

Вместе с тем выяснилось, что все типы сосудов в одном и том же соотношении присутствуют во всех разновременных жилищах и в заполнении их котлованов (период времени между строительными этапами; табл. 2). Поэтому имеющийся материал представляется единым керамическим комплексом для всех четырех памятников, которые, следовательно, существовали в одно и то же время.

Таблица 1

Схема последовательности существования жилищ (1—6) на Кобякове (раскоп III)



Резюмируя, можно сказать, что особенности жилищ кобяковских поселений состоят в следующем: сосуществование землянок и наземных жилищ, а также двукамерных и однокамерных землянок; облицовка стен котлованов камнем; два типа входов; культовые очаги особого устройства; производственные помещения. Стратиграфическая же разновременность жилищ составляет специфику застройки этих поселений.

Эти особенности, отличающие кобяковские жилища от сооружений на других территориях, являются (как и топография поселений) одним из признаков культуры этих памятников.

Для северопричерноморских поселений позднебронзового века характерны в основном наземные и слегка углубленные жилища с каменными стенами, обладающие общими конструктивными деталями, отсутствующими у кобяковских жилищ; землянки же встречаются реже и не имеют каменной облицовки стен. Лишь в Анатольевке открыта полуземлянка, у которой углубленная часть имела каменную облицовку, но она являлась частью внутренней стены, дополнявшейся надземной внешней, что в совокупности создавало мощную двупанцирную кладку [12]. Эти приемы домостроительства присущи в целом наземным постройкам и не свойственны кобяковским землянкам.

Для характеристики кобяковских поселений первостепенное значение имеет керамика, как наиболее массовый материал. Керамика делится на две основные группы: грубую кухонную и лощеную столовую. Кухонная посуда представлена горшками (74%) и немногочисленными плошками — «жаровнями» (1%). К столовой посуде относятся кувшины с кубками (16%), чаши (3%) и черпаки (1%); миски (5%) по своей выделке близки к этой же группе керамики.

Кухонная посуда. Горшки плоскодонные, почти всегда с выраженными шейкой и плечиками (рис. 5). Статистическая обработка 300 горшков, основанная на их распределении по величине угла между шейкой и плечиком (т. е. по степени профилировки), показала, что эта вариабельность формы верхней части сосуда (целых горшков немного) случайна (рис. 6).

Высота горшков 15—60 *см*. Диаметр венчика (в среднем 12—30 *см*), как правило, значительно превышает диаметр дна (7—14 *см*). Поверхность большинства горшков покрыта четкими бороздками в результате заглаживания (рис. 5, *2*, *6*, *7*, *10*). В глиняном тесте встречается примесь шамота, реже песка. Обжиг неравномерный.

Примерно $^1/_3$ этих сосудов имеет углубленный (60%) или рельефный (34%) орнамент, расположенный всегда на плечиках; лишь насечки иногда нанесены на край венчика. Углубленный орнамент представлен вдавлениями различной, чаще овальной, формы, идущими в один или в два ряда, а в последнем случае образующими иногда елочный узор. Всевозможные зигзаги и черточки, а также короткие оттиски грубой веревочки применяются реже (рис. 5, *5*, *8—11*, *18*). Рельефный орнамент в

[12] Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. КСИА АН СССР, 89, стр. 6—10.

Таблица 2

Тип сосудов	Характер орнамента	РАСКОП III — жилища и слой														Обрез 4, песчаный слой	Участок I		Раскоп II
		Жилище 4	Золистый слой над жилищем 4	Жилище 3	Золистый слой над жилищем 3	Песчаный слой над жилищем 3	Жилище 5	Котлован жилища 5	Жилище 6	Котлован жилища 6	Жилище 2	Котлован жилища 2	Жилище 1	Золистый слой над жилищем 1	Сооружение с очагом 5А		песчаный слой	золистый слой	песчаный слой
Горшки	Различные углубления	2	10	2	10	2	9	19	18	4	7	39	26	18	5	1	15	19	5
	Валик	2	8	1	3	2	6	16	8	3	5	9	12	10	4		2	2	
	Налепы		1	1		1	2	3		1	2	5		1					
	Мелкозубчатый штамп	1										1		1			1		
	Без орнамента	12	21	17	19	6	36	35	59	2	41	115	96	65	4	7	22	2	15
	Всего	17	40	21	32	11	53	73	85	10	55	169	134	95	13	8	50	23	20
Кубки и кувшины	Веревочка	3	3	3	4		3	4	3	2	2	9	12	9	1	2		8	3
	Врезной	2	1	2	4	1	2	4	3	3		4	3	4	4	2	1	5	4
	Мелкозубчатый штамп		2	1	1			2					1						
	Налепы	2	1					2	1			1	1	1	3				
	Без орнамента		4	2	2		13	3	13	10	1	8	18	8		2	2	14	1
	Всего	7	11	8	11	1	18	15	20	15	3	22	35	22	8	6	3	27	8
Чашки		2	3	1	1		1	2	1	2		7	11	3				2	1
Миски		1	3	1	1	1	4	5	17	5		10	13	7	3		1	2	1
Плошки		1		1	1	1	2		1				2	2	1	1	1		
Черпаки			1				2			2		2	3						
Всего		28	58	32	46	14	80	95	124	34	58	210	198	129	25	15	55	54	30

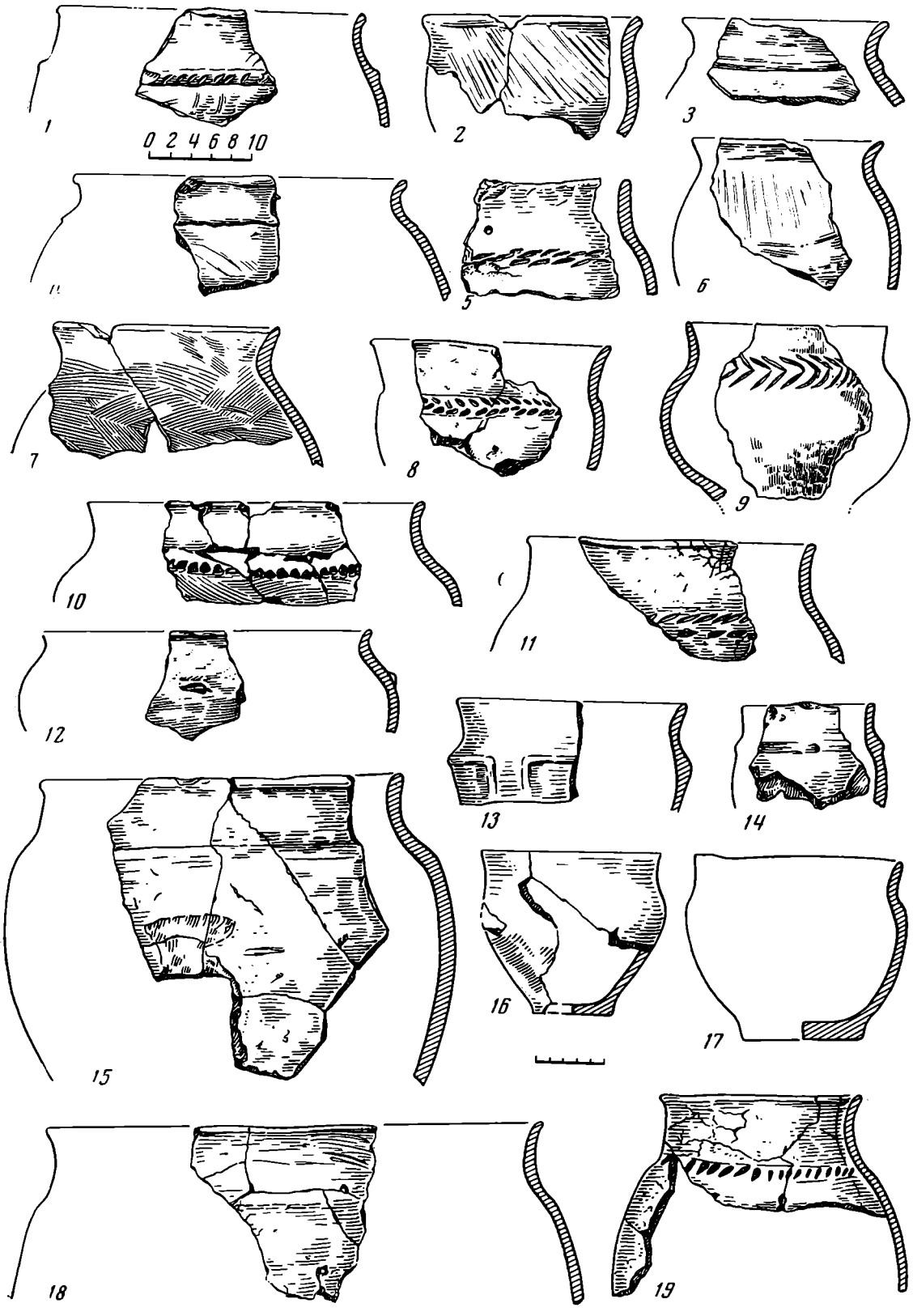


Рис. 5. Кобяково. Кухонная посуда — горшки.

1, 7, 13, 16 — золистый слой; *2, 8, 12* — заполнение котлована землянки 2; *3, 5, 15* — наземное жилище 1; *4, 17, 18* — землянка 5; *6* — землянка 2; *9* — песчаный слой; *10* — землянка 3; *11* — землянка 6; *14* — заполнение котлована землянки 6; *19* — заполнение котлована землянки 5

виде валика, чаще гладкого, идущего всегда в один ряд; концы валика иногда не сомкнуты (рис. 5, *1, 13, 14*). Налепные выступы встречаются гораздо реже (рис. 5, *12*).

Плошки плоскодонные, их прямые стенки расширяются кверху под тупым углом (рис. 7, *3*). Диаметр венчика достигает 20 *см*, высота — 4—6,5 *см*. Орнаментация в виде насечек по краю венчика очень редка.

Столовая посуда. Поверхность имеет розоватый, желтоватый темно- и светло-серый цвет. Качество лощения среднее. Глиняное тесто отмучено лучше, примесей меньше и они мелкие. Черепок в изломе обычно плотный, ровный.

Основной тип этой керамики — кубки и кувшины (рис. 7, *10—18*, 8). Кувшины отличаются от кубков бóльшим размером, плоским дном и нередко раздутостью тулова («бомбовидные»); у кубков дно округлое либо округло-уплощенное. Высота кувшинов 19—36 *см*, высота кубков 5—14 *см*. Большинство этих сосудов покрыто нарядным геометрическим узором, одни и те же мотивы которого выполнены двумя способами: врезными линиями и оттисками туго скрученной веревочки (рис. 8, *3*, *6*, *9*; 7, *13—16*). Мотивы узора довольно разнообразны: горизонтальные линии (рис. 9, *1*), опущенные вершинами вниз треугольника (рис. 9, *2*), горизонтальные и зигзагообразные ленты (рис. 9, *3*, *7*), круглые и овальные мелкие углубления (рис. 9, *8а*), реже круги (рис. 9, *9*), шевроны, «стропила, «паркет» и т. д.; они образуют несколько устойчивых орнаментальных композиций (рис. 10).

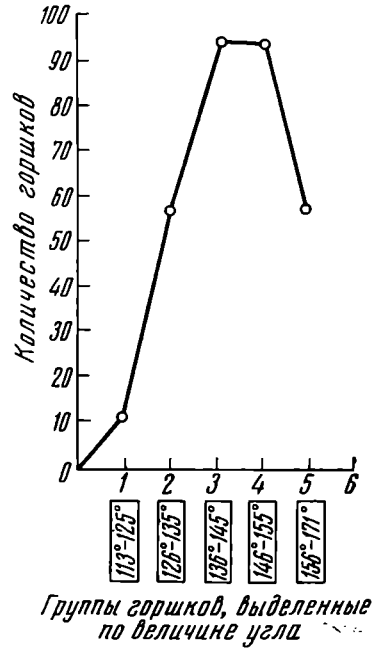


Рис. 6. График распределения горшков по величине угла между шейкой и плечом

Чаши (рис. 7, *8—9*) невысокие (6—14 *см*), с короткой, слегка отогнутой наружу шейкой и относительно большим диаметром венчика (10—25 *см*). Орнаментация применяется редко, а ее приемы и мотивы те же, что у кубков и кувшинов.

Черпаки представлены лишь во фрагментах (рис. 7, *1—2*). Они имеют гладкую петельчатую ручку, иногда покрытую скромным веревочным узором.

Последний тип сосудов — плоскодонные миски (рис. 7, *4—7*). У них обычно закругленные бока, высота 3,5—10 *см*, диаметр венчика 16—28 *см*. Орнамент — насечки по краю венчика — встречается довольно редко.

Из глины изготовлялись также различные поделки: бусы, пряслица, льячки, литейные формы (найдены в обломках), колесики от моделей повозок и пр. (рис. 11, *3—5*).

Помимо керамических известен также ряд предметов из кости, камня и металла. К сравнительно немногочисленным костяным предметам принадлежат лощила, скобеля, развертки, проколки, трепала и т. п., а также шесть наконечников стрел (втульчатые — ромбический, двуперый, пирамидальный, пулевидный — и черешковые типа кавказских «площиков»; рис. 12, *1—6*) [13].

Известно много крупных изделий из камня: 147 пестов, 120 терочников, 57 зернотерок, 18 ступок, 92 точила, 9 отбойников, 2 мотыги, 4 лощила. Обнаружены четыре булавы, обломки восьми сверленых топоров нескольких типов, три оселка с отверстием на одном конце и цилиндрический молот (рис. 11, *1—2*; 13, *1—9*, *13*, *14*). Особую группу изделий составляют многочисленные рыболовные грузила (453 экз.) из раковистого известняка с перетяжками на концах (рис. 11, *6—7*; 13, *10—12*).

Обломки этих орудий прежде ошибочно рассматривались как антропоморфные изображения [14].

---

[13] Э. С. Шарафутдинова. Наконечники стрел из поселений кобяковской культуры эпохи поздней бронзы. КСИА АН СССР, 134, 1973.

[14] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг., стр. 137—139, рис. 33, 34; Б. В. Лунин. К вопросу об антро-

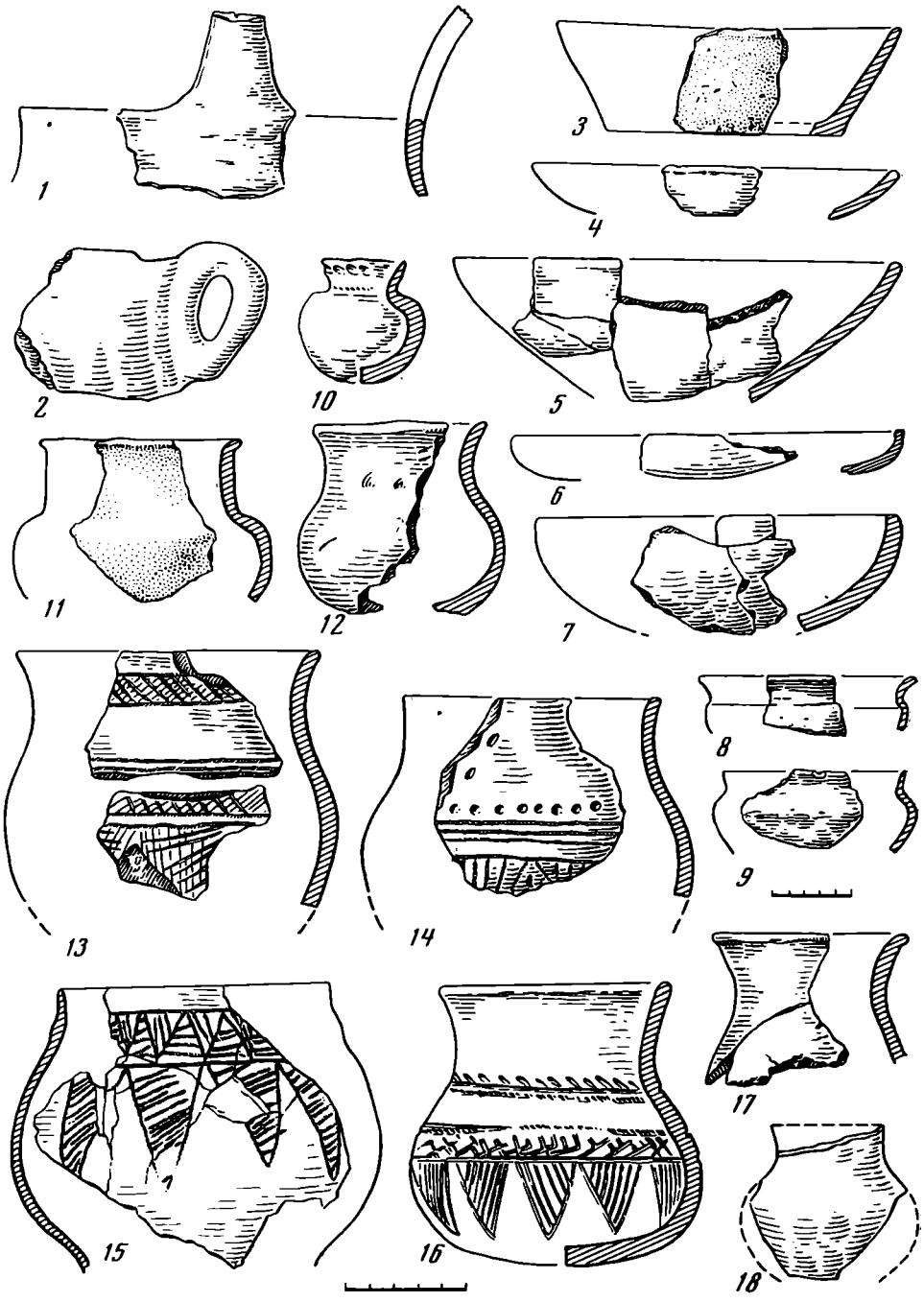


Рис. 7. Кобяково. Столовая посуда — черпаки, миски, чаши и кубки; кухонная посуда — плошки.

1, 11 — наземное жилище 1; *2, 4, 6, 8, 13, 15, 18* — золистый слой; *3* — песчаный слой; *5* — землянка 5; *7, 9, 16* — заполнение котлована землянки 2; *10* — землянка 2; *12, 17* — землянка 6; *14* — сооружение с очагом 5А

На поселениях помимо изделий из кремня найдены отходы кремнеобрабатывающего производства (562 скола и отщепа, 27 нуклеусов неправильной формы) и орудия: 163 скребка, 7 ножевидных пластин, 14 отбойников, 3 отжимника и 8 наконечников стрел (листовидные, подромбические и черешковые). Для всех кремневых орудий (кроме наконечников) заметен упадок техники обработки, вообще характерный для этой эпохи и обусловленный, вероятно, применением соответствующих металлических орудий. Типы кремневых наконечников стрел принадлежат к более ранним периодам и на поселения могли попасть случайно.

поморфном характере каменных поделок Гниловского и других южнодонских городищ. ЗСКОАИЭ, 1 (т. 3), 3—4, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 70—73.

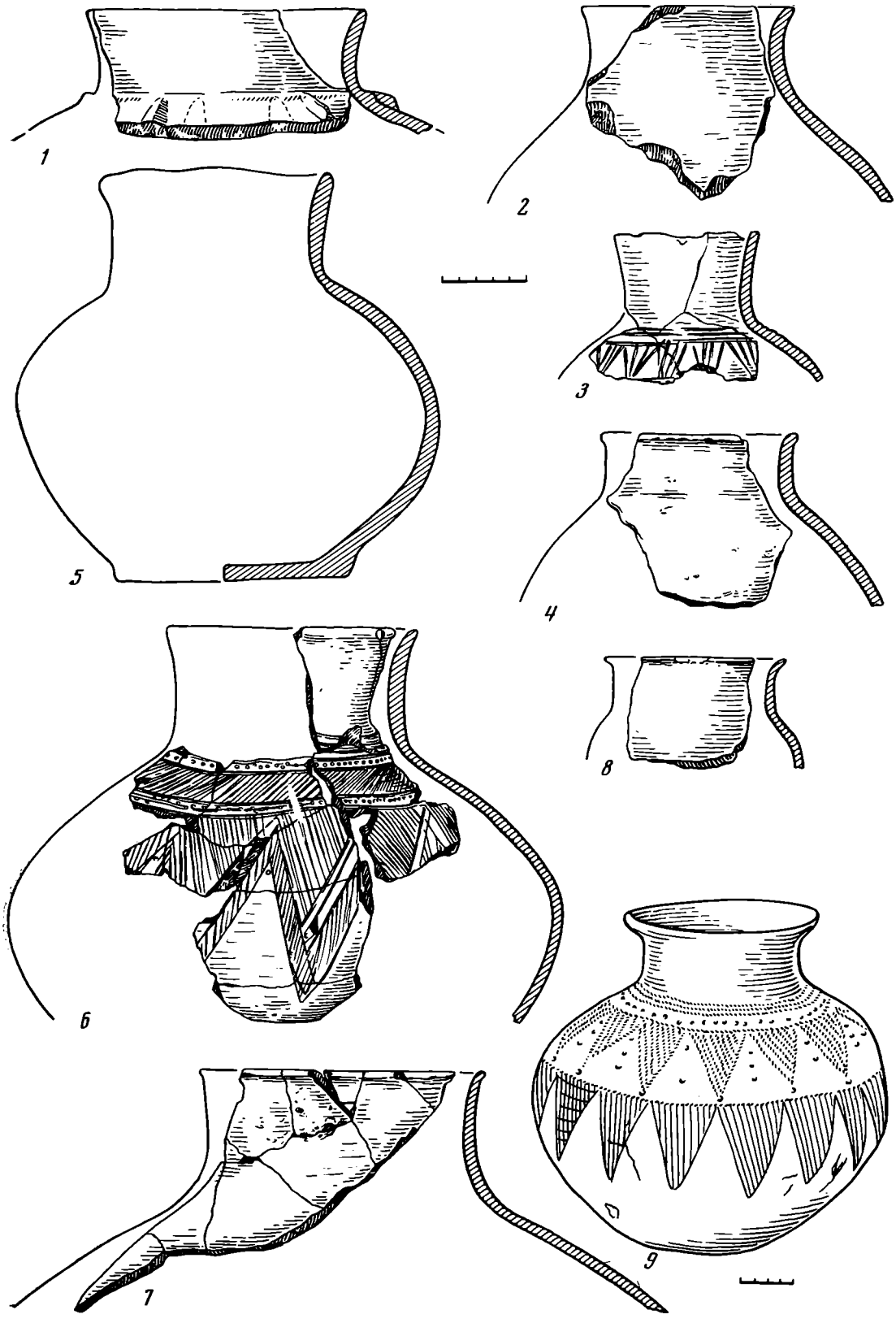


Рис. 8. Кобяково. Столовая посуда — кувшины

1 — сооружение с очагом 5А; *2* — наземное жилище 1; *3, 4* — заполнение котлована землянки 2; *5—7, 9* — землянка 6; *8, 9* — золистый слой

Незначительное количество глиняных поделок и костяных изделий, специфический набор костяных наконечников стрел, типы которых известны только здесь, и грузила своеобразной формы, неизвестные более нигде,— все это отличает кобяковские поселения от других северопричерноморских памятников.

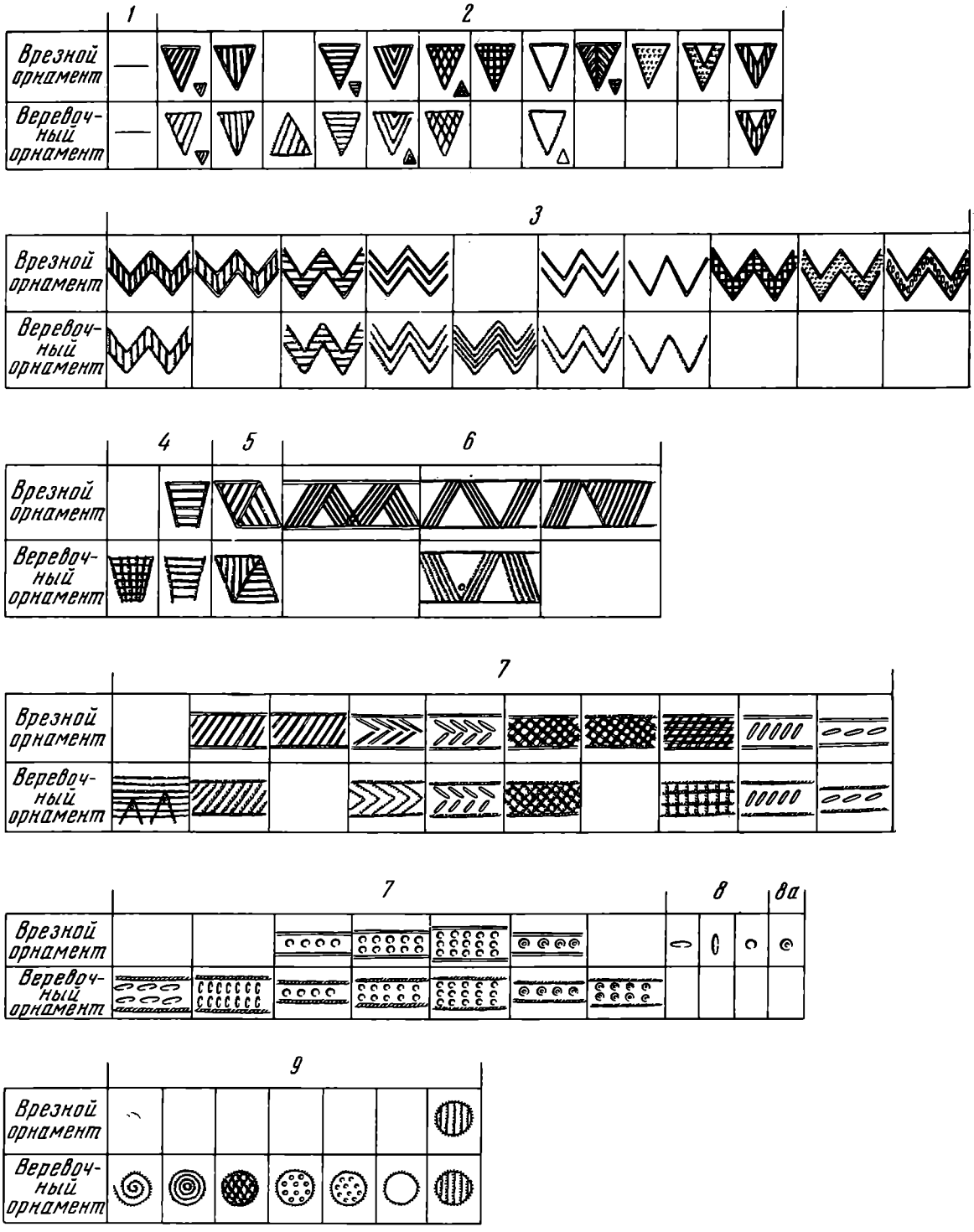


Рис. 9. Элементы орнамента на кубках и кувшинах

Металлических изделий на исследуемых поселениях обнаружено немного, но все они очень показательны [15].

Тип наконечника копья с прорезями, найденного в Хапрах [16], широко распространен в период поздней бронзы от Поднепровья до Сибири. Пулевидный наконечник стрелы изображен на рис. 12, 7. Наконечники этого типа из бронзы известны с конца VI — начала V вв. до н. э. [17], но их

[15] Э. С. Шарафутдинова. Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы. КСИА АН СССР, 127, 1971.

[16] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. Сб.: «Памятники древности на Дону». 1, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 3—4.

[17] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 61, рис. 16, *Б*, *65*; рис. 21, *Б*, *42*.

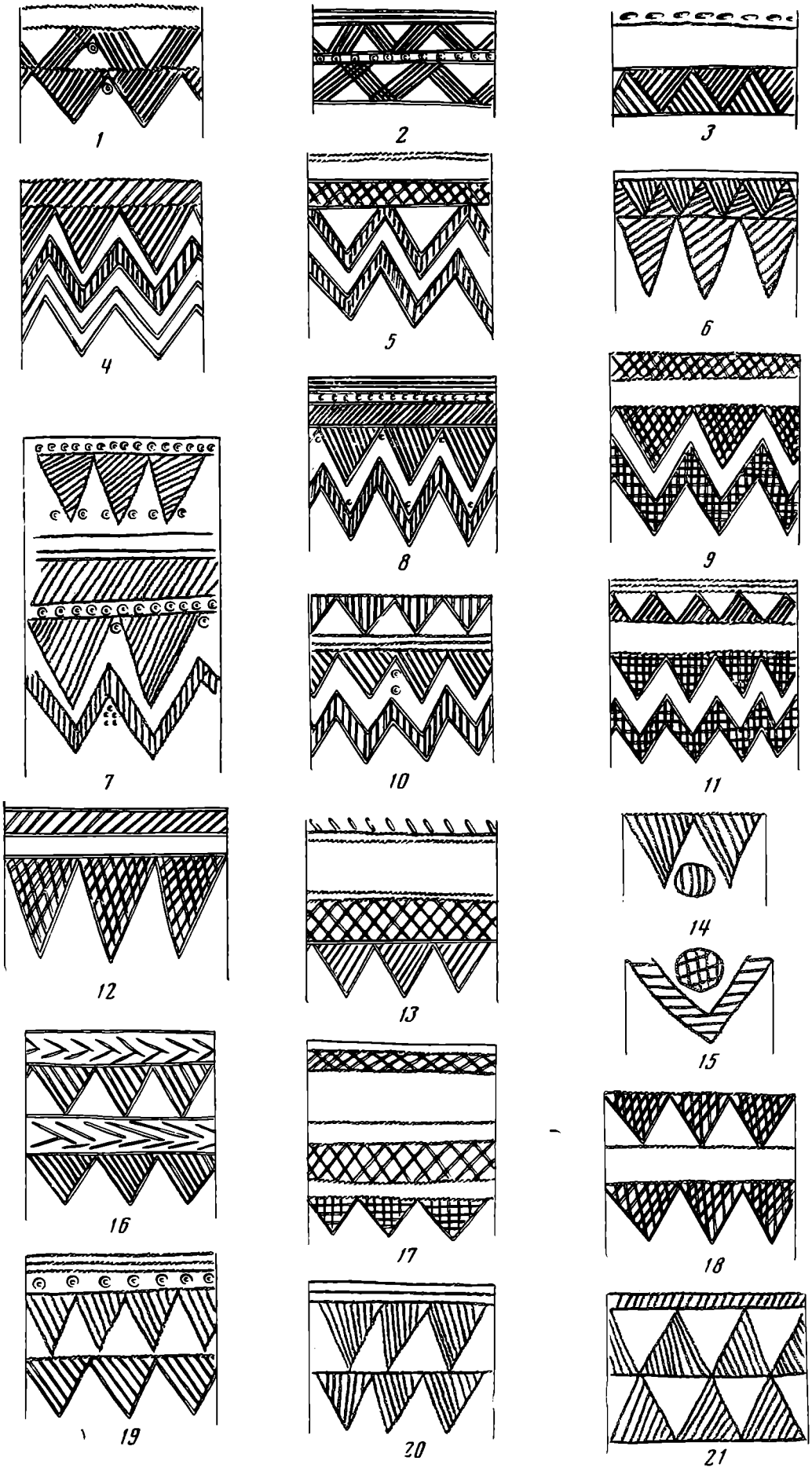


Рис. 10. Композиции орнамента на кубках и кувшинах

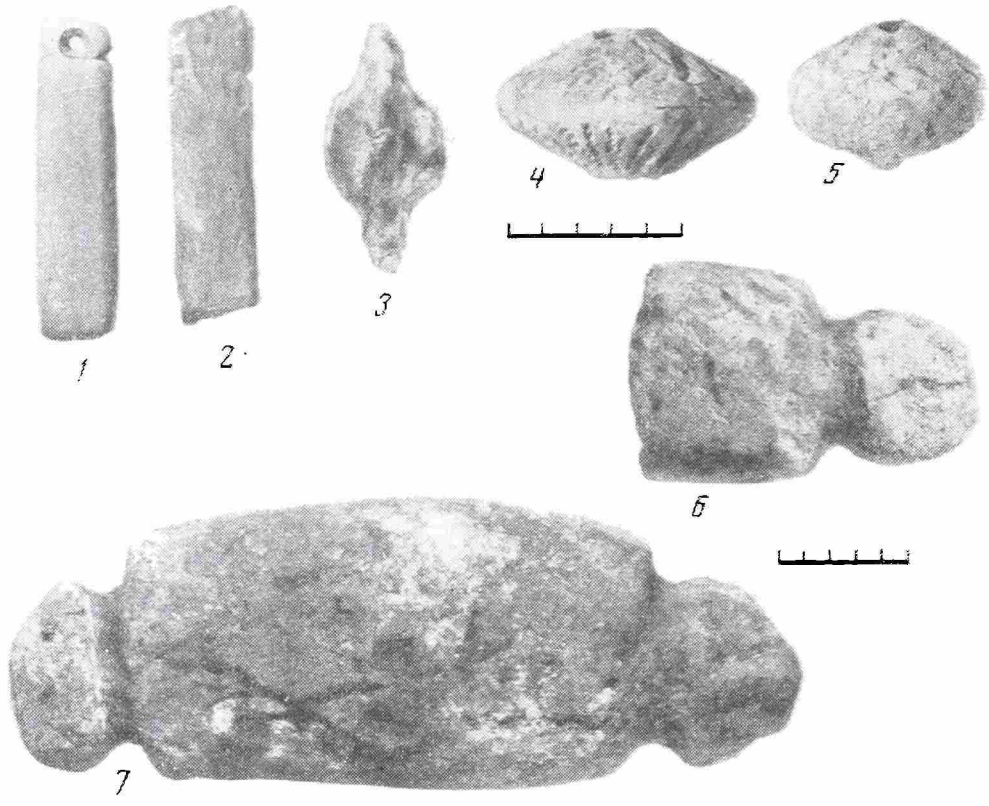


Рис. 11

1, 2 — оселки (Нижнегниловское, землянка 2); *3* — модель колесика (Кобяково, землянка 2); *4, 5* — пряслица (Сафьяново, землянка 1); *6, 7* — грузила (Нижнегниловское, песчаный слой и землянка 3); *1, 2, 6, 7* — камень, *3—5* — глина

дату можно несколько удревнить, так как их прототипы из кости появились в позднебронзовом веке. Из двух степных двуушковых кельтов один (рис. 12, *8*) так называемого киммерийского типа; второй шестигранный — имеет рельефный орнамент (Хапры, 1930, рис. 12, *9*). Подобные кельты известны в Среднем Поднепровье (Балаклея) и на Харьковщине (Трехизбенное) [18]. Три ножа (рис. 12, *10, 11*) принадлежат к известному типу орудий с узкими плечиками и параллельными краями лезвия [19], широко бытовавшему от Днестра до Волги. Все эти изделия относятся ко второму, белозерскому, этапу поздней бронзы.

Несомненный интерес представляют обломок крюкастого коленчатого серпа прикубанского типа (рис. 12, *13*) и восемь четырехгранных шильев, расширяющихся посредине, без насада — типа, появившегося во II тысячелетии до н. э. и получившего затем широкое хронологическое и территориальное распространение. Спиральная пронизь (рис. 12, *12*) по своей форме скорее характерна для периода средней и поздней бронзы на Кавказе. Игла с обломанным верхним концом и два рыболовных крючка (рис. 12, *15*) обычных типов завершают набор металлических предметов из исследуемых памятников.

---

[18] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. I, СПб., 1887, табл. VI, *17*; М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928, табл. IV, *21*, стр. 60.

[19] А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб.: «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 145, 152, 176, рис. 1, *10—13*; 2, *5*, *10*, *17*, *18*; 6, *21*.

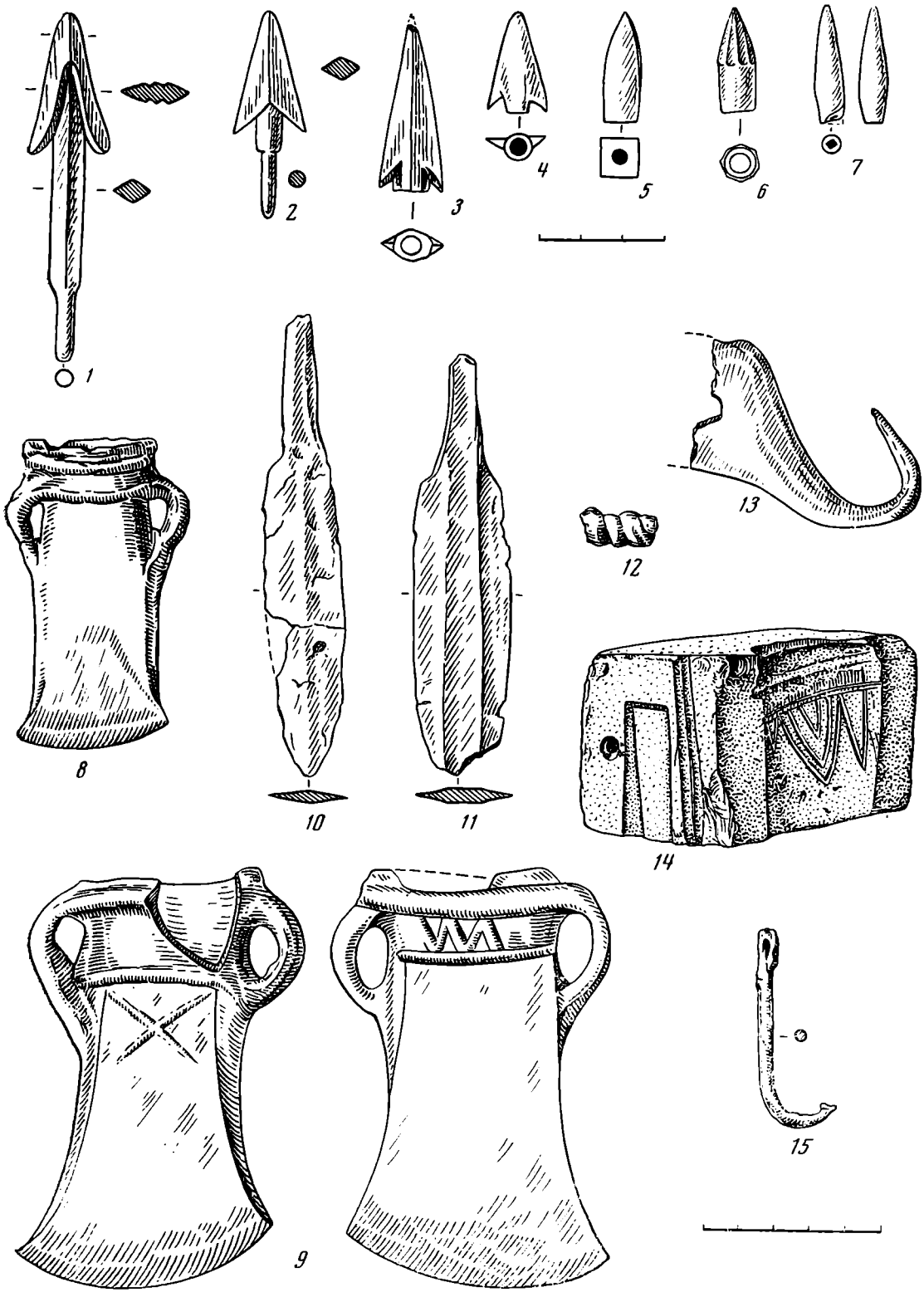


Рис. 12

1—7 — наконечники стрел; *8, 9* — кельты; *10, 11* — ножи; *12* — спиральная пронизь; *13* — обломок рукояти серпа; *14* — литейная форма; *15* — рыболовный крючок. *1—6, 10—15* — Кобяково; *7* — Нижнегниловское; *8* — Сафьяново; *9* — Хапры (*1—6* — кость, *7—13, 15* — металл, *14* — камень)

Обломок каменной многосторонней литейной формы[20] (рис. 12, *14*) дает представление еще о нескольких группах металлических предметов позднебронзового века. Это безушковый кельт с рельефным геометрическим орнаментом, тесло, желобчатое долото и, видимо, заготовка для браслета. Типы этих изделий охватывают значительную территорию: кель-

[20] Э. С. Шарафутдинова. Линейная форма Кобяковского поселения эпохи поздней бронзы. КСИА АН СССР, 103, 1965.

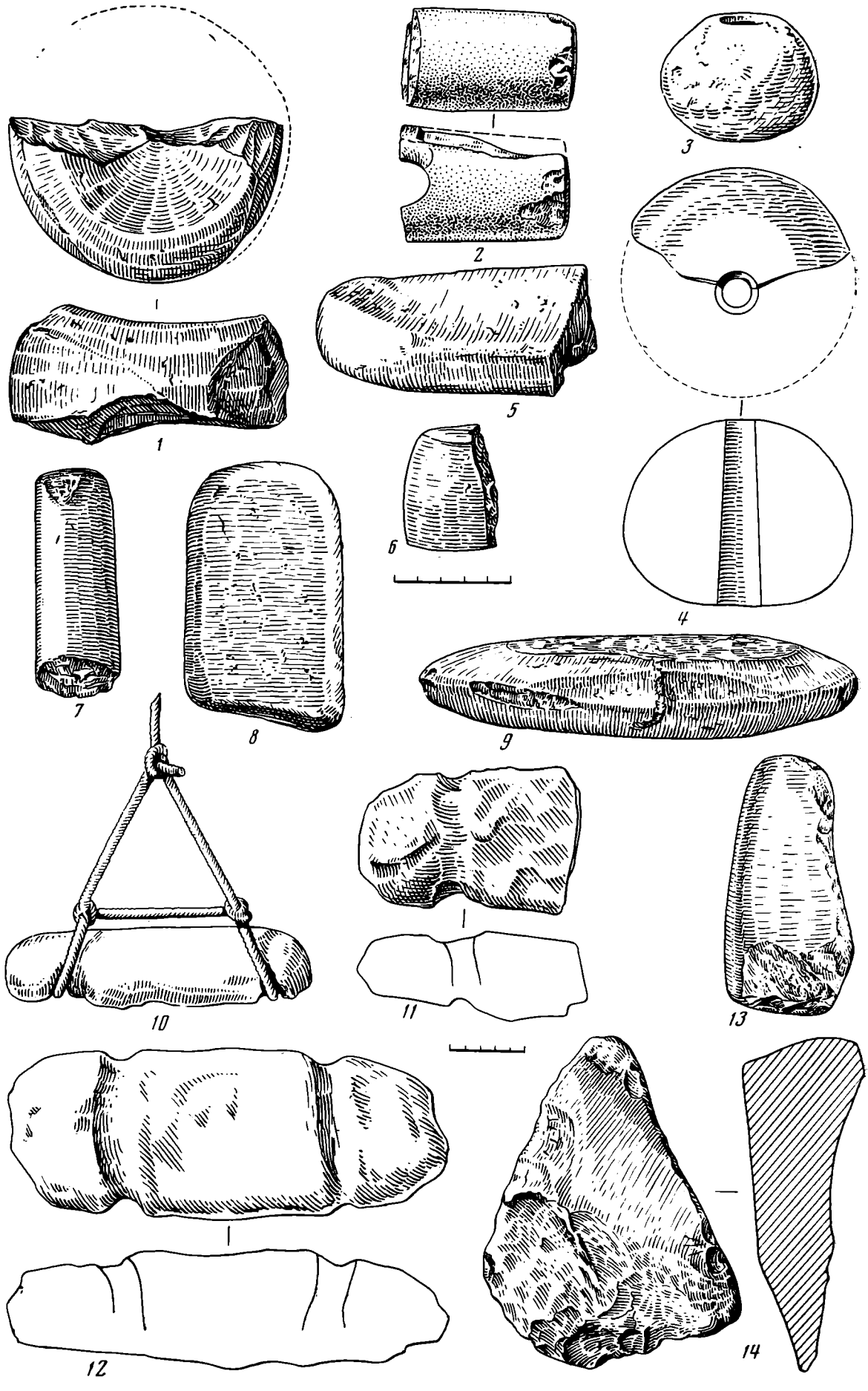


Рис. 13. Кобяково. Каменные изделия.

1 — ступка (золистый слой); *2* — цилиндрический молот (золистый слой); *3, 4* — булавы (землянка 4 и золистый слой); *5, 9* — зернотерки (золистый слой и землянка 2); *6—8, 13* — песты (золистый слой и землянки 2, 4); *11, 12* — грузила (золистый слой и землянка 6); *10* — реконструкция использования грузила; *14* — мотыга (землянка 3)

ты — Поднестровье (Островец); долота — Средний Днепр, Северное Причерноморье и Нижнее Прикамье; браслеты — Ингул и современная Одесская обл.

Химический состав металла кобяковских изделий (медь, оловянистая и мышьяковистая бронза)[21] также типичен для позднебронзовой поры. Металлообработка кобяковского поселения, очевидно, развивалась под воздействием двух металлургических очагов — прикубанского и северопричерноморского[22]. Об этом позволяют думать присутствие мышьяковистых сплавов, а также коленчатый серп и спиральная пронизь, с одной стороны, и двуушковые кельты и ножи с параллельными сторонами лезвия — с другой. Это двустороннее влияние связано скорее всего с расположением Нижнего Подонья на границе двух этнокультурных областей — Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

Кобяковские сосуды сближаются с так называемым ивановским типом, характерным для позднесрубных (белозерских в Северном Причерноморье) памятников. Эти профилированные сосуды имеют очень большой ареал, от низовьев Дуная до Восточного Казахстана и далее на юг; они датируются вторым этапом позднебронзового века и являются тем компонентом, который объединяет предскифские культуры евразийских степей. Кобяковские горшки отличаются от слабо профилированных кухонных сосудов первого сабатиновского этапа[23] позднебронзового периода в Северном Причерноморье. Но кобяковский углубленный орнамент, типичный в целом для срубных сосудов Волги и Дона, на которых он более разнообразен, здесь составляет простой узор. Украшения оттисками зубчатого штампа, косыми «крестиками» и пальцевыми вдавлениями, свойственные позднесрубной керамике на всей территории ее распространения, на кобяковских горшках встречаются в единичных случаях. Отсутствует на кобяковских горшках и влияние культуры многоваликовой керамики, проявляющееся на сабатиновских сосудах. Не известны в нашей керамике также и крышки, столь характерные в белозерских и особенно в сабатиновских комплексах.

В керамическом наборе иных степных памятников такой тип посуды, как плошки, блюда, сковородки, жаровни, встречается довольно часто, преимущественно на втором этапе поздней бронзы[24]. Немногочисленные кобяковские плошки отличаются от подобных сосудов на других территориях отсутствием приема разрезания перед обжигом, более тонкими стенками и редкой орнаментацией.

Основные формы кобяковской столовой посуды представляют лощеные кубки и кувшины. Этот тип сосудов распространяется именно в предскифское время в украинской Лесостепи и восточноевропейских степях, включая и Северный Кавказ. В более ранних сабатиновских комплексах этих сосудов немного меньше, чем в белозерских[25] и особенно кобяковских памятниках.

На наших поселениях кубки и кувшины имеют различия в форме (бомбовидность, отсутствие уступа на плечиках, невысокое горло у кубков) и особенно в геометрической орнаментации, исполненной двумя приемами, что резко выделяет весь керамический набор и соответственно всю группу этих поселений среди всех остальных памятников. В Северном

---

[21] Спектральный анализ металлических предметов произведен в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР.

[22] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце меднобронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 75—124; его же. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 27—29.

[23] А. М. Лесков. Кировское поселение. Сб.: «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 16—23, рис. 10—12. Археологія Української РСР. Київ, 1971, стр. 415—416, 420—421, рис. 116.

[24] И. Н. Шарафутдинова. К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, 3, стр. 25, 28.

[25] Там же, стр. 25, рис. 2, 17, 18, 24, 37, 41, 42, 46, 47.

Причерноморье мотивы этой орнаментации (резьба или мелкозубчатый штамп) очень просты по сравнению с кобяковскими и применяются реже (некоторым исключением является пос. Тудорово на Днестре). Веревочный же узор и его сочетание в одном комплексе с врезным присущи лишь кобяковской лощеной посуде и никакой другой.

К прочим отличиям кобяковских кубков и кувшинов относятся: редкие случаи украшения налепами и зубчатым штампом, а также отсутствие каннелюр и инкрустации белой пастой. Кроме того, среди кобяковских лощеных сосудов процент черпаков меньше, чем в сабатиновской столовой керамике. Общим для кобяковской и остальной степной и среднеднепровской посуды этого типа является лишь мотив свисающего треугольника, вообще более всего распространенный в геометрическом орнаменте.

Орнаментальные композиции, присущие кобяковской лощеной керамике, не встречаются на степной и лесостепной (Днестр, Днепр) лощеной посуде. Но на предскифских лощеных кувшинах и кубках Северного Кавказа среди различных врезных узоров присутствуют отдельные композиции, совпадающие с типично кобяковскими (рис. 10, *7—13*, *17*): свисающие заштрихованные треугольники с зигзагообразными лентами под ними (Алхасты, Николаевский могильник, Хаджохский навес III) и горизонтальные линии, под которыми свисают такие же треугольники (Змейское) [26]. К тому же некоторые кувшины Змейского поселения и Каменномостского могильника[27] по форме напоминают бомбовидные кобяковские кувшины (рис. 8, *6*, *9*).

Лощеные кувшины из некоторых погребений VIII—VII вв. до н. э. Волго-Донского междуречья (Норки, Соленый, Алитуб) по форме и одному из видов орнаментации (врезной геометрический узор) близки к бомбовидным кобяковским и предскифским северокавказским кувшинам. Исследователи справедливо видят в этих сосудах влияние Северного Кавказа [28]. Черпаки, численно незначительные в кобяковской столовой керамике, имеют гладкие ручки, сходные по форме с ручками белозерских черпаков. Этот тип посуды в предскифский период распространен в лесостепных и степных памятниках к западу от Дона и на Северном Кавказе. Миски, относящиеся в кобяковской керамике по качеству выделки в основном к столовой посуде, принадлежат к форме, в общем не характерной для степных памятников и встречающейся там довольно редко. Но в столовой посуде этого времени из Среднего Поднестровья и Поднепровья, а также Северного Кавказа (Каменномостский могильник, поселения Змейское, Бамут, Новосвободненское I и Сержень-Юрт) миски составляют отдельную группу, причем по деталям формы, тщательности выделки и нарядной орнаментации они отличаются от кобяковских экземпляров. Однако присутствие последних в виде отдельной группы в кобяковской посуде, вероятно, позволяет видеть здесь влияние более близкого Северного Кавказа, чем далекой украинской Лесостепи.

В заключение можно сказать следующее. Керамический комплекс исследуемых поселений дельты Дона не столько эклектичен, сколько очень своеобразен и по существу един. Здесь имеются и степные формы, типичные для позднесрубного времени как к западу от Дона (белозерские

---

[26] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXI, 1, 5, 6, 9, 10; XXVI, 1, 4; XXVII, 3, 4; XVII; Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник с. Николаевского. СМАА, II, Майкоп, 1961, стр. 116, табл. 1, *6*; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае. СМАА, II, стр. 57, 58, рис. 15, *2*, *3*; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 19, 20, 23; рис. 3, *2*; 4, *1*; 6, *1*.

[27] Е. И. Крупнов. Ук. соч., табл. XIV, *1—3*; XXIV, *4*; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, табл. III, *1*, *4*.

[28] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 39, 42, рис. 10, *8*; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 28, 108, 109, рис. 60, *1*, *4*; В. П. Шилов. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1962 г. Архив ИА АН СССР, 1962, стр. 65—66.

памятники — Белозерка, Ушкалка II, Бабино IV, Змеевка, Анатольевка, Тудорово I, верхний слой Кирова и др.), так и к востоку от него (позднесрубные памятники — Ивановка, Кайбелы, Зливки, Грачев Сад, хут. Потайновский и др.). Это горшки с валиком или насечками по плечам и плошки-жаровни. С ними сосуществует лощеная посуда — кубки, кувшины, черпаки, миски,— неизвестные в восточных районах срубной культуры и характерные для украинской Лесостепи, Северопричерноморских степей (включая и кизилкобинские памятники Крыма) и Северного Кавказа.

Специфика же всей кобяковской керамики состоит в отсутствии остроребериых и баночных форм, корчаг, а также в наличии пышной орнаментации на лощеных сосудах, нанесенной как врезными, так и веревочными линиями. Разобранные особенности этой керамики настолько существенны, что ее следует считать признаком, присущим культуре лишь кобяковских поселений. Именно этот признак в сочетании с другими указанными нами признаками, тоже свойственными только этим поселениям, служит основанием для выделения в низовьях Дона особой кобяковской культуры конца эпохи бронзы.

Рассмотрев столовую посуду, необходимо подчеркнуть, что лощеные кубки и кувшины этой эпохи обладают чертами, позволяющими выявлять группы памятников и отдельные культуры. Для кобяковских поселений это проявилось наиболее отчетливо. А. А. Иессен, а затем М. П. Грязнов [29] на более широком материале указывали на общее сходство предскифской и раннескифской лощеной керамики, распространенной от Центральной Европы до Сибири, как на результат конвергентности и межплеменных связей.

Веревочный орнамент на лощеной кобяковской посуде в свое время вызывал стремление связывать эту керамику, а вместе с ней и сами поселения с катакомбной культурой или хотя бы с переживанием ее традиций [30]. В погребениях предкавказской катакомбной культуры содержатся сосуды, далекие по форме от наших кубков и кувшинов, но с узором из свисающих заштрихованных треугольников, выполненных врезными или веревочными линиями [31]. Однако мотивы этих узоров не образуют композиций, сходных с кобяковскими. Во всяком случае говорить сейчас о связи этих двух культур, облик которых совершенно различен, невозможно.

Однако веревочный орнамент типичен для сосудов из погребений северокавказской культуры (Кабардинский парк в г. Нальчике, сел. Верхний Акбаш. Константиновское плато, окрестности Кисловодска и пр.) [32]. Большинство мотивов и композиций этого орнамента (несколько горизонтальных линий по основанию шейки или «стропила» со свисающими под ними косо заштрихованными треугольниками; иногда оба эти мотива располагаются в два ряда) совпадают с кобяковскими (рис. 10, *1—3*; 6, *13*, *16*, *19*, *20*). Указанные узоры нередко дополняются вдавлениями полой трубочки, что также типично для кобяковского орнамента. В Кабардинском парке и Верхнем Акбаше имеются сосуды, до некоторой степени сходные с нашими кубками и кувшинами. На это сходство, как и на бли-

---

[29] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Археологические экспедиции ГЭ. 1, Л., 1940, стр. 40—43; М. П. Грязнов. О чернолощенной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 31—34.

[30] И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 84—85; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 24, 1955, стр. 48—49; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 109, 159.

[31] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 39—40.

[32] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 53, 56, 57, 62, рис. 9, *47, 49, 54;* 13, *86, 93;* 18, *3;* 20, *23, 25, 26;* 24, *1;* 25, *9;* 48, *11.*

зость веревочного орнамента, в свое время обратил внимание Б. Е. Деген-Ковалевский (на материалах Кабардинского парка) [33]. В связи с изложенным мы предполагаем, что веревочная орнаментация кобяковской лощеной керамики может иметь истоки на Северном Кавказе.

Хронологическая шкала для бронзового века Нижнего Дона показывает, что кобяковские веревочные узоры нельзя выводить из орнаментальных традиций керамики катакомбной культуры. Во-первых, в период времени между этими культурами существовали две группы памятников — культуры многоваликовой керамики и позднесрубной типа Ливенцовки I [34]. Во-вторых, помимо разницы в форме сосудов, мотивах и композициях орнамента у катакомбной и кобяковской керамики очень существенно и следующее обстоятельство. На катакомбных сосудах узор нанесен веревочкой либо тесьмой, на кобяковских же оттиски тесьмы совершенно отсутствуют.

Таким образом, кобяковские поселения принадлежат не к нижнедонскому варианту позднейшей срубной культуры с сохранением в керамике катакомбных черт, как это утверждалось до сих пор [35], а к самостоятельной культуре, выделенной нами, как было показано, по определенным признакам.

Эта культура занимает узкий район в низовьях Дона. Ее носители, отличающиеся по культуре от степных племен эпохи поздней бронзы, в том числе и от предшествующих им позднесрубных племен самой дельты, являются скорее всего пришлым населением. Может быть, именно этим и объясняется заселение этой сравнительно немногочисленной группой населения, пришедшей на Дон, участков местности, удобных при обороне.

Позднесрубные ливенцовские поселения дельты разнятся от памятников кобяковской культуры не только своей топографией, но и типом жилищ, посудой, формой рыболовных грузил и составом фауны. В их керамическом материале нет ни лощеной посуды, ни вообще форм, которые можно было бы непосредственно связывать с кобяковской посудой. Ливенцовская керамика сближается с сосудами из поселения у хут. Ляпичева на Дону. Непосредственная близость расположения разнокультурных кобяковских и ливенцовских памятников еще раз подтверждает их разновременность, Ливенцовские памятники датируются сабатиновским этапом (XIII—XI вв. до н. э.). Смена этого позднесрубного населения кобяковским произошла в дельте Дона без непосредственного контакта.

На кобяковских поселениях сосуществуют не только обе группы керамики — кухонная и столовая, но и оба типа геометрического орнамента на столовой посуде: более древний — веревочный и более поздний — врезной, представленные в равной степени. Все это говорит о том, что формирование этой культуры происходило не там, где мы ее застаем.

Областью, из которой переселились «кобяковцы», судя по сходству с веревочным орнаментом на сосудах северокавказской культуры и с врезным геометрическим узором на лощеной посуде предскифских памятников Северного Кавказа был, как мы предполагаем, Северный Кавказ (может быть, Прикубанье). Эту гипотезу могут подтверждать также костяные наконечники стрел типа кавказских «площиков», обнаруженные в степях пока лишь на Кобякове. Горшки «ивановского» типа и плошки, поскольку они в предшествующее время в низовьях Дона не встречаются, могли быть восприняты кобяковским населением до его появления на Дону. Не исключено, вероятно, что это произошло где-то в северокавказских степях, куда на рубеже II—I тысячелетий до н. э. началось про-

[33] Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3; стр. 244, табл. I; VI, *1, 2, 6* и рис. 42, *1*.

[34] С. Н. Братченко. Богатошарове поселення Лівенцівка I на Дону. «Археологія», XXII, Київ, 1969, стр. 216—224, 228—231.

[35] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 106 сл.

никновение срубных племен (Маныч, Ставрополье, Алхасты в Чечено-Ингушетии) [36].

О существовании кобяковской культуры на заключительном этапе бронзового века, т. е. в X — начале VIII в. до н. э., свидетельствуют относительная хронология нижнедонских памятников и все типы кобяковских изделий. Наличие в этом же материале каменного цилиндрического молота со сверлиной, нескольких оселков с отверстием на одном конце, костяного пирамидального и бронзового пулевидного наконечников стрел (рис. 11, *1—2*; 12, *5—7*; 13, *2*) позволяют уверенно помещать верхнюю хронологическую границу кобяковских памятников в начало VIII в. до н. э. Имеется одна радиоуглеродная дата — 890 г. до н. э., ±110, которая вполне согласуется с нашей датировкой [37].

Хозяйственная деятельность кобяковского населения также имела специфику. Основу хозяйства составляли пастушеское скотоводство, мотыжное земледелие и сетевое рыболовство. Наибольшее число костных остатков относится к крупному рогатому скоту (28,5%), ему немного уступает мелкий рогатый скот (27%), третье место делят лошадь (17,5%) и собака (17%), четвертое место принадлежит свинье (10%) (определение А. В. Таттар и частично В. С. Байгушевой и А. И. Шевченко). Приведенные данные говорят о существенной роли скотоводства в хозяйстве «кобяковцев» и о том, что видовой состав стада здесь такой же, как и у других лесостепных и степных племен в предскифское время. Но значительный процент костей собаки заметно отличает фауну кобяковских поселений. Костные остатки диких животных незначительны (9,9%). Охота играла вспомогательную роль.

83,7% всех костных остатков принадлежит рыбам довольно крупных размеров (до 165 *см* длины) из семейства осетровых, сомовых, окуневых и др. [38]. В хозяйстве кобяковского населения рыболовству отводилась немалая роль. Столь важное значение этого промысла у других предскифских племен не наблюдается (даже у срубных племен Нижнего Дона, в том числе и дельты).

О занятии «кобяковцев» земледелием говорят многочисленные песты, терочники, зернотерки и ступки, а также единичные экземпляры каменных мотыг и металлических серпов. Это примитивное земледелие, вероятно, было пойменным и как источник питания, видимо, уступало скотоводству, тем более, что пищевой рацион значительно пополнялся и рыбой.

Некоторый перевес скотоводства над земледелием еще не достигает той степени, когда скотоводство приобретает черты кочевого. Состав стада и соотношение видов в нем говорят об оседлости населения. Лошадь, занимавшая третье место в стаде по численности и при этом употреблявшаяся в пищу (раздробленность костей), не была, очевидно, основным средством передвижения. Предпочтение, видимо, отдавалось быку. На прочную оседлость «кобяковцев» указывает и длительность существования их поселков.

Местная обработка металла засвидетельствована находками литейных формочек, плавильных тиглей, металлических сплесков и кусочков шлака. Обжиг глиняных сосудов осуществлялся в специальных производственных постройках, не известных пока на поселениях других лесостепных и степных культур в этот период. Может быть, здесь мы имеем на-

---

[36] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 201—204; А. А. Иерусалимская. Ук. соч., стр. 46, 47; Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 158, рис. 20, *4*.

[37] В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1961, 2, стр. 10.

[38] Определение Л. Д. Житеневой по материалам 1956—1962 гг. М. И. Тихий. Промысловые рыбы Кобякова городища. «Природа», 6, 1927, стр. 509—510.

чальный процесс возникновения общинного ремесла, но продукция которого еще удовлетворяла потребности внутри своей общины.

Какова же дальнейшая судьба кобяковской культуры? В качестве осторожного предположения прозвучала мысль о возможности связи кобяковской керамики с лепной посудой Елизаветовского городища V—III вв. до н. э.[39] В дальнейшем этот вопрос пытались решить положительно[40]. В действительности, в составе лепной елизаветовской керамики (с учетом данных из раскопок Южно-Донской экспедиции 50—70-х годов) присутствуют лишь 35 черепков эпохи бронзы. Среди них только три черепка принадлежат типично кобяковским формам, а другие пять более или менее напоминают их. Остальные фрагменты представляют сосуды позднесрубной, срубной, катакомбной и ямной культур.

Племена этих культур обитали на территории будущего Елизаветовского городища. Но кобяковцы эту же территорию, очевидно, посещали только в период путины, не основав здесь, на низком берегу южного рукава донской дельты, поселка, который просуществовал бы еще 250 лет после прекращения жизни на остальных кобяковских поселениях, т. е. до рубежа VI—V вв. до н. э. Таким образом, генетическая преемственность между предскифской кобяковской культурой и скифской культурой Елизаветовского городища не наблюдается.

Датировка кобяковской культуры неизбежно ставит вопрос о судьбах ее носителей в период бурных событий середины VIII — первой половины VII в. до н. э. В археологической литературе уже выдвигалось положение о близости Кобякова и восточнокрымских поселений (Киммерик I, II, Щебетовка) и о принадлежности всех этих памятников киммерийцам[41]. Однако С. Н. Братченко, исследовав в дельте Дона Ливенцовскую крепость, установил ее связь с этими восточнокрымскими поселениями и включил их в круг памятников Прикубанья III этапа (по В. И. Марковину) с чертами катакомбной культуры и многоваликовой орнаментацией керамики[42].

Заслуживает внимания предположение А. И. Тереножкина о происхождении киммерийцев от племен срубной культуры нашего Юга. Эта мысль поддерживается сейчас и другими археологами[43]. Но необходимо учитывать, что памятники сабатиновского и белозерского этапов Северного Причерноморья, включающиеся исследователями (А. И. Тереножкин, А. М. Лесков) в позднесрубную культуру, отличаются от памятников срубной культуры Волги и Дона тем, что в последних совершенно отсутствует лощеная посуда типа кубков и черпаков. Лощеные кубки появляются в Волго-Донском междуречье лишь в погребениях переходного периода (VIII—VII вв. до н. э.), выделенных К. Ф. Смирновым[44]. Поэтому становится понятным стремление В. Д. Рыбаловой и И. Н. Шарафутдиновой выделять отдельную сабатиновскую культуру.

Возвращаясь к вопросу о киммерийцах и кобяковских памятниках, мы исходим из того, что, во-первых, веревочная орнаментация не применяется на лощеных кубках и кувшинах из степных погребений середины VIII — первой половины VII в. до н. э. на юге Восточной Европы,

---

[39] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, ..., стр. 81.

[40] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 161—190.

[41] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 3—4; И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, 85, 1958, стр. 223—224; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 159—160.

[42] С. Н. Братченко. Исследования Ливенцовской крепости. Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. 1, Киев, 1967, стр. 93—98.

[43] А. И. Тереножкин. Киммерийцы. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 7—8; А. М. Лесков. Нове в стародавній історії півдня України, УІЖ, Київ, 1967, № 2, 100—103; И. Н. Шарафутдинова, Ук. соч., стр. 34.

[44] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 26—40, 182—188.

относимых к киммерийцам; во-вторых, кобяковские племена — население с прочной оседлостью. Участие же «кобяковцев» (наряду с другими племенами) в формировании киммерийцев-конников привело бы, очевидно, к изменению многих сторон их жизни, в том числе и к ликвидации оседлости. В таком случае их культура утратила бы признаки, характеризующие ее как кобяковскую. Может быть, так и произошло впоследствии, т. е. какие-то племена (киммерийцы!) поглотили «кобяковцев», и кобяковская культура исчезла.

Но в материале этой культуры, типичной для конца позднебронзового века, присутствуют несколько изделий, встречающихся в памятниках VIII—VII вв. до н. э. Это убеждает нас, как и значительно пополнившийся за последние годы материал VIII—VII вв. до н. э., в том, что кобяковские поселения хронологически смыкаются с памятниками типа Новочеркасского клада и второй ступени чернолесской культуры.

О такой хронологической позиции можно говорить теперь и для ряда других предскифских памятников (например, верхний слой Кирова, пос. Оскол. Бабино IV, Широчанский могильник, Лукьяновский курган, погребение из Первомаевки и др.). Однако железные изделия, появившиеся в южнорусских степях в VIII в. до н. э., на кобяковских поселениях пока не обнаружены.

Итак, датировка кобяковской культуры тоже расширяет хронологические рамки белозерского этапа, который смыкается, таким образом[45], со временем существования памятников середины VIII — первой половины VII в. до н. э. Выделение культурного пласта VIII—VII вв. до н. э. (А. А. Иессен) и недостаток материала этого и предшествующего времени заставили некоторых исследователей[46] несколько удревнить период поздней бронзы. Но существование памятников поздней бронзы в начале VIII в. до н. э. признавалось и прежде (О. А. Кривцова-Гракова, А. И. Тереножкин, И. Н. Шарафутдинова и др.), а недавно подкрепилось новыми аргументами[47].

Подводя итог, мы можем констатировать, что позднебронзовый век на Нижнем Дону представлен памятниками двух культур: позднесрубной и кобяковской. К многочисленным позднесрубным памятникам относятся впускные курганные погребения, поселения типа хут. Ляпичева и типа Ливенцовки I, а также связанные с последними грунтовые могильники. К кобяковским памятникам принадлежат четыре поселения. Обе эти культуры синхронизируются соответственно с северопричерноморскими памятниками сабатиновского и белозерского этапов, генетически между собой связанными.

На Нижнем Дону между позднесрубными и кобяковскими памятниками существует количественное и территориальное несоответствие и отсутствует непосредственная генетическая преемственность. Первые входят в круг позднесрубных памятников Волги и Дона и располагаются по всей территории Нижнего Дона. Однако нижнедонские позднесрубные памятники неоднородны. На ливенцовской группе дельты сказывается влияние западных степных районов. Это приемы домостроительства (жилища на каменном цокле) и тип надмогильных сооружений (каменные закладки). Поэтому возможно, что в дельту Дона переселилась какая-то часть «сабатиновского» населения из Северо-Западного Причерноморья. На поселениях типа хут. Ляпичева жилыми сооружениями являются землянки, типичные для остальных срубных памятников Волги и Дона. Общи же для позднесрубной культуры Нижнего Дона керамика (формы, близкие к остроребериым, баночные и слабопрофилированные сосуды), погребальный обряд, инвентарь и отсутствие столовой лощеной посуды.

---

[45] А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. МИА, 177, 1971, стр. 85—91.

[46] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1.

[47] В. С. Бочкарьов. Кіммерійскі казани. «Археологія», 5, Київ, 1972.

Возникает вопрос, продолжают ли существовать нижнедонские позднесрубные памятники за пределами дельты на белозерском этапе, синхронизируясь, таким образом, с кобяковскими. Если это так, то население обеих культур, очевидно, не контактирует, во всяком случае настолько, чтобы можно было видеть в археологическом материале черты взаимовлияния или преемственности.

Поселения белозерского этапа с лощеной посудой к востоку от Днепра (самое восточное из них — Куцая Бердынка) кроме кобяковских, принадлежащих к иной культуре, нам еще неизвестны. То же можно сказать и о поселениях сабатиновского этапа с лощеной посудой; юго-восточная граница их ареала доходит до Северного Приазовья (Обиточная 12, 20).

Памятники кобяковской культуры занимают небольшой район дельты Дона и обладают специфическими чертами, сочетая в себе степные позднесрубные и северокавказские элементы, что отражает историческую ситуацию, сложившуюся в низовьях Дона в конце бронзового века. В этот период дельта Дона — район влияния Северного Кавказа.

Северокавказское воздействие на кобяковскую культуру выглядит вполне понятным и на фоне всего предшествующего исторического развития Нижнего Подонья. Влияние Северного Кавказа на эту территорию прослеживается с ранних эпох. Об этом свидетельствуют верхнепалеолитическая стоянка «Каменная балка», энеолитическое Константиновское поселение, погребения майкопской и предкавказской культур, Ливенцовская крепость, близкая к памятникам III этапа северокавказской культуры, клады металлических изделий прикубанского типа под Ростовом-на-Дону [48] и, наконец, кобяковские поселения.

E. S. Charafoutdinova

ETAPE FINALE DE L'ÂGE DE BRONZE TARDIF DANS LE COURS INFÉRIEUR DU DON (MONUMENTS DE LA CIVILISATION DE KOBIAKOVO)

Résumé

Durant les années 50—70, pendant dix saisons champêtres, dans le delta du Don les fouilles des sites d'habitation d'un groupe kobiakovien — Kobiakovo, Nijnégnilovskoïé Khapry, Safianovo (fig. 1) — ont eu lieu dûes aux efforts conjugués des missions archéologiques de l'Institut d'Archéologie (filiale de Léningrad) de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et du Musée régional de Rostov. L'étude approfondie de ces monuments nous a permis de distinguer une civilisation particulière de Kobiakovo appartenant à la deuxième étape de l'âge de Bronze tardif (X — debut de VIII s. s. avant notre ère). Les signes caractéristiques de cette civilisation sont: la topographie des lieux d'habitation (les sites protégés par les abris naturels), méthodes de la construction (étapes), aménagement et destinations des habitations (revêtement en pierre des murs des maisons souterraines et existence des locaux destinés à l'activité productrice), compexe de poteries, lestes de filet d'une forme originale et composition de la faune.

La poterie de la civilisation kobiakovienne est constituée de deux composants essentiels: ce sont, d'une part, des ustensiles cuisiniers de type steppique (récipients à profil bien prononcé et jattes) se rattachant aux formes tardives de la civilisation des tombes à charpentes; et, d'autre part, des récipients lustrés à table (coupes et aiguières en général) décorés de lignes géometriques incisées ou obtenues par l'impression de corde assez proches aux poteries de la Bronze moyenne et tardive du Caucase septentrional. De là — l'hypothèse des origines nord — coucasiennes de la civilisation kobiakovienne. Donc ses porteurs représentent la population allochtone qui a remplacé dans le delta les tribus tardives des tombes à charpentes des XIII—XI s.s. avant notre ère.

Dans l'économie des pasteurs sédentaires kobiakoviens qui pratiquaient aussi la culture de sol primitive, la pêche à filet tenait la place non négligeable et qui, à cette période, ne connaissait de telle extension nulle part ailleurs. La disparition de la civilisation kobiakovienne est dûe, semble-il, au mouvement cimmérien.

[48] В. С. Бочкарев. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской области. КСИА АН СССР, 132, 1972.

И. Т. НИКУЛИЦЭ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ГЕТОВ В IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Первые сведения о гетских погребальных ритуалах появились в конце XIX и в начале XX в.[1] Однако эти и последующие работы обычно носили случайный характер. Изучались в основном отдельные, изолированные погребения.

В результате археологических раскопок, проведенных в послевоенные годы на территории Советской Молдавии, Социалистической Республики Румынии и Народной Республики Болгарии, были открыты и исследованы 20 гетских могильников IV—III вв. до н. э. В настоящее время в распоряжении исследователей находятся 260 гетских погребений — материал вполне достаточный для изучения погребального ритуала. Оно облегчается и тем, что раскопанные могильники и отдельные погребения расположены в различных частях Балкано-Днестровского района, тем самым охватывая почти всю территорию расселения гетов. Накопленный материал позволяет изучить погребальный обряд и определить основные черты духовной культуры гетов.

Вопрос о погребальном обряде гетов затрагивался многими исследователями[2]. Однако наиболее полно он рассматривается в работах В. Пырвана и Д. Протасе. Особый интерес представляет отношение к этому вопросу И. Кришана, Д. Пипиди, Д. Берчу.

Известный румынский археолог В. Пырван одним из первых попытался изучить погребальный обряд всей территории расселения гетов. В сводной работе «Гетика» он дает анализ могильного инвентаря и ритуала гетов и даков более позднего времени (III—I вв. до н. э.)[3]. Что же касается предшествующего периода (IV—III вв. до н. э.), то В. Пырвану, по его собственному признанию, не был известен ни один более или менее исследованный гетский могильник этого времени[4]. Тем не менее, когда автор рассматривает гетские могильники, то среди поздних он отмечает и могильники, явно принадлежащие к IV—III вв. до н. э.[5].

В своих заключениях по погребальному обряду В. Пырван не делает никаких разграничений во времени и в конечном итоге приходит к вы-

---

[1] Открытия Тейча 1900 г., опубликованные впоследствии И. Кришаном; I. H. Crişan. Morminte inedite din sec. III in e. n. in Transilvania. Acta Musei Napocensis, I, 1964, p. 102; открытия; Ч. Боллияк. Trompeta Carpaţilor, 1010, 1872.

[2] V. Parvan. Getica. O protoistorie a Daciei B. 1926, p. 629—633, 720; D. Protase. Considerations sur les rites funeraires des Daces «Dacia», n. ser.. VI, 1962, p. 173—184; его же. Riturile funerare la daci şi dacoromani. Bucureşti, 1971, p. 11—82; I. H. Crisan. Ceramica daco-geticä. Bucureşti, 1969, p. 23—29, 218; D. Pippidi şi D. Berciu. Din istoria Dobrogei. I, 1960, p. 122—126; Istoria Rominiei, I, 1960, p. 213; Э. Бужор. О гето-дакийской культуре и Муригиоле. «Dacia», II, нов. сер., 1958, стр. 128—141. Этот вопрос затрагивался также в публикациях и отчетах о полевых исследованиях советских, болгарских и румынских археологов, проводивших раскопки на гетских памятниках IV—III вв. до н. э.

[3] V. Parvan. Getica, p. 620, 629.

[4] Ibidem, p. 626.

[5] Ibidem, p. 629.

воду, что погребальный обряд у гетов в латенскую эпоху является продолжением ритуала, распространенного, по его мнению, «...еще с эпохи бронзы IV, с трупосожжением, как общее правило» [6].

Если даже допустить, как делает автор, что латен начинается с III в. до н. э., то и это не оправдывает его вывод о всеобщности трупосожжения, ибо раскопки показали, что на том же могильнике Зимнича, который он относит к III—I вв. до н. э., встречаются погребения с трупоположением [7]. Более того, на могильниках Брашов, Сфынту Георге (Бедехаза), относящихся к I в. до н. э.— I в. н. э.— периоду, когда, согласно мнению В. Пырвана, трупосожжение у гетов и даков являлось единственным способом захоронения,— известны погребения с трупоположением [8].

Ошибочный тезис В. Пырвана о всеобщности трупосожжения у гетов был воспринят впоследствии многими исследователями и настолько укоренился, что некоторые из них, вопреки фактам, придерживаются его и поныне [9].

Из наиболее поздних работ особого внимания заслуживают работы Д. Протасе, которые собственно и посвящены погребальному ритуалу. Для более полного изучения погребального обряда он привлекает материалы почти со всех могильников, известных на территории Румынии, начиная с V в. до н. э. и вплоть до I в. н. э., объединяя, таким образом, памятники, принадлежавшие различным историческим эпохам.

Автор склонен считать, что у даков (следует понимать гетов и даков) существовало четкое единообразие могильного ритуала, а те различия, которые иногда наблюдаются, являются кратковременными, случайными исключениями [10]. Отсутствие разграничения во времени, а также по территории, которое Д. Протасе считает нецелесообразным [11], привело его к выводу о единообразии погребального обряда на всей территории современной Румынии, притом на протяжении всего периода с V в. до н. э. по I в. н. э. [12] Действительно, на некоторых могильниках — Сату Ноу [13], Телица [14] (IV—III вв. до н. э.) — все погребения совершены по обряду трупосожжения. Однако на таких, как Пояна [15], все погребения представляют собой трупоположения, а на гетских могильниках Ханска-Лутэрия, Янково и дакийском Дезимир [16] налицо оба обряда.

Классификация форм погребального обряда в указанных работах дана лишь в общих чертах. Д. Протасе положил в основу своей классификации формы могильных ям погребений. Однако основная часть захоронений на могильниках IV—III вв. до н. э. совершена в черноземном грунте, и форму могильных ям выявить невозможно. Поэтому некоторые способы захоронений, практиковавшиеся у гетов и даков, не нашли своего отражения в работах.

Столь пространный период времени, взятый автором для изучения погребального обряда, на мой взгляд, нуждается в разработке классификации форм и способов захоронений для каждого могильника в отдельности. Такая подробная классификация позволила бы найти общие и специфи-

---

[6] Ibidem, p. 632.

[7] Săpăturile arheologice de la Zimnicea. Studii. Revista de ştiinţă şi filosofie, II, 1, 1949, p. 123—124.

[8] D. Protase. Op. cit., p. 178—179.

[9] H. Daicoviciu. Dacii. Bucureşti, 1965, p. 48.

[10] D. Protase. Considerations sur les rités..., p. 182; idem Riturile, p. 76.

[11] D. Protase. Riturile funerare..., p. 13.

[12] D. Protase. Considerations sur les rifés..., p. 182.

[13] B. Mitrea. C. Preda, N. Anghelescu. Săpăturile de la Satu Nou. MCA, VII, 1961, p. 283—287; его же. Şantierul Satu Nou. Necropola geto-dacica. MCA, VIII, 1962, p. 369—372.

[14] G. Simon şi Gh. Cantacuzino. Cercetarile arheologice de la Teliţa. MCA, VIII, p. 373—381.

[15] R. Vulpe. Şantierul Poiana. SCIV. III, 1952, p. 194—195; Цв. Дремсизова. Надгробни могилы при с. Янково. ИАИ, XIX, София, 1955, стр. 61—82.

[16] I. H. Crişan. Morminte inedité.., p. 91—107.

ческие черты между могильниками IV—III вв. до н. э. и II в. до н. э.—I в. н. э. Она показала бы степень изменения погребального обряда во времени, а также степень влияния иноземных племен на погребальный обряд, особенно после III в. до н. э., когда происходило вторжение бастарнов с севера и кельтов с юго-запада. Любопытно, что, рассматривая погребальный обряд на столь большом хронологическом отрезке, автор упорно называет население, жившее на рассматриваемой территории, даками, хотя привлекает памятники (Муригиоль, Сату Ноу, Пояна), явно принадлежавшие гетам.

Для изучения погребального обряда во всех его аспектах представляется необходимым привлекать материалы со всех известных могильников и отдельных погребений различных областей территории расселения гетов, детально классифицировать их по способам захоронений, а не по форме могильных ям, и, сопоставляя весь этот материал, выявлять общие черты погребального обряда гетов в IV—III вв. до н. э., а также и его особенности в разных районах рассматриваемой территории.

Из общего числа могильников только 11 почти полностью исследованы, остальные представлены небольшим количеством погребений, которые не всегда способны дать исчерпывающую картину могильника. В общей же массе всех погребений они дают возможность уточнить и выяснить наиболее кардинальные вопросы погребального обряда различных областей.

В рассматриваемое время у гетов встречаются два вида могильников: курганные и грунтовые. Число курганных могильников незначительно. Известны всего пять могильников и один одиночный курган (табл. 1). Количество курганов, входивших в состав могильников, разное. На могильнике Зимнича[17] отмечены 19 курганов, в Браничево[18] — 11, Янково[19] — 4, Друмево[20] — 20. Занимаемая площадь и расположение курганных могильников довольно разнообразны. Так, могильник близ Браничево состоит из 12 курганных насыпей, расположенных на площади около 10 000 *м*²[21]. 20 курганных насыпей, составляющих могильник близ с. Друмево, занимают всего 2000 *м*²[22]. Расположены курганы беспорядочно по всей площади могильника. Только в Янково все четыре кургана расположены в один ряд по направлению север — юг, на расстоянии друг от друга от 20 *м* и более. Не одинаково и устройство насыпей курганов. На могильниках Зимнича, Янково, Телица и большей части погребений из Браничево курганная насыпь грунтовая. Насыпи трех курганов из Браничево состоят из кусков необработанного камня и земли. В Аджигиоле помимо слоя камней и земли погребение покрыто слоем ила[23]. Размеры курганных насыпей неодинаковы. На могильнике Зимнича высота курганов не превышает 0,5 *м*, в Браничево высота насыпей колеблется от 0,25 до 1,35 *м*, диаметр от 5 до 15 *м*, в Янково соответственно высота от 0,7 до 15 *м*, диаметр от 32 от 41 *м*. Количество впускных погребений в разных курганных насыпях неодинаково. Преобладают захоронения с трупосожжением. На могильнике Зимнича впускные погребения расположены вокруг основных захоронений по краю курганов[24]. В кургане № 6 из Телица[25] и № 2 из Друмево[26] впускные погребения расположены

[17] R. Vulpe. Aşezări getice din Muntenia. Bucuresti, 1966, p. 20, fig. A.

[18] Цв. Дремсизова. Могилният некропол при с. Браничево, ИАИ, XXV, 1962, стр. 165, 166—186.

[19] Цв. Дремсизова. Нагробни могили при с. Янково, стр. 61—69.

[20] Цв. Дремсизова. Могилен некропол при с. Друмево. «Археология», VII, 4, 1965, стр. 54. Всего исследовано на могильнике Друмено 18 погребений, поэтому в таблицах I и III отмечаются только раскопанные погребения.

[21] Цв. Дремсизова. Могилният некрополя, стр. 165.

[22] Там же, стр. 54.

[23] D. Berciu. Arta traco-getica. Bucuresti, 1969, p. 39.

[24] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 122—124.

[25] G. Simion si Gh. Cantacuzino. Op. cit., p. 373—380.

[26] Цв. Дремсизова. Могилен некропол, стр. 54—57.

к югу от основного захоронения. В остальных курганных захоронениях определенного расположения впускных погребений не наблюдается.

Если обратиться к топографии могильников, то необходимо отметить одну любопытную особенность, характерную как для бескурганных, так и для курганных могильников. Почти все они расположены или на возвышенностях, или на труднодоступных мысах[27], в крайнем случае, на склонах[28] недалеко от поселений.

На бескурганных могильниках погребения, сейчас лишенные внешних признаков, в древности, очевидно, имели какие-то знаки, может быть в виде небольших насыпей, которые со временем исчезли. Ни на одном могильнике не отмечались случаи нарушения ранних погребений более поздними.

Погребения с трупоположением и трупосожжением залегали на одной и той же глубине. Располагались они большей частью вперемешку. Только в редких случаях можно выделить отдельные районы, где погребения с трупоположением расположены более компактно.

Так, на могильнике Ханска-Лутэрия (Молдавская ССР) погребения с трупоположением расположены компактнее в его северо-восточной части. Об одновременности погребений с трупоположением и трупосожжением и их единой этнической принадлежности свидетельствует идентичность могильного инвентаря. Так, на могильнике Зимнича в одном из погребений с трупоположением найдена лепная чаша[29], ничем не отличающаяся от подобных же чаш из захоронений с трупосожжением, найденных на многих гетских могильниках. Во втором погребении из могильника Мургиоль II были найдены миска, железный нож, бронзовая стрела и бронзовый браслет — идентичные материалам из погребений с трупосожжением[30]. Сосуды, явно принадлежащие гетской культуре IV—III вв. до н. э., найдены в погребении с трупоположением в Пояне[31]. Полная идентичность керамики погребений с трупоположением и трупосожжением наблюдается на могильнике Ханска-Лутэрия. На некоторых (Ханск-Лутэрия и др.) могильниках погребения расположены рядами. Густота захоронений не очень большая. Так, на могильнике Ханска-Лутэрия на общей раскопанной площади 1106 $м^2$ найдено 44 погребения, при этом в центре могильника они расположены гуще, а на его периферии значительно реже. В среднем на этом могильнике одно погребение приходится на 25,13 $м^2$. На могильнике Сату Ноу на раскопанной площади в 1200 $м^2$ найдено 44 погребения, в среднем на 25,8 $м^2$ — одно погребение.

Ввиду того что в рассматриваемое время бескурганные захоронения совершались на незначительной глубине от 15 до 50 *см*, в черноземном грунте, контуры большинства могильных ям проследить не удается.

Известны грунтовые могилы и сооружения на древней дневной поверхности. Прослежены четыре типа грунтовых могил.

1. Простые могильные ямы: а) круглые в плане, диаметр 50—60 *см*, глубина 20—30 *см*. Такие могильные ямы известны на могильниках Телица[32], Ханска-Лутэрия и др.[33]; б) четырехугольные в плане 2 *м* в длину

---

[27] И. Никулицэ. Раскопки гетского могильника «Лутэрия» у с. Ханска. Научная конф. по итогам н.-и. работ за 1966 г. Секция общ. наук. Сокращ. тексты докл. Кишинев, 1967, стр. 102.

[28] B. Mitrea, C. Preda, N. Anghelescu. Op. cit., p. 283; V. Culica. Morminte de incineratie din necropola geto-dacica de la Gradistea. SCIV, XIX, 1, 1968, p. 153; Exp. Bujor. Săpăturile de la Murighiol. SCIV, VI, 3—4, 1955, p. 371.

[29] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 124.

[30] Э. Бужор. Ук. соч., стр. 127—128, 156, рис. 7 (*12*).

[31] R. Vulpe. La civilisation dace a la lumiere des fouilles de Poiana. «Dacia», I, n. ser., 1957, p. 147.

[32] G. Simion si Gh. Cantacuzino. Op. cit., p. 168.

[33] И. Никулицэ. Раскопки гетского могильника Лутэрия с. Ханска. Уч. зап. КГУ, 95, Кишинев, 1968, стр. 168.

и 0,80—0,90 *м* в ширину, глубина та же, что и круглых ям. Они характерны, в основном, для захоронений с трупоположением, хотя в них встречались и трупосожжения [34]. Такие могильные ямы хорошо известны в Муригиоле [35], Слободзия [36]. Простые грунтовые могилы были основным типом погребального сооружения у гетов IV—III вв. до н. э.

2. Могилы с каменными цистами: а) четырехугольные каменные цисты наподобие ящиков из больших каменных плит. Найдены больше всего на могильниках Буджеак-Остров, Друмево, Муригиоль. Такие цисты обычно содержат совместные погребения, хотя часто встречаются в них и одиночные. Четырехугольные цисты сооружались следующим образом: в обыкновенной яме [37] делали каменный настил прямоугольной формы [38], из камня воздвигали и стены. Сверху их покрывали каменными плитами; б) цисты в виде каменной обкладки урн. Это обыкновенная каменная обкладка, обведенная вокруг сосуда-урны [39].

Строительный материал цист был неоднороден, что и отражалось на состоянии исследованных могил. Маленькие цисты сооружались из необработанных кусков камня. Для сооружения стен больших цист наряду с большими плитами использовались и маленькие из необработанного камня, и, разумеется, со временем построенные таким образом цисты развалились. Вот почему на могильниках на месте цистового потребения часто находят сосуды под развалом груды камней [40].

3. Катакомбные могилы. Пока известно всего три. Две из них с четырехугольной входной ямой, одна — с круглой. Какатомбные могилы с четырехугольной входной ямой сооружались следующим образом. Первоначально рыли траншею-коридор. К концу траншея несколько расширялась, образуя нечто вроде входной камеры. Траншея, как и могильное сооружение в целом, ориентирована на север — юг. В северной стене входной ямы вырыта катакомба прямоугольной формы с размерами 2,80 × × 2,70 *м*, при высоте 0,70 *м*. Со всех сторон она облицована необработанным камнем, сложенным без раствора. Вторая катакомбная могила сооружена таким же образом, только лишена входной камеры и каменной облицовки стен. Ориентирована так же на север — юг [41]. Над каждым из этих двух катакомбных погребений воздвигалась земляная насыпь. Оба кургана входят в могильник Зимнича.

Катакомбная могила с круглой входной ямой. Найдена на могильнике Браничево в кургане 10[42]. Она представляет собой круглую яму глубиной 1,5 *м* и диаметром 0,60 м, заполненную доверху камнем. На дне ямы была сделана катакомба длиной 1,20 *м*, шириной 1 *м*, высотой 0,80 *м* (рис. 1, *1*). Катакомбные могилы находятся только в курганах.

4. Погребальные сооружения в виде печи. Известны два таких сооружения: а) погребение в виде печи из Поянешты [43] было сделано в круглой яме диаметром 4,30 *м*, глубиной 1,5 *м*. Печь построена из глиняных валиков. Глина для прочности была перемешана с соломой. Стены сохранились на высоту до одного метра; б) второе сооружение в виде печи было обнаружено на курганном могильнике Зимнича [44]. Оно имело, судя по сохранившейся части, прямоугольную в плане форму. Печь сооружена из камня и глины. Оба эти сооружения, видимо, строились по общему

[34] D. Protase. Riturile funerare..., p. 46—47.

[35] Э. Бужор. О гето-дакийской культуре, стр. 127; Exp. Bujor. Săpăturile de salvare de la Murighiol. MCA, III, 1957, p. 247.

[36] D. Protase. Riturile funerare..., p. 46—47.

[37] Exp. Bujor. Săpăturile de salvare de la Murighiol. SCIV, VI, 3—4, 1955, p. 574.

[38] G. Simion si Gh. Cantacuzino. Op. cit., p. 319.

[39] Exp. Bujor. Op. cit., SCIV, VII, 3—4, p. 574.

[40] На некоторых могильниках большинство цист разрушено.

[41] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 124.

[42] Цв. Дремсизова. Могилният некропол при с. Браничево, стр. 165—185.

[43] R. Vulpe. Sapaturile de la Poenesti. Materiale arheologice privind istoria veche a RPR. 1953, p. 223, 311—313.

[44] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 121—122.

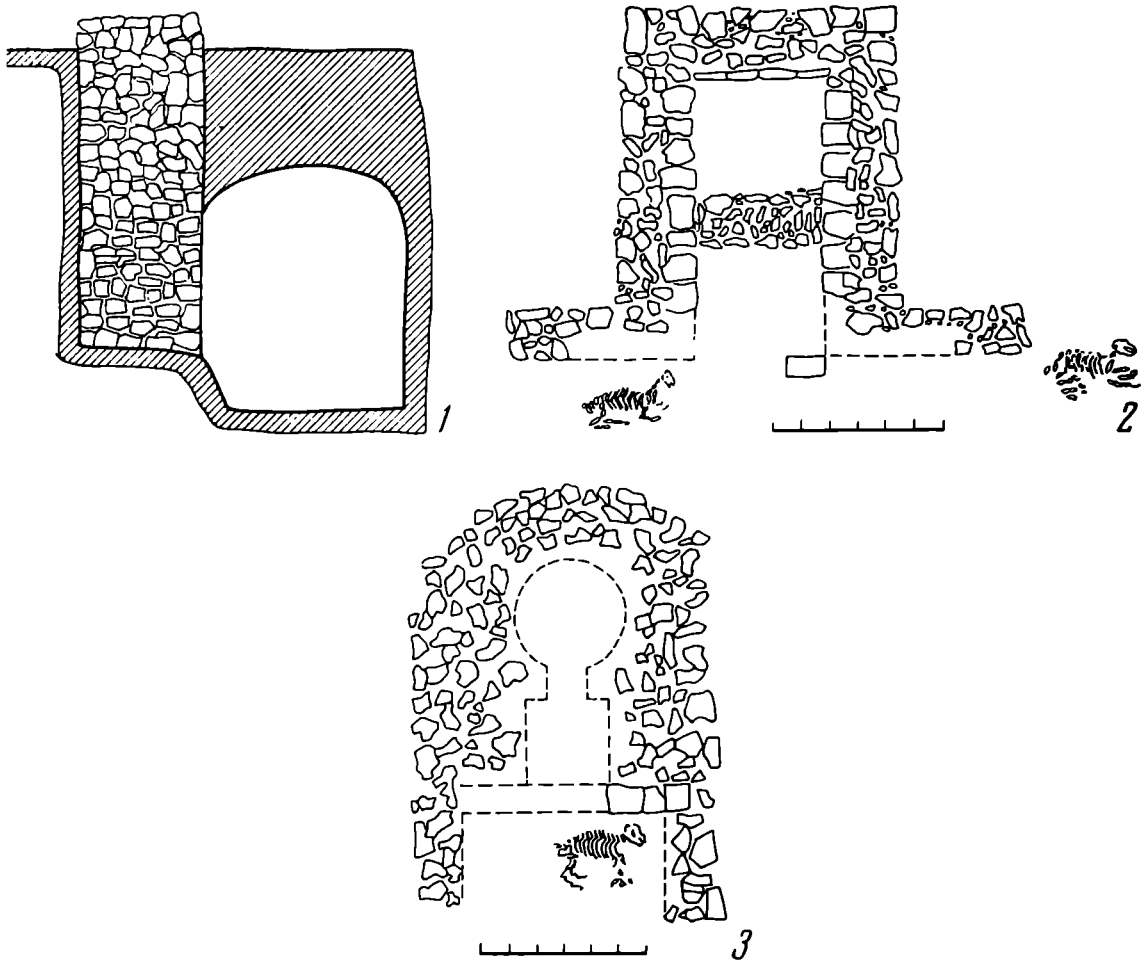


Рис. 1. Погребальные сооружения гетов

1 — катакомбное захоронение из Браничево, *2* — погребение со стрельчатым перекрытием из Янково, *3* — купольная гробница из Янково

принципу и имели общее назначение. Отличие между ними лишь в форме и строительном материале.

Сооружения на древней дневной поверхности.

1. Могила в виде каменной цисты сооружена на древней дневной поверхности, а над ней воздвигнута курганная насыпь. Известно всего одно подобное погребение, найденное в могильнике Телица. Размеры его 2,60 × 1,70 *м*. Ориентировано оно по странам света [45].

2. Каменные могилы со стрельчатым перекрытием. Известны два таких погребения. Могильное сооружение из Янково [46] имеет форму неправильного прямоугольника, ориентированного север — юг с выходом к югу. Каменной перегородкой гробница разделена на две части: внутреннее помещение 2,25 × 2,10 *м* и внешнее — 2,25 × 2 *м*. В передней части внешнего помещения с обеих сторон корпуса имеются два выступа: правый длиной 2,20 *м*, левый — 1,98 *м* (рис. 1, *2*). На высоте 1,44 *м* каменные блоки стен начинают заходить во внутрь. Следовательно, с высоты 1,40 *м* начинается перекрытие, которое, судя по хорошо известным аналогичным могильным сооружениям из Мезек [47], Вылчепол [48], поселка «2 Май» [49] и пр., было стрельчатым.

[45] G. Simion si Gh. Cantacuzino. Op. cit., p. 378—379.

[46] Цв. Дремсизова. Надгробни могили при с. Янково.

[47] Б. Филов. Куполните гробници при Мезек. ИБАИ, XI, 1937, стр. 7—107, обр. II, 98; В. Миков. Происходът на куполните гробници в Тракия. ИАИ, XIX, 1955, стр. 14—46, обр. 2.

[48] В. Миков. Ук. соч., стр. 19 обр. 2 (*с*).

[49] C. Preda. Una nouva tomba a volta skoperta presso Mangalia-Callatis. «Dacia», VI, n. ser., 1962, p. 157—172.

Аджигиольское могильное сооружение состояло из двух основных и одной дополнительной камеры и дромоса. Внутренняя камера размерами 3 × 3 *м* была главным погребальным помещением. Обе камеры и дромос были построены из хорошо обработанного камня. К югу от этих двух погребальных камер находилась третья, размерами 2,40 × 2,60 *м*. Она была несколько обособлена от остальных каменных могил [50].

3. Купольные гробницы. Известны всего две открытые на курганном могильнике в Янково. Обе они идентичны по форме.

Строились гробницы следующим образом; из кусков необработанного камня на глиняном растворе сооружали прямоугольную гробницу. Внутри она разделялась на три помещения. Входная камера прямоугольной формы, расположена перпендикулярно по отношению к корпусу гробницы, поэтому иногда она выходит по сторонам за пределы корпуса (рис. 1, *3*). Входная камера имеет только три стены. Открытая сторона ее является входом в гробницу. За входной камерой следует прямоугольная промежуточная камера, связанная со входной ступенчатым коротким коридором. Промежуточное помещение узким и коротким коридором соединено с главной, основной камерой круглой формы. Стены камер облицованы хорошо обработанными каменными плитами, плотно подогнанными друг к другу. Высота сохранившихся стен доходит от 1 до 2,20 *м*. Купольные гробницы встречаются только в курганных могильниках.

Приведенная выше классификация свидетельствует о наличии многообразных форм могильных сооружений у гетов в IV—III вв. до н. э.

Не менее многообразны и способы захоронения. Привлеченные для изучения погребального обряда данные, собранные с гетских могильников IV—III вв. до н. э. и обобщенные в табл. 1—3, охватывают почти все основные области расселения гетов. Это дает возможность проследить основные черты погребального ритуала гетов в пору расцвета их культуры почти во всех областях рассматриваемой территории.

Как видно из табл. 1, погребения всех 20 исследуемых гетских могильников IV—III вв. до н. э. по обряду захоронения разделяются на две группы: погребения с трупосожжением и погребения с трупоположением.

I. Погребения с трупосожжением. Захоронения по обряду трупосожжения известны во многих местах за пределами рассматриваемого района: в южной Болгарии, Боснии и др. На некоторых могильниках таких, как Гласинац, Езерина, Фериджиле, кремация трупов совершалась или на месте захоронения, или в стороне от могильника. Начиная с IV в. до н. э., на большинстве могильников кремация совершалась на специально отведенных для этой цели местах [51]. На гетских могильниках IV—III вв. до н. э. площадки для кремации, как на гальштатских могильниках, не обнаружены. Видимо, к этому времени геты начали строить специальные печи для кремации типа погребений в виде печи из Поянешты и Зимнича. На могильнике Ханска-Лутэрия (на окраине его) была обнаружена печь, которая, по всей вероятности, служила в качестве крематория [52]. Взятые из нее образцы обожженной глины были направлены для археомагнитных исследований в лабораторию института геофизики АН УССР. Согласно сообщению Г. Ф. Загний, печь датируется IV—III вв. до н. э. Если эти сведения верны, то, следовательно, печь и могильник функционировали одновременно. Вероятно, такие же специальные крематории были на всех остальных гетских могильниках. Умершего кремировали одетым. Иногда в огонь бросали и дорогие вещи — серебряные фиалы, золотые серьги и др. После кремации остатки кальцинированных костей вместе с деформированными в результате воздей-

[50] D. Berciu. Arta traco-getica, p. 33—37, рис. 7.

[51] М. Мирчев. Раннотракийският могилен некропол при с. Равна. ИАИ, XXV, 1962, p. 122.

[52] И. Никулицэ. Погребальные обряды на могильнике Ханска-Лутэрия. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972, стр. 113—114, рис. 2.

Могильник	Тип могильников		Количество вскрытых погребений	Одиночные	Совместные	Безжертвенных сосудов	С жертвенными сосудами	Трупосожжение					
								безурновые захоронения					
								захоронение кальцинированных костей в простых грунтовых ямах		захоронение кальцинированных костей в цистах	захоронение соженных человеческих костей в сложных погребальных сооружениях		
	безкурганный	курганный						без крышек	под крышкой		каменные	земляные	погребения печи
											ориентировка	ориентировка	ориентировка
1. Зимнича	—	+	26	25	1	2	24	2	—	—	1 ю-с	1 ю-с	1 ю-с
2. Поенешты	+	—	1	1		1							1 юв-сз
3. Муригиоль I	+	—	36	25	2	15	12	4	1	4			
4. Муригиоль II	+	—	24	12	—	8	4	—	2	1			
5. Телица	—	+	7	5	1	—	6						
6. Сату Ноу	+	—	44	40	—	30	10	1	1				
7. Градиштя	+	—	2	2	—	1	1						
8. Окрестности Бухареста	+	—	1	1	—	1							
9. Ханска I	+	—	3	3									
10. Ханска-Лутэрия	+	—	44	31	1	20	12	1					
11. Васлуй	+	—	1	—	1	1	—						
12. Пояна	+	—	7	6	1	4	3						
13. Чернавода			4	4	—	4							
14. Нунташь	+	—	2	1	—	1	1						
15. Буджак-Остров I	+	—	4	4	—	4	—						
16. Буджак-Остров II	+	—	14	14	—	8	4			3			
17. Друмево	—	+	18	15		2	11			11			
18. Браничево	—	+	17	12	5	2	12	1				1	
19. Янково	—	+	8	6	2	—	7			2	2 в-з		
20. Аджигиоль	—	+	1		1	—	2						

ствия температуры украшениями клали в урну и захоранивали. Здесь же на могильнике возле погребения совершалась и тризна.

Известны 240 погребений с трупосожжением, что составляет около 90% от общего числа захоронений. Среди них различаются два основных типа захоронений: безурновые и урновые (табл. 1).

Безурновые захоронения являются самыми малочисленными, составляют всего 10,9% от общего числа захоронений с трупосожжением. Однако именно в этой группе погребений наблюдаются наиболее разнообразные формы захоронения (табл. 1).

1. Захоронение кальцинированных костей в простых грунтовых ямах. Сожженные кости складывали в кучи на дне могильной ямы. Вместе с ними клали и украшения, в частности фибулы, серьги, браслеты и пр. Иногда вместе с кальцинированными костями клали ритуальные сосудики [53]. В некоторых погребениях сожженные кости накрыты крышкой (см. табл. 1). В качестве крышек использовали чаще всего посуду (миски, горшкообразные сосуды и пр.), реже — камни. Встречаются захоронения, где кальцинированные кости не покрыты крышкой (табл. 1).

2. Захоронения кальцинированных костей в цистах по существу не очень отличаются от грунтовых. Куча кальцинированных костей лежит на каменном настиле. Каменные цисты четырехугольной формы часто содержат совместные захоронения. В таких цистах кучи кальцинированных костей расположены по обоим концам каменного настила, служившего полом. Возле каждой стоят жертвенные сосуды.

[53] Exp. B u j o r. Săpăturile de salvare de la Murighiol. MCA, V, 1959, p. 374.

Таблица 1

Трупоположение							Кенотафы				Разрушенные погребения	
урновые захоронения			захоронения в простых земляных ямах		захоронения в сложных каменных конструкциях							
в простых земляных ямах					вытянутые	скорченные						
без крышек	с крышками	в каменных цистах	вытянутые	скорченные	ориентировка	ориентировка	без инвентаря	с инвентарем	в простых грунтовых ямах	в цистах	с трупосожжением	с трупоположением
—	19	—	1 ю-с	1 ю-с	—	ю-с	1	1				
10	7	7	1	—			1	—	6	2	1	—
3	6	4	1 ю-с	—	—		—	1	4	6	2	
—	4	2									1	
15	24	1									4	
—	2											
1												
	3											
11	16	—	1 сз-юв	2			5	4	2	—	4	6
	1						1					
				7 с-ю			4	3				
	1	4										
			1									1
4												
	4	5								2		
		2								2	3	
4	9	1									3	
		2			1 ю-з			1			2	1
					1 св-юз			1				

3. Захоронение сожженных костей в сложных грунтовых или каменных сооружениях. Кальцинированные кости складывали в кучу в центре катакомбы [54], а в каменных могилах типа купольных гробниц,— на полу круглой основной погребальной камеры. Возле кучи костей клали посуду, оружие и другие драгоценные вещи. Во входной камере или при входе в нее хоронили коня.

Основной формой захоронений в IV—III вв. до н. э. являются погребения в урнах. Они составляют 77,22% от общего числа захоронений. В свою очередь они бывают в простых грунтовых ямах и в цистах и ничем не отличаются друг от друга. Кальцинированные кости укладывались в сосуде-урне в анатомическом порядке. На дно урны укладывали сожженные кости черепа, затем кости позвоночника, ребра и пр., сверху — остатки костей ног. В качестве урн использовали обыкновенные бытовые сосуды, в частности горшки колоколовидной или «мешковидной» формы с ручками-упорами посередине тулова. В некоторых погребениях в качестве урн использованы амфоры. В одних погребениях урны накрывались крышками: мисками, горшками, реже камнями. В других урны не накрывались (см. табл. 1). Вокруг урн или несколько к северу от них ставили сосуды с жертвоприношением и другой инвентарь, в частности наконечники стрел, копий, железные ножи и пр.

В четырехугольных цистах, содержащих совместные захоронения, урны обычно расположены по краям каменного настила. Вокруг каждой урны клали соответственно сосуды с жертвоприношением и инвентарь. Преоб-

[54] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 122.

Тип захоронения			Количество вскрытых погребений	Количество сосудов в погребениях *										
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Одиночные			207	61	39	24	7	2	1	—	1	—		
2. Совместные			15	2		2						1	1	
3. Без жертвенных сосудов			104											
4. С жертвенными сосудами			109	30	19	10	7	2	2	2		2		
5. Безурновые захоронения	Захоронения кальцинированных человеческих костей в простых грунтовых ямах	без крышки	9	3	1	1								
		под крышками	4	3										
	Захоронение кальцинированных костей в каменных цистах		21	3	6	3	2	1		1				
	Захоронение кальцинированных человеческих костей в сложных погребальных сооружениях	каменные гробницы	2					1						1
		катакомбы	3		1									
		погребения печи	2		1							1		
6. Урновые захоронения	В простых грунтовых ямах	без крышек	50	10	3	5	1		1					
		с крышками	95	13	11	5	4	1						
	В каменных цистах		28	4	4	3	1	1				1		
7.	Погребения с трупоположением	В простых грунтовых ямах — вытянутые	6	2	2		2							
		В простых грунтовых ямах — скорченные	8	1						1				
		в сложных каменных сооружениях	2											2
8.	Кенотафы	В простых грунтовых ямах	12	5	4	3								
		В каменных ящиках	12	3	2									

* В вертикальных графах «количество сосудов в погребениях» указано количество погребений, содержащих по одному, два и более сосудов.

ладание урновых захоронений на гетских могильниках является ничем иным, как продолжением обряда, известного в предшествующем периоде на гальштатских могильниках с трупосожжением (Фериджиле и пр.).

В отдельный тип следует выделить захоронение недокремированных человеческих костяков в погребении-печи.

Подобные захоронения в печи, впервые обнаруженные в этом районе, не находят себе точных аналогий ни во фракийском, ни в скифском мире, ни в Западной Европе. Таких погребений для данного периода известно пока два, одно из них обнаружено на курганном могильнике Зимнича [55]. Здесь были найдены только развалины печи. Внутри ее, на

[55] Ibid., p. 97.

Таблица 2

Металлические изделия																																		Стеклянные	Глиняные		
золотые		серебряные				бронзовые															железные														бусы	бусы		
бусы	подвески	фибулы	подвески	кольца	сосуды	фибулы	лампы	браслеты	зеркало	кольца	сосуды	диски	пуговицы	бляхи	колокольчики	наконечники стрел	шлемы	шилья	двойные топоры	фибулы	удила	ножи	панцырь	долото	боевые топоры	мечи	наконечники копий	серпы	глазчатые	простые	глазчатые	простые	каменные бусы	пряслица
1	1	1	—	2	—	6	—	3	3	4	—	1	2	1	1	5	2	1	1	1	4	5	—	—	1	1	4	1	3	4	2	3	1	3
		2	—	—				3					2		3	2						1								1	2	2		
1	1	3	1	2		1		2	1	5					1	2						2							1	4		1	2	3
						7		4	2	1		1	2		3	2	1	1	1	1	1	3					4		1	2	2	2	—	2
5	1	3	2			1			2			1	1			10		1			1	3												
		1						1		2			1		1																			
		1				2		2	1	4	1	2	1		1	3				2	2	3	1				2		8	4	4	5		
														1			1			1	1						1							
1	1				1	2						1				3					1						1							
																1										1	2							
	1		1			2		1	1	2				1		2	1					6				1	4			1			2	5
			1			3		1							1	1																		
																					1	6			1	1		1	1	5		1		7
	1		3		1	5		3		7	1		2	1	3		1					2	1	1			3		2	2		1		3
								1	1							1																2		
						1																									1			
1						1	1						1			1					1	1	1											

полу, лежал недокремированный костяк. Очевидно, из-за недостаточно высокой температуры в печи кремация не была доведена до конца и скелет сохранился в обожженном виде. Он лежал в вытянутом положении на спине головой на юг, как в погребениях с трупоположением, известных на этом же могильнике. Рядом с ним, слева, возле головы лежали два наконечника копий. Кроме того, в печи по случаю кремации было оставлено значительное число сосудов с жертвоприношением. В основном это греческие амфоры, кратеры, а также глиняные миски местного производства. Все эти сосуды были в огне вместе с трупом[56]. Наличие оружия

[56] Ibid., p. 98.

Распределение инвентаря

Могильник	Количество вскрытых погребений	Количество безинвентарных погребений	Керамика				золото		серебро			
			местная		импорт.							
			количество погреб. с лепной керамикой	количество погреб. с гончарн. керамикой	количество погреб. с амфорами	количество погреб. с греческ. посудой	бусы	подвески	фибулы	подвески	кольца	сосуды
1. Зимнича	26		22	1	2		5		4	1		1
2. Муригиоль I	36	11	23	9	11	3					2	
3. Муригиоль II	24	10	14	3	2	1						
4. Ханска-Лутэрия	44	12	29	2								
5. Ханска I	3	1	2									
6. Сату Ноу	44	10	32	9	2	3						
7. Телица	7		7		4	2						
8. Градиштя	2		2		1							
9. Погребение близ Бухареста	1		1									
10. Поенешты	1											
11. Васлуй	1	1	1									
12. Чернавода	4	1	3									
13. Пояна	7	4	2									
14. Нунташь	2	1	1		1	1						
15. Буджак I	4	3	2	1	1							
16. Буджак II	14	5	8	2		1						
17. Браничево	17		9	9	5	2	1	1		1		1
18. Янково	8		5	4	3	5	1		1	2		
19. Друмево	18	1	9	8	4							1
20. Аджигиоль	1		1	1	1	1		2				7

в погребении указывает на его принадлежность воину. Сосуды местного производства с достоверностью свидетельствуют о принадлежности оружия местным гетским племенам. Греческие амфоры дают все основания отнести его хронологически к концу IV и началу III в. до н. э.

Второе захоронение недокремированного костяка в погребении в виде печи было найдено в могильнике Поянешты[57]. Костяк лежал на поду печи, на спине в вытянутом положении головой на юго-восток. Возле левого бедра параллельно туловищу лежал железный меч, рядом — 14 наконечников трехлопастных бронзовых стрел. Судя по инвентарю, это погребение, как и первое, принадлежало гетскому воину. Анализ инвентаря позволяет отнести его к IV—III вв. до н. э.[58] Этот своеобразный тип погребения в печи ранее неизвестен. Правда, найдены еще два таких погребения в Островул Шимиан (Олтения), но они относятся к более позднему времени — I в. н. э.[59] Их обычно интерпретируют как печи, предназначенные для кремации усопшего[60]. Вопрос о назначении подобных печей очень сложен, и, к сожалению, наличие только двух погребений такого рода для данного периода не позволяет делать какие-либо серьезные выводы. Но тем не менее необходимо указать на некоторые положения, оспаривающие мнение о том, что это просто уцелевшие крематории, где случайно остался недокремированный костяк[61]. Возможно, что для кремации трупов сооружались подобные же печи на гетских могильниках. Но, во-первых, погребений в виде печи известно несколько (два из них

[57] Săpăturile de la Poenesti. Materiale..., p. 223.
[58] Ibidem, p. 419.
[59] D. Berciu. Archeologia preistorica a Olteniei. Craiova, 1939, p. 192—193.
[60] D. Protase. Op. cit., стр. 177.
[61] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 98.

Таблица 3

Металлические изделия																							Стеклянные бусы		Пастовые бусы			
бронза														железо														
фибулы	браслеты	зеркала	лампа	кольца	диски	пуговицы	сосуды	бляхи	колокольчики	наконеч. стрел	шлемы	двойные топоры	монеты	фибулы	удила	ножи	долото	боевые топоры	мечи	наконечники копий	серпы	панцырь	глазчатые	простые	глазчатые	простые	каменные бусы	пряслица
3	1	1								26	1		1	1	1	1		1		13								
1				10	2					3						4			1				1	6	5	1	2	
				2												1			1				2	1				
										1		1												6		2		3
																					1							
1	2					4		1								2												3
1	4			2					4	2						2	1									2		
											1			1						4								
										14									1									
		1						1								1												
1																								1				
		1																										
2																								2				1
	2								1					2		3					1							
1			1				1	3								5			1	3		1		2				5
5			2	1	2			1		1				2								1		2		4		
2					1								2	1	1	1				2		7						
										1				2														

относятся к более позднему периоду), следовательно, вероятность случайности уменьшается. Во-вторых, над погребением в виде печи из Зимнича был воздвигнут курган [62], как и над всеми основными погребениями, что вряд ли сделали бы для крематория. В-третьих, здесь же вместе с костяком были найдены жертвенные сосуды со следами вторичного обжига, факт, свидетельствующий о том, что они сжигались вместе с трупом в печи, чего не наблюдается ни в одном другом погребении с трупосожжением. То, что в погребении в виде печи вместе с костяком сжигались и все жертвенные сосуды, свидетельствует о том, что для данного типа захоронения все процессы ритуала, связанные с обрядом захоронения, совершались в печах. Следовательно, эти печи с самого начала имели двойное назначение: и как крематории, и как погребения.

Это подтверждается и толщиной слоя обожженной земли, служившей подом в погребении в виде печи из Поянешты, которая не толще 5 *см*. Если принимать во внимание, что для сушки печи изнутри необходимо, чтобы некоторое время в ней горел медленный огонь [63], то такая толщина обожженного слоя явно несоответствует крематорию, где, самое меньшее, сжигали десятки трупов. Явно, что такая печь в данном случае служила в качестве крематория всего один раз и сразу превращалась в погребальную камеру.

II. Трупоположение. На многих могильниках наряду с трупосожжением встречаются и погребения с трупоположением (табл. 1). Их число в могильниках незначительно. Исключение составляет только могильник Пояна, где пока найдены только трупоположения.

---

[62] Ibid., p. 97.

[63] Та же процедура совершается и при сушке обычных летних печей.

Погребения с трупоположением бывают двоякого рода: вытянутые и скорченные. Вытянутые захоронения найдены на могильниках Ханска-Лутэрия, Зимнича, Муригиоль (табл. 1). Костяк обычно лежит на спине, руки вытянуты вдоль туловища. На могильнике Зимнича, в одном из погребений, левая рука усопшего лежит на животе [64]. Ориентированы погребения большей частью на север — юг, головой на юг. Только на могильнике Ханска-Лутэрия найдено захоронение, где костяк ориентирован на северо-запад — юго-восток, головой на северо-запад. Жертвенные сосуды расположены в основном у плеч и головы. Помимо жертвенных сосудов встречаются украшения: фибулы, бусы, бронзовые браслеты; наконечники стрел, железные ножи с горбатой спинкой [65] и пр.

Скорченные захоронения известны на могильниках Ханска-Лутэрия, Пояна. Костяки лежат на правом или левом боку с согнутыми ногами. Руки прижаты к груди. Ориентированы на север — юг. В Пояне костяки лежали в основном на спине с ногами, подогнутыми вверх к подбородку [66]. В некоторых захоронениях найдены сосуды, стеклянные бусы и пр.

Наличие у гетов вытянутых и скорченных погребений, видимо, является влиянием ритуала, соблюдавшегося и раньше и известного на могильниках Стоиканы, Шолданешты и др.

Особый интерес представляют захоронения с трупоположением в сложных каменных конструкциях. На курганном могильнике в Янково раскопаны два таких погребения [67]. В восточной части внутренней камеры могильного сооружения № 3 (рис. 1, *2*) найдены беспорядочно разбросанные человеческие кости: ребра, позвоночники, зубы и пр., фрагменты железных пластинок и колец от кольчуги, бронзовые кольца, части от фибул, керамика и пр. Перед левым крылом гробницы найден костяк лошади, лежащей на левом боку головой на восток. Около правого крыла в таком же положении и ориентировке лежал другой конский костяк. Возле скелетов лошадей найдены фрагменты амфор. Близкое этому погребение известно в Аджигиоле [68]. В основном погребальном сооружении найдены человеческие кости, серебряные поножи, серебряный шлем, многочисленные наконечники трехлопастных бронзовых стрел, керамика. Второе внешнее помещение также содержало перемешанные человеческие кости, золотые украшения, в частности шаровидную серьгу, подвески, пластинки — вещи, свидетельствующие, что здесь захоронена женщина [69]. В обоих погребениях усопшие лежали в гробах. Во внешней камере были обнаружены следы от деревянного саркофага прямоугольной формы. В третьей, дополнительной камере найдены три конских костяка. Два из них лежали головой на север, третий — на юг. Возле костяков найдены зооморфные украшения сбруи и S-видные псалии.

Захоронения с трупоположением в каменных конструкциях мало чем отличаются от погребений с трупосожжением в сложных могильных сооружениях. Формы и способы строительства каменных гробниц иногда полностью совпадают [70].

Погребения с трупоположением в каменных могильных сооружениях находят аналогии среди многочисленных каменных гробниц из Казанлык [71], Розовец [72], Дуванлий [73] и пр., принадлежавших южным фракийцам.

---

[64] Săpăturile de la Zimnicea..., p. 123.
[65] Эксп. Бужор. Ук. соч., стр 127—128.
[66] Santierul Poiana. SCIV, 3, 1952, p. 194—195.
[67] Цв. Дремсизова. Надгробни могили при с. Янково, стр. 80.
[68] D. Berciu. Arta traco-getica..., p. 33—77.
[69] Там же, стр. 37.
[70] Цв. Дремсизова. Надгробни могили при с. Янково, стр. 61—62.
[71] В. Миков. Античната гробница при Казанлък. София, 1953.
[72] К. Шкорпил и Х. Шкорпил. Могили. Пловдив, 1898, стр. 123.
[73] В. Миков. Происходът на куполните гробници в Тракия. ИАИ, XIX, 1955, стр. 21.

Наибольшее количество погребений с трупоположением найдено в Ханске (Молдавская ССР) и Пояне (Запрутская Молдова). Географически это наиболее восточные районы рассматриваемой территории. Очевидно, такое положение неслучайно. Эти области находились несколько в стороне от центральных районов, поэтому проявление такого консерватизма в виде сохранения несколько большего процента погребения с трупоположением вполне естественно.

Анализ погребального обряда (табл. 1—3) показывает, что у гетов в IV—III вв. до н. э. практиковались оба ритуала. При этом преобладали захоронения с трупосожжением. Подобное неравномерное, но параллельное сосуществование двух ритуалов в погребальном обряде не является необычным для местного населения, поскольку такое же положение наблюдается и в предшествующем периоде. На гальштатских могильниках Фериджиле[74] и Сэлиште[75] известны только трупосожжения. На могильнике Шолданешты (VIII—VII вв. до н. э.) одно из девяти раскопанных погребений — трупоположение[76]. На Сахарнянском[77] и Стойканском[78] могильниках, относящихся к тому же периоду, известны одни только трупоположения.

Следовательно, одновременное соблюдение двух ритуалов в погребальном обряде гетов IV—III вв. до н. э. является продолжением существующего ранее обычая.

Между погребениями с трупосожжением и трупоположением наблюдается определенная генетическая связь. Эта генетическая связь выражается прежде всего в использовании для захоронений с трупосожжением четырехугольных каменных ящиков длиной в 2 *м*, шириной 0,90—1,10 *м*[79]. Формы и размеры могильных ям каменных и грунтовых погребальных сооружений, а иногда даже простых грунтовых ям, такие же, как у могильных ям погребений с трупоположением[80].

Следует вспомнить о наличии недокремированных костяков, захороненных в погребениях в виде печи. Эти захоронения находятся как бы на грани между ритуалами трупоположения и трупосожжения.

Почти все могильные ямы погребений с трупосожжением имеют ту же ориентировку, что и погребения с трупоположением. В большинстве погребений с трупосожжением, а иногда и с трупоположением, встречаются куски древесного угля. В отдельных погребениях с трупосожжением наблюдаются и некоторые особенности. Дно могильной ямы специально засыпалось слоем золы в перемешку с кусками древесного угля, толщиной от 2 до 20 *см*. На эту подстилку ставили урну с кальцинированными костями и жертвенные сосуды. Сверху их засыпали таким же слоем золы и угля толщиной 10—15 *см*, а затем накрывали небольшой каменной плитой[81]. Иногда таким слоем золы с кусками древесного угля засыпали только дно могильной ямы[82]. В других погребениях дно могильной ямы засыпали слоем песка[83]. Этнографические данные показывают, что уголь-

---

[74] R. Vulpe. Necropola hallstattiana de la Ferigile. Bucuresti, 1967, p. 20.

[75] В. Л. Лапушнян. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972, стр. 88—104, 98.

[76] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. МИА, 1958, стр. 64.

[77] Г. Д. Смирнов. Сахарнянский могильник II. Изв. МФ АН СССР, 5, 1955, стр. 117—119.

[78] M. Petrescu-Dimbovita. Cimitirul hallstatian de la Stoican, Materiale..., p. 158—204.

[79] Эксп. Бужор. О гето-дакийской культуре в Муригиоле, «Dacia», II, пов. сер., 1968, стр. 126—128; M. Irimia. Cimitirele de incineraţie geto-dacice de la Bugeac-Ostrov. Pontice, Studii şi materiale de istoria, arheologie şi muzeografie. Constanţa, 1968, p. 212.

[80] D. Protase. Riturile funerare ..., p. 46—47.

[81] G. Simionsi Ch. Cantacuzino. Op. cit., p. 374.

[82] Ibidem.

[83] Exp. Bujor. Sapaturile de salvare de la Murighiol. MCA, III, 1957, p. 247.

ки в погребальной обрядности имеют очистительное значение и служат средством отпугивания огнем злых духов [84]. «Угли, хранящие жар печи, т. е. самый огонь, зола, покрывающая его и тоже таящая его в себе, делаются также участниками связанного с огнем культа, фигурируют вместо него в верованиях и обрядах» [85]. Культ огня тесно связан и слит с культом предков [86]. Очевидно, наличие углей в гетских погребениях следует объяснить проявлением культа огня в его очистительной функции, тесно связанного с культом предков. Проявление культа предков особенно естественно встретить в погребениях, где угли являлись как бы связующим звеном между покойным и семейным очагом, от которого усопший был оторван смертью. Не исключено, что слой золы и угля, встречающийся в гетских погребениях, взят из домашнего очага.

В основном, для гетских могильников характерны одиночные захоронения. Однако на некоторых могильниках встречаются иногда совместные погребения (см. табл. 1). Оба эти типа погребений известны и у других племен, в частности у кельтов [87] и бастронов [88]. Встречаются они и на могильниках позднего гальштата [89].

Однако столь незначительное количество двойных погребений у гетов (в процентном отношении они составляют 2,52% от общего числа погребений) не дают основания считать, что подобная форма захоронений носила массовый характер. Не исключено, что налицо случай одновременной смерти.

Изучение погребального обряда позволяет в какой-то степени проследить и за теми социальными изменениями, которые происходили в IV—III вв. до н. э. в гетском обществе. Во всех типах захоронений встречаются погребения с жертвенными сосудами. Как погребальные урны, так и сосуды с жертвенной пищей не отличаются от обыкновенных сосудов, широко распространенных на близлежащих поселениях.

Обычай класть в погребение сосуцы с жертвенной пищей очень древний [90]. Однако в некоторых курганах встречаются богатые погребения, содержащие золотые бусы, серебряные фибулы, бронзовые зеркала и другие вещи, но без жертвенных сосудов. В погребениях, где есть жертвенные сосуды их число неодинаково. При этом количественная и качественная разница оставленной в погребениях посуды иногда довольно значительная. Наличие большого количества местной и привозной посуды, а также золотых, серебряных и бронзовых вещей в одних погребениях и отсутствие их в других можно объяснить только социальным неравенством. Это подтверждается и наличием гетских курганных могильников со сложными каменными могильными ямами, катакомбными погребальными сооружениями, купольными гробницами наряду с многочисленными простыми грунтовыми могильными ямами.

В общем итоге исследование погребального обряда гетов в IV—III вв. до н. э. дает следующую картину.

Во-первых, трупосожжение преобладает, хотя и не является единственным погребальным обрядом на всей территории гетского мира, как это считалось раньше. Аналогичная картина наблюдается и у южных фракийцев. Это положение подтверждается и сообщениями древних авторов.

[84] В. С. Зеленчук. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959, стр. 38; Г. К. Завойко. Верования и обычаи великороссов Владимирской губернии. ЭО, 3—4, М., 1914, стр. 97.

[85] В. Хорузина. К вопросу о почитании огня. ЭО, 3—4, 1906, М., 1907, стр. 159.

[86] Там же, стр. 59.

[87] I. Dechelette. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romaine. Paris, II, 3, 1914, p. 1035.

[88] I. Marciniak. Cmentaryzsco cialopalne z okresu poznolatenskiego w Wilanowie kolo Warszowy. Materialy starozytne, II, 1957, p. 169.

[89] St. Ferenzi. Cimitirul «scitic» de la Ciumbrud. AMN, III, 1966, p. 57, K. Horedt. Cercetarile arheologice din reguinea Hogbinz-Ugra si Teiuş. Materiale, p. 798—813.

[90] I. Dechelette. Manuel..., II, 3, p. 1027.

Так, Геродот, характеризуя обычаи фракийцев, говорит, что они хоронили усопших или путем трупосожжения, или трупоположения [91].

Во-вторых, анализ погребального ритуала в целом (табл. 1—3), а также могильного инвентаря (табл. 2—3), показывает, что как материальная культура местных племен, так и могильные ритуалы, в основном, едины на всей рассматриваемой территории. Это бесспорно свидетельствует об этнической общности населения, заселявшего в IV—III вв. до н. э. Балкано-Днестровский район — населения, генетически связанного с племенами предшествующего периода. Этим подтверждаются и дополняются сведения древних авторов об этнической и языковой общности племен, заселявших эти территории [92].

Анализ погребального обряда показывает, что религиозные верования и обряды изменяются на протяжении времени, отражая при этом те социальные изменения, которые происходили в гетском обществе в течение определенного периода времени. Изучение могильного инвентаря позволяет также наблюдать и за изменениями, которые происходили в материальной культуре этих племен.

В погребальном ритуале гетов IV—III вв. до н. э., хотя в основном он представляет определенную целостность, все-таки встречаются и некоторые особенности, больше всего территориального характера. Во-первых, трупоположения встречаются чаще на могильниках восточных областей рассматриваемой территории, в частности в Молдове (Ханска-Лутэрия, Пояны). Во-вторых, в погребениях могильников Ханска, Пояны полностью отсутствуют амфоры, использованные в качестве погребальных урн. Греческая посуда на могильнике Ханска ни разу не найдена, а круговая керамика встречается редко, тогда как в могильниках Добруджи и Мунтении довольно часто. Эти особенности могильников Молдовы объясняются тем, что они находились на окраинах гетского мира и несколько в стороне от основных торговых магистралей, которые связывали области с центральной частью и эллинистическим миром. В-третьих, захоронения в каменных цистах в IV—III вв. до н. э. известны в основном в прибрежных районах, хотя в предшествующем периоде они были распространены и в других районах междуречья: Шолданешты, Сахарна, Алчадар и др., где для IV—III вв. до н. э. они пока неизвестны. В-четвертых, анализ погребальных сооружений и могильного инвентаря указывает на наличие имущественной дифференциации в гетском обществе. Богатые курганные захоронения в каменных сооружениях, катакомбах, печах и купольных гробницах встречаются только на территории Добруджи — районе, непосредственно связанном с южными фракийцами, а через них и с греками.

Все же наличие некоторых несущественных особенностей отдельных могильников не в состоянии изменить то большое сходство и общность в погребальном обряде, в формах захоронения, в инвентаре, которое существует в гетских могильниках Балкано-Днестровского района.

I. T. Nicoulitsé

RITE RUNÉRAIRE DES CÉTES EN IV—III S. S. AVANT N. È.

Résumé

L'article est consacré à l'examen des rites funéraires des Gètes qui, en IV.III s. s. avant N. È. peuplaient le territoire s'étendant des Balkans jusqu'à Dniestr. Les matériaux de toutes les nécropoles et sépultures isolées gétiques connues à ce jour sur le territoire de la Bulgarie septentrionale actuelle, de la Roumanie (Olténie Est, Mounténie, Dobroudja, Moldova) et de la RSSM (République Soviétique Socialiste de Moldavie) y sont inclus.

[91] Herodot, V, 8.
[92] Strabon VII, 3 (C. 304).

L'article contient la classification des fosses tombales d'après leurs formes et des procédés d'inhumation. L'examen du rite funéraire montre que les tribus gétiques pratiquaient deux genres d'inhumation: incinération et dépositione du cadavre. Les sépultures à l'incinération prédominent.

Les sépultures à la déposition du cadavre sont plus fréquentes dans les régions Nord — Est bien qu'elles soient connues en petite quantité dans d'autres contrées du monde gétique. Cela peut être attribué à l'influence des Scythes, voisins orientaux des Gètes. L'observation simultanée des deux rites dans les usages funéraires des Gètes en IV—III ss. avant N. È. fait suite au cérémonial préexisté. Si le rite funéraire des Gètes nous apparaît dans une sorte d'intégrité il n'en est pas moins dépourvu de certaines particularités qui, elles, ont le plus souvent le caractère territorial ou tiennent de l'influence des tribus voisines des Scythes et des Thraces méridionaux.

L'analyse de l'usage funéraire permet de suivre certains changements sociaux dans la communauté gétique qui avaient lieu à l'époque considérée On distingue les sépultures au riche mobilier: dans des fosses tombales dallées de pierre, une sorte de tombeaux à dôme (fig. 1), dans des catacombes, dans des sépultures ayant l'aspect d'une cheminée et de pauvres sépultures faites dans de simples fosses en pleine terre — c'est un fait qui prouve l'existence de la différenciation de propriété chez les Gètes des IV—III s.s. avant N. È.

Л. К. ГАЛАНИНА

ВПУСКНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ I В. Н. Э. КУРДЖИПСКОГО КУРГАНА

Курджипский курган принадлежит к числу богатейших, но малоизученных погребальных памятников, открытых в бассейне р. Кубани в дореволюционный период. Станица Курджипская расположена в 19 *км* к югу от г. Майкопа на берегу р. Курджипс, левом притоке р. Белой. Интересующий нас курган являлся средним в группе из трех насыпей, сооруженных на северном склоне «Раскопаной горы» — одной из вершин горного хребта, протянувшегося к востоку от станицы.

Раскопки центрального кургана производились в 1895—1896 гг., два других были вскрыты в 1900 г. [1]. Первые раскопки Курджипского кургана, к сожалению, носили кладоискательский характер. В мае 1895 г. местные жители обратили внимание на древнюю насыпь, из которой торчали каменные плиты, показавшиеся им пригодными для возведения строительных фундаментов. Разбирая плиты, крестьяне нашли на глубине 0,35 *м* от поверхности мелкие золотые вещи, что побудило их к интенсивным поискам, которые продолжались затем под наблюдением местных властей. Кроме того, происходило и тайное разграбление кургана [2].

Вещи, выкопанные крестьянами,— разнообразные золотые украшения, бронзовые шлемы, поножи и др., поступили в 1895—1896 гг. в Археологическую комиссию и частично изданы в ее отчетах [3]. Точное местонахождение предметов в кургане в основном осталось неизвестным [4]. По словам раскопщиков, копалась главным образом западная половина насыпи, где торчали камни, которые они вытаскивали, работая без лопат.

Заинтересовавшись находкой близ ст. Курджипской, Археологическая комиссия решила поручить доследование кургана В. М. Сысоеву, который и осуществил это в 1896 г. [5].

К моменту раскопок курган имел форму неправильного эллипса диаметром с севера на юг 21 *м*, с запада на восток 25 *м*, высоту 2,13 *м* от уровня дневной поверхности, 2,85 *м* от материка. При осмотре кургана В. М. Сысоев обратил внимание на двойственное строение насыпи: западная пола была образована преимущественно из камней и сильно нарушена многочисленными грабительскими ямами, восточная, потревоженная только тремя грабительскими ходами, состояла из земли — желтой глины с вкраплениями угольков. Это первоначальное впечатление под-

---

[1] ОАК за 1900 г., стр. 34—35.

[2] Рукописный отчет В. М. Сысоева. Архив ЛОИА, д. 1896/118, стр. 21.

[3] ОАК за 1895 г., стр. 62—63; ОАК за 1896 г., стр. 60—61. См. также В. М. Сысоев. Находка близ станицы Курджипской. АИЗ, III, М., 1895, стр. 413—417; его же. Курджипский курган и его древности. СМОМПК, XXII, Тифлис, 1897, стр. 1—32, табл. 3.

[4] Из опроса крестьян В. М. Сысоев выяснил приблизительное расположение некоторых предметов, отраженное им на схематичном плане в его отчете о раскопках 1896 г. См. Архив ЛОИА, д. 1896/118, стр. 21.

[5] ОАК за 1896 г., стр. 61—64, 149—156.

твердилось и дальнейшими раскопками кургана, который был вскрыт почти полностью, за исключением краев на 0,71—1,42 *м* с каждой стороны [6]. В западной половине, как отмечает В. М. Сысоев, дело сводилось к выборке камней, перемешанных с землей, среди которых на разных уровнях, от поверхности и до глубины 2,13 *м*, встречались различные мелкие предметы. В восточной половине камней почти не было. Здесь на материке оказалось богатое, но ограбленное уже в древности, погребение с очень разнообразным вещевым инвентарем, включающим большое количество высокохудожественных изделий торевтики из бронзы и золота.

Таким образом, мы имеем три группы находок, происходящих из Курджипского кургана. Одна из них связана с захоронением в восточной части кургана, в то время как две другие, добытые крестьянами, а также В. М. Сысоевым в западной половине, включают разрозненные вещи, первоначальное местонахождение которых не известно.

С момента открытия Курджипского кургана и до настоящего времени этот интереснейший комплекс никогда не являлся темой специального исследования, основанного на учете всех происходящих оттуда материалов. Большинство ученых датировало курган по отдельным, наиболее эффектным изделиям художественного ремесла, что привело к весьма разноречивым и, главное, ошибочным выводам относительно хронологии памятника.

Прежде всего следует отметить, что сам раскопщик не смог правильно интерпретировать результаты своих полевых изысканий, которые к тому же производились не на должном методическом уровне.

Основываясь на двойственной структуре насыпи и разновременном характере находок, В. М. Сысоев высказал вполне обоснованное соображение о вероятности двух погребений в кургане, но не сумел прийти к конкретному заключению о последовательности этих захоронений и их датировке. Весь найденный материал В. М. Сысоев расчленил на несколько хронологических групп. Так, в основном верно, он указал на принадлежность ряда вещей греческой работы (бронзовый таз с чеканенными рельефами, халцедоновая гемма с фигурой грифона, чернолаковые сосуды и др.) к IV — началу III в. до н. э. С периодом I—II вв. В. М. Сысоев связал бронзовую фибулу (№ 12 настоящей статьи), а также две золотые бляшки, в действительности относящиеся к скифской эпохе. Вместе с тем такие характерные для раннеримского времени украшения, как бляхи, исполненные в сарматском зверином стиле, и брошь, орнаментированная ромбом с завитками (№ 7—9 настоящей статьи), были причислены к изделиям IV—V вв. Кроме того, В. М. Сысоев выделил предметы «периода влияния арабской культуры» (X в.?), к каковым отнес, например, так называемые шарики-амулеты в золотых оправах, бытовавшие в течение V в. до н. э. — II в. н. э., и даже образцы черкесского ремесла XVIII в. — железные гвозди, скобы и т. д. (в эту категорию попал также бронзовый перстень с гравированным щитком и несомкнутой дужкой, типичный для памятников Прикубанья и Кавказа скифской эпохи) [7].

Однако в своих хронологических обобщениях В. М. Сысоев оставил без внимания находки IV—III вв. до н. э. и исходил только из более поздних вещей, датированных им, как мы видели, в большинстве случаев неверно. В итоге он предложил две гипотезы. По одной из них древнейшая могила с каменным склепом I—II вв., находившаяся в западной части кургана, подверглась ограблению и разрушению в IV—V вв., по другой — курган был воздвигнут в IV—V вв., а расхищен позднее, около X в. (?). В дальнейшем владельца награбленных сокровищ похоронили в том же кургане, соорудив с восточной стороны земляную насыпь [8].

[6] Архив ЛОИА, 1896/118, стр. 73.
[7] Там же, стр. 41—42.
[8] Там же, стр. 43.

В археологической литературе самую позднюю дату для Курджипского кургана установил Н. И. Веселовский, который включил его в круг кубанских погребальных памятников II—III вв.[9]. Сопоставление Курджипса с некоторыми курганами, вошедшими в сводку Н. И. Веселовского, действительно правомочно, но только, как мы увидим ниже, в отношении одного из погребений (впускного), а не памятника в целом. Последний ошибочно рассматривался исследователем как единый комплекс находок, в результате чего в категорию предметов римского времени попали бронзовые аттические шлемы и другие изделия, характерные для скифской эпохи.

Э. Миннз отнес курган к концу I в. до н. э.[10], исходя из неверной датировки бронзового таза с рельефами на сюжет из мифа о Телефе и стеклянного полихромного амфориска, которые, как показало их изучение, представляют собой образцы импортной продукции IV в. до н. э.[11].

Курджипским находкам посвящены две статьи К. Э. Гриневича. В одной из них автор определяет халцедоновую гемму с изображением грифона как произведение античной глиптики конца V — первой половины IV в. до н. э.[12]. Другая статья содержит стилистический анализ чеканных рельефов бронзового таза, в результате которого К. Э. Гриневич относит сосуд ко второй половине II в. до н. э., это подтверждается, по его мнению, и такими позднеэллинистическими изделиями из того же погребения, как стеклянный многоцветный амфориск и бронзовая пластина с изображением кентавра[13]. С выводами К. Э. Гриневича также нельзя согласиться, как и с суждением Э. Миннза по поводу тех же предметов. Вместе с тем важно отметить, что К. Э. Гриневич правильно выделил среди находок в кургане бронзовую фибулу римского времени (№ 12 настоящей статьи)[14].

А. А. Спицын причислил Курджипс к группе поздних кубанских курганов без определения конкретной хронологии памятника, но отметил присутствие здесь вещей «классических или же хорошей классической техники» — бронзового таза с рельефными украшениями и золотой застежки (?), орнаментированной «геракловыми узлами»[15].

Курджипский курган неоднократно рассматривался в трудах М. И. Ростовцева. В ранних работах ученого он упоминается как комплекс III или II в. до н. э.[16]. В дальнейшем М. И. Ростовцев, анализируя в общем аспекте погребальный инвентарь из Курджипса, подчеркивает, на наш взгляд ошибочно, его соответствие находкам из Артюховского кургана, датируемого им второй половиной III в. до н. э.[17]. Разновременный характер вещей из Курджипса приводит исследователя к предположению о существовании в кургане двух погребений, из которых одно относится к III в. до н. э., а другое, судя по фрагментам литого стекла, к значительно более поздней эпохе[18]. Не исключалось, по мнению М. И. Ростовцева, и то, что в кургане было единственное позднее захоронение с группой

---

[9] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 341 сл.

[10] E. Minns. Scythians and Greek. Cambridge, 1913, p. 223—224.

[11] Л. К. Галанина. Античный бронзовый таз из Курджипского кургана. АС ГЭ, 11, 1969, стр. 92 сл.; ее же. Стеклянные сосуды из Курджипского кургана. АС ГЭ, 12, 1970, стр. 36 сл.

[12] К. Э. Гриневич. Курджипская гемма 1896 г. «Гермес», октябрь, 15—16 (181—182), 1916, стр. 35 сл.

[13] К. Э. Гриневич. Бронзовый сосуд из Курджипского кургана. ИАК, 65, Пг., 1918, стр. 45—71.

[14] Там же, стр. 48.

[15] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 65, стр. 139.

[16] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пг., 1918, стр. 35; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 125.

[17] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 278—279.

[18] Там же, стр. 328—329.

древних изделий, «награбленных племенем, к которому принадлежали погребенные [19].

Б. З. Рабинович устанавливает принадлежность трех шлемов из Курджипского кургана к аттическому типу и датирует их IV в. до н. э., но в оценке других материалов он руководствуется трудами М. И. Ростовцева и К. Э. Гриневича [20].

Итак, в вопросе о хронологии Курджипского кургана не существует единого мнения. Хотя некоторые ученые указывали на наличие отдельных вещей IV в. до н. э. и римского времени, в археологической литературе благодаря К. Э. Гриневичу и М. И. Ростовцеву общепринятой стала датировка памятника III—II вв. до н. э., основанная, по нашему мнению, на неверных посылках. Такой точки зрения придерживаются, в частности, Н. В. Анфимов [21], К. Ф. Смирнов [22], Н. И Сокольский [23], Н. Н. Погребова [24], которые в разных целях использовали богатый ассортимент курджипских находок. В последнее время вышли также работы В. В. Кропоткина, посвященные римскому импорту в Восточной Европе, в которых автор определяет бронзовый таз из Курджипского кургана как изделие италийского производства I в. до н. э., основываясь, по-видимому, только на форме сосуда и игнорируя стилистические особенности чеканных рельефов, которые находятся в явном противоречии с этой датой [25].

Курджипский курган, как это видно из изложенного, представляет собой памятник, сильно нарушенный кладоискательскими раскопками. Вполне вероятно, что в результате деятельности крестьян, а также древних грабителей могло произойти смешение разновременных предметов, относящихся к разным комплексам. К сожалению, неудачным следует признать и доследование В. М. Сысоева, не сумевшего разобраться в конструкции могильных сооружений, остатки которых определенно должны были сохраниться как в западной, так и в восточной половине кургана. Поэтому тщательный анализ всего вещевого инвентаря с учетом раскопочных данных — единственный метод, с помощью которого возможно установить количество бывших в кургане захоронений и уточнить их датировку.

Такой подход к изучению курджипских материалов и привел нас к заключению, что в кургане действительно было два погребения, как это и предполагали в свое время В. М. Сысоев и М. И. Ростовцев. Что же касается наших выводов относительно хронологии каждого из выделенных комплексов, то они идут вразрез со всеми высказанными ранее соображениями о датировке данного памятника.

Древнейшее погребение представлено находками, обнаруженными В. М. Сысоевым на уровне материка в восточной части и близ центра кургана [26]. Исходя из форм чернолаковой посуды, стеклянных сосудов и остального состава инвентаря, основная могила может быть датирована,

---

[19] Там же, стр. 329; M. Rostowzev. Scythien und der Bosporus. Berlin, 1931, стр. 292—293.

[20] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК, I, Л., 1941, стр. 144—145.

[21] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 189—190.

[22] К. Ф. Смирнов. Северский клад. М., 1953, стр. 22, 24.

[23] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 136.

[24] Н. Н. Погребова. Погребение в Мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 118.

[25] В. В. Кропоткин. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР. КСИА АН СССР, 119, 1970, стр. 33—34; его же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.). САИ, Д1 — 27, 1970, стр. 90, рис. 59, *3* и 67, *6* (дано воспроизведение таза до его реставрации без рельефных пластин под ручками, не упомянуты они также и в тексте).

[26] К этому погребению относятся также некоторые предметы, добытые крестьянами в 1895 г. (бронзовые шлемы, поножи, сосуды и т. п.), и отдельные вещи, найденные в западной половине насыпи, попавшие туда, видимо, с грабительским выкидом.

Рис. 1. Золотые украшения из впускной могилы Курджипского кургана.

1—2 — амулеты-цилиндрики; *3—4* — подвески; *5* — пронизь; *6* — наконечник гривны; *7* — бляшка на бронзовой основе с золотым щитком и цветными вставками; *8* — золотой щиток от бляшки с бронзовой основой; *9* — фибула-брошь на бронзовой основе с золотым щитком и цветными вставками; *10* — фибула-брошь на бронзовой основе с золотым щитком, украшенным погрудным изображением Афродиты с Эротами; *11* — скульптурная головка львиноголового грифона; *12* — скульптурная фигурка лежащей львицы

пока предположительно, концом IV в. до н. э. и с определенностью не позднее рубежа IV—III вв. до н. э.[27].

К сожалению, второе захоронение Курджипского кургана полностью разрушили кладоискатели. Мы совсем не располагаем сведениями о погребальном обряде, имеются только скудные данные о типе могильного сооружения и небольшое количество отдельных вещей, дающих приближенное представление о содержимом этого некогда богатого комплекса.

Автор предлагаемой статьи ставит перед собой задачу выделить среди общей массы курджипских материалов предметы, которые происходят из впускной могилы, относящейся, как мы попробуем доказать, к сарматскому периоду.

---

[27] Л. К. Галанина. Ук. соч., ее же. О датировке и происхождении золотой гривны из Курджипского кургана в Прикубанье. СГЭ, XXXVI, 1973, стр. 29—32.

С поздней могилой связывается часть вещей из крестьянских раскопок 1895 г., а также большинство вещей из числа обнаруженных В. М. Сысоевым в 1896 г. в западной половине насыпи. Это преимущественно золотые украшения: амулеты-подвески и пронизь от ожерелий, деталь гривны, бляхи и броши на бронзовой основе с декоративными золотыми щитками, детали подобной броши (бронзовые диск и фибула), две поделки неизвестного назначения. Вероятно, из впускного погребения происходят также фрагмент бронзового диска, возможно зеркала, и обломок стеклянного литого сосуда с каннелюрами.

1. Амулет-цилиндрик, согнутый из тонкой золотой пластины (рис. 1, *1*) [28]. Боковые стенки открыты. Сверху напаяна кольцевидная пластинчатая каннелированная петля для подвешивания. Центральная часть цилиндра выделена двумя рельефными полосками, между которыми помещен филигранный узор из гладкой проволоки в виде шести спиральных завитков с зернышками в сердцевине и боковыми петельками.

2. Амулет-цилиндрик, согнутый из тонкой золотой пластины (рис. 1, *2*) [29], представляет собой разновидность описанного выше типа, К закрытому верхнему концу цилиндра припаяна кольцевидная пластинчатая каннелированная петля. Края цилиндра в основании слегка загнуты вниз. Внутри он заполнен серым веществом, вероятно камнем или стекловидной массой. Поверхность украшена филигранным орнаментом: края — так называемой косичкой из двух витых проволочек, напаянных параллельно друг другу между парой гладких поясков, центр — дуговидно изогнутой ветвью с завитками на концах («усиками») и длинным лепестком. Если перевернуть подвеску ушком вниз, центральная композиция напоминает схему античной пальметки, но в сильно упрощенном варианте.

Подобные амулеты-цилиндрики, золотые или бронзовые, обычно содержащие внутри всякого рода талисманы (кусочки тканей, стекловидные сплавы и т. д.), характерны для широкого круга памятников сарматской эпохи. Такие культово-магические украшения, носившиеся как подвески к ожерельям, представлены большим числом находок в погребальных комплексах Херсонеса, Боспора, Поволжья, Прикубанья и Закавказья I—III вв. [30]. Многие из амулетов-цилиндриков близки курджипским по форме, размерам, технике изготовления, манере и мотивам декора [31], но ни один из них не имеет полного тождества с нашими образцами.

3. Подвеска в виде футляра в форме усеченного конуса, согнутая из тонкой золотой пластины, с закрытым верхним концом и длинной каннелированной петлей (рис. 1, *3*) [32]. Основание открыто. На стенках футляра внутри — следы какого-то вещества (в инвентарной описи Эрмитажа определены как остатки клыка ?). Лицевая сторона подвески украшена восьмью треугольниками из зерни, расположенными двумя рядами.

Аналогии данному предмету нам не известны. По всей вероятности, он представляет собой золотую оправу для закрепления магического талисмана и, следовательно, относится к разряду украшений-оберегов, по-

---

[28] Раскопки крестьян ОАК за 1895 г., стр. 62, рис. 144. Колл. ОИПК ГЭ, КУ 1895 4/24. Размеры: длина 1,3 *см*, диаметр 1 *см*.

[29] Раскопки В. М. Сысоева. Колл. ОИПК ГЭ, КУ 1896 1/118. Размеры: длина с петлей 2 *см*, диаметр 0,8 *см*.

[30] Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ. Памятники культуры, XVIII, М., 1956, стр. 59—62 (с перечнем находок). За пределы I—III вв. выходит только упоминаемый Н. В. Пятышевой золотой цилиндрик из кургана близ ст. Ярославской, который она относит к I в. до н. э. Однако данный комплекс требует уточнения датировки, а сам предмет, вероятнее всего, является не амулетом-цилиндриком, а пронизью, так как не имеет петли для подвешивания. См. также И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени. АС ГЭ, 2, 1961, стр. 143.

[31] Там же, стр. 142, рис. 1, *12*; ОАК за 1903 г., стр. 80, рис. 88 и стр. 103, рис. 187; ОАК за 1895 г., стр. 8, рис. 25—26.

[32] Раскопки крестьян. ОАК за 1895 г., стр. 63, рис. 152. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1895 4/25. Размеры: длина с петлей 2,8 *см*, ширина 0,8 *см*.

добно рассмотренным выше цилиндрическим подвескам I—III вв. С группой амулетов-цилиндриков эта поделка сближается также техникой изготовления петли и характером орнаментации [33].

4. Золотая подвеска в форме двойного топорика с округленными лезвиями, продольным ребром, имитирующим втулку, и напаянной кольцевидной пластинчатой каннелированной петлей (рис. 1, *4*) [34]. Изображения и различные поделки в виде двойных топориков, связанные как полагает большинство исследователей, с небесными культами, получили распространение в средиземноморских центрах и Закавказье уже в III—II тысячелетиях до н. э., а позднее и на более широкой территории [35].

Изделий, вполне идентичных курджипской находке, нам не известно. Миниатюрные золотые подвески в форме двулезвийных топориков представлены в наборах двух ожерелий, происходящих из керченской гробницы III в. до н. э. [36]. Но керченские подвески несколько отличаются от нашей своей конфигурацией и технологическими деталями — они изготовлены из очень тонкого листового золота, а петля, имеющая вид стерженька с кольцом на конце, из проволоки. Можно указать также на подобные, но не тождественные бронзовые подвески из дагестанских погребений IV—V вв. н. э. [37].

Примечательно, что тип пластинчатого каннелированного ушка данной подвески совершенно такой же, как и у только что рассмотренных амулетов-цилиндриков I—III вв., на основании чего представляется возможным предположить синхронность этих золотых украшений. О бытовании подобного рода талисманов в сарматскую эпоху свидетельствуют гешировые пронизи от ожерелий в форме двойных топориков, которые встречены в могильниках нижнего Дона, Крыма и Керчи I—IV вв. н. э. [38].

5. Золотая цилиндрическая пронизь с девятью рубчиками, к которой припаяна фрагментированная пластинка, украшенная филигранными спиральными завитками с зернышками в сердцевине (рис. 1, *5*) [39].

Ожерелья из рубчатых цилиндрических пронизей со всевозможного рода подвесками пользовались популярностью в городах Северного Причерноморья (Херсонес, Ольвия, Неаполь-Скифский, Танаис), а также в Закавказье в первых веках н. э. [40]. Следует также отметить, что спиралевидный орнамент трубчатой пронизи полностью повторяет таковой на амулете-цилиндре № 1.

6. Золотой полый наконечник, завершающийся скульптурной головкой хищника с раскрытой пастью (лев?) и украшенный филигранью из гладкой проволоки: края — «косичкой», напаянной между двумя гладкими поясками, верх — крупной пятилепестковой пальметкой с усиками в основании, низ — двумя вытянутыми «S»-видными узорами (рис. 1, *6*) [41]. Объемная зверипая головка спаяна из двух половин, втулка согнута из пластины и имеет продольный шов на нижней стороне. Филигранная отделка исполнена грубо и небрежно.

В связи с этим изделием прежде всего встает вопрос о его назначении. По своей форме, приемам и схеме художественного оформления данный предмет явно подражает втулкам некоторых гривен скифского периода,

---

[33] ОАК за 1903 г., стр. 50, рис. 88.

[34] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 156, рис. 524. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/90. Размеры: длина 1,8 *см*, высота с ушком 1 *см*.

[35] М. П. Абрамова. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. Тр. ГИМ, 40, М., 1966, стр. 93—95.

[36] ДБК, табл. XI, *1*; XII, *3*.

[37] М. П. Абрамова. Ук. соч., стр. 89—90, рис. 1, *1, 7*.

[38] Там же, стр. 92.

[39] Раскопки В. М. Сысоева. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/108. Размеры: 1 × 1,4 *см*. Пластинка обломана.

[40] Н. В. Пятышева. Ук. соч., стр. 54.

[41] Раскопки крестьян. ОАК за 1895 г., стр. 62, рис. 142. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1895 4/23. Размеры: длина 6 *см*, диаметр в основании 1,2 *см*. На головке — вмятины.

например, одной из найденных в кургане Куль-Оба [42]. Вместе с тем стиль исполнения чеканной головки и сканного орнамента, а также слишком большие размеры наконечника отличают его от образцов скифского времени и указывают на принадлежность к другой эпохе. Среди изделий сарматского периода укажем на золотую гривну или браслет из состава Хаишского клада I—II вв. н. э., найденного в Сванетии [43]. Концы этого украшения завершаются наконечниками, близкими по размерам курджипскому, но несколько иной формы и другого стиля — с головками фантастического зверя и полихромными вставками. Для доказательства того, что курджипская втулка, возможно, являлась декоративной деталью шейного обруча, сошлемся, кроме того, на образцы еще более позднего времени, которые также можно сопоставить по размерам и назначению с рассматриваемым предметом — золотые наконечники с головками драконов, исполненными в полихромном стиле IV—V вв. н. э. [44]. Последние, как показала К. М. Скалон, представляли собой втулки гривен, стержни которых, как и в нашем случае, не сохранились.

При датировке курджипского наконечника, не имеющего себе близких аналогов, следует исходить из характера его филигранной орнаментики, которая по качеству работы, общей композиции и элементам узора («косичка», усики с завитками, форма лепестков пальметки) находит себе соответствие в отделке амулета-цилиндрика № 2, относящегося, как уже отмечалось, к I—III вв. н. э. Следовательно, в пределах этого отрезка времени можно датировать и наконечник гривны.

7. Бляшка, состоящая из бронзовой плоской дисковидной основы, на которую наложен тонкий золотой щиток с рельефным декором (рис.1, *7*) [45]. Края щитка слегка заходят за диск. Изображена фигура свернувшегося кольцом льва, морда которого соприкасается с задней лапой. Глаза хищника обозначены круглыми отверстиями с чуть оттянутыми вверх краями, рельефные сегментовидные уши внутри углублены. Грива трактована короткими выпуклыми завитками, ребра — продольными желобками. На спине имеется овальная ячейка, на бедре — вставка из ярко-голубой бирюзы (приглушенное стекло?), помещенная в вырезанное на золотой обкладке гнездо со слегка приподнятыми вверх краями. Вероятно, точно так же были инкрустированы глаза льва.

8. Бляшка, подобная описанной выше по конструкции, технике исполнения и художественному оформлению (рис. 1, *8*) [46]. Сохранился только декоративный щиток, на обратной стороне которого имеются следы окислов от бронзовой основы. Края золотой обкладки украшены жгутообразным ободком, обрамляющим центральную композицию — изображение свернувшегося кольцом льва с задней лапой, лежащей под мордой. Фигура хищника выполнена в более низком рельефе, чем на предыдущей бляшке, но стилистические приемы передачи деталей те же, за исключением глаз, которые в данном случае обозначены в виде круглых валиков. Аналогичен и способ инкрустации, о чем свидетельствуют вырезанные на плече и бедре гнезда, вставки из которых утрачены.

Обе бляшки (№ 7—8) относятся к числу изделий сарматского звериного стиля, хорошо известных по находкам в погребальных комплексах вто-

---

[42] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, табл. 263.

[43] А. И. Джавахишвили. Хаишский клад. «Мнатоба», 3, 1953, стр. 149—157.

[44] К. М. Скалон. Изображение дракона в искусстве IV—V веков. СГЭ, XXII, 1962, стр. 40 сл.

[45] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 64, рис. 305 и стр. 155, рис. 519. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/94. Размеры: диаметр. 2,2 *см*. Золото с примесью серебра, возможно, это электр или даже позолоченное серебро.

[46] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 64, рис. 306 и стр. 155, рис. 520. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/95. Размеры: диаметр 2,6 *см*. Золото того же качества, что и на предыдущей бляшке.

рой половины I в. до н. э.— I в. н. э. Прикубанья [47], Подонья [48], Поволжья [49] и Крыма [50]. Назначение такого рода блях было различным. Одни из них использовались в качестве брошей, пристегивавшихся к одежде с помощью игл, прикреплявшихся к бронзовой основе (погребение у с. Золотое в Крыму), другие являлись украшениями конской узды (курганы у ст. Жутово, хуторов Зубовского и Садового). У последних накладные щитки обычно оформлены в более высоком рельефе и они снабжены петлей с обратной стороны. Публикуемые бляшки (в особенности первая — № 7), очень похожие по размерам, характеру тисненого рельефа и стилю изображения на брошь из погребения I в. н. э. у с. Золотое в Крыму, вероятнее всего, также имели отношение к убранству костюма.

Ближайшей аналогией курджипским экземплярам не только по сюжету и стилю, но также и технике инкрустации (цветные вставки в разных гнездах) является пара блях из кургана № 10 у ст. Тифлисской, датирующегося на основании обломка ручки серебряного килика I в. н. э. [51].

9. Круглая брошь, состоящая из бронзового плоского диска, на которую наложен тонкий золотой щиток, украшенный тисненым геометрическим орнаментом и цветной инкрустацией (рис. 1, *9*) [52]. Края щитка окаймлены поясками, гладким и рубчатым. В центре композиции — ромбовидный узор с парными завитками на углах и круглым углубленным гнездом с рубчатым ободком, предназначавшемся, возможно, для цветной вставки. По сторонам ромба — четыре сердцевидных гнезда, вырезанные на золотой пластине, со вставками из приглушенного светло-синего стекла. На бронзовой основе имеется след припоя застежки в виде прямоугольника размерами 2,6 × 0,5 *см*, вероятно, бронзовой фибулы с плоской горизонтальной дужкой.

В оформлении броши сказалось влияние античного искусства. Так, центральный мотив — ромб с завитками встречается на золотых украшениях VIII—VII вв. до н. э. из Эфеса [53]. В южных районах СССР со II в. до н. э. получают распространение фибулы — броши такой формы [54]. Наибольшую близость с нашей орнаментальной схемой обнаруживают бронзовые фибулы второй половины I— первой половины II вв. имеющие ромбический щиток с рельефным кружком в центре и парные завитки на углах [55]. Аналогии другим элементам декора курджипского украшения — «сердечкам», располагающимся по сторонам округлого гнезда, можно указать на изделиях полихромного стиля II в. до н. э.— первых веков н. э.:

---

[47] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 29, 31; ОАК за 1902 г., стр. 67, рис. 139, 140 (ст. Тифлисская), стр. 77, рис. 161 (ст. Ладожская), стр. 78, рис. 164 (ст. Усть-Лабинская); К. Е. Думберг. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, I, СПб., 1901, стр. 95, рис. 2 (Зубовский хутор).

[48] S. I. Kaposchina. A Sarmatian Royal Burial at Novocherkask. «Antiquity», XXXVII, 1963, p. 256—258, pl. XXIX, *a — c*.

[49] Курган близ станции Жутово Волгоградской области. Раскопки В. П. Шилова 1964 г. Материалы хранятся в Астраханском краеведческом музее.

[50] Детское погребение № 9 из некрополя у с. Золотое в Крыму. См. В. М. Корпусова. Нові матеріали з археології Боспору. Археологічні дослідження на Україні в 1969 г., вып. IV, Київ, 1972, стр. 149.

[51] ОАК за 1902 г., стр. 67, рис. 139.

[52] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 155, рис. 521. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/91. Размеры: диаметр 3,6 *см*. Золото того же качества, что и у бляшек № 7—8. Одна сердцевидная вставка утрачена.

[53] F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery Greek. Etruscan and Roman. London, 1911, pl. IX, nos. 827, 877, 880.

[54] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, 1966, стр. 33.

[55] Там же, стр. 33 и табл. 15, *5*; ОАК за 1896 г., стр. 141, рис. 498; А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 87, табл. VI, *11*; Т. М. Арсеньева. Могильник у дер. Ново-Отрадное. МИА, 155, 1970, стр. 122, табл. II, *11*.

фибула из Артюховского кургана[56], амулет-цилиндрик из Херсонеса[57]. Но на этих вещах сердцевидные фигуры представляют собой не цветные вставки, как на курджипской броши, а филигранные узоры. Рассматриваемая брошь по целому ряду признаков может быть сопоставлена с описанными выше бляхами (№ 7—8), исполненными в сарматском зверином стиле. Одинаковая техника изготовления (золотая пластина, наложенная на бронзовую основу) и качество золота накладных щитков, идентичные приемы оформления, сочетающие тисненый рельеф с полихромной инкрустацией в резных гнездах, свидетельствуют о принадлежности всех трех изделий к одному времени и общем северо-причерноморском и, скорее всего, кубанском происхождении.

10. Круглая брошь такой же конструкции, как и предыдущие (№ 7—9). Поверх бронзового диска наложен золотой щиток с погрудным изображением фигуры Афродиты и Эротов, исполненными в невысоком рельефе (рис. 1, *10*) [58]. Края щитка слегка заходят за диск. Центральная композиция обрамлена рамкой из двух рубчатых поясков. Богиня представлена в фас, с головой, слегка повернутой вправо и с правой рукой, прижатой к верхней части груди. На голове у нее круглая шапочка с рубчатой каймой, из-под которой виднеются волосы, разделенные на прямой пробор и ниспадающие до плеч. Лицо тщательно проработано. Густые брови обозначены рубчиками, большие глаза — выпуклыми миндалевидными ободками, на подбородке ямочка. Богиня одета в платье с длинными рукавами с рубчатой отделкой вдоль ворота и на манжетах. Складки ткани стилизованы волнистыми линиями. Из-за правого плеча Афродиты видна верхняя часть фигуры Эрота с головкой, показанной в три четверти, волосами в виде зачесанных назад прядей, крылышком, трактованным в форме остроконечного листа с ребристыми прожилками и стрелой, которую он держит в руке. Над левым плечом богини имеется нечеткое изображение, напоминающее человеческое лицо, может быть, лицо второго Эрота. Около левого плеча Афродиты воспроизведен скипетр, помещенный по диагонали. С обратной стороны медальона, на бронзовой основе сохранился след припоя застежки, имеющий прямоугольные очертания, размером 3,8 × 0,8 *см*.

Курджипская брошь по своей форме, сюжетному и стилистическому оформлению примыкает к серии медальонов, представленных большим числом образцов в некрополях Керчи, Херсонеса и Ольвии I—II вв. н. э. [59]. Непосредственными предшественниками их послужили медальоны с тем же сюжетом, восходящие к эллинистической эпохе [60]. С произведениями торевтики римского времени рассматриваемая брошь объединяется прежде всего трактовкой образа Афродиты (фигура обычно изображается почти по пояс с характерным жестом одной руки, прижатой к груди), а также манерой передачи прядей волос, складок одежды и общим композиционным решением [61]. Среди медальонов этой группы, которые в боль-

---

[56] ОАК за 1880, атлас, табл. II, *3*.

[57] ОАК за 1890 г., стр. 32, рис. 17, *а, б*.

[58] Раскопки крестьян. ОАК за 1895 г., стр. 62, рис. 141. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1895 4/36. Размеры: диаметр 4,6 *см*. Золото того же качества, что и на предыдущих бляхах (№ 7—9). На щитке — подтеки, вероятно, результат брака. Рельеф местами помят, края слегка повреждены.

[59] ДБК, табл. XXIV, *12*; ОАК за 1872 г. стр. XVI; ОАК за 1876 г., атлас, табл. III, *38, 39*; ОАК за 1896 г., стр. 76, рис. 323; В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи..., ИАК, 17, СПб., 1905, стр. 11, 17, рис. 12; его же. Отчет о раскопках в г. Керчи ... ИАК, 47, СПб., 1913, стр. 22, рис. 13; А. В. Орешников. Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Парутине в 1891 г. «Древности». 15, II, М., 1894, стр. 2.

[60] ОАК за 1880 г., атлас, табл. I, *16*, и табл. II, *13*; В. В. Шкорпил. Ук. соч., ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 8; В. В. Шкорпил. Ук. соч. ИАК, 40, СПб., 1911, стр. 88, рис. 30; Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 62, рис. 20; Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь, М., 1957, стр. 38.

[61] Ср. ОАК за 1876 г., атлас, табл. III, *38, 39*; В. В. Шкорпил. Ук. соч., ИАК, 17, стр. 17, рис. 12.

шинстве своем снабжены петельками для подвешивания их к одежде или ожерельям, имеется и фибула — брошь, близкая, но не совсем идентичная, курджипской. Последняя представляет собой золотой щиток (диаметром 2,4 *см*) с рельефным изображением Афродиты с Эротами, на обратной стороне которого сохранились остатки иглы и приемника. Предмет найден на груди женского костяка в керченской гробнице, датирующейся на основании стеклянного бальзамария началом I в. н. э. [62].

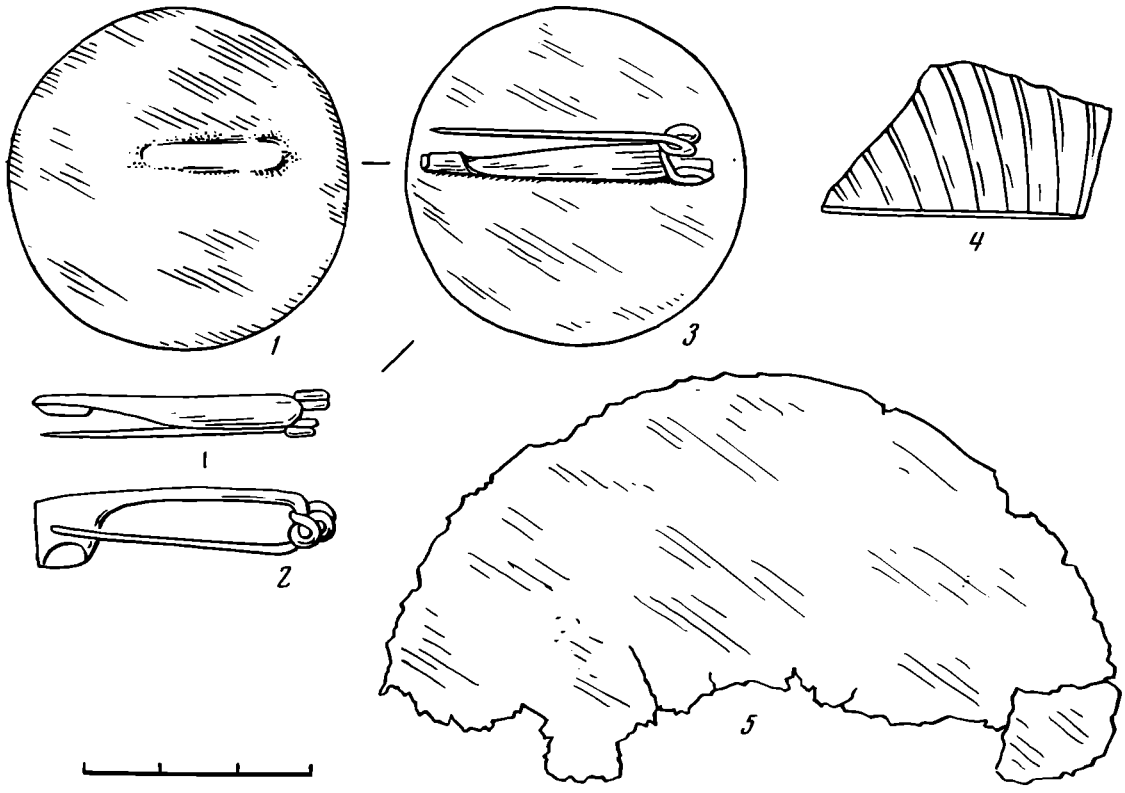


Рис. 2. Предметы из впускной могилы Курджипского кургана.

1 — бронзовый диск с отпечатком припоя фибулы; *2* — бронзовая фибула от предыдущего диска; *3* — реконструкция (диск и фибула, соединенные вместе); *4* — фрагмент сосуда из литого просвечивающего стекла с ребристой поверхностью; *5* — обломок бронзового зеркала

Украшение, аналогичное курджипскому, не только по своему назначению, но также размерам и конструктивному устройству, обнаружено в погребении I в. н. э. Усть-Лабинского могильника 4 в Прикубанье [63]. Найденная там брошь состоит из серебряного позолоченного щитка, натянутого на бронзовый диск, к которому прикреплена маленькая бронзовая фибула с пластинчатой дужкой. На обкладке оттиснуто погрудное изображение богини, левая рука которой прижата к груди, а правая держит остроконечный лист. Несмотря на разницу сюжетов обе кубанские броши обнаруживают и близость по стилю (моделировка прядей волос, жест руки, покоящейся на груди, форма листа, соответствующая крылу Эрота, рельефные рубчатые бордюры на щитках).

11. Бронзовый плоский диск (рис. 2, *1*) [64], на одной стороне которого имеется след припоя застежки, совпадающий по размерам и конфигурации с дужкой фибулы, описание которой приводится ниже.

12. Бронзовая фибула с почти горизонтальной пластинчатой дужкой, сужающейся к ножке, на конце которой — сплошной пластинчатый

[62] В. В. Шкорпил. Ук. соч. ИАК, 17, стр. 11. Колл. ОАМ ГЭ, II, 1903.

[63] Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 83, рис. 22, *4*.

[64] Раскопки В. М. Сысоева. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/104. Размеры: диаметр 4,5 *см*.

приемник. Короткая четырехвитковая пружина переходит в иглу. Тетива нижняя (рис. 2, *2*) [65]. На основании указанного соответствия можно полагать, что диск и фибула составляли одно целое (рис. 2, *3*). Предмет этот либо является бронзовой основой одной из фибул-брошей типа описанных выше (№ 9—10), накладной щиток которой оказался утраченным, либо представляет собой самостоятельную застежку. Подобные простейшего рода фибулы-броши с круглыми бронзовыми неорнаментированными щитками известны из раскопок в Ольвии [66] и в погребении первой половины I в. н. э. некрополя Танаиса [67].

13. Золотая миниатюрная скульптурная головка хищника с оскаленной пастью, на длинной шее, изображающая, по-видимому, львиноголового грифона без рогов (рис. 1, *11*) [68]. Глаза сделаны в виде незамкнутого кольца с выпуклой сердцевиной. Уши образованы округлыми пластинчатыми напаянными гнездами. В отверстия на месте ноздрей продеты: с одной стороны, подвеска, состоящая из проволочного кольца, соединяющегося со втулкой двучастной шаровидной бусины с полой шишечкой в основании; с другой — сохранилось только кольцо от такой же подвески. Головка орнаментирована узорами из зерни — тремя поясками на морде и двумя на шее, между последними помещены три ряда треугольников, вероятно, имитирующих гриву. Предмет спаян из двух чеканных половин. Основание, имеющее форму овала, сужающегося к одному концу, закрыто, но в средней части его сохранился фрагмент напаянной пластинки (длиной 0,6 *см*), при помощи которой головка крепилась к центру утраченного диска.

14. Золотая миниатюрная скульптурная фигурка, изображающая лежащего хищника, вероятно, львицу (рис. 1, *12*) [69]. Голова львицы по внешнему облику и приемам передачи деталей (оскал пасти, глаза, уши, ноздри) идентична описанной выше головке грифона. Туловище лежащего зверя трактовано условно без моделировки отдельных частей, за исключением передних лап, обозначенных в виде прямоугольного выступа. Хвост, сделанный из тонкой бусинной (рубчатой?) проволоки, закинут на голову и загнут на конце в кольцо. Фигурка орнаментирована зернью — поясками, обрамляющими пластинчатые уши, и ромбиками (из четырех зернышек каждый), разбросанными на поверхности тела. Предмет спаян из двух чеканных половин, основание плоское. Помимо ноздрей обозначенных пробитыми изнутри отверстиями, таковые имеются также в пасти, на шее, под нижней челюстью и одно сквозное, поперечное в средней части фигуры.

Подобные по технике и художественному оформлению миниатюрные зооморфные фигурки, являвшиеся обычно украшением фибул, известны в ряде кубанских комплексов: курганы 1 и 4 близ станции Армавир [70],

---

[65] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 155 (не воспроизведена, в тексте ошибочно сделана ссылка на рис. 514). Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/84. Размеры: общая длина 3,9 *см*, длина дужки 3,5 *см*, н. ширина дужки 0,4 *см*.

[66] А. І. Фурманська. Ук. соч., стр. 89, табл. VII, *8*.

[67] А. К. Амброз. Фибулы из раскопок Танаиса. МИА, 154, 1969, стр. 248 и табл. I, *3*.

[68] Раскопки крестьян. ОАК за 1895 г., стр. 62, рис. 143. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1895 4/22. Размеры: длина 1,9 *см*, ширина в основании 1 *см*. В настоящее время утрачен плоский кружок диаметром 1,5 *см* с тремя дырочками по краям, который был прикреплен к основанию скульптурной головки. См. В. М. Сысоев. Курджипский курган и его древности..., стр. 9 (рис. в тексте). Судя по отверстиям на кружке, звериная головка прибивалась или пришивалась к какому-то предмету. Подобные по форме украшения, но отличные по стилю, известны в ряде таманских комплексов IV в. до н. э. Ср., например, Сокровища скифских курганов..., табл. 312.

[69] Раскопки В. М. Сысоева. ОАК за 1896 г., стр. 62, рис. 296 и стр. 156, рис. 522. Колл. ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/87. Размеры: длина 2,2 *см*, высота 1,2 *см*. Золото с красноватым оттенком.

[70] ОАК за 1902 г., стр. 87, рис. 196; ОАК за 1903 г., стр. 62, рис. 96.

курган 2 около Зубовского хутора [71], курган близ Хатажукаевского аула [72], которые датируются исследователями в пределах второй половины I в. до н. э.— первой половины I в. н. э. [73].

Наиболее близки к курджипским экземплярам находки из армавирского кургана 4 и зубовского 2. Они представляют собой также чеканные полые фигурки животных, но изображающие баранов и лошадей, две из них (зубовские) снабжены подвесками, продетыми в ноздри, и всем присуща сходная манера декора в виде геометрических узоров (пояски, треугольники, ромбы), исполненных в технике зерни. Вместе с тем эти вещи не идентичны. Курджипские украшения разнятся от зубовских и армавирских не только по мотивам, но и приемам передачи глаз, ушей зверей, композиционной схеме накладного орнамента, что указывает, однако, не на разрыв во времени, а скорее на разные мастерские, выпустившие данные изделия.

15. Обломок бронзового плоского диска, возможно, зеркала (?) (рис. 2, *5*) [74].

Бронзовые круглые зеркала небольших размеров без орнаментации и без ручек имели распространение в захоронениях Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и Прикубанья в I в. до н. э.— I в. н. э. [75].

16. Обломок стенки нижней части стеклянного сосуда с ребристой поверхностью (рис. 2, *4*) [76]. Стекло литое, просвечивающее, со слабым зеленоватым оттенком. Форма изделия точно не восстанавливается. Вероятнее всего, фрагмент является частью округлой чаши, на что указывает расположение желобков, сходящих книзу.

Предположительно стеклянный обломок можно причислить к группе литых полусферических чаш с каннелированным корпусом, которые бытовали в Средиземноморье и на нашей территории с эпохи позднего эллинизма и вплоть до первых веков н. э. [77].

Таким образом, типологический и стилистический анализ обсуждавшихся здесь предметов из впускной могилы Курджипского кургана [78]. показал, что некоторые из них, например, бляхи, декорированные в сарматском зверином стиле, миниатюрные зооморфные скульптуры, орнаментированные зернью, и фрагмент бронзового зеркала характерны для южнорусских погребальных комплексов второй половины I в. до н. э. — I в. н. э. (курганы у хутора Зубовского, станции Армавир и др.). Вместе с тем в наборе вещей представлены и такие, которые появляются в Северном Причерноморье и Прикубанье не ранее I в. н. э. К ним относятся амулеты-цилиндрики, бытовавшие в течение I—III вв. н. э.; а также фибула-брошь с изображением Афродиты с Эротами, находящая себе соответствие в памятниках I в. н. э. Все эти факты позволяют с достаточной степенью уверенности ограничить время курджипского впускного погребения в пределах I в. н. э. Однако имеются как будто и основания для еще

---

[71] К. Е. Думберг. Ук. соч., стр. 101, рис. 20, 21.

[72] ОАК за 1899 г., стр. 48, рис. 87.

[73] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 20; А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР..., стр. 34.

[74] Раскопки В. М. Сысоева. Колл ОИПК ГЭ, Ку 1896 1/105. Размеры: диаметр 9,7 *см*.

[75] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 64 (VI тип); Т. М. Арсеньева. Ук. соч., стр. 85, рис. 2 и стр. 86.

[76] Раскопки В. М. Сысоева. Колл. ОИПК ГЭ, Ку, 1896 1/100. Размеры: высота обломка 2 *см*.

[77] Л. К. Галанина. Стеклянные сосуды, стр. 37, рис. 3, *1*.

[78] Следует отметить, что среди курджипских материалов имеются отдельные мелкие поделки, датировка которых нам пока не ясна (ОАК за 1896 г., стр. 155, рис. 517, 518, стр. 156, рис. 525), а также украшения, которые вряд ли удастся распределить по комплексам, так как они были распространены в течение как скифского, так и сарматского периодов — бляшки в виде розеток, треугольники с полушариями, сердоликовые шарики-амулеты в золотых оправах (ОАК за 1895 г., стр. 63, рис. 145, 146, 149, 150; ОАК за 1896 г., стр. 155, рис. 515, 516).

более узкой его датировки. Так, зооморфные скульптурные поделки с зернью встречаются в комплексах, которые, по общепринятому мнению, не выходят за пределы первой половины I в. н. э. В то же время начало распространения амулетов-цилиндриков, судя по двум херсонесским гробницам, сопровождающимся монетами, падает на период около середины — вторую половину I в. н. э.[79]. Учитывая сочетание этих предметов, наиболее вероятной датой курджипского впускного захоронения может быть первая половина I в. н. э. или даже середина этого столетия.

В заключение попытаемся кратко обобщить те данные, которые могут дать представление о местоположении и типе погребального сооружения впускной могилы Курджипского кургана.

Так как ни одного изделия сарматского периода не найдено в восточной половине кургана, то мы вправе полагать, что впускное погребение располагалось в западной части.

Из отчета В. М. Сысоева явствует, что вся поверхность западной половины кургана была усеяна булыжниками и обломками плитняка. Из камней, перемешанных с землей, состояла и насыпь до глубины 1,42—2,13 *м*, ниже которой шел слой желтой глины с вкраплениями угольков (толщиной около 0,35 *м*), однородный со структурой насыпи восточной полы. Кроме того, в тех местах западной половины, которые оказались не затронутыми грабительскими ямами (ближе к восточной и южной сторонам), на глубине 0,71—1,42 *м* В. М. Сысоев обнаружил более крупные каменные плиты размерами до 1,77 × 0,71 *м*. Последние, как предполагает раскопщик, лежали in situ и «составляли, по-видимому, нижнюю настилку кургана, на которой была воздвигнута остальная насыпь»[80]. Однако это утверждение В. М. Сысоева находится в явном противоречии со всеми его сведениями о величине насыпи и глубине залегания находок. Более вероятным представляется видеть в этих плитах остатки погребальной камеры типа каменного ящика или склепа. Судя по уровню залегания каменных плит и вещей, встречавшихся до глубины 2,13 *м*, каменная гробница располагалась скорее всего не на материке (2, 85 *м* от поверхности), а в насыпи или слое погребенной почвы. Возможно, она была сделана на месте, о чем свидетельствует большое количество плитняка в насыпи, представляющего собой, по-видимому, строительные отходы. При сооружении впускной гробницы могла быть использована насыпь древнейшего кургана с частичной досыпкой из земли, смешанной с камнями. Не исключается и то, что насыпь над поздней могилой была присыпана с западной стороны кургана позднескифского времени.

К захоронению в каменной гробнице, может быть, относится фрагмент лобной части человеческого черепа, найденный в западной половине кургана. Исходя из состава описанных выше вещей — преимущественно золотых украшений и зеркала, можно заключить, что в гробнице была похоронена знатная женщина. К сожалению, полнейшее отсутствие сведений о погребальном обряде лишает нас возможности определить этно-культурную принадлежность этого захоронения. В то же время структура насыпи и наличие каменной конструкции позволяет сопоставить его с такими хорошо известными курганами Прикубанья, правда, более раннего, позднеэллинистического времени, как Северский, Бесленеевские и другие, которые обычно рассматриваются исследователями как памятники меотской культуры[81].

---

[79] ОАК за 1895 г., стр. 110 (гробница 586 с херсонесской монетой 79—96 гг. н. э.), стр. 112—113 (гробница 599 с пятью монетами 78 или 53—54 гг. н. э.).

[80] Архив ЛОИА, ф. 1896/118, стр. 28.

[81] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 8, 9.

L. K. Galanina

SÉPULTURE INTRODUITE DU PREMIER SIÈCLE DE NOTRE ÈRE DANS LE TUMULUS DE KOURDJIPS

Résumé

L'auteur jette les fondements de l'existence, dans le tumulus de Kourdjip, de deux complexes funéraires: d'une sépulture principale se rapportant à la fin du IVe s. ou à la limite des IV—III s.s. avant notre ère et d'une sépulture introduite ultérieure.

L'article cite les données de l'analyse typologique et stylistique d'un groupe d'objets attribués à la sépulture introduite et démonre l'appartenance de celle-ci à la première moitié du premier siècle de notre ère.

La datation proposée de deux sépultures se rapportant aux époques différentes permet de reconsidérer toutes les observations précédentes concernant la chronologie dudit monument.

В. А. КУЗНЕЦОВ

АЛАНСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА И ЕЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В V—XIII ВЕКАХ

С глубокой древности Кавказ отличался крайней сложностью этнокультурной среды, зафиксированной в письменных источниках. Так, по Страбону (I в. н. э.), в город Диоскуриаду (совр. Сухуми) собирались для торговых операций представители 70 народностей [1]. Средневековые авторы подтверждают картину существовавшей на Кавказе племенной пестроты и чересполосицы. По свидетельствам арабов Масуди, ал-Факиха, Истахри, армянского автора Фомы Арцруни (X в.), в горах Кавказа жило 72 разноязычных племени [2], а Ибн-Хаукаль, говоря о Кавказе, сообщает: «...на нем 360 языков; я раньше отрицал это, пока не видел сам много городов и в каждом городе есть свой язык, помимо азербайджанского и персидского» [3]. Несмотря на вероятные цифровые преувеличения, достоверность приведенных сведений в целом не вызывает особых сомнений.

Следует, однако, заметить, что раннесредневековая северокавказская этническая среда все же не представляет картины безнадежного хаоса, в котором нет возможности разобраться. В настоящее время можно уверенно говорить о существовании на севере Кавказа крупных этнических массивов: адыгского на западе, аланского в центре и вайнахо-дагестанского на востоке [4]. Кроме них в степной и отчасти предгорной частях края находилось довольно значительное тюркское население, а в горах Центрального Кавказа обитали автохтонные кавказские племена. Таким образом, мы можем дифференцировать многоликую этническую среду Северного Кавказа на пять массивов. Последние в свою очередь дробились на большее или меньшее число родственных племен, давших средневековым авторам возможность говорить о Кавказе как о «горе языков и народов».

В изучении этих пяти этнических массивов археология северного Кавказа добилась положительных результатов. Однако многие вопросы еще не получили должного решения, а в некоторых случаях наблюдается путаница понятий, отнюдь не способствующая дальнейшему продвижению наших знаний. Между тем еще в 1956 г. А. А. Иессен справедливо писал о том, что «нужна дальнейшая работа по систематизации всего материала по хронологическим этапам и локальным культурным группам, без чего невозможен переход к конкретной истории древнего населения Северного Кавказа. Как хронологические, так и территориальные подразделения должны быть детализированы и уточнены. Особое внимание следует уде-

[1] Страбон. География. Перев. Г. А. Стратановского. М., «Наука», 1964, стр. 472.

[2] В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, стр. 189; Ибн-ал-Факих. Из книги о странах. Перев. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXI. Тифлис, 1902, стр. 33; Истахри. Из книги путей и царств. Перев. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 13; Фома Арцруни. История дома Арцруни. Архив СОНИИ, ф. 1, № 137, л. 65 (перев. М. Дарбиняна).

[3] Ибн-Хаукаль. Из книги путей и царств. Перев. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXVIII, стр. 97.

[4] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 395—396.

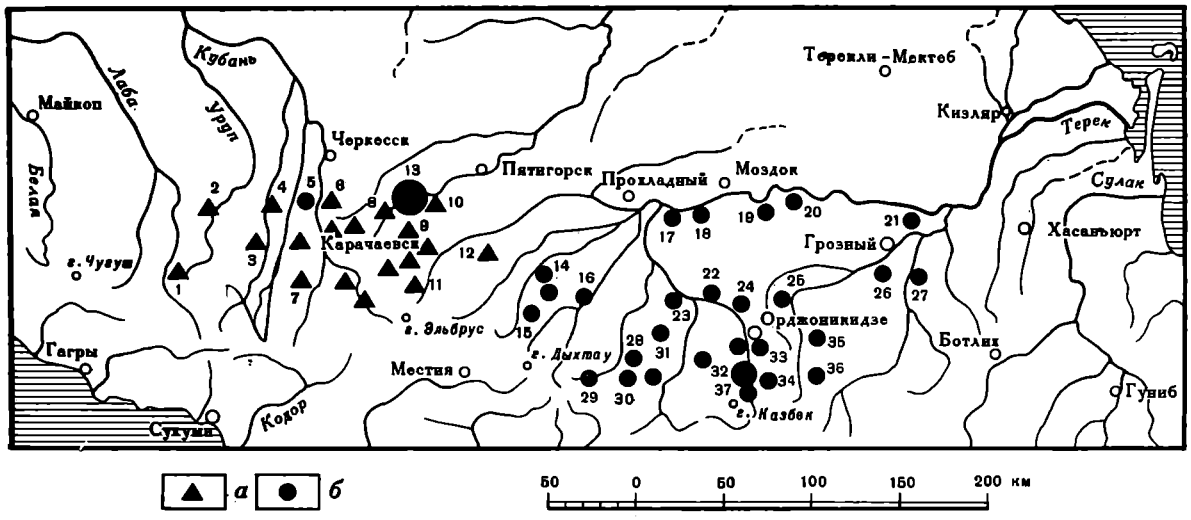


Рис. 1. Два варианта катакомбных погребений аланской культуры Центрального Кавказа

1 — Мощевая балка, *2* — хут. Ильич, *3* — Нижний Архыз, *4* — Крейда, *5* — Байтал-Чапкан, *6* — Эмурка, *7* — Сенты, *8* — Рим-Гора, *9* — Эшкакон, *10* — Подкумок, *11* — Хасаут, *12* — Гунделен, *13* — район Кисловодска (около 30 мотильников), *14* — Шалушка, *15* — Песчанка, *16* — Урвань, *17* — Нижний Джулат, *18* — Терекское, *19* — Братское, *20* — Гвардейское, *21* — Червленая, *22* — Брут, *23* — Змейская, *24* — Беслан, *25* — Сурхохи, *26* — Алхан-Кала, *27* — Дуба-Юрт, *28* — Хазнидон, *29* — Камунта, *30* — Садон, *31* — Архон, *32* — Балта и Харх, *33* — г. Орджоникидзе, *34* — Гоуст, *35* — Фельдмаршальская, *36* — Верхний Алкун, *37* — Верхний Ларс. *а* — скальные катакомбы и их вариации, *б* — земляные катакомбы

лить разработке общепринятой периодизации и номенклатуры этапов и культурных групп»[5].

В данной статье мы обращаемся к рассмотрению аланской археологической культуры Центрального Кавказа V—XIII вв. Под понятием «Центральный Кавказ» в основном имеется в виду как горный район между Казбеком и Эльбрусом (т. е. междуречье Терека и Кубани), так и прилегающая к этому району часть Предкавказья. Несколько сложнее с понятием «археологическая культура», дискутируемым сейчас в специальной литературе. Не предлагая каких-либо новых решений и формулировок и придерживаясь уже наметившихся в советской науке позитивных определений археологической культуры[6], подчеркнем то обстоятельство, что в конкретных условиях Северного Кавказа эпохи раннего средневековья[7] с археологическими культурами можно связывать вполне определенные этнические группы. Разумеется, приводимое ниже отождествление археологических культур с этническими группами достаточно схематично и не раскрывает всех глубинных этнических и социальных связей, существовавших в реальной исторической действительности.

В первых веках нашей эры в равнинно-предгорной части Северного Кавказа появляются катакомбные могильники, характеризующиеся наличием преимущественно подкурганных камер и генетически связанные с более ранними катакомбными могильниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья[8]. Первоначально они были известны главным образом в двух районах — в Прикубанье («Золотое кладбище») и в долине р. Сунжи

---

[5] А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 17.

[6] См., например: И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. СА, 1970, 2, стр. 29; Л. С. Клейн. Проблема определения археологической культуры. Там же, стр. 51; его же. Was ist eine archäologische Kultur? EAZ, 3, 1971, S. 321—343.

[7] Хронологические рамки эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе еще строго не определены и являются условными.

[8] К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, 1, стр. 73—80.

(Алханкалинский могильник), что дало возможность Л. Г. Нечаевой говорить о двух группах аланского населения первых веков нашей эры в Предкавказье[9]. В настоящее время территориальный разрыв между этими двумя районами быстро заполняется; наряду со старыми памятниками (Пседах, Алхан-Кала, Алхасте) за последние годы открыт ряд новых катакомбных могильников (Брут, Мало-Кабардинская оросительная система, Клин-Яр, Братское, Учкекен, Усть -Джегутинская, р. Юца, Нижний Джулат, Зеленокумск) первых четырех веков нашей эры. Территориальное размещение их (рис. 1) показывает, что до V в. катакомбный обряд погребения известен исключительно в предгорно-равнинной части Северного Кавказа.

После гуннского нашествия количество катакомбных могильников на Центральном Кавказе увеличивается. Вместе с тем катакомбный обряд погребения в V—IX вв. широко распространяется не только в непосредственной близости к горам, но и в горах. В литературе уже отмечена связь этого явления с гуннским нашествием и продвижением различных кочевых тюркоязычных племен в глубь Предкавказья[10]. Л. Г. Нечаева, в частности, выдвинула интересное предположение о вытеснении в горы прикубанских племен — носителей катакомбного обряда погребения («Золотое кладбище») — болгарами[11].

Наиболее поздние катакомбные могильники относятся к X—XII вв.[12] и фактически функционируют до XIII в.— времени татаро-монгольского нашествия. Позже XIII в. их почти нет. Следовательно, появившись в I в. н. э., катакомбные могильники Северного Кавказа обнаруживают большую устойчивость во времени и пространстве, существуя главным образом в пределах Центрального Кавказа 1200 лет. Очерчивая верхнюю и нижнюю хронологические рамки катакомбных могильников, мы тем самым отводим как выводы Е. П. Алексеевой (аланская катакомбная культура начинается только с IV в.[13]), так и Л. Г. Нечаевой (аланская катакомбная культура развивается в эпоху позднего средневековья в склеповых сооружениях[14].)

В настоящее время признано, что раннесредневековый катакомбный обряд погребения на Северном Кавказе связан с ираноязычными племенами алан, выделившимися на рубеже нашей эры из среды аорских племен Северного Прикаспия — Южного Приуралья[15], в начале нашей эры расселившимися на Северном Кавказе и потеснившими (возможно, частично ассимилировавшими) сарматское племя сираков[16]. Известно также, что

---

[9] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Архив ИА АН СССР, ф. 2, д. № 1338.

[10] Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, стр. 618; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, стр. 14.

[11] Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 158.

[12] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26—29; А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244; его же. Катакомбы Рим-Горы. СА, 1970, 2, стр. 198—210.

[13] Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов). Тр. ЧНИИ, II, Черкесск, 1954, стр. 252, прим. 224.

[14] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе, стр. 190—192, 208; ее же. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин. Тезисы докладов годичной научной сессии ЛО ИЭ АН СССР, Л., 1968, стр. 67—69.

[15] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 108, 109; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, 1954, стр. 204; Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений, стр. 156.

[16] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, 46, 1952, стр. 16; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; его же. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1968, 1, стр. 54.

племена алан создали на Центральном Кавказе яркую оседлую культуру, базировавшуюся на начавшемся вскоре после гуннского нашествия развитии раннефеодальных отношений, политической и этнической консолидации, усилении внутренних и внешних связей. Эта культура получила название аланской, но понятие «аланская культура» по сей день имеет расплывчатое содержание.

После известных работ А. А. Спицына и Ю. В. Готье, а также после выступления М. И. Артамонова казалось установленным, что катакомбные могильники Подонья и Северного Кавказа принадлежат аланам и могут быть своего рода эталоном [17]. Четкость определения в данном случае не вызывает сомнений.

Однако в дальнейшей практике археологических исследований эта четкость постепенно была утрачена, и к аланской культуре стали относить буквально все виды памятников раннего средневековья на территории Центрального Кавказа. Не последнюю роль в этом смещении археологических понятий и категорий сыграли суждения такого авторитетного исследователя, как Е. И. Крупнов. Так, в одной из своих статей он писал: «Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубах и т. д., и могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность... На примерах способов погребения эпохи раннего средневековья как нельзя лучше убеждаешься в том, что на Кавказе, и особенно в горной его части, такие признаки, как погребения в каменных ящиках, и другие, ранее казавшиеся устойчивыми, позволяющими характеризовать собою определенные комплексы памятников, в действительности не являются таковыми» [18]. Характеризуя памятники аланской культуры Северного Кавказа в более поздней, обобщающей работе, Е. И. Крупнов пишет: «В подавляющем большинстве это могильники, состоящие из довольно разнообразных типов погребальных сооружений: индивидуальных или семейных катакомб, подземных каменных коллективных склепов, просто грунтовых захоронений и, наконец, случайных вещей» [19]. Отражение тех же взглядов можно найти и в других его работах [20].

Представление об аланской культуре как об аморфном и даже территориально-хронологическом понятии получило довольно широкое распространение в археологической литературе, причем с аланской культурой безоговорочно связывались как катакомбы, так и каменные ящики, подземные и полуподземные склепы и т. д. [21]. Сказанное полностью применимо и к монографии автора этих строк, где в археологическую характеристику аланской культуры включены не только катакомбные, но и склеповые могильники различных типов, каменные ящики, надземные гробницы, хотя наряду с этим и отмечалась некоторая неправомерность подобных отождествлений [22].

---

[17] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, нов. сер., XIX, 1909, январь, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? ИГАИМК, V, Л., 1927, стр. 78—80; М. И. Артамонов. Рец.: A Zakharow und W. Arendt. Studia Levedica. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 243—246.

[18] Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан — оссов. ВДИ 1938, 2/3, стр. 113—114.

[19] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, XVII. М., 1947, стр. 38.

[20] Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 35; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 359.

[21] См., например: Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 225; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 297—299.

[22] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 12, 118, прим. 379.

Совершенно очевидно, что настало время дифференцировать археологические материалы и приступить к размежеванию и по возможности четкой этнокультурной атрибуции археологических культур Центрального Кавказа эпохи раннего средневековья. Прежде всего следует рассмотреть аланскую археологическую культуру. Эта задача не представляется ни новой, ни особо сложной, ибо основные структурные компоненты археологической культуры алан определены и ни у кого серьезных возражений не вызывают.

Рассматривая аланскую культуру в целом, мы не можем не отметить наличия в ней двух локальных групп археологических памятников — восточной и западной. Вопрос о двух локальных вариантах внутри аланской культуры был поставлен нами еще в 1962 г., но глубокой разработки пока не получил [23]. Кратко остановимся на характеристике двух упомянутых групп памятников.

I. Восточная группа (рис. 1, 13—37). Как уже говорилось выше, характернейшим компонентом аланской культуры Центрального Кавказа является катакомбный обряд погребения, совершенно несвойственный местным кавказским культурам ни данной, ни предшествующих эпох и явно привнесенный извне. В конкретных исторических условиях Северного Кавказа он является этническим признаком и с аланами связывается достаточно обоснованно. Более того, М. П. Абрамова недавно выделила признаки, типичные именно для северокавказских аланских катакомб: узкий вход, соединявший камеру с дромосом, и коллективный характер захоронений [24].

Коснемся спорного вопроса о подбойных погребениях. После исследования П. Рау [25] большинство археологов приписывали подбои Нижнего Поволжья первых веков нашей эры аланам [26]. В 1961 г. Л. Г. Нечаева попыталась пересмотреть эту точку зрения, категорически отвергнув их связь с сарматами вообще и с аланами в частности и приписав их гуннам [27]. При этом она не учла, что подбойные погребения существовали в сарматских степях задолго до появления здесь гуннов [28] и уже поэтому их появление не может быть поставлено в связь с движением этих кочевников. Кроме того, М. П. Абрамова убедительно показала совпадение ареала подбоев первых веков нашей эры с территорией расселения алан этого времени вне Кавказа [29]. Учитывая сказанное выше и вполне очевидную конструктивную (несмотря на разницу в деталях) и функциональную связь подбоев и катакомб, мы склонны считать подбойные погребения Северного Кавказа также принадлежащими сармато-аланам.

Что касается погребального обряда, связанного с земляными катакомбными могилами, то дать ему какую-либо унифицированную характеристику за столь длительный период вряд ли возможно. В различных районах аланской культуры и на разных хронологических этапах существовали локальные особенности, вероятно, объяснявшиеся как влиянием

---

[23] Там же, стр. 56.

[24] М. П. Абрамова. Исследования Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 94.

[25] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.

[26] См., например: К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», V, 1947, стр. 82; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 100—121.

[27] Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений, стр. 156—158.

[28] М. А. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 55.

[29] М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника. Уч. зап. КБНИИ, XXV, Нальчик, 1967, стр. 153—154.

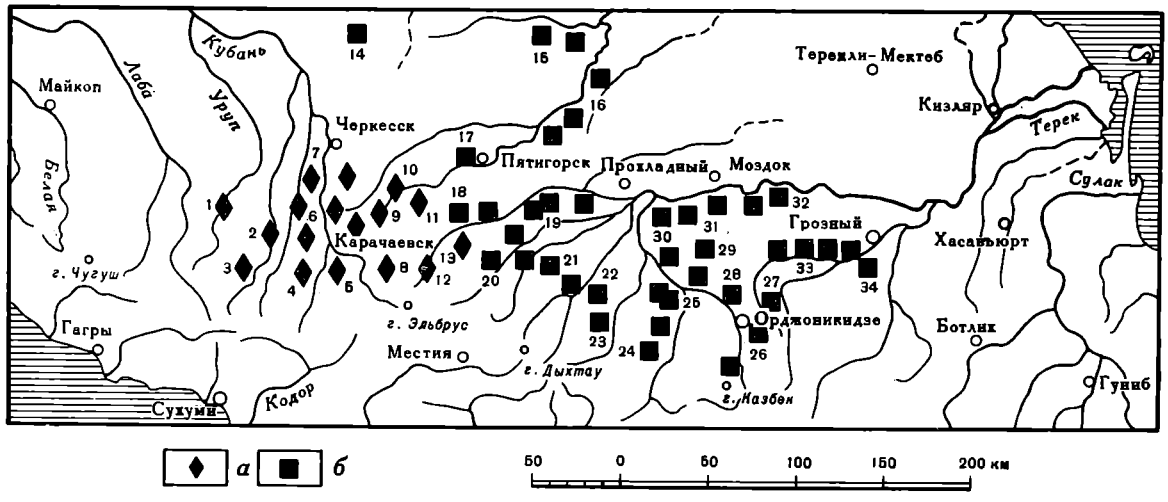


Рис. 2. Два варианта городищ аланской культуры Центрального Кавказа

1 — хут. Ильич, *2* — Нижний Архыз, *3* — Верхний Архыз, *4* — Амгата, *5* — Гиляч, *6* — Адиюх, *7* — Байтал-Чапкан, *8* — Узун-Кол, *9* — Уллу-Дорбунлу, *10* — Рим-Гора, *11* — Клин-яр, *12* — Хасаут, *13* — Гунделен, *14* — Татарка, *15* — система городищ на р. Томузловке (по Т. М. Минаевой), *16* — система городищ на р. Куме (по Т. М. Минаевой), *17* — Провал, *18* — Сармаково-Каменномостское, *19* — система городищ в районе с. Куба (по И. М. Чеченову), *20* — Заюково, *21* — район г. Нальчик, *22* — Аргудан, *23* — Старый Лескен, *24* — система городищ на р. Дур-Дур, *25* — Змейская и Верхний Джулат, *26* — г. Орджоникидзе, *27* — Сурхохи, *28* — Беслан, *29* — Заманкул, *30* — Нижний Джулат, *31* — Терекское, *32* — Киевское, Октябрьское, Гвардейское, *33* — система городищ по р. Сунже, *34* — Алхан-Кала. *а* — «каменные» городища, *б* — «земляные» городища

неоднородной местной кавказской среды[30], так и наличием родоплеменных групп в среде самих алан. Различия в погребальном обряде нередко наблюдаются в пределах одного могильника.

Ареал земляных аланских катакомб на западе ограничен районом Кавказских Минеральных Вод (многочисленные могильники в районе Кисловодска), на востоке — долиной р. Аргун (Дуба-Юрт), на севере — правобережьем среднего течения Терека (Нижний Джулат, Терекское, Братское, Гвардейское, Червленая), на юге они доходят почти до Главного Кавказского хребта (Верхний Алкун, Верхний Ларс, Верхний Садон, Камунта). Находящийся к западу от очерченной территории могильник Байтал-Чапкан на р. Малый Зеленчук является в этом районе единственным пока исключением[31].

В пределах намеченного ареала выделяется значительная группа городищ (рис. 2, 14—34). Они характеризуются прежде всего сложной планировкой, в соответствии с особенностями которой И. М. Чеченов делит их на четыре типа[32]. Как правило, городища состоят из двух частей (детинца и посада), во многих случаях они имеют, кроме того, возвышенный холм — цитадель (донжон) и отдельно стоящий в направлении степи

---

[30] Там же, стр. 154—156; е е ж е. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г., стр. 94.

[31] Интереснейшие раннесредневековые катакомбные могильники в последние годы исследуются в северном Дагестане, т. е. на исторической территории Хазарского каганата, в жизни которого аланы принимали деятельное участие (В. А. К у з н е ц о в. Аланы и раннесредневековый Дагестан. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 265—271; Н. Д. П у т и н ц е в а. Верхне-Чирюртовский могильник. МАД, 1, Махачкала, 1961, стр. 248—264; М. Г. М а г о м е д о в. Результаты археологических исследований Верхне-Чирюртовского раннесредневекового могильника в 1969—1970 гг. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 212—213). В настоящей статье нет возможности рассмотреть эту группу катакомбных могильников, требующих специального изучения.

[32] И. М. Ч е ч е н о в. Средневековые городища Кабардино-Балкарии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР, стр. 205.

сторожевой холм (форпост). Иногда детинец бывает разделен рвами на две-три части (Киевское городище у г. Моздок).

Вторая весьма характерная черта городищ восточной группы — мощные земляные укрепления. Валы очень редки (городища Алхан-Кала, Старый Лескен [33].) Доминирующий вид укреплений — рвы, ширина которых доходит до 40 *м* при глубине до 10—15 *м* (Алхан-Кала, Гвардейское, Октябрьское, Киевское, Змейское, Хамидия, Терекское, Старый Лескен, Баксан [34] и т. д.). Каменных укреплений не встречается, что дало основание И. М. Чеченову назвать рассматриваемые горидища равнинной зоны Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии «земляными» [35].

Третья характерная черта — значительная толщина культурного слоя, достигающая 3, 5—6 *м* («Каууат» около с. Брут, Хамидия, Терекское, Нижний Джулат) [36], что объясняется не только длительностью их существования, но и наличием на городищах восточной группы специфического домостроительства из легко разрушавшегося турлука.

Наконец, следует отметить еще одну характерную для городищ этой группы деталь — обилие ям различного назначения (зерновых, мусорных, хозяйственных). Так, на Змейском городище на площади 208 $м^2$ обнаружено 36 ям [37].

Городища восточной группы связаны с катакомбными могильниками. Последнее подтверждается не только совпадением тех и других во времени и пространстве, но и тем, что многие известные нам катакомбные могильники приурочены к городищам восточной группы (Алхан-Кала, Гвардейское, Сурхохи, Нижний Джулат, Змейская, г. Орджоникидзе, «Каууат» и др.).

К сожалению, в горной зоне Центрального Кавказа мы до сих пор не знаем раннесредневековых городищ и поселений — возможно, они перекрыты современными населенными пунктами.

Керамика из катакомбных могильников и городищ восточной группы еще слабо изучена, но то, что мы о ней знаем, позволяет считать ее явлением синкретическим, впитавшим в себя две культурные традиции: сарматскую и кавказскую (рис. 3). Сарматские черты совершенно очевидны, о них писалось и они не раз иллюстрировались [38]. По нашему мнению, сарматским элементом в аланской городищенской керамике второй половины I — начала II тысячелетия н. э. являются глиняные стаканооб-

---

[33] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года. «Записки» ЧИНИИ, 1, Грозный, 1938, стр. 9, И. М. Чеченов. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 году. Уч. зап. КБНИИ, XXV, Нальчик, 1967, стр. 115.

[34] См. опубликованные городища: Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, 110, 1935, стр. 13, рис. 2; П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. Уч. зап. КБНИИ, II, Нальчик, 1947, стр. 302—307; Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. зап. КБНИИ, IV, Нальчик, 1948, стр. 290—296, 318—327; И. М. Чеченов. Ук. соч.; В. Б. Деопик. Змейское средневековое селище. МАДИСО, I. Орджоникидзе, 1961, стр. 37—50; А. П. Круглов. Ук. соч.; Т. М. Минаева. Археологические разведки в долине р. Сунжи. СНТСГПИ, 13, Ставрополь, 1958; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, рис. 11, 18, 19, 23—31.

[35] И. М. Чеченов. Средневековые городища Кабардино-Балкарии, стр. 205; его же. Древности Кабардино-Балкарии, стр. 112.

[36] И. М. Чеченов. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965, стр. 110, 113; его же. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. Там же, стр. 195.

[37] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 38—39.

[38] См., например: Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 294—295; И. М. Чеченов. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г., стр. 123—125; его же. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г., стр. 217—218; В. А. Кузнецов. Раскопки Змейского поселения VIII—X вв. МАДИСО, II, Орджоникидзе, 1969, стр. 95; В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 46—48.

разные курильницы, связанные с культом солнца и огня. Ареал их довольно точно совпадает с ареалом земляных катакомб и «земляных» городищ[39]. Думаю, что эти курильницы можно считать одним из эталонов восточной группы аланских памятников[40].

Кавказские элементы представлены как в некоторых формах сосудов (например, широко распространенные до VIII в. черноглиняные сосуды с сосцевидными налепами,[41] имеющими прототипы еще в кобанской культуре,[42] двойные биноклевидные сосуды, также представленные в кобанской культуре[43], и т. д.), так и в доживающих до XIII в. зооморфных ручках, имеющих местное кавказское происхождение[44].

Керамика, типичная для аланских городищ восточной группы, представляет в целом очень выразительный и устойчивый комплекс, ведущие типы которого опубликованы[45]. Среди них назовем большие тарные пифосы с остроребернными налепными вертикальными и горизонтальными валиками, миски поволжско-сарматского облика, горшки с круто отогнутыми венчиками, украшенными косыми вдавлинами, насечками, зубчатым штампом, кувшины столовые с вертикальными или перекрещивающимися лощеными полосами. Встречаются плоские глиняные жаровни типа сковороды. На многих ручках есть характерные налепы «воротнички». Цвет керамики преимущественно черно-серый.

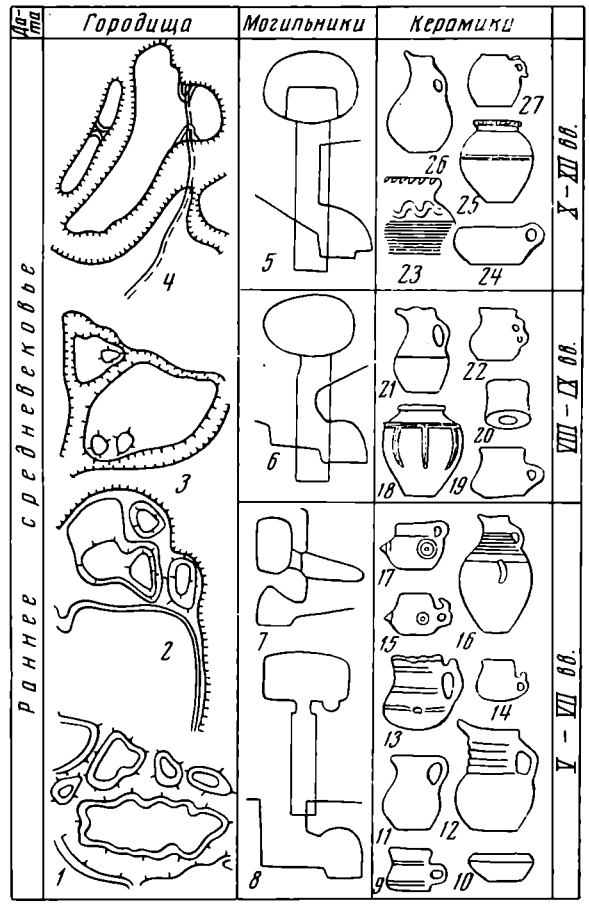


Рис. 3. Восточный вариант аланской культуры

1 — Аргудан, *2* — Урвань, *3* — Октябрьское, *4* — Гвардейское, *5* — Нижний Джулат, *6* — Байтал-Чапкан, *7* — Песчанка, *8* — Змейская, *9, 11* — Байтал-Чапкан, *12* — Нижний Джулат, *13, 14* — Кисловодск, *15—16* — Хазнидон, *17* — Пятигорск, *18—19* — Песчанка, *20, 21* — Змейская, *22* — Харх, *23, 24* — Змейская, *25* — Ерустам, *26* — Змейская, *27* — Верхний Джулат

---

[39] В. А. Кузнецов. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 47—51, карта.

[40] Там же, стр. 54.

[41] См., например: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 3, А, 1—2, Б, 10; А. П. Рунич. Аланские катакомбные могильники V—XIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях. МАДИСО, II, стр. 98, табл. 1, 3, 5, стр. 106, табл. VI, *3, 12, 13,* стр. 108, табл. VII, *15, 23.*

[42] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 74, рис. 70; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. МАДИСО, I, рис. 3, *1,* рис. 4, *2,* рис. 7, *1, 3*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. XVI, *3,* табл. XVIII, 5, табл. XIX, *3.*

[43] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XI, *1, 11,* стр. 242, рис. 197; Е. И. Крупнов. Ук. соч., табл. I, VIII, *1.*

[44] М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, 2, стр. 69—84.

[45] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР, рис. 8, 9, 13; В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 34; его же. Раскопки Змейского поселения VIII—X вв., рис. 5—7; В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 5, 8; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, рис. 4—10.

Таковы в кратком виде характерные черты восточной группы памятников аланской культуры.

II. Западная группа. Могильные сооружения — преимущественно скальные катакомбы (рис. 1, *1—13*), высеченные в пологих склонах гор, выходах скал и т. д.,— зачастую бывают лишены дромосов, в этих условиях иногда практически не нужных (например, Хасаут, Джашырын-Кала, Индыш). Конструктивно скальные катакомбы идентичны земляным. Особенно хорошо это видно по скальным могильникам, катакомбы которых имеют дромос [46]. Хронологическая и генетическая общность тех и других, как и их принадлежность к одной культуре, не вызывает сомнений.

Важно, что ареалы земляных и скальных катакомб почти не пересекаются. Ареал скальных катакомб на западе ограничен долиной р. Большой Зеленчук (могильник Крейда близ ст. Исправной), на востоке — верхним течением р. Баксан (Гунделен) [47]. Судя по существующим материалам, севернее Скалистого хребта скальные катакомбы не встречаются, за исключением района Кисловодска, где они выявлены у станции Подкумок [48]. Таким образом ареал скальных катакомб довольно точно накладывается на современную территорию Карачаево-Черкесии (за исключением ее северных районов).

Всего в настоящее время на указанной территории известно около 30 скальных катакомбных могильников, выявленных и обследованных главным образом Т. М. Минаевой и А. П. Руничем [49]. Наиболее крупные скальные катакомбные могильники, насчитывающие более сотни камер,— Хасаут, Рим-Гора, Шубшурук, Крейда. Могильники, как правило, ограблены, погребальный обряд (за исключением Рим-Горы и единственного захоронения в «Тихом уголке») [50] не известен. Т. М. Минаева суммарно относит скальные катакомбные могильники верхней Кубани к VIII—XII вв.[51] А. П. Рунич на основании индикаций византийских монет из могильника Джаги находит возможным отодвинуть нижнюю дату в VII в.[52] Такова существующая сейчас хронология скальных катакомб.

Подчеркивая общность генетических истоков земляных и скальных катакомб и их ближайшее сходство, необходимо еще раз отметить и их различие, подмеченное А. П. Руничем, не только в могильном сооружении, но и в погребальном инвентаре [53] и даже давшее Т. М. Минаевой основание говорить о скальных катакомбах как «новом виде погребальных сооружений». Мы не находим для этого достаточных оснований и

---

[46] А. П. Рунич. Катакомбы Рим-Горы, стр. 200, рис. 3.

[47] Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1229, стр. 9—10; П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. Уч. зап. КБНИИ, XVI, Нальчик, 1959, стр. 207, 208; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, стр. 56.

[48] А. П. Рунич. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 167—178.

[49] Т. М. Минаева. Новый вид погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 136—137. После того, как эта работа была подготовлена к печати, вышла в свет монография Т. М. Минаевой, посвященная скальным катакомбным могильникам верхней Кубани и подтверждающая наши выводы (Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья. Ставрополь, 1971). См. также: А. П. Рунич. Катакомбы Рим-Горы, его же. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска.

[50] А. П. Рунич. Катакомбы Рим-Горы, стр. 202—206; его же. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска, стр. 172, 173.

[51] Т. М. Минаева. Новый вид погребальных сооружений..., стр. 135; ее же. К истории алан верхнего Прикубанья, стр. 142—157.

[52] А. П. Рунич. Скальные захоронения..., стр. 175.

[53] Там же, стр. 176—178.

считаем более верным говорить о выделении двух локальных вариантов внутри аланской археологической культуры.

Кратко остановимся на важном для этнических и культурных определений вопросе эволюции катакомбного обряда погребения. На основании накопившихся в настоящее время материалов по западной группе памятников можно проследить те постепенные изменения, которые претерпел этот обряд в горах.

Факты показывают, что аланское население западного варианта весьма упорно придерживалось традиционного погребального ритуала, связанного со строительством катакомб. Мы не знаем, почему эта часть алан предпочитала высекать катакомбы в скалах, а не в земле, но мы можем утверждать, что сооружение скальных катакомб было чрезвычайно трудоемким делом, зачастую опасным для жизни работающих на большой высоте (например Хасаут [54]). Приверженность древним традициям оказывалась сильнее здравого, с нашей точки зрения, смысла, ибо гораздо проще было хоронить своих сородичей в каменных ящиках или склепах в земле, как это делали на Кавказе испокон веков. Устойчивость погребального обряда как этнографического признака определенной этнической группы в данном случае выступает чрезвычайно ярко.

Однако строители скальных катакомб постепенно приходят к мысли о возможности использования естественных полостей и ниш в скалах, что существенно облегчало и ускоряло труд. И такие сооружения появляются. Недавно А. П. Руничем опубликованы чертежи скальных катакомб, где мы можем видеть эволюцию от обычной скальной катакомбы со всеми ее основными конструктивными элементами до «полукатакомбы», где используется естественный скальный навес, с внешней стороны закрытый каменной кладкой, имитирующей переднюю стенку катакомбы [55]. Иногда свод таких естественных скальных навесов специально подтесывался, чтобы он приобрел характерную для катакомб сферическую форму.

Дальнейшей ступенью в конструктивной эволюции скальных катакомб являются доследованные А. П. Руничем погребения на р. Эшкакон [56]. Здесь в длинном террасообразном скальном навесе были устроены «искусственные» катакомбы путем возведения насухо поперечных и одной продольной (фасадной) стенок, обмазывающихся глиной и доводившихся в высоту до свода навеса. Так получились камеры, где три стены были возведены, а четвертую стену и свод образовывали скалы навеса. Там, где местные условия были иными и подобных длинных навесов не было, аналогичные погребения устраивались в отдельных пещерках и нишах, сопутствующих мягким осадочным породам, легко поддающимся процессам денудации. Как правило, такие пещерные погребения с внешней стороны бывают закрыты либо каменной стенкой с обмазкой глиной, либо монолитной каменной плитой (Нижний Архыз, балка Балабанка на р. Уруп, ущелье р. Теберды).

Наконец, заключительным этапом в эволюции и вырождении скальных катакомб нам представляется богатый могильник Мощевая балка на р. Большая Лаба. Погребения здесь также приурочены к террасообразному скальному навесу, но совершены уже в каменных ящиках [57]. Эволюция связанного со скальными катакомбами обряда привела в конечном

---

[54] Там же, стр. 173.

[55] Там же, стр. 169, рис. 2, *1*, *4*, *5*.

[56] За возможность ознакомления с этими материалами приношу А. П. Руничу глубокую благодарность.

[57] А. А. Иерусалимская. Новые материалы из северокавказского могильника Мощевая балка и некоторые вопросы экономической и социальной истории адыго-аланских племен. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР, стр. 209.

счете к его качественной трансформации и слиянию с традиционно местным погребальным обрядом. Возможно, что к числу таких же позднейших модификаций следует отнести и погребения недалеко от аула Сенты на р. Теберде, исследованные И. А. Владимировым в 1899 г.[58] Захоронения здесь были совершены в каменных гробницах верхнекубанского типа[59], помещенных внутрь пещер.

Подчеркнем, что намеченная эволюция западноаланского погребального сооружения и обряда не представляет собой единого и непрерывного типологического и хронологического ряда от «классических» катакомб к пещерным захоронениям. Скорее наоборот, отдельные звенья этой цепи сосуществуют во времени и пространстве, указывая на длительность и сложность синкретического развития, приведшего на данной территории к исчезновению катакомб уже в домонгольский период и к постепенному переходу к новому погребальному сооружению и обряду.

В горной зоне восточного варианта (горная часть Северной Осетии и Ингушетии), вероятно, происходит одновременный и сходный процесс. Здесь катакомбные могильники также исчезают в домонгольский период, уступая место каменным ящикам и подземным склепам, и позже X в. они в горах не известны. Думается, что в этих фактах можно видеть не только культурную интеграцию, но и этническую ассимиляцию — слияние горных и степных элементов. Пожалуй, последний хронологический рецидив катакомбного обряда погребения представляют несколько видоизмененные катакомбы, выкопанные в овраге Кешниын в Шатоевской котловине (Чечня)[60]. В. И. Марковин называет их «пещерными камерами» и датирует XIV в., показывая в то же время непрерывное их использование вплоть до XVI в. Думается, что этот могильник мог быть оставлен группой аланского населения (к этому времени уже сильно смешанного), в конце XIII — начале XIV в. передвинувшегося с равнины в горы Чечни и искавшего в них убежища от монгольских завоевателей. Не исключено, что так же следует интерпретировать склепы-катакомбы, недавно открытые М. Х. Багаевым у с. Ушкалой[61].

Рассмотрев могильные сооружения западного варианта аланской культуры и их эволюцию, обратимся к городищам (рис. 2, *1—13*). Нам уже приходилось указывать на их отличия от городищ восточного варианта[62]. Наиболее характерная их черта — почти полное отсутствие земляных фортификационных сооружений (редкие примеры наличия рвов — городища Узун-Кол и Адиюх, валов — Крейда). В ареале скальных катакомбных могильников и пещерных погребений доминируют иные принципы фортификации: каменные оборонительные стены, иногда в комплексе с башнями (Узун-Кол, Хасаут, Адиюх, Гунделен). В топографии, протяженности, мощности, характере кладки стен устойчивой закономерности нет, здесь все зависело как от местных условий, так и от функций стен. Так, если на городище Адиюх по раскопкам Т. М. Минаевой[63] толщина оборонительных стен равна 2,5 *м*, то на стратегически важной Хумаринской крепости стена с наиболее опасной (напольной) стороны имела толщину 6 *м*[64]. Городища Хумаринское, Байтал-Чапканское и Инджир-

---

[58] ОАК за 1899 г. Спб., 1902, стр. 54, 55, рис. 102.

[59] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 14, *1—8*.

[60] В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 101—107.

[61] М. Х. Багаев. Работы в Аргунском и Джерахском ущельях Чечено-Ингушетии. АО — 1971. М., 1972, стр. 130.

[62] В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 59.

[63] Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 2229, стр. 3, 4.

[64] В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, 1, стр. 299.

Гата были окружены стеной по периметру, тогда как Адиюх, Гиляч, Нижний Архыз, Джашырын-Кала, городище на горе Шпиль укреплены стенами на отдельных, наиболее опасных участках [65]. На Нижне-Архызском городище X—XIII вв. нами зафиксирована система, состоящая из трех оборонительных стен и остатков дозорных башен на выступающих скалах.

В полном соответствии со сказанным находится характер домостроительства. Если для восточной группы аланских памятников характерны турлучные постройки при отсутствии каменных, то для западной группы, наоборот, присущи многокамерные каменные постройки. В целом строительная культура на западе Алании достигла более высокого уровня, что документируется наличием здесь двухэтажных сооружений (Нижний Архыз, Гиляч, Инджир-Гата [66]) и зачатками башенного строительства.

На городищах западной группы нет земляных ям, в изобилии встречающихся в памятниках восточной группы (за исключением «пограничных» городищ Рим-Гора и Клин-Яр в районе Кисловодска, где ямы вырублены в скальном массиве [67]).

Судя по наблюдениям Т. М. Минаевой, зерно и припасы хранили в надземных кладовых (Адиюх) [68].

Топография городищ западной группы не менее сложна, чем восточной, и также свидетельствует о глубокой социальной дифференциации общества.

Заканчивая наш краткий обзор городищ западной группы, отметим, что И. М. Чеченов верно подметил контраст между ними и городищами восточной группы, назвав их соответственно «каменными» и «земляными» [69]. Подчеркнем также, что многие скальные катакомбные и пещерные могильники приурочены именно к городищам западной группы (Гунделен, Рим-Гора, Хумара, Амгата, Джашырын-Кала, Нижний Архыз, Крейда, хут. Ильич). Связь тех и других очевидна.

Керамика западной группы аланских памятников (рис. 4) обнаруживает как тесные связи с керамикой восточного варианта (высокогорлые кувшины с носиком-сливом, тарные пифосы с налепными остроребернымн валиками, серо- и черноглиняные кухонные горшки с отогнутыми венчиками, украшенными косыми насечками, вдавлинами, зубчатым штампом, чернолощеные приземистые кувшины с сосцевидными налепами на корпусе и т. д.), так и явные отличия от нее. В этой связи прежде всего укажем на отсутствие в керамическом комплексе мисок поволжско-сарматского облика и цилиндрических глиняных курильниц, столь типичных для городищенской керамики восточного варианта. В то же время существует ряд форм, не встречающихся в керамике восточного варианта. Часть их происходит из восточного Причерноморья [70] и Абхазии (оранжевые ангобированные сосуды с росписью, а также желобчатые амфоры),

---

[65] Т. М. Минаева. Городище Адиюх в Черкесии. КСИИМК, 60, 1955, стр. 110; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 300; Я. А. Федоров. Аланское городище и могильник Джашырын-Кала в верховьях Кубани. МАДИСО. II, стр. 113, рис. 3.

[66] В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 181; Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 3458, стр. 12.

[67] В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. «Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии», IX, Нальчик, 1961, стр. 210.

[68] Т. М. Минаева. К истории земледелия на территории Ставрополья. МИСК, 10, Ставрополь, 1960, стр. 275, 276.

[69] И. М. Чеченов. Средневековые городища Кабардино-Балкарии, стр. 205, 206.

[70] Т. М. Минаева. Поселение в устье реки Узун-Кол. СА, 1960, 2, стр. 200.

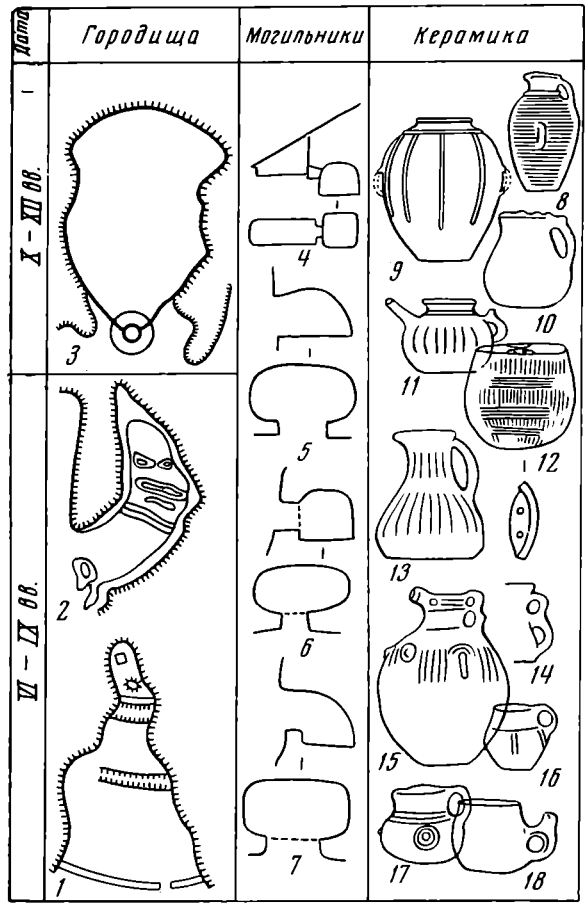


Рис. 4. Западный вариант аланской культуры

1 — Адиюх, *2* — Гунделен, *3* — Хумара, *4* — Рим-Гора, *5* — Индыш, *6* — Токмак-Кая, *7* — Гнакызы, *8* — Архыз, *9* — Адиюх, *10* — р. Кривая, *11* — Мощевая балка, *12* — Хасаут, *13* — Зеленчук, *14* — Сенты, *15*, *18* — Гиляч

другая часть несомненно местного производства. Мною выдвигалось предположение, что эта часть верхнекубанской керамики принадлежит к адыгской посуде[71]. Однако это не доказано, и не исключено, что ее своеобразие объясняется совершенно иными причинами (в частности наличием местного центра по выделке керамики.) Достаточно отчетливо на это указывает фактура глиняного теста, отличающаяся от фактуры керамики восточного варианта (пачкающая поверхность, большое количество керамики светлых тонов — розовых, охристых, коричнево-красных, оранжевых). Существует и некоторая разница в орнаментации сосудов[72]. В целом керамика западного варианта имеет меньше сарматских черт, нежели керамика восточного варианта. Нельзя не отметить и такую характерную форму керамики, как подвесные глиняные котлы с внутренними ушками, на территории западного варианта широко бытующие в VIII—XII вв. На востоке ареал глиняных котлов совпадает с ареалом скальных катакомб и «каменных» городищ (восточнее Ессентуков — Баксана находки котлов единичны), на западе он в настоящее время намечается по долине р. Кубани (западнее рек Теберды и Кубани они немногочисленны). Появление глиняных котлов, совершенно не присущих аланской керамике, связывается с расселением в верховьях Кубани группы древнеболгарского населения[73]. Но их широкое распространение на аланских городищах указанного района свидетельствует не только о мирном расселении болгар среди алан, но и о том, что аланы могли заимствовать эту форму посуды и пользоваться ею. Безусловно, глиняные котлы придают керамике довольно специфический вид.

Мы рассмотрели в общих чертах два локальных варианта аланской культуры Северного Кавказа V—XIII вв. Разумеется, со временем внутри них могут выделиться более узкие микровариантны, отдельные признаки которых кое-где уже намечаются[74]. Оценивая развитие аланской культуры в указанный период на территории Центрального Кавказа мы можем сделать три основных вывода.

1. Аланская катакомбная культура принадлежит к кругу степных культур юго-востока Европейской части СССР. Для Северного Кавказа она

---

[71] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 61, 62.

[72] Там же, стр. 114.

[73] В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 34—39; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 21—28.

[74] А. П. Рунич. Ук. соч., стр. 178.

является привнесенной и характеризуется ираноязычным этносом сарматского происхождения.

2. Наличие двух локальных вариантов внутри аланской культуры свидетельствует о неоднородности аланской этнической среды и наличии в ней двух родственных племен[75].

3. Развитие аланской культуры сложно и синкретично, оно характеризуется постоянным сближением с местной культурой и нарастанием кавказских элементов, начиная с первых веков нашей эры[76], что, вероятно, в сфере этнических отношений отражает синтез кавказского субстрата и ираноязычного суперстрата — процесс, в конечном счете завершившийся формированием новой этнической общности — осетинского народа.

Нам остается затронуть вопрос о культуре, которая бытовала в горной зоне Центрального Кавказа синхронно с аланской. Она представлена исключительно могильниками. Господствующие в горах могильные сооружения — каменные ящики, подземные и полуподземные склепы различных конструктивных вариаций — достаточно четко отличаются от аланских катакомбных могильников и должны относиться к совершенно иной этнокультурной среде. Поскольку и каменные ящики, и склепы в своих истоках уходят в эпоху бронзы и линия их развития в горах Центрального Кавказа прослеживается непрерывно в течение четырех тысячелетий (от II тысячелетия до н. э. до XIX в.), их можно считать глубоко местным, исконно кавказским явлением, связанным с историческим развитием автохтонного кавказского этноса. Раннесредневековая культура этого населения неоднородна и расчленена автором этих строк на три локальных варианта (западный, центральный и восточный[77]), вероятно, также соответствующих отдельным племенам.

Очевидно, нет достаточных оснований эту культуру механически смешивать с аланской культурой и ее памятники безоговорочно приписывать аланам, как это делалось до сих пор. Подобный подход и ведет к той деформации археологических категорий и исторических понятий, о которой упоминалось выше. В интересах дальнейшего изучения Центрального Кавказа и дальнейшей разработки его этнической истории представляется важным четко отделить средневековую культуру этой части горного Кавказа от синхронной культуры равнинной зоны и видеть в них при наличии ряда точек соприкосновения, разные археологические культуры.

Предлагаемое размежевание раннесредневековых археологических культур отражает весьма длительное сосуществование на севере Кавказа двух главных этнокультурных регионов — степного (входящего в область степных культур Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья) и горного (собственно кавказского), но, разумеется, недостаточно фиксирует факты взаимопроникновения и интеграции двух интересующих нас археологических культур и этносов. Нам представляется, что длительный и чрезвычайно сложный в условиях Кавказа процесс этнокультурной интеграции окончательно завершился вскоре после монгольского нашествия XIII в., что и положило начало как некоторым современным народам Северного Кавказа, так и новой исторической эпохе позднего средневековья.

---

[75] Что может быть связано с особенностями формирования аланского племенного объединения и аланской археологической культуры на основе двух сарматских северокавказских племен: спраков и аорсов. Западный вариант нами связывается с племенем асов спракского в своей основе происхождения, восточный вариант — с аланами аорского происхождения (см. В. А. Кузнецов. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии, стр. 52—54. Ср.: Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, стр. 100).

[76] М. П. Абрамова. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г., стр. 93—94; ее же. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника, стр. 154—256.

[77] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 43—119.

V. A. Kouznétsov

LA CIVILISATION DES ALAINS DU CAUCASE CENTRAL ET SES VARIANTES LOCALES DES V—XIII S. S.

Résumé

Les premiers siècles de notre ère ont vu apparaître au Caucase septentrional un nouvel usage funéraire: l'inhumation en catacombes qui n'avait ici de tradition précédente. Les chercheurs d'aujourd'hui le relient à la tribu sarmate des Alains.

A l'époque suivant l'invasions des Huns les nécropoles à catacombe apparaissent non seulement dans la plaine mais aussi dans les montagnes du Caucase Central où elles existent jusqu'au XIII siècle. Certains chercheurs attribuent également aux Alains les sépultures d'autres types: en cistes, en caveaux etc. ce qu'on ne peut pas tenir pour vrai. Lesdites formes de l'usage funéraire sont originellement propres à la population caucasienne autochtone. Pour l'auteur, la question consiste en délimitation distincte des civilisations archéologiques caucasienne et catacombienne.

Les données récentes de l'analyse des certains matériaux nord-caucasiens démontrent que la civilisation catacombienne n'était pas homogène et peut-être subdivisée en deux formes locales: orientale et occidentale. La première est caractérisée par les catacombes creusées en roches, les agglomérations fortifiées baties en pierre et par l'originalité de la poterie. Son aire couvre le cours supérieur de Kouban jusqu'à Kislovodsk et le territoire situé un peu plus à l'Est. La variante orientale est caractérisée par les catacombes creusées en pleine terre, les agglomérations fortifiées «en terre-battue» et par certaines particularités de la poterie. Son aire se trouve entre Kislovodsk et la rivière Argoune.

L'existence de deux variantes locales de la civilisation des Alains en V—XIII s.s. permet de dresser la question de l'existence, dans le carde du groupement de tribu des Alains, de deux tribus différentes bien que parentes.

М. Н. ФЕДОРОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ КОНЦА VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII В.

(К проблеме «черных дирхемов»)

Вопрос о так называемых «черных дирхемах» — один из наиболее интересных в истории денежного обращения на территории Средней Азии. Более того: «черные дирхемы» являются специфической особенностью среднеазиатского чекана конца VIII — первой половины XII в. Ученые и писатели мусульманского Востока того времени сообщают о трех разновидностях особого типа монет, ходивших в Средней Азии.

Наиболее подробное их описание приводит выдающийся арабский географ и путешественник X в. Ибн Хаукаль, завершивший свой труд около 976 г.: «У них (есть) дирхемы, (которые) называют гитрифийскими. Эти дирхемы из железа, меди, свинца и иных смесей, составленных посредством (сплавления) различных металлов. И эти дирхемы не обращаются (нигде), кроме как в Бухаре и в особых местностях за рекой (Амударьей). И из них дирхемы известные, как мухаммадийские. На них вычеканены изображения с нечитаемыми буквами, а знаки их известны. И они из чекана ислама и деяний предшественников (семьи) Асада бен Самана. И из них некие известны, как мусейябские, а эти из их сокровищ» [1].

О «черных дирхемах» писали также арабские географы Истахри (около 951 г.) и Макдиси (около 985 г.), причем Истахри перечисляет также металлы, из которых состоял сплав, шедший на изготовление дирхемов мухаммади: серебро, медь, железо и т. д. [2] Итак, самые дешевые были дирхемы гитрифи (в них, по сообщению Ибн Хаукаля, серебра не было); дирхемы мухаммади были подороже, так как в них было серебро, и самыми дорогими и, следовательно, высокопробными являлись дирхемы мусейяби, которые, по сообщению Ибн Хаукаля, были из числа сокровищ жителей Мавераннахра.

В 943 г. уроженец селения Нарша, расположенного в окрестностях Бухары, Мухаммад Наршахи, написал «Историю Бухары», в которой целый раздел посвятил дирхемам гитрифи [3].

Самые ранние по времени упоминания о «черных дерхемах» относятся к 826—828 гг. Ибн Хордадбех, автор географического сочинения, завершенного в первой редакции около 847 г., писал о налогах, поступавших в казну Тахиридов из Мавераннахра. Так, Бухара платила 1 189 200 дирхемов гитрифи; Согд, Буттем, Кеш, Несеф, Фергана и часть Усрушаны платили 1 417 000 дирхемов мухаммади; Шаш, Ходженд, часть

---

[1] Цитата приведена по статье: Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при саманидах. НЭ, VI, М., 1966, стр. 122.

[2] Там же.

[3] Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 48—50.

Усрушаны и тюркские города по Сырдарье платили 755 500 дирхемов мусейяби [4].

Для XI в. упоминание о дирхемах мусейяби, мухаммади и гитрифи имеется у историка Гардизи (около 1050 г.), который, в частности, сообщает, что дирхемы мухаммади названы так в честь Мухаммада ибн Дехде [5]. Сообщение это носит, видимо, легендарный характер и имеет мало общего с действительностью, ибо имя Мухаммад, помещенное на монетах бухархудатского типа, принадлежало наместнику Хорасана, а впоследствии халифу, Мухаммаду ал-Махди.

М. Е. Массон пытался объяснить сообщение Гардизи следующим образом: «Случайно тезкой халифа оказался тогдашний правитель Самарканда, Мухаммад бен Дехде. Новые дирхемы с именем Мухаммада получили потом название «мухаммадиек»» [6].

Кроме того, Гардизи сообщал, что перечисленные им монеты состоят из сплава меди и свинца. Е. А. Давидович считает, что ко времени Гардизи серебряные монеты «бухархудатского типа», которые она отождествляет с дирхемами мусейяби и мухаммади, должны были полностью исчезнуть из обращения, что было вызвано начавшейся в Средней Азии нехваткой серебра, так называемым серебряным кризисом. Поэтому, мол, во время Гардизи в обращении остались только низкопробные гитрифи, а Гардизи сведения о составе этих монет распространил на всю группу «дирхемов бухархудатского типа» [7].

В своей знаменитой «минералогии», написанной между 1040 и 1050 гг., выдающийся среднеазиатский ученый Абу Райхан Бируни писал: «К превратностям нашего времени относится приравнение гитрифийских монет к серебряным дирхемам в цене, а иногда даже повышение их курса над ними; между тем гитрифийские монеты — не что иное, как деньги, выбитые из меди с примесью серебра» [8]. Последнее по времени упоминание о дирхемах гитрифи относится к 1128 г. (522 году хиджры) [9]. Это сообщение принадлежит Ахмаду ал-Кубави, переведшему в 1128 г. сочинение Наршахи с арабского языка на персидский.

Что же представляли собой «черные дирхемы» и в чем их специфика? Прежде всего, одной из их особенностей было то, что, будучи выпущены в Средней Азии в пору повсеместного распространения и утверждения ислама, запрещавшего, как известно, делать изображения живых существ, «черные дирхемы» резко отличаются от общепринятого «халифатского» или «мусульманского» типа монет и несут на себе, хотя и стилизованные, но все же человеческие изображения.

На аверсе «черных дирхемов» изображен бюст правителя в зубчатой короне, увенчанной шаром и полумесяцем. Бюст обращен вправо. Перед лицом правителя вдоль края монеты идет искаженная согдийская надпись. Позади головы правителя — арабская надпись из одного, редко нескольких слов. Наиболее распространенный вариант арабской надписи — имя «Мухаммад» или «ал-Махди». На реверсе этих монет в центре — алтарь огня на ступенчатом основании. Над алтарем в языках пламени мужской бюст в короне, обращенный вправо. Это — дух огня. По сторонам жертвенника стоят два стража, обращенных лицом к алтарю. В руках у них копья. Большинство этих монет — билингвы, содержат арабскую и согдийскую надписи. Но есть две разновидности только с арабской надписью.

---

[4] Е. А. Давидович. Ук. соч., стр. 119.

[5] В. В. Бартольд. Сочинения. I, М., 1968, стр. 263.

[6] М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. Тр. ИИА АН УзССР, VII, Ташкент, 1955, стр. 193.

[7] Е. А. Давидович. Ук. соч., стр. 125.

[8] Абу-р-Райханал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Л., 1963, стр. 229—230.

[9] Мухаммад Наршахи. История Бухары, стр. 50.

Какова «родословная» монет, вошедших в науку под именем «черных дирхемов»? В V в. в Бухаре местные правители начали выпуск серебряных драхм по типу монет сасанидского правителя Варахрана V (421—438 гг.). Надпись на монетах Бухары расшифровывается в двух вариантах: «Бухар худат» (Государь Бухары) или «Бухар худ Кана» [10].

Через некоторое время выпуск этих монет был прекращен и возобновился лишь в VII в. За монетами, выпущенными после перерыва, закрепилось название «драхмы бухархудатского типа». Они выпускались согдийскими правителями Самарканда и Бухары. Согдийский правитель Самарканда Тургар (738—750 гг.) провел денежную реформу и выпустил новые монеты «бухархудатского типа» с пониженным до 50% содержанием серебра, средним весом в 2,97 *г* и изображениями, выполненными в новой «точечно-штриховой» технике. Впервые на монетах бухархудатского типа было помещено имя правителя, выпустившего их [11].

Несмотря на то что арабское завоевание Согда началось еще в конце VII в., арабы не вмешивались в денежное хозяйство Согда вплоть до середины VIII в., предоставляя право выпуска серебряной и местной монеты местным правителям. Последним из согдайских ихшидов (правителей) Самарканда, выпускавшим серебряную монету, был Тургар (738—750 гг.).

В середине VIII в. с приходом к власти халифов из рода Аббаса и утверждением в Согде аббасидской администрации арабы лишили местных правителей права выпуска монеты. Отныне серебряные монеты выпускались от имени аббасидских наместников Хорасана. За образец для новых монет были взяты драхмы Тургара со средним весом 2,97 *г* и содержанием серебра 50%.

По своему внешнему виду новые монеты не отличались от драхм Тургара, только вместо имени Тургара, написанного согдийскими письменами, на них теперь помещали имена аббасидских наместников Хорасана или халифов. Новые монеты получили в науке название арабо-согдийских.

Первые арабо-согдийские драхмы были выпущены наместником Хорасана Абу Даудом Халидом (755—757 гг.) [12]. Согласно сводке английского исследователя Дж. Уокэра [13], науке известны арабо-согдийские драхмы с именем (Мухаммад) и почетным прозвищем (ал-Махди) наместника Хорасана в 757—775 гг. и халифа в 775—785 гг. Мухаммада ал-Махди; драхмы с именем Халифа Мусы (785—786 гг.) и драхмы с именем халифа Харуна (787—809 гг.)

Харун ар-Рашид был последним халифом, при котором выпускались арабо-согдийские драхмы. Арабо-согдийские драхмы с именами халифов более поздних, чем Харун, науке неизвестны. Начавшись около 755 г., выпуск этих драхм продолжался не позже 809 г. Дальше уже идут «черные дирхемы»...

Итак у истока «черных дирхемов», известных Ибн Хаукалю и другим средневековым авторам, стояли арабо-согдийские драхмы. Выпуск «черных дирхемов» был начат не раньше второго десятилетия IX в.

Именно второе и начало третьего десятилетия IX в. стало для Средней Азии исходным периодом очень важного, коренного перелома в исторических судьбах ее народов. В 821 г. аббасидским наместником Хорасана впервые был назначен не араб, а представитель местного населения. Им оказался влиятельный иранский феодал из Гератской области, Тахир, оказавший в свое время немалые услуги халифу. Тахир и его потом-

---

[10] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 176.

[11] О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 161, 162.

[12] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 46.

[13] Подробнее об этом см.: М. Н. Федоров. О датировке одной группы дирхемов бухархудатского типа. НЭ, IX, М., 1971, стр. 122, 123.

ки создали самостоятельное, независимое от арабского халифата тахиридское государство.

В 819 г. наместниками различных областей Средней Азии стали братья Ахмад, Нух, Яхья и Ильяс, потомки Самана, местного феодала, перешедшего на службу к арабам. Саманидам было суждено создать одно из могущественных государств средневекового Востока. Конец второго и третьего десятилетия IX в.— это начало процесса возрождения местной государственности и культуры.

Итак, выпуск арабо-согдийских драхм с именами правящих халифов или их наместников был прекращен. Однако выпуск монет этого типа, но уже без имен правивших в то время халифов или их наместников продолжался не только в IX—X вв., но и в XI — первой половине XII в. Причем за образец для этих «черных дирхемов» были взяты наиболее распространенные из арабо-согдийских драхм: несущие на себе почетное прозвище халифа «ал-Махди» или реже его имя — «Мухаммад».

В сообщении Ибн Хордадбеха о податях Мавераннахра в 826—828 гг. фигурируют дирхемы мусейяби, мухаммади и гитрифи. Откуда произошли такие названия? Вернемся в VIII век...

За образец для первых арабо-согдийских драхм были взяты ходившие в то время в Согде драхмы Тургара с содержанием серебра в 50% и средним весом в 2,97 *г*. Не подлежит сомнению, что и арабо-согдийские драхмы имели такую же пробу, как и драхмы Тургара. Первые арабо-согдийские драхмы выпущены Абу Даудом Халидом (755—757 гг.). За свое кратковременное правление вряд ли он успел начеканить много таких монет. А денежный рынок требовал все новых и новых средств обращения в сфере серебра. И вот в правление наместника Хорасана (757—775 гг.), а затем халифа (775—785 гг.) Мухаммада ал-Махди происходит в широких масштабах выпуск арабо-согдийских драхм с именем «Мухаммад» или прозвищем «ал-Махди». Такие монеты выпускались в течение почти 30 лет, так что начеканено их было немало, почему они и составляли самый распространенный тип среди арабо-согдийских драхм. Халиф Муса правил около двух лет (785—786 гг.), а при Харуне (787—809 гг.) выпуск арабо-согдийских драхм пошел на убыль.

Надо сказать, что в это время в остальных частях халифата давно уже был налажен выпуск высокопробных дирхемов «общехалифатского типа», с содержанием серебра в 90—96%, но в Средней Азии чеканили арабо-согдийские драхмы по двум причинам: во-первых, население с большей охотой принимало «свои» местного типа монеты и, во-вторых, выпуск низкопробных дирхемов был выгоден казне.

О. И. Смирнова считает, что арабо-согдийские драхмы с именем Мухаммад предшествуют драхмам с прозвищем «ал-Махди» [14]. Итак, первые арабо-согдийские драхмы с именем Халида очень редки, а следующая серия монет носила имя «Мухаммад». Поэтому за арабо-согдийскими драхмами и утвердилось название «Мухаммади».

Мы знаем аналогичное явление для саманидского чекана. Первые серебряные дирхемы «общехалифатского типа» в чекане саманидов были выпущены в 887 г. в Самарканде [15] правителем Насром (864—892 гг.). Однако эта эмиссия была незначительна. Планомерный в больших масштабах выпуск серебряных высокопробных дирхемов «общехалифатского типа» начал брат Насра, Исмаил ибн Ахмад (892—907 гг.). Посему в народе за этими дирхемами укрепилось наименование «Исмаили» [16], т. е. по имени Исмаила, а не Насра.

---

[14] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 48. По О. И. Смирновой, драхмы с именем Мухаммад выпускались в 140 — не позже 151 г. Хиджры, т. е. в 757—768 гг.

[15] История Узбекской ССР. I, 1, Ташкент, 1955, стр. 192.

[16] Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при саманидах..., стр. 112.

В 766—783 гг. в Мавераннахре происходило мощное антиарабское и антифеодальное движение, вошедшее в историю как «Восстание людей в белых одеждах». В 780—783 гг. наместником Хорасана был назначен Мусейяб ибн Зухейр, перед которым была поставлена задача подавить восстание любой ценой. Учитывая ошибки своих предшественников, Мусейяб пытался проводить более гибкую политику: безжалостно расправляясь с повстанцами, он в то же время заигрывал с местным населением, делал некоторые уступки основной массе населения, все еще исповедовавшей зороастризм, пытаясь привлечь его на свою сторону.

Одним из таких мероприятий, по мнению М. Е. Массона [17], был выпуск Мусейябом высокопробных серебряных монет старого зороастрийского типа, т. е., иначе говоря,— высокопробных арабо-согдийских драхм. Весьма вероятно, что проба драхм Мусейяба соответствовала пробе серебряных дирхемов «общехалифатского» типа, имевших от 90 до 96% серебра.

Новые монеты, видимо, были встречены с одобрением, и за ними в народе утвердилось название «дирхемов мусейяби» по имени выпустившего их Мусейяба. Однако вскоре, по мнению М. Е. Массона, проба монет начала ухудшаться [18]. Не исключено, что последние арабо-согдийские драхмы, выпущенные с именами халифов Мусы (785—786 гг.) и Харука (787—809 гг.), снова вернулись к пробе первых арабо-согдийских драхм типа «мухаммади» (50% серебра или около этого).

Интересно, что название дирхемов «мухаммадия» засвидетельствовано не только в рукописных источниках, но и на самих монетах. Известны «дирхемы бухархудатского типа» из серебра с медью [19], но не билингвы, а только с арабской надписью: «Во имя аллаха. Мухаммад посланник аллаха. Мухаммадия (название монеты.— *М. Ф.*). Из того, что приказал (вычеканить.— *М. Ф.*) амир Али Сулейман». К сожалению, в надписи на монете не указана дата и место выпуска. М. Е. Массон считает датировку этого типа монет затруднительной [20], но, во всяком случае, они должны относиться к чекану аббасидских наместников Хорасана до образования государства Тахиридов, т. е. ко времени не позже 821 г.

На арабо-согдийских монетах засвидетельствовано еще одно название «махдия», которое, однако, не прижилось и в рукописных источниках не упоминается. Известны монеты с надписью «махдия халифа Харуна» [21]. Названия мусейяби и гитрифи — народные и на монетах не встречаются.

Итак, мы разобрали вопрос о происхождении названий «мухаммади» и «мусейяби». Что касается названия «гитрифи», то об этом повествует Мухаммад Наршахи (около 943 г.). В январе 792 г. наместником Хорасана был назначен Гитриф ибн Ата, брат матери халифа Харуна ар-Рашида. Гитриф оставался наместником Хорасана до конца 793 г. В это время к Гитрифу прибыла делегация от жителей Бухары с жалобой на то, что «бухарская монета» перестала появляться в обращении среди населения, и просила амира Хорасана (т. е. Гитрифа) «приказать чеканить монету по старому образцу (так! — *М. Ф.*) и сделать такую монету, чтобы ее никто... не вывозил из Бухары, а жители Бухары могли бы при помощи этих денег совершать свои торговые операции» [22].

---

[17] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 187.

[18] Там же, стр. 196.

[19] Монета из коллекции писателя С. П. Бородина. По причинам, от нас не зависящим, мы не смогли сделать химический анализ состава монеты. Во всяком случае, меди в ней было достаточно, так как до чистки монета была покрыта коркой зеленых окислов и имела «меднообразный» вид. Лишь после чистки было установлено, что она серебряная.

[20] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 183 и 193.

[21] Там же, стр. 183, 184.

[22] Мухаммад Наршахи. Ук. соч., стр. 49.

В чем же здесь дело? Высокопробные дирхемы типа мусейяби и даже более низкопробные мухаммади вывозились из Бухары в другие области или же частично припрятывались самим населением Бухары. В результате на денежном рынке Бухары ощущался острый голод в средствах обращения и особенно в сфере обращения серебряной монеты. Жители Бухары просили аббасидское правительство выпустить монету «старого типа», но такую низкопробную, чтобы ее уже никто не вывозил из Бухары и чтобы они могли при помощи этих монет совершать торговые операции в городе и его окрестностях.

Такие низкопробные монеты были выпущены и получили название дирхемов гитрифи. По сообщению Наршахи, из-за большого количества лигатуры монеты получились черные, и жители Бухары не хотели их принимать, «если же и принимали, то только по принуждению правительства. Тогда был установлен курс в 6 дирхемов гитрифи за один дирхем из чистого серебра, и правительство стало принимать монеты по этому курсу. Монета стала беспрепятственно обращаться в народе» [23].

Что же это за «дирхемы из чистого серебра», к которым приравнивались 6 гитрифи? Несомненно, речь идет о высокопробных дирхемах «мусульманского» или «общехалифатского» типа. Первые такие дирхемы были выбиты в Бухаре еще в 765—766 гг., а в Самарканде в 767—768 гг. Однако затем, во время «восстания людей в белых одеждах», выпуск «мусульманских», с религиозными формулами и стихами из корана, монет был приостановлен из политических соображений.

Выпуск «общехалифатских» дирхемов был возобновлен в Самарканде в 790 г., а в Бухаре — 808 г. [24]. Однако, видимо, выпуск этих дирхемов производился периодически, а основной ходячей монетой все еще оставались арабо-согдийские драхмы; в Бухаре — гитрифи; в Согде, Кеше, Несефе, Фергане и части Усрушаны — мухаммади, а в Шаше, Хадженте, части Усрушаны и в тюркских городах по Сырдарье — мусейяби.

Итак, ко времени образования Тахиридского государства в Мавераннахре обращалось четыре типа дирхемов: мусейяби, мухаммади, гитрифи («черные дирхемы») и высокопробные (90—96% серебра) дирхемы «общехалифатского» типа. Причем мусейяби по пробе, возможно, были близки к «общехалифатским», мухаммади — к тургаровским пятидесятипроцентным, а гитрифи — самые низкопробные.

Почему же новое правительство восприняло выпуск этих «черных дирхемов», и почему они обращались не только при тахиридах и саманидах, в IX—X вв., но и в XI — первой половине XII в.? Дело в том, что в «черных дирхемах» правительство нашло очень выгодный способ добавочной эксплуатации монетного чекана, способ извлечения дополнительных прибылей. Было ли это еще изобретение аббасидской или уже новой, тахиридской администрации — сейчас судить трудно. Механика извлечения дополнительных прибылей была несложной. Однако предоставим слово Наршахи.

«Харадж с Бухары,— сообщает Наршахи,— раньше собирался в сумме 200 000 серебряных дирхемов. После того, как стали чеканить гитрифи, сначала 6 гитрифи ходило за один серебряный дирхем, и правительство приказало жителям вносить подать по тому же курсу. Впоследствии гитрифи стали дороже (видимо, не без участия правительства.— *М. Ф.*) и наконец стали обращаться в народе в одной цене с серебряными дирхемами. Правительство, однако, не пожелало получать харадж высокопробной монетой, а требовало взноса хараджа монетой гитрифи по прежнему курсу. Общая сумма хараджа, как сказано выше, была немного меньше 200 000 дирхемов, а через замену монеты сумма хараджа в

---

[23] Там же.

[24] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 186.

действительности достигла 1 068 567 гитрифи (т. е. выросла почти в шесть раз.— *М. Ф.*)» [25].

Возможно, что это происходило еще при аббасидской администрации. Тахиридо-саманидская администрация пошла еще дальше: в 835 г. в правление Абдуллы ибн Тахира (828—844 гг.) гитрифи уже стоили дороже высокопробных дирхемов «общехалифатского» типа. Так, 100 дирхемов из чистого серебра равнялось 85 дирхемам гитрифи.

Если учесть, что гитрифи были самыми низкопробными из «черных дирхемов», нетрудно вообразить, каков был курс дирхемов мухаммади и мусейяби и какие огромные доходы получало правительство от выпуска «черных дирхемов». Выпустив, например, 85 дирхемов гитрифи, в которых не было (или было очень мало) серебра, правительство получало взамен от населения 100 дирхемов «общехалифатского типа» с содержанием серебра в 90—96%.

Итак, примерно около 809 г. арабо-согдийские драхмы прекратили свое существование. Процесс эволюции арабо-согдийских драхм завершился возникновением качественно нового типа — «черных дирхемов», которые по существу своему были уже скорее не эквивалентом, а знаками стоимости с высоким принудительным курсом.

Удачно найденная форма извлечения дополнительных прибылей из монетного чекана была настолько выгодной, что в конце X — начале XI в. перешла от саманидов к караханидам. Она еще имела какой-то смысл в первой четверти XI в. Пока караханидские дирхемы были достаточно высокопробны: от 88,63 до 60% серебра [26]. Об этом говорит и тот факт, что в кладах ранних караханидских дирхемов встречаются достаточно высокопробные «дирхемы бухархудатского типа» [27].

Однако в связи с начавшимся «серебряным кризисом» в Караханидском государстве происходит довольно интенсивный процесс порчи монеты, так что к концу 60-х годов XI в. содержание серебра в дирхемах составляло всего лишь около 23%, а иногда опускалось и еще ниже — до 18% серебра [28]. В этих условиях выпуск «черных дирхемов», содержащих хотя бы небольшое количество серебра, и спекуляция на их курсе теряли всяческий смысл.

Относительно высокопробные мусейяби и мухаммади исчезли из обращения сразу же, как начался процесс «порчи» серебряных дирхемов. Остались только гитрифи, причем они, судя по сообщению Гардизи, состояли уже из сплава меди и свинца. Значит, все-таки в середине XI в. «черные дирхемы» еще выпускались и были в обращении, давая казне какие-то прибыли.

В XI в., наряду с выпуском дирхемов с уменьшенным количеством серебра, выпускали также и дирхемы «трехслойные»: медное ядро, а по краям — пленки серебра или белого «сереброподобного» сплава, который со временем становится черным или темно-серым, а после чистки приобретает тусклый серебристый цвет.

К сожалению, нам не удалось сделать химический анализ этого «сереброподобного» сплава, так как эти монеты находились в частной коллекции писателя С. П. Бородина. В этой же коллекции нами был засвидетельствован «черный дирхем», покрытый таким сплавом.

Не исключено, что где-то во второй половине XI в. в чекане «черных дирхемов» наступил перерыв, возможно продолжавшийся несколько десятилетий.

---

[25] Мухаммад Наршахи. Ук. соч., стр. 49, 50.

[26] Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. II, М., 1969, стр. 102.

[27] Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при саманидах, стр. 123.

[28] Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., стр. 105.

Снова о «дирхемах гитрифи» вспомнили уже в первой четверти XII в. Новые дирхемы гитрифи явились результатом денежной реформы Арслан-хана Мухаммада ибн Сулеймана (1102—1130 гг.) Они представляли собой медные кружки, покрытые тончайшей пленкой серебра, нанесенного на медь посредством амальгамации. По своим надписям эти монеты уже не были билингвами: легенда была только на арабском языке. Надпись, расположения вокруг бюста правителя в зубчатой короне, гласила следующее: «Во имя аллаха, Мухаммад посланник аллаха, Ал-хакан ал-агзам, искренний друг повелителя правоверных (т. е. халифа.— *М. Ф.*)». Титул «Ал-хакан ал-агзам», как это установлено по монетам «мусульманского типа», выпущенным в Бухаре в 1120 г., принадлежал Арслан-хану Мухаммаду ибн Сулейману [29]. Причем не исключено, что этот вариант легенды на дирхемах гитрифи, выпущенных Мухаммадом ибн Сулейманом, был выработан не сразу: известны монеты, очень близкие по технике исполнения к дирхемам гитрифи Мухаммада ибн Сулеймана, но двуязычные, с надписью «ал-Махди» в арабской части легенды или арабоязычные с легендой в точности повторяющей надпись на низкопробных серебряных «мухаммадийках» Али Сулеймана, выпускавшихся примерно в конце VIII в. Бросается в глаза идентичность начальной части легенд на «мухаммадийках» Али Сулеймана и «гитрифках» Мухаммада ибн Сулеймана.

Именно об этих пореформенных дирхемах гитрифи Мухаммада ибн Сулеймана и писал в 1128 г. переводчик «Истории Бухары» с арабского на персидский язык Ахмад ибн Наср ал-Кубави. По сообщению ал-Кубави, 70 дирхемов гитрифи равнялись 100 дирхемам (в данном случае дирхем — весовая единица) чистого серебра, и 1 мискаль (4,8 *г*) червонного золота равнялся 7,5 дирхемам гитрифи [30].

При старой форме «черных дирхемов» пореформенные дирхемы гитрифи Мухаммада ибн Сулеймана имели уже совсем новое содержание и были провозвестниками тех медных посеребренных дирхемов «мусульманского типа», которые широко распространились в государстве караханидов во второй половине XII в. [31]

Итак, последнее упоминание о чекане и обращение «черных дирхемов» относится к 1128 г. По вполне обоснованному мнению М. Е. Массона [32], которое разделяет и автор этих строк, «черные дирхемы» вышли из обращения уже в середине XII в.

M. N. Fedorov

A PROPOS DE L'HISTOIRE DE LA CIRCULATION MONÉTAIRE EN ASIE CENTRALE DE VIII — PREMIÈRE MOITIÉ DE XII S.S. (LE PROBLÈME DES DIRHAMS NOIRS)

Résumé

Dans l'article il est question de la provenance d'une forme spécifique des monnaies connues dans la science sous le nom de dirhams noirs et de leur rôle dans la circulation monétaire sur le territoire de l'Asie Centrale à la fin de VIII — première moitié de XII s.s.

Les dirhams noirs ont été fabriqués d'un alliage des métaux non précieux. Ils avaient néanmoins un cours forcé bien élevé fixé par le gouvernement. A la diférence des monnaies de type musulman les dirhams noirs portaient l'effigie stylisée d'un roi coiffé d'une couronne en forme d'échelle. L'auteur estime que les dirhams noirs sont le résultat de l'évolution des drachmes arabo — sogdiennes qui avaient cours en Asie Centrale entre 755 et 809. Les dirhams noirs représentent pourtant un type de monnaies nouveau par essence parce qu'ils ne sont plus l'équivalent mais un signe d'une valeur au cours forcé élevé.

[29] А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 274, № 500.

[30] Мухаммад Наршахи. Ук. соч., стр. 50.

[31] Подробнее о реформе Арслан-хана Мухаммада ибн Сулеймана. см.: М. Н. Федоров. О датировке одной группы дирхемов..., стр. 122—126.

[32] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 195, 196.

Р. А. СИМОНОВ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 342 РАЗЪЯСНЯЕТ ТЕМНОЕ МЕСТО У КИРИКА НОВГОРОДЦА

В статье рассматривается вопрос о характере и причине возникновения неясной записи числа часов, содержащихся в 26 годах, в заключительной части «Учения им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца, написанного в 1136 г. Она имеется в двух списках произведения — Румянцевском [1] и Погодинском [2].

Обратил внимание на эту запись и попытался восстановить ее первоначальный вид А. Х. Востоков в 1842 г. [3]

Он расшифровал числовые символы, выраженные в «буквенной» нумерации, так, как их понимали в его время и трактуют сейчас, но оказался неправ, утверждая, что в 26 годах «по счету должно быть 112 964 (дневных часов)». Через пять лет после А. Х. Востокова соответствующий подсчет был произведен П. Хавским, который писал: «Числа, означенные Кириком, находим арифметическим правилом так: в 6644 году Кирику было 26 лет; умножа их на 12, находим $26 \times 12 = 312$, умножа 26 лет на 52 недели, составит $26 \times 52 = 1352 + 2 = 1354$, а дней: $26 \times 365 = 9490 + 7 = 9497$, или 9500 без трех дней, часов $9497 \times 12 = 113\,964$. Последние числа не совсем верны у Кирика, может быть, их исказили переписчики; такая участь и всех наших летописей» [4].

Сравнивая результаты: приводимый А. Х. Востоковым — 122 964 и полученный П. Хавским — 113 964, видим, что А. Х. Востоков ошибся при вычислении разряда тысяч.

На рассматриваемом примере останавливался В. В. Бобынин, но не так подробно, как его предшественники, ограничившись замечанием: «Число, вероятно, искаженное переписчиками, аатѧξ» [5]. Ошибочность этой числовой записи отмечалась А. П. Юшкевичем: «В рукописи число искажено» [6]. В. П. Зубов подробно писал о числе месяцев, недель, дней и часов, прошедших за 26 лет жизни Кирика, основываясь на данных Погодинского списка. Однако, касаясь числа часов, он анализировал лишь

---

[1] Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее ГБЛ), фонд 256 (Румянцева), № 35, лл. 1—4.

[2] В настоящей статье используется фототипическое издание Погодинского списка, подготовленное Т. И. Коншиной и В. П. Зубовым, см.: Кирик Новгородец. Учение им же ведати человеку числа всех лет. Сб. «Историко-математические исследования» (далее ИМИ), VI, М., 1953, стр. 190.

[3] А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 39, 40.

[4] П. Хавский. Примечания на русские хронологические вычисления XII века. ЧОИДР, 6, М., 1847, стр. 36.

[5] В. В. Бобынин. Состояние математических знаний в России до XVI в. ЖМНП, 232, СПб., 1884, апрель, стр. 189. Сохранена форма записи числа в источнике — без знаков тысяч и десятков тысяч.

[6] А. П. Юшкевич. Математика и ее преподавание в России XVII—XIX вв. «Математика в школе», 1947, 1, стр. 29.

вопрос о цифре единиц и совершенно не останавливался на разряде тысяч[7]. А между тем в этом знаке имеется определенное отличие между Погодинским и Румянцевским списками. Здесь символ, принятый А. Х. Востоковым (по Румянцевскому списку) за одномачтовое «твердо» и расшифрованный как цифровой знак Т = 300, в Погодинском списке имеет форму трехмачтового «твердо» ш.

По составу Румянцевский и Погодинский списки не тождественны. Первый включает 18 пронумерованных пунктов, затем идет заключительный текст, в котором приводится изучаемое число. Погодинский список после 18 пунктов, имеющихся в Румянцевском списке, содержит дополнительные 9 параграфов, т. е. состоит из 27 пунктов. К § 27 примыкают заключительные слова, тождественные, но не буквально совпадающие с текстом Румянцевского списка. Таким образом, искажение в записи числа, состоящее в появлении на месте тысячного разряда знака сотен — «твердо» (= 300), приобретает интерес как особенность, присущая общему источнику этих двух списков, даже, может быть, оригиналу «Учения» или близкого к нему по времени варианту.

Кирик Новгородец, если не ошибался в подсчетах, должен был, записывая число 123 964, поставить на месте теперешнего ошибочного «твердо» «глаголь» с тысячным знаком. Форма последнего в Погодинском списке имеет вид наклонной черты с одним перечеркиванием, присоединенной к нижней части числовых графем. Тысячный знак в Румянцевском списке — с двумя перечеркиваниями, он также присоединен к нижней части числовых знаков.

Тысячный знак с одним перечеркиванием в древнерусской кириллице XII — XIII вв. является редкостью. Например, он встречается в Ефремовской кормчей начала XII в.[8] С XI в. на Руси был распространен тысячный знак без перечеркиваний. Со второй половины XIII — XIV в. знак тысяч с перечеркиванием посередине или с дополнительным элементом в виде утолщения (точки) в кириллических рукописях начинает попадаться чаще. Так, он имеется в дате переписки «Шестоднева» в переводе Иоанна, экзарха Болгарского (сербский список 1263 г.)[9]. Наряду со знаком тысяч без перечеркиваний эта форма (с перечеркиванием) употребляется в «Новгородской кормчей» около 1280 г.[10] Интересно, что в «Новгородской харатейной летописи» в почерках XIII в. тысячный знак не содержит перечеркиваний, а в почерках первой половины и середины XIV в. он имеет одно перечеркивание[11]. Но и в XIV в. употреблялся тысячный знак без перечеркиваний, как правило, в сочетании со случаями указания дополнительного элемента в виде перечеркивания или утолщения. Например, в рукописи XIV в. «Мерило праведное» встречаются обе формы тысячного знака: без перечеркивания и с утолщением в виде точки[12].

В древнерусских надписях на предметах тысячный знак с одним перечеркиванием стал применяться скорее всего с XV в. Источников XIV в., в которых, возможно, имеется тысячный знак с перечеркиванием, мало, и в них дополнительный элемент отчетливо не определяется, может быть, его вовсе нет, например, см. снимок записи на кровле Успенского собора во Владимире 1340 г., фотоизображение надписи на окладе евангелия,

---

[7] В. П. Зубов. Примечания к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца. ИМИ, VI, М., 1953, стр. 195.

[8] Отдел рукописей ГИМ. Син., № 227, л. 48.

[9] Отдел рукописей ГИМ, Син., № 345, л. 142 об.

[10] Отдел рукописей ГИМ, Син., № 132, лл. 190 об., 351 (с перечерк.), 411 об., 463, 471, 630 об. (без перечерк.).

[11] Новгородская харатейная летопись. Издано под наблюдением академика М. Н. Тихомирова. М., 1964.

[12] Мерило праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова. М., 1961, лл. 200, 201, 203, 207 об., 283 (без перечерк.), 283 (с точкой).

принадлежавшего боярину Кошке 1392 г.[13] В сводной азбуке древнерусских надписей XI — XIV вв. отмечены случаи тысячных разрядов с соблюдением формы знаков тысяч, причем все они указаны без перечеркиваний, включая и две отмеченных записи XIV в.[14] В сводной азбуке надписей на произведениях русского искусства XV — первой четверти XVI в. для XV в. в большинстве случаев указан тысячный знак с одним перечеркиванием, но встречаются случаи и без перечеркивания[15].

На основе изложенного можно предположить, что тысячный знак с одним перечеркиванием в русской письменной практике прочно утвердился не раньше XV в. Ему на смену пришел знак с двумя перечеркиваниями. Для целей настоящей статьи нет нужды подробно останавливаться на истории его дальнейшего употребления в русской письменной практике. Очевидно, неслучайно, что в древнейшем из сохранившихся списков «Учения» Кирика — Погодинском (начало XVI в.) — употребляется знак тысяч с одним перечеркиванием, а в двух других — Мазуринском (XVIII в.) и Румянцевском (начало XIX в.) — с двумя перечеркиваниями. Смена формы тысячного знака, видимо, может служить своеобразной относительной временно́й шкалой. В случае списков «Учения», вероятно, можно утверждать, что, чем древнее копия, тем скорее нужно ожидать в ней применения знака тысяч без перечеркиваний.

В протографе «Учения», возможно, использовался тысячный знак без перечеркиваний. При этом в случае присоединения знака тысяч в виде небольшой дуги слева к верхней части «глаголя» могла возникнуть аналогия с «твердо» — **Т**.

Сходство такого начертания с «твердо» (одномачтовым) велико, и появление последнего на месте трех тысяч в таком случае вполне объяснимо.

Форма тысячного знака, приближающаяся к горизонтальному положению, присоединенного к верхней части цифрового знака, встречается в Минее 1097 г.— древнерусской рукописи, написанной в Новгороде[16]. Но только обратившись к новгородским берестяным грамотам, находим, кажется, достаточное подтверждение сделанному предположению. Одна из берестяных грамот — № 342 (XIV в.) содержит важную информацию об употреблении указанного вида тысячного знака. А. В. Арциховский отметил специфичность формы тысячного знака в этой грамоте по сравнению с распространенным видом — перечеркнутой линией, присоединенной к цифрам слева внизу: «Знаки тысяч вместо перечеркнутой линии слева внизу имеют прикрепленный к букве хвостик слева вверху»[17]. Грамота № 342 представляет собой перечень «буквенных» цифр от А = 1 до «добро» в окружности = 40 000. В грамоте есть разрывы, конец ее оборван, от следующей единицы разряда десятков тысяч сохранилась часть окружности; обрыв, видимо, коснулся ряда последующих единиц этого разряда (см. рисунок). Очевиден учебный или справочный характер этой грамоты: ее связывают с ученическими упражнениями в записи цифр и занятиями арифметикой[18].

---

[13] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, табл. XXV (5), XXXVIII.

[14] Там же, табл. I—XII.

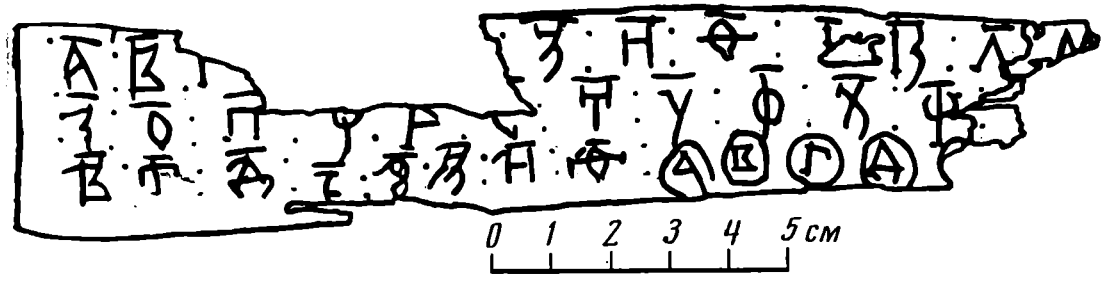
[15] Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971, стр. 171—193.

[16] Савва, епископ Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII веков. М., 1863, Дополнения, табл. II и III.

[17] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 30.

[18] Там же, стр. 30; Р. А. Симонов. Числовые грамоты на бересте XIII—XIV вв. и некоторые вопросы истории кирилловской нумерации. Сб. «Хиляда и сто години славянска писменост (863—1963)». София, 1963, стр. 287—294; В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 56—57; Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 397.

Грамота № 342 содержит неоднократно повторяющееся сочетание указанного тысячного знака архаичного типа с восемью различными цифровыми символами в «буквенной» нумерации. Учебный или справочный характер грамоты № 342 как будто исключает случайное появление такого вида знака тысяч как индивидуальной особенности почерка ее составителя. Если бы такой тип тысячного знака не существовал в письменной практике новгородцев, то грамота № 342 не имела бы смысла как учебный (справочный) текст. В грамоте № 342 полностью сохранился знак



Берестяная грамота № 342

трех тысяч — с титлом, точками по бокам и, что особенно интересно, тысячным знаком в виде небольшого горизонтального отрезка с загнутым вниз концом, другой конец которого присоединен к «глаголю» в его верхней угловой точке так, что получившееся начертание напоминает букву «твердо» (см. рисунок). Если допустить, что в оригинале «Учения» Кирика или близком к нему по времени списке употреблялся аналогичной формы знак тысяч (с поправкой на то, что в рукописи он выглядел несколько иначе, чем в берестяной грамоте), то не будет, видимо, невероятным предположение, что позднейший переписчик мог принять это начертание трех тысяч за «твердо». При изменении формы тысячного знака во всех случаях, кроме отмеченного, тип знака, представленный в грамоте № 342, трансформировался в начертание с перечеркиванием. Один из этапов этого процесса отражен в Погодинском списке, где этот знак содержит одно перечеркивание. Два других более поздних списка «Учения» содержат тысячный знак с двумя перечеркиваниями.

Таким образом, в числе часов (в 26 годах), приводящемся в заключительной части «Учения», начертание символа трех тысяч могло избежать преобразования тысячного знака, а благодаря сходству с «твердо» было принято за эту букву. В промежуточных списках переписчики аккуратно копировали в записи указанного числа «твердо» на месте разряда тысяч.

Если верно предложенное объяснение причины возникновения рассматриваемой числовой записи, то последняя является своеобразным ярким примером, подтверждающим древность хронологического сочинения Кирика Новгородца: свидетельством употребления в его ранних списках (или оригинале) тысячного знака древнейшей формы без перечеркиваний.

Вообще говоря, сам по себе отдельный пример тысячного знака без перечеркиваний не является достаточным свидетельством древности источника, ибо писец мог не сделать перечеркивания случайно либо по каким-то другим причинам. В рассмотренном случае решающим обстоятельством оказывается особенность вида тысячного знака, отличного от распространенных вариантов. До открытия берестяной грамоты № 342 представленный в ней вид тысячного знака не был известен, точнее, не мог быть выделен в особую категорию, ибо отдельные единичные случаи такого начертания (например, тысячный знак в Минее 1097 г.) не гарантировали, что они не есть случайное отклонение от известных форм.

Очевидно, что без открытия грамоты № 342 было бы значительно затруднено истолкование причины возникновения рассмотренной числовой записи в «Учении» Кирика как реминисценции древней формы выраже-

ния 3000, отождествленной впоследствии с «твердо» (300), а также использование вытекающего отсюда вывода для обоснования существования древнейших списков этого памятника. Рассмотренный пример показывает вместе с тем, какие богатые и неожиданные возможности для изучения древнерусской культуры содержат в себе берестяные грамоты.

Выявленная связь в числовой символике между берестяной грамотой № 342 и текстом «Учения» Кирика Новгородца 1136 г. позволяет, кроме того, теоретическое осмысление факта существования ошибочных числовых записей в исторических источниках распространить на новые объекты исследования [19]. Знание причин, по которым писцы допускали числовые ошибки, может способствовать правильной реконструкции первоначального вида числовых записей, что в ряде случаев имеет немаловажное научное значение, например при датировке того или иного исторического события. Не всегда, очевидно, можно выяснить действительную причину таких ошибок, тем более установить, что они являются закономерным следствием, связанным с определенной общей причиной, как в рассмотренном случае.

Если к тексту «Учения» переписчик рукописи в XV—XVI вв. подходил с позиции данных о состоянии цифровой ситемы в его время, то там, где Кирик Новгородец в 1136 г. или писцы промежуточных списков употребляли «глаголь» с древней формой тысячного знака, создавая начертание наподобие «твердо», выражавшее 3000, позднейший переписчик видел только «твердо» = 300, и упрекать его в невнимательности в данном случае было бы неверно. Ошибочная числовая запись, как это видно из разобранного примера, могла возникнуть не по невнимательности или недостаточной подготовке переписчика, нечеткости (стертости) переписываемого текста, а из-за объективных причин, связанных с историческими изменениями, которые происходили в графике древнерусских цифр.

R. A. Simonov

L'ÉPÎTRE SUR ÉCORCE DE BOULEAU N 342 ÉCLAIRCIT UN PASSAGE OBSCURE DANS LES «ENSEIGNEMENTS» DE CYRIK DE NOVGOROD

Résumé

L'épître sur écorce de bouleau N 342 (XIV s) est un «alphabet» de chiffre, semblable à celui de lettre — une sorte de manuel ou d'aide-mémoire médiéval contenant les chiffres «cyrilliques» jusqu'aux dénominations spéciales des milliers et des dizaines de milliers. Les milliers sont représentés par les symbols millièmes de forme particulière: de petits-signes en forme de petit trait qu'on mettait à gauche de la partie supérieure des graphèmes et qui avait la direction à peu près horizontale. «Glagol» (lettre Г) muni de ce signe millième (= 3000) à l'apparence de «tverdo» (lettre T) T = 300. Dans les copies existantes des «Enseignements» chronologiques de Cyrik parus en 1136, dans la notation du nombre 113964 exprimé en chiffres «cyrilliques» le symbole de trois mille est substitué par «tverdo» (lettre T). Cette erreur a attiré l'attention de nombreux chercheurs (A. Hk. Vostokov, V. V. Bobynine, A. P. Jouchkevichtch) mais ce n'est que l'épître N 342 qui donne l'explication à cette bizarre notation. Son existence n'est dû peut-être ni à la négligence du copiste, ni à l'usure ou le manque de netteté du texte à copier mais aux raisons objectives se rattachant aux modifications historiques du dessin des anciens chiffres russes. Là où Cyrik ou les auteurs des copies intermédiaires des «Enseignements» écrivaient, pour obtenir le nombre 3000, «glagol» muni de la forme ancienne du signe millième qui ressemble à «tverdo» les copistes postérieurs ne voyaient que «tverdo» = = 300, et il ne serait pas juste de les accuser de l'inattention. Cet exemple prouve que les réminiscences de ce genre dans les notations de chiffre peuvent servir d'indice important de l'ancienneté du monument dont il ne reste que les copies postérieures.

---

[19] Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 69—73; Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.— Л., 1962, стр. 61—63.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ, Б. Л. АЛЬТШУЛЛЕР

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР, А НЕ ПРИДЕЛ ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО

История создания и перестроек Благовещенского собора Московского Кремля не раз привлекала внимание исследователей. Сравнительно недавно Г. И. Вздорнов высказал предположение о том, что сохранившийся подклет Благовещенского собора относится вовсе не к предшествующему храму, а к его приделу Василия Кесарийского [1].

Читая интересную статью Г. И. Вздорнова, поневоле начинаешь задумываться, не прав ли автор, приводящий в пользу своего мнения целую серию вполне убедительных на первый взгляд аргументов. Но чем больше обдумываешь эти аргументы, тем больше мнение автора делается сомнительным. Поэтому стоит проследить ход его доказательств и шаг за шагом приблизиться к истине. И это тем более важно, что речь идет об одном из узловых памятников раннемосковского зодчества, так мало представленного сейчас достаточно сохранившимися образцами.

Если согласиться с мнением Г. И. Вздорнова, то сразу же возникает вопрос: сколь же грандиозен должен был быть предшествующий собор, если у него был такой величины придел? Ведь представить себе, что придел был не намного меньше собора трудно и противоестественно: такие приделы в архитектуре XIV—XVII вв. нам неизвестны. Если же собор был немногим больше придела, то в таком случае перед нами была бы сдвоенная церковь наподобие церкви Покрова XVI в. в Пскове у Покровской башни, а не церковь с приделом. Однако Г. И. Вздорнов утверждает, что речь идет именно о церкви и приделе. Если же собор намного превышал размеры придела, на чем настаивает автор, то такие большие размеры собора мало вероятны для конца XIV и первой половины XV в. Кроме того, вряд ли бы стали этот собор ломать для расширения места для светских построек княжеского двора — подобная мысль показалась бы кощунственной в средние века. Далее, странно, что строительство такого грандиозного собора в Кремле, где велись в XIV— начале XV в. и великокняжеская и митрополичья погодные летописи, могло остаться не отмеченным хотя бы одним из летописцев. Но в том-то и дело, что необходимости

[1] Г. И. Вздорнов. Благовещенский собор или придел Василия Кесарийского. СА, 1966, 7, стр. 317—320. В СА 4 за 1972 г. опубликована статья В. И. Федорова и Н. С. Шеляпиной о Благовещенском соборе, с которой мы не могли познакомиться в процессе написания нашей работы. Выводы, сделанные в настоящей статье, стали возможны только после наших раскопок в Коломне, изысканий по церкви в с. Каменском и исследований летописных сводов Москвы XIV—XV вв. Они были впервые доложены в феврале 1971 г. в секторе древнерусского искусства Института истории искусств Министерства культуры СССР и в марте того же года — в Союзе архитекторов СССР. Тогда же была продемонстрирована реконструкция планов Благовещенского собора конца XIV в. и 1416 г. В печати о нашей версии истории собора впервые было сказано в статье: Б. Л. Альтшуллер. Новые исследования Никольской церкви с. Каменского, Архитектурное наследство, 20, М., 1972, стр. 23. Мы оставляем за собой право высказаться специально по поводу публикации В. И. Федорова и Н. С. Шеляпиной.

для постройки такого грандиозного собора, каким его предполагает Г. И. Вздорнов, и места для него на княжом дворе не было, а вот «домашняя капелла», по удачному выражению Н. Н. Воронина, здесь, как и на других княжих дворах, была нужна. Это тем более должна была быть сравнительно небольшая церковь, поскольку в ней не нужно было хоронить членов княжеской семьи — роль такого пантеона выполнял с начала XIV в. собор Михаила Архангела.

Ссылаясь на наличие приделов у ряда храмов XIV—XV вв., в том числе и у кремлевских соборов, Г. И. Вздорнов никак не касается вопроса о их размерах в сопоставлении с существующим подклетом Благовещенского собора. Это понятно, потому что данные о размерах этих приделов, как правило, отсутствуют. Между тем ширина подклета Благовещенского собора по западному фасаду (около 10,1 *м*) может быть легко сопоставлена с размерами известных теперь после недавних наших исследований бесстолпных храмов второй половины XIV в. в с. Каменском, Старо-Голутвином и Бобреневом монастырях Коломны [2]. Почти полная близость габаритов этих безусловно самостоятельных церквей, а не приделов, и существующего подклета Благовещенского собора вряд ли может считаться случайной. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

Против отнесения подклета к приделу говорит и композиция его плана: во всех известных нам случаях пристраивавшиеся к уже существующему зданию церкви — приделы в XIV—XVII вв.— всегда бывали трехстенными, а Благовещенский подклет четырехстенный. При этом можно предполагать, что в северной стене подклета было точно такое же оконце, какое сохранилось в натуре в его южной стене (рис. 1). Поиски его изнутри помещения невозможны, так как для этого потребовалось бы разобрать несколько блоков кладки белокаменного северо-восточного столба. Более вероятно, что к этому участку стены удастся получить доступ снаружи, и зондажи подтвердят наше предположение. В том же случае, если оконце здесь найдено не будет, то и это еще не станет убедительным свидетельством о принадлежности подклета к приделу, а не к храму — известно, что в ряде случаев церковные постройки не имели проемов именно в северной стене.

Странен и сам предполагаемый автором факт переноса собора 1489 г. на новое место, тем более над приделом,— как правило, на месте старой обветшавшей церкви строили новую «по старой основе», чему можно привести десятки примеров, известных нам по летописям. При этом новая церковь бывала обычно равна старой или же превосходила ее по своим размерам [3], а новый Благовещенский собор, по Г. И. Вздорнову, выстроили значительно меньшим, чем был его предшественник, да еще поставили на приделе. Но куда же делся в таком случае сам придел? Ведь с юга от собора он не мог размещаться — там находятся древние оконный и дверной проемы, сохраненные при капитальной перестройке храма. Неприемлем вывод Г. И. Вздорнова и с точки зрения археологических фактов, как известных в момент написания его статьи, так и полученных после ее выхода в свет. Еще в 1912 г. архитектор И. П. Машков проводил глубокую и широкую траншею к северу от собора, как раз там, где, как предполагает

[2] М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер. Предварительные итоги раскопок в Коломне. АО — 1970, М., 1971, стр. 91—92; Б. Л. Альтшуллер. Новые исследования Никольской церкви села Каменского. Архитектурное наследство, 20, М., 1972, стр. 17—25.

[3] «В лето 6997. Того же лета месяца августа в 9, на память святого апостола Матфея, священа бысть церковь Благовещения Пресвятая Богородица на великого князя дворе, на сенях. Того же месяца в 20, на память святого пророка Самойла священа бысть церковь Василей Кесарийский, придел у Благовещения» (ПСРЛ, VI, М., 1853, г. 6997, стр. 37). Г. И. Вздорнов прошел мимо этого сообщения. Лишь в одном случае, при перестройке в 1430-х годах собора Чудова монастыря, летопись специально отмечает, что новая церковь «воздвижена бысть аще и мнее (менее) первыя...» (Житие Митрополита всея Руси св. Алексея, составленное Пахомием Логофетом. СПб., 1877—78, стр. 212—213).

Г. И. Вздорнов, располагался древний Благовещенский собор, однако никаких архитектурных остатков обнаружено при этом не было. Не то что архитектурных остатков, а хотя бы каких-нибудь следов строительных прослоек от полов или разрушения собора не было найдено и археологом Н. С. Шеляпиной при шурфовке к северу и югу от собора совсем недавно [4]. Бесследно такое большое здание не исчезает — в земле всегда остаются те или иные следы, поэтому и с точки зрения археологических фактов мнение автора приходится отвергнуть. Но мнение это будит мысль, развитие которой приводит к обнаружению новых фактов по строительной истории собора.

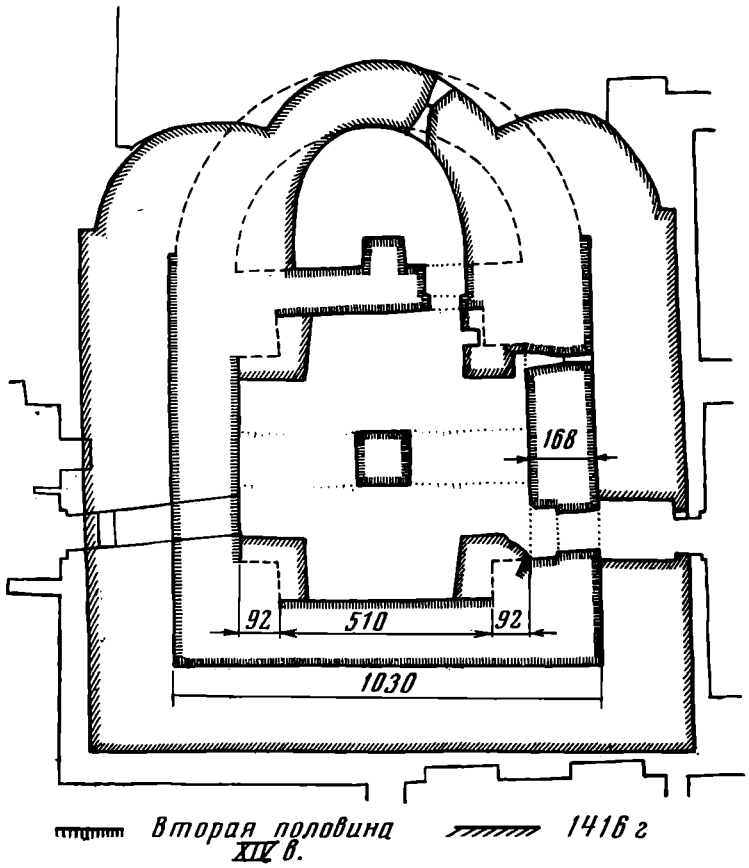


Рис. 1. План подклета Благовещенского собора с кладками второй половины XIV в. и 1416 г.

Пытаясь найти в летописях опору для своей точки зрения, Г. И. Вздорнов приводит запись под 1416 г. о строительстве Благовещенского собора и без каких-либо доказательств считает эту запись относящейся к приделу Василия Кесарийского, а не к собору. Но как мог летописец спутать придел с собором, автор не объясняет. Путаница у летописца тем менее вероятна, что запись под 1416 г. является погодной, а не принадлежит перу позднейшего сводчика: она имеет точную дневную дату строительства собора. Так что в этом случае автор, увлеченный своей мыслью, допускает явную натяжку. Вот если бы хоть в одной из летописей вместо Благовещенского собора под 1416 г. был упомянут его придел, то такая мысль получила бы свое подтверждение, правда, несколько шаткое, потому что и в этом случае автору пришлось бы выяснять, почему в погодной записи 1484 г. летописец говорит о разрушении именно собора Василия Дмитриевича, т. е. собора 1416 г.: «...разрушив первое основание, еже бе създал дед его князь великий Василий Дмитриевич...» [5]. Правда, и первоначальный собор второй половины XIV в. Г. И. Вздорнов датирует временем Ва-

[4] Приносим благодарность Н. С. Шеляпиной за эти сведения.
[5] ПСРЛ, 25, М.— Л., 1949, г. 6992, стр. 330.

силия Дмитриевича, относя его к 1404 г., но ниже мы увидим, что ко времени Василия Дмитриевича можно относить только перестройку более раннего храма и появление придела Василия Кесарийского, тезоименитого этому князю. В этой связи заслуживает особого внимания сообщение летописи под 1405 г. о росписи собора Феофаном Греком, Прохором и Андреем Рублевым, где летописец, работавший, как мы это доказываем в другом месте, между 1417—1423 гг., прямо отмечает, что расписывают церковь «не ту, иже ныне стоит» [6]. Значит, расписанная Феофаном Греком церковь после 1416 г. уже не существовала — еще одно веское доказательство того, что в 1416 г. строили именно храм, а не придел.

Г. И. Вздорнов противоречит себе и тогда, когда он ссылается на мысль В. Георгиевского о том, что Дионисий в 1480—1481 гг. расписал Благовещенский собор незадолго до его разрушения. Но если этот собор был расписан Феофаном в 1405 г., а в 1416 г. был построен придел, а не храм, то непонятно, почему Дионисию понадобилось расписывать именно собор? Пожаров в соборе в этот период не было, а росписи Феофана, надо полагать, были выполнены вполне квалифицированно для того, чтобы не понадобилось их так скоро обновлять... Поэтому сообщение летописи о разрушении в 1484 г. только что расписанного собора и следует относить к перестроенному в 1416 г. храму.

Итак, есть основания полагать, что у собора конца XV в. был не один, а два предшественника.

Этот вывод полностью подтверждается натурными исследованиями существующего подклета. Н. Н. Воронин уже отметил, что стены южного проема подклета состоят из двух разновременных кладок [7]. Внутренняя из этих двух кладок, толщиной около 165 *см*, безусловно принадлежит подклету первоначального храма, а внешняя — второму периоду жизни подклета, когда его стены были утолщены вдвое (рис. 1). Определить время, когда сделано это утолщение, помогают другие следы перестройки первоначального подклета. Так, при обследовании кладки апсиды отчетливо видно, что существующая апсида тоже вторична по отношению к первоначальному четверику подклета — между ними хорошо виден разъединяющий их шов, свидетельствующий об отсутствии перевязки между четвериком и апсидой.

Соответственно различается и порядовка кладки апсиды и четверика Благовещенского подклета. Это почти наверняка исключает одновременность их возведения. Ко второму периоду жизни подклета следует отнести также и все четыре столба подклета, сложенные из квадров вторичного использования. В их кладке встречаются и архитектурные детали вторичного использования, в том числе оконная перемычка того же типа, что и перемычка храма XIV в., найденная нами при недавних раскопках Успенского собора в Коломне [8].

Можно с достаточной уверенностью говорить об одновременности появления всех трех поздних элементов подклета-прикладки стен, апсиды и четырех столбов и отнести эту капитальную перестройку храма по совокупности всех данных именно к 1416 г. (рис. 1). Какие же видоизменения претерпел собор в результате перестройки? Прежде всего, площадь его изменилась почти вдвое (мы имеем в виду поставленный на подклет верхний храм) (рис. 2). Вместо бесстолпной «капеллы», какой, по всей видимости, был первоначальный собор, при великокняжеском дворе появил-

---

[6] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.— Л., 1950, г. 6913, стр. 459 (Когда работа была написана и доложена на секторе древнерусского искусства Института истории искусств, мы узнали, что к сходному заключению об этой записи пришел и В. А. Кучкин, сделавший несколько лет тому назад доклад на эту тему).

[7] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XIII—XV вв., II, М., 1962, стр. 250.

[8] М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер. Подмосковная историко-архитектурная экспедиция. АО, 1969, М., 1970, стр. 79—80.

ся обширный четырехстолпный храм, не уступавший по своим размерам большинству современных ему княжеских и монастырских храмов. Как и его предшественник, собор 1416 г. был белокаменным. Об этом помимо приведенных сведений свидетельствуют и сложенные, судя по сообщениям реставраторов 1940—1950-х годов, из белого камня основания существующих кирпичных столбов, принадлежащие, как мы полагаем, все той же постройке 1416 г. Собор 1416 г. был трехапсидным — только этим

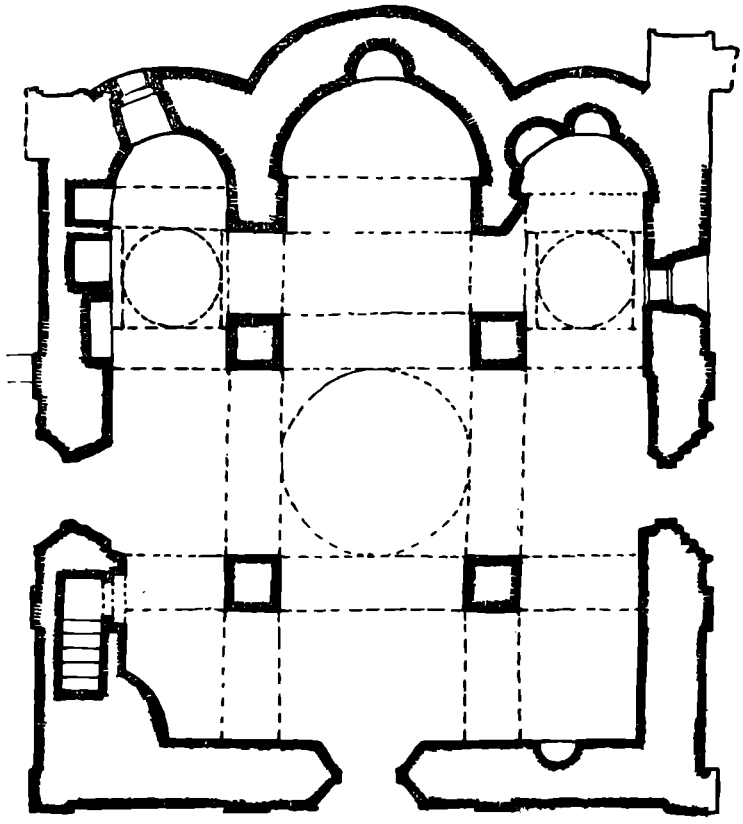


Рис. 2. План Благовещенского собора 1484—1489 гг., формы которого копируют собор 1416 г.

и можно объяснить перестройку апсиды первоначального храма, приведшую к уменьшению ее диаметра, поскольку апсида XIV в. была, по-видимому, шире вновь созданного центрального нефа и боковые апсиды в этом случае оказывались недопустимо узкими. Косвенно о том же самом свидетельствует и как будто несомненный теперь факт повторения в 1484 г. при строительстве нового собора композиции и размеров плана его предшественника 1416 г. (рис. 2). Это было обычное для XIV—XV вв. возведение храма «по старой основе». Небезынтересно, что у апсиды 1416 г. имеется только одно окно, размещенное вдобавок асимметрично по отношению к центральной оси подклета. Чем вызвано такое смещение окна к югу — объяснить трудно. Возможно, это отчасти, как и у первого собора, определялось расположением примыкавших к собору дворцовых построек. При описании Благовещенского подклета Н. Н. Воронин допустил небольшую неточность: хотя выходящий в апсиду выступ восточного простенка не перевязан с кладкой стены, вряд ли его можно считать поздней прикладкой. Точное соответствие порядовки выступа порядовке стены почти несомненно указывает на его одновременность первоначальной постройке. Назначение этого выступа, верхняя часть которого скрыта примыкающим сводом апсиды 1416 г., не вполне ясно; можно предположить, что он был сделан из конструктивных соображений для погашения распора коробового свода подклета, опирающегося на тонкую восточную стену (толщина стены вместе с выступом лишь незначительно превышает толщину

южной стены подклета). Не исключено также, что при определенном размещении алтарной преграды этот выступ мог оказаться непосредственно под престолом верхнего храма [9].

Выявление еще одного, ранее неизвестного периода строительной истории Благовещенского собора, естественно, не снижает важности научно обоснованной реконструкции, хотя бы в общих чертах, композиции первоначального храма. Его типологическая характеристика становится достаточно ясной в свете новых наблюдений, сделанных нами при внимательном осмотре кладки южной стены подклета. Удалось, установить, что безусловно древняя белокаменная кладка западного откоса дверного проема этой стены не только выступает по отношению к ее плоскости на 16—18 *см* (факт, оставшийся незамеченным исследователями подклета), но и продолжалась дальше к югу, однако в значительной степени была срублена при устройстве юго-западного столба 1416 г. [10] Такой, на первый взгляд труднообъяснимый, выступ стены оказывается вполне закономерным, если представить себе, что подклет древнего храма имел не только центральный, но и угловые, примыкающие вплотную к стенам столбы, подобные столбам Никольской церкви с. Каменского и остальных храмов этого типа. Возможные габариты пристенных столбов подклета Благовещенского собора определяются достаточно точно. Судя по расположению оконного и дверного проемов южной стены, они не могли превышать по ширине 1 *м*, что меньше, чем у других аналогичных памятников. Однако наложение плана Каменской церкви (рис. 3) на план подклета Благовещенского собора приводит к очень интересным результатам — не только полному совпадению их общих габаритов, но и точному соответствию расстояний между столбами. Сами же столбы собора за счет меньшей толщины стен верхнего храма приобретают вполне «типовые» размеры. Появляются реальные предпосылки для утверждения о том, что первоначальный Благовещенский собор принадлежал к той же типологической группе храмов с пристенными столбами, что и названные выше памятники, отличаясь от уже известных нам храмов наличием одной апсиды (рис. 4).

Возведение Благовещенского собора на подклете [11], диктовавшееся расположением «на сенях» великокняжеского дворца, вряд ли особенно существенно сказалось на объемной композиции его фасадов. Можно полагать, что это был одноглавый одноапсидный храм, стены которого, по всей видимости, завершались декоративными закомарами, не соответствовавшими сводам. Наличие в подклетной кладке юго-западного столба 1416 г. профилированных блоков белокаменной капители дает основание вслед за Н. Н. Ворониным предположить, что фасады храма имели лопатки, венчавшиеся этими капителями, хотя нельзя полностью исключить и версию о том, что сохранившаяся капитель могла принадлежать вовсе не Благовещенскому собору, а, допустим, другой современной ему и расположенной неподалеку церкви.

Сказать что-либо более определенное о характере внешнего убранства памятника вряд ли возможно. Таковы данные о первых двух строительных периодах собора.

Г. И. Вздорнов предлагает новую дату для первоначального Благовещенского собора: 1404 г. Мотивирует он ее тем логическим соображением,

---

[9] Судя по тому, что этот выступ хорошо сохранился на значительную высоту и не имеет каких-либо следов примыкания пяты арки или иных древних кладок, предположения о том, что первоначально собор мог быть двухапсидным, должны быть отвергнуты. Не мог он иметь и три небольшие апсиды, так как в этом случае на восточной стене подклета также неизбежно должны были быть следы примыкания разделяющих эти апсиды стенок.

[10] Это хорошо видно в натуре и даже на фотографии, опубликованной Н. Н. Ворониным (Зодчество..., II, стр. 249, рис. 111, *б*).

[11] Вопрос о появлении в русской архитектуре храмов на подклете разработан недостаточно. Можно лишь отметить, что Благовещенский собор конца XIV в. принадлежит к первым известным нам каменным постройкам этого типа.

что при наличии в Москве конца XIV — начала XV в. целой плеяды живописцев собор не могли надолго оставить нерасписанным. Совершенно справедливо, но только при допущении, что собор был действительно выстроен около 1404 г. Это допущение, однако, никак не доказано автором; неубедительны и доводы о плеяде живописцев, так как и Благовещенский собор 1416 г., не говоря о других примерах, тоже оставался

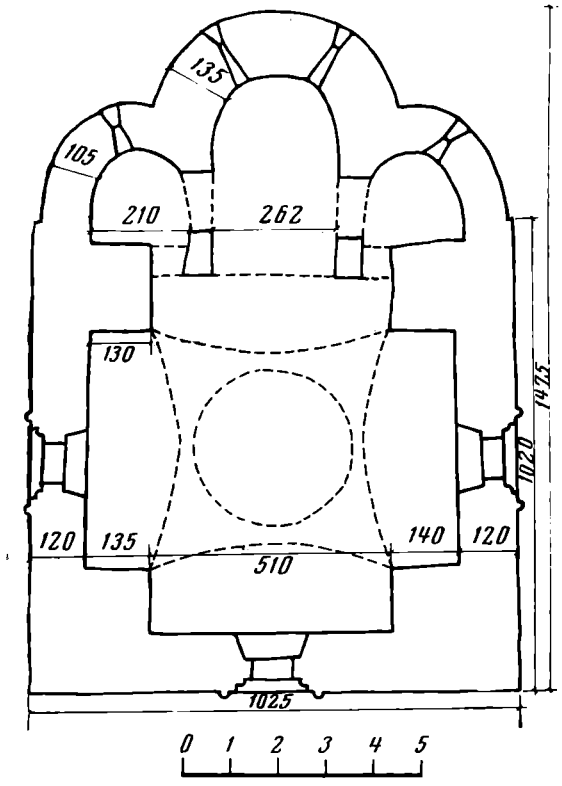


Рис. 3. План Никольской церкви в с. Каменском (вторая половина XIV в.)

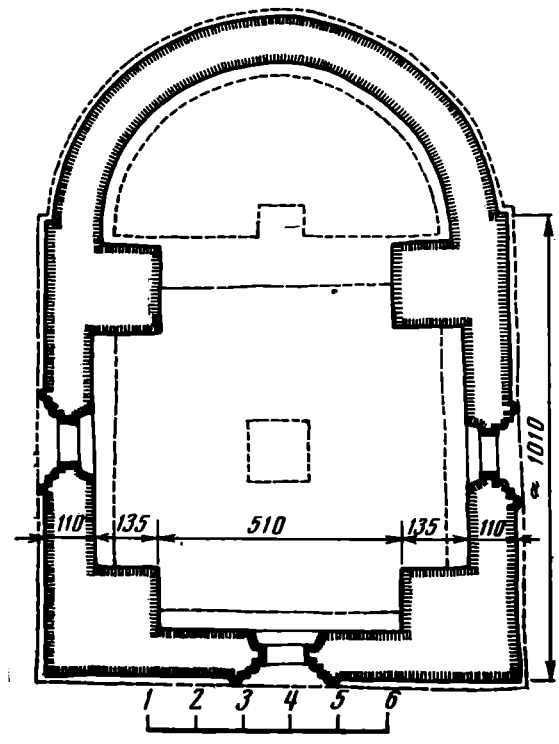


Рис. 4. Реконструкция плана верхнего яруса Благовещенского собора второй половины XIV в. (план существующего подклета показан пунктиром)

нерасписанным вплоть до 80-х годов XV в., хотя в 1416 г. в Москве, по-видимому, работало не меньшее количество живописцев, чем в 1405 г. Да и вообще тезис о невозможности поздней росписи в храме не выдерживает критики — известно, что большинство храмов Москвы XIV в. расписывалось спустя много лет после их строительства. Многие храмы освящались нерасписанными — так, например, тот же Благовещенский собор был освящен после капитальной перестройки в 1489 г., а расписан только в 1508 г. сыном Дионисия.

Когда же был выстроен первый Благовещенский собор? Во всяком случае, в 1393 г. он должен был уже существовать, иначе станет непонятным строительство великой княгиней Евдокией в этом году собственной каменной церкви (это строительство возможно только при допущении, что великокняжеский придворный храм уже существует на том же княжеском дворе, где Евдокия строит свой храм). Кстати, княгиня сразу же украшает свой храм иконами и разным церковным «узорочьем». Следовательно, иконы появлялись в храмах ранее их росписи, как, очевидно, следует предполагать и относительно Благовещенского собора.

Существует и другое свидетельство о существовании Благовещенского собора в 1390-х годах, которое не нашло себе объяснения в статье Г. И. Вздорнова. В 1398 г. царьградский патриарх «прислаша поминок к великому князю икону чюдну, на ней же написан Спас в белоризцах. Стоит же икона та в церкове его в Благовещении на его дворе и до сего

дне на левой стране на поклоне» [12]. Как видим, эта погодная запись дошла до нас в редакции более позднего свода, но того самого, который был составлен между 1417—1423 гг.; это видно из того, что летописец имеет в виду под словом «его» самого Василия Дмитриевича. Поэтому если бы икона стояла с самого начала не в Благовещенском соборе, то в погодной записи это нашло бы себе отражение, а позднейший сводчик отметил бы, что сейчас она стоит не на первоначальном месте, а в Благовещенском соборе.

Оживление строительной деятельности в московском Кремле после некоторого затишья относится к 1360-м годам, когда князем Дмитрием Ивановичем были возведены белокаменные стены и башни. Нам представляется, что наиболее вероятным временем сооружения каменного Благовещенского собора и следует считать период между серединой 1360-х годов и 1393 г. Наименование собора не дает никаких оснований связывать его постройку с Василием Дмитриевичем, с ним связан только придел, возникновение которого следует относить или ко времени рождения Василия Дмитриевича, или ко времени его правления (т. е. или после 1372, или после 1389 г.). Василий был первенцем Дмитрия Ивановича, так что нет ничего удивительного в посвящении придела его патрону. В то же время можно полагать, что придел Василия Кесарийского помещался внутри храма, а первоначальный храм был одноапсидным. Поэтому мы склоняемся к мысли о появлении самостоятельного придела только в трехапсидном храме 1416 г. [13]

Разберем теперь еще один весьма веский довод Г. И. Вздорнова. Он считает, что летописные свидетельства о разрушении церкви Благовещения в 1482—1484 гг. вовсе не противоречат друг другу, как полагал Н. Н. Воронин, а могут быть поняты как последовательный рассказ о соответственных этапах разборки Благовещенского собора перед новым строительством 1484 г.: сначала разобрали верха собора (1482 г.), затем сломали сам собор «по казну и подклет» (1483 г.), а в 1484 г. разрушили и подклет. Поэтому-то существующий подклет и является приделом Василия Кесарийского, уцелевшим при разборке самого собора. Как будто убедительно? Вполне, но только до того момента, когда знакомство с источниками, которые Г. И. Вздорнов цитирует, показывает, что его вывод является чистым недоразумением, вызванным недостаточно внимательным отношением к летописным цитатам.

Обратимся к источникам. Сведения 1482/83 г. сохранились только в Софийской Второй летописи, есть в ней и сведения 1484 г., но они есть и в других летописях. Нам придется поэтому привести полный текст Софийской Второй летописи, чтобы читатель мог понять в чем дело. «В лето 6991. Заложи церковь кирпичну Спас святы за Яузою игумен... Того же году, перед Рождеством Христовым, приведена бысть дщерь Стефанова воеводина Елена из Волох за великого князя сына за Ивана, а ездил по нее Ондрей да Петр Михайловичи, через королеву отчину, король же к ней дары присла на дорозе из Новгородца из Литовского... Того же лета разруши князь велики Благовещение на своем дворе, подписанную толко, по казну и подклет, и заложи казну около того подклета и полату кирпичну с казанами. В лето 6991 (так!)... Тое же зимы женися великий князь Иван сын великого князя Ивана, генваря; а привели за него из Волох Елену, дщерь Степана, воеводы волосского (так!)...

В лето 6991... Того же году родился у сына великого князя у Ивана

[12] ПСРЛ, 25, г. 6906, стр. 228. Летопись, правда, ничего не говорит о том, был ли упоминаемый храм каменным.

[13] О том, что на рубеже XIV—XV вв. приделы размещались и внутри основных храмов свидетельствует, например, летописная запись о строительстве кремлевской церкви Рождества Богородицы «...но и та малая церквица (старая церковь во имя Лазаря) не бе оставлена, но внутри близ большого олтаря причинена бысть служба св. Лазаря...» (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 443, 444). Возможно, первоначально нечто подобное имело место и в Благовещенском соборе.

Ивановича сын Дмитрей от Волошенки, октября 10 (так!). (Тое же весны апреля в 8 день родися великому князю Ивану Васильевичу дочь, княжна Елена, в 1 час дни.) Тое же весны князь велики Иван Васильевич заложил церковь камену Благовещения святыя Богородицы, на своем дворе, разрушив первое основание еже бе создал его дед князь великий Василий Дмитриевич, а заложил за церковью полату. Воскресенский список (...Тое же зимы...)» [14].

Из приведенного текста совершенно ясно, что в Софийской Второй летописи при ее написании в 1530-х годах соединены были два различных московских источника, две летописи, о которых столь убедительно писал А. Н. Насонов как о великокняжеской и митрополичьей, подчеркивая, что они по-разному освещали одни и те же события. Поэтому в Софийской Второй летописи и появились две статьи под одним годом (6991). Эти же два источника прослеживаются и в летописном своде 1497 г., и в Вологодско-Пермской летописи XVI в., и в Типографской летописи XVI в. В обеих статьях по-разному говорится об одном и том же событии — женитьбе Ивана Ивановича. Это — первое наблюдение. Второе наблюдение свидетельствует, что слова о разрушении первого основания Благовещенского собора являются бесспорной вставкой (сохранившейся в Воскресенском списке, но отсутствующей в Архивном списке Софийской Второй летописи): вставка об апрельском и майском событиях нарушила хронологическую последовательность летописного рассказа, начинающегося с октябрьского события, после чего должно было следовать описание зимы и только после этого — лета того же сентябрьского года. Сейчас же описание зимних событий идет после описания весенних событий, что в сентябрьском году невозможно. Откуда могла быть сделана вставка? Думаем, что из соседний статьи, а именно из статьи 6991 г., поскольку в обоих сообщениях о разрушении Благовещенского собора речь идет об одном и том же. Это видно из того, что в обоих случаях рассказано о закладке палаты рядом с подклетом, а дважды закладывать одну и ту же палату не могли. То, что подразумевается в одной цитате под «разрушением первого основания», описано в другой летописи несколько по-другому — как разрушение собственно предшествующего храма Благовещения, его второго этажа «по казну и подклет». Это видно и из того, что новую палату не стали бы закладывать рядом с подклетом, если бы его собирались разрушать: тогда сначала бы разрушили подклет, а потом заложили бы палату — такова логика любых строительных работ. Следовательно, сообщение о разрушении первого сооружения («основания») следует датировать 6991, а не 6992 г. Между тем во всех остальных летописях это сообщение во втором, более кратком его варианте теперь находится под 6992 г. (1484 г.).

Таким образом, убедительно устанавливается наличие двух летописей, по-разному рассказавших нам о разрушении первого основания Благовещенского собора «по казну и подклет», что вполне согласуется с сохранившимся подклетом Благовещенского собора. Но если существующий подклет не был разрушен в 1483 г., то две его разновременные кладки, описанные нами выше, действительно относятся к двум предшествующим соборам второй половины XIV в. и 1416 г.

Вот теперь следует разобрать основной аргумент Г. И. Вздорнова, собственно и заставивший его написать статью о приделе Василия Кесарийского. При этом, естественно, надо исходить из твердо установленного выше факта существования перед строительством 1484 г. двух предшествующих храмов и факта принадлежности существующего подклета самому храму второй половины XIV в. и 1416 г., а вовсе не приделу Василия Кесарийского. Эти факты ускользнули от внимания Г. И. Вздорнова,

---

[14] ПСРЛ, XI, гг. 6991—6992, стр. 39.

полагавшего, что если существующий иконостас не умещается в габаритах сохранившегося подклета, то из этого следует, что подклет принадлежит приделу, а не храму. При этом Г. И. Вздорнов исходит прежде всего из явно ошибочной мысли о равенстве ширины восточной стены внутри помещения подклета и ширины аналогичной стены самого храма на подклете. Между тем совершенно очевидно, что габариты восточной стены храма явно превышали габариты нижележащей стены подклета: ведь стены храма, судя по изученным нами аналогичным храмам второй половины XIV в., по-видимому, имели толщину приблизительно 100—120 *см*, в то время как стены подклета достигают 165 *см*. Это дает нам возможность предположительно увеличить ширину иконостаса первоначального храма до 7,8—8 *м*. Из этих размеров и следует исходить, разбирая историю иконостаса. Между тем она достаточно сложна и мало изучена для того, чтобы без всяких оговорок и тем более без специальных разысканий, как это делает Г. И. Вздорнов, помещать иконостас в якобы несохранившийся грандиозный храм, расписанный в 1405 г. На этом доводе автора стоит остановиться подробнее, так как в основе его лежат прочно укоренившиеся представления о принадлежности всего Благовещенского иконостаса собору 1405 г. Эти представления опираются на известное летописное сообщение о росписи Благовещенского собора Феофаном Греком, Прохором из Городца и Андреем Рублевым. В этой уже цитировавшейся записи из внимания исследователей как-то ускользнули крайне сжатые сроки выполнения всей работы по росписи храма и предполагаемому созданию многофигурного иконостаса [15]. Роспись, как указывает летопись, была начата весной 1405 г. «да того же лета и кончаша ю». Весьма сомнительно, что за такое короткое время можно было бы не только расписать **громадный** (как подчеркивает Г. И. Вздорнов) четырехстолпный храм, но и выполнить все иконы для иконостаса, тем более, что в отличие от иконостаса Троицкого собора авторитетные исследователи склонны усматривать здесь работу только трех упомянутых выше мастеров.

Поэтому представляется весьма вероятным, что это сообщение летописи относится к росписи первоначального бесстолпного храма, а создание нынешнего иконостаса отделено от росписи тем или иным промежутком времени. Такая версия не нова. Почти все исследователи, работавшие над изучением Благовещенского иконостаса, отмечали, что несколько икон деисусного чина выполнены не основным мастером, а, по-видимому, Прохором из Городца или Андреем Рублевым [16]. М. А. Ильин в одном из своих докладов склонялся к датировке этих икон 1416 г., как «временем возможной перестройки собора» [17].

Наиболее решительную точку зрения высказал известный историк искусства А. Н. Грабар, полагающий, что участие Феофана Грека в создании икон Благовещенского иконостаса вообще не доказано и по ряду соображений сомнительно, а сам иконостас, соответственно, не может быть убедительно датирован 1405 г. [18]

---

[15] Летописная запись о росписи кремлевского Архангельского собора XIV в. специально отмечает, что «...и того лета ни половины не могли подписати величества ради церкви тоя» (ПСРЛ, VII, стр. 209).

[16] И. Э. Грабарь. Феофан Грек. Сб. Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966; В. И. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961; его же. Андрей Рублев и его школа. М., 1966; С. С. Чураков. Андрей Рублев и Даниил Черный. СА, 1966, 1.

[17] Л. Б. Бетин. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв.». М., 1970, стр. 59, сноска 14.

[18] А. Н. Грабар. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека. Тр. ОДРЛ, XXII, М.— Л., 1966, стр. 86. Нельзя не принять во внимание и тот факт, отмеченный А. Н. Грабаром, что Епифаний прямо говорит как о феофановских произведениях только о двух фресках — «Апокалипсе» и «Древе Иессеевом».

В этой связи небезынтересно и бесспорное сходство икон праздничного ряда Троицкого собора 1423—1424 гг. и Благовещенского собора[19], которое, возможно, не случайно, а является естественным следствием сближения их датировок. Не нашло пока объяснения и странное несоответствие размеров (ширины) парных икон апостолов Петра и Павла и архангелов Михаила и Гавриила — явление, которое мы не встретим в других известных нам деисусных чинах этого времени[20]. Представляется вполне возможным, что такое несоответствие могло быть следствием того, что иконы писались для бесстолпного храма, где строгая симметрия не диктовалась размерами межстолпных интервалов.

Особо нужно отметить, что такие семифигурные деисусные чины, как Высоцкий (общая ширина примерно 6,88 *м*) и даже Звенигородский (около 7,50 *м*), хорошо размещаются в габаритах известных нам бесстолпных храмов XIV — начала XV в.[21]. Нельзя полностью исключить предположение о том, что и деисусный чин Благовещенского собора первоначально задумывался как семифигурный и лишь после 1416 г. приобрел существующий вид. Это, разумеется, крайние точки зрения, направленные на то, чтобы каким-то образом согласовать во многом загадочную строительную историю памятника с еще более загадочной историей существующего иконостаса.

Все сказанное выше никак не претендует на разрешение странных противоречий в датировке Благовещенского иконостаса. Мы хотим лишь подчеркнуть, что размеры существующего иконостаса вовсе не обязательно должны определять габариты храма, расписанного в 1405 г.

Напротив, все связанные с иконостасом вопросы следует рассматривать только исходя из твердо установленных размеров реально существующего подклета бесстолпного храма второй половины XIV в. Только при этом условии могут быть удовлетворительно решены многотрудные вопросы атрибуции деисусного чина Благовещенского иконостаса, о которой сейчас нельзя сказать, что она окончательно установлена.

Таким образом, проследив ход мысли Г. И. Вздорнова и отдавая должное его интересным аргументам, мы все же считаем, что этих аргументов совершенно недостаточно, чтобы согласиться с выводами автора. Явные следы перестроек подклета, совпадение трех компонентов существующего здания с тремя этапами его строительства, наличие археологических данных, отрицающих возможность расположения первоначального каменного собора к северу или югу от сохранившегося подклета, заставляют решительно отвергнуть предложенную Г. И. Вздорновым версию.

К ошибочным предположениям привело Г. И. Вздорнова и необоснованное отнесение летописного сообщения о сооружении в 1416 г. храма к его приделу, а также неточное прочтение летописных текстов о строительстве собора конца XV в.

Наконец, в определенной степени доводы автора опровергаются отсутствием убедительных данных о датировке деисусного чина сохранившегося иконостаса 1405 г. и явной невозможностью размещения этого иконостаса в полном составе в габаритах бесстолпного храма (таким был, судя по нашим наблюдениям, первый Благовещенский собор).

Такова наша точка зрения по вопросам, изложенным в статье Г. И. Вздорнова.

---

[19] М. А. Ильин. Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублева. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв.». М., 1970, стр. 33—34.

[20] Мы пользуемся размерами икон деисусного чина, приведенными в статье Г. И. Вздорнова.

[21] К таким же выводам независимо от нас пришел и Л. В. Бетин, занимающийся изучением истории древнерусского иконостаса.

Надо надеяться, что дальнейшие комплексные исследования Благовещенского собора XIV—XV вв. и его иконостаса позволят, наконец, со временем с полной научной убедительностью разрешить все спорные проблемы, связанные с этим интереснейшим памятником древнерусской архитектуры и искусства.

M. Kh. Aléchkovski, B. L. Altschuller

CATHÉDRALE DE L'ANNONCIATION ET NON CHAPELLE DE BASIL DE CÉSARÉE

Résumé

En se basant sur tout un complexe d'études et sur la confrontation des données des chroniques, des sources archéologiques et architecturales les auteurs viennent à la conclusion que l'opinion de G. I. Vzdornov (Archéologie Soviétique, 1969, N 7, p. 317—320) conformement à laquelle le rez-de-chaussée existant de la cathédrale de l'Annonciation est une chapelle du Basil de Césarée et non le rez-de-chaussée de la cathédrale elle-même, est sans fondement. Ils proposent leur version de l'histoire architecturale de la cathédrale. Elle consiste en ce que le quadrilatère, conservé jusqu'à nos jours, des murs primitifs du rez-de-chaussée appartenait à la cathédrale de la fin du XIV s qui, originellement, avait des contres — forts et de ce fait appartenait au même type des temples que l'église du bourg Kamenskoïe et les églises de Kolomna dont les auteurs dirigeaient les fouilles.

En 1416 la cathédrale de l'Annonciation a été considérablement élargie. De cette reconstruction ont demeuré les piliers, les contre-murs du XIV s, l'abside. En 1483 un nouvel édifice était érigé sur la base encore existante du XIV s. et de l'année 1416 et dont la structure de plan répétait celle de la cathédrale de 1416.

Les auteurs estiment indispensable la poursuite de l'étude approfondie de l'iconostase de la cathédrale qui ne trouvait pas assez de place dans une petite église aux contresforts qu'était la cathédrale avant la reconstruction de l'année 1416.

Ю. Н. ВОРОНОВ

КЕЛАСУРСКАЯ СТЕНА

Несмотря на то, что эта стена начинается под самым носом, почти в черте города, но мы об этой стене очень мало знаем.

Д. И. Гулиа

Келасурская, или Великая Абхазская, стена — крупнейшее оборонительное сооружение Кавказа — до сих пор остается исторической загадкой, несмотря на то, что этому памятнику посвящена довольно значительная научная и научно-популярная литература.

Конкретные сведения о Келасурской стене содержатся в работах Вахушти [1], А. Ламберти [2], Ж. Шардена [3], Ф. Дюбуа де Монпере [4], В. И. Чернявского [5], И. Лихачева [6], В. И. Сизова [7], В. Гарцкия [8], П. С. Уваровой [9], А. А. Миллера [10]. В. И. Стражева [11], А. С. Башкирова [12] и др.

Первые работы, посвященные собственно Келасурской стене, принадлежат М. М. Иващенко. Им описаны Приморский, Багмаранский, Александровский, Мачаро-Черниговский и Мачаро-Пацхирский участки, даны общие сведения о дальнейшем ее направлении. Длина стены определена в 160 *км*, число башен — в 800, строительство стены приписано Юстиниану [13]. Наиболее значительные работы по изучению Келасурской стены были проделаны в конце 30-годов текущего столетия Л. Н. Соловьевым. Им описано 90 башен на всем протяжении стены от устья Келасури до с. Лекухон, дана характеристика конструкции стен, башен, ворот, бойниц и пр.; установлена связь стены с древней дорогой. Л. Н. Соловьев

---

[1] Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941, стр. 169.

[2] А. Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. СМОМПК, 43, Тифлис, 1913, стр. 186.

[3] Ж. Шарден. Путешествие в Грузию. Тбилиси, 1935, стр. 11.

[4] Ф. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. 1, Сухуми, 1937, стр. 147.

[5] В. И. Чернявский. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. Протоколы V АС, М, 1879, стр. 18.

[6] И. Лихачев. Чловская пещера и легенда об Абласкире-Прометее. Тр. V АС, М., 1881, стр. 248.

[7] В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, II, М., 1889, стр. 47.

[8] В. Гарпкия. Из абхазских народных преданий и поверий (озеро Папанцкур. Абрскил). СМОМПК, XIII, Тифлис, 1892, стр. 39.

[9] П. С. Уварова. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки, II, 1891, стр. 93; ее же. Материалы по археологии Кавказа. IV, М., 1894, стр. 34.

[10] А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 74—76; его же. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. «Живая старина», 1, СПб., 1908, стр. 2.

[11] В. И. Стражев. Руинная Абхазия. ИАНО, 1, Сухум, 1925, стр. 25—28.

[12] А. С. Башкиров. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г., ИАНО, IV, Сухум, 1926, стр. 21.

[13] М. М. Иващенко. Великая Абхазская стена. ИАНО, IV, стр. 75—86; его же. О направлении Келасурской стены. Там же.

предположил существование двух этапов в ее строительстве, хронология которых определена концом V—VI в. и X—XII вв. Он включил в систему стены ряд, как теперь уже ясно, инородных памятников, и высказал мысль о двухфронтовой функции стены, строительство которой на раннем этапе приписано Лазике [14]. И. Е. Адзинба дал общее описание стены, определив ее длину в 160 *км*, а число башен в 2000. В его работе содержатся подробные сведения о Чегемском и Адзына-Рыхуцинском участках стены, прослежена линия древней дороги и ее ответвления вдоль трассы стены. Дата стены определена VI в.; по мнению И. Е. Адзинба, она построена как преграда от набегов с Северного Кавказа, и основным заинтересованным строителем стены названо аборигенное население [15].

В 60-х годах изучению стены снова было уделено значительное внимание. Экспедиция Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры в 1963—1966 гг. обмерила трассу стены от устья р. Келасури до Чегема [16]. В 1964 г. Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе работали на участке стены «от села Ахуца... до села Арасадзых» [17].

Однако, несмотря на проявленный к этому сооружению интерес, все имеющиеся сведения о происхождении, назначении, протяженности и структуре Келасурской стены были до сих пор достаточно противоречивы, а иногда просто фантастичны. Именно этим обстоятельством и было продиктовано осуществление настоящей работы [18].

Как установлено, Келасурская стена не является сплошной на всем своем протяжении. Наоборот, ее строители весьма охотно использовали условия местности, позволяющие обходиться без сооружения сплошной линии обороны. Собственно стена прослеживается на следующих участках (рис. 1—5): 1—3—350 *м*; 4—28—3 *км*; 31—34—650 *м*; 36—42—880 *м*; 44—46—500 *м*; 47—58—900 *м*; 61—62—200 *м*; 65—107—4,3 *км*; 108—113—600 *м*; 121—124—250 *м*; 126—130—500 *м*; 131—136—750 *м*; 138—60 *м*; 140—146—950 *м*; 150—162—1,1 *км*; 163—176—900 *м*; 178—208—2,7 *км*; 209—233—2,7 *км*; 235—248—1,4 *км*; 251—252—250 *м*; 253—255—350 *м*; 258—266—800 *м*; 267—150 *м*; 273—100 *м*. Таким образом, общая протяженность стен рассматриваемого памятника составляет

---

[14] Л. Н. Соловьев. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухуми, 1940, стр. 29—90 (рукопись). Архив АбИЯЛИ, № 344. В результате исследований 1946—1948 гг. в противовес этой работе Л. Н. Соловьев предложил рассматривать приингурскую группу укреплений как самостоятельную систему, возникшую в XVI—XVIII вв.; Л. А. Шервашидзе. Абхазия в искусствоведческой литературе. Сб. «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968, стр. 274—275.

[15] И. Е. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 106—152.

[16] В. П. Пачулиа. В краю Золотого Руна (исторические места и памятники Абхазии). М., 1968, стр. 35—47; его же. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968, стр. 125—126. В последней работе впервые высказана мысль, что «бойницы в башнях района села Джгерда-Ахуца могут свидетельствовать об употреблении уже во время их сооружения огнестрельного оружия» (стр. 126).

[17] Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе. Вдоль Великой Абхазской стены. «Советская Абхазия», 16 авг., 1964 г.; Л. А. Шервашидзе. Ук. соч., стр. 280.

[18] В основу работы положены материалы экспедиции Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры 1963—1966 гг. и материалы личных исследований автора в 1966—1971 гг. Изучение трассы стены проводилось: 1964 г.— В. П. Пачулиа, Л. Н. Соловьев, В. С. Орелкин (Приморский и Багмаранский участки); 1966 г.— В. С. Орелкин, Ю. Н. Воронов, А. С. Четверухин, И. Ф. Шаманиди, А. Д. Эпштейн (Александровский, Мачаро-Черниговский, Мачаро-Пацхирский и Кодорский участки); 1967 г.— Ю. Н. Воронов, С. М. Адлейба, В. И. Воротников, С. Н. Парфенов, В. Н. Воронов (Чегемский, Адзына-Рыхуцинский, Дгамышский, Чапагурвский, Кетванырвский, Кумарчинский, Даубский и Адзыквский участки); 1968 г.— Ю. Н. Воронов, З. И. Адзинба, В. И. Гумба (Абрскильский, Улысский, Моквский и Геджирский участки); 1970 г.— Ю. Н. Воронов, Н. Я. Шония (Правобережье р. Ингур от с. Пахулани до с. Набакеви); 1971 г.— Ю. Н. Воронов, В. Б. Левинтас, З. И. Адзинба (Ткварчели — Чхортоли — Гумуриши — Наджихури — Лекухона). Осенью 1971 г. автор повторно провел контрольные замеры всех объектов Келасурской стены в полосе от устья р. Келасури до Ткварчели.

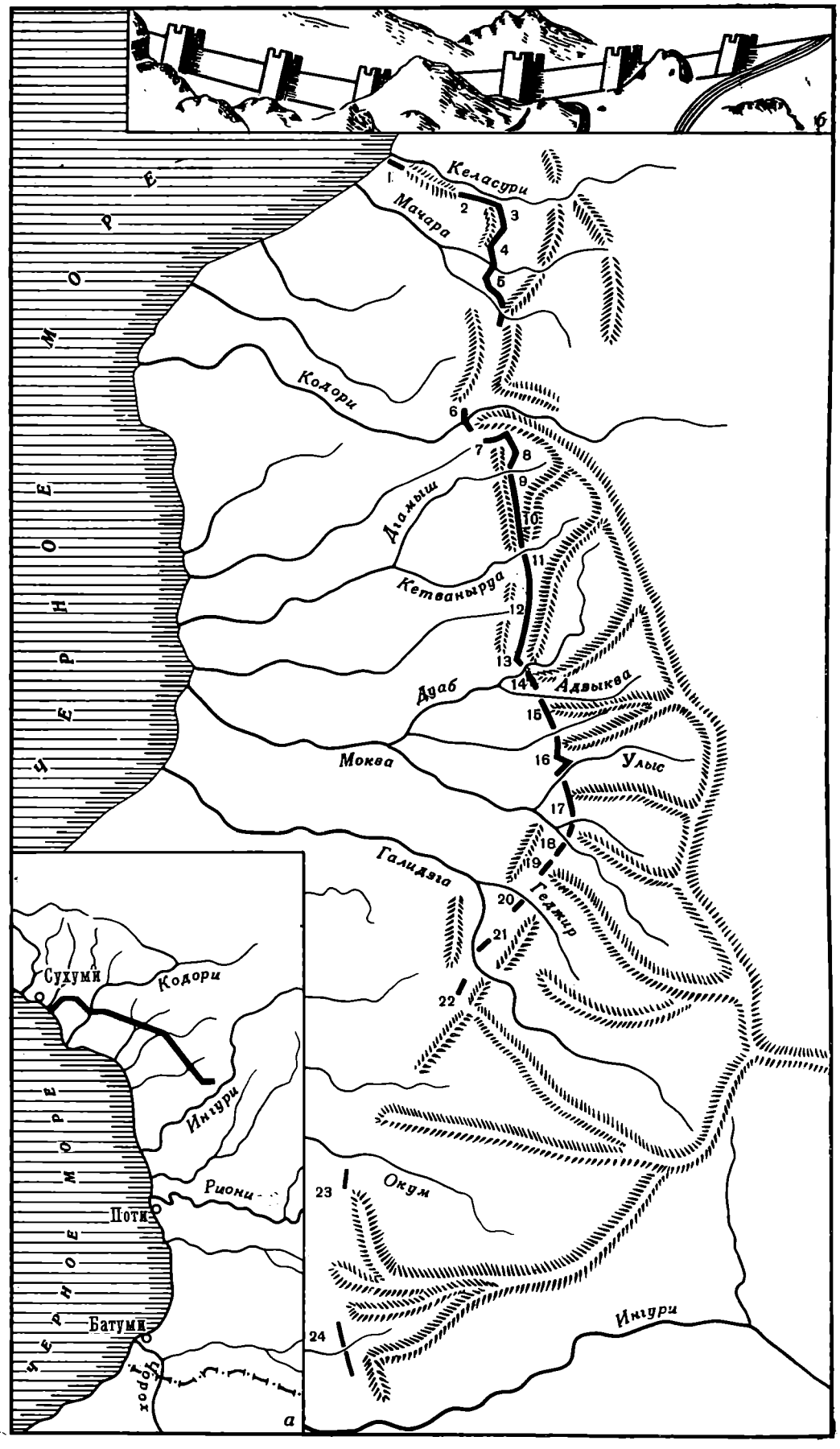


Рис. 1. Схема расположения Келасурской стены.

а — место Келасурской стены в Восточном Причерноморье; *б* — Келасурская стена на карте XVII в. из книги А. Ламберти.

Участки Келасурской стены: *1* — Приморский, *2* — Багмаранский, *3* — Александровский, *4* — Мачаро-Черниговский, *5* — Мачаро-Пацхирский, *6* — Кодорский, *7* — Чегемский, *8* — Адзына-Рыхупинский, *9* — Дгамышский, *10* — Чапагурвский, *11* — Кетванырвский, *12* — Кумарчинский, *13*, *14* — Дуабский, *15* — Адзыквский, *16* — Абрскильский, *17* — Улысский, *18* — Моквский, *19* — Аджампазрский, *20* — Геджирский, *21* — Кварчельский, *22* — Адзхыдский, *23* — Гумуришский, *24* — Лекухонский

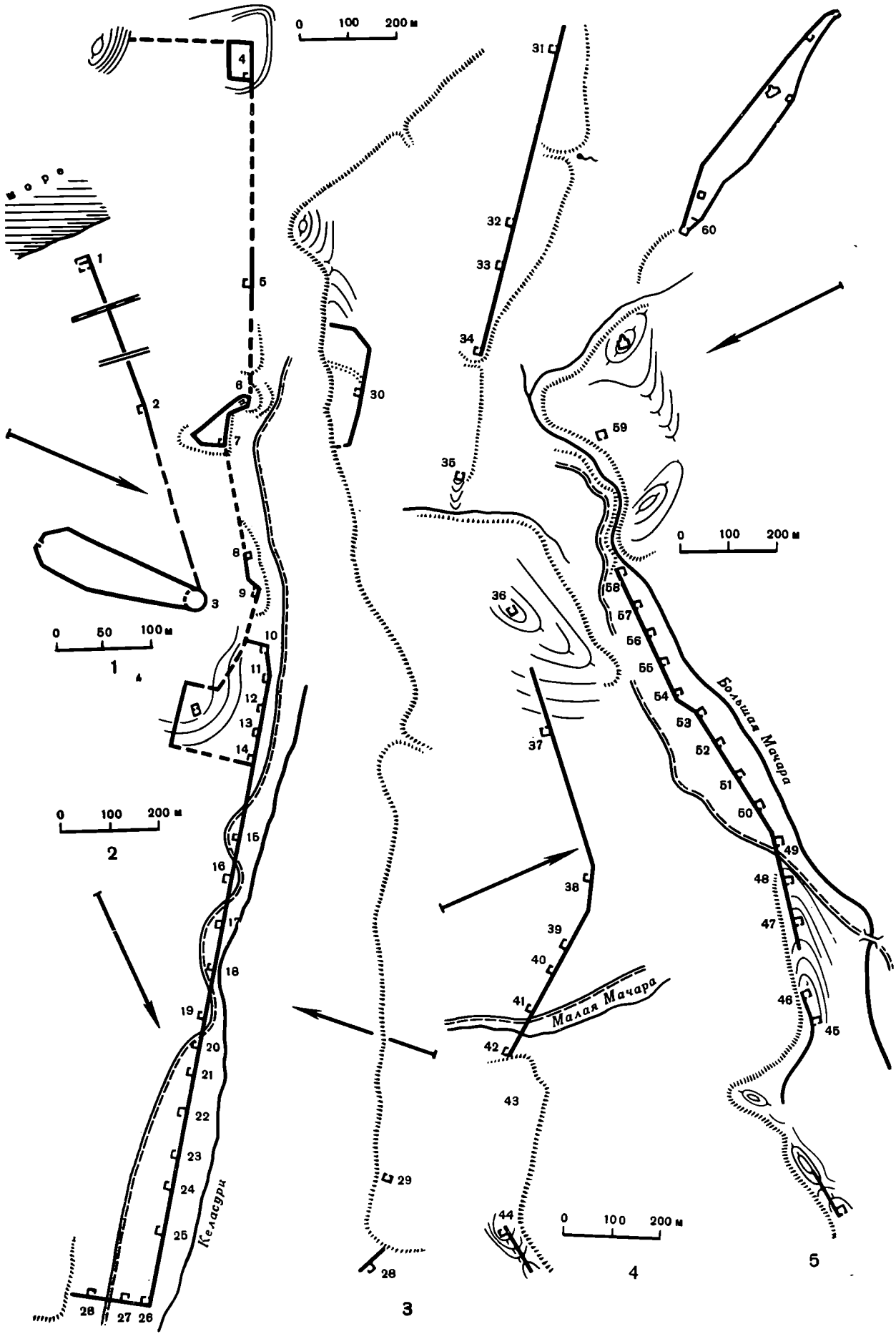


Рис. 2. Участки Келасурской стены:

1 — Приморский, *2* — Багмаранский, *3* — Александровский, *4* — Мачаро-Черниговский, *5* — Мачаро-Пацхирский

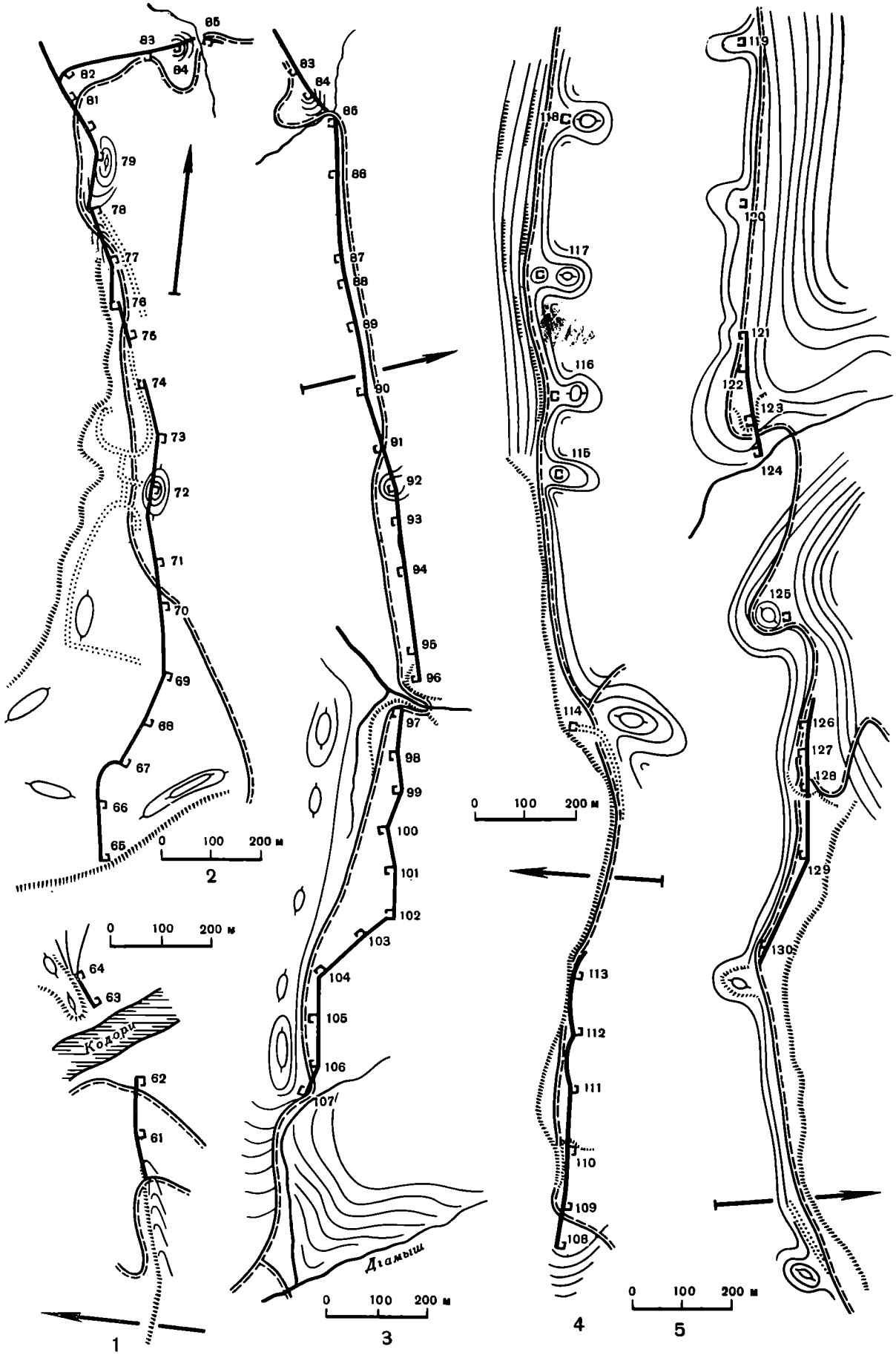


Рис. 3. Участки Келасурской стены:

1 — Кодорский, *2* — Чегемский, *3* — Адзына-Рыхуцинский, *4* — Дгамышский, *5* — Чапагурвский

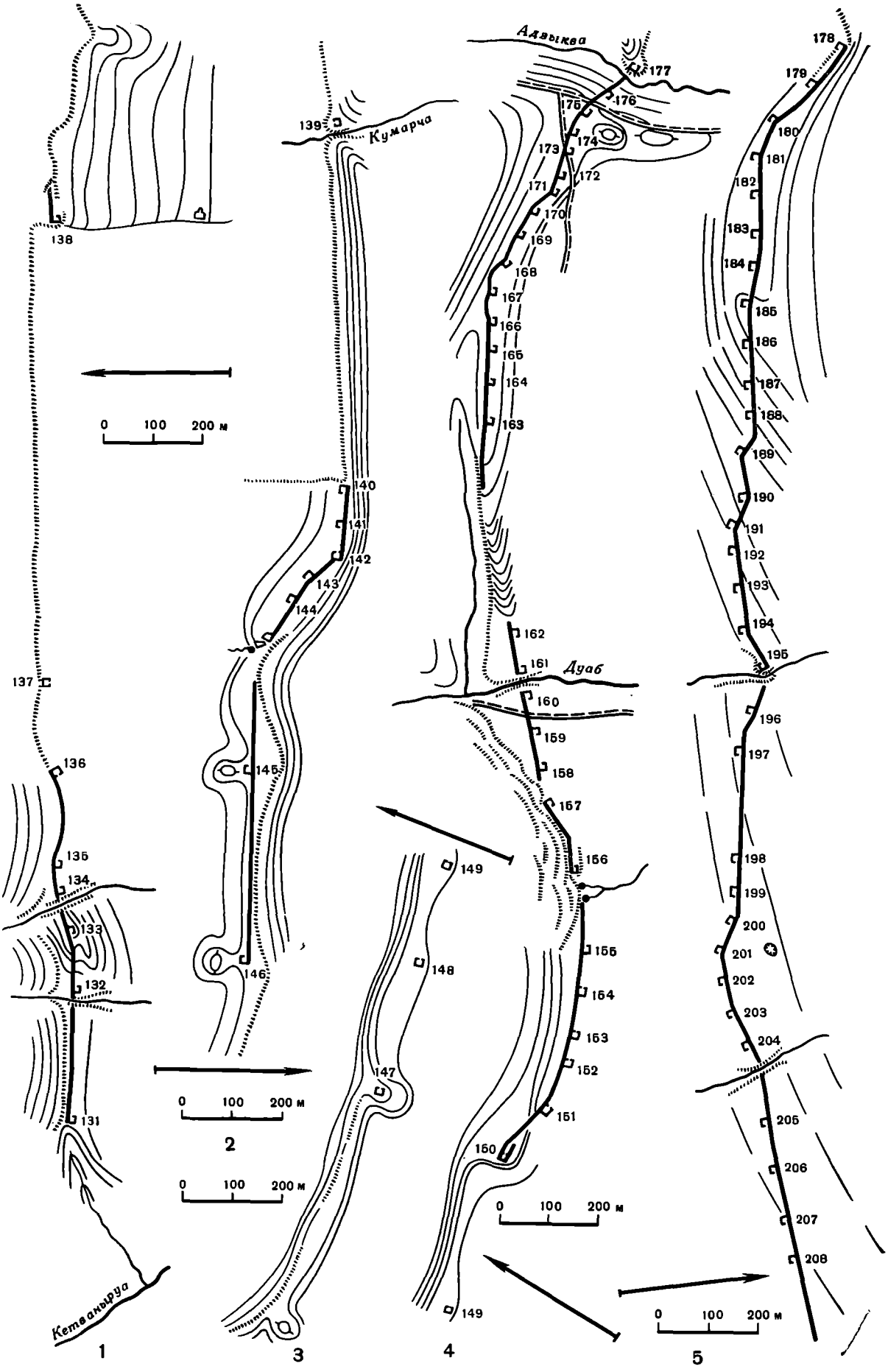


Рис. 4. Участки Келасурской стены:

1 — Кетванырвский, *2* — Кумарчинский, *3—4* — Даубский, *5* — Адзыкавский

24 340 *м*, т. е. около 25 *км*. В этом случае, при учете приводимых ниже параметров стен и башен, общий объем строительных работ составляет примерно 180 000 $м^3$. В свою очередь собственно стена отсутствует на следующих участках: 3—4—6,2 *км*; 28—30—1,7 *км*, 30—31—500 *м*; 34—36—600 *м*; 42—44—360 *м*; 46—47—100 *м*; 58—60—1,5 *км*; 60—61—5,5 *км*; 64—65—2,5 *км*; 107—108—750 *м*; 113—121—2,55 *км*; 124—126—500 *м*; 130—131—2 *км*; 136—138—1,05 *км*; 138—140—1,97 *км*; 146—150—2,5 *км*; 162—163—250 *м*; 177—178—1,2 *км*; 208—209—0,5 *км*; 233—235—800 *м*; 248—251—800 *м*; 252—253—200 *м*; 255—258—650 *м*; 267—273—3 *км*. Таким образом, от устья Келасури до ущелья р. Геджир около 33 *км* пространства, где стены отсутствуют. Это главным образом труднодоступные со стороны гор местности: крутые обрывистые склоны, зоны оползней и осыпей, узкие ущелья. Все эти пространства одновременно в значительной степени защищены отдельно стоящими башнями. Поскольку дальше от Геджира до самого Ингура на протяжении 42 *км* никаких следов стен не прослеживается, общая длина основной оборонительной линии Келасурской стены составляет около 58 *км*.

Основными элементами рассматриваемого памятника являются однотипные башни, гарнизонные укрепления, стена, их соединяющая и в отдельных случаях рвы и валы.

Как отмечено выше, собственно стена прослеживается на протяжении 25 *км*. Однако в большинстве случаев она разрушена уже почти до основания и хорошо сохранилась лишь отдельными фрагментами на Приморском, Чегемском, Дуабском, Абрскильском и Улысском участках, где фиксируется в общей сложности до 200 *м* стены почти на полную ее высоту. Высота стены составляла обычно 4 *м* (рис. 6, *1, 10;* 7, *4, 5)*, ширина стены у почвы достигала 1,5—2 *м*. Фундаменты прослеживаются повсеместно. Глубина их подошвы от современного уровня почвы 0,5—1 *м*. Различий в структуре между фундаментом и стеной не отмечено. В одном случае зафиксированы следы рва, предназначавшегося для возведения стены, которую не успели построить (73—75). В разрезе стена постепенно сужается вверх, причем отклонение ее внутрь от линии основания обычно составляет 0,4 *м* в фасадной части и 0,6 *м* с тыльной стороны (рис. 7, *4а)*. Ширина верхней плоскости стены, следовательно, составляла обычно 0,8—0,9 *м*. Стены возводились из речного булыжника либо из ломаного известняка. Для облицовки отбирался более крупный камень. Следов его специальной обработки не отмечено. Камни в облицовках положены без соблюдения рядов. Стены возводились постепенно сплошной кладкой, так что облицовка часто сливается с забутовкой. Осыпание облицовки не сильно сказывается на прочности стен. Забутовка осуществлялась с помощью того же материала, что и облицовка. Раствор всюду одного типа, грязновато-белый; в нем отмечается резкое преобладание извести над отощителем. Последний включает обычно гравий (вблизи рек) или мелкую известняковую щебенку. Применение песка почти не фиксируется. Раствор неодинакового качества. Местами он достаточно прочен, однако в ряде случаев он хрупок и покрыт трещинами. Довольно часто отмечается и стремление сэкономить раствор, о чем свидетельствует наличие в забутовке значительных незаполненных им пространств. Это несомненно пагубно отразилось на сохранности стены, вообще значительно хуже сохранившейся, чем башни. Никаких отверстий в стенах не отмечено. Верхняя плоскость их не имела зубцов и представляла собой неровную от выступающих камней поверхность; щели между камнями затерты раствором.

Согласно сообщениям местных жителей, в ряде случаев в верхней части стен при разрушении находили замурованные цилиндрические керамические сосуды с плоским дном. В 20 *м* выше башни 232 Л. Н. Соловьев в 1939 г. обнаружил колено гончарной трубы «позднего типа» плохого коричневого обжига диаметром 8—10 *см*, вставленное сверху в

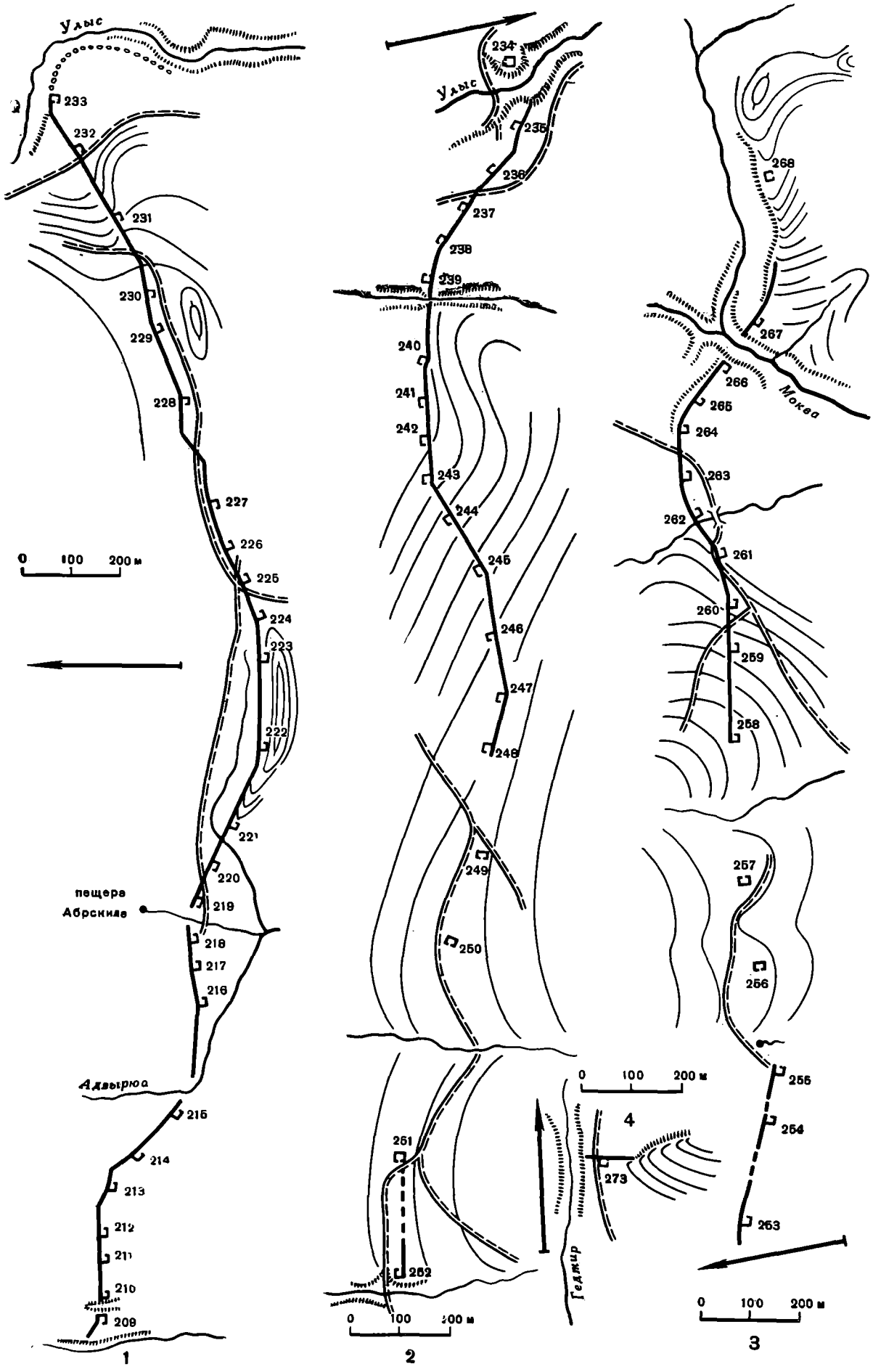


Рис. 5. Участки Келасурской стены:

1 — Абрскильский, *2* — Улысский, *3* — Моквский, *4* — Геджирский

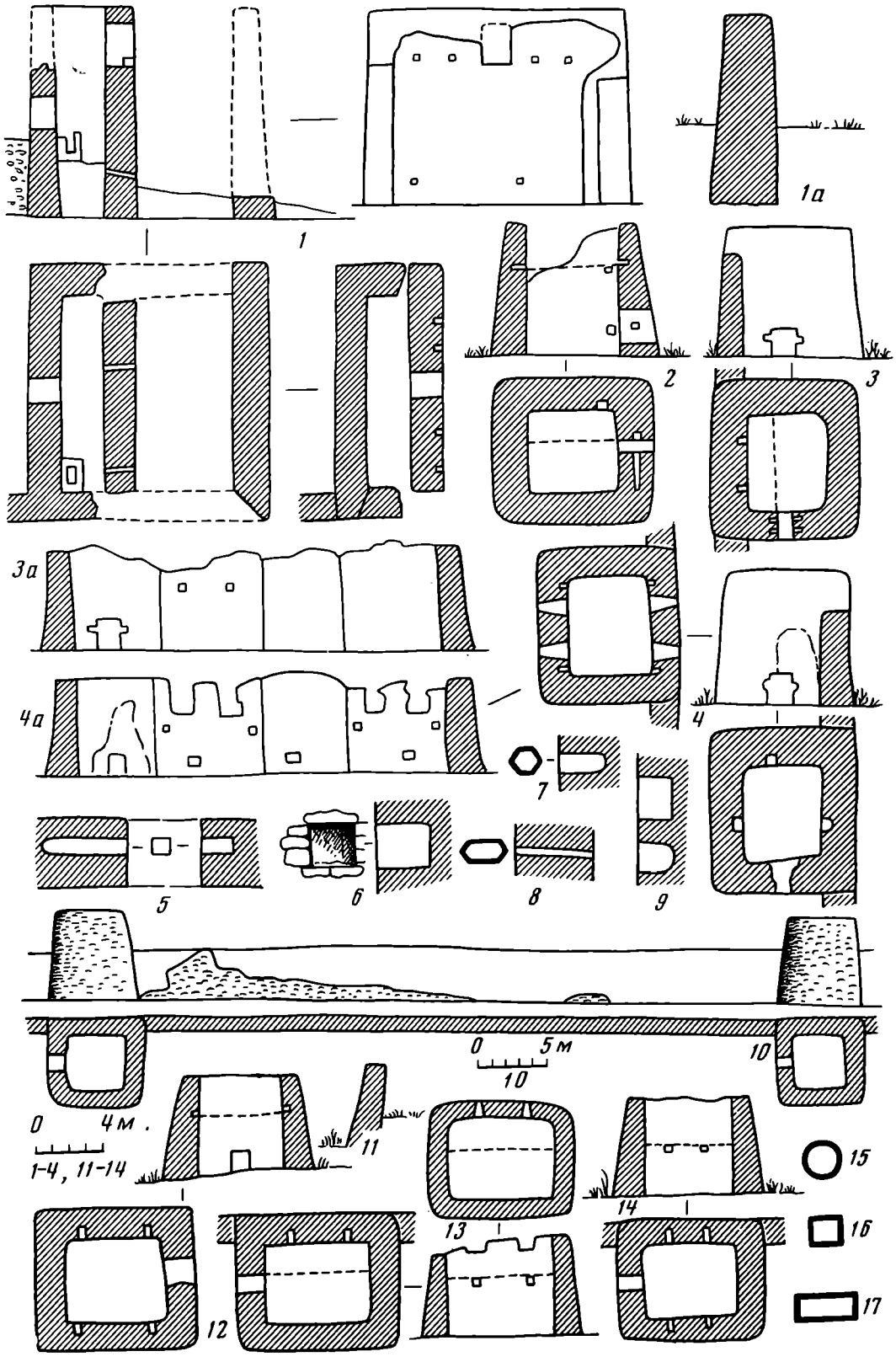


Рис. 6.

1 — башня 1; *1 а* — профиль стены между башнями 1 и 2; *2* — башня 6; *3* — башня *16* (*а* — развертка); *4* — башня 22 (*а* — развертка); *5* — засовное устройство в башне 16; *6*, *9* — ниши в башне 22; *7*, *8* — отверстия в стене башни 10; *10* — участок стены с башнями 19 и 20 (справа); *11* — профиль стены Александровской крепости (30); *12* — башня 43; *13* — башня 51; *14* — башня 32; *15*—*17* — сечения брусьев из башен Мачаро-Пацхирского участка

середину стены широким концом вверх (рис. 7, *10*). Труба, состоявшая, по-видимому, из трех или четырех таких колен, имела выход вверх, а дно ее было образовано густо положенным раствором. Возможно, она входила в конструкцию ворот. Эти ворота, довольно хорошо сохранившиеся, единственные, прослеженные на всем протяжении стены. Аналогичные улысским ворота, вероятно, находились у Приморской башни, на Кодорском участке, в ущельях Дуаба и Моквы. Остатки таких ворот прослеживаются и у башни в ущелье Геджира (рис. 7, *11*). Судя по сохранившимся остаткам (рис. 7, *4*), ширина улысских ворот не превышала 1,2—1,5 *м*, в то время как их высота по положению засовного отверстия определяется в 1,6—1,8 *м*. Само отверстие сечением 20 × 30 *см* расположено на высоте 0,8 *м* от земли в западном наличнике ворот. Его глубина до 2 *м*. На противоположной стороне находилось углубление несколько большего размера и глубиной 20—25 *см* (рис. 7, *4а*).

Весьма выразительным видом оборонительных сооружений Келасурской стены являются рвы и валы, прослеженные на Чегемском участке, а также в некоторых других пунктах (114, восточнее 130). Особенно примечательна система рвов и валов, расположенная на обширной поляне перед фронтом башен 69—71 (рис. 3, *2*). Их назначение — укрепить обороноспособность Чегемской линии со стороны распадка. Рвы и валы на этом участке совмещены. Общая длина их около 800 *м*. Глубина рва в настоящее время равна 1 *м*, ширина — 1,5 *м*, высота вала, образованного главным образом выбросами из рва,— до 0,5—1 *м*. Ширина их достигает 2—3 *м*. В ряде случаев отмечено бронирование вала известняковыми обломками, аналогичными использованным в стенах. Профили этих сооружений показаны на рис. 8, *4—6*.

В настоящее время в системе Келасурской стены известно 279 башен. Большинство их наполовину или до основания разрушено. Значительная их часть разрушена пашнями, дорогами, постройками. Лишь около сотни башен находится в более или менее удовлетворительном состоянии.

Как правило, башни имеют фундамент, углубленный в почву на 0,5 *м*. В ряде случаев, особенно у башен, расположенных на плоскости первой речной террасы, фундамент отсутствует. Так, башня 18, подмытая р. Келасури, опрокинулась несколькими монолитами, обнажив подошву, и стало видно, что она была поставлена прямо на траву. В другом случае (башня 83) отмечено, что подошву башни подстилала почва, покрытая углями, золой и полуобгорелыми ветвями кустарника, который был выжжен, по-видимому, непосредственно перед постройкой башни. Башня 123 была сооружена непосредственно на вершине скалистого утеса (рис. 8, *8*).

Способ связи башен со стеной различен. В большинстве случаев, по-видимому, возводились сначала башни, а затем между ними встраивалась стена. Об этом свидетельствует часто прослеживаемое отсутствие кладки вперевязку между углом башни и стеной в местах их стыка, а также уже отмеченный случай, когда между построенными башнями (73—75) сохранился ров для фундамента так и не построенной стены. Одновременно отмечены и случаи, когда стена башни и общая стена складывались на высоту 1,5—2 *м* вперевязку, а затем достраивались раздельно (214). Иногда башня пристраивалась к уже возведенной на полную высоту стене (235, рис. 7, *5*). В последнем случае пазы для балок межэтажного перекрытия выбивались в стене после ее сооружения. Во всех тех случаях, когда башни связаны со стеной, они всегда пристроены к ней со стороны моря, их фасадная стена совмещается с общим направлением стены. Расстояние между башнями, связанными со стеной, обычно колеблется от 40 до 120 *м*. Особенно сокращается это расстояние у пересечения стеной речных долин, по которым проходят дороги в горы. В тех же случаях, когда собственно стена отсутствовала, расстояние между отдельными башнями достигало 250—300 или 500—1000 *м* и даже больше.

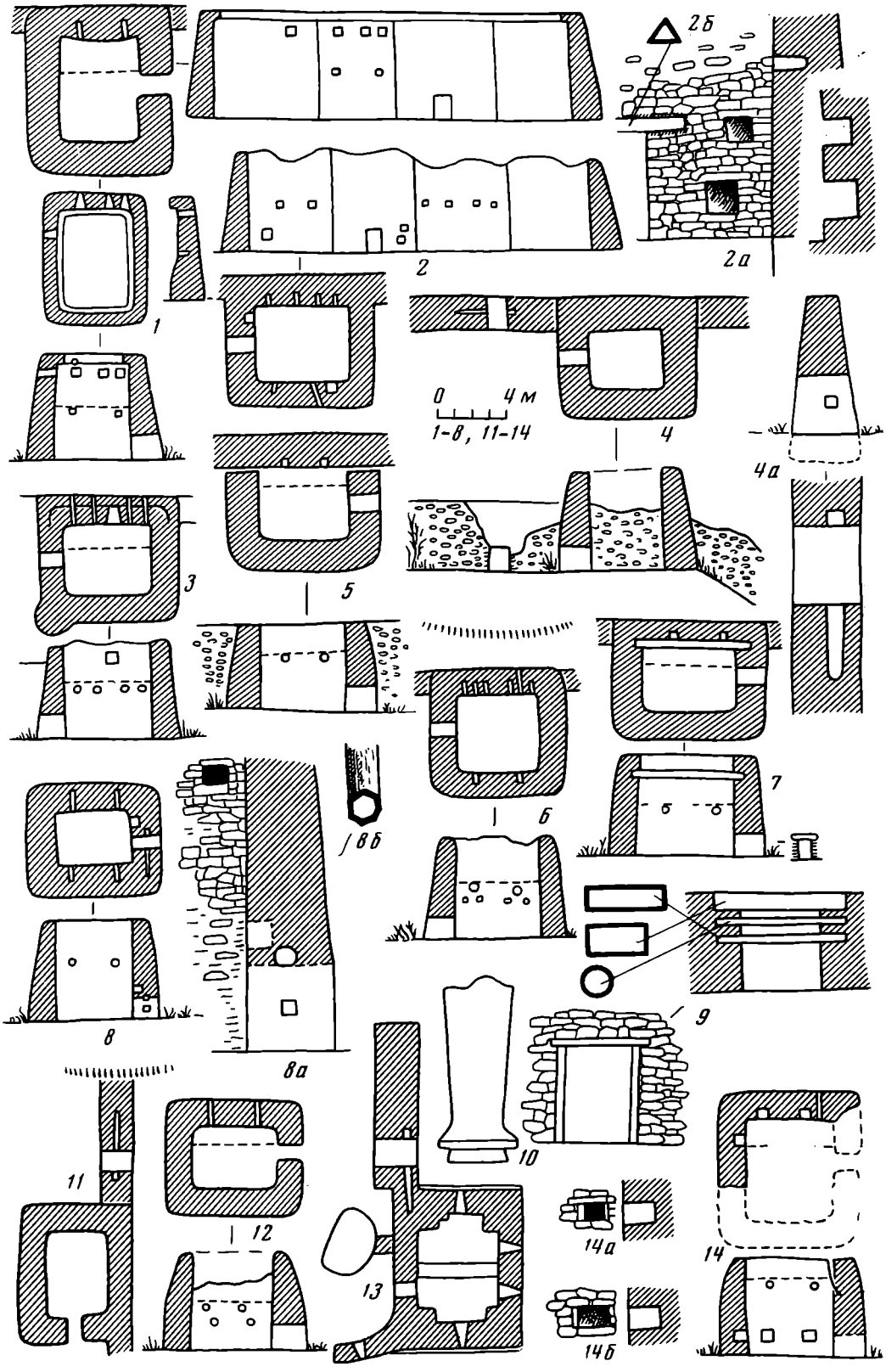


Рис. 7.

1 — башня 230; *2* — башня 231 (*а, б* — расположение ниш и сечение бруса); *3* — башня 229; *4* — башня 232 (*а* — профиль стены и засовное устройство ворот); *5* — башня 231; *6* — башня 239; *7* — башня 248; *8* — башня 251 (*а, б* — разрез стены у дверей и сечение бруса); *9* — устройство дверей и сечения брусьев в башне 254; *10* — керамическая труба из стены между башнями 231 и 232; *11* — башня 273; *12* — башня 275; *13* — башня 274; *14* — башня 277 (*а, б* — ниши)

Все башни имеют четырехугольную в плане форму. Углы как снаружи, так и изнутри (рис. 8, *3*) закруглены. Изредка снаружи углы спрямлены (1,213 и др.), причем если в башне 1 для этого использованы в отличие от остальной кладки, выполненной булыжником, тесаные квадры известняка, то в остальных случаях это было вызвано применением необработанного известнякового плитняка. Лишь однажды у одного из внешних углов башни отмечено контрфорсообразное округлое расширение (рис. 7, *3*). Контрфорс у другой башни (123) связан с ее расположением на скале (рис. 8, *8*). В оформлении углов изнутри может быть отмечена следующая закономерность: углы, примыкающие к внешней фасадной стене, обычно более спрямлены, чем углы у противоположной стены. В одном случае изнутри отмечены острые углы, связанные с выгибом внутренней плоскости фасадной стены (рис. 7, *1*).

Наружные размеры большинства башен на уровне почвы составляют в среднем 7×8, 7×9 или 8×9 *м*. Одна из самых маленьких башен (67) имела снаружи в плане $5{,}6 \times 6{,}6$ *м*. У наиболее значительных (32, 38, 149, 175, 216, 229) этот показатель обычно составляет 8×10 или $9 \times \times 10$ *м*. Только башня 1 имеет в плане $6{,}5 \times 14{,}8$ *м*.

Высота башен обычно достигает 4—6 *м*, иногда выше, однако она нигде не превышает 8 *м*, за исключением башни 1, высота которой составляет 10,5—11 *м*. Изнутри стены башни отвесны или слегка суживаются кверху. Снаружи они, как правило, полностью или до середины суживаются кверху; в последнем случае верхняя часть башни имеет отвесные стены (рис. 8, *11*). Отмечаются и определенные обратные отклонения; от цоколя на высоту до 2—2,5 *м* стены равномерной толщины, а выше они суживаются, обычно за счет наружной плоскости. Стены башни 1 отвесны полностью. Ширина стен по периметру довольно равномерна, но изредка встречаются довольно значительные утолщения в углах (рис. 8, *9*) и в нижней части фасадной стены изнутри (рис. 7, *1*) и т. д. Толщина стен на уровне почвы обычно 1,4—2 *м*, наверху — 0,7—0,9 *м*.

Как и стена, башни сооружались из подручного материала. Крупный булыжник вблизи рек, вдали от них — ломаный известняк. Для наружной облицовки, особенно в нижней части башен, часто использовался более крупный камень, наверху и изнутри — помельче. Облицовочный камень, как правило, обработке не подвергался. Лишь в башне 1 лицевая часть булыжников сколота, а северо-восточный угол снаружи облицован тесаными известняковыми квадрами. Легкая подправка отмечена и в облицовочном камне башни 271. Ряды в облицовке не соблюдались. Пространство между облицовками заполнялось обломочным материалом или булыжником. Раствор грязновато-белый с преимущественным преобладанием извести над отощателем, в качестве которого использовался поблизости от рек гравий, а вдали от них известняковая щебенка. Иногда в растворе фиксируется кремневая крошка (278). Песок в качестве отощателя почти не использовался. Раствор обычно положен достаточно густо и создает впечатление несколько большей прочности, чем в промежуточных стенах. Разница в сохранности между стенами и башнями, возможно, кроется не столько в качестве кладки, сколько в их конструктивных различиях.

Каждая башня имела вход, располагавшийся обычно на уровне земли. В тех случаях, когда башни связаны со стеной, дверь фиксируется в одной из боковых стен башни. Однако и здесь отмечены исключения (85, 123, 124, 274 и др.), когда дверь находилась в задней стене. Последнее обычно характерно для одиночных, не соединенных со стеной башен, вход в которые ведет со стороны защищаемого пространства (59, 114—120, 125, 137, 139, 234, 268, 275, 277). Впрочем, и в этом случае отмечаются исключения (147—149, 249, 250, 256, 257). Дверной проем обычно слегка смещен внутрь защищаемого пространства, что вызвано использованием части боковой плоскости башни для стыка с промежу-

точной стеной. Это явление отмечено и у соответствующих одиночных сооружений (249 и др.). В сохранившихся дверных проемах видны в растворе отпечатки брусьев от верхней поперечины, порога и засовного устройства. Горизонтальный свод дверного проема поддерживался с помощью толстых поперечных брусьев различного сечения (рис. 7, *2б, 8б 9*). Сложные балочные перекрытия отмечены и в дверях башни 131 (рис. 8, *11а*). Сечения прямоугольных брусьев составляют обычно 6 × 15, 15 × × 20 *см* и т. д., диаметр округлых брусьев — 10 — 30 *см*, размеры треугольных балок — 10 × 10 × 10 *см*. В отдельных случаях отмечено применение массивных досок шириной до 90 *см* (рис. 8, *11а*). Прямоугольные в сечении брусья клались плашмя и очень редко ставились на ребро. Следы вертикального бруса от дверей, открывавшихся внутрь, редки.

Двери запирались на засов. От последнего сохранились квадратные (20 × 20 или 30 × 30 *см*) в сечении отверстия, уходящие в глубь стены. При этом, как правило, ходовая часть засовного устройства имела глубину до 1,5—2 *м*, в то время как противоположное, обычно несколько более широкое отверстие углублено в стену на 20—25 *см*. Ходовая часть делалась в сторону задней стены, а запорный паз — в сторону фасадной стены (рис. 6, *2*, *5*; 8, *7а*). Размер дверей реконструируется с достаточной точностью: ширина 1—1,2 *м*, высота 1,4—1,7 *м*.

Лишь трижды (1, 85, 117) вход находился на значительной высоте над уровнем земли. В последних двух случаях прослежено существование пристроенной снаружи узкой каменной лестницы, ведущей к входу (рис. 8, 7). Как правило, это было связано с конструктивными особенностями башен, имевших цокольный этаж, заполненный бутом и землей. В башне 1 на этом уровне изнутри встроена цистерна.

Внутреннее оформление поверхности стен башен заключалось главным образом в заглаживании раствором швов между камнями. Затирка швов с частичным покрытием внутренней поверхности фасадной стены отмечена на втором этаже башни 230. Обычно же подобная обработка отмечается главным образом в углах башен. Интерьер башен характеризуется нишами, глухими или сквозными отверстиями и бойницами.

Все ниши фиксируются только в первом этаже (18, 22, 67, 210, 212, 215, 230, 234, 239, 251 и др.) по одной (215, 234, 239 и др.), две (67, 210 и др.) или три (22, 212, 230, 278), располагаясь обычно на высоте 0,5—0,1 *м* от пола. В одном случае (230) зафиксировано в боковой стене у двери две ниши (рис. 7, *2а*), расположенные друг над другом. Все ниши, за исключением одной, полукруглой в плане, прямоугольные. Размеры ниш (рис. 6, *6*, 7, *2а*, *14б*, 8, *17б*): ширина от 0,3 до 0,7, высота 0,3—0,7, глубина 0,5—0,8 *м*. Полукруглая ниша (22) имела ширину 0,5, глубину 0,5 и высоту 0,7 *м* (рис. 6, *9*). Сверху и снизу ниши обычно оформлены большими плоскими камнями; боковые стенки ниш образованы либо обычной кладкой в 2—3 ряда, либо поставленными на ребро плитами (рис. 7, *14а, б*). В первом случае все швы обычно затирались раствором с частичным покрытием внутренней поверхности ниши.

Разнохарактерные отверстия — отпечатки брусьев и бревен различного сечения — встречаются в стенах большинства башен. Хорошо прослеживаются они обычно изнутри. В отдельных случаях, хотя башни и сохранились на полную высоту (250 и др.), в их стенах нет никаких отверстий. По форме можно выделить 5 типов отверстий: 1 — обычно глухие отпечатки квадратных (20 × 20 *см*, 15 × 20 *см* и т. д.) в сечении бревен (рис. 6, *16*); 2 — сквозные или глухие отпечатки массивных брусьев прямоугольного (25 × 10 *см* и т. д.) сечения (рис. 6, *8*, *17*; 8, *2б*); 3 — сквозные или реже глухие отпечатки полукруглых в сечении (15 × 25 *см* и т. д.) брусьев (рис. 8, *1а*, *2б*); 4 — обычно глухие отпечатки концов массивных бревен круглого или ограненного (диаметр 10—30 *см*) сечения (рис. 6, 7, *15*); 5 — глухие или реже сквозные отпечатки тонких круглых (диаметр 5—10 *см*) в сечении брусьев (рис. 7, *2б*, *18б*). Большинство отверстий

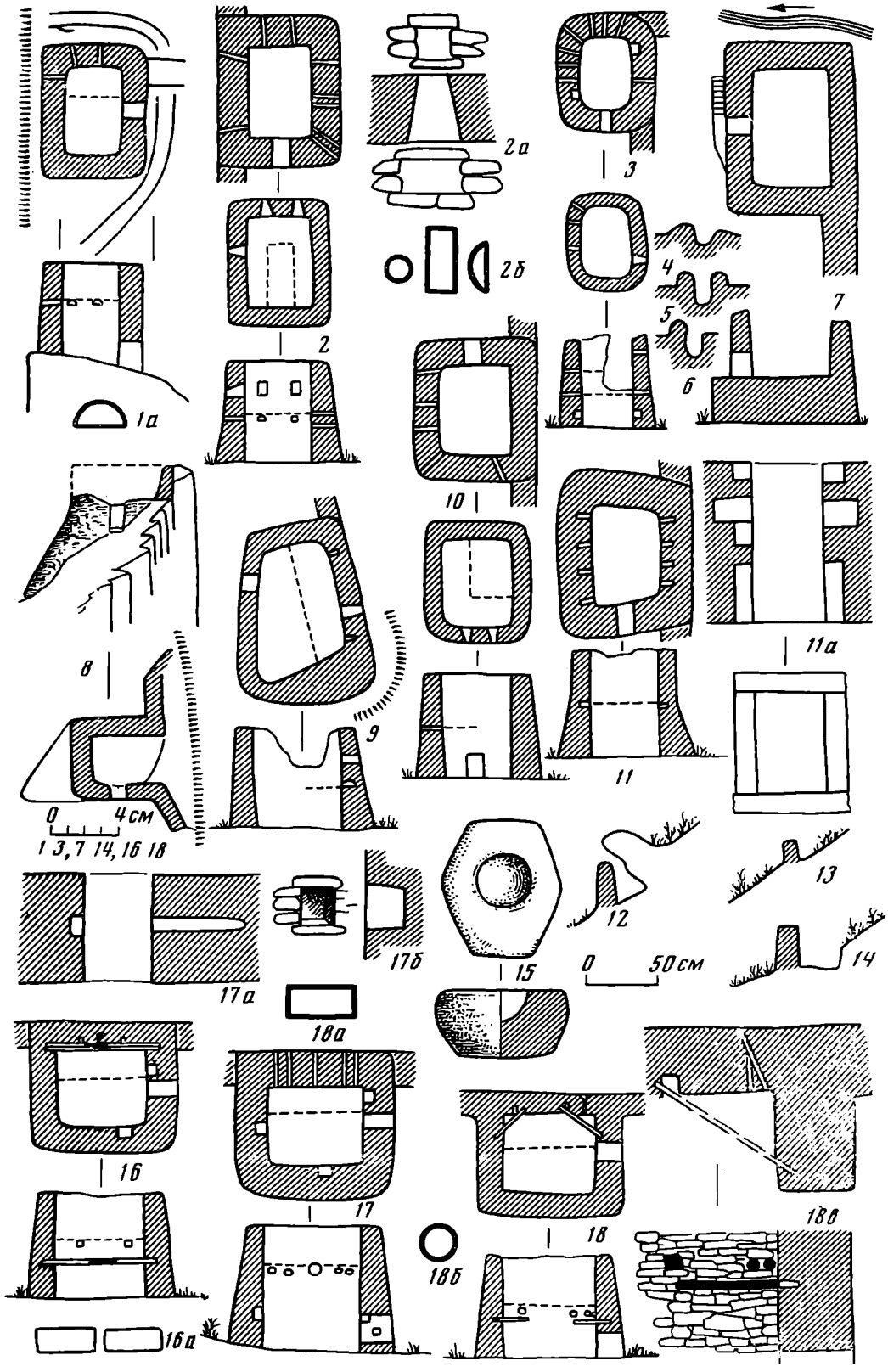


Рис. 8.

1 — башня 65 (*а* — сечение бруса); *2* — башня 66 (*а, б* — бойница и сечения брусьев); *3* — башня 67; *4—6* — профили рвов и валов на Чегемском участке; *7* — башня 85; *8* — башня 123; *9* — башня 124; *10* — башня 128; *11* — башня 131 (*а* — устройство дверей); *12* — профиль стены между башнями 135—136; *13* — профиль стены между башнями 188—189; *14* — профиль стены у башни 192; *15* — каменная ступка у башни 178; *16* — башня 210 (*а* — сечение брусьев); *17* — башня 212 (*а, б* — засовное устройство и ниша); *18* — башня 214 (*а, б, в* — сечения брусьев и брус в углу)

прослежено на фасадной стене, реже на задней. Еще реже (главным образом на Чегемском участке) отверстия прослеживаются и на противоположной входу стене. В стене, где находятся двери, подобных отверстий обычно нет.

Основная группа отверстий, фиксируемых в башнях Келасурской стены, располагается обычно на высоте 2,5—3 *м* от уровня пола. Эти следы балок, на которых держались межэтажные перекрытия. Судя по всему, эти перекрытия были двух типов: сплошные и частичные. Перекрытия со сплошным деревянным настилом были в тех башнях, где прослеживаются обычно по два, реже по три или четыре (131) соответствующих друг другу отверстия от бревен, главным образом квадратного, реже прямоугольного сечения. Концы этих бревен углублены в стену до 20—25 *см*. В этом случае связь между этажами осуществлялась по приставной деревянной лестнице через люк (рис. 6, *4*, *12*, *14*; 7, *6*, *8*; 8, *11*). В другом случае перекрытия сооружались в виде довольно узких (до 1,5—2 *м* ширины) мостиков, покоившихся на концах различного сечения бревен и брусьев, глубоко, часто до наружной поверхности, заключенных в толщу стены. В этом случае внутренний конец брусьев иногда несколько приподнят, что сказывается на направлении отверстия, ориентированного изнутри наружу не прямо, а несколько вниз (рис. 6, *8*). Следы частичных перекрытий прослеживаются чаще всего в фасадной стене, реже вдоль двух или трех (главным образом тот же Чегемский участок) стен (рис. 6, *2*, *3*, *13*; 7, *1—3*, *5*, *7*; 8, *1—3*, *9*, *10*, *16—18*). Довольно часто помимо рассмотренных элементов в стенах башен прослеживаются ярусы дополнительных отверстий, как правило, от тонких брусьев 5-го типа. Они располагаются обычно на 20—50 *см* выше или на одном уровне с основной группой отверстий от бревен межэтажных перекрытий (рис. 8, *2*, *5*, *17*, *18*). На Чегемском участке (66—68) отмечено распределение на разных уровнях и отверстий от крупных, часто полукруглых, брусьев. Часть этих отверстий, вероятно, осталась от лесов, возводившихся при строительстве стен башен. Однако эти отверстия есть не на всех стенах башен. В одном случае (214) отмечено использование тонких соединительных брусьев в углах чуть ниже уровня межэтажного перекрытия (рис. 8, *8в*). В другом случае (210, 248), возможно, с целью регулирования осадки, в фасадных стенах были вложены горизонтально брусья прямоугольного сечения (6 × 15 *см*), положенные попарно (рис. 8, *16а*) в нижнем (рис. 8, *16*) либо одиночно в верхнем (рис. 7, *7*) этажах. Лишь однажды (67) в толще стены башни изнутри отмечен вертикальный след тонкого бруса, выходившего одним концом на поверхность стены в нижнем этаже, а вторым, по-видимому, на верхнюю плоскость стены.

Бойницы в башнях Келасурской стены отмечаются довольно часто (22, 51, 66, 124, 228, 229, 233 и др.) и обычно во втором этаже, где толщина стены 0,7—0,9 *м*. Лишь в башне 274 бойницы зафиксированы в нижнем этаже. Как правило, они располагались в фасадной стене (22, 51, 66, 124, 228, 229), реже в боковых (66, 128, 229) и задней (233) стенах. Все они имеют квадратное или прямоугольное сечение и суживаются наружу. Размеры их довольно стандартны. Так, в башне 66 бойница имеет следующие показатели: ширина изнутри 30, высота 25, снаружи 20 × 20 *см* (рис. 8, *2а*); в башне 229 бойницы квадратные, изнутри 35×35, снаружи 25× × 25 *см*. Все они обычно расположены на высоте 1,2—1,8 *м* над уровнем межэтажного перекрытия по одной, две или три в стене. Сверху и снизу бойницы обрамлены плоскими камнями. Все бойницы, несомненно, как по форме, так и по расположению приспособлены к огнестрельному оружию. В связь с изготовлением пороха, вероятно, должна быть поставлена большая каменная ступа (рис. 8, *15*), найденная у башни 178.

Заканчивая описание башен, отмечу, что никаких следов существования крыш в этих сооружениях не зафиксировано. Во всех случаях верхний край башни представляет собой заглаженную сверху в швах пло-

скость. Лишь в одном случае (229) вдоль верхнего края стен отмечен козырек шириной 0,6 *м*, выступающий внутрь на 0,2—0,25 *м*. В его нижней части в фасадной стене изнутри над бойницами видны отверстия от круглых брусьев диаметром в 4—6 *см*, на которых, по-видимому, и держалось в свое время покрытие, защищавшее стрелков от непогоды.

Все гарнизонные укрепления Келасурской стены сосредоточены исключительно вдоль левого берега Келасури. Их пять: Тхобынское (3), Багмаранское (4), Келасурское (6—7), Пшауш-абаа (10—14) и Александровское (30). Все эти укрепления представляют собой фактически лишь несколько переосмысленное сочетание элементов, характеризующих Келасурскую стену. Площадь Тхобынской крепости 1 *га*. Это вытянуто-овальной формы сооружение сильно разрушено, поэтому трудно что-либо утверждать относительно формы северной башни; в ее сохранившемся останце на высоте 4 *м* прослеживается ряд прямоугольных бойниц, аналогичных тем, которые фиксируются в остальных башнях стены. В восточной части крепости сохранились ворота, высота которых составляла 1,65, а ширина —1,4—1,5 *м*. Облицовка ворот была деревянной — сохранились отпечатки брусьев. Засовное устройство не отличается от аналогичных устройств в других частях Келасурской стены. Багмаранская крепость имеет форму прямоугольника и занимает площадь в 0,4 *га*. Келасурская крепость, расположенная на площади около 1 *га*, охватывает две незначительные вершины. Крепость Пшауш-абаа занимает вершину холма, его склон и подошву. Общая площадь крепости 4,25 *га*. На краю террасы на вершине прослеживается прямоугольное каменное здание, состоящее из двух комнат. Наконец, Александровское укрепление (площадь 2,1 *га*) занимает вершину холма с обрывами на север. С запада у обрыва заметны следы ворот. В восточной части поперек вырыт глубокий ров, укрепленный валом. Подъемный материал содержит фрагменты позднесредневековой бытовой керамики.

В линию Келасурской стены исследователями обычно включается значительное число древних памятников архитектуры, в действительности не имеющих к ней ни хронологически, ни конструктивно, ни по назначению никакого отношения. Среди этих объектов следует отметить в первую очередь следующие: крепости Пскальская (IV—VI вв.), Герзеульская, Джиху, Наджиху, Наголовани, Скайсук (раннее средневековье), Реча (раннее и развитое средневековье), укрепление Дзгаб — Лкпапта, башня Чадкишв, крепость Сатанжо, замок Ерслым, замок Абаажв (развитое средневековье), башня Оцарце (XVII в.) и др. Серия сооружений от Ткварчели до Ингура, а также по правобережью последнего, сопоставлявшаяся прежде с отдельными башнями Келасурской стены, в действительности почти полностью относится к сильно разрушенным небольшим храмовым постройкам. Вывод об отсутствии связи этих и ряда других объектов с Келасурской стеной я основываю прежде всего на результатах личных обследований всех известных объектов древней архитектуры в зоне трассы этого памятника.

На всем протяжении стена следует остаткам древней дороги (рис. 8, *14*). В ряде случаев отмечается конкретная охрана башнями брода через реки (Кодор, Улыс и др.).

Оборонительная направленность Келасурской стены теперь уже не должна вызывать никаких сомнений. Ориентация башен, способ их связи со стеной, расположение большинства бойниц и других приспособлений обороны, общий характер использования оборонительных возможностей местности и т. д. со всей определенностью указывают, что стена служила для обороны от врагов с запада, северо-запада, севера и северо-востока. Наибольшее внимание уделено оборонительной линии вдоль р. Келасури, где помимо башен и местами сплошной линии стен сосредоточены все известные гарнизонные укрепления, позволяющие укрывать значительные воинские подразделения. Большое внимание уделено и укреплению

выходов из всех ущелий, по которым проходили тропы в Кодорское ущелье. Оборона резко ослабевает, начиная от Моквы, и фактически сходит на нет после Ткварчели. Со стороны Ингура никакой опасности не предполагалось. Таким образом, стена была возведена прежде всего для защиты от неприятеля, располагавшегося северо-западнее р. Келасури и в Кодорском ущелье (историческая Цебельда).

В ходе исследований Келасурской стены рассматривались ее оборонительные возможности в каждом конкретном случае, что позволило выявить ряд существенных недостатков. В ряде случаев отмечается размещение башен у подножья стратегически выгодных возвышенностей (44, 45, 59, 79, 114, 116, 117, 118, 125, 130, 222, 223 и др.). Относительно, например, позиции башен 222 и 223 Л. Н. Соловьев пишет: «В этом месте к подножью известнякового хребта с юга подходит небольшой холм. Линия стены вместо того, чтобы использовать его верхушку для усиления стратегической позиции, проходит в лощине между двумя указанными возвышенностями, так что башни... могут легко обстреливаться и даже забрасываться камнями с обеих сторон ...такое расположение башен определялось направлением дороги» [19]. Часто стена проходит в непосредственной близости от крутых склонов и под обрывами, что ставило всю оборону в предельно невыгодное положение — под обстрел сверху (58, 85—90, 112—114, 137, 156—157, 253 и др.). Так, касаясь башни 58, Л. Н. Соловьев справедливо отмечает, что «трудно было выбрать более невыгодную позицию с протекающей сзади рекой» [20]. В другом случае стена, идущая вдоль крутого склона, встретив нависающий останец спрессованной щебенки высотой до 4 *м*, обошла его снизу (рис. 8, *12*), в то время как в такой позиции останец позволяет беспрепятственно проникать в защищенную стеной зону. Между башней 239 и скалой, с вершины которой первая хорошо простреливается, оставлена лишь узкая полоса для дороги шириной 5—6 *м*. В ряде случаев стена, не считаясь с формами рельефа, идет напрямик вверх или вниз по склонам, создавая впечатление не оборонительной линии, а скорее просто символического ограждения, что особенно хорошо заметно на полях восточнее Дуаба (178—215) и Улыса (240—250). Отсутствуют укрепления в ряде довольно легко преодолеваемых участков — южнее Багмаранской крепости, где существует удобная переправа через р. Келасури, в Герзеульском проходе, куда легко можно проникнуть из Кодорского ущелья через Цебельду и Апианчу, в районе Наа и т. д. Все сооружение в целом создает впечатление поспешности и во многих своих частях сработано на скорую руку. В одних башнях отсутствуют бойницы, в других нет межэтажных перекрытий, иногда башни ставились прямо на траву, фундаменты их неглубоки и часто носят условный характер. В стенах фиксируются пустоты, незаполненные раствором, который часто сам отличается непрочностью. Некоторые участки стены вообще недостроены — подготовлены только рвы для фундаментов. Подъемный материал предельно скуден и не свидетельствует в пользу сколько-нибудь длительного функционирования большинства сооружений. И тем не менее налицо огромный объем работ, единый стратегический замысел, общая целесообразность всего сооружения, несомненный всплеск исключительной силы на общем фоне развития архитектуры Кавказа.

Когда же, кем и при каких обстоятельствах была построена Келасурская стена? У истоков научного осмысления Келасурской стены стоит Ф. Дюбуа де Монпере, который отнес «ее происхождение за несколько веков до н. э., к той эпохе, когда цветущая и могущественная Диоскурия была метрополией республики, замкнутой этой стеной» [21]. Тот же автор заключил, что в античных источниках именно эта стена известна как Кораксийская стена (Гекатей Милетский) и Сильная крепость (Птоле-

[19] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 39.
[20] Там же, стр. 37.
[21] Ф. Дюбуа де Монпере. Ук. соч., стр. 146—148.

мей) [22]. С этой точкой зрения в общих чертах согласилась П. С. Уварова [23]. В. И. Чернявский же предложил считать Тхобынскую крепость Трахеей Прокопия Кесарийского [24], тем самым впервые связав памятники Келасурской стены с Юстиниановской эпохой. К этой мысли присоединился и А. А. Миллер [25]. М. М. Иващенко убедительно показал, что Келасурская стена никак не может быть сопоставлена ни с ограждением территории Диоскуриады, ни со стенами, упоминаемыми в античных источниках [26]. Далее, исходя из тех предпосылок, что: а) «стену, подобную Келасурской..., могло сделать только государство, обладавшее большой армией, твердой ногой стоявшее на занятой территории и достаточно сильное, чтобы предпринять подобное сооружение», б) в конце V — VI в. граница между Грузией и Абхазией, а равно между Апсилией и Абазгией проходила по р. Келасури, в) в середине VI в. византийцам важно было «запереть горные проходы в Апсилию, а следовательно, и в Лазику», г) Прокопий Кесарийский оставил свидетельство об интенсивной строительной деятельности Юстиниана в Лазике. М. М. Иващенко высказал мнение, что «свидетельство Прокопия дает достаточно оснований утверждать, что Юстинианом в Лазике была построена стена..., которая известна под именем Келасурской, или Великой Абхазской стены» [27]. Эта точка зрения господствует до сих пор [28].

Несколько иначе вопрос о происхождении стены рассматривает Л. Н. Соловьев, который, справедливо отметив, что гипотеза М. М. Иващенко не согласуется с данными источников о границах Апсилии в VI в., и что вне линии стены оказываются византийские крепости Себастополис и Питиунт, пытается найти выход из этих противоречий с помощью новой гипотезы о двойной функции «стен, приспособленных для обороны на оба фронта» [29]. Затем, исходя из тех предпосылок, что данные Прокопия не могут служить подтверждением гипотезы М. М. Иващенко, что стена была создана для защиты местных интересов и местного населения, и что Лазика рассматривалась в VI в. как «передовое укрепление против кавказских варваров», Л. Н. Соловьев заключает: «Те общие представления, которые исследователь может составить о развитии производительных сил и о состоянии культуры в Эгриси, говорят за то, что крепостное строительство, в особенности в той несколько примитивной форме, которую мы наблюдаем в Келасурских стенах, могло быть предпринято лазами и без помощи византийцев, хотя, конечно, никто не будет отрицать последней возможности в отдельных случаях» [30].

И. Е. Адзинба ограничивается замечанием, что «с мнением М. М. Иващенко о том, что Абхазская стена построена в VI в. н. э., нужно согласиться... Что же касается того, что она построена Юстинианом, то этот взгляд не имеет пока достаточного основания... Подобное... сооружение могло быть создано лишь местным коренным населением» [31].

---

[22] Там же, стр. 148.
[23] П. С. Уварова. Материалы..., стр. 34.
[24] В. И. Чернявский. Записка..., стр. 18.
[25] А. А. Миллер. Археологический и этнографический очерк..., стр. 2.
[26] М. М. Иващенко. Великая Абхазская стена, стр. 75.
[27] Там же, стр. 86—87.
[28] А. Л. Якобсон. Рецензия на сборник «Археологические исследования средневекового Крыма», СА, 1971, 3, стр. 301.
[29] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 81—84. Эта точка зрения получила яркую разработку в научно-популярной литературе: «Столь гигантское сооружение понадобилось апсилам для обороны. Грозно ощетинивались стены, когда к ним подходили незваные гости. Если кочевники с Северного Кавказа пытались угрожать апсилам, стены закрывали все горные проходы. Когда же враг появлялся с моря, жители береговой части уходили в горы. Они увозили с собой скарб, уводили стада. Крики животных, голоса людей нарушали безмолвие гор...». (В. П. Пачулиа. В краю Золотого Руна..., стр. 36).
[30] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 85—88.
[31] И. Е. Адзинба. Ук. соч., стр. 151.

Конечно, и М. М. Иващенко, и другие исследователи совершенно правы, полностью исключая возможность строительства Келасурской стены ранее конца V—VI в. В то же время не более убедительной следует считать и аргументацию ее датировки VI в. В самом деле, из чего исходят исследователи, когда предлагают эту дату? Прежде всего, конечно, из безусловно любопытного созвучия современного названия р. Келасури с греческим словом «Клейсура», встреченным у Прокопия Кесарийского в следующем контексте: «В Лазике он (Юстиниан.— *Ю. В.*) выстроил укрепление Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют клейсурами, чтобы таким образом перед врагами были закрыты все пути в Лазику» [32]. Исследователи обычно не сомневаются, что в данном случае речь идет о Келасурской стене [33], хотя совершенно ясно, что Прокопий в приведенном отрывке говорит исключительно о юго-восточных границах Лазики. Действительно, политическая ситуация того времени в Восточном Причерноморье складывалась так, что основное внимание Византии сосредоточивалось на южных районах Лазики. Лосорион, в связи с которым упоминаются «клейсуры», убедительно локализован севернее Батуми [34]. Вслед за упоминанием Лосориона и «клейсур» Прокопий сообщает, что Юстиниан, кроме того, «выстроил в стране лазов замечательный город Петру» [35], развалины которого находятся также севернее Батуми. Изложив приведенные сведения, Прокопий затем переходит к описанию Северной Колхиды: «На противоположной стороне, если идти по направлению к Меотийскому болоту, напротив Лазики были два укрепления — Севастополь и Питиунт...» [36] — противопоставление Южной Лазики Северной неоспоримо. Далее, локализация прокопиевских «клейсур» в Южной Лазике подтверждается свидетельством Агафия, сообщавшего, что Юстиниан был недоволен полководцем Бессой, которому «надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить как можно более тщательно все проходы из Иверии», чтобы «сделать недоступными для варваров (т. е. персов.— *Ю. В.*) горы Лазики» [37]. Несостоятельность мысли, что Бесс за нерадивость при сооружении Келасурской стены мог быть сослан затем в Абазгию, для защиты от которой построена эта стена, ясна.

Другим важным аргументом в пользу сооружения Келасурской стены до VIII в. считается сообщение древнегрузинской летописи «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии») об обстоятельствах вторжения в Колхиду арабов во главе с Мурваном Кру во второй половине 30-х годов VIII в. Летопись гласит: «Мурван... разгромил все города и крепости страны Эгриси, и ту крепость трехградную, которая есть Цихе-Годжи, разгромил и вошел в ограду, границу Клисура... и когда вошел Кру в Клисуру, которая в те времена была границей Греции и Картли, и разгромил город Абшилети Цхум и осадил крепость Анакопию» [38]. Как и при рассмотрении сообщения Прокопия о «клейсурах», исследователи обычно не сомневаются в том, что речь в летописи идет о Келасурской стене. В то же время из текста летописи следует лишь со всей определенностью, что Клисура была расположена на границе между Грецией, т. е. Византией, и Картли. Ясно, что речь идет не о территории Северной Колхиды, а о южной ее части, где

---

[32] Прокопий Кесарийский. О постройках. ВДИ, 1939, 4, стр. 249.

[33] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVIII вв.). Сухуми, 1959. стр. 41; Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, М. К. Думбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхия. История Грузии, 1, Тбилиси, 1962, стр. 103; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965, стр. 123.

[34] В. А. Леквинадзе. Об одной византийской крепости. САНГ, XLVII, 2. Тбилиси, 1967, стр. 505—509.

[35] Прокопий Кесарийский. Ук. соч., стр. 249.

[36] Там же.

[37] Агафий. О царствовании Юстиниана. М.— Л., 1953, стр. 70.

[38] Жизнь Грузии. Тбилиси, 1953, стр. 234—235.

в районе современного Батуми в этот период проходила граница как Эгриси, так и Картли с византийскими владениями (фема Армениак). Скорее всего под Клисурой летописи следует предполагать систему укреплений, возникшую еще при Юстиниане, а о том, что Мурван Кру не прямо устремился к Анакопии, а сначала совершил ряд карательных экспедиций в различные районы Колхиды, следует из того же отрывка летописи. Вполне естественно предположить, что наибольшее внимание в этом случае Мурваном было уделено именно району, пограничному с Византией. Лишь в достаточной степени обеспечив себе тылы, Мурван двинулся к Анакопии. Таким образом, и данные «Картлис Цховреба» не могут быть использованы для определения даты Келасурской стены.

Данные источников вполне согласуются с результатами конкретных сопоставлений Келасурской стены с теми оборонительными сооружениями Абхазии [39] и смежных районов [40] Кавказа и Причерноморья, которые с достаточной достоверностью датируются IV—VII вв. Ни в способе кладки, ни в растворах, ни в архитектурных особенностях Келасурской стены не прослеживается никаких соприкосновений с памятниками ранневизантийской и близкой к ней архитектуры. Конкретная ситуация этого времени в Абхазии также исключает всякий смысл подобного сооружения. Несостоятельность мысли, согласно которой Апсилия могла перегородить себя пополам для своей же безопасности, понятна. Жизненный уклад того времени диктовал местному населению совершенно иные формы обороны, прекрасно прослеживаемые на примере памятников цебельдинской культуры апсилов, в III—VII вв. занимавших территорию от Эшеры на северо-западе до современной р. Галидзги на юге [41].

В последующие периоды Абхазского царства (конец VIII—X в.), объединенного Грузинского царства (конец X—XIII в.) и княжества Сабедиано (XIV—XV вв.) рассматриваемая территория входила в их состав, но ни разу не возникало, судя по имеющимся данным [42], ситуации, когда граница этих государств или их внутренних подразделений проходила именно по р. Келасури. Правда, в конце XV в. на итальянских картах (Бенинкази — в 1480 г. и Фредуче — в 1497 г.) у устья р. Келасури появляется торговый пункт, который назывался «Porto mengrello», т. е. «порт мегрелов» [43]. Возможно, с ним должен быть связан явно прослеживаемый ранний строительный слой в башне 1, которая, как уже отмечалось выше, значительно отличается от остальных объектов Келасурской стены и была, вероятно, включена в ее систему позднее. Однако как в конце XV, так и в XVI в. политическая граница теперь уже Мегрельского княжества проходила по-прежнему не по р. Келасури, а значительно северо-западнее, достигая Пицунды [44].

Лишь в первой половине XVII в. возникает ситуация, которая может объяснить историю сооружения Келасурской стены. Около 1615 г. абхазские правители, воспользовавшись стесненным положением Мегрельского княжества, политически отделились от Мегрелии [45]. Около 1621 г. молодой мегрельский князь Леван II Дадиани вступил в брак с дочерью владетель-

---

[39] В. А. Леквинадзе. Оборонительные сооружения Себастополиса, 1966, СА, 1, стр. 208, рис. 2—4; его же. По поводу Анакопийской крепости. ВГМГ, XXV-В, Тбилиси, 1968, стр. 90—104; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 53—64, табл. IX—XI.

[40] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 67—124; С. О. Хан-Магомедов. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. СА, 1966, 1, стр. 227—243.

[41] Ю. Н. Воронов. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дис., М., 1971, стр. 26.

[42] Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, М. К. Думбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхия. Ук. соч., стр. 128—268; З. В. Анчабадзе. Ук. соч., стр. 95—257.

[43] З. В. Анчабадзе. Ук. соч., стр. 242.

[44] Там же, стр. 258.

[45] Там же, стр. 262.

ного князя Абхазии. Спустя некоторое время Леван влюбился в жену своего дяди и решил на ней жениться. Поэтому он обвинил свою жену абхазку в неверности, велел отрезать ей нос и уши и изгнал из своего дворца. Понимая, что отец пострадавшей не останется равнодушным, Леван опередил его и вторгся[46] во главе многочисленного войска в пределы Абхазии, владетель которой, не сумев от неожиданности организовать сопротивления, бежал в горы. Опустошив значительную территорию, Леван вернулся домой и обвенчался со своей теткой[47]. С этого времени абхазский владетель до конца жизни Левана неустанно организовывал против него заговоры и совершал опустошительные набеги на различные районы Мегрелии. Левану приходилось неоднократно совершать ответные карательные экспедиции в Абхазию. Об одном из таких вторжений сообщает Илорская надпись 1651 г.: «Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу (современная Лыхны. — *Ю. В.*), по сю сторону реки Муцу опустошили все, еще раз напали на Зупу, по эту сторону Капоэти (современная р. Бзыбь. — *Ю. В.*) совершенно выжгли все и разорили, и где только были укрепления, взяли и уничтожили. На реке Капоэти напали на нас Зупуар и Сихуар Маршани, которых мы победили. Одних мы истребили, других взяли в плен и вернулись победителями»[48]. Эта кровопролитная война поутихла лишь в 1657 г., когда абхазский владетель «узнал о смерти своего варварязятя»[49].

В последний период своего правления (1647—1657 гг.) Леван был вынужден перейти к обороне своих владений, выразившейся в возведении и укреплении фортификационных сооружений на границе с Абхазией[50]. Грузинский географ Вахушти в середине XVIII в. по этому поводу писал: «К востоку от Анакопии от моря до горы Леван Дадиани провел стену большую, дабы абхазцы не могли спуститься (в Одиши), но ныне она заброшена»[51]. Арканджело Ламберти в качестве католического миссионера проживший в Мегрелии 18 лет (1635—1653 гг.), сообщает, что владетели Мегрелии «со стороны моря... выстроили несколько деревянных крепостей, в которых стоит стража, вооруженная ружьями. Такую же защиту они устроили также со стороны гор: так как в одном месте, которое называется Олуше, горы открыты и враг легко может зайти и опустошить землю, то там с весьма большими расходами возвели стену длиною в 60 000 шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни, занимаемые значительной стражей стрелков. Чтобы в них не было недостатка, одишские епископы, князья и знатные вельможи разделили между собою очередь..., так что каждый помесячно охраняет это место своими людьми»[52]. На карте в труде А. Ламберти, над изображением несомненно Келасурской стены (рис. 1 *б*) имеется надпись: «Murus Sexaginta millihus Passum, ad coercendos Abaskorũ ineursus» — «Стена в 60 000 (двойных) шагов, для сдерживания абхазов предназначенная». Кроме того, необходимо отметить, что если в статейном списке русского посла Федора Елчина, посетившего Мегрелию в 1639 г. и подробно описавшего свой путь через рассматриваемую территорую (Моква, Илори и др.), еще нет никаких упоминаний о стене[53], то вскоре после смерти Левана Дадиани в 70-х годах XVII в., согласно ряду источников, стена уже не функционировала. Так, Ж. Шарден, посетивший Мегрелию в 1672 г., сообщает: «Колхида (Мегрелия.—

[46] Дата этого события определяется обычно 1628 г., (И. Г. Антелава. Очерки истории Абхазии XVII—XVIII вв., Сухуми, 1949, стр. 27).

[47] З. В. Анчабадзе. Ук. соч., стр. 263—264.

[48] Там же, стр. 266; Дату этого события определяют обычно 1634 г. (И. Г. Антелава. Ук. соч., стр. 31).

[49] З. В. Анчабадзе. Ук. соч., стр. 226.

[50] Там же.

[51] Вахушти Багратиони. Ук. соч., стр. 169.

[52] А. Ламберти. Ук. соч., стр. 186.

[53] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. (статейные списки), М.—Л., 1954, стр. 206—226.

Ю. В.) когда-то на севере в длину на 60 000 шагов имела стену для защиты от Абхазии, но уже значительное время, как эта стена развалилась [54]. В эти годы итальянский миссионер Цампи в одном из своих писем в Рим сообщал: «Мегрелии уже нет, так как из-за непрерывных войн она впала в состояние крайней разрухи... Сейчас ни один человек не может чувствовать себя в безопасности, все пребывают в постоянном страхе, в ожидании нападения со стороны абхазов. Страх этот настолько велик, что люди бегут от собственной тени, принимая ее за абхаза» [55].

Остается отметить, что прямые и косвенные свидетельства последних источников о времени сооружения Келасурской стены вполне согласуются с результатами ее сопоставления с оборонительными сооружениями Мегрелии, надежно датированными временем правления Левана II Дадиани. Речь идет в первую очередь о типологически близких друг другу укреплениях, стоящих на берегах Ингура,— крепости Рухи, построенной Леваном в 30-х годах XVII в. [56] и крепостице Оцарце, относящейся также к XVII в. [57]. В последней отмечены следующие черты, характеризующие одновременно и Келасурскую стену: а) размер башни и толщина стен; б) легкая закругленность углов снаружи и изнутри, подпирамидальная форма башни; в) применение в облицовке стен булыжника без соблюдения рядов, затирка швов между камнями в облицовке раствором с частичным покрытием поверхности стен; г) наличие в стенах отверстий от круглых в сечении брусьев, диаметр которых 7 *см*; д) конструкция дверей; использование в их оформлении прямоугольных в сечении брусьев, устройство засова; е) размеры и оформление ниш; ж) бойницы. Дополнительными аргументами в пользу такой датировки следует считать: конструктивные особенности явно позднесредневековой башни 274, вообще выходящей за рамки стандартов Келасурской стены, но сходной с нею формой бойниц, системой кладки и засовным устройством; установленный еще Л. Н. Соловьевым факт сооружения башни 276 (пос. Лекухона) на развалинах средневекового одноабсидного храма [58], наличие в башнях Келасурской стены бойниц, приспособленных исключительно для пользования огнестрельным оружием; общую планировку стены, непосредственную связь с дорогой, расположение и конструкцию входов и другие черты, получившие широкое распространение в оборонительных сооружениях смежных районов Кавказа именно в первой половине XVII в. [59]. Думается, что всех этих соответствий вполне достаточно, чтобы говорить об отнесении Келасурской стены к эпохе Левана II Дадиани.

Таким образом, источники XVII—XVIII вв. в сочетании с результатами конкретного архитектурного анализа достаточно определенно указывают на то, что Келасурская стена была построена Леваном II Дадиани против абхазов, причем основные расходы по ее сооружению и поддержанию несли «одишские епископы, князья и важные вельможи». Terminus post quem Келасурской стены — 1628 г., когда началась война с Абхазией. Terminus ante quem Келасурской стены — 1653 г., когда Ламберти покинул Колхиду. Если же, как выше указывалось, считать, что строительством стены Леван был занят в последние годы своего правления, то тогда эта дата может быть определена концом 40-х — самым началом 50-х годов XVII в., хотя не исключено, что это событие произошло еще до 1635 г., поскольку, согласно упомянутой выше карте из труда А. Ламберти, в период его пребывания в Колхиде граница Мегрелии уже переместилась на Кодор. Детализация этого вопроса — дело будущего.

---

[54] Ж. Шарден. Ук. соч., стр. 11.

[55] М. Тамарашвили. История католичества среди грузин. Тифлис, 1902, стр. 204—205.

[56] П. П. Закарая. Позднесредневековые крепости Мегрелии. ВГМГ, XXVI-В. Тбилиси, 1970, стр. 163—164.

[57] Там же, стр. 175—179, 185.

[58] Л. Н. Соловьев. Ук. соч., стр. 55—57, рис. 39.

[59] П. П. Закарая. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, стр. 201—221.

You. N. Voronov

MURAILLE DE KÉLASSOUR

Résumé

L'auteur a étudié en détail la muraille de Kélassour en Abkhasie. La longueur générale de la ligne de défense est environ 100 km. Les murs sont fixés aux intervalles sur l'étendue de 58 km. 279 tours leur sont reliés. L'érection de la muraille jusqu'ici était attribuée à Justinien. Les auteurs se référaient alors aux sources antiques (Procope de Césarée, «La vie de la Géorgie») qui mentionnent les «κλεισοῦρα» Pourtant l'analyse des sources effectuée dans le présent ouvrage permet de localiser les «κλεισοῦρα» dans la Colchide méridionale près de Batoumi.

Le plan général de la muraille, ses particularités constructives, la forme piramidale des tours, le caractère des ouvertures d'entrée, la construction des planchéiages en bois à l'intérieur des tours, les embrasures pour le tir à feu et d'autres indices permettent de rapporter la muraille de Kélassour à la première moitié de XVII siècle. La confrontation des données de l'analyse concrète architecturale avec les données des sources (Vakhouchti, Lamberty, Chardin) permet de venir à la conclusion que la muraille de Kélassour était construite contre les Abkhasiens par le roi de la Megrelie Levan II Dadiani dans le deuxième quart du XVII s.

Публикации

Л. Г. МАЦКЕВОЙ, Г. А. ПАШКЕВИЧ

К ПАЛЕОГЕОГРАФИИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА ВРЕМЕН МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА

Природные условия степного Крыма и, в частности, его восточной оконечности — Керченского полуострова позволяли еще совсем недавно многим исследователям предполагать незаселенность этой территории в каменном веке, в отличие от горного Крыма, где первые памятники этого времени были обнаружены еще во второй половине XIX в.[1] И хотя в западной части Керченского полуострова уже в 20-е годы были выявлены поселения с отдельными находками неолитического времени, лишь в 50—60-е годы здесь были открыты новые памятники и проведены первые раскопки[2]. Работами Керченской экспедиции (1962—1969) по изучению первобытных памятников в 1963 г. удалось обнаружить на Керченском полуострове мезолитические памятники[3]. Планомерными работами последующих лет выявлено 34 поселения этого времени. Причем на ряде памятников прослежено от двух до четырех стратифицированных культурных слоев эпохи мезолита и неолита. Эти данные позволяют предполагать, что в тарденуазское время и в неолите Керченский полуостров был довольно плотно заселен.

Комплексный метод изучения культурных отложений дал возможность получить новые существенные данные о материальной культуре, а также о природной среде, окружавшей человека на Керченском полуострове в мезолите и неолите. В этом плане в значительной степени существенно то обстоятельство, что рельеф Керченского полуострова, как и Крыма в целом, а также сопредельных территорий Северного Кавказа с начала голоцена почти не изменился[4]. Таким образом, человек в мезолите и неолите жил на территории, основные компоненты рельефа которой налицо и в настоящее время.

Ландшафт Керченского полуострова в целом носит гористый характер. Согласно терминологии Б. Ф. Добрынина и Н. Н. Соколова, это «низкие горы». По характеру рельефа полуостров подразделяется на две части, обусловленные различием геологического строения. Юго-западную половину, представленную пенепленизированной равниной с абсолютными высотами 50—70 *м*, Н. И. Андрусов назвал «юго-западной равниной». В северо-восточной, большей по площади части полуострова основными

[1] К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. ИРГО, XVI, 2, СПб., 1880 (1881), стр. 106—146.

[2] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 117—123; Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. «Археологія», XIV, 1962, стр. 166.

[3] Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове. СА, 1966, 3, стр. 125—132.

[4] С. Н. Бибиков. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. БКИЧП, 21, 1957, стр. 84; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 74; М. В. Муратов. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа. Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969, стр. 169.

элементами рельефа являются небольшие хребты с абсолютными высотами 100—150 *м* и понижениями между ними. Это низкие моноклинальные гребни и островные горы среди долин и впадин. Такие условия, видимо, благоприятствовали на определенном этапе истории достаточно плотному заселению этих мест.

Поселения мезолита и неолита на Керченском полуострове, давшие значительное количество остатков материальной культуры и, как правило, многослойные, расположены зачастую в почти идентичных условиях. Они обнаружены в антецедентных участках долины, в местах «пропила» (прорыва) невысокого горного массива (Парпачский хребет и его отроги) водами пересыхающих в настоящее время степных речек, где наиболее четко выражены террасы. За пропилом чаще всего находится водоем, с которого берет начало речка. Стоянки расположены на одном из берегов на достаточно хорошо выраженных площадках или террасовидных уступах, в большинстве закрытых гребнем возвышенности от преобладающих ветров. Высота их над уровнем водоема или балки колеблется от 8—10 до 25 *м*. Если для заселенных человеком пещер Крыма в значительной степени характерна южная, а для памятников палеолита Северного Кавказа — восточная и юго-восточная экспозиция [5], то для стоянок мезолита и неолита Керченского полуострова таких закономерностей не прослежено.

Как известно, от экспозиции по сторонам горизонта в значительной мере зависит интенсивность и длительность солнечного освещения поселения. В летнее время в Крыму вряд ли это имело решающее значение, во всяком случае гораздо меньшее, чем в зимний период. В настоящее время большое количество фактов свидетельствует о том, что в мезолите и неолите Керченский полуостров был заселен коллективами, которые откочевывали сюда в летние месяцы из горного Крыма, а также с других территорий [6]. Возможно, экспозиция полуострова — еще один аргумент, подтверждающий предположение о том, что полуостров в эти эпохи был заселен только в теплое время года.

Для заселения Керченского полуострова решающую роль приобретают, видимо, и другие компоненты среды. Можно предположить, что существенно было положение площадок, где находились поселения, по отношению к другим точкам местности и к пропилу, куда, несомненно, приходила дичь на водопой (в этих местах река наиболее полноводна и редко пересыхает даже в самую жаркую пору года). Эти площадки были, как правило, защищены гребнем возвышенности от сильных ветров. Близко расположенные к реке, они в то же время вследствие своей относительно большой высоты над уровнем водоемов были менее опасны в период весенних паводков.

Подобное сочетание форм рельефа настолько благоприятствовало жизни человека здесь, что люди многократно, как показывают раскопки, на протяжении мезолита и неолита заселяли эти и близкие им по топографии места. В таких или весьма сходных условиях расположены почти все известные в настоящее время на Керченском полуострове многослойные памятники мезолита и неолита, а также часть однослойных стоянок и местонахождений. Это прежде всего Фронтовое, Луговое, Ленинское, Горностаевка, Алексеевка, Тасуново и др. В районе таких пропилов, как правило, находилось несколько поселений. Так, в настоящее время в непосредственной близости от пропила у с. Фронтовое обнаружено пять стоянок и местонахождений времени мезолита и неолита, в районе с. Луговое — четыре пункта, у с. Ленинское — три, а также по два пункта в районе пропилов у сел Горностаевка и Алексеевка. Такие условия были, видимо, благоприятны для жизни и в последующие эпохи, о чем свиде-

[5] М. В. Муратов. Палеогеографические условия..., стр. 170.

[6] Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки Восточного Крыма. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 52.

тельствуют находки в этих местах разновременных поселений. Вместе с тем любопытно, что ни один из многослойных памятников мезолита — неолита, обследованных на Керченском полуострове, не перекрыт поселением эпохи бронзы. Это явление позволяет предполагать, что если в мезолите и неолите человек заселял чаще всего одни и те же места, то в последующую эпоху, видимо, в силу ряда причин поселения располагались уже в несколько иных условиях, хотя иногда также находились в непосредственной близости от пропилов.

Некоторое количество местонахождений и отдельных находок мезолита и неолита на Керченском полуострове обнаружено и в иных условиях. Это прежде всего группа поселений в районе Черной балки (четыре местонахождения), а также близ Песчаной балки и у с. Фонтан. Культурный слой на этих памятниках не выявлен. Основную массу находок составляют кремневые изделия, чаще всего обнаруженные на достаточно открытых преобладающим ветрам местах, расположенных иногда на уровне всего нескольких метров от тальвега балок или уровня рек. Можно предположить, что человек останавливался здесь ненадолго. Видимо, условия размещения поселений в районе пропилов в какой-то мере способствовали, в отличие от открытых преобладающим ветрам мест, сохранности культурного слоя и таких важных его составных элементов, как кости, керамика, а также споры и пыльца растений.

В настоящее время все известные нам памятники каменного века на Керченском полуострове обнаружены вне пещер и гротов, хотя они есть на полуострове, правда, в меньшем количестве, чем в горном Крыму. Это обстоятельство согласуется с предположением о том, что географические условия в керченских степях были наиболее благоприятны для заселения лишь в летнее время года, а зимние поселения носителей этих культур располагались в пещерах горного Крыма. О подобных сезонных перекочевках на другие территории, связанных с географическими условиями, начиная с каменного века и в последующее время, уже известно из множества свидетельств, основанных на археологических, палеозоологических и других источниках[7]. К сожалению, пещеры, навесы и гроты, расположенные на Керченском полуострове, изучены пока крайне слабо.

Для воссоздания палеогеографических условий при современном уровне научных исследований весьма важное значение имеют данные спорово-пыльцевого анализа. Применение метода спорово-пыльцевого анализа было некоторое время весьма ограниченным ввиду широко распространенного мнения о бедности минеральных отложений юга Европейской части СССР пыльцой и спорами. Для каменного века Крыма, до самого последнего времени были известны лишь результаты изучения антропогеновой флоры по остаткам древесного угля, проведенные А. Ф. Гаммерман[8]. На памятниках более поздних эпох спорово-пыльцевые исследования проводились Е. С. Малясовой[9] и Г. М. Левковской[10] в Западном Крыму.

На территории Керченского полуострова до 1965 г. специализированные палинолого-археологические исследования еще не проводились. Тем

---

[7] И. Скутиль. История исследования четвертичного периода в Чехословакии. Тр. АИЧПЕ, 5, М.—Л., 1934, стр. 12; Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 38; С. Н. Бибиков. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. СА, 1969, 4, стр. 11; его же. Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма. СА, 1971, 4; И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, стр. 15.

[8] А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля. Тр. АИЧПЕ, 5, стр. 66—74.

[9] А. А. Борисов. О колебаниях климата Крыма за историческое время. ИВГО, 88, 6, 1956, стр. 532—541.

[10] Г. М. Левковская. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 102—108.

не менее, опираясь на другие данные, М. В. Муратов высказал предположение, что климат здесь в голоцене был близок к современному [11]. Несколько позже подобная точка зрения была высказана в целом для полуострова Р. Шильдом, по мнению которого климатические условия Крыма и южной части Польши в эпоху палеолита и в мезолите были также в значительной степени близкими [12].

Применение сепарационной обработки пород [13], усовершенствованной и видоизмененной В. Френцелем [14] и М. П. Гричук [15], расширило возможности спорово-пыльцевого анализа. В отделе истории флоры и палеоботаники Института ботаники АН УССР прослежено, что при обработке образцов по методу Френцеля — Гричука количество пыльцы и спор по сравнению с обработкой сепарационным методом В. П. Гричука увеличивается в 20—45 раз. В процессе работы определилась возможность несколько видоизменить и упростить сложную методику [16].

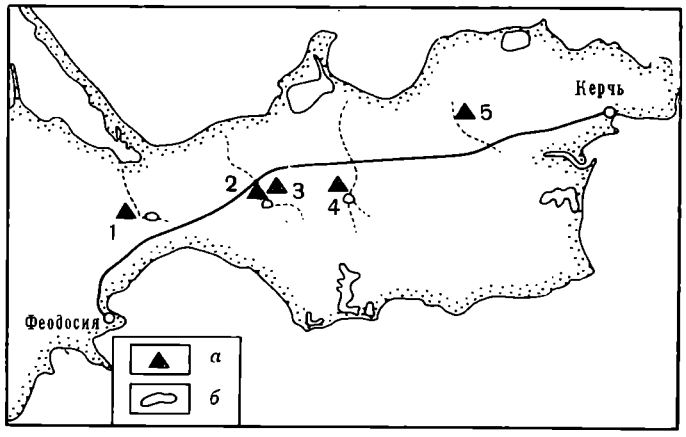


Рис. 1. Карта мест сбора образцов для спорово-пыльцевого анализа

1 — стоянка Фронтовое, 0,5 *км* на юго-запад от с. Фронтовое; *2* — стоянка Луговое I, 0,5 *км* на юго-запад от с. Луговое; *3* — стоянка Луговое II, 0,2 *км* на юг от с. Луговое; *4* — стоянка Ленинское, 3 *км* на юго-восток от с. Ленинское; *5* — Алексеевка, 0,5 *км* на северо-запад от с. Алексеевка.
а — стоянки, с которых взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ, *б* — озера

При палинологическом изучении образцов грунта из культурных слоев стоянок Керченского полуострова была применена усовершенствованная методика обработки минеральных отложений. Для выяснения характера растительности и палеогеографических условий в мезолите и неолите были отобраны образцы почв при раскопках стоянок Фронтовое, Луговое I, Луговое II, Ленинское и Алексеевка (рис. 1, 2). Пыльца из этих поселений оказалась плохой сохранности, сплющенная, со стекловидным блеском, с плохо выявленной скульптурой экзины, собранная часто в комочки, и плохо поддавалась определению. Исключение составляли образцы из стоянок Луговое I и Луговое II. Плохая сохранность пыльцы связана, очевидно, с сильной первичной засоленностью почвы, характерной для отложений Керченского полуострова [17]. Аналогичное явление прослежено в засоленных грунтах Юга СССР Л. А. Куприяновой при исследовании антропогеновых отложений Центральной Ферганы [18]. Хорошая сохранность пыльцы в образцах

---

[11] М. В. Муратов. Геологическое прошлое Крыма и Черного моря. «Природа», 1960, 6, стр. 57—64.

[12] R. Schild. Pozny Paleolit Krimu a cykl Mazowszanski. AP, X, 1966, 2, str. 431—473.

[13] В. П. Гричук, Е. Д. Заклинская. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948, стр. 127—136.

[14] B. Frenzel. Zur Pollenanalyse von Lössen. Eiszeitalter und Gegenwart, 15, 1964, S. 9.

[15] М. П. Гричук, Г. М. Шумова, И. Л. Шипорина. О применении нового метода выделения пыльцы из плейстоценовых и глинистых отложений. ВМГУ, сер. географ., 1967, 3, стр. 87—89.

[16] Г. О. Пашкевич та Л. Г. Безусько. До застосування методики Френцель — Гричук при обробці осадових порід для палінологічних досліджень. УБЖ, 25, 4, 1968, стр. 92—94.

[17] Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964, стр. 46.

[18] Л. А. Куприянова. Пыльцевой анализ четвертичных отложений Центральной Ферганы в связи с археологическими исследованиями. БЖ, 2, 51, 1966, стр. 240—244.

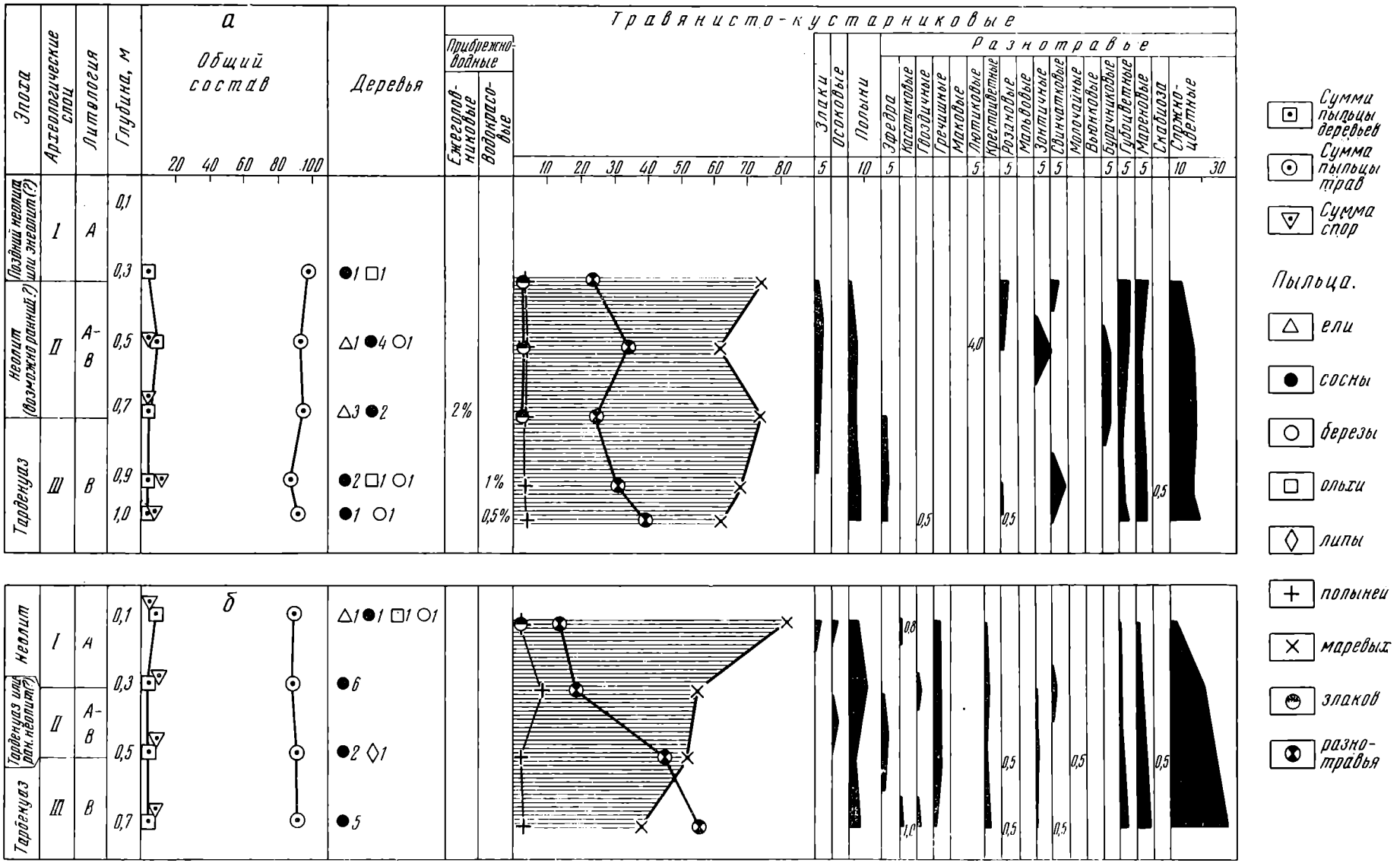


Рис. 2. Спорово-пыльцевые диаграммы отложений стоянок Ленинское (*а*) и Луговое (*б*)

из стоянок Луговое I и Луговое II связана, по-видимому с тем, что эти памятники расположены в зоне разнотравно-злаковых степей, в то время как в соответствии с картой растительности Керченского полуострова [19] стоянка Фронтовое находится в зоне галофитных лугов с небольшим участием солянковых пустынь, стоянки Алексеевка и Ленинское — пустынной степи. Любопытно, что перечисленные памятники отличаются по количеству и составу культурных остатков. Так, во Фронтовом на 1 $м^3$ отложений приходится около 90 находок, в Луговом 65, в Ленинском и Алексеевке в среднем около 52 предметов [20]. Эти соотношения в определенной мере могут свидетельствовать об интенсивности хозяйственной деятельности, продолжительности заселений территорий стоянок и возможностях сохранности остатков материальной культуры.

Все основные поселения времени мезолита и неолита на Керченском полуострове находятся на расстояниях не более 40—60 *км* одно от другого. Вместе с тем они представляют различные совокупности близких до некоторой степени памятников [21]. Эти группы имеют достаточно большое количество аналогов в горном Крыму и на других сопредельных территориях, что позволяет предполагать, что они являлись сезонными и кратковременными поселениями [22]. Вместе с тем палинологические данные позволяют думать, что в мезолите и неолите эти группы памятников располагались в различных физико-географических условиях. Такое обстоятельство и могло обусловить некоторые различия в кремневом инвентаре и других археологических остатках.

Данные палинологического анализа образцов из культурных слоев поселений мезолита и неолита выявили абсолютное господство в составе спорово-пыльцевых спектров пыльцы травянисто-кустарничковых растений (78—98%) и небольшое присутствие пыльцы деревьев (от 2 до 7,5%), табл. 1—3. Выпадают из общего плана только результаты спорово-пыльцевых исследований стоянок Алексеевка и Фронтовое из раскопок 1965 г. [23], что будет отмечено особо.

Пыльца деревьев и кустарников представлена единичными зернами ели, сосны, ольхи, березы, липы и вяза. Незначительный «удельный вес» этих видов свидетельствует скорее всего о заносном характере пыльцы [24]. На Керченский полуостров пыльца могла быть занесена с горных районов Крыма или Кавказа. По данным А. Ф. Гаммерман [25], М. И. Нейштадта и других специалистов [26], эти растения были представлены в голоцене в лесах горного Крыма и на сопредельных территориях Кавказа.

Список пыльцы травянистых растений довольно разнообразен и включает 20 семейств. Господствует пыльца маревых (до 82%). Плохая сохранность пыльцы не позволила в ряде случаев произвести определение пыльцы маревых до вида, что, вероятно, дало бы основание для более детальной картины растительности. В большом количестве отмечена пыльца различных видов сложноцветных — 34% (полыни, василек и др.), единично — злаков и осок.

---

[19] И. Н. Котова. Флора и растительность Керченского полуострова. Тр. ГНБС, 35, 1961, стр. 65—168.

[20] Учитывались только такие основные находки, как кремневые изделия, фаунистические остатки и фрагменты керамики, датированные неолитом и мезолитом.

[21] Л. Г. Мацкевой. Мезолит и неолит Керченского полуострова. Автореф. канд. дисс. М.— Л., 1970, стр. 7.

[22] Там же, стр. 22.

[23] Г. О. Пашкевич. Спорово-пилкові дослідження відкладів стоянок первісної людини Фронтове та Олексіївка на Керченському півострові. УБЖ, 24, 1967, 4, 92—96.

[24] Р. В. Федорова. Некоторые вопросы методики спорово-пыльцевого анализа и их значение в интерпретации спорово-пыльцевых спектров. Систематика и методы изучения пыльцы и спор. М., 1964, стр. 148—159.

[25] А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры..., стр. 66.

[26] М. М. Клапчук. Деякі дані про кліматичні умови життя палеолітичної людини в Сочинському районі Краснодарського краю. УБЖ, XXVII, 1, 1970, стр. 77—82; М. И. Нейштадт. К истории лесов северного склона Большого Кавказа в голоцене. ДАН СССР, 102, 1955, 3, стр. 617—619.

Таблица 1

Состав спорово-пыльцевых спектров образцов почвы стоянок Луговое I и Луговое II (1966)

Состав пыльцы и спор	Луговое I								Луговое II							
	I слой, неолит				II слой, тарденуаз (ранний неолит)		III слой, тарденуаз		тарденуаз (ранний неолит?)							
	глубина, *см*															
	10		30		50		70		10		30		50		70	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Сумма подсчитанной пыльцы и спор	205		200		224		215		202		197		182		223	
Общий состав																
Пыльца деревьев	14	7,5	6	2,5	3	1,0	5	2,0	4	2,0	7	4,0	3	1,5	5	1,5
Пыльца трав и кустарничков	185	90	177	89,0	203	91,0	195	91,0	182	90,0	177	90,0	172	94	202	92,0
Споры	6	2,5	17	8,5	18	8,0	15	7,0	16	8,0	13	6,0	7	4,5	16	6,5
Пыльца деревьев																
Picea (ель)	1															
Pinus (сосна)	11		6		2		5		4		5		2		5	
Alnus (ольха)	1										2		1			
Betula (береза)	1															
Tilia (липа)					1											
Пыльца трав и кустарничков																
Ephedra (эфедра)			2	1,3	3	1,5	2	1,0					2	1,0		
Gramineae (злаки)	3	1,6														
Cyperaceae (осоковые)	3	1,6			3	1,5	1	0,5	1	0,5	2	1,0	2	1,0	2	1,0
Iridaceae (касатиковые)	2	0,8					2	1,0	1	0,5	4	2,0			3	1,5
Polygonaceae (гречишные)	5	2,5	5	3,0	8	4,5	2	1,0	2	1,0	2	1,0	1	0,5	2	1,0

Таблица 1 (продолжение)

Состав пыльцы и спор	Луговое I								Луговое II							
	I слой, неолит				II слой, тарденуаз (ранний неолит)		III слой, тарденуаз		тарденуаз (ранний неолит?)							
					глубина, *см*											
	10		30		50		70		10		30		50		70	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Chenopodiaceae (маревые)	150	82,0	96	54,0	105	50,0	71	37,0	140	77,0	105	62,0	97	55,0	117	57,0
Caryophyllaceae (гвоздичные)			2	1,3			3	1,5	2	1,0	2	1,0	2	1,0	2	1,0
Papaveraceae (маковые)	3	1,6	3	1,5	1	0,5	2	1,0	1	0,5	1	0,5	2	1,0		
Cruciferae (крестоцветные)	4	2,2	4	2,3	3	1,5	4	2,0			2	1,0			1	0,5
Rosaceae (розанные)					1	0,5	1	0,5					1	0,5		
Umbelliferae (зонтичные)			1	0,5	4	2,0	1	0,5							1	0,5
Euforbiaceae (молочайные)					1	0,5									1	0,5
Plumbaginaceae (свинчатковые)			2	1,3			1	0,5	1	0,5	2	1,0	2	1,0	2	1,0
Convolvulaceae (вьюнковые)									3	1,5						
Labiatae (губоцветные)	2	0,8	1	0,5	2	1,0	10	5,0	2	1,0	5	2,5	10	5,0	7	3,5
Rubiaceae (мареновые)	2	0,8	7	4,0	12	6,5	19	9,0	1	0,5	11	6,0	20	10,0	18	9,0
Scabiosa (скабиоза)					1	0,5					1	0,5				
Artemisia (полынь)	3	1,6	15	8,5	5	2,5	11	5,5	8	4,0	5	2,5	11	6,0	12	6,0
пр. Compositae (пр. сложноцветные)	8	4,5	39	2,2	54	27,0	65	34,0	20	12,0	35	20,0	32	18,0	34	18,0
Споры																
Hepaticae (печеночники)	4		10		5		4		3		5		3		5	
Bryidae (настоящие мхи)	2		7		12		10		13		7		4		11	
Lycopodium sp. (плауны)					1						1					

Состав спорово-пыльцевых спектров образцов почвы стоянки у с. Фронтовое (1966) *Таблица 2*

Состав пыльцы и спор	I слой, неолит (возможно, поздний)				II слой, тарденуаз (или ранний неолит?)		III слой, тарденуаз			
	глубина, см									
	10		30		50		70		90	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Сумма подсчитанной пыльцы и спор	213		195		189		224		185	
Общий состав										
Пыльца деревьев	4	3	2	2,0	6	3,0	6	3,0	5	4,0
Пыльца трав и кустарничков	199	92,0	158	80,0	169	90,0	174	78,0	118	95,0
Споры	10	5,0	35	18,0	14	7,0	44	19,0	2	1,0
Пыльца деревьев										
Abies (пихта)							1			
Picea (ель)					4		1			
Pinus (сосна)	4		1		2		1		2	
Alnus (ольха)							2			
Betula (береза)							1		2	
Ulmus (вяз)									1	
Tilia (липа)			1							
Пыльца трав и кустарничков										
Ephedra (эфедра)	1	0,5								
Gramineae (злаки)	5	2,5	4	3,1	2	1,0	5	2,5	2	2,5
Cyperaceae (осоковые)	1	0,5			1	0,5				
Liliaceae (лилейные)									1	0,5
Polygonaceae (гречишные)	2	1,0	1	0,6						
Chenopodiaceae (маревые)	165	84,0	135	85,0	140	84,0	115	66,0	90	77,6
Papaveraceae (маковые)	1	0,5								
Cruciferae (крестоцветные)	1	0,5								
Rosaceae (розанные)	3	1,0			1	0,5	2	1,5	2	2,5
Plumbaginaceae (свинчатковые)					1	0,5				
Labiatae (губоцветные)	1	0,5	7	4,5	5	3,0	8	4,5	1	0,5
Rubiaceae (мареновые)	8	3,5	3	1,8	3	1,5	21	12,0	12	9,0
Artemisia (полынь)	6	3,0	2	1,2	4	2,0	4	2,5	1	0,5
Пр. Compositae (пр. сложноцветные)	5	2,5	6	3,8	12	7,0	19	11,0	9	7,0
Споры										
Hepaticae (печеночники)			5		3		7		2	
Bryidae (настоящие мхи)	10		30		11		37			

Некоторыми авторами высказывалось предположение о том, что, возможно, неолитическое население Крыма[27] занималось земледелием, так же как и некоторые племена Северного Причерноморья[28]. В этом плане пыльца злаков и некоторых других семейств была подвергнута специальному анализу. Однако пока ни материалы Керченского полуострова, ни других районов Крыма не дают основания предполагать наличие культурных злаков и таким образом подтвердить эту гипотезу.

Разнотравье представлено пыльцевыми зернами эфедры, лилейных, ирисовых и многих других видов и семейств. В нижних образцах стоянки Ленинское, соответствующих тарденуазскому времени, обнаружена пыльца прибрежно-водных растений (ежеголовник, водокрасовые). Содержание спор, принадлежащих настоящим и печеночным мхам и единично плауну, невелико.

Как указывалось выше, в образцах стоянки Алексеевка и Фронтовое (раскопки 1965 г.) в образцах почвы (соответственно глубины 70 и 90 *см* от современной поверхности), в которых прослежены мезолитические комплексы, а также, по-видимому, в незначительной степени и слои, которые их подстилают, в составе спорово-пыльцевых спектров резко увеличивается сумма пыльцы деревьев. Для пыльцы травянистых растений характерен тот же состав и те же количественные соотношения, которые отмечены на Керченском полуострове в спорово-пыльцевых спектрах других образцов почвы из поселений этого времени. Подобный количественный скачок пыльцы деревьев и их разнообразный состав является результатом не только обычного заноса пыльцы, но и значительного переотложения, вызванного размывом мягких майкопских (олигоценовых) глин[29].

Детальный разбор спорово-пыльцевых спектров Керченского полуострова позволил выявить по разрезу (рис. 2) их неоднородность, которая увязывается с археологическими данными. Изменения в составе спорово-пыльцевых спектров могут служить свидетельством некоторых колебаний микроклимата в соответствующие культурным слоям отрезки времени. Так, если в образцах тарденуазского времени пыльца разнотравья составляет 20—56%, сложноцветных — 7 — 34%, маревых — около 69%, то в переходных слоях тарденуаз — ранний неолит намечается уменьшение пыльцы разнотравья и увеличение пыльцы маревых. В неолите пыльца маревых достигает самых больших значений — 78 — 83%; обедняется состав пыльцы разнотравья, и его процент уменьшается с 24 до 10.

Об определенных изменениях природной среды, возможно, свидетельствует и патинизация кремневых находок. Наиболее показательны в этом плане данные со стоянки Фронтовое. Так, если в IV слое (тарденуаз или поздний азиль) патинизировано 71,9% кремней, в III слое (тарденуазское время) — 95,5% находок, то во II слое (поздний тарденуаз или ранний неолит) — уже только 21,1%, в I слое (поздний неолит или энео-

---

[27] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 97.

[28] Т. С. Пассек, Е. К. Чернышш. Неолит Северного Причерноморья. Каменный век на территории СССР. М., 1970, стр. 134. Основанием для такого предположения послужила находка Д. А. Крайновым в VI слое стоянки Замиль-Коба II в горном Крыму муфты роговой — мотыги (Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I..., стр. 154, табл. XXXVIII), а также кремневого режущего орудия с костяной рукояткой на стоянке Алексеевка в степном Крыму, на Керченском полуострове (Л. Г. Мацкевой. Мезолит и неолит..., стр. 24). Это изделие, обнаруженное в неолитическом слое, близко серпам волынского типа (С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, стр. 17, рис. 14). Однако орудие из Алексеевки, по определению С. А. Семенова, являлось ножом и не применялось как жатвенное орудие.

[29] Т. Б. Александровський. До питання про геоморфологічну будову Керченського півострова. «Географічний збірник», 4 (геоморфологічна сер.). Київ, 1960, стр. 168.

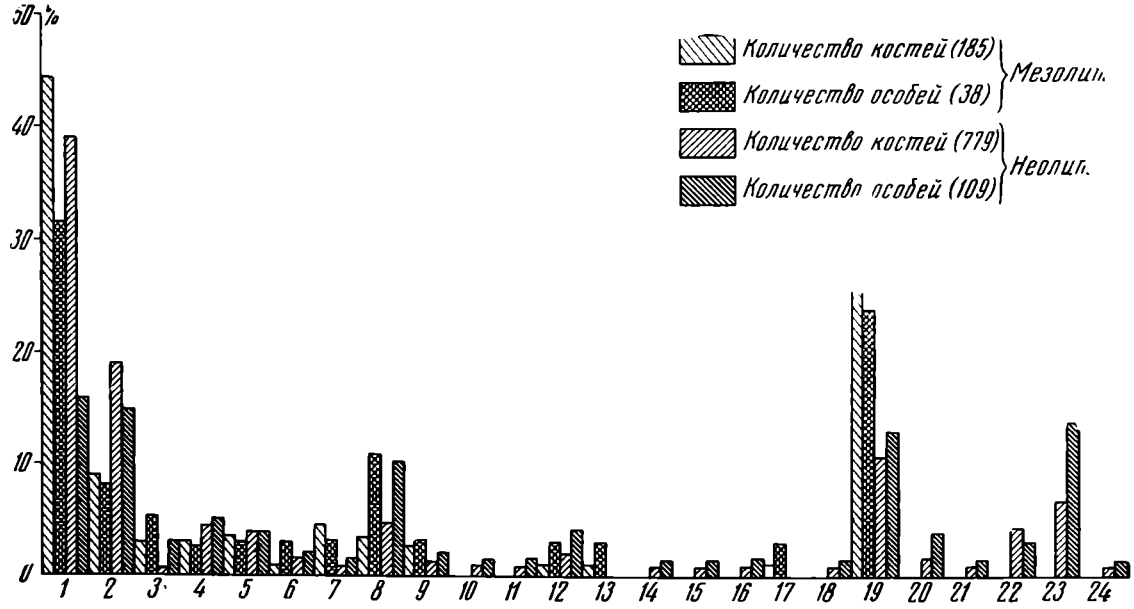


Рис. 3. Графики фаунистических остатков из стоянок времен мезолита и неолита на Керченском полуострове (раскопки Л. Г. Мацкевого в 1963—1966 гг., определения И. Г. Пидопличко)

Таблица к рис. 3

№ п/п	Фаунистические остатки	Кости/особи	
		мезолит	неолит
1	Equus (лошадь)	82/12	306/17
2	Asinus (осел)	16/3	148/16
3	Asinus sp. (осел)	5/2	3/3
4	Asinus hidruntinus (осел)	5/1	33/5
5	Bison (зубр)	6/1	29/4
6	Bison? (зубр)	1/1	12/2
7	Bos primigenius (тур)	8/1	3/1
8	Cervus elaphus (олень)	6/4	34/11
9	Gazella subgutturosa (джейран)	4/1	7/2
10	Gazella subgutturosa ? (джейран)		3/1
11	Saiga tatarica (сайгак)		1/1
12	Копытное	1/1	14/4
13	Мелкое копытное	1/1	
14	Vulpes vulpes (лисица)		1/1
15	Lepus (заяц)		1/1
16	Phoca (дельфин)		1/1
17	Rana (лягушка)	1/1	
18	Equus caballus (лошадь домашняя)		4/1
19	Bos taurus (бык домашний)	49/9	80/14
20	Bos taurus ? (бык домашний)		12/4
21	Sus domestica (свинья)		4/1
22	Ovis (овца)		32/3
23	Capra vel Ovis (коза или овца)		50/15
24	Canis (собака)		1/1
	Итого	185/38	779/109

лит) — всего 7,8% всех кремневых находок. Определенные закономерности распределения внешнего состояния кремния отмечены и на других памятниках.

Для того чтобы попытаться воссоздать древний растительный покров, сопоставим материалы палинологического анализа, полученные почти для всех основных памятников эпохи мезолита и неолита Керченского полу-

острова, со спектрами поверхностных проб современной почвы. Спорово-пыльцевые спектры тарденуазского времени больше всего соответствуют спектрам поверхностных слоев почвы южных степей; неолита — спорово-пыльцевым спектрам степных районов, близких к полупустынным [30].

Таким образом, степная растительность была характерна для Керченского полуострова с мезолита, начало которого здесь датируется примерно рубежом VII—VI тысячелетий до н. э. [31], но облик ее несколько менялся. В мезолите это были степи с небольшими участками пойменных лесов, напоминавшие современные степи южных районов с большим участием разнотравья (разнотравно-злаковые). Позже, в неолите (начиная с рубежа IV—III тысячелетий до н. э.), они приобретают облик современных сухих степей, близких к полупустынным, с большим участием ксерофитов и галофитов. Эти данные подтверждают гипотезу о существовании на юге Украины в голоцене степной растительности [32].

По определениям И. Г. Пидопличко, фаунистические остатки из стоянок мезолита и неолита Керченского полуострова принадлежат животным, связанным с открытыми и холмистыми степными площадями. Зафиксировано более 13 тыс. костей, около 7% которых оказалось определимыми (рис. 3). Из видов, трофически тесно связанных, по мнению зоологов, с древесными породами [33], здесь зафиксировано только незначительное количество костей оленя (Cervus elaphus) в мезолитических и неолитических слоях стоянок Фронтовое и Ленинское.

На большинстве памятников отмечено наличие незначительного количества раковин лесной улитки Helix vulgaris, не превышающее 1% всех находок. Исключение составляет комплекс стоянки Тасуново, где раковины насчитывают более 50% всех находок. Кроме того, на территории Керченского полуострова значительное количество раковин лесных улиток прослежено в культурных слоях античных и раннесредневековых городов и могильников, например в Илурате, Мирмекии и др.

Таким образом, находки костей оленя и раковин улиток могут свидетельствовать о существовании здесь во времена мезолита и неолита кустарниковой и древесной растительности. Впрочем, не исключено, что охота на оленя происходила в горном Крыму. По данным геологов, в голоцене повысился уровень Мирового океана, что привело к трансгрессии Черного моря [34]. Новая Черноморская трансгрессия (около 5—6 тысяч лет назад) привела к повышению уровня Черного моря на 2—4 *м* [35]. П. В. Федоров сопоставляет ее с регрессией Каспийского моря в первой половине новокаспийского века, отвечающей термическому максимуму суббореального времени [36].

Возросшее увлажнение способствовало деятельности рек, которые в настоящее время существуют на Керченском полуострове в виде временных водотоков. По наблюдениям Т. Б. Александровского, в некоторых речных долинах можно выделить пойму и первую надпойменную террасу, что свидетельствует о существовании речной сети и о былом значительном об-

---

[30] Р. В. Федорова. Применение спорово-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья. СА, 1959, 1, стр. 289; Р. Я. Зубець. Спорово-пилкові дослідження поверхневих шарів грунту степової частини України. УБЖ, 1971, 2, стр. 192—198.

[31] Л. Г. Мацкевой. Мезолит и неолит..., стр. 26.

[32] Г. І. Молявко, І. Г. Підоплічко. До палеогеографії Причорноморських степів півдня у неогені і антропогені. ГЖ, 1955, 15, 1, стр. 22—24.

[33] А. А. Формозов. О фауне палеолитических стоянок Европейской части СССР. Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969, стр. 73.

[34] П. В. Федоров. О современной эпохе в геологической истории Черного моря. ДАН СССР, 110, 1956, 5, стр. 841.

[35] Е. Н. Невесский. К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии. Тр. Института океанологии, 28, 1958, стр. 23—29.

[36] П. В. Федоров. О современной эпохе..., стр. 839—841.

Таблица 3

Состав спорово-пыльцевых спектров образцов почвы стоянки у с. Ленинское (1966)

Состав пыльцы и спор	I слой, поздний неолит или энеолит (?)		II слой, неолит (возможно, ранний ?)						III слой, тарденуазское время					
	глубина, *см*													
	30		50		70		70		90		100		100	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Сумма подсчитанной пыльцы и спор	159		162		151		171		164		169		187	
Общий состав														
Пыльца деревьев	2	2,0	6	3,5	2	2,5	5	3,5	4	1,0	2	2,0	3	1,0
Пыльца трав и кустарничков	157	98,0	152	94,0	144	94,0	163	94,0	143	88,0	157	92,0	164	88,0
Споры			4	2,5	5	3,5	3	2,5	17	11,0	10	6,0	20	11,0
Пыльца деревьев														
Picea (ель)			1				3							
Pinus (сосна)	1		4		2		2		2		1		2	
Alnus (ольха)	1								1				1	
Betula (береза)			1						1		1			
Пыльца трав и кустарничков														
Hydrocharitaceae (водокрасовые)									2	1,0	1	0,5	1	0,5
Sparganium (ежеголовник)							3	2,0						
Ephedra (эфедра)					2	1,0			2	1,0	1	0,5	4	2,5
Gramineae (злаки)	2	1,5	3	2,0	3	1,5	3	2,0						
Chenopodiaceae (маревые)	115	74,0	94	62,0	101	73,5	112	70,0	95	67,0	95	61,0	104	65,0
Caryophyllaceae (гвоздичные)							1	0,5			1	0,5	2	1,5

Таблица 3 (продолжение)

Состав пыльцы и спор	I слой, поздний неолит или энеолит (?)		II слой, неолит (возможно, ранний?)						III слой, тарденуазское время					
	глубина, см													
	30		50		70		70		90		100		100	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Ranunculecae (лютиковые)			5	4,0			3	2,0						
Gruciferae (крестоцветные)							7	4,5					3	2,0
Rosaceae (розанные)	4	2,0	1	0,5			1	0,5			1	0,5		
Malvaceae (мальвовые)													1	0,5
Umbelliferae (зонтичные)			8	5,0			3	2,0					1	0,5
Plumbaginaceae (свинчатковые)	2	1,5							5	3,5			2	1,5
Boraginaceae (бурачниковые)			3	2,0	4	2,0								
Labiatae (губоцветные)	12	7,5	9	6,0	7	4,5	12	7,0	5	3,5	9	6,0	9	5,5
Rubiaceae (мареновые)	11	7,0	4	2,5			9	5,0	10	7,0	14	9,0	8	4,5
Scabiosa (скабиоза)											1	0,5		
Artemisia (полынь)	1	0,5	3	2,0	4	2,0			5	3,5	5	3,5	1	0,5
пр. Compositae (пр. сложноцветные)	10	6,0	22	14,0	23	155	9	5,0	19	13,5	29	18,0	29	18,0
Споры														
Hepaticae (печеночники)					1				8				10	
Bryidae (настоящие мхи)			4		3		3		8		10		9	
Lycopodium (плауны)					1				1				1	

водненни полуострова[37]. Согласно неопубликованным данным М. В. Муратова и Э. О. Фриденберг, стоянка Луговое I расположена на I голоценовой или «садовой» террасе р. Луговской. Подобные террасы датируются М. В. Муратовым примерно X тысячелетием до н. э.[38] Терраса сложена водным и склоново-делювиальным материалом. Ниже — речное переуглубление, которое связано с регрессиями.

Мысль о большей полноводности рек Керченского полуострова разделяют и геологи В. Ф. Петрунь, М. В. Муратов, Э. О. Фриденберг, И. И. Бабков и др., проводившие работы на археологических памятниках этой территории. К таким же выводам, но уже для Крыма в целом пришли и палеозоологи на основании находок костей крупных и хищных рыб, в том числе сома, а также бобра в культурных отложениях древних поселений[39]. Некоторым подтверждением этой мысли могут служить находки пыльцы ежеголовника, водокрасовых и спор плауна в нижних слоях стоянки Ленинское. Есть и археологические данные, до некоторой степени подтверждающие эти суждения. В свое время С. Н. Бибиков предположил, что асимметричные трапеции с зубчиками служили своеобразными блеснами для ловли рыбы. Подобные изделия прослежены им на памятниках горного Крыма тарденуазского времени[40], а также Болгарии[41]. Обнаружены они и на Керченском полуострове в культурных отложениях стоянок Фронтовое, Луговое и Алексеевка. Все эти памятники расположены на берегах рек, теперь полностью пересыхающих в летнее время.

Климатические условия благоприятствовали распространению на Керченском полуострове разнотравно-злаковых ценозов. В долинах рек, возможно, произрастали небольшие пойменные леса. Постепенное изменение климата в сторону континентальности, иссушение его, регрессия Черного моря на рубеже II—I тысячелетий до н. э., а также усилившееся влияние хозяйственной деятельности человека (земледелие, рубка леса и т. д.) в связи с дальнейшим заселением Керченского полуострова привели к формированию растительности современного облика.

L. G. Matskévoï, G. A. Pachkevitch

A PROPOS DE LA PALÉOGÉOGRAPHIE DE LA PRESQU'ILE DE KERTCH DANS LE MÉSOLITHIQUE ET NÉOLITHIQUE

Résumé

Les auteurs résument les données paléographiques sur les périodes mésolithique et néolithique obtenues sur le territoire de la presqu'île à la suite des fouilles archéologiques, des études paléobotaniques et paléozoologiques, des recherches géologiques et d'autres.

Une certaine régularité est décélée dans la répartition des monuments sur le territoire qui est en rapport direct avec le milien naturel. En Néolithique tout comme en Mésolithique l'homme choisissait pour ses campements les terrasses du terrain bien égal sur les rives des profonds cours d'eau. Le site de campement en général était protégé des

[37] Т. Б. Александровський. До питання..., стр. 163—172.

[38] М. В. Муратов. Континентальные четвертичные отложения Крыма, их соотношение с морскими террасами и возраст. БКИЧП, 33, 1967, стр. 57.

[39] М. П. Тихий. Рыбы из палеолита Крыма. «Природа», 1928, 11, стр. 1007; В. И. Цалкин. Новые данные к истории фауны Крыма. ДАН СССР, 59, 1948, 3, стр. 606; В. Д. Лебедев. Рыбы из позднепалеолитической стоянки Мурзак-Коба в Крыму. Бюллетень МОИП, 1952, VII (6), М., стр. 46—51; M. Tichii. Fische aus dem Paleolithikum der Krim. БКИЧП, 1929, стр. 43—48.

[40] С. Н. Бибиков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году. КСИА АН УССР, 8, 1959, стр. 118—120.

[41] Н. Джамбазов. Проучвания на палеолитната и мезолитната култура в България. «Археология», 1964, VI, 3, стр. 76.

vents dominants par une ligne de crête peu élevée. Tous les campements multicouches se trouvent sur les places des percées dans une chaîne de montagnes de petite éminence (chaîne de Parpatch et ses rameaux). De telles percées sont résultat de l'activité des cours d'eau steppiques qui se dessèchent aujourd'hui. Tous les monuments sont de type découverts, c'est-à-dire ils ne sont abrités par des grottes, des cavernes, des avant-toits. La plupart des campements avait un caractère saisonnier (printemps — été — automne), une partie était de court délai. Les sites des campements étaient les près halophytes, les steppes desertiques et céréalo — polyherbageux.

Le complexe d'observations donne lieu à supposer que, dans la période en question, les conditions naturelles étaient assez proches aux actuelles. En même temps le Mésolithique et le Néolithique durant certaines fluctuations climatiques ont été décélées.

И. С. МАСИМОВ

РАСКОПКИ СВЯТИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА АЛТЫН-ДЕПЕ

В 1971 г. продолжались раскопки на пос. Алтын-Депе в Южном Туркменистане, проводимые сотрудниками сектора первобытной археологии Института истории АН ТуркмССР и Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР. В северо-восточной части холма, относящегося к ремесленному кварталу гончаров, велись работы по вскрытию строений эпохи бронзы, начатые еще в предыдущие годы [1]. Основные работы проводились на уровне второго строительного горизонта. Всего было вскрыто около 50 помещений — несколько хозяйственно-жилых комплексов, разделенных или небольшой улочкой, или толстой стеной. Удалось выделить четыре таких комплекса. Из них центральный и восточный, раскопанные наиболее полно, в какой-то мере позволяют охарактеризовать картину внутренней застройки. Каждый из этих комплексов включал около полутора десятка помещений, заполнение которых состояло из кирпичной забутовки и мусорного слоя с обломками посуды. Выделяются помещения хозяйственного назначения, в том числе кладовые, где было вкопано в пол несколько хумов, предназначенных для хранения зерна и других продуктов. В центральном комплексе (рис. 1) особо выделяется хозяйственный двор-кухня (помещение 12) с остатками двух рядом расположенных очагов. Для обогрева жилых помещений использовались очаги круглой формы, построенные на небольших квадратных или прямоугольных кирпичных платформах.

При первом же взгляде на планировку вскрытого нами участка ремесленного квартала Алтын-Депе бросается в глаза его близкое сходство с планировкой кварталов поселений геоксюрского оазиса. Типичным примером для аналогий может служить планировка вскрытого на пос. Геоксюр-1 жилого массива с многочисленными помещениями различного характера [2]. Здесь особо выделяются помещения жилого и хозяйственного назначения. Две комнаты были отнесены к кухне. Многокомнатные дома Геоксюра так же как на Алтыне разделены между собой улочкой. Все это позволяет говорить о близости приемов планировки многокомнатных домов массивов двух различных районов. Скорее всего в домах Алтын-Депе жила большесемейная община, члены которой были связаны между собой родственными отношениями и имели подобно жителям Геоксюра общие хозяйственные помещения, двор и кухню.

Особое внимание привлекает помещение 10, расположенное в юго-западной части центрального комплекса (рис. 1). Это помещение рядом характерных особенностей и необычным оформлением интерьера резко выделяется из числа других. Оно имеет прямоугольную форму и вытянуто

[1] А. Ф. Ганялин. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Депе, СА, 1967, 4; И. С. Масимов. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы поселения Алтын-Депе. Сб. «Кара-Кумские древности», 3, Ашхабад, 1970.

[2] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961.

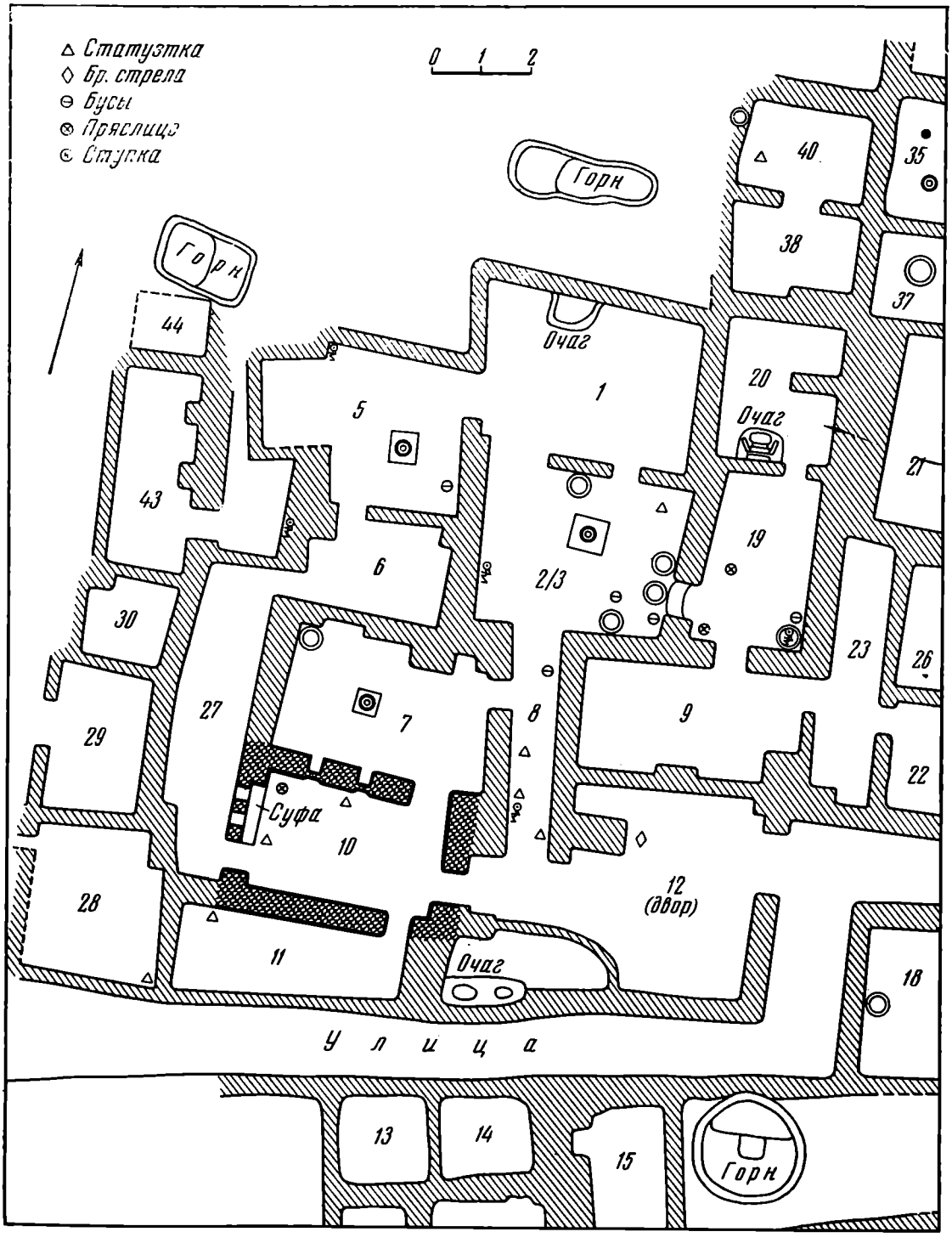


Рис. 1. План центрального комплекса

с востока на запад. С четырех сторон к нему ведут проходы шириной в 50 *см* каждый, связывая его с соседними комнатами. Стены выложены из сырцового кирпича и сохранились на высоту более одного метра, при толщине 50 *см*. Внутри они гладко оштукатурены глиняной промазкой в несколько слоев. Судя по предварительным наблюдениям, промазка этой комнаты несколько отличается тем, что имеет примесь мелкорубленной соломы и, возможно, камышевый пух, сама глина тщательно отмучена.

На северной стене помещения имеются две необычные внутристенные ниши глубиной более 5—6 *см* (рис. 2). Ниши имеют прямоугольную форму высотой соответственно 30 и 40 *см*, при ширине 26 и 31 *см*. Обращают на себя внимание необычные глубокие канавки в верхних углах ниш, слегка наклоненных в сторону. Восточная ниша в верхней половине имеет выпуклый конус, который в сочетании с канавками напоминает

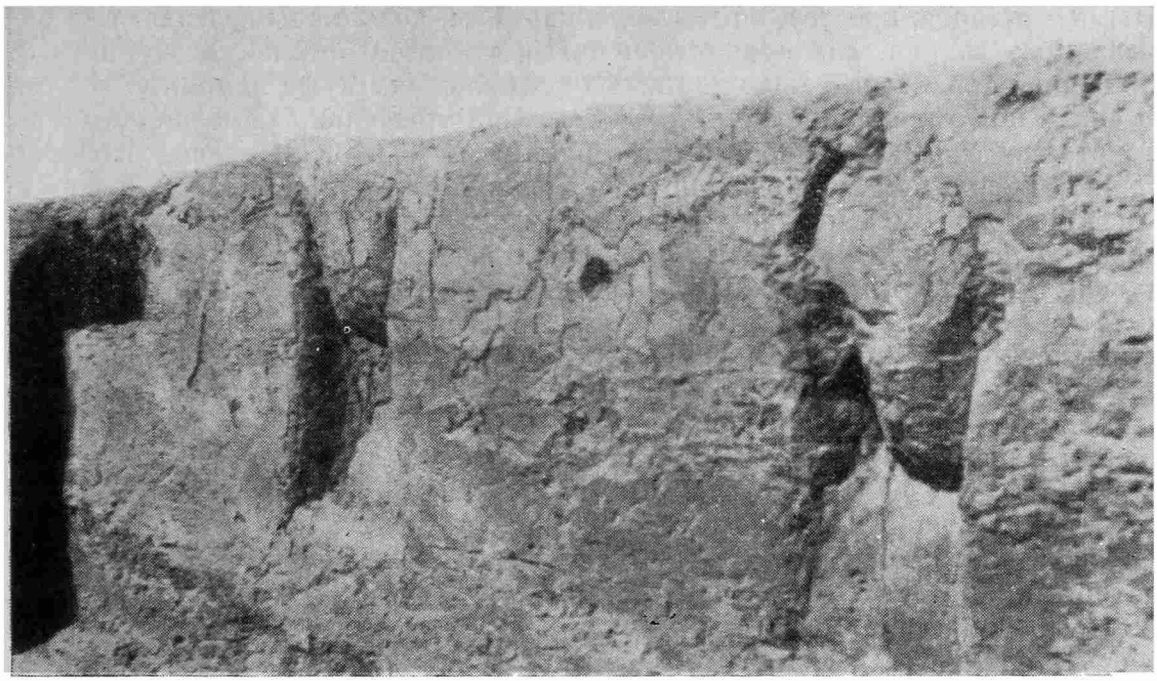


Рис. 2. Северная стена помещения 10

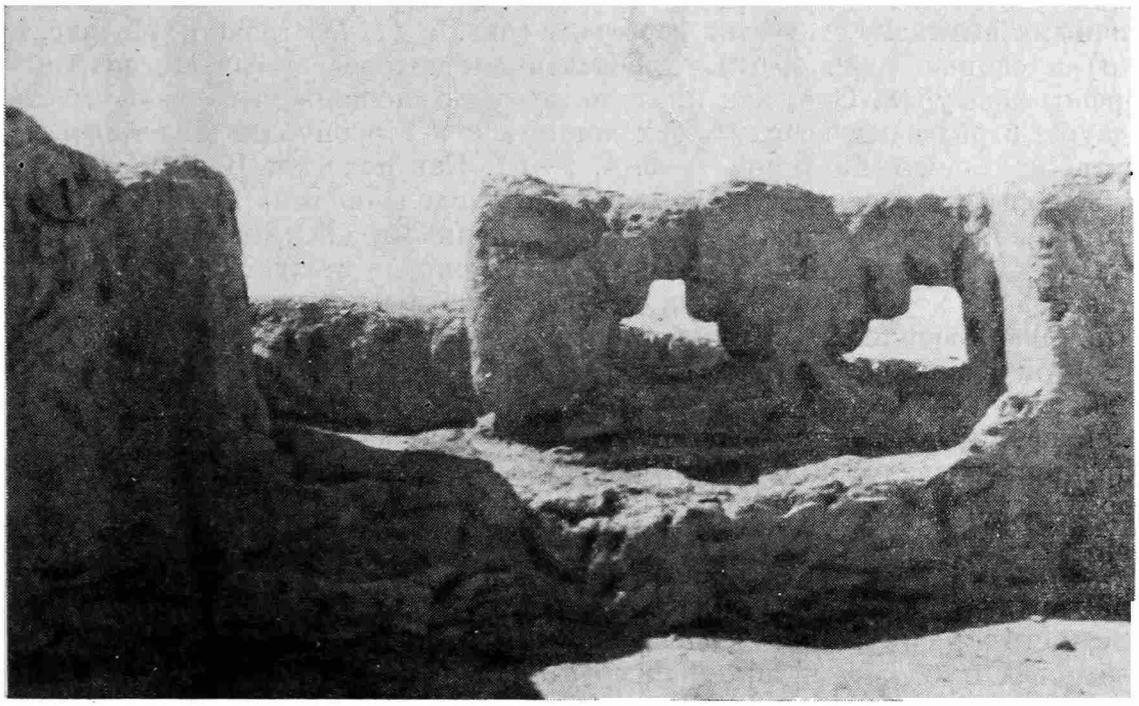


Рис. 3. Вид на суфу и западную стену помещения 10

что-то вроде головы рогатого животного. Западная стена помещения оформлена двумя сквозными отверстиями, в виде полукреста и четверти креста (рис. 3). Высота их 25 *см*, ширина основания 30 *см*. Столь необычное оформление интерьера до сих пор не встречалось, надо полагать, что помещение имело какое-то специальное назначение. Такие формы крестов, полукрестов и четверти крестов встречаются в виде орнамента на реликвариях — сосудах культового характера [3]. Подобным же образом (полукре-

[3] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3, стр. 181, рис. 14; А. Я. Щетенко. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции. АО-1969, М., 1970, стр. 417.

сты и четверти креста) оформлены карнизы колоннады фасада так называемого дворца, раскопанного в четвертом слое поселения Мундигак[4]. Под западной стеной помещения 10 расположена суфа шириной 40 *см*, высотой над уровнем пола — 25—30 *см*. Она тщательно обмазана глиной. Сочетание суфы с отверстиями, сделанными выше на стене, особенно важно, по-видимому, это сделано с определенной целью.

Помещение 10 выделяется среди других комнат и характером заполняющего его культурного слоя. Он был насыщен золой вперемежку с кусками древесного угля и обгоревшими костями животных, что не наблюдалось ни в одном другом помещении. Этот факт подтверждает необычный характер помещения. Ближе к полу характер заполнения несколько меняется, переходя местами в сплошной слой обгоревшей земли, наиболее четко выделяющийся под полом помещения. Однако и здесь на ряде участков мы наблюдаем зольные прослойки. Обращает внимание слабая прокаленность поверхности суфы. Интересно, что по шумерийским текстам при закладке религиозных сооружений большое ритуальное значение придавалось пережженной земле, которую считали совершенно необходимым материалом фундамента строящегося здания[5].

Необычным оказались и находки, обнаруженные в этом помещении. Здесь наряду с характерными формами керамики времени Намазга-V было найдено около двух десятков антропоморфных и зооморфных статуэток, а также обожженные фигурки людей (рис. 4). Среди разнообразных поделок животных интересна обожженная фигурка быка, напоминающая известную мраморную фигурку из Кара-Депе[6]. Весьма реалистичными выглядят статуэтки верблюда (рис. 4, *11*, *13*) собаки (?) (рис. 4, *7*, *8*) и свиньи (рис. 4, *12*). Определенный интерес вызывают антропоморфные фигурки. Они, как правило, имеют уплощенную верхнюю часть с двумя отростками вверху, расходящимися в сторону и вдавленным во внутрь круглым основанием (рис. 4, *4—6*). Как полагает В. И. Сарианиди, эти фигурки являются своеобразными идольчиками, символизирующими собой молящихся людей с расставленными или поднятыми вверх руками[7]. Большой интерес вызывают две женские статуэтки. Первая изготовлена из хорошо промешанной глины светлого цвета и хорошего обжига. Она выполнена в условно-плоскостном стиле, традиционном для статуэток Намазга-V. Имеет круглые налепные глаза вместо обычных ромбических (рис. 4, *2*). От второй статуэтки сохранилась только нижняя половина. Спереди — три горизонтальные линии вероятно имитируют набедренную повязку, ниже нанесен треугольник с насечками. С обратной стороны статуэтки на уровне бедра, процарапано три знака в виде восьмиконечной звезды, знак распространенный в это время (рис. 4, *1*).

Таким образом, все сказанное выше еще раз подчеркивает своеобразный характер помещения 10, причем приведенные факты не говорят в пользу его жилого или хозяйственного назначения. Наличие в нем весьма необычных по форме ниш, характер заполнения, обилие золы, обгорелые слои земли и, наконец, находки указывают на его специальную функцию в системе общей застройки комплекса и позволяют относить его к числу святилищ. По-видимому, это было «домашнее» святилище, подобно тому как это мы видим на Геоксюре, где каждый жилой массив помимо общих кладовых и кухонь имел также и свое святилище[8]. Формы культовых обрядов, распространенных на Алтын-Депе пока не вполне ясны. В этом отношении, особый интерес могут представлять терракотовые статуэтки.

---

[4] I. M. Casal. Fouilles de Mundiqak. MDAFA, XVII, Paris, 1961, fig. 22, pl. XII, XIII.

[5] L. Woolley. Excavations at Ur. London, 1955, p. 136.

[6] В. М. Массон. Кара-Депе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X, рис. 23, 24.

[7] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б3-8, IV, М., 1965, стр. 38.

[8] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр..., стр. 237.

Есть основания полагать, что древнее население видело в них изображение своих богов-идолов, поклонение и почитание которых было очень распространено. О многочисленности различного рода божеств в верованиях древних говорит тот факт, что в Шумере в III тысячелетии до н. э. их насчитывалось несколько сот. Это были особые божества отдельных городов, каналов, полей, деревень, хозяйства и даже некоторых орудий труда [9]. По словам С. Н. Крамера, у обитателей Южного Двуречья к тому

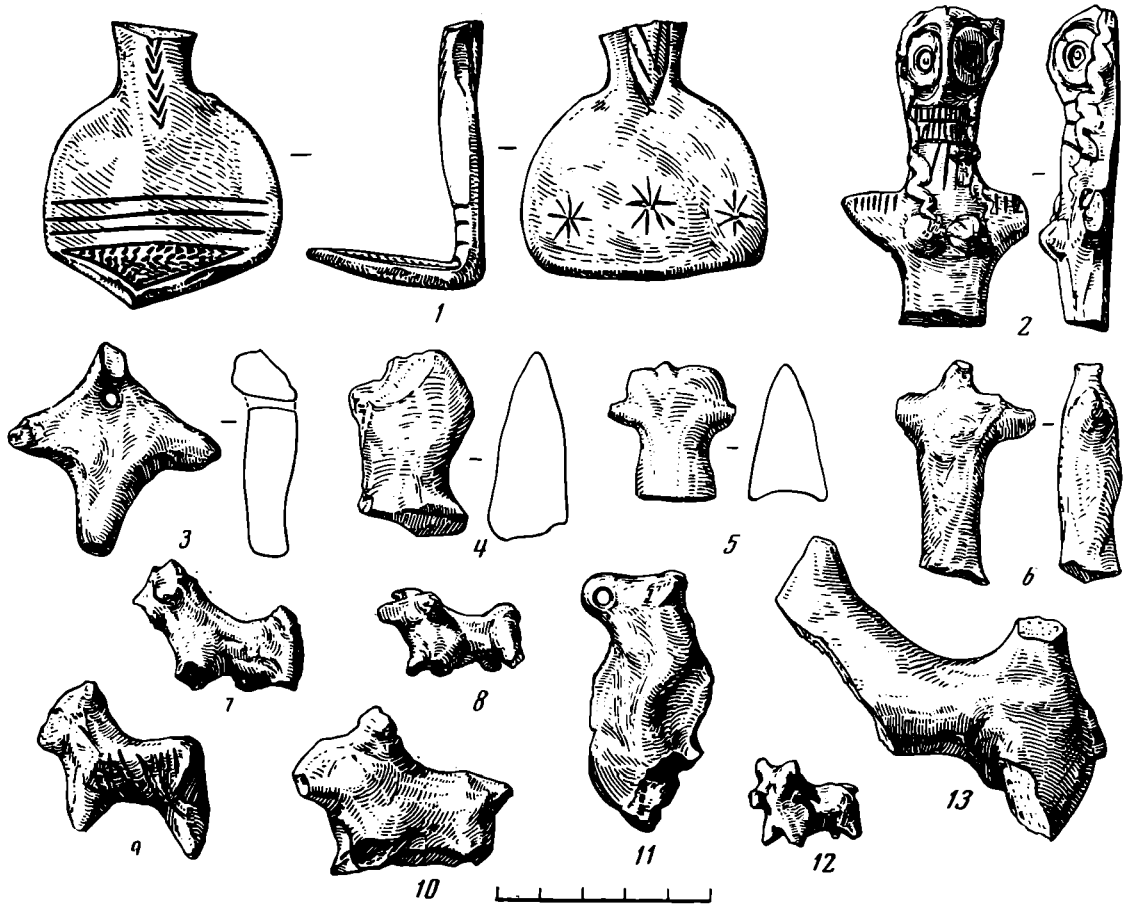


Рис. 4. Находки из помещения 10

1—2 — женские терракотовые статуэтки, *3—6* — антропоморфные фигурки людей, *7—13* — зооморфные фигурки животных

же был культ личных богов, своего рода ангел-хранитель, имевшийся у каждого человека или отдельной семьи [10]. Вполне возможно, что какая-то часть найденных нами статуэток также являлась своеобразными местными божками отдельных семей или общин вроде тех, которые занимали многокомнатные дома квартала ремесленников Алтын-Депе. Интересно, что женские статуэтки со знаком в виде восьмиконечной звезды и ранее встречались именно на территории холма ремесленников.

Известно, что алтарь является одним из главных особенностей культовых зданий, при этом он мог иметь различную форму. В Телль-Асмаре, например, алтарем служила высокая кирпичная суфа, огороженная по краю бортиком, находящаяся в углу помещения. Перед ней было найдено 7 терракотовых головок, 10 статуэток, фигурки животных, печати, каменные вазы и другие предметы [11]. Вспомним, что в раскопанном нами святилище статуэтки людей и животных также найдены недалеко от суфы. Не случайно, по-видимому, и сочетание суфы с расположенными

---

[9] С. Н. Крамер. История начинается с Шумера. М., 1965, стр. 101.

[10] Там же, стр. 103.

[11] H. Frankfort, T. Jacobsen, C. Preusser. Tell-Asmar and Khafaje. OIC. 3, 1931, pp. 100—103. fig. 47—48.

над ней отверстиями в виде полукреста. Возможно, эта часть помещения служила алтарем. Если предположения правильны, то вскрытое помещение будет первым домашним святилищем эпохи бронзы на Алтын-Депе.

Между тем традиции сооружения культовых зданий на древне-земледельческих поселениях Южной Туркмении уходят своими корнями еще в эпоху неолита. Так, в результате работ последних лет — на поселении Песседжик-Депе, открытом в 1967 г. в районе Геок-Депе [12], в центральной части холма, было раскопано большое здание площадью в 64 $м^2$, одна из стен которого была украшена полихромной росписью, состоящей из разнообразных орнаментов и изображений животных [13]. Здание, вероятно, являлось святилищем жителей Песседжик-Депе. Его настенные фрески дали нам древнейшие памятники стенной живописи Средней Азии, относящиеся к неолитической эпохе,— к VI тысячелетию до н. э.[14] Из памятников Древнего Востока этого времени лишь на поселении Чатал-Гуюк, расположенном в южной Турции, известны святилища с фресками. Интересно, что на этом поселении имеются несколько святилищ, оформленных в разном стиле, и, судя по словам Дж. Мелларта, каждое из них обслуживало жителей 3—4 домов [15]. Одно из этих святилищ имеет глубокие внутристенные ниши и выступающие из стен головы быков. В связи с этим здесь хотелось бы упомянуть о нишах на северной стене раскопанного нами святилища. Особенно примечательна в этом отношении восточная из них, верхняя половина которой оформлена в виде выпуклого конуса с двумя загибающимися канавками в углах наподобие рогов. По словам В. М. Массона, изображения животных в святилищах, не что иное, как отображение тотемизированных символов, уходящих своими корнями в глубокую древность [16]. Есть основания полагать, что некоторые формы древней символики могли сохраниться и в эпоху бронзы судя по многочисленным находкам терракотовых статуэток животных. Не исключена возможность, что описанные ниши могли быть и декоративным элементом в оформлении интерьера помещения.

В период культуры Анау I (IV тысячелетие до н. э.) здания культового характера встречаются на ряде древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копет-дага. Таковы возможно остатки здания с расписными панелями, отмеченные при шурфовке северного холма Анау [17], а также здание, раскопанное на Яссы-Депе у Каахка, расписные панели которого Б. А. Куфтин сравнивал с панелями месопотамских храмов [18]. Ряд помещений культового характера был раскопан и на поселениях Геоксюрского оазиса. Причем здесь четко выделяются два типа святилищ — отдельно стоящие и внутридомные. Древнейшим культовым зданием первого типа является большое прямоугольное помещение, раскопанное на поселении Дашлыджы-Депе, относящееся ко времени Намазга I [19]. Здание имело прямоугольный очаг, отделенный от остальной части комнаты стенкой, которая располагалась в юго-западном углу. В отличие от других комнат это помещение функционировало в течение двух строительных горизонтов холма. Культовые здания первого типа раскопаны и на Муллали-Депе, Ялангач-Депе, Айна-Депе, Акча-Депе и Геоксюр-9, но относятся уже ко

---

[12] О. Бердыев. Изучение памятников эпохи неолита. Сб. «Каракумские древности». Ашхабад, 1968, 1, стр. 15—17.

[13] О. Бердыев. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. Сб. «Каракумские древности», Ашхабад, 1970, III, стр. 17—19.

[14] В. М. Массон. От редактора. Сб. «Каракумские древности». III, стр. 6.

[15] G. M. Mellaart. Catal-Hüyük. A Neolitic Town in Anatolia. London, 1967, p. 70.

[16] В. М. Массон. Поселение Джейтун. МИА, 180, 1971, стр. 152.

[17] С. А. Ершов. Северный холм Анау. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР. 2. Ашхабад, 1956, стр. 38.

[18] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, 1956, Ашхабад.

[19] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Гуркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X, стр. 141.

времени развитой культуры Намазга II (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) [20]. Эти дома-святилища расположены отдельно от других зданий, и порой находятся почти в центре некоторых поселений. По сравнению с жилыми домами они имеют более значительные размеры и несколько отличаются внутренним интерьером. Характерной их особенностью являются наличие прямоугольных культовых очагов-подиумов, сооруженных несколько в стороне от центра комнат, нередко встречающихся и на поселениях Месопотамии [21].

К святилищам второго типа, относящимся ко времени Намазга III (первая половина III тысячелетия до н. э.) можно отнести два строения из поселения Геоксюр-1, раскопанных в верхнем строительном горизонте холма, а также целый ряд помещений с круглыми очагами из поселения Чонг-Депе (Геоксюр-5) [22]. В одном из помещений Геоксюра-1 обращает на себя внимание прямоугольный выступ, отгороженный от остальной части помещения стенкой, а также выложенная кирпичная суфа в северном углу. Второе помещение имеет почти квадратной формы выступ, обмазанный в несколько слоев штукатуркой. Но самой характерной особенностью этого помещения, как бы определяющей его культовый характер, бесспорно является керамический диск-алтарь, сооруженный в центре помещения [23]. Подобные круглые сооружения обнаружены также на Чонг-Депе, где одно из них было заполнено горелым слоем [24]. Считается, что в подобных святилищах совершались определенные обряды и поклонения, связанные с различными культами, причем керамический диск играл при этом роль алтаря [25].

Таким образом, для земледельческих поселений Южной Туркмении твердо намечается два типа культовых зданий. Здания первого типа, как правило, расположены изолированно от других строений и, более того, иногда находятся в центре поселения. Они имеют большие размеры и иногда утолщенные стены. Для культовых же зданий второго типа характерно их расположение среди других комнат большого дома. Они мало отличаются от жилых помещений и только определенные признаки позволяют относить их к числу культовых строений. Приведенные аналогии позволяют отнести святилище Алтына ко второму типу, где сохранены традиции сооружения не только самих многокомнатных домов, но и домашних святилищ.

I. S. Masimov

FOUILLES D'UN SANCTUAIRE DE L'ÂGE DE BRONZE DANS L'AGGLOMÉRATION ALTYNE-DÉPÉ

Résumé

Lors des fouilles effectuées en 1971 dans le quartier des potiers de l'agglomération rurale Altyne-dépé on a découvert les restes des maisons à plusieurs pièces comportant des complèxes d'habitations et de ménage... Parmi les locaux à destination habitable et ménagère, un petit sanctuaire domestique est déblayé qui se trouve dans le complexe centrale. Il est à noter que c'est le premier sanctuaire ordinaire de l'âge de Bronze non seulement pour Altyne-dépé mais pour le territoire de Tadjikistan méridional. En même temps des analogies témoignent de son rapport avec les sanctuaires des époques précédentes. Les sanctuaires de l'ère chalcolithique tardive (hameau de Géoksur I) qui sont caractérisés par leur disposition à l'intérieur des maisons à plusieurs pièces lui sont les plus proches.

[20] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 76—79.

[21] E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra I. Philadelphia, 1937, p. 25—28.

[22] В. И. Сарианиди. Культовое здание поселения Анаусской культуры. СА, 1962, 1.

[23] Там же, стр. 49, рис. 3.

[24] Там же, стр. 51.

[25] И. Н. Хлопин. Модель круглого жертвенника из Ялангач-Депе. КСИА АН СССР, 108, 1964, стр. 49—50; В. И. Сарианиди. Погребения ГИССАР III. Новые материалы и наблюдения. Сб. «История Иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 175.

В. В. СИДОРОВ

ДАВЫДКОВСКАЯ СТОЯНКА НА РЕКЕ ЯХРОМЕ

На территории культур ямочно-гребенчатой керамики — в Волго-Окском междуречье в последние годы открыто немало новых мезолитических памятников, что позволило Д. А. Крайнову и Л. В. Кольцову построить периодизацию волго-окского мезолита [1]. Однако памятников, имеющих переходный характер, носящих черты как неолитической, так и мезолитической культуры, исследовано еще очень мало. Подобная стоянка открыта нами в 1968 г., в июле следующего года на ней были проведены раскопки. Вскрыто всего 82 $м^2$, но обильные находки — 3,5 тыс. обработанных кремней — позволяют представить облик культуры.

Стоянка находится западнее дер. Давыдково Дмитровского района Московской области в южной точке возвышенности, образующей правый коренной берег р. Яхромы. Пойма Яхромы — плоская равнина шириной 4—7 *км*, русло ледникового потока у подножия Клинско-Дмитровской гряды. Стоянка располагалась на пологом песчаном берегу открытой на юг бухты озера. Находки встречаются по дренажной канаве, идущей в 5—12 *м* от слабо выраженного берегового уступа на протяжении 100 *м* и до 30 *м* вверх по склону на огородах. Площадь стоянки 2—3 тыс. $м^2$ (рис. 1, *1*).

Раскоп I (16 × 4 *м*) на юго-восточном конце стоянки вытянут вдоль канавы. В раскоп включен шурф 1 — четырехметровая зачистка обреза канавы. В 17 *м* к западу от раскопа I также на обрезе канавы заложен шурф 2, размером 1 × 2 *м*, раскоп II (4 × 4 *м*) разбит выше по склону, в 4 *м* от канавы. Культурный слой стоянки в древности был частично размыт и перекрыт торфом, а выше берегового уступа он распахан. Стратиграфия стоянки следующая (рис. 1, *2*).

1. Торф черный, хорошо разложившийся, нарушенный глубокой вспашкой, мощность его возрастает с 22 до 70 *см* по направлению к береговому уступу. В нижней части этого слоя в раскопе II встречается обработанный кремень.

2. Песок темно-бурый, окрашенный торфом, средняя мощность 6 *см*, местами до 15 *см*. Находок много, встречаются горелые кости, в контакте с торфом — кости очень плохой сохранности. В квадрате 10—11 В — Г обнаружен развал двух сосудов, фрагменты их встречались здесь и в нижележащих горизонтах. Сосуды тонкостенные, тесто с примесью шамота, рыхлое, распадается на ленты шириной 1,1—1,4 *см*. Форма полностью не восстанавливается, керамика сильно окатана. У одного сосуда шейка выражена слабым прогибом (рис. 2, *1*), у другого — прямая. Край венчика утончен, диаметр горла 18—20 *см*. Оба орнаментированы елочкой по шейке и середине тулова. Орнамент нанесен овальным концом палочки, очень небрежно. Оба сосуда имеют конические сверлины для связы-

[1] Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964; Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, 126, 1966.

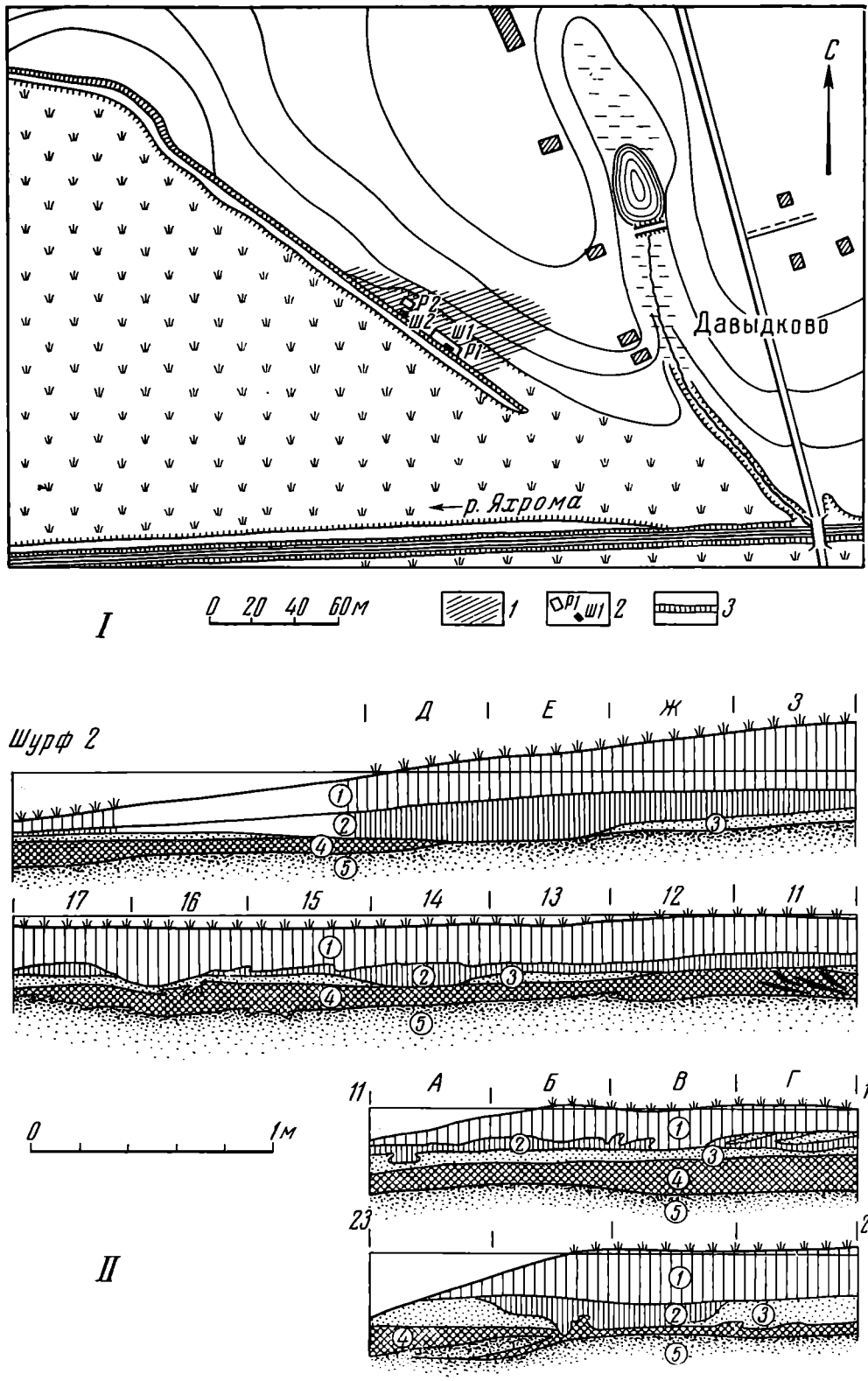


Рис. 1. I — план Давыдковской стоянки

1 — распространение находок; *2* — раскопы и шурфы; *3* — канавы. Горизонтали через 1 *м*.

II — профили: юго-восточная стенка раскопа II и шурфа 2. Часть северо-восточной стенки раскопа I. Разрез по линии 11. Северо-западная стенка раскопа I

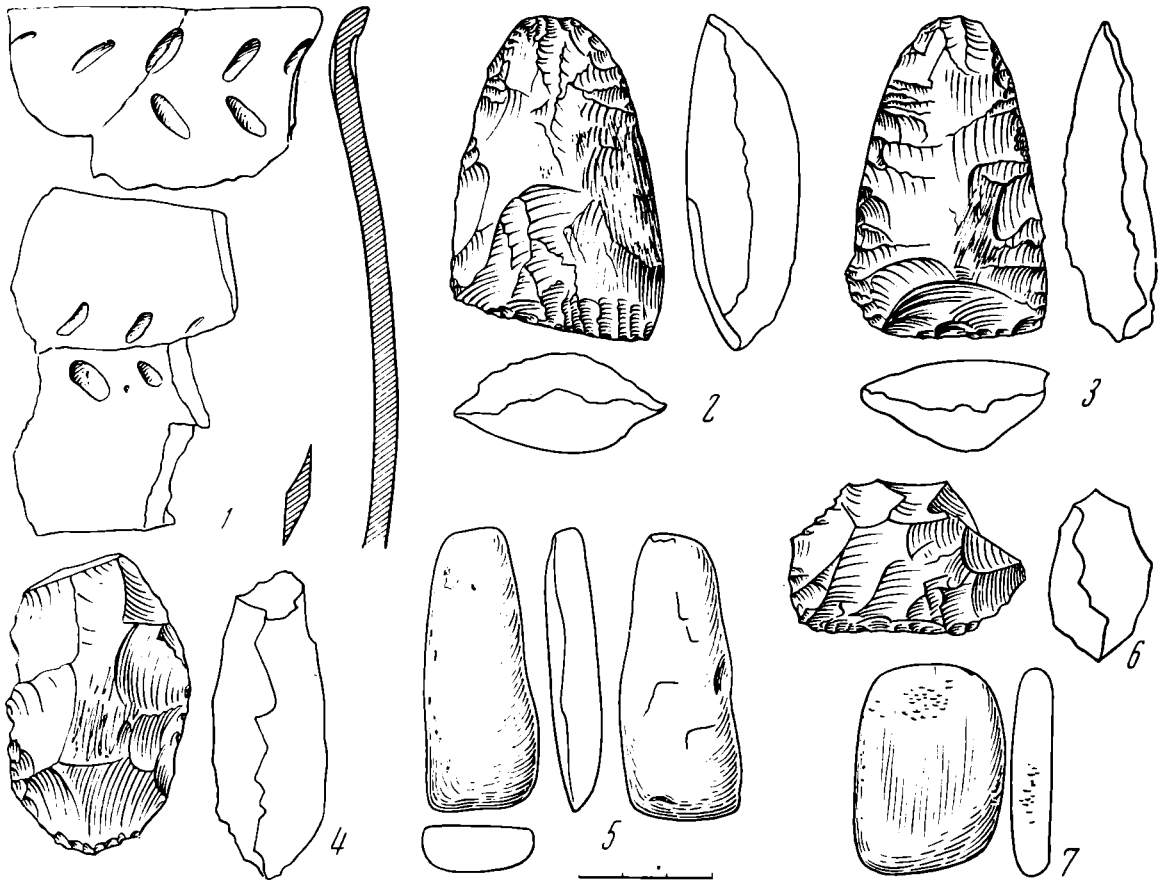


Рис. 2

1 — керамика, *2—6* — рубящие орудия, *7* — ретушер

вания. Аналогичная керамика входит в ранний комплекс стоянки Мышецкая на Круглом озере [2]. Под развалом в нижнем слое прослеживались остатки очага — углистые затеки, несколько кусков растрескавшегося кварцита.

3. Желтая супесь со слабыми признаками ожелезненности, в основном по перегнившим веточкам. Опесчаненность местами значительная, встречаются даже линзы песка. В раскопе II слой представлен чистым желтым песком мощностью до 15 *см*, в раскопе I мощность его в среднем 5 *см*. Находок много.

4. Заиленный синеватый песок — культурный слой, видимо, не переотложенный, местами довольно темный, со множеством белых крапинок горелой кости. Находок много в верхней части и в контакте с подстилающим ожелезненным песком. Средняя мощность 15—20 *см*. Залегает почти горизонтально, но в 1 *м* от края канавы начинается падение его в сторону реки. В раскопе II этот слой отсутствует. По-видимому, насыщенный и интенсивно окрашенный культурный слой стоянки был затоплен во II тысячелетии до н. э., верхняя часть его размыта, а позднее заторфована. Береговой уступ прошел по середине стоянки.

5. Мелкий однородный песок, постепенно светлеющий книзу. В верхней части сильно ожелезненный, плотный, но с затеками культурного слоя.

Раскопки велись по слоям, которые различаются довольно легко, но кремневый инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь заметных различий и позволяет рассматривать материал суммарно, включая небогатый подъемный [3].

---

[2] Раскопки автора в 1970—1971 гг. Отчет о разведках и раскопках Московского обл. краеведческого музея. Архив ИА Р-1, 4547.

[3] Коллекция хранится в Дмитровском районном краеведческом музее.

Кремневое сырье довольно высокого качества, светло-коричневого и слабопросвечивающего светло-серого цвета, а также черного с меловой окатанной коркой. На зандровой равнине, которая простирается от Клинско-Дмитровской гряды до Заволжья, кремня нет. Он может происходить из обнажений морены за Яхромой, по оврагам северных склонов Клинско-Дмитровской гряды. Менее вероятен импорт кремня непосредственно из верхне-волжских или окских месторождений. Близкий состав кремня имеют мещерские неолитические стоянки бассейна Клязьмы и Пры.

Сырьем дорожили. Нуклеусов обнаружено немного. Один нуклеус и четыре заготовки найдены были в ямке, слабо заметной в культурном слое в стенке раскопа. Нуклеус правильный клиновидный с ровным приостренным ребром по саггитальной линии, бока тщательно выровнены, фас высотой 6 *см* сохранил негативы ножевидных пластин шириной до 0,8 *см*. Три заготовки предназначались для плоских односторонних нуклеусов, четвертая — для клиновидного нуклеуса со столь же тщательно оформленными боками и ребром (рис. 3, *30*, *31*). Остальные 25 нуклеусов уже не были пригодны для дальнейшего использования, представляя собой нуклевидные куски. Только отдельные участки их сохранили первоначальную отеску и следы снятия ножевидных пластин. Судя по остаткам, преобладали нуклеусы клиновидные с подправкой ребра, но много было и односторонних с плоской спинкой, встречались цилиндрические (рис. 3, *24—29*).

Когда нуклеусы становились малы, их, не закрепляя, оббивали через ребро, как куски. Отщепы, сколотые при этом, не использовались. Некоторые нуклеусы превращались таким образом в массивные грубые резцы, иногда даже без резцового скола. Режущей кромкой им служило ребро между площадкой и фасом или любой острый массивный угол. Нуклеусов-резцов найдено девять (рис. 3, *24*, *25*, *28*, *29*). В качестве резцов иногда использовались массивные отщепы и куски без резцового скола, о чем можно судить по характерной и для настоящих резцов смятости и затупленности, таких орудий 19.

Наиболее многочисленны и выразительны массивные резцы треугольных и подчетырехугольных очертаний. Режущая кромка образована на стыке продольного и поперечного резцового сколов. Сколы по продольной грани обычно доходят до конца орудия, средняя длина их 3 *см*, иногда от 2 до 7 *см*. Серия продольных резцовых сколов порой образует широкий фас (рис. 3, *20—23*). Поперечный скол наносится обычно под острым углом к продольному фасу, как у срединных резцов, но иногда угол оказывается прямым. Всего массивных клиновидных резцов 44 (рис. 3, *7*, *12*, *16—19*). Кроме того, к ним относятся семь резцов, сделанных на тыльных концах скребков (рис. 4, *1—3*, *5*, *6*). У одного резца место поперечного резцового скола занимает широкая выемка, выполненная крутой ретушью (рис. 3, *17*).

Много угловых резцов на отщепах с 1—2 длинными сколами, обрубающими тонкие края (29 шт.), ширина скола 0,2—0,4 *см*. Бывает сочетание разного типа резцовых сколов на одном орудии (рис. 3, *18*), но обычно по одному или нескольку одинаковых (рис. 3, *6*, *11*, *14*, *15*). Площадкой резцовому сколу служит поперечный излом отщепа.

Резцов с тонким длинным сколом, прямо обрубающим край пластины, или обломка пластинчатого отщепа — 11. Резцовый скол шириной не более 1 *мм* (рис. 3, *1—5*, *8—10*). Один сделан на концевом скребке (рис. 5, *9*).

Резцы довольно грубы. Для них не характерно ровное острое лезвие, образующееся углом грани резцового скола и одной из плоскостей заготовки. Здесь рабочая кромка — только угол между резцовым сколом и площадкой. Сделать такой скол гораздо проще, но тогда резец не пригоден для резания ни фронтально, подобно рубанку, ни боковой гранью,

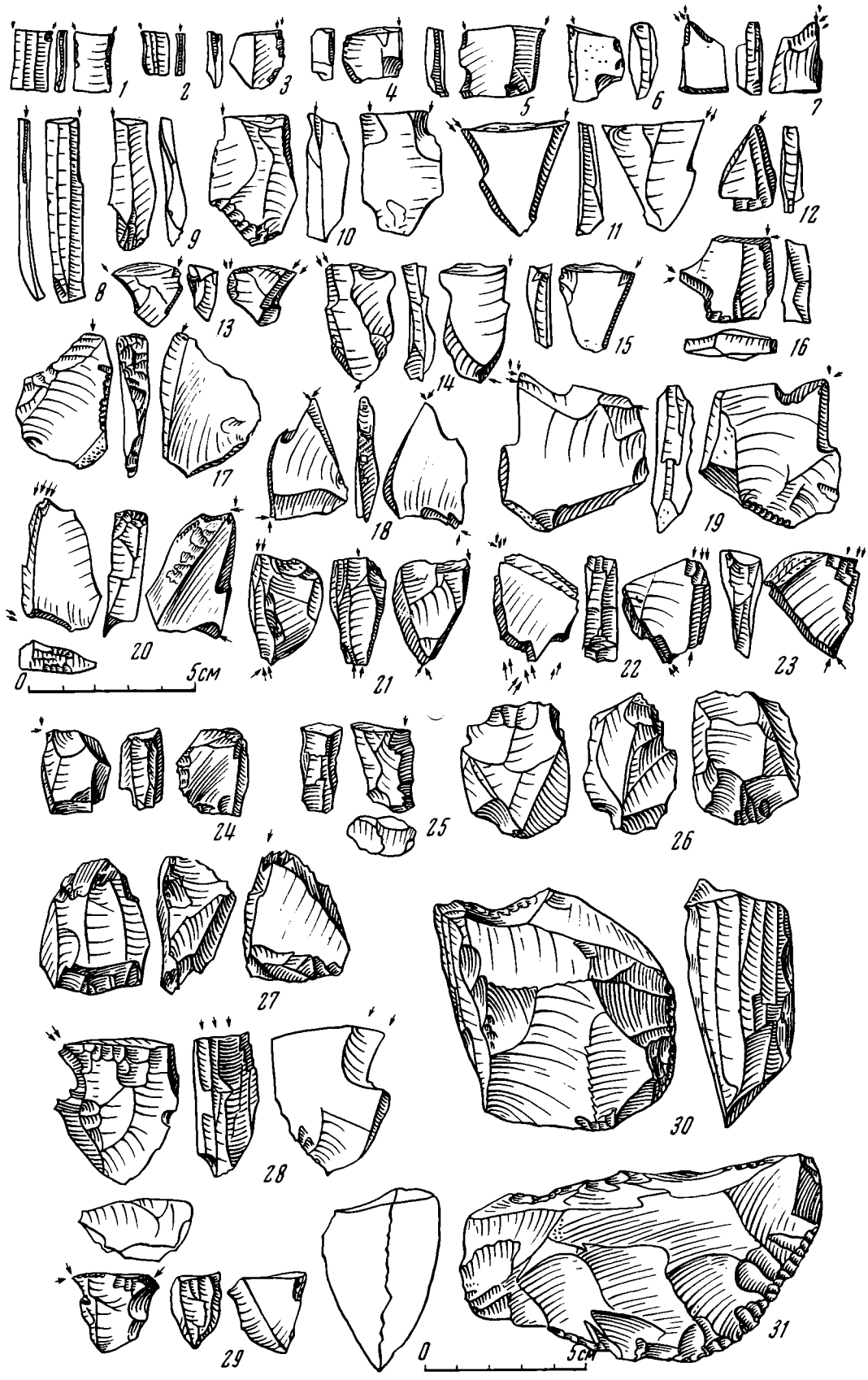


Рис. 3

1—23 — резцы, *24—30* — нуклеусы, *31* — заготовка нуклеуса

подобно строгальному ножу. Единственная его функция — процарапывание треугольного в сечении паза углом, от которого расходятся резцовые сколы. Так можно продольно членить кость, но желобок для вкладыша получится неглубокий. Для углубления его могут использоваться резцы с тонким сколом, но их мало.

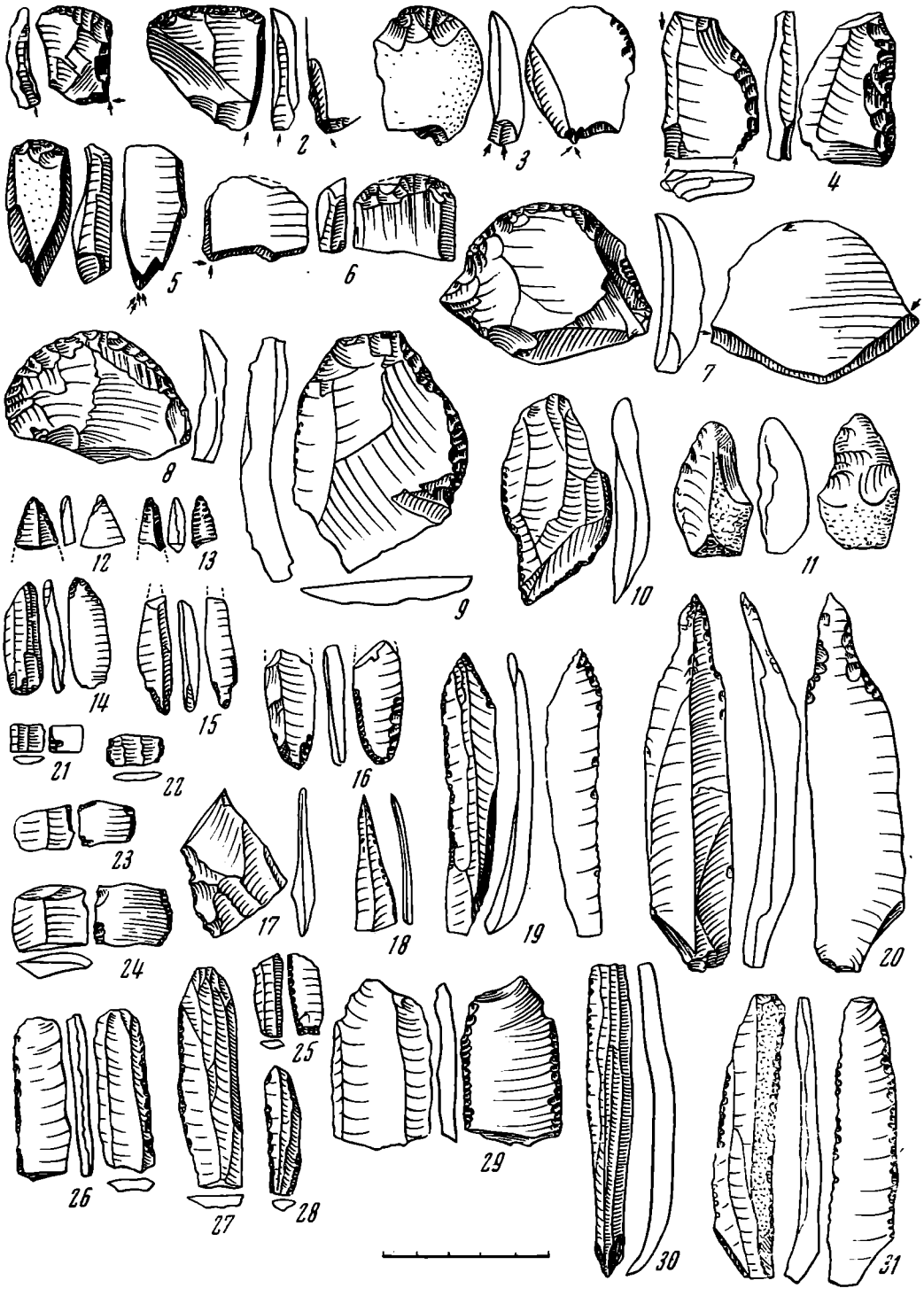


Рис. 4

1—7 — скребки и скребла с резцовыми сколами, *8, 9* — скребла, *10* — нож, *11* — сверло, *12—16* — стрелы и их обломки, *17—18* — проколки, *19* — пила-провертка, *20* — провертка, *21—25* — вкладыши, *26, 28, 31* — пилы, *27, 29, 30* — режущие орудия

Скребки, как обычно,— наиболее многочисленная группа орудий: 180 целых, 30 обломков и 15 лезвий скребков, обрубленных резцовым сколом. 13,3% (22) скребков сделаны из ножевидных пластин. Можно выделить семь типов.

1. Концевые скребки из тонких правильных ножевидных пластин толщиной около 0,2 *см*, всего 6 экз. (рис. 5, *6*, *9*).

2. Концевые скребки из обломков правильных ножевидных пластин толщиной 0,4—0,6 *см*, средняя длина 2 *см* (от 1,6 до 2,8 *см*), ширина лезвия около 1,5 *см*. Ретушь на поперечном изломе пластины довольно

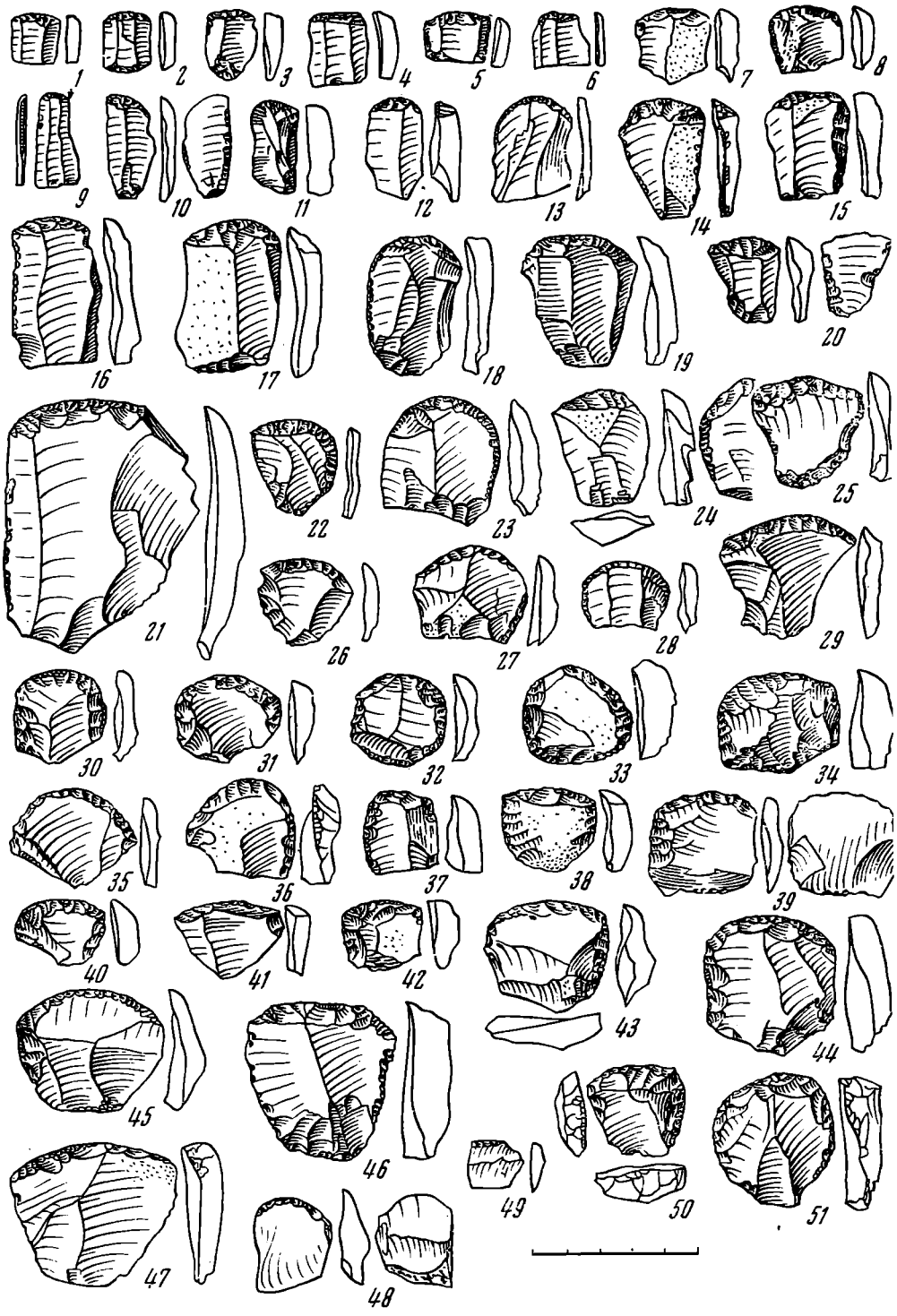


Рис. 5. Скребки.

крутая, но ровная, один скребок двойной, всего 13 экз. Иногда ретушированы бока как режущие лезвия, у одного из скребков ретушь со стороны брюшка (рис. 5, *1—5*, *10—12*). Близки к ним подквадратные небольшие скребки, из коротких отщепов — 4 экз. (рис. 5, *7*, *8*).

3. Крупные концевые скребки из массивных пластин и прямых отщепов, близких к пластинам. Они имеют ровное относительно пологое лезвие. Бока орудия иногда служили режущими лезвиями (рис. 5, *14—19*). Один скребок двойной, второе лезвие, снимающее ударную площадку, сделано гораздо небрежнее (рис. 5, *17*). Небольшая серия крупных концевых скребков сделана из тонких отщепов, рабочий край их ровный округлый, но более крутой, чем у массивных (рис. 5, *13*). Всего к этому типу относится 29 орудий.

4. Еще один тип концевых скребков составляет серия орудий, сделанных из относительно тонких пластинчатых и удлиненных трапециевидных отщепов с тонким очень пологим округлым лезвием (5 экз.). Один из них (рис. 5, *21*) длиной 7,5 *см* при ширине 5,5 *см* — самое крупное орудие на отщепе в Давыдковской стоянке. Боковое лезвие его несет симметричные мелкие выщерблины режущих орудий. У других боковые лезвия пристроены специально (рис. 5, *22—24*). У одного скребка этого типа есть резцовый угол на тыльном конце (рис. 4, *3*).

5. Скребки из более широких отщепов приближаются к трапециевидным. У этих скребков лезвие значительно шире тыльной части (ударной площадки). Лезвие выпуклое, с более длинной ретушью, чем у концевых, у двух — заметно нарочитое сужение тыльной части, образующее перехват для особой формы рукояти. Длина скребков около 2,5 *см* при ширине лезвий 2 *см*, всего 21 экз. (рис. 5, *20, 25—27, 29*).

6. Трапециевидные скребки более крупные —3,5—4,5 *см* длиной и шириной — обычно массивные, с отвесным или крутым рабочим краем — 34 экз. Как мелкие, так и крупные трапециевидные скребки иногда переделываются в резцы (рис. 5, *40, 41, 45—47*, рис. 4, *1, 2, 6*).

7. Наиболее выразительные серии скребков дал тип многосторонних — подпрямоугольных и округлых, по размеру распадающийся на два подтипа. От концевых их отличает и значительная крутизна рабочих лезвий. Трапециевидные и концевые скребки обычно имели боковые режущие лезвия, у многосторонних же — только скребковые лезвия на одном орудии. Основным обычно было более длинное боковое. Оно округло и оформлено длинной тонкой ретушью, не покрывающей, однако, всей спинки. Второе лезвие обычно более крутое, с заломами, заполировано слабее длинного. Ориентировка относительно ударного бугорка не строгая: основное лезвие может располагаться и по широкому основанию отщепа, и наискось. Скребок приобретал выработанную форму не сразу, а в результате многих подправок и переделок в процессе работы им. Когда у скребка сработано не два, а три лезвия, очертания его становятся почти округлые, но некоторые сработаны и по всему периметру (рис. 5, *32, 33*). По-видимому, закрепление их в рукоятях не было вполне жестким, положение их много раз менялось. Эти круглые скребки не имеют ничего общего с мелкими круглыми скребочками степных микролитоидных культур, они гораздо крупнее, более плоские, и не могли закрепляться в торце костяной рукояти. Многосторонних скребков длиной и шириной около 2,5 *см* найдено 46 (рис. 5, *28, 31—33, 37, 38, 42, 50*) и около 3,5 *см* —17 (рис. 5, *34—36, 39, 43, 44, 51*).

Несколько выразительных скребков не образуют серий. Орудие из правильного прямого отщепа (рис. 4, *4*) — скребло-резец с тремя режущими углами. По прямому боку нанесены навстречу друг другу два резцовых скола, после чего край был затуплен скребковой ретушью с крупными ногтевидными фасетками, направленными в сторону брюшка. По другому краю оформлено выпуклое лезвие скребла, которое пытались срубить резцовыми сколами.

Довольно крупное скребло с округлым лезвием, заканчивающимся симметричными ушками [4], от которых по брюшку нанесены два одинаковых резцовых скола, обрубивших ударную площадку и встретившихся точно на середине тыльной части орудия. Резцовые сколы употреблены только для оформления тыльной части орудия (рис. 4, *7*). Округлое ровное пологое лезвие, такое же, как у этого скребла, есть еще у двух орудий из крупных отщепов. Первое (рис. 4, *9*) — из широкого пластинчатого отщепа, сочетает его с тонким прямым неретушированным режущим лез-

[4] Отдаленная аналогия мне известна со стоянки Бутово из раскопок Л. В. Кольцова, скребок небольшой, грубо оформленный, инв. № 1967.

вием. Второе (рис. 4, *8*) сделано из крупного тонкого трапециевидного отщепа с лезвием по широкому основанию.

Следы скобления есть на ряде массивных резцов, кусков, на некоторых отщепах. Серия таких случайных орудий насчитывает не менее 24 экз., но в работе они бывали недолго — ретушированные края обычно тонкие и прямые, ретушь лежит в один ряд, без повторной подправки (рис. 5, *48*, *49*).

Набор скребков очень выдержанный, цельный, без явного архаизма. Характерна ровная длинная ретушь, но ни у одного не достигающая середины спинки, сохраняется первичная огранка отщепа. Относительно часто встречается сочетание функций резца и скребка или скребка и ножа, хотя, как правило, без специальной ретуши. Эти черты присущи и неолиту льяловской, рязанской культур и воплотились в дальнейшем в комбинированные орудия волосовской кремневой техники.

Наконечники стрел малочисленны и невыразительны (рис. 4, *12*, *16*), они делались из массивных пластин, острие и насад оформлялись короткой крутой ретушью, заходящей на бока орудия. Единственный целый наконечник едва приострен с носика, а насад остался необработан. Другой — с круто ретушированным черешком, третий, по-видимому, листовидной формы с округлым насадом. От двух сохранились только острия. Стрелы не имеют выработанной формы, разнообразны их размеры. Оформление их гораздо грубее, чем у большинства скребков.

Проколки также нестандартны. Имеются ножевидные пластины с острым концом, отщепы и их обломки с острым жальцем, иногда довольно массивные (рис. 4, *17*, *18*). Единственный выразительный экземпляр провертка-проколка из массивной пластины длиной 11,5 *см* с круто ретушированным острием, выделенным плечиками. Сработанность — чешуйчатая выкрошенность — располагается на краях и высоком ребре до 2,5 *см* от конца и показывает, что им сверлили по часовой стрелке (рис. 4, *20*).

Найдено одно массивное сверло из кремневой гальки, оформленное грубой поперечной оббивкой. Конец сверла сточен округло, ребра фасеток стерты (рис. 4, *11*).

Рубящие орудия оббитые и шлифованные. Два теслеца с пришлифованными боками, одинаковой формы и размера (длина 7, ширина 4,5, толщина 2,5 и 2 *см*) сделаны тщательной тонкой оббивкой, обушок приострен и округл, лезвие несколько скошенное, как у топоров, но разный характер ретуши на лезвии говорит о них как о теслах: одна сторона оформлена узкими облегающими фасетками, другая — чешуйчатыми сколами с заломами (рис. 2, *2*, *3*). Третий пришлифованный топорик или тесло, овальное в плане, сделано из легкого опоковидного кремния (рис. 2, *4*). Шлифовка только уплощала бока, подгоняя орудие для стандартного гнезда рукояти, лезвие смято симметрично. Четвертое рубящее орудие без следов шлифовки. От многочисленных подправок лезвия этот макролит приобрел укороченные пропорции, лезвие очень сильно смято (рис. 2, *6*). Небольшое сланцевое тесло сделано шлифовкой из почти необработанной гальки (рис. 2, *5*), смято и затуплено очень сильно. Кроме этих орудий найдены обломки трех макролитов, одного сланцевого тесла и 15 отщепов со шлифованных кремневых и опоковых орудий. Интересно, что все крупные рубящие орудия найдены в нижней части слоя, на поверхности плотного ожелезненного песка.

Индекс микролитичности — процент ножевидных пластин ко всему пригодному для употребления материалу — составляет 36% (554 из 1532 кремней), фактически он ниже, так как учитываются обломки пластин, но не обломки отщепов, с последними он составит 28%. Преобладают микропластинки 0,4—1 *см* шириной (358 шт.), в основном это мелкие сечения до 2,5 *см* длиной. Пластин шириной 1—1,5 *см* —150 шт., и здесь уже преобладают сечения 3—5 *см* длиной. Широких пластин 46.

Значительную часть их составляют короткие вкладыши длиной до 2 *см*. Поперечные изломы их не несут никакой подправки, зато круто ретушированы углы лезвий и очертания их становятся округлыми (рис. 4, *22—24*). Прямоугольных ретушированных вкладышей почти нет (рис. 4, *21, 25*), но обычных сечений пластин без ретуши множество. Трудно сказать, какие из них получены сознательным разрубанием пластины на части, а какие — просто обломки. Длина их от 0,6 до 5 *см*.

Широкое применение в Давыдкове находили цельные пластины. Почти все они имеют хорошо заметные следы сработанности, а иногда частично и мелкую ретушь (рис. 4, *27, 30*). Своеобразен крупный нож из широкой пластины со сплошной ровной, но короткой ретушью с брюшка по обоим прямым краям — форма напоминает волосовские широкие пластинчатые ножи с односторонней ретушью, но характер ретуши совсем иной (рис. 4, *29*). Среди цельных пластин выделяется серия относительно массивных с прямыми лезвиями, выкрошенными грубыми двусторонними изломами. Иногда эти изломы приобретают вид краевой ретуши, сплошь охватывающей лезвия. Такая щербатая ретушь не наносится сознательно и не могла появиться в результате строгания или скобления: только пиление относительно твердых материалов (кость, рог, твердая сухая древесина) дает такую картину изнашивания лезвия. Подобных пил всего 18, считая сделанные из крупных пластинчатых отщепов. Сработан обычно более прямой край. Одна из них скомбинирована со сверлом (рис. 4, *19*). Аналогичное орудие (только меньших размеров) происходит из раскопок Б. А. Куфтина на стоянке Святое озеро II, где заметна примесь микролитоидного материала в нижнем слое. Длина пил различна: около 4—5 *см* —13 экз., около 8—9 *см* —5 (рис. 4, *26, 28, 31*).

Отбойников — кварцитовых галек длиной 5—8 *см* с двумя смятыми концами найдено 2 шт. и 3 осколка. Ретушерами служили куски кремня, но преобладали, судя по характеру ретуши, ретушеры костяные. Встречены и сланцевые: обломок плитки, густо покрытый лунками (площадь, занимаемая ими,—3 $см^2$), и плоская галечка, у которой участки, покрытые лунками, располагаются на слегка выпуклой грани и округлых ребрах, на обеих плоскостях заметны четкие царапины, нанесенные кремнем (рис. 2, *7*).

Остальной материал — это отходы производства. Чешуек —1396 шт., из них 734 менее 1 *см* длиной, но относительно много и крупных чешуйчатых сколов (71) длиной 2,5—4 *см*, хотя среди них отсутствуют правильные ногтевидные чешуйки регулярной отески. 400 обломков отщепов и осколков также преимущественно мелкие —208 до 1,5 *см* длиной, и только 3 длиной более 4 *см*. Отщепов, не бывших в употреблении, относительно мало: почти все пригодные шли в работу, поскольку сырьем дорожили. Всего отщепов 471, в том числе 178 не достигают 2,5 *см* длины, 216— до 4 *см*, 73— до 6 *см* и только 4 отщепа 7—8 *см*. Своеобразно распределение типов отщепов: короткие и широкие трапециевидные отщепы грубой отески в Давыдковской стоянке составляют 25%. Мало пластинчатых отщепов —18% против 30% на Староконстантиновских стоянках, зато исключительно много массивных прямых отщепов, обрубающих сильно выступающий край нуклеуса, и вместе с ними — резцовых сколов, которые получаются сходным образом —50%.

Характерные для Давыдковской стоянки типы орудий не представляют большой редкости, но их сочетание оказывается весьма специфичным. 36% ножевидных пластин — это довольно обычное количество для волго-окского мезолита, но ни в одном неолитическом памятнике этого района, даже стоянках сущевского этапа, их процент не превышает 10. В самой пластинчатой технике не наблюдается деградации, высокое качество пластин сохраняется до раннего этапа льяловской культуры, однако область применения пластин явно сужена. Деградация резцов вызвана, видимо, падением роли вкладышевой техники, на смену ей

должны прийти цельнокаменные ножи и пилы. Совершенствование техники ретуши, наблюдаемое у скребков и макролитов, подготавливает дальнейшую макролитизацию техники, хотя, судя по формам отщепов, крупный пластинчатый скол — основная заготовка для ретушированных орудий — был здесь совершенно не характерен.

Типы резцов, встреченные в Давыдкове, бытуют в конце днепро-донского мезолита [5], они очень характерны для нижних слоев Долговской стоянки [6]. Однако для мезолита Верхней Волги и Оки характерны резцы на пластинах — угловые и боковые, с поперечной ретушью. Клиновидные резцы, подобные нашим, хотя и встречаются, но не часто и только на поздних мезолитических стоянках. Количество их возрастает в некоторых неолитических комплексах, особенно они характерны для восточных культур ямочно-гребенчатой керамики — льяловской, рязанской, балахнинской. Их много в Спасе-на-Сози [7], в Соколке Коренце, Святом озере I и II, на Мышецкой [8] стоянке. Они составляют 20—40% всех орудий. Здесь встречаются в неолитических памятниках резцы из тонких пластин с узким сколом.

Для Давыдковской стоянки характерны укороченные скребки, нередко со сдвоенными лезвиями, с резцовым сколом в тыльной части. Но для памятников Верхней Волги и в мезолитическую, и в неолитическую эпоху характерны длинные концевые скребки, очень редки комбинированные, а резцовый скол наносится почти исключительно от лезвия. Короткие же скребки связывают Давыдковскую стоянку также с восточными памятниками Мордовской I [9], Яндашевской [10], днепро-донским мезолитом, неолитом льяловской, рязанской, балахнинской и волосовской культур.

Небольшие треугольные тесла без шлифовки, подобные давыдковским пришлифованным, встречены с льяловским комплексом на Мышецкой стоянке, на Тростенской I, встречаются они на верхней Оке. На Верхней Волге шлифовка рубящих орудий была освоена очень поздно. И в неолите здесь господствуют грубо оббитые макролиты, но на востоке, в Среднем Поволжье, она становится обычным явлением еще до появления керамики [11], что усиливает восточные аналогии в Давыдкове.

Очень близкий Давыдковской стоянке комплекс исследован в 1970 г. Ю. Н. Урбаном на стоянке Сабринка I на Селигере [12]. Она содержит совершенно аналогичный набор резцов, скребков, пил, нуклеусов, пластин несколько меньше и они грубее. Наконечники стрел с черешком вполне типичны для верхневолжских памятников. Им же открыты в 1971 г. новые стоянки на р. Мологе Усть-Кия I и II, давшие близкий материал, но с еще меньшим количеством пластин. Однако среди наиболее близких территориально стоянок Тростенского озера, исследовавшихся автором в 1968—1971 гг., не оказалось ни одной, в которой повторился бы Давыдковский комплекс, хотя они дали непрерывную линию развития от позднего мезолита до льяловской культуры.

---

[5] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, 126, 1966.

[6] В. П. Левенок. Долговская неолитическая стоянка. МИА, 131, 1966.

[7] О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, 13, 1949.

[8] Льяловская коллекция хранится в Эрмитаже (Отд. ист. первобытной культуры, № 309), остальные коллекции хранятся в Московском областном краеведческом музее (г. Истра).

[9] Л. В. Кольцов. Новая мезолитическая стоянка в бассейне р. Клязьмы. СА, 1970, 1.

[10] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка, СА, 1968, 2.

[11] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

[12] Ю. Н. Урбан. Исследование неолитических памятников Калининской области. А.О.— 1970. М., 1971, стр. 38—39.

Давыдковскую стоянку следует относить к самому началу неолита. Значительная площадь стоянки, расположение ее на берегу озера, обилие рубящих орудий, даже со шлифовкой, малое количество стрел говорят о неолитической форме хозяйства — рыболовстве. В кремневом инвентаре органически сочетаются признаки конца мезолита и начала неолита, отсутствует двусторонняя ретушь стрел, нет копий, очень мало керамики. Вероятная абсолютная дата — начало IV тысячелетия до н. э. Этническая принадлежность давыдковцев определяется близостью их кремневой индустрии к неолитическим культурам ямочно-гребенчатой керамики, особенно льяловской и рязанской.

V. V. Sidorov

CAMPEMENT DAVYDKOVSKAÏA SUR LE COURS D'EAU IAKHROMA

Résumé

Le campement Davydkovskaïa est situé au bord du lac postglacier au sud de la dépression dans le cours supérieur de Volga; il ne contient qu'une seule couche et se rapporte au début du IV millénaire avant notre ère — époque de transition entre le Mésolithique et le Néolithique. Parmi les trouvailles on peut noter de grossiers burins cunéiformes, des nucléus qui sont usés à l'extrême point sauf ceux qui faisaient partie du «trésor». Les burins faits de tranches aux lames minces sont peu nombreux. Des grattoirs sont courts, souvent multilatéraux ou aux lames coupantes et à ciseaux. Il y a des aisseaux un peu polis. Parmi les silex propres à l'usage (outils, tranches, éclats) 36% sont les tranches en forme de couteaux. Les flèches et les perçoirs sont peu expressifs. Ce complexe se rapproche aux campements de Mordovskaïa 1, Iandachevskaïa, Sarbinka 1.

А. Л. НИКИТИН

МОГИЛЬНИК ДИКАРИХА НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ
(раскопки 1961 и 1964 гг.)

Памятник под названием «Дикариха» уже известен в археологической литературе как по первой публикации [1], так и по многочисленным ссылкам на его материалы. Эта статья завершает публикацию находок. В основном здесь разбирается коллекция из раскопок 1961 г. [2], так как раскопки 1964 г. [3] дали слишком незначительный материал. К настоящему времени на Дикарихе вскрыто 1010 $м^2$ (544 $м^2$ в 1959—1960 гг., 334 $м^2$ в 1961 г. и 132 $м^2$ в 1964 г.), что, по-видимому, полностью исчерпывает площадь могильника, в то время, как слои с культурными остатками простираются гораздо шире.

Топография, геоморфология и стратиграфия этого интересного памятника была довольно подробно рассмотрена в первой публикации. Однако к ним придется вернуться, так как и в самой статье и особенно в интерпретации материала другими авторами есть много неточностей и фактических искажений [4].

Памятник расположен на северо-восточном берегу Плещеева озера под дер. Криушкино. Он занимает всхолмление второй надпойменной террасы озера в том месте, где она перекрыта конусом выноса из оврага Дикариха. По многочисленным разрезам, изученным на памятнике, можно утверждать, что при образовании культурного слоя здесь был уничтожен лес, разрушена почва и на короткое время возросла активность эолового транспорта. Рост культурных накоплений происходил за счет приносимых ветром песчано-глинистых частиц. Этот кратковременный период аккумуляции предохранил памятник от разрушений во время последующих денудационных процессов, связанных, по-видимому, с общим увлажнением климата, увеличением количества осадков и разрушением конуса выноса в его центральной части. Последнее хорошо заметно по широкой и глубокой складке, делящей конус выноса на две части — юго-восточную и северо-западную.

[1] А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 110, 1963.

[2] А. Л. Никитин. Отчет о работах 1961 г. на поселении и могильнике Дикариха. Архив ИА АН СССР. Р-1-2335. Раскопки производились совместно с А. М. Микляевым. Коллекция хранится в ОИПК Гос. Эрмитажа.

[3] А. Л. Никитин. Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 г., Архив ИА АН СССР. Р-1-4178. Коллекция хранится в ГИМ.

[4] Например, Т. Б. Попова, ссылаясь на мои раскопки, указывает, что на Дикарихе найдено «серебряное височное кольцо унетицкого типа» (Т. Б. Попова. Племена поздняковской культуры. Сб. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы». Тр. ГИМ, 44, М., 1970, стр. 156). Сомневаюсь в унетицком происхождении и ручаюсь, что найденное на Дикарихе единственное височное кольцо, которое можно видеть на рис. 9, *1* предыдущей публикации (МИА, № 110),— бронзовое. Точно так же следует отметить, что ни один сосуд «из погребений» не «приближается к шарообразным формам» (Т. Б. Попова. Племена..., стр. 174). Наконец, ничего общего с действительностью не имеет утверждение, что «во многих (могилах.— *А. Н.*) — следы от костяков» (там же, стр. 215), и т. д.

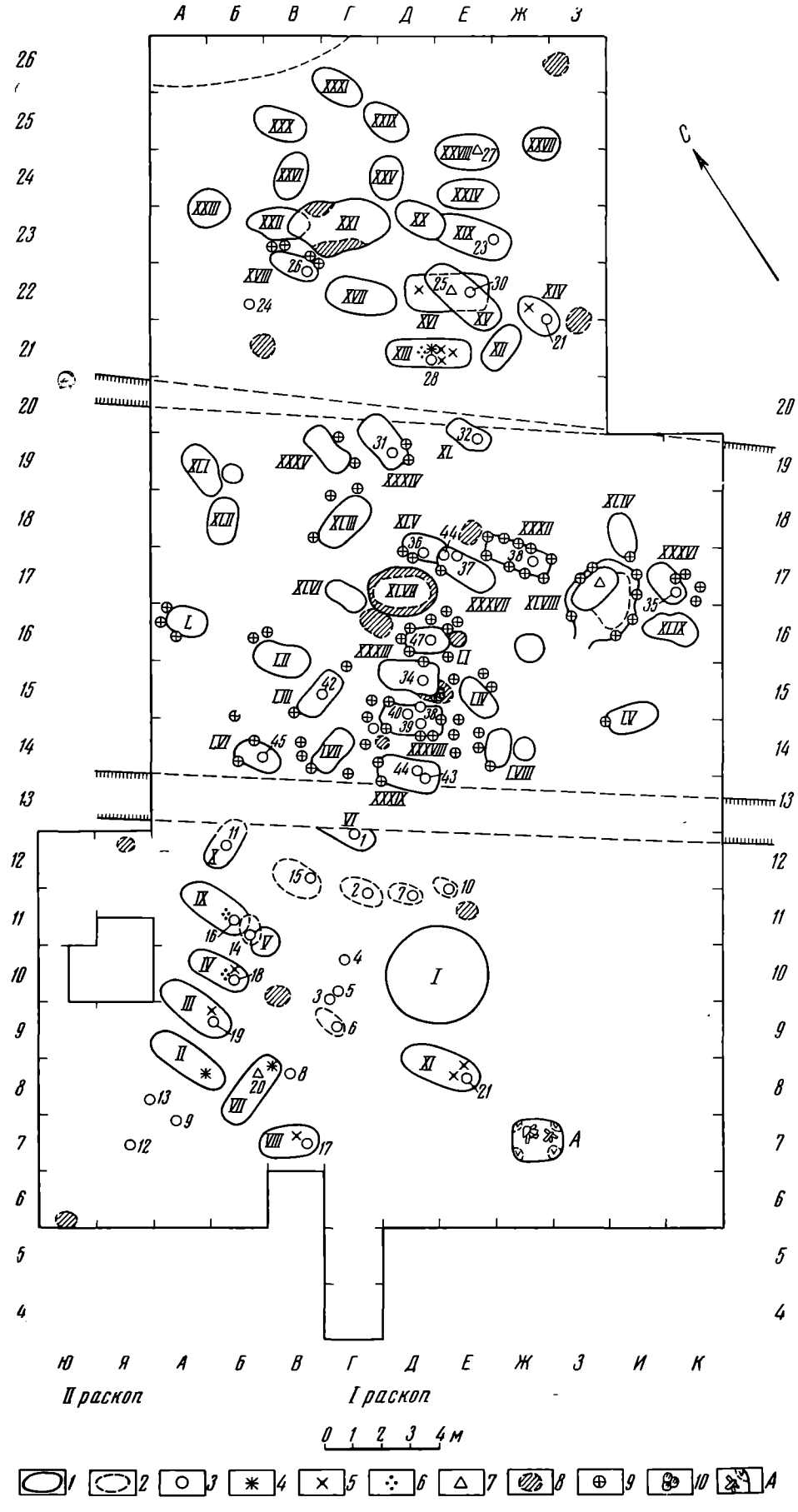


Рис. 1. Дикариха. Сводный план раскопок могильника в 1959—1961 гг.

1 — ямы, прослеженные в материке; *2* — ямы, отмеченные в слое; *3* — сосуды; *4* — бронзовые предметы; *5* — кремневые орудия; *6* — остатки человеческих зубов; *7* — сосуды в развале; *8* — кострища и уголь; *9* — ямы от столбов; *10* — очаг на кв. 15/Д-Е; *А* — захоронение частей теленка на кв. 7/Ж-З

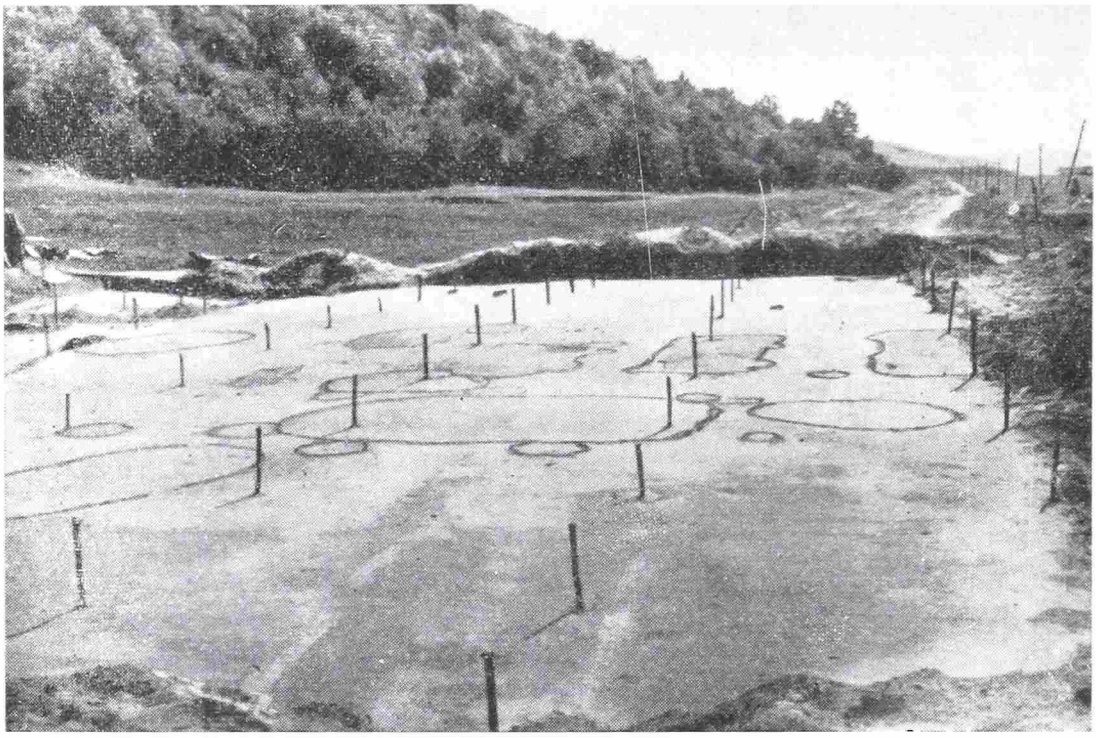


Рис. 2. Вид с северо-запада на пятна ям в третьем горизонте

Именно на северо-западной части оказалась наибольшая толща культурного слоя, был открыт могильник, и здесь же были сконцентрированы раскопки всех четырех сезонов. Попытки выйти на юго-восточную часть подтвердили уже известную стратиграфию и геоморфологию памятника, но дали ничтожный вещественный материал [5].

Сейчас, после нескольких лет раскопок, можно с большей уверенностью, чем раньше, говорить о содержании этого сложного комплекса, объединяющего культурный слой с находками и неглубокие ямы могильника. Следует подчеркнуть, что употребленный в первой публикации термин «поселение» (благодаря чему некоторые исследователи, не знакомые с памятником и его материалами, стали противопоставлять его «могильнику») относился исключительно к культурному слою и вызван лишь удобством рассмотрения материала. Таким образом, под термином «поселение» подразумевается слой с культурными остатками, а под «могильником» — собственно погребальные ямы, прослеженные как в этом слое, так и ниже его, в материке. И хотя о поселении (фатьяновском), действительно существовавшем на этом месте, мне придется в дальнейшем говорить, все вместе — и слой и ямы — представляет единый историко-культурный комплекс, разделенный на две части лишь для удобства изложения.

Центральным в раскопках 1961 г. явился участок, расположенный между раскопами 1959 и 1960 гг. на проезжей части грунтовой дороги (рис. 1). Темно-серый, слегка гумусированный песок с большим количеством пылевидных частиц достигал здесь мощности 0,35—0,4 *м*. В его толще были заключены тонкие линзы кострищ, обломки глиняных сосудов, угли, отщепы, кремневые орудия, зольные пятна, а также неглубокие погребальные ямы с находками.

Нижняя граница слоя с культурными остатками обычно прослеживается легко ввиду четкости контраста гумусированного песка со светло-желтым песком материка. Особенно важны для стратиграфии тонкие, всегда хорошо заметные слои ортзандов, проходящие на глубине 0,8—1,0 *м*

[5] А. Л. Никитин. Отчет... за 1964 г. в Архиве ИА АН СССР.

от современной поверхности. Формирование их произошло задолго до появления здесь могильника, и каждое нарушение такого слоя указывает на присутствие ямы, на след от столба или дерева.

Слой, соответствующий первому горизонту предыдущих раскопок в раскопе 1961 г. практически отсутствовал. Второй горизонт (0,10—0,20 *м*) оказался значительно беднее находками, чем на соседних участках. Наибольшие скопления предметов отмечены на квадратах

Рис. 3. Сосуды из ям

Номера рисунков соответствуют номерам в тексте и на плане

15—17/А — Ж. На кв. 19/Д найден развал сосуда № 31, на кв. 19/Ж и 17/Е — пятна кострищ. На кв. 17—18/Е — Ж вскрыто пятно ямы № 32 с сосудом № 33; на кв. 15/Д — яма № 33 с сосудом № 34.

На поверхности третьего горизонта (0,2 *м*) после зачистки проступило большое количество темных пятен (рис. 2). Часть их впоследствии оказалась пятнами погребальных ям, другие — скоплениями гумуса во впадинах. Так были открыты ямы № 32, 33, 34 с сосудом № 31, яма 35, 36 с сосудом № 35, ямы 37, 38, 39, 44 и 48.

Массовый материал, найденный в толще третьего горизонта, в основном был сосредоточен на тех же квадратах, что и во втором горизонте, но в значительно меньшем количестве. Следы кострищ открыты на кв. 19/Е — Ж, 18/Е и 15/Г — Д. На кв. 13—20/З — К в третьем горизонте культурный слой кончился, и проступил материк.

Четвертый горизонт (0,3—0,4 *м*) полностью исчерпал культурный слой раскопа. При зачистке его поверхности на фоне светло-желтого песка проступили пятна погребальных ям. На месте кострища на кв. 16/Г — Д осталась мощная линза прокаленного песка, свидетельствующая о большом и продолжительном огне. Под ямой № 33 на кв. 15/Д — Е обнаружен очаг из крупных булыжников с углем и золой. Среди камней очага лежал боковой скребок на отщепе темно-красного валунного кремня и фрагмент фатьяновского сосуда.

Массовый материал культурного слоя из раскопок последних лет не отличается от уже опубликованного, дополняя его лишь некоторыми но-

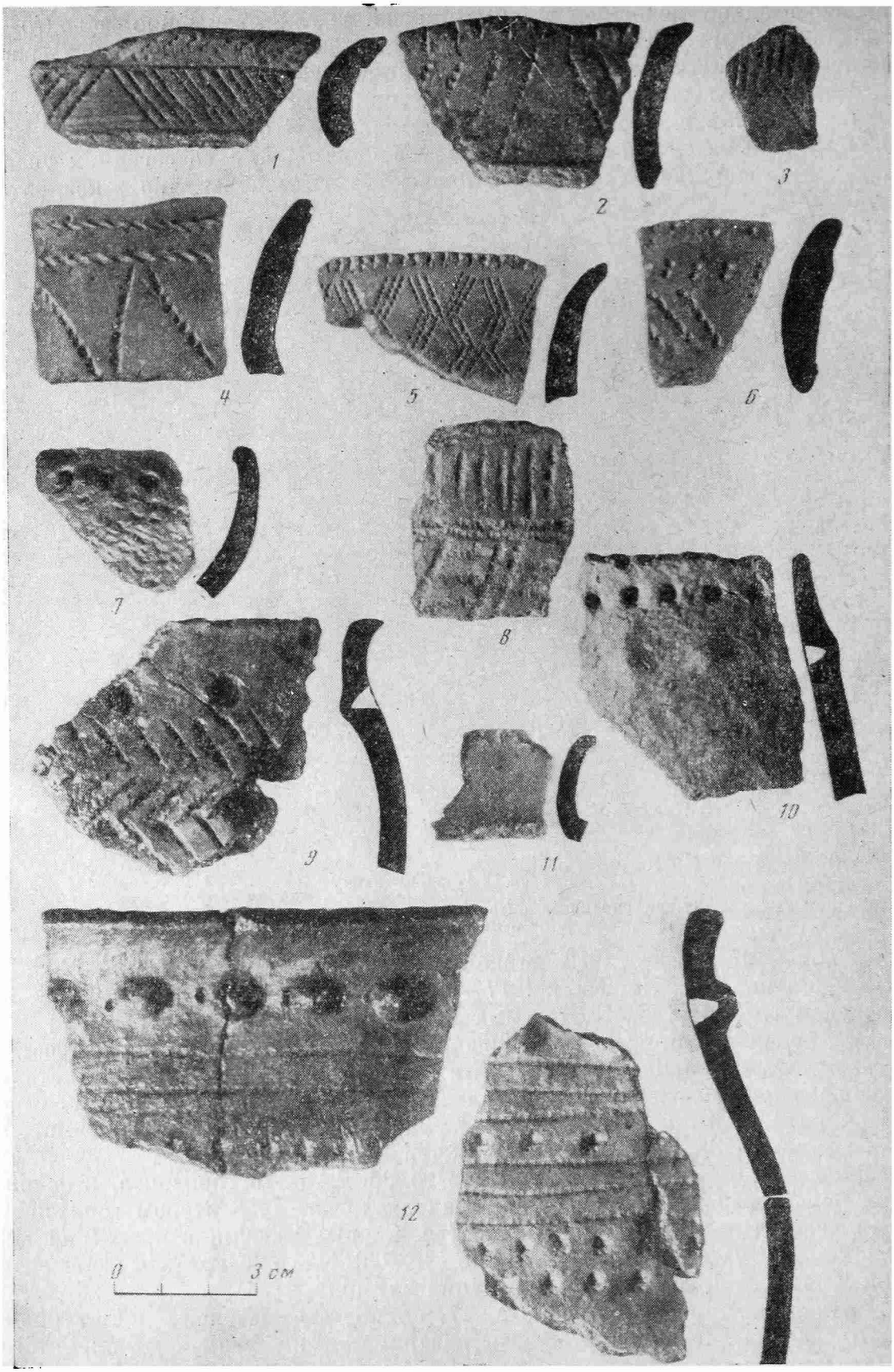


Рис. 4. Фатьяновская и ложнотекстильная керамика из слоя

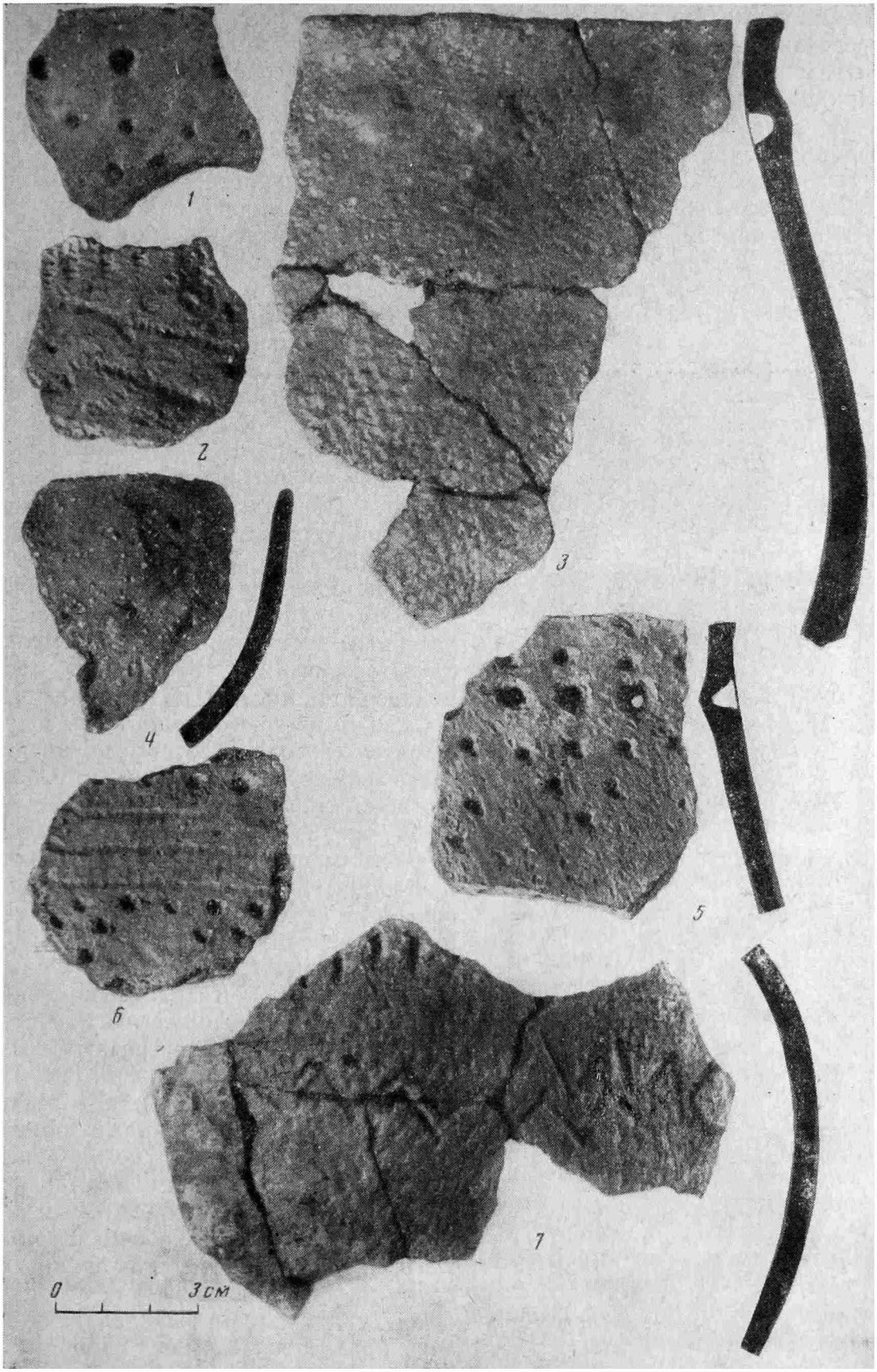


Рис. 5. Керамика ложнотекстильного типа из слоя (*1—6*) и из ямы № 48 (*7*)

выми типами орудий. Как можно судить по керамике, в слое Дикарихи представлены остатки трех разнокультурных комплексов, известных по другим памятникам Переславского района: 1) собственно керамика Дикарихи, для которой определяющим является ложнотекстильный орнамент; 2) фрагменты сосудов фатьяновского (балановского) типа; 3) черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Основной и определяющей керамикой культурного слоя Дикарихи — 92,2% всего количества находок — является комплекс с ложнотекстильным орнаментом, представленный в материале раскопок 1961 г.

Среди керамики этого вида преобладают обломки сосудов среднего размера, имеющие наиболее точные аналогии среди сосудов из погребальных ям (рис. 3). Это горшки с широким горлом, выпуклыми боками с как бы заглаженным ребром и округлым или слегка яйцевидным дном (рис. 4, *9*, *12*; рис. 5, *3*). Наиболее обычны следующие размеры: диаметр горловины —18—40 *см*, высота сосуда —15—30 *см*. Профиль венчика, шейки и плечиков приближается к эсовидному типу. Начиная с выпуклых боков сосуда и ниже вся поверхность сплошь покрыта ложнотекстильным узором, нанесенным отступающим ходом мелкого зубчатого штампа. Этот «фон» иногда поднимается и выше, вплоть до венчика, но, как правило, верхняя часть сосудов остается свободной от него и украшена более определенным рисунком. Обычно это пояс ямок под венчиком (рис. 4, *7*, *9—10*; рис. 5, *1*, *5*), или выпуклин-«жемчужин» (рис. 4, *12*; рис. 5, *3*). Ниже, на шейке и плечиках, иногда спускаясь на бока, свисают треугольники, выполненные неглубокими вдавлениями (рис. 5, *5—6*), вертикальный (рис. 4, *9*) или горизонтальный зигзаг, выполненный оттисками зубчатого штампа или нарезками. Наряду с этим встречаются и более сложные узоры (рис. 4, *8*; рис. 5, *2*).

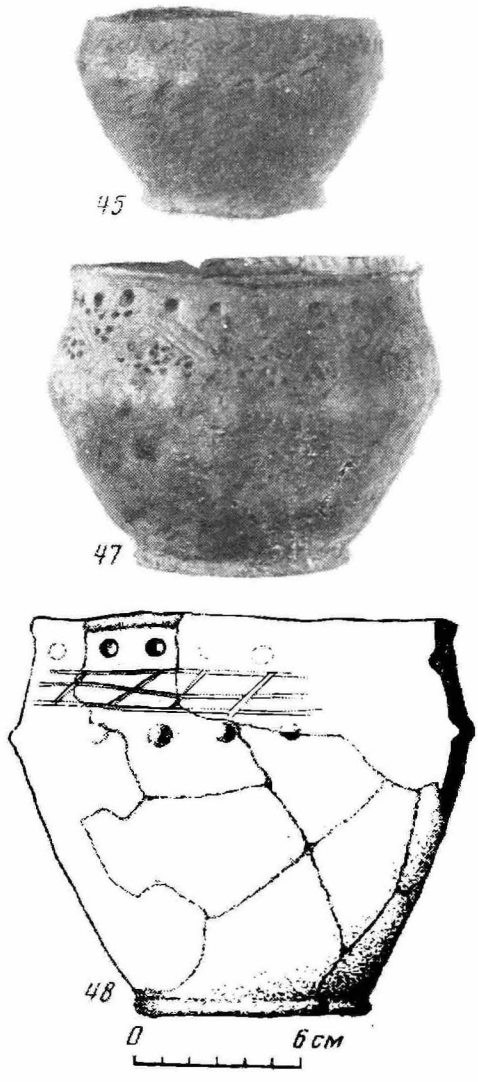


Рис. 6. Сосуды из ям (№ 45 и 47) и из слоя (№ 48)

Номера рисунков соответствуют номерам в тексте и на плане

Насколько характерны и устойчивы формы сосудов этого типа и рисунки, украшающие их, настолько же едина и выдержана техника их изготовления. Эти сосуды создавались путем кольцевого налепа из лент хорошо промятой глины, содержащей песок и крупные зерна дресвы. Впоследствии стенки сосудов уплотнялись выколачиванием и ангобировались. Подобное единство технологии позволило включить в группу ложнотекстильной керамики фрагменты сосудов без орнамента (рис. 5, *4*). Мелкие зерна шамота удалось заметить в глине лишь нескольких черепков. Эти два отощителя глины — дресва и шамот — могут служить определяющими, так как шамот характерен для культур лесостепи и долины Оки в эпоху бронзы, а дресва употреблялась аборигенами Волго-Клязьменского междуречья со времен неолита вплоть до эпохи раннего железа. Таким образом, примесь шамота и сосуд № 48, восстановленный по фрагментам (рис. 6), происходящим

с кв. 14—15/Г — Е во втором и третьем горизонтах, могут служить указанием на связь Дикарихи с поздняковской культурой.

Сосуд № 48—плоскодонный горшок с высоко поднятым ребром и плоским срезом венчика. В плотном тесте черепка большая примесь песка и шамота. Орнамент нанесен только на верхнюю часть сосуда: по срезу венчика — наколы, под венчиком трубчатым инструментом нанесен ряд ямок; по ребру, подчеркивая профилировку,— ряд выпуклин. Между этими двумя рядами по шейке и плечикам сосуда прочерчены три горизонтальные линии, пересеченные короткими косыми. Сосуд ангобирован. Наружная поверхность хорошо заглажена, внутренняя несет следы расчесов зубчатым штампом. Дно плоское, с закраиной. На дне виден отпечаток зерна ячменя. Размеры сосуда: высота 15, диаметр венчика 16, диаметр дна 9 *см*.

Вторым не менее четким комплексом культурного слоя Дикарихи является керамика фатьяновского (балановского) типа (рис. 4, *1—6*). Это фрагменты стенок и венчиков круглодонных сосудов, частично повторяющие уже известные виды орнамента. Наиболее характерен горизонтальный зигзаг, образованный группами косо поставленных оттисков зубчатого штампа. Кроме того, встречается орнамент из ромбов, ромбической сетки (рис. 4, *5*), оттисков веревочки (рис. 4, *4*). Любопытен обломок венчика сосуда — тонкий, темный, хорошо лощеный, на котором нанесен прочерченный двойной зигзаг, заполненный вертикальными оттисками тонкого зубчатого штампа (рис. 4, *3*), аналогичный черепку из раскопок многослойного поселения Польцо [6]. Тесто сосудов плотное, глина хорошо отмучена, количество песка варьирует в различных сосудах. Полностью отсутствуют шамот и дресва. Поверхность залощена порой до блеска.

За все годы раскопок (1959—1964) на Дикарихе найдено 27 мелких обломков одного сосуда, украшенного ямочно-гребенчатым орнаментом (при 4720 ложнотекстильных и 844 фатьяновских). Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что поселение Дикариха «...содержит культурные остатки, главным образом эпохи неолита, и лишь небольшая часть керамики может быть отнесена к поздняковской культуре, которая автором раскопок отнесена к ложнотекстильной» [7].

В отличие от керамики кремневый инвентарь слоя пока не удается полностью расчленить на определенные комплексы. Большинство найденных орудий сделано на пластинчатых отщепах разноцветного валунного кремня. Значительно меньшее количество — из хорошего лилового кремня коренных месторождений.

Нуклеусов на Дикарихе найдено мало. В большинстве это уже сработанные цилиндро-призматические болванки, приближающиеся по размерам и форме к блок-нуклеусу, представленному на рис. 7, *3*. Впервые в 1961 г. здесь найдено подобие карандашевидного нуклеуса (рис. 7, *8*), служившего для получения микропластин, встречавшихся и ранее.

Ножевидные пластины Дикарихи, как правило, невелики по размерам (рис. 7, *1*). Края их приострены или затуплены мелкой ретушью, иногда на них встречаются резцовые сколы. Кроме ножевидных пластин в качестве ножей употреблялись пластинчатые отщепы, иногда довольно крупные. Однако прекрасный сегментовидный нож (серп?), сделанный на массивной пластине лиловато-серого кремня, полностью обработанный со стороны спинки (рис. 7, *20*), с наибольшей вероятностью может быть отнесен к комплексу ложнотекстильной керамики, равно как и скребки подтреугольной формы (рис. 7, *11—12*). Эталоном для последних могут служить скребки из ямы № 13 [8].

---

[6] А. Л. Никитин. Дикариха..., рис. 10.
[7] Т. Б. Попова. Карта памятников поздняковской культуры, стр. 259.
[8] А. Л. Никитин. Дикариха, стр. 214, рис. 6, *27—29*.

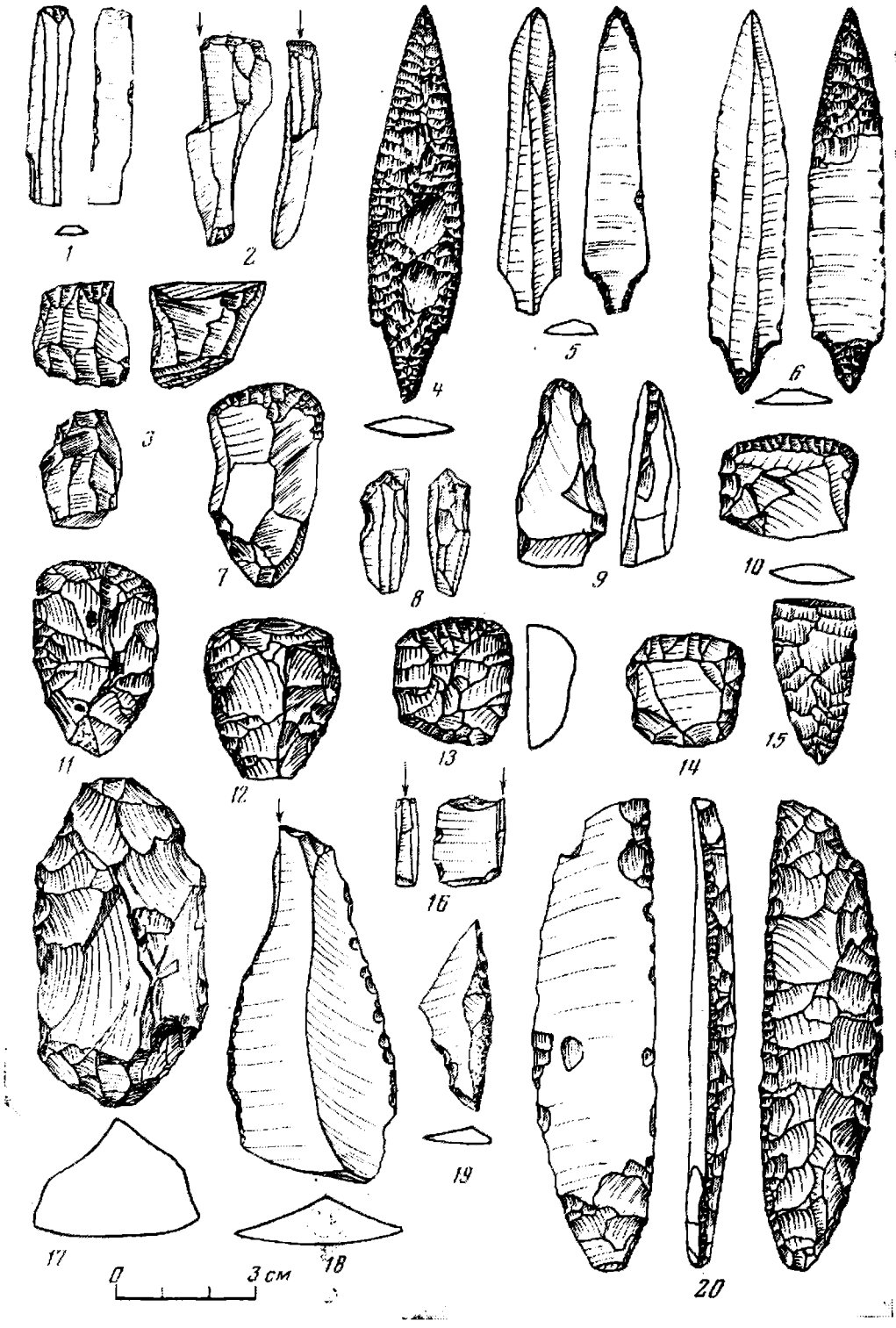


Рис. 7. Кремневые орудия из слоя (*1—12, 14—19*) и погребальных ям (*14* — из ямы № 39)

Сложнее объяснить присутствие так называемых многофасеточных резцов (рис. 7, *2, 16*), представленных и в материале раскопок 1959—1960 гг.[9] и своеобразных орудий, которые лишь с натяжкой можно трактовать как наконечники стрел (рис. 7, *19*). Их архаический облик и совместное залегание с ножевидными микропластинками могут указывать на близость поселения более раннего времени.

[9] Там же, рис. 6, *15, 24—25*. Подобные резцы № 1125—1127 — имеются в коллекции кн. П. А. Путятина из его раскопок в Бологое. Коллекция № 119 хранится в ОИПК Гос. Эрмитажа.

Это подтверждается и находкой большого углового резца на пластинчатом отщепе (рис. 5, *18*) серого патинизированного кремня.

Совершенно исключительный интерес представляют наконечники стрел, обнаруженные в слое. Наряду с двумя обломками обычных иволистных наконечников, один из которых изображен на рис. 7, *15* и похож на ранее найденный целый, во втором и третьем горизонтах на смежных квадратах —14/Е, 16/Е и 15/Г — найдено четыре наконечника, три из которых представлены на рис. 7, *4—6*. В первую очередь внимание привлекает наконечник так называемого сейменского типа — вытянутый, треугольно-черешковый с шипами, сделанный из ножевидной пластины красновато-желтого кремня тщательной отжимной ретушью (рис. 7, *4*). Как по материалу, так и по манере обработки этот наконечник тождествен наконечнику стрелы из Скорняковских курганов [10]. Три других наконечника сделаны из ножевидных пластин прекрасного полупрозрачного лиловатого кремня с частичной подработкой ретушью жала и черешка со стороны брюшка пластины (рис. 7, *5—6*). Если находки в Скорняковских курганах позволяют говорить о южном происхождении (срубные племена?) первого из описанных наконечников, то три других естественно отнести к комплексу ложнотекстильной керамики, так как их полные аналогии имеются в коллекции из раскопок М. Е. Фосс на Галичском озере (стоянка «Умиление») [11].

Наконец, на кв. 16/Г третьего горизонта был найден обломок ручки глиняной лячки. Вместе с находками металлических изделий она указывает на существование вторичной металлообработки на берегах Плещеева озера в это время.

Этим исчерпывается коллекция, происходящая из слоя. Последующее описание относится уже к погребальным комплексам могильника.

Как видно из плана, могильник занимал центральную часть раскопа 1961 г. Общая нумерация ям и сосудов, начатая в первой публикации продолжается в настоящей статье, отсчет глубин и размеров точно так же ведется от поверхности того горизонта, в котором ямы были замечены. В целях сокращения я ограничиваюсь описанием только тех ям, которые содержали сосуды и кремневый инвентарь, т. е. безусловных погребальных комплексов. Что касается остальных, основные сведения о них содержатся как в отчете, так и в прилагаемой таблице.

Яма № 32 подпрямоугольной формы открыта на кв. 17—18/Е — Ж в конце второго горизонта. Размеры ямы: 2,3 × 0,8 × 0,22 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. По краям замечены круглые пятна от столбов (девять столбов) диаметром до 0,3 *м*, конических в сечении. Заполнял яму темный песок с редкими угольками. Профиль ямы корытообразный. В юго-восточной части на расстоянии 0,6 *м* от конца обнаружен сосуд № 33.

Сосуд № 33 — чашевидный, круглодонный полузакрытого типа без орнамента (рис. 8). Высота сосуда — 6,5, диаметр 12, толщина — стенок — 0,3—0,4 *см*. Поверхность ангобирована; в глине дресва. Снаружи и внутри покрыт пятнами нагара.

Яма № 33 открыта на кв. 15/Д во втором горизонте. Пятно ямы неправильной формы, приближается к овальной. Размеры ямы: 1,9 × 1,0 × 0,2 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. Пятно ямы с выступами — следами окаймляющих столбов. Заполнял яму темный песок с угольками, ложнотекстильной керамикой и отщепами кремня. Дно неровное.

---

[10] В. И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда. «Древности», XII, М. 1888. Инвентарь из этих курганов выставлен в залах Гос. исторического музея в Москве.

[11] М. Е. Фосс. Новые памятники района Галической культуры. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 66, рис. 27, *1*; е е ж е, Результаты Галической экспедиции 1946 г., КСИИМК, XX, 1948, стр. 60, рис. 29, *1—2*. Датирует М. Е. Фосс стоянку «Умиление» XII—XI вв. до н. э.

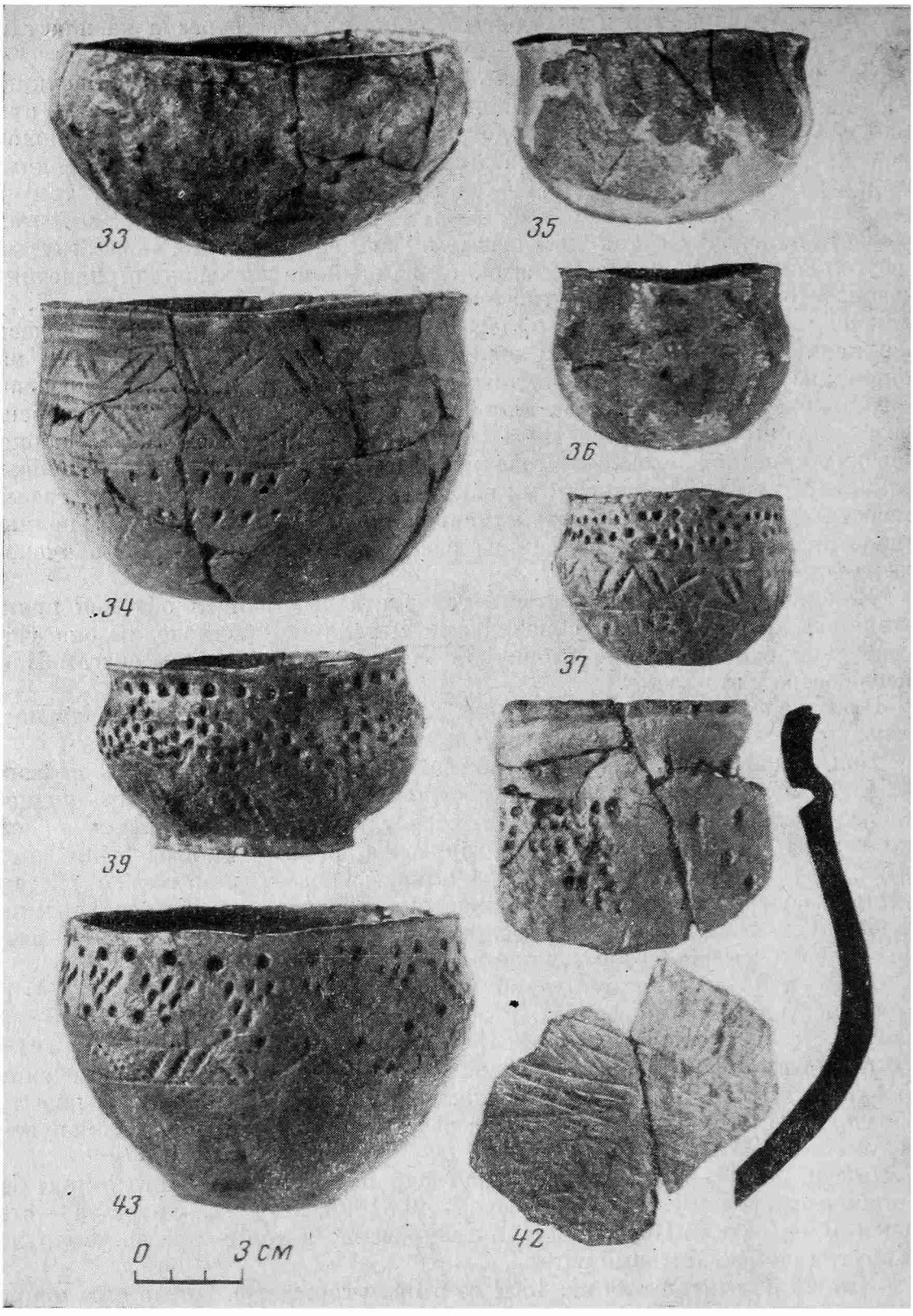


Рис. 8. Сосуды из ям

Номера рисунков соответствуют номерам в тексте и на плане

В юго-восточной части на расстоянии 0,4 *м* от конца обнаружен разбитый и слегка деформированный сосуд № 34.

Сосуд № 34 чашевидной формы с круглым слегка уплощенным дном и профилированным венчиком (рис. 8). В глине дресва и мелкая органика (?); встречены зерна злаков (ячмень). Поверхность покрыта ангобом и тщательно заглажена. На внутренней стороне следы расчесов

зубчатым штампом. Высота сосуда 10, диаметр венчика 13,5, диаметр уплощенной части дна 6,5, толщина стенок 0,4—0,8, толщина дна 1,3 *см*. Орнамент выполнен зубчатым штампом. На внутренней стороне венчика зигзаг из двойных коротких оттисков, на срезе венчика косые насечки. Под венчиком, между тремя горизонтальными полосами оттисков зубчатого штампа, два пояса горизонтального зигзага из наклонно поставленных двойных оттисков. Рисунок нанесен на фон, образованный ложнотекстильным орнаментом.

Яма № 34. Ее пятно неправильной формы, появившееся в третьем горизонте на кв. 19—20/Г—Д, изменило в четвертом горизонте свою форму на прямоугольную с пятнами от двух столбов у юго-восточного угла. Размеры ямы: 2,1 × 1,1 × 0,37 *м*. Вытянута почти точно с севера на юг с небольшим отклонением к юго-востоку. Дно в центре резко понижается. Заполнял яму темный песок с углем. В южной части на расстоянии 0,4 *м* от конца над дном найден разбитый сосуд № 31.

Сосуд № 31 крупный, горшковидной формы с выпуклыми боками и, видимо, округлым дном (рис. 3). Диаметр венчика 24 *см*, высота сосуда около 16—17 *см*. В глине примесь крупной дресвы, как и у других сосудов этого типа. Толщина стенок до 0,8 *см*. Поверхность ангобирована и заглажена, внутри видны отпечатки зерен злаков (ячмень, пшеница). Снаружи сплошь покрыт ложнотекстильным орнаментом. На его фоне под венчиком идет ряд ямок (отпечатки перекрученного шнура); ниже, по шейке и плечикам, два ряда ямчатых вдавлений.

Яма № 36 прямоугольной формы открыта в третьем горизонте на кв. 17/И—К. Размеры ямы: 1,7 × 0,8 × 0,1 *м*. Вытянута почти точно с севера на юг с незначительным отклонением оси к юго-востоку. Заполнял темный песок с редкими угольками. В середине восточного края ямы сохранилось пятно — след столба: диаметр 0,15, глубина 0,3 *м* конический в сечении. В южной части ямы на расстоянии 0,3 *м* от конца найден сосуд № 35.

Сосуд № 35 небольшой, чашевидной формы с эсовидным профилем, без орнамента (рис. 8). Сохранился плохо. Сделан небрежно, в глине песок и дресва. Высота сосуда 5,5, диаметр 8, толщина стенок до 0,4 *см*. Снаружи видны следы инструмента с острым концом.

Яма № 37 прямоугольной формы (с округлыми углами — следы столбов?) открыта на кв. 17/Е. Размеры ямы: 2,1 × 0,9 × 0,2 *м*. Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Дно корытообразное. Заполнял яму темно-серый песок с угольками. В северой части ямы найдены сосуды № 37 и 44.

Сосуд № 37 небольшой, хорошей сохранности, со слабо выраженной ребристостью и уплощенным дном (рис. 8). Высота сосуда 5,5, диаметр 6,5, уплощенная часть дна 3 *см*. В глине примесь мелкой дресвы со слюдой, поверхность ангобирована. Сосуд хорошо обожжен. Толщина стенок до 0,4 *см*. По срезу венчика идут наколы. Два ряда аналогичных вдавлений расположены на шейке, под венчиком. Ниже, на боках, нанесен орнаментальный пояс из зигзага, заключенного между двумя прочерченными горизонтальными линиями. С одного бока свисает бахрома из вертикальных полосок (отпечатки обратной стороны зубчатого штампа?).

Сосуд № 44 небольшой, чашевидный, без орнамента (рис. 9). В глине много дресвы, отчего поверхность бугристая. Дно уплощено. Высота сосуда 3,5, диаметр 5,5, диаметр дна 2,5, толщина стенок 0,2—0,3 *см*. Сосуд ангобирован и хорошо обожжен.

Следует отметить, что, поскольку пятно ямы № 37 прослеживалось плохо и границы видны были нечетко, указанные сосуды могли принадлежать соседней яме (яма № 45) или лежащей выше, не замеченной при раскопах.

Яма № 38 прямоугольной формы, с пятнами от столбов по периметру открыта на кв. 14—15/Д—Е третьего горизонта. Размеры ямы: 2,1 ×

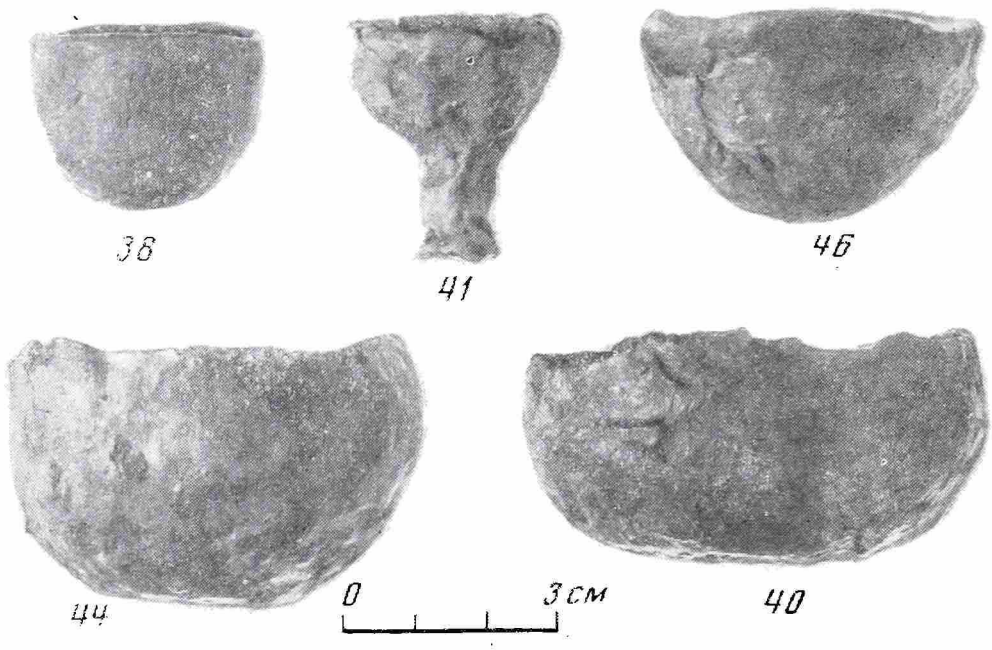


Рис. 9. Сосуды из ям

Номера рисунков соответствуют номерам в тексте и на плане

× 1,0 × 0,23 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. Границы четкие. Заполнял яму темно-серый песок с углем, кремневыми отщепами, фатьяновской и ложнотекстильной керамикой. Пятна столбов диаметром от 0,2 до 0,3 *м*, конические в разрезе, достигают глубины 0,35 *м*. В центральной части ямы найдены сосуды № 38—40.

Сосуд № 38 маленький, наперстковидный, без орнамента, с круглым дном (рис. 9) — найден в засыпке на склоне северо-восточной стенки ямы. Высота сосуда 2,5, диаметр 3,0 *см*. Сделан из хорошо отмученной глины без примесей, покрыт слоем ангоба и хорошо обожжен. На поверхности видны отпечатки пальцев.

Сосуд № 39 небольшой, хорошо сохранившийся, горшковидной формы, со слабой ребристостью и донным налепом с закраиной (рис. 8). Высота сосуда 6,0, диаметр венчика 9,5, диаметр дна 6,0, толщина стенок 0,3—0,5 *см*. В глине много дресвы, поверхность ангобирована. Украшен сосуд треугольными ямками по шейке. На выпуклых боках нанесена полоса двойного зигзага, образованного более мелкими ямками. Поверхность до поддона (ниже зигзага) покрыта слабым ложнотекстильным орнаментом. Дно слегка вогнутое.

Сосуд № 40, как и сосуд № 39, найден на дне ямы. Сосуд был разбит в древности, сохранилась только нижняя часть, которая и была поставлена в яму (рис. 9). Высота оставшейся части 3, диаметр 6 *см*. Сосуд округлый с уплощенным дном. В глине много дресвы, поверхность ангобирована, но глина плохо промешана. Судя по сохранившейся части, этот сосуд повторял форму сосуда № 35 или 36. В таком случае его высота достигала 4 *см*, а диаметр венчика 5,0—5,5, *см*. Толщина стенок от 0,3 до 0,9 *см* (у дна). Орнамента нет.

Яма № 39 прямоугольной формы открыта в третьем горизонте на кв. 13—14/Д—Е. Размеры ямы: 2,1 × 0,9 × 0,2 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. У северо-западного конца ямы по ее оси находилось пятно от столба (диаметр 0,3 *м*), в сечении конусовидное, достигает глубины 0,3 *м*. В заполнении ямы встречены скопления угля, керамика, отщепы. Дно ямы неровное. В юго-восточном конце ямы на дне находилась коническая ямка диаметром до 0,2, глубиной 0,3 *м*. Не исключено,

что это след от корня сосны. На расстоянии 0,5 *м* от юго-восточного конца на дне ямы найдено два сосуда — № 43 и 46. Рядом с ними лежал скребок подчетырехугольной формы на отщепе грязно-лилового кремня (рис. 7, *14*). Рабочий край скребка сильно сработан.

Сосуд № 43 горшковидной формы, со слабым ребром, плоскодонный (рис. 8). Высота сосуда 9,0, диаметр по венчику 12, диаметр дна 6, толщина стенок от 0,3 до 0,5 *см*. В глине песок и дресва. Выделан тщательно, поверхность заглажена и ангобирована. Внутри заметны отпечатки зерен злаков. Сосуд орнаментирован по ребру и под венчиком двумя рядами круглых ямок, между которыми расположена полоса треугольников, нанесенных концом щепки (?) (под углом к поверхности). Под ребром пояс горизонтального зигзага из двойных косо поставленных оттисков зубчатого штампа, заключенных между двумя горизонтальными линиями, нанесенными этим же штампом. Ложнотекстильный «фон» покрывает всю поверхность сосуда.

Сосуд № 46 маленький, круглодонный, небрежной работы, без орнамента (рис. 9). Высота сосуда 3,0, диаметр 3,4—5,0 *см*. В глине примесь дресвы. Поверхность заглажена.

С северо-западной стороны между ямами № 38 и 39 находилась небольшая полушарная ямка диаметром до 0,5 *м* с остатками кострища (заполнена углем и золой). Рядом с ней на кв. 14/Г найден сосуд № 41.

Сосуд № 41 представляет собой асимметричную рюмку грубой лепки с пятигранной ножкой на поддоне (рис. 9). Орнамента нет. В глине дресва и шамот (охра?). Высота с поддоном 3,5, диаметр по верхнему краю 3,0 *см*.

С юго-восточной и северо-западной сторон ям № 33, 38 и 39 прослежены два ряда столбов, по-видимому, общей ограды.

Яма № 40 прямоугольной формы открыта на кв. 19—20/Е четвертого горизонта. Размеры ямы: 1,5 × 0,8 × 0,16 *м*. Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Заполнял яму темный песок с редкими угольками. Дно ровное, корытообразное. На расстоянии 0,4 *м* от юго-восточного конца найден развал сосуда № 32.

Сосуд № 32 горшковидный, крупный, по-видимому, круглодонный (рис. 3). Высота предположительно 15—17, диаметр 22 *см*. Внутри толстый слой нагара. В глине дресва. На ложнотекстильном «фоне» на плечиках два ряда ямчатых вдавлений. Под венчиком ряд глубоких ямок, нанесенных перевитым шнуром. Срез венчика покрыт ложнотекстильным орнаментом.

Яма № 45 прямоугольной формы открыта на кв. 17—18/Д — Е четвертого горизонта. Пятно плохо прослеживалось. Размеры ямы: 1,3 × 0,7 × × 0,05 *м*. Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Заполнение ямы чуть темнее материка. Сосуд № 36 найден у западной стенки.

Сосуд № 36 без орнамента, плохо сохранился (рис. 8). Высота сосуда 5,5, диаметр 6,5 *см*. В глине много мелкой дресвы. Черепок расслаивается. Поверхность ангобирована [12].

Яма № 47 вытянуто-овальной формы, открыта на кв. 16—17/Г — Д четвертого горизонта. Размеры ямы: 2,4 × 1,6 × 0,5 *м*. Вытянута с западо-северо-запада на восток-юго-восток. Дно ямы неровное. Характерной особенностью этой ямы является слой угля с песком, выстилающий всю яму по стенкам, на которых, однако, нет следов огня. Углистый слой достигает на дне ямы толщины 0,18 *м* и четко очерчивает ее контур. Сверху в середине он перекрыт песком культурного слоя. В засыпке ямы, особенно в углистом слое, встречено много черепков ложнотекстильных сосудов и два нуклеуса.

---

[12] Возможно, сосуды № 37 и 44, найденные в пятне ямы № 37, принадлежат яме № 45, особенно сосуд № 37, находившийся на одном уровне с сосудом № 36. Сосуд № 44 находился на несколько сантиметров ниже.

Яма № 48 прямоугольной формы открыта на кв. 16—17/З — И четвертого горизонта. Размеры: 1,8 × 0,98 × 0,4 *м*. Вытянута почти точно с запада на восток с небольшим отклонением к северо-востоку. Дно ямы неровное, со «ступенькой» у северной и северо-восточной стенки. В темном заполнении ямы над наиболее глубокой ее частью находилась углистая линза, в которой встречен фрагмент сосуда с ложнотекстильным орнаментом (рис. 5, 7). Другие части этого сосуда были найдены на этом же квадрате в верхних горизонтах засыпки ямы.

Интереснейшей особенностью этой ямы являются следы оградки (или «домик мертвых»?), прослеженные в виде темной полосы до 0,3 *м* шириной с округлыми пятнами столбов. В разрезах полоса оградки представлялась канавкой глубиной до 0,2 *м* (от поверхности четвертого горизонта), заполненной темным песком. Пятна столбов диаметром 0,4—0,45 *м* дали в сечении конусы, уходящие на глубину до 0,35—0,4 *м*. Судя по темному песку и разрыву канавки, вход в ограду находился с юго-западной стороны под некоторым углом к оси погребальной ямы.

Яма № 51 — вытянуто-овальной формы, с пятнами от сгоревших столбов по периметру. Открыта на кв. 16/Д—Е четвертого горизонта. Размеры ямы: 1,5 × 1,0 × 0,3 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. Дно понижается в юго-восточной части. В заполнении скопления угля, фатьяновские черепки и ложнотекстильная керамика. На расстоянии 0,6 *м* от юго-восточного конца ямы по центральной оси в наиболее глубокой части найден сосуд № 47. Под сосудом находилась углистая линза.

Сосуд № 47 крупный, горшковидный, прекрасно сохранившийся (рис. 6). Высота сосуда 11,5, диаметр 13,5, диаметр плоского дна 8,5 *см*. Дно плоское, с закраиной. Хорошо выражено ребро на боках. В глине песок и дресва. Внутри слой нагара. Наружная поверхность тщательно заглажена и ангобирована. По срезу венчика и на его внутренней стороне расположена «елочка» из нарезок. Под венчиком ряд круглых глубоких ямок. Ребро подчеркнуто рядом выпуклин, нанесенных изнутри. На плечиках расположен основной орнамент — горизонтальный зигзаг из тройных полос. Свободное поле треугольников заполнено наколотыми ямками. Остальная поверхность свободна от украшения.

Пятна от столбов, окаймляющие яму, при разборке оказались конусовидной формы — диаметр до 0,2, глубина до 0,25—0,3 *м*. Заполнены темным песком с углями.

По оси ямы с юго-востока к ней примыкала круглая ямка диаметром 0,5 *м*, заполненная углем. Она повторяет форму и размеры ямы с углем, найденной между ямами № 38 и 39 (см. выше), что позволяет рассматривать ее как остатки ритуального кострища.

Яма № 53 прямоугольная со скругленными углами открыта на кв. 15/В—Г четвертого горизонта. Размеры ямы: 1,9 × 0,8 × 0,2 *м*. Вытянута с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Дно ямы корытообразное. В заполнении (над дном) найдено скопление угля и фрагменты сосуда № 42.

Сосуд № 42 — крупный круглодонный — может быть лишь реконструирован (рис. 8). Диаметр по венчику около 20, высота около 14—16 *см*. Ребро намечено слабо. В глине дресва. Поверхность затерта и слабо ангобирована. Обжиг хороший. По срезу венчика наколы. С внешней стороны венчика ряд выпуклин (внутри видны отпечатки перекрученного шнура), ниже треугольники из ямчатых вдавлений, нанесенных тем же шнуром. Остальная поверхность несет следы ложнотекстильного орнамента и штриховки.

Яма № 56 вытянуто-овальная открыта на кв. 14/Б — В четвертого горизонта. Размеры ямы: 1,6 × 0,85 × 0,23 *м*. Вытянута с северо-запада на юго-восток. У северо-восточного края ямы находилось пятно от столба — диаметр до 0,2 *м*. Дно ямы неровное. В наиболее глубоком месте, почти по центру, находилась углистая линза. В заполнении ямы — угли, ложно-

текстильная керамика, отщепы. На расстоянии 0,6 *м* от юго-восточного конца ямы над дном на углистой линзе найден сосуд № 45. Рядом с сосудом лежал кремневый резец.

Сосуд № 45 полузакрытого типа с плоским дном и закраинами (рис. 6). В глине песок и дресва. Обжиг хороший. Высота сосуда 7, диаметр 10,5, диаметр дна 7 *см*. Ряд выпуклин подчеркивает ребро. Выше, между ребром и венчиком, пояс косых нарезок. Остальная поверхность до дна заполнена ложнотекстильным узором, нанесенным по спирали.

Данные об остальных ямах приведены в таблице. Следует отметить, что возле большинства из них выявлены следы столбов, относящихся, по-видимому, к надмогильным сооружениям, а в засыпке обязательно присутствует уголь. Кроме них на территории могильника встречены круглые полусферические ямы диаметром около 0,7—0,8 *м* — № 41-а, 54-а и 58-а, содержавшие в заполнении уголь и фрагменты сосудов. Глубина их от поверхности четвертого горизонта — до 0,3 *м*. Следы кострищ на дне заставляют предположить, что они имели ритуальный характер.

Завершение публикации материала Дикарихи требует подведения некоторых итогов исследования. Дикариха в первую очередь могильник. Сосуды и кремневые орудия из ям дают тот эталон, по которому можно выделить в коллекции комплекс культуры ложнотекстильной керамики (ранний этап). Образование слоя с культурными остатками на могильнике связано, как можно судить по находкам, не с обитанием людей, а с погребальным обрядом, вероятно, с тризнами. Отсюда множество мелких, кратковременных кострищ, сравнительно небольшое число разбитых и разбросанных сосудов, малая насыщенность слоя предметами, наконец, полное отсутствие каких-либо следов жилищ.

Мне кажется, вопрос «о неолитическом поселении» достаточно выяснен был выше, чтобы к нему не возвращаться. Сложнее обстоит дело с керамикой фатьяновского (балановского) типа. Хотя обломки фатьяновских сосудов найдены уже на многих памятниках Переславского района, только на Дикарихе можно с достоверностью говорить о кратковременном фатьяновском поселении. 884 черепка, собранных в раскопах, позволяют определить около 70 сосудов, ни один из которых не мог быть реставрирован. Наличие орнамента, характерного для ярославской группы фатьяновских могильников [13], кажется здесь естественным; однако основное число сосудов указывает на другой вариант «культуры боевых топоров» — балановский, причем в позднем его периоде. Это заставляет вспомнить аналогичные находки в окрестностях Плещеева озера, а также предположение О. Н. Бадера о продвижении балановских племен в XIV—XII вв. до н. э. в район Верхней Волги по долинам рек Клязьмы и Нерль [14]. С достоверностью к «фатьяновскому» периоду Дикарихи сейчас можно отнести только очаг на кв. 15/Д—Е под ямой № 33. Такое сопоставление даты и стратиграфии позволяет на первый взгляд утверждать, что могильник возник значительно позже появления здесь фатьяновцев. Однако это не совсем так.

В предыдущей публикации я предложил строить относительную хронологию «погребений» на основании присутствия в нижнем горизонте заполнения ям керамики того или иного типа [15]. По этому признаку все ямы можно разделить на три категории. В первой полностью отсутствуют какие-либо черепки; во второй имеются лишь фатьяновские; в третьей — и фатьяновские, и с ложнотекстильным орнаментом. Поскольку трудно предположить, что фатьяновцы могли поселиться на действующем кладбище иного народа, присутствие фатьяновской керамики может быть

[13] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ В1-20. М. 1964. Фатьяновская керамика в Переславском районе найдена на стоянках Польцо, Векса III, Сомино II, Вашутинская и др.

[14] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 318, 276.

[15] А. Л. Никитин. Дикариха..., стр. 223.

Сводная таблица погребений могильника Дикариха *

№ п/п	№ ямы или квадрата	Ориентировка	Форма ямы	Размеры ямы, м	Глубина, м	Погребальный комплекс					Керамика в заполнении	
						остатки зубов	следы сооружения	№ найденного сосуда	бронзовые предметы	кремневые изделия	фатьяновская	ложнотекстильная
39	32	ЮВ	Прямоуг.	2,30×0,80	0,32	?	+	33	—	—	—	—
40	33	ЮВ	»	1,90×1,00	0,30	?	+	34	—	—	—	+
41	34	Ю	»	2,10×1,10	0,67	?	+	31	—	—	—	—
42	35	Ю	»	1,80×0,80	0,47	?	+	—	—	—	—	+
43	36	Ю	»	1,70×0,80	0,30	?	?	35	—	—	—	—
44	37	ЮЮВ	»	2,10×0,90	0,40	?	+	37 и 44	—	—	—	—
45	38	ЮВ	»	2,10×1,00	0,43	?	+	38, 39, 40	—	—	+	+
46	39	ЮВ	»	2,10×0,90	0,40	?	?	43 и 46	—	Скребок	+	+
47	40	ЮЮВ	»	1,50×0,80	0,46	?	?	32	—	—	—	—
48	41	Ю	Овальная	1,80×1,00	0,70	?	?	—	—	Ретушер	—	+
49	42	ЮЗ	»	1,70×1,10	0,66	?	?	—	—	—	+	+
50	43	ЮЗЗ	»	2,10×1,10	0,60	?	?	—	—	—	—	+
51	44	ЮЮЗ	»	1,50×0,90	0,50	?	?	—	—	—	—	—
52	45	ЮЮВ	Прямоугольная	1,30×0,70	0,35	?	?	36	—	—	—	—
53	46	ЮЮВ	Овальная	1,50×0,90	0,60	?	?	—	—	—	—	+
54	47	ВЮВ	»	2,40×1,60	0,80	?	+	—	—	2 нуклеуса	—	+
55	48	В	Прямоугольная	1,80×0,98	0,70	?	+	—	—	—	—	+
56	50	ЮВ	Овальная	1,40×1,00	0,70	?	?	—	—	Бифас	+	+
57	51	ЮВ	»	1,50×1,00	0,70	?	+	47	—	—	+	+
58	52	ЮВ	»	2,00×1,15	0,48	?	?	—	—	—	—	+
59	53	ЮЗЗ	Прямоугольная	1,90×0,80	0,50	?	?	42	—	—	—	+
60	54	ЮЮЗ	Овальная	1,70×0,95	0,40	?	+	—	—	—	—	—
61	55	ЮВВ	»	1,80×0,90	0,70	?	?	—	—	—	—	—
62	56	ЮВ	»	1,60×0,85	0,53	?	?	45	—	Резец	—	+
63	57	ЮЗ	Прямоугольная	1,80×0,86	0,60	?	?	—	—	—	—	+
64	58	ЮЗ	Овальная	1,40×0,80	0,60	?	?	—	—	Отщеп	+	+

* Продолжение табл. III, опубликованной в МИА № 110, стр. 225 (ям № 49 не включена в таблицу, как сомнительная).

объяснено трояко: 1) фатьяновское поселение существовало до возникновения могильника — тогда их керамика должна встречаться во всех ямах, что не соответствует действительности; 2) фатьяновцы поселились здесь после того, как могильник был заброшен,— тогда ни в одной погребальной яме у самого дна нельзя найти черепков от их сосудов — они будут лежать выше; и, наконец, 3) существовал интервал между ранней и поздней группой погребений, во время которого фатьяновцы могли здесь появиться и исчезнуть. Последнему условию лучше всего соответствует предложенная классификация, где допускается, что ямы без керамики могли быть выкопаны до появления фатьяновцев. Такими ямами оказались № 13, 16, 19, 28, 31, 32, 34, 36, 40, 45, 54, 55. К следующей группе относятся ямы № 18, 22, 24—26, 30. Все остальные, естественно, попадают в третью группу. Насколько подобная классификация соответствует действительности, доказывает стратиграфия «погребений», указывающая на первую группу как на самую раннюю: яма № 19 перекрыта ямой № 20, яму № 45 перекрывает яма № 37, а одну из самых древних ям — № 16 — прорезала более поздняя — № 15. Сюда же относится и перекрытие «балановского» очага на кв. 15/Д—Е ямой № 33.

Любопытно, что типология сосудов и орнамента на них не отражает этот хронологический перерыв, доказывая, что отрезок времени, отделяющий первое погребение на Дикарихе от последнего, был слишком незначителен, чтобы произошло изменение в культуре и ее «оформлении».

Общим для могильника является погребальный обряд. Неглубокие овальные или прямоугольные ямы, обязательно окруженные оградкой или с возвышающимся надмогильным сооружением, подобным «домику мертвых», образуют заметные группы на могильнике (рис. 1). Первую компактную группу со сходным инвентарем образуют ямы 2—4, 7—9. Вторая группа объединяет ямы 33, 38—39, чье единство подчеркивается не только формой, размерами ям и ориентировкой, но и наличием следов общей оградки и жертвенного кострища на кв. 14/Д. Можно подозревать даже родственные связи между обеими группами, если орнамент на сосудах хоть в какой-то степени может служить их отражением (сосуд № 34 второй группы, и сосуд № 1 вместе с сосудами первой группы). Три последующих группы образуют: ямы № 47 и 51 с примыкающими к ним ямами 37 и 46; ямы № 36, 44, 48, для которых центральной является яма № 48 с оградкой; наконец, ямы 34—35 и 40. Ямы № 13, 16 и 19, образующие самый ранний комплекс, стоят особняком.

Рассматривая ориентировку ям, мы видим, что их подавляющее большинство (46) имеют устойчивую юго-восточную или юго-юго-восточную направленность с допустимыми отклонениями к востоку или югу. На юго-запад обращены только 12 ям.

По-видимому, огонь играл важную роль в погребальном обряде этих людей. Свидетельством является множество тонких кострищ, встреченных в слое, более крупные и постоянные (?) кострища на кв. 26/Ж—З, 21—22/З, 21/Б—В, 18/Е, 16/Г—Д, 12/Я, 10/В и 11/Е, как бы окаймляющие могильник, а также небольшие ритуальные кострища на кв. 16/Е и 14/Д, связанные с определенными погребальными ямами. Угли и зола обязательно присутствуют в засыпке ям. Часто можно видеть, что слой золы и угля выстилает стенки и дно (яма № 47), или имитирует костер, на который поставлен сосуд (яма № 56). Следы нагрева стенок позволяют думать, что засыпка производилась горящими углями.

Этот «культ огня», столь естественный в эпоху бронзы, когда в обиход уже прочно вошел металл (находки бронзовых предметов и обломка льячки), а основой хозяйства стало животноводство (кости теленка, зубы свиньи) [16] и земледелие (зерна ячменя и пшеницы), снова заставляет

[16] Почвы вокруг могильника в это время, вероятнее всего, были разрушены в результате выпаса стад на приозерных лугах.

вернуться к вопросу о «погребенных». Я считаю, что ямы на могильнике Дикариха являлись вместилищем не тела покойного, а лишь его «души». Вероятнее всего, труп сжигался на стороне и даже пепел кремации не вносился в яму. Это подтверждает отчасти как засыпка ям золой и углями, так и расположение в ямах сосудов и прочих предметов, не оставляющих места для тела.

Не исключена и другая возможность: временное помещение тела в то надмогильное сооружение, которое угадывается по следам от толстых столбов вокруг погребальной ямы. Что происходило с останками впоследствии — можно только гадать, перебирая множество этнографических параллелей к подобному обряду.

Кремневые орудия могильника (например, скребки подтреугольного типа с полностью обработанной спинкой) наиболее близки кремневым орудиям «поздняковской культуры». Резко отличны лишь наконечники стрел типа найденных на стоянке «Умиление». Однако и сосуды Дикарихи только некоторыми своими формами напоминают поздняковские типы. Собственно поздняковскими можно назвать только сосуд № 48 из слоя и менее определенно сосуд № 18 из ямы № 4. Что касается остальных, то по технике изготовления, формам и схемам орнамента в комплексе Дикарихи я вижу наиболее раннее проявление уже сформировавшейся культуры ложнотекстильной керамики, отмечающей в Волго-Клязьменском междуречье и дальше на север финальный этап бронзового века и переход к эпохе раннего железа.

Все сказанное определяет и место, которое должна занимать Дикариха в шкале относительной хронологии. Существование первых «погребений» до появления «балановцев» (ямы 13, 16, 19 и др.) может служить объяснением, почему орнамент, схожий с балановским, появляется именно на поздних, а не на ранних сосудах (ср. сосуды 1, 2, 6, 8, 16—17, 19, 34, 37). К этому времени погребальный обряд стал уже достаточно устойчив, а сходство с абашевским, в том числе с ритуалом абашевских курганов Кухмарского могильника, расположенного в непосредственной близости от Дикарихи [17], предполагает известную зависимость культуры ложнотекстильной керамики от культуры абашевской, уже исчезнувшей к тому времени.

Таким образом, точно установленные факты можно систематизировать в виде следующей схемы событий:

Последовательность	Палеогеография	Археология
1. Могильнику предшествуют:	Распространение широколиственных лесов и образование почв на конусе выноса из оврага	Кухмарские курганы (конец абашевской культуры)
2. Могильнику одновременны	Дубовые рощи (уголь) сухой и теплый климат (эоловый транспорт)	а) появление балановских племен на ошпандинском этапе, б) сооружение Скорняковских курганов срубно-хвалынской культуры, в) поздняковская культура на Оке
3. Могильнику последуют	Похолодание и увеличение осадков (следы денудационных процессов)	Поселения ложнотекстильной керамики предгородищенского типа (начало железного века)

Поскольку ни одно из этих событий не дает возможности уточнить или проверить дату могильника, а радиоуглеродный анализ бессилен вследствие зараженности углей из ям и кострищ современной органикой, наиболее приемлемой датой Дикарихи оказывается конец II — первые века I тысячелетия до н. э.

[17] Д. А. Крайнов. Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР, 88, 1962.

A. L. Nikitine

NÉCROPOLE DE DIKARIKHA SUR LE LAC PLÉCHTCHÉÉVO (FOUILLES DES ANNÉES 1961 ET 1964)

Résumé

L'auteur expose les résultats des fouilles de la nécropole de Dikarikha connue d'après la publication de 1963. Le monument est situé dans le district de Péréiaslavl de la région de Iaroslavl au bord de lac Pléchtchéévo. Le complexe original de cette nécropole aux fosses-cénotaphes et aux nombreuses traces du rite ignifère est un des précoces monuments de la civilisation de la poterie pseudo-textile qui marque l'achèvement de l'âge de Bronze sur le territoire entre les cours de la Volga et de l'Oka et le passage à l'âge de Fer précoce.

La présence sur le territoire de la nécropole des vestiges d'un village fatianovien (balanovien) permet à l'auteur de distinguer deux périodes dans l'existence de la nécropole séparées par un court intervalle. La chronologie proposée des complexes funéraires est confirmée par l'analyse de leur stratigraphie. Le manque des datations radio-carboniques convaincantes contraint l'auteur de se limiter de l'indication de la fin du II millénaire avant notre ère en tant que le temps le plus probable du fonctionnement de la nécropole.

Е. Е. КУЗЬМИНА

НАВЕРШИЕ СО ВСАДНИКАМИ ИЗ ДАГЕСТАНА

В Государственном Эрмитаже в Отделении Средней Азии Отдела Востока под № 13761 хранится бронзовое навершие с изображением двух всадников[1] (рис. 1, *1—4*). Оно куплено у Саида Магомет-оглы в Кубачах в марте 1926 г.[2] Высота навершия 11,4 *см*, стержень — длиной 5,6 *см*, квадратный в сечении (1,1 × 1,1 *см*) — заканчивается прямоугольной площадкой (3,5 × 2,9 *см*^{2}), на которой помещены две фигурки лошадей[3]. Несмотря на их сходство, каждая отлита в особой матрице: у левой лошадки передние и задние ноги не сомкнуты, хвост не то короткий, не то обломан. На голове подчеркнуты стоящая грива и большие уши, глаза и ноздри переданы в виде углубления, на лбу изображена бляха, от которой отходит узда.

Вторая лошадка аналогична первой, но у нее не изображена бляха на лбу и несколько иначе повернута голова.

На каждом животном сидит по всаднику. Фигурки их также отлиты в разных литейных формах и отличаются некоторыми деталями: у левого всадника ноги опущены вниз, подчеркнут половой признак. Правый сидит ближе к холке, наклонившись вперед и упершись короткими ногами. Всадники представлены обнаженными, головы фигурок обломаны. Руки обоих согнуты и держат узду, идущую от налобной бляхи.

Анализ состава металла произведен в лаборатории ЛОИА (№ 250—72) И. В. Богдановой-Березовской, которой приношу свою искреннюю благодарность. Навершие содержит (в %): Cu — 85, Sn — 7, Pb — 7, Zn — 0,05, Bi — 0,01, Sb — 0,1, As — 0,4, Ni — 0,04, Co — 0,01, Fe — 0,5, Mn — 0,02, In — 0,002, Ag, Au, Al — следы. Это свинцово-оловянистая бронза, остальные примеси попали в сплав из исходной полиметаллической руды. Такой состав сплава с большой присадкой свинца и олова очень характерен для металла эпохи поздней бронзы широкой территории Евразии. На Кавказе эпохи ранней и развитой бронзы применялась присадка мышьяка, в эпоху поздней бронзы стали вводить в сплав олово и свинец и начали разрабатывать месторождения с полиметаллическим характером оруденения. Набор микропримесей дагестанского навершия особенно сходен по химической характеристике с кобанскими бронзами[4].

[1] Оп. VII, № 835, кн. 6409.

[2] Хотя в Тбилиси в конце XIX в. было организовано специальное производство подделок бронзовых статуэток (G. B a f s t. Souvenir de deux mission au Caucase, Paris, 1886, стр. 15), вопрос о подделке навершия отпадает, так как первые экземпляры предметов, которым навершие могло бы подражать, стали известны в науке только в 1928 г. и получили хождение у антикваров только после выставки персидского искусства, организованной в Лондоне в 1931 г., т. е. после времени поступления навершия в коллекцию Эрмитажа. Подлинность его доказывается и стилистическими особенностями, и техникой изготовления, и составом сплава.

[3] По заключению проф. В. И. Цалкина, судя по экстерьеру, это высокопородные тонконогие лошади, близкие к тем, которые разводились на Древнем Востоке; В. О. В и т т. Лошадь Древнего Востока. Сб. «Конские породы Средней Азии». М., 1937.

[4] Е. Н. Ч е р н ы х. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 81, рис. 25.

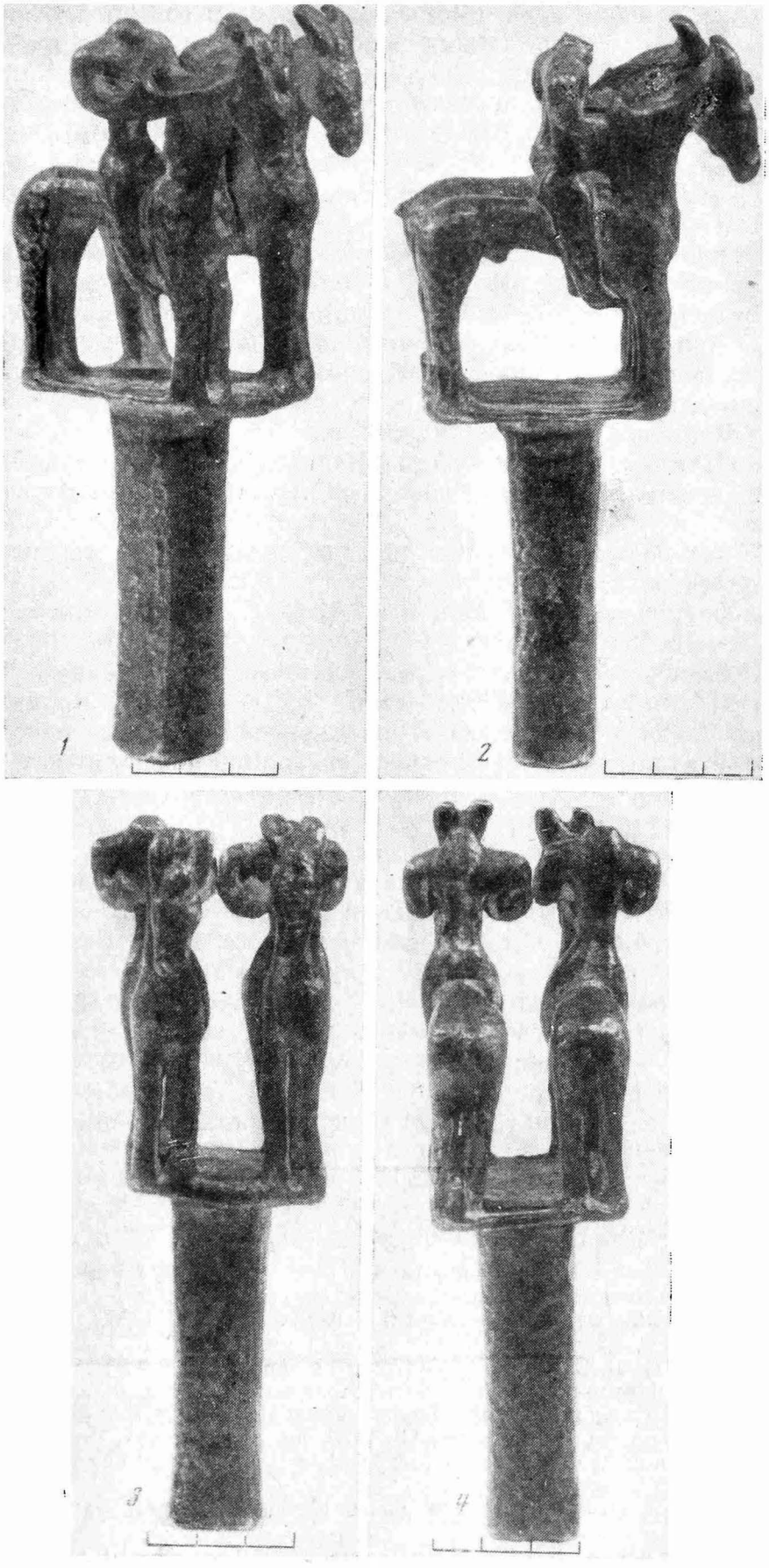


Рис. 1

1—4 — навершие со всадниками из Дагестана

Полиметаллические руды с присадкой олова и свинца использовались и для производства луристанских бронз. Однако анализы иранского металла эпохи поздней бронзы все еще очень малочисленны[5] и не дают возможности ни выделить по составу металла отдельные металлургические очаги, ни установить рудные источники и позволяют сделать только вывод, что технология металлургического производства на Кавказе и в Иране, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. находилась примерно на том же уровне.

К сожалению, серии анализов металла позднебронзовой эпохи Дагестана отсутствуют, и потому навершие невозможно сопоставить с другими дагестанскими бронзами. Набор микропримесей не исключает предположения, что для изготовления навершия использована руда полиметаллических дагестанских месторождений[6]. Наиболее вероятно местное изготовление навершия.

Какова дата этого предмета?

В древнем прикладном искусстве Кавказа часто встречаются изображения лошадей и статуэтки обнаженных мужчин. Есть и фигурки всадников[7].

Особый интерес представляют образцы дагестанской торевтики, найденные в комплексах.

Таковы фигурки из святилищ в с. Арчо, Согратль и на горе Кидилашан.

А. А. Иессен осторожно датирует культовые места Кавказа I тысячелетием до н. э.— I тысячелетием н. э.[8] А. П. Круглов, принимая дату Казбекского клада V—IV вв. до н. э., переносит ее на все находки в дагестанских святилищах[9]. Датировка святилищ представляет большие трудности, так как закрытых комплексов с предметами, четко датирующими фигурки, не известно.

Однако А. П. Кругловым в дагестанских святилищах были обнаружены железные трезубцы-жезлы, фигурка в Гагатле найдена совместно со стеклянными сосудами, лошадка в Хупри — вместе с бронзовыми (скифскими?) стрелами. Все это дает основание отнести большую часть дагестанских статуэток к железному веку[10]. Эта дата подтверждается при анализе некоторых особенностей изображений. Так, у лошадок из Гагатля и Согратля грива выстрижена в манере, не характерной для ассирийской эпохи и входящей в моду только в развитом железном веке.

Значительная часть дагестанских статуэток может быть отнесена к железному веку и на основании технологических особенностей их про-

---

[5] J. Birmingham. Iranian Bronzes in the Nicholson Museum, University of Sydney. «Iran», 1963, I, p. 71—77, pl. 1; SPA, I, стр. 278; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Musée du Louvre, Paris, I—II, p. 205; G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilees de Tepe Giyan, Paris, 1935, p. 135.

[6] Месторождение серебро-свинцово-цинковых и медных руд Карачаевского рудоносного округа Баталпашинского отдела. СПб., 1894, стр. 6—13.

[7] П. Уварова. Могильники северного Кавказа, МАК, VIII, М., 1900, табл. XL, *2*; LXI, *8*; А. А. Лукин. Археология Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК, I, Л., 1941, стр. 70—71, табл. XXII—XXIII; Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, стр. 60—61; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, 1, стр. 243—246, рис. 55; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, 1951, XV. стр. 284; F. Hančar. Kaukasus — Luristan. ESA, IX, 1930, fig. 31; его же. Ross und Reiter im Urgeschichtlichen Kaukasus, «Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst», 1935, 1, Taf. 14.

[8] А. А. Иессен. Отчет о работах на р. Сулак. ИГАИМК, 110, М.— Л., 1935, стр. 137.

[9] А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 38. Трудно безоговорочно присоединиться к выводу А. П. Круглова, поскольку предметы из святилищ при всей их грубости лишены стилистического и технологического единства.

[10] А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 39, рис. 11; И. В. Мегрелидзе. Ук. соч., стр. 283. Поздняя дата подтверждается также находкой нескольких статуэток в Бежтинском могильнике в раннесредневековых комплексах (Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, рис. 21).

изводства. По этому признаку все фигурки делятся на три группы: объемные цельнолитые, объемные литые полые внутри и плоские. Последний прием характерен для металлообработки I тысячелетия до н. э.[11] Полые внутри навершия характерны для Лчашена (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и Кобани, хотя эта техника применяется и в последующую эпоху. Цельнолитые фигурки наиболее архаичны, и техника их изготовления на Древнем Востоке и Кавказе (Майкоп) восходит еще к III тысячелетию до н. э.

Сопоставление анализируемого нами навершия с большинством фигурок мужчин и лошадей Дагестана выявляет ряд существенных различий. К сожалению, у всадников навершия обломаны головы. Но фигуры всадников моделированы примитивнее, не проработаны детали, не изображены пальцы рук, присутствующие на других дагестанских фигурках. У лошадей с навершия менее четко проработана узда; в иной манере выполнены глаза, сделанные простым углублением, тогда как у лошадок из святилищ глаза изображаются выпуклым овальным валиком или большим круглым углублением с выпуклиной посредине. Существенно, что фигурки лошадок навершия, имеющие характерный подобранный круп, резко отличаются по экстерьеру от большинства других изображений, представляющих лошадей более мелкой породы с обвислым животом. Наконец, у нашего навершия иной способ перехода к стержню: обычно ноги фигурок сведены вместе и переходят в стержень, на нашем же навершии фигурки поставлены на площадку, которая венчает стержень. Такой прием расположения фигур на площадке используется на навершиях Передней Азии и Ирана с III тысячелетия до н. э.[12] Все эти особенности заставляют считать эрмитажное навершие более архаичным по сравнению с другими бронзами Дагестана. Наибольшее сходство оно находит среди кобанских бронз. Для фигурок людей в торевтике Кобани характерна та же обобщенность образа, немоделированность деталей. Специфическая особенность изображений лошадей в кобанском искусстве (не только в скульптуре, но и в гравировках на металле и в прорисовках на керамике) — подчеркнуто подобранный круп.

Среди кавказских бронз наиболее полной аналогией всадникам эрмитажного навершия является всадник на кобанской булавке из коллекции Венского музея[13].

Полное технологическое, композиционное и стилистическое сходство навершия из Дагестана с кобанской булавкой дает все основания их синхронизировать.

Дата кобанских бронз все еще остается дискуссионной[14]. Разными исследователями они датируются в диапазоне от XV в. до н. э. до первых веков нашей эры. Однако систематические раскопки, проведенные в Тлийском могильнике, на поселении Сержень-Юрт и других памятниках[15], позволили уточнить стратиграфию кобанских бронз. Получены также даты по C^{14}[16]. Эти данные дают основание предположительно отнести комплекс кобанских бронз к концу II — первым векам I тысячелетия до н. э.

---

[11] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 1935, 120, стр. 173.

[12] S. Piggott. Notes on Certain Pins and Macehead from Harappa, «Ancient India»: Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4-9, М., 1966, стр. 80—82.

[13] П. Уварова. Ук. соч., стр. 53, табл. XL, *2*; F. Hančar. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebiets. ESA, VII, 1932, p. 148—149, fig. 18. Отличие венского экземпляра — изображение луки седла, как думает П. Уварова. Хвост лошади загнут вверх крючком. Возможно, такие же хвосты были у лошадей навершия.

[14] Сводку данных см. Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, 1, стр. 79.

[15] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (Древний могильник в с. Тли). Сталинир, 1957; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.

[16] Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, 1969, 1, стр. 17, 18.

Эрмитажное навершие и кобанская булавка входят в широкий круг изображений всадников, которые дают возможность прокорректировать дату кавказских экземпляров.

Серия фигурок всадников имеется в собрании амлашских бронз, найденных в районе юго-западного Прикаспия, в северо-западном Иране [17]. Стилистически они очень архаичны и близки по всем существенным деталям к анализируемым.

Дата амлашских бронз в результате развернувшихся за последние годы археологических исследований в северо-западном Иране сейчас может считаться определенной достаточно четко — концом II — первыми веками I тысячелетия до н. э. Она основана на находках в комплексах керамики, в особенности специфических сосудов с носиками, оружия и конского снаряжения [18], аналогичных типам, представленным в Хурвине, Гияне II—I, Сиалке VI и других памятниках Ирана. Эта синхронизация подтверждается при анализе художественных изделий из металла [19], позволяющем выделить черты стилистического сходства в торевтике Ирана и сопоставить амлашские изделия с драгоценными сосудами из Хасанлу.

Что касается датировки Хасанлу, то возраст IV слоя, давшего художественные изделия, в том числе золотую чашу и костяную пластинку с изображениями всадников, устанавливается как по данным анализов по C^{14}, так и по ассирийским печатям и многочисленным импортным костяным изделиям сирийской и ассирийской работы IX—VIII вв. до н. э.; V слой соответственно датируется концом I тысячелетия до н. э. [20].

Группа весьма архаичных изображений всадников происходит из случайных находок в Луристане [21]. Решающее значение для разработки периодизации и установления абсолютной хронологии луристанских бронз имели систематические раскопки, проведенные за последние годы датской экспедицией в Тепе Гуране, английской экспедицией в Бабаджан-Тепе, и особенно исследование многочисленных могильников, осуществленное бельгийской экспедицией [22]. Эти работы позволили установить

---

[17] «7000 ans d'art en Iran», Paris, 1961, p. 25, № 130. Менее близкое изображение всадника в позе амазонки — № 131. То же — «7000 Years of Iranian art». London, 1964, № 4; P. Calmeyer. Altiranische Bronzen der sammlung Bröckelschen, Berlin, 1964, Taf. 10, *26*; J. Gabus. Art Amlach. «Orbis Pictus», 1967, 44, табл. XVII.

[18] H. Samadi. Les decouvertes fortuites Klardasht, Garmabak. Emam et Tamadjan. Teheran, 1959; М. Н. Погребова. Иран и Закавказье в конце II тысячелетия до н. э. Сб. «Искусство и археология Ирана». М., 1971, стр. 252—260.

[19] E. Negahban. The Wonderful Gold Treasure of Marlik, ILN, 28/IV, 1962; 5/V, 1962; E. Negahban. A Preliminary Report on Marlik Excavation. Teheran, 1964; P. Amiet. Un vase rituel iranien. «Syria», 1965, LXII; T. Battesti. L'ecole d'art de Marlik. «Archaeologia», 21, 1968, p. 44—49.

[20] R. Dyson. Digging in Iran, Hasanlu, 1958. «Expedition», 1, 1959, p. 4—17; его же. The Death of a City. «Expedition», 3, 1960, p. 2—11; его же. Hasanlu and Early Iran. «Archaeology», 1960, 13, p. 118—129; O. Muscarella. Hasanlu, 1964, BMMA, 1966, 25, 3, p. 121—136, рис. 12; E. Porada. A Hasanlu Bowl. «Expedition», 1959, 1, p. 19—22; R. Ghirshman. Perse. Paris, 1963, p. 23—24, tabl., 30—31.

[21] F. Hančar. Kaukasus — Luristan, рис. 38; его же. Ross und Reiter, p. 49—56; S. Przeworski. Die Metalindustrie Anatoliens. Leiden, 1939, tabl. XIV, *5, 6*; его же. Opera selecta. Warszawa — Wrozlow, 1968; SPA, N. Y.— Oxford, 1938, III, tabl., 26, *A—B*; 31 *B*; H. Potratz. Die Luristanischen Pferdegebiss, PZ, 1942, XXXII—XXXIII, p. 169—234, рис. 12—14, 40. Известны бронзовые фигурки всадников также из Килица (SPA, I, tabl. 26) и Дайламана (M. Hanfman. A Near Eastern Horseman. «Syria», 38, 1961, p. 246, рис. 1; «7000 ans d'art en Iran», № 428, 443, 444; R. Ghirshman. Perse. Paris, 1963, рис. 69, 75.

[22] J. Meltgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran Luristan. «Acta archaeologica», 1964, 34, p. 121—133; H. Thrane. Bronzerue fra Luristan — og et dansk pionerarbejde. København, 1968; H. Thrane. Tepe Guran and the Luristan Bronzes. «Archaeology», 1970, 23, No. 1, p. 27—35; C. Goff. Luristan in the First Half of the First Mill. B. C. «Iran», 1968, VI, p. 105—132; ее же. Excavations at Bābā — Jān, 1968. «Iran», VIII, 1970; ее же. Luristan Before the Iron Age. «Iran», XI, 1971; L. Vanden Berghe. La nécropole de War Kabūd. «Archaeologia», 1967, 23, p. 49—61; его же. La necropole de Bāni Surmah. «Archaeologia», 24, 1968, p. 53—63; его же. Het archeologisch Onderzock naar de Bronskultur van Luristan. «Verhandelin-

стратиграфическую колонку, охватывающую период от III до I тысячелетия до н. э., отнеся художественные луристанские бронзы к концу II — первым векам I тысячелетия до н. э. Эта хронология основана на данных анализов по C^{14} для Тепе Гурана [23], на находках в могильных комплексах Луристана вещей с именами ассирийских царей XII в. до н. э. [24], ассирийских печатей X—VIII в. до н. э. [25], серолощеной нерасписной керамики, типов удил, сопоставимых с удилами на ассирийских рельефах и с лошадиным убором из Сиалка и северо-западного Прикаспия [26], на находках изделий луристанского типа в храме Чога-Замбил в Эламе в комплексе с подписными вещами [27] и, наконец, на тщательном стилистическом анализе луристанских бронз [28].

В результате этих работ устанавливается вероятная хронологическая близость между комплексами Сиалк VI [29], Гиян I [30], Хурвин [31], Хасанлу и памятниками северо-западного Прикаспия и возможность сопоставления их с группой луристанских бронз.

Таким образом, распространение древнейших изображений всадников на Кавказе и в Иране можно отнести к концу II — началу I тысячелетия до н. э. и на основании этого датировать тем же временем дагестанское навершие.

Археологические данные о распространении коневодства в конце II тысячелетия до н. э. находят подтверждение также в письменных источниках, свидетельствующих о том, что необходимость защищаться от северных племен, овладевших искусством верхового боя, привела к появлению отрядов всадников в армии ассирийцев и израильтян. По ассирийским анналам видно, как на протяжении первых веков I тысячелетия до н. э. меняется тактика боя и всадничество приобретает все большее

---

gen van de Koninklÿke Vlaamse Akademie voor Wetenschappen, Letteren on Schonekunsten van Belgen, Klasse der Letteren», Yaargahg XXX, 64, Brüssel, 1968; его же. On the Track of the Civilizations of Ancient Iran. «Memo from Belgium». 1968, 104—105; его же. The Bronzes of the Shepherds and Horsemen of Luristan. «Archaeologia Viva», 1968, 1, p. 104—112; его же. La necropole de Kalleh Nisar. «Archaeologia», 1970, 32; его же. Excavations in Pusht-i Kuh (Iran) Tombs Provide Evidence on Dating «Typical Luristan Bronzes». «Archaeology», 24, 3, 1971. К сожалению, мне остались недоступны работы, опубликованные в «Persica» (Annkair de la Société Neederlando — Iranienne, 1964—1971, I—V).

[23] J. Meltgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Ук. соч., стр. 121—133.

[24] J. Maleki. Une fouille en Luristan. IA, IV, 1, 1964, p. 10; R. Ghirshman. Perse, p. 183; G. Dossin. Bronzes inscri'pts du Luristan de la collection Faroughi. IA, 1962, 2, 2; L. Vanden Berghe. Excavations in Pusht-i Kuch. «Archaeology», 1971, 24, 3, p. 268—270; E. Herzfeld. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968, p. 29—32.

[25] E. Porada. Iran ancien. Paris, 1963, p. 72, рис. 50—51; J. Maleki. Ук. соч., стр. 12.

[26] H. Potratz. Die luristanischen Pferdegebisse. PZ, XXXII—XXXIII, 1942; J. Potratz. Die Pferdetrenses des Alten Orient. «Analecta orientalia», XLI, Rome, 1966; E. Porada, opt. cit., p. 77.

[27] R. Chirshman. Arts asiatiques, II, 1965; III, 1956; IV, 1959; L. Vanden Berghe. Ук. соч., p. 268.

[28] E. Porada. Nomads and Luristan bronzes. Uitgaven vanlet Nederlands hist. Archaeol. Institute Instanbul, 1964, 18, p. 9—31; P. Calmeyer. Eine westiranische Bronzewekstatt des 10/9 Yahrhunderts v. Chr. Berliner Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte, 5, 1965; P. Calmeyer. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschah. Ergän-Zunsbände zur Zeitschrift zur Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie, Berlin, 1969, 5; P. Moorey, Towards a Chronology for the Luristan Bronzes. «Iran», IX, 1971, p. 113—119.

[29] В Сиалке VI найдены удила и печать с изображением всадников (R. Ghirshman. Fouilles de Sialk pres de Kashan. II, Paris, 1939, tabl. LVI). Хронология могильника уточнена на основании сопоставления с ассирийскими и эгейскими материалами (R. Boehmer. Zur Datierung der Necropole B. von Tepe Sialk. «Archaeologische anzeiger», 1965, 80, 4, p. 802—822) и в результате раскопок аналогичного иранского памятника. (Ch. Burney. Excavations at Haftavān Tepe, 1968. «Iran», 1970, VIII, p. 157—171).

[30] G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles des Tepe Giyan pres de Nehavend. Paris, 1935.

[31] L. Vanden Berghe. Le necropole de Khurvin. Istanbul, 1965.

значение, оттесняя колесницы на задний план [32]. Этот исторический процесс находит отражение в изобразительном искусстве Ассирии, где в памятниках начала I тысячелетия до н. э. становятся многочисленными изображения всадников [33].

В эту эпоху образы всадников появляются в монументальной скульптуре, мелкой пластике, глиптике и на керамике на широкой территории, включающей Кавказ и Иран, Среднюю и Переднюю Азию, Сирию, Анатолию, Кипр и Грецию [34]. Одновременно в изобразительном искусстве всего этого ареала становятся популярны изображения коня, протом коня, лошадиных грифонов и гиппокампов [35]. Трактовка экстерьера лошади во всем этом ареале характеризуется определенным стилистическим единством: как правило, представляют высокопородную лошадь с длинными ногами, узкой головой и подтянутым животом.

В Эгейском бассейне, Анатолии и Сирии эти изображения всадников найдены в комплексах конца II — первых веков I тысячелетия до н. э. Их распространение связывается с миграционной волной индоевропейских групп населения («народов моря»), проникающих из Причерноморья и Подунавья в материковую Грецию и Анатолию и продвигающихся на юг через Сирию вплоть до Египта [36].

Вопрос о том, с какими народами связано распространение коневодства в Иране, остается пока дискуссионным. Находки многочисленных фигурок лошадей и всадников, изображения всадников на драгоценных сосудах, костяных изделиях (Хасанлу), печатях (Мерв, Сиалк VI), находки бесчисленных удил в погребениях не оставляют сомнения в том, что в хозяйстве населения и Луристана, и Амлаша, и Центрального Ирана, и Южного Туркменистана коневодство в эту пору стало ведущей отраслью хозяйства, а культ коня играл существенную роль в религиозных представлениях. Распространение коневодства, как и ряд других инноваций в культуре Ирана в пору создания луристанских и амлашских бронз, связывается с миграционной волной. Однако этническая принадлежность пришельцев остается пока неустановленной.

В. Ф. Минорский и А. Годар [37], принимая заниженную дату луристанских бронз, считают их создателями касситов. Г. Трейн и П. Кальмейер полагают, что создателями этих бронз были потомки касситов [38]. По мнению Р. Дюссо [39], создание самобытного луристанского стиля было обус-

---

[32] Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, 2, 3; J. Jadin. The Art of Warfare in Biblical Lands, Jerusalem, 1963. p. 184—186; H. Saggs. Assyrian warfare in the Sargonid Period. «Iran», 1963, 25, p. 2.

[33] В. О. Витт. Лошади древнего Востока. Сб. «Конские породы Средней Азии»; E. Herzfeld. Die Kunst des Zweiten jahrtausends in vorderasien. II Teil, Berlin, 1939, p. 50—51; R. Barnett. Assyrian Palace Reliefs and their Influence on the Sculptures of Babylonia and Persia. Prague, 1960; R. Barnett, M. Falkner. The Sculptures of Assur-Nasir-Apli II, Tiglath-Pilser III, Esarhaddon from the Central and South-West Palaces at Nimrud. London, 1962.

[34] M. Hanfman. Ук. соч., p. 243—245, рис. 4; H. Bossert. Alt Syrien. Tubingen, 1951, рис. 128—129, 202, 481, 635, 804; его же. Alt Anatolien, Berlin, 1942, p. 91, abb. 945, 1183; K. Anderson. Ancient Greek Horsemanship. California, 1961; H. Güterbock. Narration in Anatolian, Syrian and Assyrian Art. AJA, 61, 1, 1957, p. 64—69; Е. Е. Кузьмина. Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства. Сб. «История иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 180—189; E. Kohler. Phrigian animal Style and Nomadic Art. «Dark Ages and Nomades 1000 B. C.». Istanbul, 1964, p. 58—62.

[35] A. Bisi. Il grifone nell'arte dell'antico Iran e dei popoli delle steppe. «Revista degli studi orientali», Roma, 1964, XXXIX, 1, p. 15—18.

[36] И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 102—117.

[37] В. Ф. Минорский. Луристанские бронзы и касситы. ВДИ, 1959, 1, стр. 222; A. Godard. Les bronzes du Luristan. Paris, 1931; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, p. 70—76.

[38] P. Calmeyer. Datierbare Bronzen, p. 172—173; H. Thrane. Tepe Guran, p. 34—35.

[39] R. Dussaud. The Bronzes of Luristan. SPA, I; его же. Anciens Bronzes du Luristan et cultes iraniens. «Syria», 1949. 26, p. 196—229.

ловлено присутствием в среде касситов группы индо-ариев, мигрировавших из евразийских степей. Поэтому все сюжеты, представленные на луристанских бронзах, он объясняет, исходя из мифов «Ригведы».

Вряд ли это толкование сейчас может быть принято[40], поскольку, во-первых, работами археологов уточнена и омоложена дата луристанских бронз, во-вторых, исследованиями лингвистов доказано, что время прихода ариев на Передний Восток предшествует середине II тысячелетия до н. э., а сохранение арийских имен и коневодческой традиции у касситов и митанийцев во второй половине II тысячелетия до н. э. уже не более как устаревшая традиция[41]. Таким образом, между моментом появления ариев на исторической арене и временем создания луристанских бронз оказывается полутысячелетний разрыв. К тому же арии принесли искусство колесничного боя, но не верховой езды. Л. Ванден Берге считает культуру Луристана синкретической, в создании которой участвовали эламиты, касситы, урартийцы, маннейцы, мидяне и скифы[42]. Однако он смешивает вопрос об этнической принадлежности носителей луристанской культуры с вопросом о различных влияниях на формирование луристанского искусства и не выявляет определяющие этнические признаки. Р. Гиршман отождествляет носителей культуры Луристана с ираноязычными племенами[43]. Но он принимает сверхкороткую хронологию луристанских бронз, относя все их к VIII—VII вв. до н. э. и связывая с киммерийцами. Однако теперь убедительно проведено хронологическое членение луристанских бронз на последовательные этапы в пределах XII—VII вв. до н. э. и показана генетическая преемственность культуры, так что связывать появление луристанского искусства с приходом киммерийцев не представляется возможным.

Столь же неясен и вопрос об этнической принадлежности населения северо-западного Ирана. Время первого появления на этой территории иранцев остается неизвестным так же, как спорен вопрос о том, двигались ли иранцы на Иранское плато через Среднюю Азию, как полагает И. М. Дьяконов, или через Кавказ, как считает Э. А. Грантовский[44].

Не решен и вопрос об этнической принадлежности носителей кобанской культуры. Для выяснения проблемы этнической принадлежности различных групп населения Ирана и времени и путей передвижения первых волн ираноязычного населения на Иранское плато большое значение имеет анализ данных о распространении коневодства и верховой езды на Кавказе и в Иране.

По ассирийским источникам выясняется, что основным поставщиком лошадей в ассирийское войско были соседние восточные и северные области, в первую очередь районы Кавказа и Ирана[45]. На Кавказе коневодство было развито давно, еще с III тысячелетия до н. э.[46] Кости лошади, хотя и в очень небольшом количестве, найдены на Северном Кавказе в памятниках майкопской культуры, а также в Закавказье на поселениях куро-аракской культуры Шенгавит, Гарни Элар, Караз, Квацхелеби.

[40] Этой гипотезе противоречит также отсутствие луристанских бронз в Дур-Кургальзу — касситском городе в Месопотамии.

[41] A. Kammenhuber. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961, p. 16—22.

[42] L. Vanden Berghe. Het Archeologisch Onderzock, I.

[43] R. Chirshman. A propos des bronses du Luristan de la Collection Foroughi, IA, 1962, VII, 2; R. Girshman. Perse, p. 42, 71—72.

[44] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 147—151; его же. Предыстория армянского народа; Э. А. Грантовский. Иранские имена из приурмийского района в IX—VIII вв. до н. э. Сб. «Древний мир. Академику В. В. Струве». М., 1962, стр. 254—265; его же. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

[45] L. King. Annales of the Kings of Assyria, I, London, 1902; Н. Б. Янковская. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. ВДИ, 1956, 1, схема, 4, стр. 44.

[46] Е. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. ПИМК, 1933, 2, стр. 40; Б. Н. Аракелян. Гарни. Ереван, 1951, стр. 26; Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6; С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 19; К. Х. Кушна-

Глиняные статуэтки лошадей происходят из Нахичеванского Кюль-Тепе, лошадь изображена на сосудах из Шенгавита и Майкопа. Однако вплоть до конца II тысячелетия до н. э. коневодство не получило на Кавказе сколько-нибудь заметного развития. Конь не играл существенной роли ни в хозяйстве, ни в военном деле, а поэтому не сложились ритуалы, связанные с конем и он не был популярен в изобразительном искусстве.

Положение принципиально изменилось в конце II тысячелетия до н. э., когда образ коня становится доминирующим в художественном творчестве, прежде всего в кобанской культуре. Эту инновацию в духовной жизни народов Кавказа следует поставить в связь с появлением верховой езды, что в изобразительном искусстве находит яркое отражение в многочисленных образах всадников. Освоение коня под верх — это принципиально новый этап в развитии коневодства, когда конь приобретает очень важное значение в военном деле. С появлением верховой езды, видимо, связаны и первые на Кавказе ритуальные захоронения коней, или, по принципу pars pro toto, черепов и ног коней, или, наконец, только удил и других частей конской упряжи.

Черепа или полные скелеты коней были найдены в погребениях кобанской культуры, например в могильнике Сержень-Юрт[47], в синхронных захоронениях Дагестана и Чечни (Тарки I, Зандак, Яман-Су[48]), а также в Закавказье (Двани[49], Кала Кент[50], Новая Ульяновка[51]) и особенно в азербайджанских могильниках ходжалы-кедабекской культуры (Шахтахты, Карабулак, Арчадзор, Балуккая, Кочкара, Елисаветполь[52]). Появление этого обряда в Иране фиксируется несколькими единичными захоронениями черепов коней или целых скелетов в Хасанлу[53], Динка-Тепе[54] и Марлик-Тепе[55] и захоронениями частей конской сбруи в Луристане[56] и Сиалке[57].

рева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970, стр. 110; В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 185.

[47] В. И. Козенкова. О раскопках Сержень-Юртовского могильника в Чечено-Ингушетии. АО-1969, М., 1970, стр. 96.

[48] В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 93, рис. 35, *2*; его же. Новые материалы по археологии северной Осетии и Чечни, КСИА, АН СССР, 98, 1964, стр. 84—87; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана. «Археолого-этнический сборник», II, Грозный, 1968, стр. 161—162.

[49] С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 231, рис. 12.

[50] W. Belck. Archaologische Forschungen in Armenia. «Verhandlungen der Berliner gesellschaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1893, p. 238.

[51] Раскопки Р. Абрамишвили, определения М. Гамрикели. Приношу им благодарность за разрешение сослаться на неопубликованные материалы.

[52] Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Сб. «Материальная культура Азербайджана», IV, Баку, 1962, табл. V, IX; А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, № 4, 1937, стр. 255; А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, 6, М., 1911, стр. 169; К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, стр. 142, 147, 153, 154, 165; Э. А. Рислер. Археологические исследования в Елисаветпольской губ. в 1901 г. ИАК, 12, М., 1904, стр. 49, 54; Я. И. Гуммель. Погребальный курган у Еленендорфа. Баку 1931.

[53] R. Dyson. Problems of Protohistoric. Iran as Seen from Hasalu. JNES, XXIV, 1965, p. 210—211; R. Ghirshman. Invasiens des nomades sur le Plateau Iranien aux premiers siecles du I mil. a Y. C., «Dark ages and Nomades», Istanbul, 1964, p. 5—6; R. Ghirshman. Perse, p. 24, 26—28.

[54] R. Dyson. Dinka Tepe. «Iran», 1967, V; O. Muscarella. Excavations at Dinka Tepe. «Bulletin of Metropolitan Museum of Art», 1968, November, p. 35.

[55] E. Negahban. The Wonderful Gold Treasures of Marlik. ILN, 28/IV, 1962. 240 (6404).

[56] J. Maleki. Une Fouilles en Luristan. IA, IV, 1964, p. 35; L. Vanden Berghe. The Bronzes of the Shepherds, p. 104—123.

[57] R. Chirshman. Fouilles de Sialk, II p. 49—51, pl. XXV, LV, LVI, LXXXV; R. Ghirshman. Perse p. 279.

Обряд захоронения коней не имеет истоков ни в переднеазиатских, ни в закавказских и иранских культурах. Могилы с погребениями коней в Иране обычно связывают с пришлым с севера из евразийских степей населением, видя в нем то скифов, то киммерийцев. Материалы Закавказья, относящиеся ко времени конца II — рубежа I тысячелетий до н. э., не позволяют считать аналогичные захоронения коней в Иране киммерийскими или скифскими и дают основание видеть в населении, оставившем эти погребения, одну из первых волн иранцев. Эти захоронения коней фиксируют путь ираноязычных племен, шедших из евразийских степей на Иранское плато через Дагестан и Азербайджан и принесших на Кавказ и в Иран навыки коневодства и связанные с конем культы.

В пользу предположения, что оседлое население Кавказа и Ирана ознакомилось с навыками верховой езды под влиянием иранских племен, проходивших вдоль Каспийского моря на рубеже II и в первые века I тысячелетия до н. э., может быть приведено несколько аргументов.

Доместикация коня произошла в южнорусских степях еще в конце IV тысячелетия до н. э. У древнейших индоиранских племен — носителей ямной и родственных ей археологических культур — впервые в мире конь занял ведущее место в системе религиозных представлений, впервые образ коня появился в изобразительном искусстве и впервые сложились ритуалы, связанные с конем, в частности обряд захоронения коня или чаще его головы и ног [58].

С конца IV до конца II тысячелетия до н. э. евразийские степи оставались основным центром развития коневодства в Старом Свете. Здесь во второй половине II тысячелетия до н. э. археологически засвидетельствовано древнейшее появление верховой езды и сложение подвижных форм табунного и отгонного коневодства, приводящих к кочевой форме скотоводства у носителей срубной и андроновской культур [59]. У этих племен конь продолжал оставаться культовым животным, и обряд ритуального захоронения коня или его черепа и ног получил дальнейшее развитие. Этот ритуал находит истолкование в индоиранской мифологии и космогонии [60].

Анализ этнографически засвидетельствованных ритуалов, распространенных у различных народов Кавказа и связанных с конем, в особенности роль коня и его головы в жертвоприношениях богам плодородия и в погребальном обряде [61], указывает на сходство этих ритуалов с индоиранскими. Поскольку у индоиранцев в южнорусских степях эти представления сложились на много веков раньше, распространение этих обрядов на Кавказе следует связывать с иранским влиянием.

---

[58] E. E. Kuzmina. The Earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with the Problem of Time and Place of Formation of Indo — European Unity, «VIII Congres international des science préhistoriques et protohistoriques (Beograde, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS, Moscou, 1971.

[59] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы и Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 209—221; В. П. Шилов. Происхождение кочевого скотоводства. Тезисы докладов на III Уральском археологическом совещании. Уфа, 1962, стр. 40—42; его же. Похождения кочевого скотарства у східній Європі, УІЖ, 1970, 7.

[60] E. E. Kuzmina. The Earliest Evidence of Horse Domestication...

[61] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, 1, стр. 346—348; В. Ф. Миллер. Черты старины в сказаниях и быте осетин. ЖМНП, 1882, т. CCXXI, № 7—8, стр. 83—207, «Этнографическое обозрение». СПб., 1901, XLVIII, стр. 35—85; В. Миллер. О некоторых древнейших погребальных обрядах на Кавказе. Там же, 1911; Н. С. Джанашия. Религиозные верования абхазов. Сб. «Христианский Восток». СПб., 1915, IV, стр. 77—81; Н. Дмитриев. Из быта и нравов жителей вольной Сванетии. СМОИМПК, Тифлис, XXII, 2, стр. 160—187; С. Габиев. Лаки, их прошлое и будущее. Там же, XXXIV, 1, стр. 13; Д. Червеняков. Похоронные обычаи Верхней Сванетии, Там же, XXXVI, 2, стр. 149—154; Н. Чурсин. Осетины. Юго-Осетия. «Труды Закавказской научной ассоциации». Тифлис,

Наконец, в пользу гипотезы о влиянии иранцев на развитие коневодства на Кавказе говорят и лингвистические данные: конь урартского царя Менуа носит имя Арцибини, оно восходит к индоиранской коневодческой терминологии и значит «орел». Таким образом, на Кавказе коневодство во времена Урарту сохраняло индоиранские традиции [62].

Все это дает основания полагать, что дальнейшее развитие коневодства на Кавказе стимулировалось иранскими племенами в период их миграции через Кавказ, и под их влиянием на Кавказе получили распространение изображения всадников.

На навершии из Эрмитажа представлены рядом два всадника. Парное расположение фигур всадников встречается довольно часто среди кавказгских бронз [63] (например, на ритуальном предмете с Бомборской поляны [64]), а также в бронзах Луристана [65]. Иногда изображения двух всадников заменяются просто двумя символизирующими их лошадками или двумя протомами лошадей, между которыми сидит богиня плодородия [66]. Кто же эти двое всадников? В них можно видеть двух богов или двух божественных героев-близнецов.

Миф о двух близнецах-родоначальниках принадлежит к числу общечеловеческих мифов, известных народам всех континентов [67]. Некоторые исследователи видят в нем отражение фратриальной системы. Но только в религии индоевропейских народов культ близнецов сливается с культом коня [68]. Кони являются обязательными спутниками близнецов и выступают так же, как атрибуты богини плодородия.

Близнецы олицетворяют характерные для дуалистической индоевропейской концепции мира противопоставления жизни и смерти, утра и вечера, белого и черного. Являясь спутниками богини земли, они одновременно связаны с культом мертвых и культом плодородия.

По религиозным представлениям индоевропейцев, близнецы являются покровителями дорог и путей и основателями новых городов и колоний [69].

1926, 1, стр. 219 сл.; Н. Я. Марр. Термины из абхазо-русских этнических связей — «лошадь» и «тризна». Сб. «К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения». Л., 1924, стр. 48—54; Б. А. Куфтин. Ук. соч., 1, стр. 186; II, стр. 201—203; R. Bleichsteiner. Rossweihe und Pferderennen im Toten kult der Kaukasischen Völker. «Die Indogermanen und germanenfrage», IV, Leipzig, 1936, стр. 417—495.

[62] E. Herzfeld. The Persian Empire, Wiesbaden, 1968, стр. 4—5. Это толкование было поддержано Э. А. Грантовским и В. В. Ивановым.

[63] F. Hančar. Ross und Reiter, taf. 14; его же. Kaucasus — Luristan, abb. 31.

[64] А. Л. Лукин. Ук. соч., табл. XXIII.

[65] «7000 ans, d'art en Iran», № 428, 443, 444.

[66] Все эти три композиции: богиня с двумя предстоящими всадниками, богиня с двумя лошадьми или головами лошадей или два всадника — имеют одно и то же значение и взаимозаменимы в изобразительном искусстве, что устанавливается по античным памятникам, представляющим Деметру и Диоскуров (Диоскуры без Деметра, Деметра и Диоскуры с конями, Деметра и протомы коней в венках). Эти композиции в русском прикладном искусстве доживают вплоть до современности (В. А. Городцов. Дакосарматские элементы в русском народном творчестве. ГИМ, 1, М., 1926, стр. 7—36).

[67] Л. Я. Штернберг. Античный культ близнецов при свете этнографии. «Первобытная религия». Л., 1936; А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 296; G. Levi-Strauss. Les structures élémentaires de la parante. Paris, 1949, стр. 86, 95; Ph. Ackerman. The Gemini are Born. «Archaeology», 1955, 8, стр. 26—30.

[68] В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. Уч. зап. Тартуского университета, 236; «Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969; его же. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь». Сб. памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М.— Л., 1972; G. Dumezil. La religion romaine archaique. Paris, 1966; D. Ward. The Divine Twins, An Indo-European Myth in Germanic Tradition, California, 1968, 19; W. Schwarz. Germanische Dioskuren. «Bonner Yahrbucher», 1967, 167, p. 1—10.

[69] G. Dumézil. Ук. соч., стр. 176; В. В. Иванов. Ук. соч.

Поэтому мифы о близнецах должны были стать особенно популярны в эпоху переселений и освоения новых земель.

Культ близнецов восходит в среде индоевропейцев к древнейшей эпохе: близнецами Насатья клянется царь Митанни в договоре середины II тысячелетия до н. э.[70] Культ близнецов в ираноязычной среде отражен в «Авесте», где упоминаются Насатья[71]. Два героя-близнеца — Хсар и Хсартаг — выступают в нартовском эпосе[72]. У ведических ариев был культ близнецов Ашвинов — воплощения вечерней и утренней зари — и близнецов Марутов, спутников Индры, олицетворяющих грозу. И в индийском эпосе культ близнецов сливается с культом богини плодородия — матери земли Дхишаны[73].

Циклы мифов о близнецах Диоскурах были широко распространены в Греции и в Риме[74]. В античном мире почитание близнецов также было связано с культом богини плодородия Кибелы — Деметры.

Боги-близнецы входили и в пантеон фракийцев и других народов Причерноморья[75].

Наконец, известно, что близнецы почитались также на Кавказе. С ними связано название города Диоскурии на черноморском побережье[76]. Трудно сказать, отражает ли это название местный культ, отождествленный греками с привычными им образами, или культ близнецов-всадников Диоскуров развился на Кавказе под индоевропейским воздействием. На это могло бы указывать название святилища Dan-dra в Абхазии, возводимое к имени одного из Ашвинов — Данда, если только справедлива эта этимология, предложенная Н. Я. Марром[77]. Скорее всего можно думать, что известный кавказским народам миф о близнецах в связи с появлением всадничества и под иранским влиянием трансформировался и близнецы стали изображаться конными всадниками. Дагестанское навершие позволяет отнести сложение этого «конного» варианта мифа на Кавказе к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Каково назначение дагестанского навершия? Оно могло употребляться как церемониальный жезл во время религиозных празднеств, служить регалией, а также украшать дышло повозки. Последнее предположение кажется наиболее вероятным, поскольку эрмитажное навершие напоминает навершия из Лчашена, укреплявшиеся в передней части колесницы и представлявшие различные изображения, связанные с культом плодородия. Царский символ — золотой орел — украшал и ярмо колесницы ахеменидского царя[78].

---

[70] Sten Konow. The Indian Gods of the Mitanni. «Publications of the Cristiania Indian Institute», 1.

[71] J. Duchesne-Guillemin. Zoroastre. Paris, 1948, p. 69—70; В. Миллер. Очерки арийской мифологии. М., 1876, стр. 305, 306.

[72] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 86—92.

[73] К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л., 1936, стр. 12—13; ее же. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 74—76; G. Dumézil. La religion romaine archaique. Paris, 1966, p. 176; S. Wikander. Nakula et Sahadeva. «Orientalia Suecana», 1957, 6, p. 65—85; Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968, стр. 28—30; Ригведа, М., 1972; Гимны I, 118, 157 (перевод и комментарий Т. Я. Елизаренковой).

[74] F. Chapoutier. Les Dioscures au service d'une déesse. Bibliothèque des écoles françaises d'Athenes et de Rome, 137, Paris, 1935; C. Picard. Dioscures cavaliers à la demimontur fantomale. RA, 1962, I; G. Dumézil. La religion romaine archaique. Paris, 1966, p. 68—69; J.-P. Vernant. Mythe et pensée chez les grees. Paris, 1965; R. Schilling. Les Castores romains à la lumiere de tradition indo-européennes. «Hommages a G. Dumézil», Paris, 1960, p. 187—191; J. Przyluski. Les Asvin et la grande déesse. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1936, I, стр. 131. Г. А. Кошеленко. Серебряная ваза с Диоскурами. СА, 1968, 2.

[75] J. Stoian. Cultul Dioscuriloi şi triburile Tomitane. SCIV, 1965, 3; П. Н. Шульц. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. СА, 1969, 1 (с подробным анализом вопроса о Диоскурах в Причерноморье).

[76] Б. А. Куфтин. Ук. соч., 1, стр. 102—108; II, стр. 201.

[77] Н. Я. Марр. Иштарь, «Яфетический сборник», Л., 1927, V, стр. 144.

[78] Ксенофонт. Киропедия, VII, I, 4; Квинт Курций, III, 3.

E. E. Kouzmina

LE SOMMET DE HAMPE AUX CAVALIERS PROVENANT DE DAGHESTAN ET LA QUESTION DE L'EXTENSION DE L'ÉQUITATION ET DU CULTE DE CHEVAL AU CAUCASE ET EN IRAN

Résumé

Le sommet de hampe à deux cavaliers a été acheté par l'Ermitage dans le village Koubatchi au Daghestan. La composition de l'alliage de bronze est confrontable aux minerais complexes du Daghestan ce qui prouve la possibilité de la fabrication locale de cet objet.

L'utilisation des alliages à partir des minerais cimplexes est caractéristique pour la métallurgie de l'Iran et du Caucase (y compris la civilisation de Koban) à la fin du II — début du premier millénaire avant notre ère. L'interprétation des figures des chevaux et des cavaliers est stylistiquement proche aux bronzes de Koban et aux représentations des cavaliers dans l'art iranien. Les datations des monuments iraniens faisant apparaître des figures équestres ont été précisées grace à la grande extension des recherches en ces dernières années; elles ont permis de synchroniser les bronzes de Luristan, Khurvin, Hasanlu, Sialk. Le développement du culte de cheval en Iran se rapporte à la fin du II — début du I millénaire avant notre ère; il est en liaison direct avec la révolution dans l'art guerrier de l'Asie Antérieure et avec la pénétration de la cavalerie dans l'armée. Cette innovation dans la tactique du combat est dûe à l'apparition dans l'Asie Antérieure des tribus iraniens qui ont amené des chevaux des races pures, l'art de l'équitation et du tir à l'arc aussi bien que le culte de cheval qui se développait dans les steppes de la prapatrie eurasiatique des Iraniens à partir du IV millénaire avant notre ère.

L'avancement des groupements de tribus iraniens des steppes méridionnaux russes à travers le Caucase Oriental vers le plateau iranien est marqué par la propagation des inhumations rituelles d'un cheval ou seulement de son crâne et de ces jambes au Daghestan (Tarki I, Zandak, Iamansou), en Transcaucasie (monuments de la civilisation de Khodjaly-Kédabek) et en Iran (Hasanlu, Dinka-tépé, Marlik-tépé) et de l'inhumation de certains détails de l'harnais (Luristan et Sialk).

Les inhumations iraniennes doivent être datées non pas de l'époque scythique mais du début du premier millénaire avant notre ère. Par analogie avec les matériaux iraniens et kobanéens le sommet de hampe est daté du début du premier millénaire avant notre ère.

Il représente deux cavaliers qui peuvent être considérés comme deux héros — jumeaux divins. Le culte des jumeaux est connu de tous les peuples de l'Ancien Monde. Il est très populaire chez les Indo-Européens (Dioscurs, Achvins). La particularité des mythes indo-européens dont les héros sont les jumeaux consiste en leur lien obligatoire avec les chevaux. Les Achvins et les Dioscurs sont toujours représentés à cheval (souvent ils sont remplacés par les images de deux chevaux). Le culte des jumeaux est relié à l'adoration de la déesse de fertilité et des dieux du soleil et du ciel. Il remonte, chez les Indo-Iraniens, vers à les plus anciennes croyances totémiques. Sous l'influence des Iraniens en migration la variante chevaline du mythe de jumeaux se répend au Caucase.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

КАРАСУКСКИЕ НАХОДКИ НА УРАЛЕ И В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

На границе Европы и Азии, на Урале и в междуречье Урала и Волги, а также в Восточной Европе обнаружено несколько типично карасукских вещей.

За последние годы в Восточной Башкирии (Учалинский р-н), в верховьях Миасса и Урала найдено четыре карасукских кинжала. Кинжал № 1 (рис. 1, *1*) найден летом 1970 г. в дер. Сулейменево возле старой кузницы [1]. Он с грибовидной шляпкой и петелькой под ней, со сплошной, овальной в сечении ручкой, слегка расширяющейся книзу, с длинным узким клинком, обломанным в древности (излом покрыт патиной), линзовидным в сечении, с перекрестьем-«шипами», изготовлен из золотистой бронзы, покрыт зеленовато-коричневой благородной патиной. Кинжал № 2 (рис. 1, *2*) найден в 1968 г. или 1969 г. в дер. Ильчигулово в нескольких километрах от дер. Сулейменево. Он меньшего размера, также с грибовидной шляпкой, но без петельки, с овальной в сечении ручкой, на одной стороне которой имеется желобок, перехваченный двумя перемычками. Ручка слегка расширяется книзу. Перекрестье-«шипы» отсутствует. Клинок линзовидный в сечении, конец обломан находчиком. Кинжал изготовлен из золотистой бронзы и покрыт патиной того же цвета, что и первый. Оба кинжала были измерены по той же программе, что и другие карасукские кинжалы. Размеры приведены в таблице. Сравнение формы и размеров кинжалов из Сулейменева с формой и размерами карасукских кинжалов Минусинской котловины (наиболее многочисленной группы карасукских кинжалов Сибири) позволяет говорить об их большой близости, почти идентичности. Кинжал № 1 (рис. 1, *1*) и по деталям формы (сплошная, уплощенная ручка, линзовидный в сечении клинок без срединной жилки, небольшие, почти редуцированные шипы), и по большинству абсолютных размеров и пропорций (общая длина, длина клинка, указатель стройности [2], указатель клинка, указатель ручки [3], разность ширины перекрестья и максимальной ширины ручки, толщина ручки) относится к группе II карасукских кинжалов, датируемой около VIII в. до н. э., но в отличие от них имеет под навершием петельку для подвешивания, характерную для кинжалов I группы, несколько более ранней (XI—VIII вв. до н. э.).

Кинжал № 2 (рис. 1, *2*) по особенностям формы также относится к группе II, однако он уменьшенных размеров (особенно короток кли-

[1] Кинжалы № 1—2 хранятся в кабинете археологии Башкирского университета. Благодарю студента БГУ Р. Б. Исмагилова и преподавателя истории Мулдакаевской средней школы Н. Н. Михалева, сообщивших мне об этих кинжалах и оказавших большую помощь в установлении и обследовании места находок в мае 1971 г.

[2] Указатель стройности — отношение максимальной ширины кинжала к его длине, умноженное на 100.

[3] Указатель клинка — отношение максимальной ширины кинжала к длине его клинка, умноженное на 100; указатель ручки — отношение максимальной ширины ручки к длине ручки с перекрестьем, умноженное на 100.

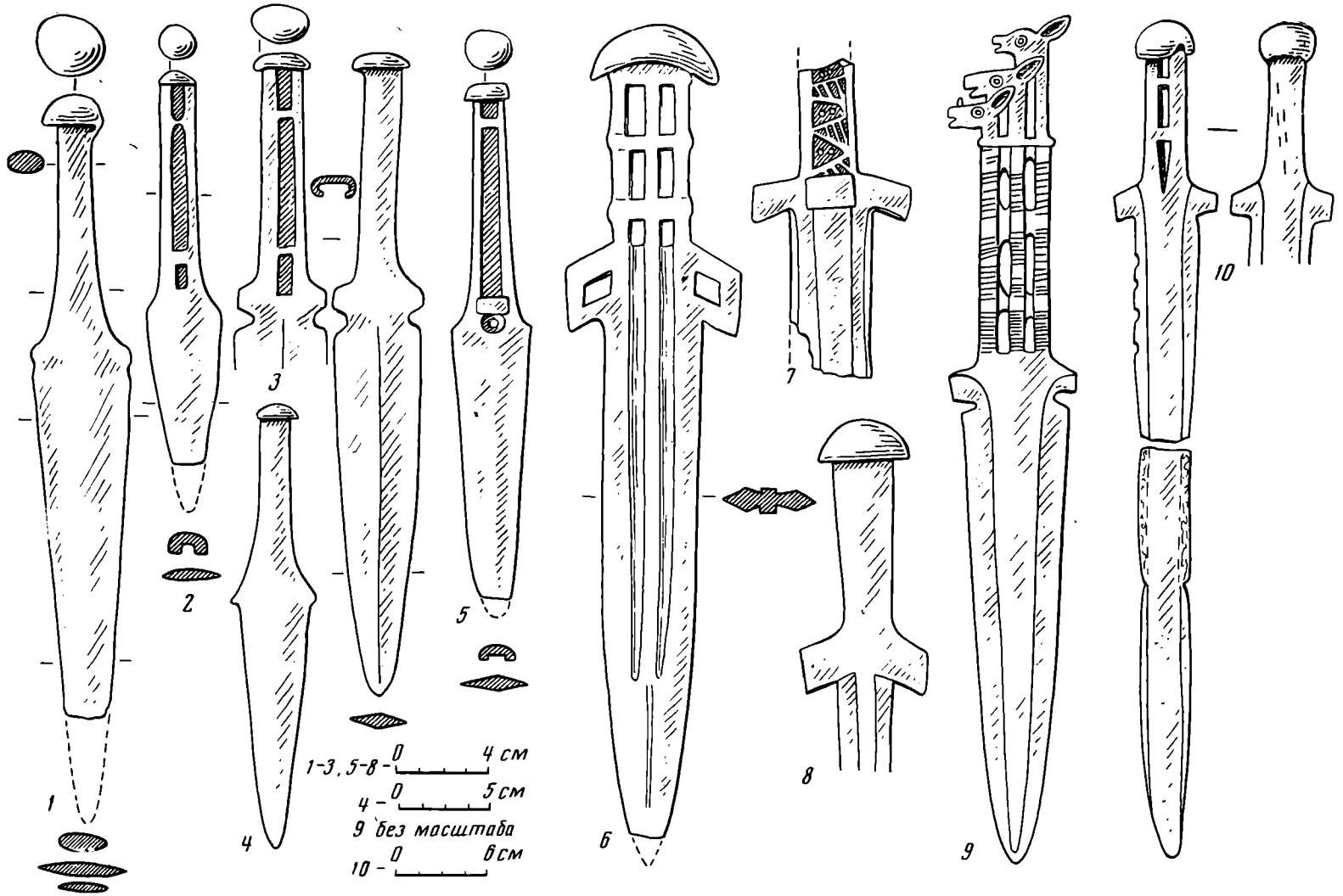


Рис. 1. Кинжалы из Восточной Европы (*1, 2, 6*) и их восточные параллели

1, 2 — д. Сулейменево (Башкирия); *3* — с. Таштып, ММ, 958; *4* — дер. Идра (Минусинская котловина), по А. М. Талльгрену, 1917; *5* — окрестности с. Абаканского Минусинского окр., МИМК ТГУ, 4043; *6* — Таганрогский музей; *7* — Лагерный сад в Томске; *8* — с. Катунское (Алтай), БМ; *9* — Ордос, по М. Лоеру, 1956; *10* — Гербино Одесской обл., по И. Т. Чернякову (*1—10* бронза)

нок), что сразу выделяет его по некоторым абсолютным размерам и пропорциям (общая длина, длина клинка, указатель стройности, указатель клинка) из числа карасукских кинжалов не только II, но и I группы. Однако по другим важным характеристикам (максимальная ширина клинка и ручки, ширина перекрестья, указатель ручки, разность ширины перекрестья и максимальной ширины ручки, разность максимальной и минимальной ширины ручки, толщина ручки, ширина щели в ручке) он относится ко II группе кинжалов, как и кинжал № 1. Такие уменьшенные (почти миниатюрные) кинжалы с коротким клинком почти не встречаются среди карасукских кинжалов Сибири, но известны среди немногочисленных пока карасукских кинжалов Казахстана. Утрата ши-

Карасукские кинжалы из Восточной Европы
(индивидуальные измерения)

№ рисунка	Длина кинжала, *см*	Максимальная ширина кинжала, *см*	Длина клинка, *см*	Длина ручки и перекрестья, *см*	Указатель стройности	Указатель клинка	Указатель ручки
1,*1*	31,7	4,3	20	11,7	13,6	21,5	25,6
1,*2*	19,1	3,3	8,8	10,3	17,2	37,5	21,3
1,*6*	37	4,3	24	13,0	11,6	18,0	26,1
1,*10*	54,4	4,4	42,1	12,3	7,3	10,4	21

Продолжение

№ рисунка	Ширина щели в ручке, *см*	Толщина клинка в середине, *мм*	Ширина перекрестья, *см*	Максимальная ширина ручки, *см*	Минимальная ширина ручки, *см*	Разность ширины перекрестья и максимальной ширины ручки	Разность максимальной и минимальной ширины ручки	Общая толщина ручки, *мм*
1,*1*	—	6	4,6	3	1,5	1,6	1,5	10
1,*2*	0,7	5	3,3	2,2	1,5	1,1	0,7	9
1,*6*	—	9	7,7	3,4	3,4	4,3	0	?
1,*10*	0,8	?	6,2	2,6	2,5	3,6	0,1	?

пов также характерна для некоторых из них[4]. Однако все пока известные в Казахстане кинжалы происходят только из Восточного Казахстана, они не найдены в Центральном и Западном Казахстане. В лесной полосе Сибири кинжалы карасукского типа известны и западнее, на Андреевском озере близ Тюмени, но они отличаются орнаментированными ручками.

Бронзовый кинжал № 3 карасукского типа найден в дер. Рысаево, в верховьях р. Урал, в 42 *км* к юго-западу от Сулейменево[5]. Он также с грибовидной шляпкой и перекрестьем-«шипами», ручка имеет выпуклый орнамент, имитирующий косую обмотку. Такой орнамент известен как на карасукских кинжалах из Сибири (Катанда, Алтай) и Ордоса[6], так и на мече с прямым перекрестьем и грибовидной шляпкой, с желез-

[4] Например, кинжал с Нарымского хребта (МАЭ, 3211 — 35) и из Центрального музея Казахстана (инв. № 1258/36).

[5] Об этом и следующем кинжалах мне также сообщили Р. Б. Исмагилов и Н. Н. Михалев в письмах от 15/IX-71 и 19/II-72.

[6] БМ, № 812/10: N. Egami, S. Mizuno. Inner Mongolia and the Region on the Great Wall. ArOr, B. Ser., I, Tokyo — Kyoto, 1935, Corpus II, A 1.

ным клинком и бронзовой ручкой, найденным А. И. Тереножкиным на Субботовском городище в 1971 г [7].

Наконец, кинжал-меч № 4 найден в Мулдашево, в 8 *км* к северо-северо-западу от Сулейменево в 1971 г. У него также грибовидная шляпка и перекрестье-«шипы», но в отличие от предыдущих кинжалов клинок его из железа, чего никогда не бывает у кинжалов карасукского типа в Сибири.

Литейная форма для миниатюрного кинжала карасукского типа со щелью в ручке и перемычкой найдена близ Миасса [8], т. е. в непосредственной близости от Восточной Башкирии. Все сказанное позволяет предполагать, что кинжалы из Восточной Башкирии примыкают к каким-то кинжалам карасукского типа из Юго-Западной Сибири или Северного Казахстана, пока нам неизвестным.

Еще три таких же бронзовых кинжала, со щелью с перемычками в ручке, грибовидными шляпками-навершиями и «шипами»-перекрестьями происходят с территории Украины. Они сильно отличаются от группы бронзово-железных восточноевропейских кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа [9], являясь кинжалами восточного, карасукского типа. Один из них, с шипами и щелью с тремя перемычками, найден в 1967 г. возле Субботовского городища чернолесской культуры и, по мнению А. И. Тереножкина, относится к этому городищу [10]. По форме, довольно большей длине и указателю стройности (12,8) он также сопоставляется с кинжалами II карасукской группы (VIII в. до н. э.). Это дата хорошо подтверждается вещами Субботовского городища [11].

Следующий бронзовый кинжал, точнее меч, длиной 54,5 *см*, с «шипами», грибовидной шляпкой и щелью с двумя перемычками в ручке, по виду близкий к карасукским кинжалам II группы, найден в 1968 г. в с. Гербино Балтского р-на Одесской обл. (случайная находка) [12]. Размеры этого меча приведены в таблице. Последний подобный же бронзовый кинжал, о существовании которого мне известно также из сообщения А. И. Тереножкина, найден где-то на Украине и хранится в Киевском историческом музее.

В архиве В. А. Городцова сохранился рисунок еще одного бронзового кинжала, хранившегося в 1928 г. в Таганрогском музее (рис. 1,6) [13]. Он отличается от описанных выше рифленым клинком и прорезной ручкой. По рисунку В. А. Городцова определить форму навершия трудно: плоское ли оно или в виде грибовидной шляпки. Всеми этими чертами кинжал отличается от обычных карасукских. Все же по форме перекрестья (опущенные вниз «шипы»-лопасти, правда, с ромбовидными прорезями, чего не встречалось до сих пор на карасукских кинжалах) кинжал относится к карасукскому типу (ср., например, кинжалы и мечи с Алтая, из Томска [14],

---

[7] Благодарю А. И. Тереножкина, ознакомившего меня с рисунком этого кинжала.

[8] М. Д. Хлобыстина, Л. П. Хлобыстин. Литейная форма из Южного Зауралья. СА, 1967, 2, стр. 238, рис. 1, *а*, 2, *а*, стр. 239—240.

[9] См. о них: А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. ВССА, М., 1954, стр. 103, рис. 11; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXXV; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 6, стр. 17—20.

[10] Благодарю А. И. Тереножкина, ознакомившего меня с этой находкой.

[11] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 98—100, 159—160.

[12] И. Т. Черняков. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одесчине. Археологические исследования на Украине в 1968 г., III, Киев, 1971, стр. 136—138.

[13] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 431, д. № 4, л. 43.

[14] Н. Л. Членова. Происхождение..., табл. 6—8, 9, 10.

с Андреевского озера под Тюменью [15]). Прорезные ручки на карасукских кинжалах очень редки; но очень близкой формы ручка с двумя продольными прорезями в три яруса, как и у таганрогского кинжала, есть у карасукского кинжала из Ордоса (рис. 1, 9) [16]. Все размеры и пропорции таганрогского кинжала (таблица) соответствуют наиболее поздним карасукским кинжалам II группы из Минусинской котловины; отличается он лишь большой шириной перекрестья. В целом кинжал безусловно относится к карасукскому типу.

Однако И. С. Каменецкий сообщил мне, что в Таганрогском музее хранится коллекция вещей из Китая; поскольку точное место находки данного кинжала не установлено, принадлежность его к этой коллекции не может быть исключена, хотя и очень маловероятна: кроме прорезной ручки кинжал ничем не похож на ордосский.

В Восточной Европе найдено также несколько ножей позднекарасукских или «карасук-тагарских» — с полукольцом или «аркой на кронштейне». Один из них, найденный на Северном Кавказе, в Божигане (случайная находка; рис. 2, *1*), всегда рассматривался как импортный из Сибири [17]. Однако подобный нож (рис. 2, *2*) найден и на Нижнем Дону, в могильнике Попов хутор (близ Саркела), в могиле 8 кургана № 58/26, находящейся под северной полой насыпи, при скорченном костяке; других вещей в погребении не было. Курган содержал, кроме того, как и многие курганы южнорусских степей, разновременные могилы ямной, срубной, скифской и сарматской эпохи [18]. Находка такого ножа в погребении ставит под сомнение его импортное происхождение.

Третий нож «с аркой на кронштейне» найден на Средней Волге, в дер. Нырсы Татарской АССР (рис. 2, *3*); из этого же пункта происходят также кельт меларского типа и бронзовое листовидное втульчатое копье с петелькой у нижнего конца втулки — позднейший вариант сейминских копий [19]. Меларские кельты в Скандинавии датируются 1000—600 гг. до н. э. [20], в Центральной Европе — концом лужицкой культуры [21], в Поволжье встречены в хорошо датированных комплексах Акозинского и Старшего Ахмыловского могильников VIII—VI вв. до н. э.[22].

На Востоке ножи с «аркой на кронштейне» очень распространены. Они известны в Китае, Ордосе, Монголии, Забайкалье, Прибайкалье, Минусинской котловине, в районе Томска, на Алтае, в Восточном Казахстане, в районе Тюмени. По комплексам Минусинской котловины (многочисленные могильники карасук-тагарской эпохи) [23], Восточного Казах-

---

[15] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 53, табл. XIX, *1*.

[16] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives. I. Daggers. Art As, XII, 1/2, 1949, Pl. III, *10*.

[17] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл., КСИИМК, XXII, 1950, стр. 93, рис. 25, *2*; С. В. Киселев. Рец. на: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. СА, 1958, 1, стр. 277.

[18] А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, 53, 1954, стр. 62, 74, 76, рис. 35, *1*. Благодарю В. П. Шилова за подробные сведения об этой находке и А. А. Гаврилову за рисунок этого ножа, хранящегося в ОИПК ГЭ, К.— 191.

[19] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov. I. Helsingfors, 1916, fig. 38, Pl. VII, *3*; Pl. IX, *3*.

[20] C. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finnland. SMYA, 54, Helsinki, 1954, S. 29—39.

[21] E. Sprockhoff. Lausitzer Tüllenbeil. PZ, 1949/50, S. 117—119.

[22] А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 34—38, 64; А. Х. Халиков, Н. Л. Членова. Киммерийские памятники на Средней Волге. Доклад на Археологической сессии 1969 г. в Ленинграде.

[23] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 155, табл. IV, *19*; Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры. ВИСДВ. Новосибирск, 1961, таблица-вклейка, рис. 26, 28, 48—51.

стана (находка из Жарминского р-на Семипалатинской обл. [24], могильник Зевакино [25]), Томского могильника [26], Забайкалья (литейные формы из с. Беклемишево) [27], Китая (нож с иероглифом «юань-тай» на клинке, эпохи чуньцю») [28] такие ножи датируются в пределах X — VII вв. до н. э., вероятнее же всего дата VIII—VII в. до н. э.

Интересен комплекс из Прибайкалья (гора Ус близ с. Тунка Иркутской обл.; рис. 2, *6, 7*)[29], содержащий два ножа, один с навершием-«аркой» обычного типа (рис. 2, *6*), другой с навершием, напоминающим нож из Попова хутора (рис. 2, *7*), по-видимому, более редкий вариант ножей этого типа.

Наиболее западной находкой ножей «с аркой на кронштейне» в Сибири является нож из погребения во II Перейминском могильнике на Андреевском озере под Тюменью, содержавшего, кроме того, еще бронзовый колокольчик и бронзовую нашивку — кольцо с четырьмя кольцами-приливами [30]. Далее на запад, вплоть до Среднего Поволжья и Северного Кавказа, ножи с «аркой», или полукольцом пока неизвестны, но близкие формы, с полукольцом или кольцом и плоской ручкой хорошо известны в Центральной Европе и Италии. Их ранние типы, особенно в Италии, восходят еще к XIV—XIII вв. до н. э. [31] но уже на территории Нижней Австрии и Силезии они доживают до эпохи На В2 или На В3 (IX—VIII вв. до н. э.) [32], а в Великопольше такой нож найден на Бискупинском городище VI—V вв. до н. э.[33]. Находки 36 бронзовых вещей типов V и IV периодов бронзового века в Бискупине, где вся керамика только поздняя, эпохи На С и На D и находки в Польше целого ряда кладов, сочетающих вещи IV и V периодов эпохи бронзы и На С, привели В. Шафранского и других авторов к выводу о необходимости пересмотра дат эпохи На А — На С в Центральной Европе в сторону их омоложения. Из них самые низкие даты предлагают Ф. Бен и В. Шафранский (На А × VIII—VII вв. до н. э., На В — VII — начало VI в. до н. э., На С — VI в. до н. э. [34]), несколько более высокие — М. Шолле, И. Костшевский и К. Яжджевский (На D и Bz

---

[24] СемМ, 2960—2, 3.

[25] Раскопки Ф. Х. Арслановой, 1967—1970 гг.

[26] М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, стр. 31, рис. 17, *9;* стр. 35, рис. 20, *7*.

[27] Н. Л. Членова. Литейные формы из с. Беклемишево (Забайкалье) КСИА АН СССР, 127, 1971, стр. 104—107, рис. 46, *1*.

[28] Шаньдунский провинциальный музей. Бронзовые сосуды из уезда Чанцин, провинция Шаньдун. «Вэнь'у», 1964, 4; стр. 44, рис. 88 (на кит. яз.). Перевод Л. С. Васильева.

[29] ИМ, 1934/1, 2.

[30] Раскопки С. В. Зотовой, 1961. Благодарю С. В. Зотову, ознакомившую меня с этими находками.

[31] Пескьера (Италия), Меммельсдорф, Риденбург (Южная Бавария) и др. H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, Text. Abb. 15, 21, 23; Tafeln, Taf. 105, *1*, 201, *B. G*, 202, *B, 17*.

[32] Нидеррусбах (Нижняя Австрия). IX в. до н. э. по H. Müller-Karpe. Op. cit., Abb. 50, Taf. 141, *D, 1*, S. 101—102, 104, 126; по Р. Питтиони комплекс Нидеррусбах относится к типу Штильфрид, VIII в. до н. э. (R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954, S. 491, Abb. 351, S. 534). В Силезии такие ножи найдены в могильниках Бреслау и др., На В2 — На В3 по H. Müller-Karpe. Op. cit., S. 126 (младший бронзовый век, по X. Зегеру). H. Seger. Schlesien. RLV, XI, Taf. 85 — *w*).

[33] Z. Rajewski. New Discoveries in Western Poland. «Archaeology», II, 1. Cambridge Mass., 1958, p. 43; W. Szafrański. Jak datować gród kultury łużyckiej w Biskupinie? ZW, XX, 1—2, 1951, стр. 17, 25—26; J. Filip. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. I. Prag, 1966, S. 126. З. Раевский датирует Бискупин 700—400 гг. до н. э., а нож — 1000—800 гг. до н. э. (Z. Rajewski. 10 000 lat Biskupina i jego okolic. Warszawa, 1958, стр. 7, 51).

[34] W. Szafrański. Jak datować..., стр. 16—27; его же. Nowe próby datowania okresu halsztackiego. ZW, XXJ, 1952, стр. 175—178; его же. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 8—11.

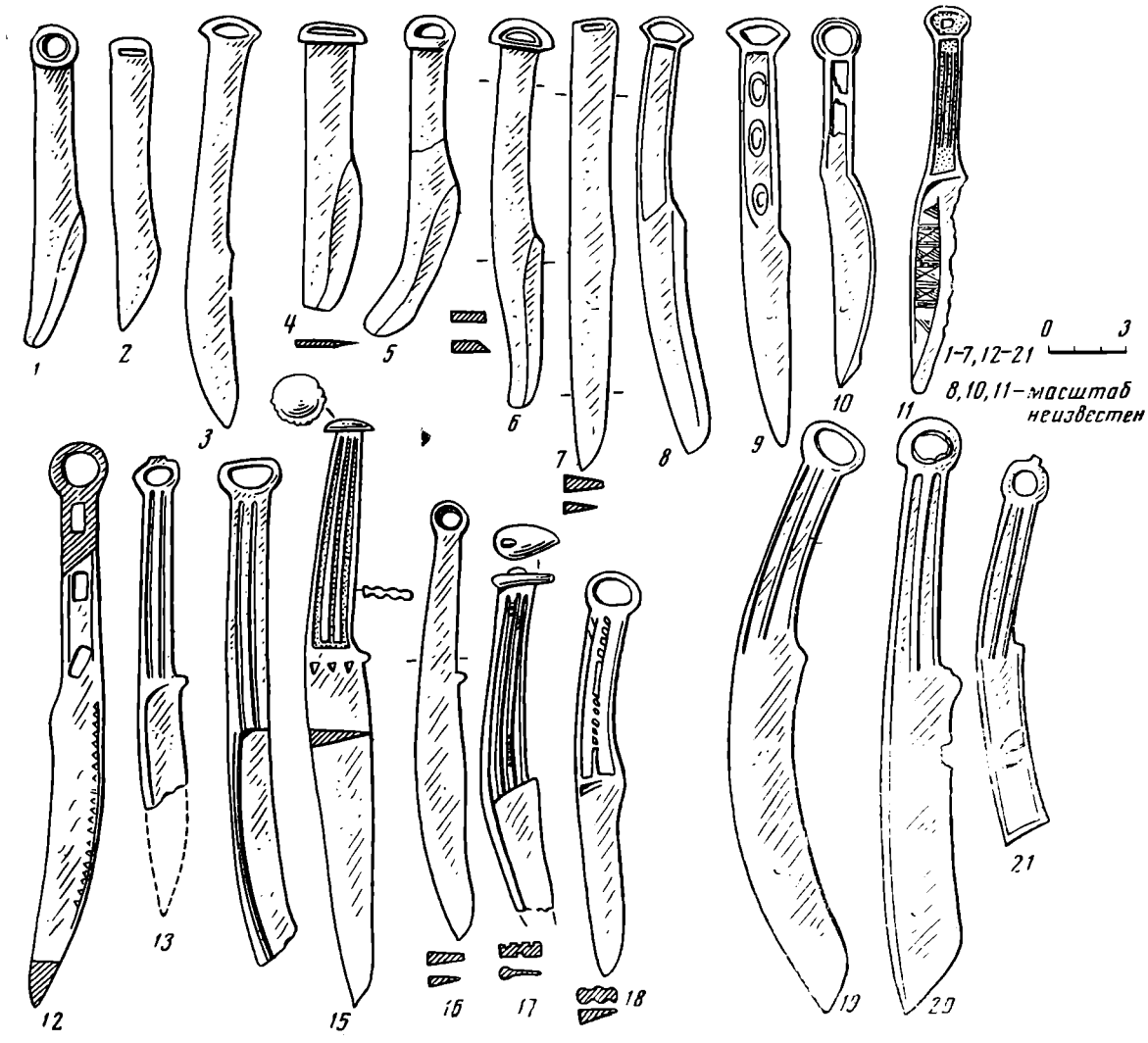


Рис. 2. Ножи из Восточной (*1—3*) и Центральной Европы (*10—14*) и их восточные параллели

1 — Божиган, Северный Кавказ (по Е. И. Крупнову); *2* — Попов хутор (Нижний Дон), кург. 58/26, погр. 8 (по рис. А. А. Гавриловой); *3* — Нырсы (Нижнее Прикамье), по А. М. Талльгрену, 1916; *4* — р. Туим (Минусинская котловина), ГЭ, 1126—317; *5* — бывш. Минусинский уезд, КМ, 131—7246, *6, 7* — гора Ус близ с. Тунка Иркутской обл.; *8, 9* — Ордос, по М. Лоеру; *10* — Бискупинское городище, по З. Раевскому, 1958; *11* — Нидерруссбах, Нижняя Австрия, по Г. Мюллер-Карпе, 1959; *12, 13* — Брайтер Берг, Силезия, по Э. Петерсену и М. Яну; *14* — Смилово близ Яроцина, Великопольша, по М. Яну; *15* — Верхний Абакан, Минусинская котловина, ГЭ, 5531—391; *16* — г. Минусинск, ММ, 1967; *17* — Быскар, Минусинская котловина, ММ, 1298; *18* — Минусинский округ, МИМК ТГУ, 2888; *19* — «Могила слона», Аньян, по У. Ч. Уайту; *20* — Соцзиньцунь, по Чжан гуан-чжи, 1968; *21* — монетный нож типа «миндао», Хуньшаньхоу, Южная Манчьжурия, по К. Хамада и С. Мицуно (*1—21* — бронза)

IV—X — середина IX в. до н. э.; На B и Bz V — середина IX — середина VII в. до н. э.; На C — середина VI в. до н. э.) [35]. Эти даты нужно иметь в виду и в данном случае, при рассмотрении центральноевропейских аналогий ножам с кольцом и полукольцом.

Один из них (рис. 2, *12*) [36]найден на городище Брайтер Берг в Силезии, близ Стржегом (Штригау). Дата городища, по Г. Берзу, 800—500 гг. до н. э. [37], конец ему положило скифское вторжение [38], однако конечная да-

[35] M. Šolle. Hallstatt — Chronologie in Mähren.— Chronologie préhistorique de la Tchécoclovaquie. Prague, 1956, p. 129; K. Jażdżewski. Tabele chronologiczne do pradziejow Europy środkowej i środkowo-wschodniej. Prace i materiały museum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna, 14. Lódź, 1967, табл. 3.

[36] E. Petersen. Die geschweiften Bronzemesser in Schlesien. Altschlesien, 1931, 3, 2, S. 209. Abb. 5.

[37] G. Bersu, H. Kurtz, E. Petersen, H. Seger. Der Breite Berg bei Striegau. I. Breslau, 1930, S. 1.

[38] Там же, S. 39; M. Jahn. Die Skythen in Schlesien. Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. IX, Breslau, 1928, S. 17.

та может быть удревнена, поскольку изданные М. Яном скифские стрелы с этого городища относятся к VII—VI вв. до н. э.[39]. На этом же городище найден и другой нож, резко отличающийся от европейских и имеющий явно карасукский облик: у него рубчатая ручка и шип, или гарда (рис. 2, *13*) [40]. Подобный же нож, но без шипа найден в Смилово близ Познани (рис. 2, *14*) [41]. Единственная известная мне европейская параллель этим ножам — уже упоминавшийся экземпляр из Нидеррусбах в Южной Баварии (рис. 2, *11*) — типологически достаточно далекая параллель: он имеет типично европейские черты (клинок с выгнутым обушком и гравированным геометрическим орнаментом), каких нет на ножах из Брайтер Берг и Смилово. Издавший эти ножи М. Ян справедливо приводил им карасукские параллели (ножи из атласов В. В. Радлова и Ф. Мартина) и считал, что можно выводить их из Сибири, но в Центральную Европу они принесены скифами [42]. Известно, однако, что у скифов нет ничего похожего на эти ножи. В недавнее время А. И. Тереножкин приводил эти ножи как один из примеров связей Восточной Европы с Сибирью [43].

Заметим, однако, что абсолютно идентичных ножей в Сибири нет. Карасукские ножи с кольцом обычно не имеют рубчатой ручки, а ножи с рубчатой ручкой и шипом заканчиваются не кольцом, а грибовидной шляпкой (рис. 2, *15*, *17*). В Монголии [44] и Китае есть и более точные параллели — ножи с рубчатой ручкой и кольцом, но без шипа. В Китае они известны в аньянский период (XIII—XI вв. до н. э.) [45], но более распространены в конце эпохи инь и начале эпохи чжоу (конец XI—X вв. до н. э.) [46] и в эпоху западного чжоу (X—VIII вв. до н. э.) (рис. 2, *19, 20*) [47]; именно они и послужили прототипами северных чжоуских монет-ножей «дао», употреблявшихся, видимо, с VIII—VII до III в. до н. э.[48] Нож из Смилова по форме (узкий клинок, отсутствие уступа между клинком и ручкой) сближается скорее всего с ножами конца этого периода и с монетными ножами (рис. 2, *14*, *21* [49]).

На Украине, в бывш. Черкасском или Чигиринском уездах Киевской губ. (точнее неизвестно), найдены два типично карасукских украшения: бронзовая лапчатая привеска и привеска в виде бубенчика (рис. 3, *1, 6*) [50].

---

[39] M. Jahn. Opt. cit., S. 18, Abb. 6; Ср. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М.—Л., 1964, табл. 6 и К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, табл. 11, *А, Б*.

[40] M. Jahn. Opt. cit., S. 21, Abb. 8.

[41] Op. cit., Abb. 9.

[42] Op. cit., S. 20—21.

[43] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 186, рис. 113, *5, 6*, стр. 220, 221.

[44] В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, табл. 3, *33*.

[45] «Могила слона», середина XIII в. до н. э. (W. Ch. White. Bronze Culture of Ancient China. Toronto, 1956, Pl. XXVII, *9*, XXVIII, *12, 16*).

[46] Дасыкунцунь, мог. 160, 233 (Ма Дэ-чжи и др. Доклад о раскопках 1953 г. в Дасыкунцунь, Аньян, Каогу сюэбао 1955, 9, табл. 14 (на кит. яз., перевод Л. С. Васильева); Chêng Tê-k'un. Archaeology in China. II. Cambridge, 1962, p. 20, 70, 71, 161; Могильник Соцзиньцунь близ Нанкина, культура хушу (Инь Хуань-чжан и др. Раскопки в дер. Соцзиньцунь близ Нанкина. Каогу сюэбао, 1957, 3, табл. 5, рис. 9 и стр. 29 (на кит. яз.) Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. London, 1968, p. 384—386, fig. 143).

[47] N. Egami, S. Mizuno. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. ArOr, B. Ser. I, Tokyo — Kyoto, 1935, Corpus, J-55; Chêng Tê-k'un. Op. cit., III, p. 239, fig. 27, *7*.

[48] Chêng Tê-k'un. Op. cit., III, p. 258—262; N. L. Swann. Food and Money in Ancient China. Princeton, 1950, p. 10—11, 219, 221; Пэн Синь-вэй. История денежной системы в Китае. 1, Шанхай, 1954 (на кит. яз.), табл. 15, *1, 3* и стр. 27—28; А. А. Быков. Монеты Китая. Л., 1969, стр. 4, 8, 9; Yang Lien-sheng. Money and Credit in China. Cambridge. Mass., 1952, p. 14—15.

[49] K. Hamada, S. Mizuno. Hung Shan-hou, Ch'ih Fêng. ArOr, A Ser. VI, Tokyo — Kyoto, 1938, fig. 24.

[50] А. Бобринский. Отчет об исследованиях курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1909 г. ИАК, 40, СПб., 1911, стр. 59, рис. 42, 43; стр. 58.

Лапчатая привеска — специфическое украшение карасукской культуры Минусинской котловины, встреченное во многих могильниках. Известны, однако, и более западные, единичные находки — в Томской (Томский могильник — Большой мыс [51], поселение Осинники [52] ирменской культуры) и Омской областях (Омская стоянка, ирменский слой) [53], во всех случаях относящиеся к VIII и VII вв. до н. э.; западнее Иртыша их до сих пор не находили.

Бронзовые бубенчики (иногда с гремушками внутри) являются, как известно, излюбленными украшениями карасукской и родственных ей культур (бубенчики — навершия кинжалов, ножей, шильев, бубенчики-подвески). Иногда они бывают прорезными, иногда вместо прорезей на них вдавленные полоски. Особенно похож на бубенчик с Украины карасукский экземпляр из с. Анаш (Минусинская котловина) (рис. 3, 7). Подобные же, но более мелкие подвески с шариками уже без прорезей известны в карасукских и лугавских памятниках Минусинской котловины (Сартакский клад, [54] Аскыз, курган 5 [55]) и в поселении Хуншаньхоу в Манчьжурии, датируемом монетными ножами типа «миндао» концом VI в. до н. э. [56].

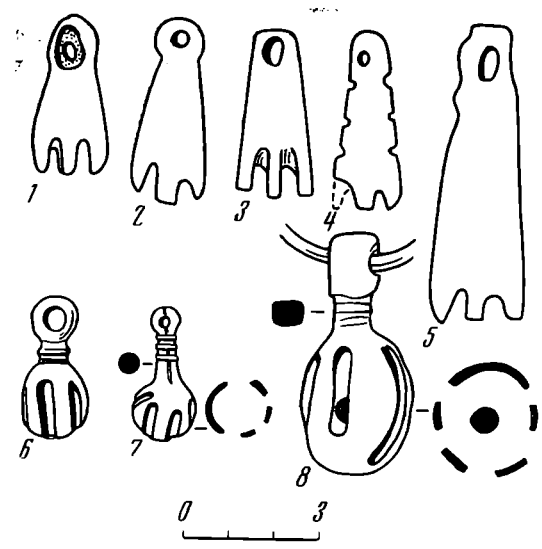


Рис. 3. Украшения из Восточной Европы (*1, 6*) и их восточные параллели

1, 6 — бывш. Черкасский или Чигиринский уезд Киевской губ., по А. А. Бобринскому; *2* — Минусинский округ, ММ, 8657; *3* — дер. Бедра, Минусинская котловина, ГЭ, 1293—204; *4* — с. Уты, Минусинская котловина, ММ, без номера; *5* — поселение Осинники Томской обл., раскопки Л. А. Чиндиной, МИМК ТГУ, 6934—106; *7* — с. Анаш, Минусинская котловина, ММ, 8045; *8* — Красноярский край, ГЭ, 5531—1373 (*1—8* — бронза)

Последняя находка, на которой здесь нужно остановиться,— это бронзовый поясковый кельт, найденный у с. Заборья (или Загорья) на северо-западе Московской обл., в верховьях р. Сестры в 1830 г. при проведении канала вместе с несколькими бронзовыми шипастыми наконечниками стрел (рис. 4, *1—3*). В. А. Городцов издал две из них, обе втульчатые, двулопастные, одна с листовидной, другая с ромбической головкой [57], VII—VI вв. до н. э.[58], этим временем датируется и кельт. В. А. Городцов считал его близким к «киммерийским» типам кельтов Причерноморья [59], однако среди причерноморских кельтов таких нет. М. П. Грязнов отнес кельт к карасукским, с чем следует согласиться [60]. Судя по рисункам И. Аспелина

[51] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 39, рис. 22, *19*.

[52] Раскопки Л. А. Чиндиной. 1964. МИМК ТГУ, 6934—106.

[53] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ. IV, 2, Л., 1929, стр. 44; В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 81.

[54] АМ.

[55] G. Gjessing. Minussinkiske oldfunn. Arbok, 1938/40.

[56] K. Hamada, S. Mizuno. Ук. соч., fig. 24. О появлении ножей «миндао» в Маньчжурии с конца VI в. до н. э. см. N. L. Swann. Ук. соч., p. 11 и А. А. Быков. Ук. соч., стр. 8—9.

[57] J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1877, p. 51, fig. 157; В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, М.— Л., 1933, стр. 24, рис. XI.

[58] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 6.

[59] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 24.

[60] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 156—157. Нельзя лишь согласиться с попыткой М. П. Грязнова на основании этой находки датировать скифские шипастые стрелы VIII в. до н. э. Дата этих стрел VII—VI вв. до н. э. хорошо установлена по многочисленным комплексам

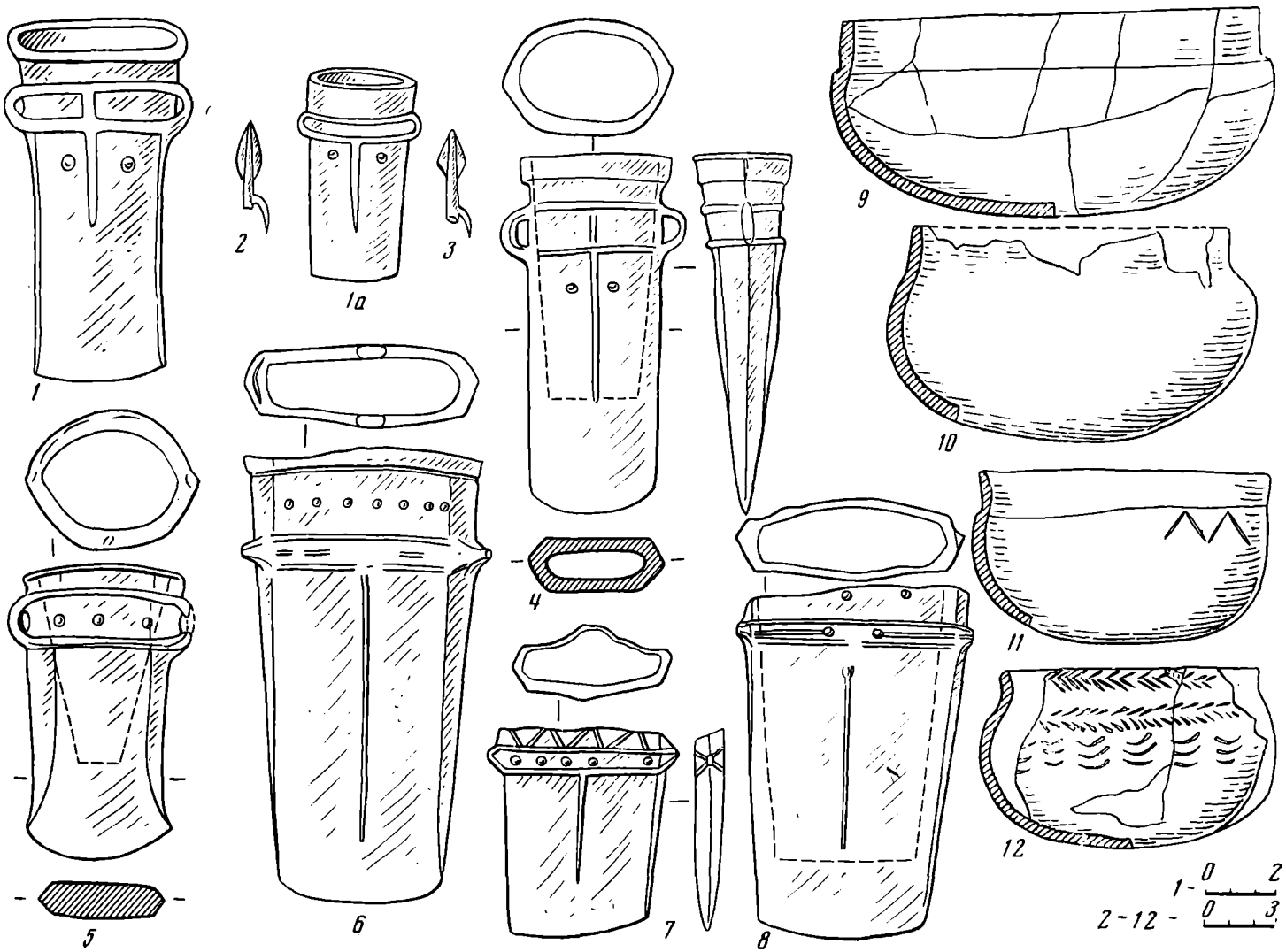


Рис. 4. Кельт и керамика из Восточной Европы (*1—3, 9*) и их восточные параллели

1—3 — с. Заборье, СЗ Московской обл.; *1* — по И. Аспелину, *1 а, 2, 3* — по В. А. Городцову; *4* — Сибирь, точнее неизвестно. ГЭ, 1136—39 (Колл. Н. Ф. Романченко); *5* — р. Уйбат, Минусинская котловина, ММ, 117; *6* — Ладейское погребение, г. Красноярск, КМ, 457; *7* — Екатеринбургский или Ирбитский уезд Пермской губ. МИМК ТГУ, 2605; *8* — д. Кривая, Минусинский окр., ГЭ, 5531—30; *9* — оз. Сарайдин, междуречье Б. и М. Узеней. Саратовский музей, 1784; *10, 11* — Еловский могильник, Томская обл., шифры: ЕК II, к. 1 и ЕК II, к. 18, м. 3, раскопки В. И. Матющенко, МИМК ТГУ, 6992; *12* — поселение Язево на р. Тоболе, шифр: р. 11, 2666, 3—5, раскопки Т. М. Потемкиной, 1968—1969. Курганский пединститут (*1—8* — бронза, *9—12* — керамика)

и В. А. Городцова, кельт из Заборья имеет овальную или подпрямоугольную втулку и два боковых ушка, соединенных «пояском» из двух выпуклых валиков; от середины пояска перпендикулярно вниз также отходит валик, по обе его стороны по выпуклой точке. В Сибири имеется целая серия подобных кельтов (рис. 4, *4—8*). Наиболее близок к заборьевскому кельт из коллекции Н. Ф. Романченко (рис. 4, *4*). Другие сибирские кельты иногда имеют уплощенную втулку и вместо ушек пирамидальные или

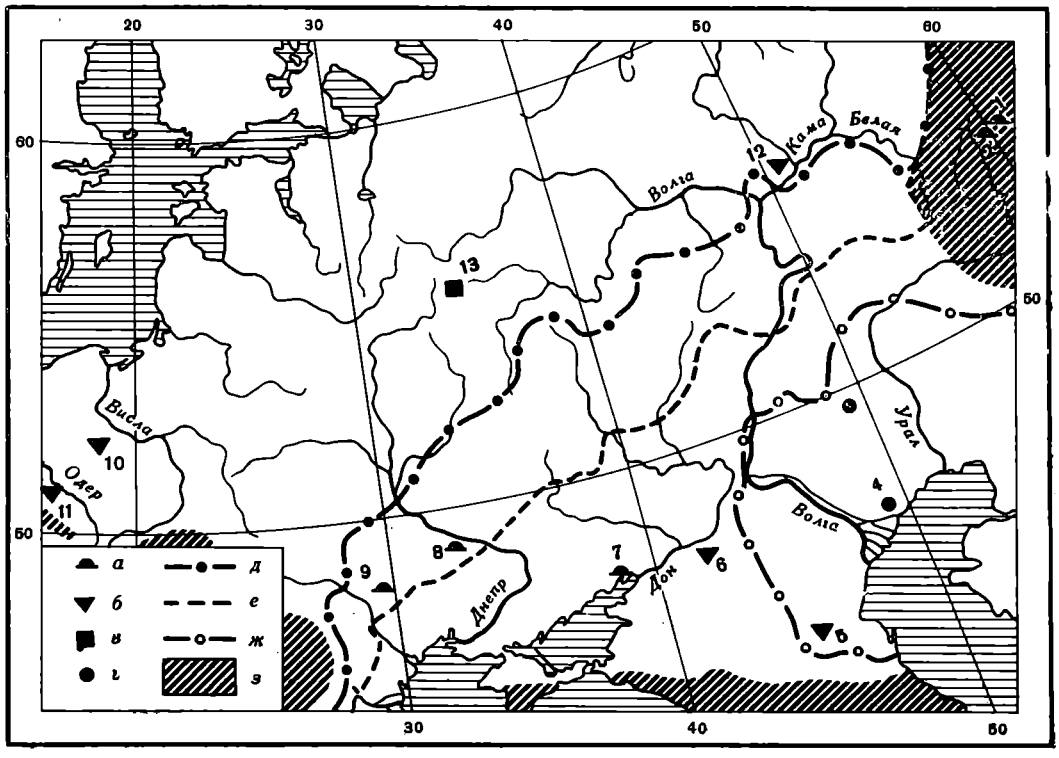


Рис. 5. Карта находок карасукского типа в Восточной Европе

а — кинжалы, *б* — ножи, *в* — кельт, *г* — керамика, *д* — граница леса и лесостепи, *е* — граница лесостепи и степи, *ж* — граница степи и полупустыни, *з* — горы. *1* — Сулейменево, Ильчигулово, Мулдашево; *2* — Рысаево; *3* — Сарайдин, *4* — Ата-Куль, *5* — Божиган, *6* — Попов хутор, *7* — Таганрог, *8* — Субботов, *9* — Гербино, *10* — Смилово, *11* — Брайтер Берг, *12* — Нырсы, *13* — Заборье

конические выступы. Из них особенно интересен кельт из Ладейского погребения в г. Красноярске (рис. 4, *6*) [61]. Ножи, шило и украшения из этого погребения — красноярско-канского варианта карасукской культуры VIII—VII вв. до н. э.[62]. Это погребение и определяет культурную принадлежность кельтов данного типа.

Самая западная находка подобного кельта в азиатской части СССР — бывший «Екатеринбургский или Ирбитский уезд Пермской губ.» (рис. 4, 7) [63]; по-видимому, кельт найден где-то между Ирбитом и Свердловском, в лесном Зауралье. На его сходство с упомянутыми кельтами Красноярского края уже обращал внимание Г. Мергарт, справедливо рассматривавший его как звено между Сибирью и Восточной Россией [64].

Итак, в Зауралье и Восточной Европе (вплоть до Силезии) найдено к настоящему времени 16 типично карасукских бронзовых вещей. Из них 14 найдено в южных, степных и лесостепных районах (Юго-Восточная Башкирия, Нижний Дон, Северный Кавказ, Украина. Силезия) и две ве-

Восточной Европы и Ближнего Востока. Напротив, кельт должен датироваться скифскими стрелами.

[61] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, 60, 1952, стр. 129—130.

[62] Н. Л. Членова. Хронология памятников карасукской эпохи. МИА, 182, 1972, стр. 51, 52.

[63] МИМК ТГУ, 2605.

[64] G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, S. 85—87, Abb. 51.

щи — в лесной полосе (Приказанское Поволжье и северо-запад Московской обл.) (рис. 5). 11 вещей — случайные находки, другие найдены в комплексах или несомненно связаны с памятниками: Нырсы (в комплексе с вещами позднесейминского — раннеананьинского типов), Заборье (клад или погребение), Попов хутор (погребение), Субботово (вещь связана с чернолесским городищем), Брайтер Берг (в слое лужицкого городища). Все находки датируются временем X—VII вв. до н. э., главным же образом VIII—VII вв. до н. э.

Являются ли эти вещи импортом из Сибири? К сожалению, совершенно не производились анализы их металла, что сильно помогло бы решению этого вопроса. Из всех публикуемых вещей был сделан лишь анализ ножа из городища Брайтер Берг [65]; интересно было бы сравнить его с лужицкими сплавами из Силезии и с сибирскими сплавами.

Некоторые из перечисленных вещей могут быть и импортными или изготовленными по импортным образцам. Интересно в таком случае, какие восточноевропейские культуры получали этот импорт. В южных районах это во всяком случае чернолесская и лужицкая культуры и возможно, что и северокавказские культуры (типа станицы Николаевской и хутора Кубанского из раскопок Н. В. Анфимова); в северных районах это памятники позднесейминские — раннеананьинские.

Но по крайней мере в одном случае мы достоверно имеем дело не с импортом. Речь идет о ноже из погребения 8 кургана № 58/26 у хутора Попова близ Саркела, на Нижнем Дону, найденном вместе со скорченным мужским костяком, лежавшим на левом боку, головой на северо-восток. Череп из этого погребения, по определению Л. Г. Вуич, «массивный, брахикранный» [66]. По заключению В. П. Алексеева, он не выделяется из серии карасукских черепов.

Находка в кургане у Попова хутора человека с черепом, похожим на карасукский, и ножом карасукского типа позволяет говорить, что он является пришельцем с Востока. В 1971 г. погребение с каменным сверленым топором и бронзовым ножом с прямой спинкой «сибиро-казахстанского типа» было найдено М. Г. Мошковой в кургане 2 Веселовского могильника на Маныче [67]. Такие ножи известны как в позднеандроновских памятниках (Алексеевка), так и в ирменских (Ирмень, Большой лог). В этой связи важно напомнить еще о некоторых находках карасукского типа из междуречья Урала и Волги и района дельты Волги, которые не могут быть импортными. Речь идет о керамике. Сосуд из поселения у оз. Сарайдин (междуречье Большого и Малого Узеней, см. карту и рис. 4, *9*) по форме, тесту из прекрасно отмученной глины и лощеной оранжево-красноватой поверхности резко отличается от керамики эпохи бронзы из Нижнего Поволжья [68]. И. В. Синицын сравнивал его с сосудами из Дандыбая в Центральном Казахстане, и он действительно похож на сосуды дандыбай-бегазинского или тагискенского типа. Но не менее похож он, особенно по форме и пропорциям, на некоторые сосуды ирменской культуры западносибирской лесостепи (рис. 4, *10—12*). Дальнейшие подобные находки были сделаны А. Н. Мелентьевым в 1968—1970 гг. в двух пунктах на развеянных стоянках у зимника Караузек и оз. Ата-Куль близ пос. Ганюшкино

---

[65] Cu — 91,35%, Sn — 6,37%, Pb — 0,14%, Fe — 0,5%, As — следы (M. Jahn. Op. cit., S. 20).

[66] Л. Г. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона. МИА, 62, 1958, стр. 419. Там же приведены индивидуальные измерения.

[67] М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко, К. Ф. Смирнов. Работы на Нижнем Дону и в междуречье Сала и Маныча. АО — 1971. М., 1972, стр. 123,124. Инвентарь погребения демонстрировался на докладе М. Г. Мошковой в скифо-сарматском секторе ИА АН СССР осенью 1971 г.

[68] И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 100, рис. 35, *3*, стр. 101; Саратовский музей, инв. № 1784.

в районе дельты Волги. Это фрагменты хорошо отделанных сосудов с невысокими шейками и округлым туловом, украшенных заштрихованными треугольниками и поперечно заштрихованными полосами, образующими углы. А. Н. Мелентьев сравнивает эту керамику с карасукской керамикой Енисея и керамикой типа Дандыбай-Бегазы и Тагискен[69]. Малое количество материала из Волго-Уральского междуречья не позволяет пока окончательно решить вопрос в пользу сырдарьинского, казахстанского или зауральско-западносибирского происхождения этой керамики. Вероятно, со временем число подобных находок с этой территории и с территории Западного Казахстана значительно увеличится. Важно то, что эти находки, как и погребение у хутора Попова, с несомненностью свидетельствуют о наличии в районах междуречья Урала и Волги, Нижней Волги и Нижнего Дона около VIII в. до н. э. какого-то населения, физический тип и культура которого обнаруживают явное азиатское, казахстанско-сибирское тяготение и которое могло быть проводником тех сибирских влияний в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, которые засвидетельствованы описанными выше находками бронзовых вещей. Эти связи на столь далекое расстояние не должны казаться чем-то из ряда вон выходящим для этой эпохи. Хорошо известны, например, связи Северной Италии с Карпато-Дунайским бассейном, свидетельством чего являются, например, предметы конского убора фрако-киммерийского типа и других вещей в могильниках Болонья и Эсте IX—VII вв. до н. э.[70] и находка протоэтрусского шлема и других италийских вещей на Западной Украине и в Польше[71]; связи Греции, восточного побережья Адриатики и Северной Италии с Луристаном и Урарту, о чем свидетельствуют находки псалий луристанского типа в Греции, Италии и приальпийской зоне[72], находки бронзовых топоров луристанского происхождения в Албании и Югославии[73], находки урартских бронзовых котлов и других вещей в этрусских могилах[74]. Известны также связи Приказанского и Марийского Поволжья с Северным Кавказом, засвидетельствованные находками топоров кобанского типа, кавказских бронзовых поясов, бронзово-железных кинжалов каменномостско-березовского типа и многих других вещей в Поволжье[75] и ананьинского кельта на Северном Кавказе[76]. Во всех перечисленных случаях

---

[69] А. Н. Мелентьев. Работы Астраханской экспедиции. АО — 1968, М., 1969, стр. 147; его же. Разведка в Северном Прикаспии. АО — 1969. М., 1970, стр. 125. Благодарю А. Н. Мелентьева, любезно ознакомившего меня с этими материалами.

[70] G. Merhart. Donauländische Beziehungen der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens. Bonner Jahrbücher, 1942, 147, S. 1—90; V. G. Childe. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950, pp. 218—220, 228—230; G. Kossack. Studien zum Symbolgut der Urnenfelder- und Hallstattzeit Mitteleuropas. Berlin, 1954, S. 53—56; S. Foltiny. Zum Problem der Kulturbeziehungen zwischen den mittel- und südeuropäischen Reitervölkern und der Bevölkerung Nordostitaliens aus Beginn der Früheisenzeit.— MAGW, XCII, Wien, 1962, S. 112—118, Taf. XII, *3, 8, 11*; S. 127.

[71] W. Antoniewicz. Protoetruski helm brązowy znaleziony w Krzemiennej na Podolu. Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. VIII, 10—12, 1919; A. Szłankowna. Kilka importow staroitalskich i zachodnioeuropejskich z Południowo-Wschodnniej Polski i Ukrainy. Swiatowit, XVII, 1938; L. J. Łuka. Importy italskie i wschodnio-alpejckie oraz ich naćladowanictwa na obszarze kultury «łuzyckiej» okresu halsztackiego w Polsce. Slavia Antiqua. VI, 1959, стр. 95, табл. 4.

[72] H. V. Herrmann. Frühgriechischer Pferdeschmuck vom Luristantypus. IDAI, 83, 1968, S. 1—10; C. Hopkins. The Origins of Etruscan Art. «Archaeology», II, 1—2, 1958, p. 94, fig. 1, 3, 4, fig. 95; Z. Mayani. Les etrusques commencent a parler. Paris, 1961, pp. 410—413, fig. 74, 75; H. Hencken. Tarquinia and the Etruscan Origins. London, 1968, Pl. 128, pp. 122—123; G. Kossack. Op. cit., Taf. 12—20, S. 56, 110, 111.

[73] F. Prendi. Trois haches de bronze découvertes en Albanie. Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, 12, 1958, R. Vulpe. Récapitulation sur les haches de bronze illyro-adriatiques. Там же, 14, 1960.

[74] K. R. Maxwell-Hyslop. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs.— Iraq, XVIII, 2, 1956, p. 152—163.

[75] А. Х. Халиков. 1962, стр. 101, табл. XIX, *4, 5*; А. Х. Халиков, Н. Л. Членова. Киммерийские памятники...

[76] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 88, рис. 13.

речь идет о связях на расстояние в 1000—3000 *км* по прямой. Расстояние от Западной Сибири даже до крайнего западного пункта находок карасукских вещей — до Силезии — не больше. Пути, по которым осуществлялись эти связи, пока могут быть намечены лишь в самых общих чертах. В основном связи эти проходили, видимо, по лесостепной полосе Сибири и лесостепной и степной зоне Европейской части СССР (см. карту). Однако существовали и другие, более северные пути по лесной зоне, от лесного Прикамья и Притоболья до Средней и даже Верхней Волги. Очень важна для понимания тех и других связей территория Западной Сибири и Зауралья, в своей и лесной и лесостепной части концентрирующая вещи как сибирского, так и поволжско-приуральского типа. По мере исследования этой обширной территории, пока изученной еще совершенно недостаточно, пути и направления связей Сибири и Восточной Европы будут все более уточняться.

N. L. Tchlénova

TROUVAILLES DES OBJETS DE LA CIVILISATION DE KARASSOUK A L'OURAL ET EN EUROPE DE L'EST

Résumé

16 objets du bronze apparenant à la civilisation de Karassouk ont été trouvés à l'Oural et en Europe de l'Est dont 8 poignards (dans les villages Souleïménovo, Iltchigoulovo (fig. 1, 1.2), Mouldachévo et Rysaévo dans la Bachkirie d'Est; aux environs de Taganrog (fig. 1, 5); près de lieu fort de Soubbotovo de la civilisation de Tchérnoléssié à l'Ukraine); 3 couteaux «au support demi-circulaire» (village de Bojigane au Caucase septentrional (fig 2, 1), métairie Popov dans le cours inférieur du Don (fig. 2, 2), village Nyrcy dans le cours de Volga (sur le territoire de l'ancienne principauté de Kazan) (fig. 2, 3), 2 couteaux «aux anneaux» dans la Silésie (fig. 2, 12, 14), une pendoloque en forme de patte et un grelot à l'Ukraine (fig. 3, 1, 6) et une hache à douille dans la région de Moscou (fig. 4, 1—3). Certains de ces objets pouvaient être importés de la Sibérie mais le couteau de la métairie Popov a été trouvé dans une sépulture et la crâne de l'homme qui y était enseveli avait des traits caractéristiques du représentant de la civilisation de Karassouk. Ce fait et les trouvailles des poteries de la forme Irmenokarassouk dans le Kazakhstan occidental et dans le délta de la Volga laissent supposer la pénétration de la population originaire de la Transouralie et de la Sibérie Occidentale dans l'Europe d'Est tout au moins dans des régions des steppes et des steppes boisés.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Во время исследования античных городищ и поселений северной Бактрии, осуществлявшегося Узбекистанской искусствоведческой экспедицией, было обнаружено и вскрыто несколько керамических печей.

На юго-западном участке обширного городища Дальверзин-Тепе экспедицией выявлен крупный квартал керамистов кушанского времени, имеющий вид большого оплывшего бугра. В 1968 г. в ложбине с восточной стороны нами была вскрыта небольшая печь (под шифром Пч-1) [1]. Она ориентирована с севера на юг, топочное устье расположено с южной стороны. Сохранилась лишь топочная камера (2,40 × 70—90 *см*), обложенная сырцом, и часть сводика, выведенного из специально изготовленных лекальных кирпичей, на которых еще по сырому вырезался дугообразный кусок. Смыкаясь попарно, они образуют кривую свода, завершенную клиновидным замком. Среди небольшого числа фрагментов керамики, извлеченных из завала печи,— обломки крупных сосудов красновато-коричневого цвета в изломе со светлоангобным покрытием и сероглиняных, обычных в комплексах керамики I—II вв. на Дальверзин-Тепе, датируемых монетами Великих Кушан. Характерен и упомянутый сводик, аналогичный перекрытию ниш и лестничной клетки одного из помещений буддийского комплекса на Айртаме, возведенного при Канишке [2].

Основная масса печей располагалась выше, на восточном и на южном склонах, почти в ряд. Установлено, что квартал разросся на естественном лёссовом бугре, в котором вырубались топочные камеры; со временем их частично опускали в уже накопившийся слой производственных отвалов.

От печи под шифром Пч-3 сохранилась вся топочная часть с остатками сводчатого перекрытия, а также под и нижние кладки стенок камеры обжига (рис. 1). Печь вытянута с запада на восток, куда обращено и топочное устье. Прослежено два строительных периода, не считая некоторых текущих ремонтов. Первоначально топочная часть печи была опущена в грунт (материковый лёсс и накопившийся над ним ко времени устройства печи культурный слой) и обложена вертикально поставленным сырцовым кирпичом (40 × 40 × 12 *см*). После длительного использования свод печи, очевидно, пришел в негодность, и тогда его разобрали, камеру сузили, обложив сырцовым кирпичом (35 × 35 × 11 *см*) горизонтальной кладки и вывели новый свод. Размеры топочной камеры после этой перестройки — 3,7 × 1—1,10 *м*, топочный ход длиной 3,5 *м* при ширине 65—70 *см*. Перекрытием топочного хода служит трапециевидный

[1] Г. А. Пугаченкова. Новое в изучении Дальверзин-Тепе. СА, 1971, 4.

[2] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана. СА, 1963, 4, стр. 83.

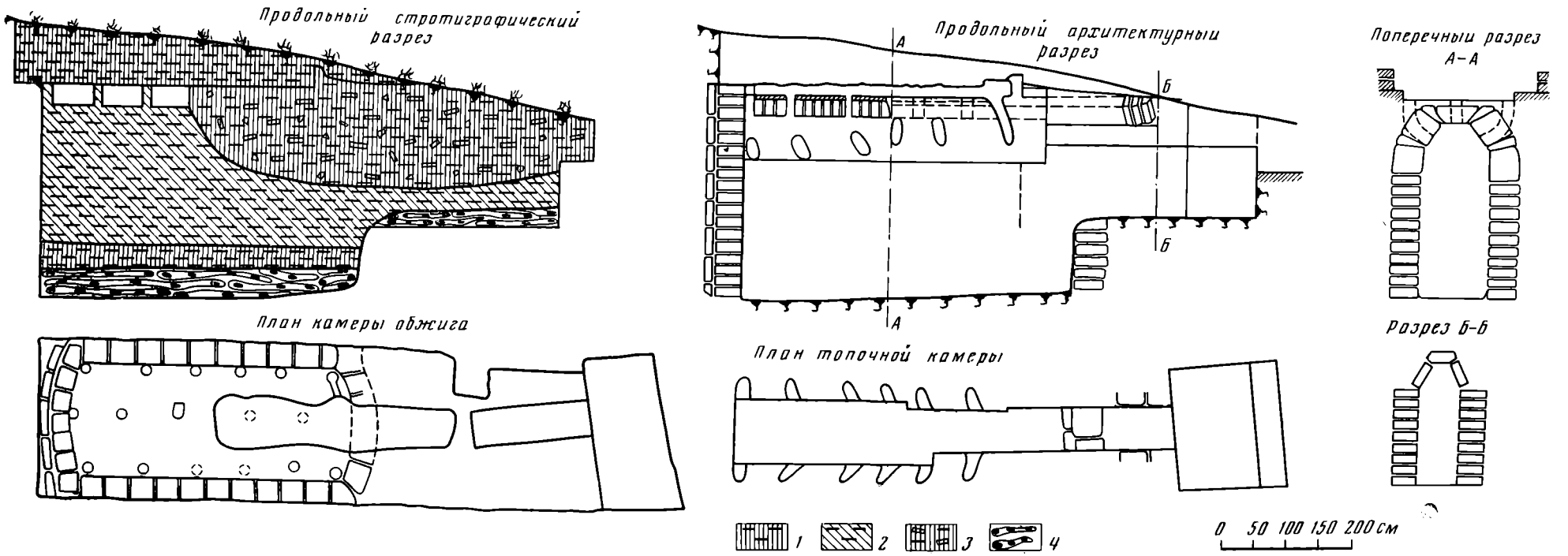


Рис. 1. Дальверзин-Тепе. Печь № 3.

1 — рыхлый слой с примесью золы; *2* — средний плотный горелый слой с надувной землей; *3* — разрушенный слой с фрагментами кирпичей; *4* — зольник с угольками

сводик, образованный парами наклонно поставленных кирпичей — сырцовых (34 × 17 × 10 *см*) или обожженных (32 × 16 × 6 *см*) с замком из обрубленного в форме клина сырцового кирпича. Перекрытием топочной камеры был более широкий свод из сырцового кирпича, наклонными отрезками (угол наклона рядов около 20°), трапециевидный в верхней половине, со скруглением путем обмазки у пят (рис. 2). В этом своде устроены идущие вкось вдоль стенок и вертикально в замке каналы для тяги горячих газов. Стены камеры, свод, каналы сильно ошлакованы за время длительной эксплуатации печи.

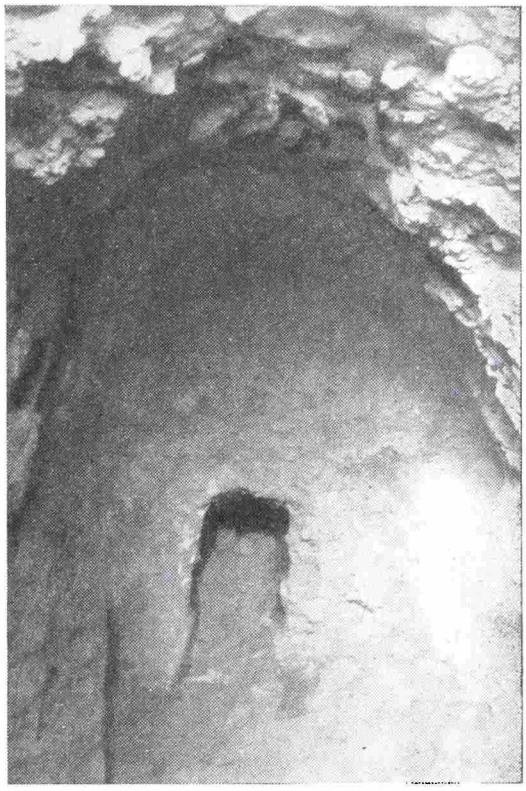


Рис. 2. Печь № 3. Свод топочной камеры. В промоине видна первоначальная кладка торцовой стены

Камера обжига почти прямоугольная, с небольшим выгибом торцовых стенок (длина 3,80—4, ширина 1,70 *м*). Она обложена в один ряд сырцовым кирпичем (32 × × 32 × 10—11 *см*), наполовину окалившимся до светло-желтого цвета и сохранившимся на высоту не более одного — двух рядов. Вдоль стенок, а также по оси расположены лунки жаропроводящих каналов диаметром 15—18 *см* — по четыре в трех рядах. В северо-западном углу сохранилась кладка камеры обжига, относящаяся к первому строительному периоду, в которую была как бы встроена описанная камера.

Керамика из завала в печи представлена фрагментами различных сосудов. Черепок их преимущественно красновато-коричневого оттенка; нередко они покрыты светлым ангобом, изредка — красным. Имеются фрагменты хумов, хумча, тагара, крупных двухручечных кувшинов, горшков, фиал, кувшинчиков; нет бокалов. Несколько черепков орнаментированы оттиснутыми посредством штампиков овальными лепестками (аканты? пальметки?) или узором волнистых линий. Характерны закраины крупных красноангобированных мисок с зубчатыми выступами для упора или подхвата сосуда. Отсутствует столь характерная на Дальверзине для времени от Кадфиза I до Васудевы I сероглиняная керамика, нередко покрытая черным ангобом или лощением. Собранные керамические фрагменты могут быть отнесены к позднекушанскому периоду. Пч-3 в это время уже была заброшена и использовалась как место сброса керамического боя из функционирующей соседней печи Пч-4. Строительство самой печи Пч-3 и ее перестройка восходят ко времени более раннему — I—II вв.

Печь Пч-4 (рис. 3) устроена была явно позднее, так как надвигается своей южной стенкой на предыдущую, под ее камеры обжига выше на 60 *см*, а основание топки — на 1,8 *м*. Печь эта сильно разрушена. Сохранилась лишь частично врытая в грунт на глубину до 1,7 *м* топочная камера размером 3 × 1,1 *м*, сужающаяся до 50 *см* к топочному ходу, который тянется почти на 2 *м*. Камера обложена сырцовым кирпичом 40 × × 40 × 8—10 *см*. В торце сохранились два ряда выведенного отрезками свода коробового очертания и каналы для тяги диаметром 12—15 *см*, расположенные вертикально на оси и со скосом вдоль стенок от пят свода. Заполнение топки составляют слои золы, красноватой обожженной глины, завалы рухнувших ошлакованных кладок. В составе находок — фраг-

менты керамики кушанского времени, печной припас в виде примятых комков обожженной глины и куски толстых лепных полуобожженных дисков (диаметр 40, толщина 8—10 *см*).

Печь Пч-5, расположенная к северу от предыдущей, примерно на середине юго-восточного склона холма, сохранилась лучше остальных. Она имеет прямоугольную камеру обжига (3,4 × 1,5 *м*), в торцовой части которой (0,8 × 1,5 *м*) под опускается на 20 *см* уступом. Стенки камеры сохранились по высоте до 1 *м*, на них видно начало рухнувшего свода,

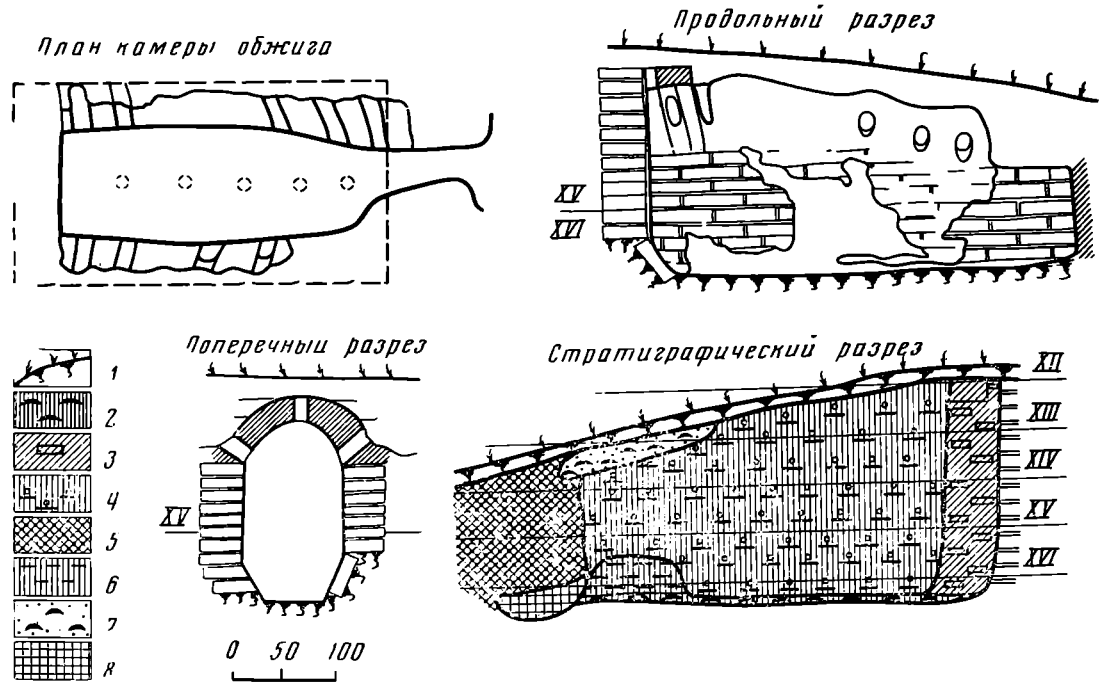


Рис. 3. Дальверзин-Тепе. Печь № 4.

1 — дерновый слой; *2* — зольный слой; *3* — перекаленная земля с включениями кирпича; *4* — завал пережженной земли с большим количеством кирпича, керамики, шлака; *5* — плотная земля; *6* — рыхлый пережженный однородный слой; *7* — рыхлый зольный сероватый слой; *8* — хозяйственная яма

выложенного у пят легким свесом горизонтальных рядов кирпича; выше кладка велась, по-видимому, отрезками. В поде имеется 15 отверстий для тяги горячих газов (по пяти в трех параллельных рядах), в основном круглых, но три квадратные. Загрузка изделий велась с восточной стороны, где стенка закладывалась и вновь разбиралась.

Топочная камера бочкообразно расширяется к середине (размеры ее в плане 2,7 × 1,3—1,45—0,5 *м* при высоте 1,8—1,9 *м*) и имеет сводчатую нишу в торце, соответствующую перепаду в камере обжига. Перекрытием служит свод удлиненно-коробовой формы, сложенный наклонными отрезками из полукирпичей. Свод сильно ошлакован, весь покрыт потеками расплавленной глины — показатель длительной эксплуатации печи. Каналы расположены вкось у стены и вертикально на главной оси.

Строительный материал печи — сырцовый кирпич, окаленный огнем. Стенки камеры обжига из узких брусков (вчетверо разрезанный квадратный сырец) размерами 41 × 11 × 10 и 48 × ? × 10 *см*; под ее из кирпичей 53 × 33 × 9 *см* с прокладкой в швах фрагментов толстостенной керамики; кирпич топки — 40 × 40 × 12 и 50 × ? × 10 *см* (рис. 4).

В заполнении топочной камеры внизу была зола и кирпичный завал: в этом слое оказалось впускное эфталитское погребение. В составе находок при расчистке печи — шлаки, печной припас в виде примятых пальцами комков обожженной глины, служивших прокладками между сосудами, куски полуобожженных толстых (8—9 *см*) глиняных дисков, фрагменты керамики, обычные для комплексов кушанского времени. Характерен в числе их фрагмент тагары с орнаментацией внутренней стороны

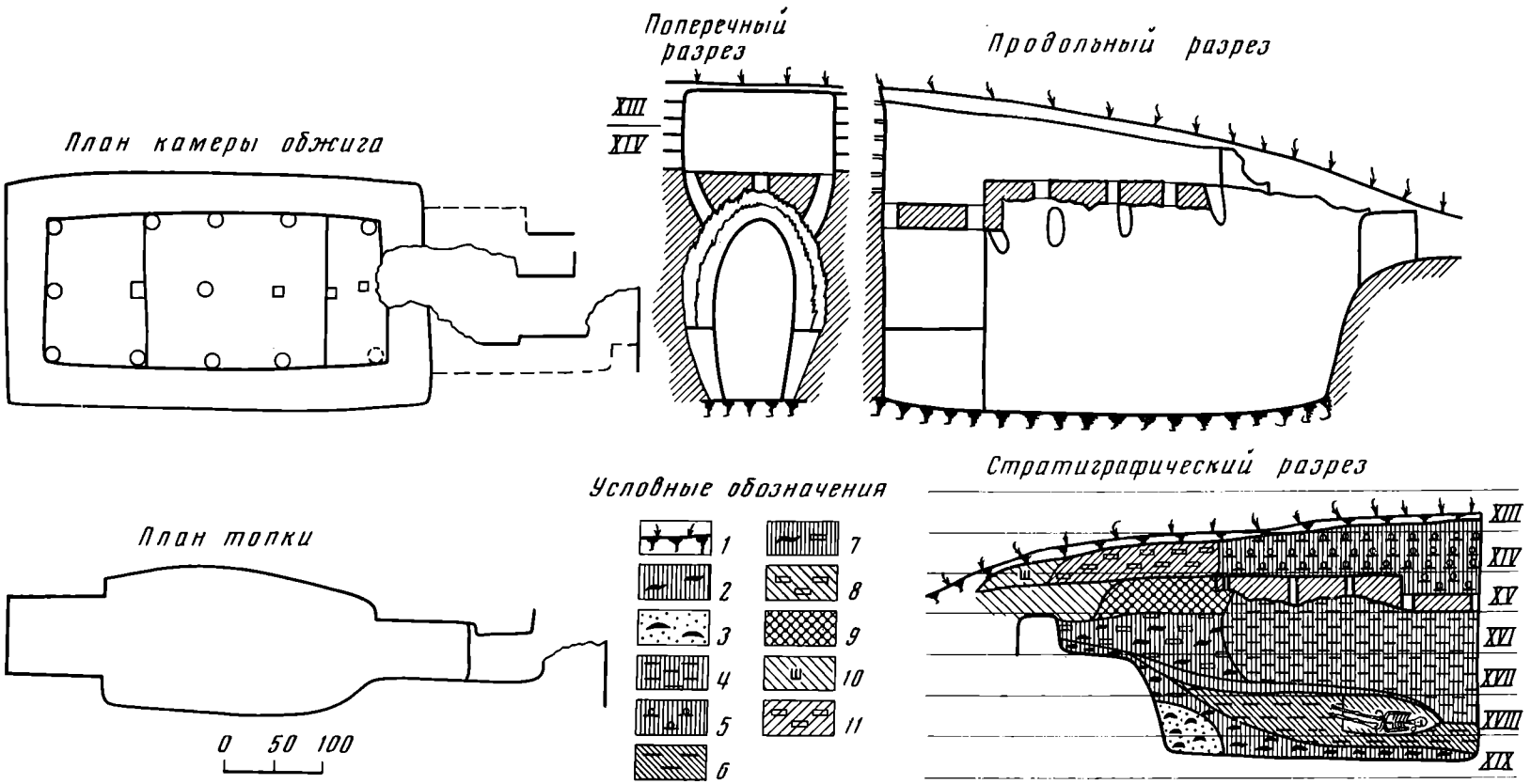


Рис. 4. Дальверзин-Тепе. Печь № 5.

1 — дерновый слой; *2* — зольный слой; *3* — сажно-зольный слой; *4* — рыхлый слой однородной почвы; *5* — разрушенный слой с фрагментами кирпичей, керамики; *6* — кирпичный завал с пережженной землей, керамикой; *7* — пережженная земля, шлаки, немного керамики; *8* — плотный завал с включениями кирпича; *9* — рыхлая земля; *10* — скопление шлаков; *11* — серый зольный слой с включениями керамики, кирпича

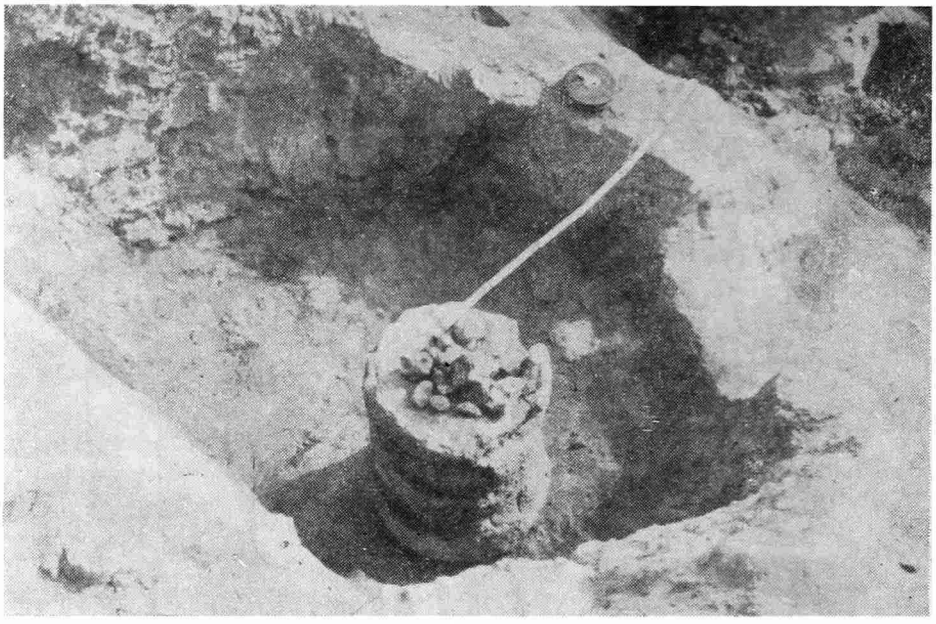


Рис. 5. Дальверзин-Тепе. Печь № 6. Остатки круглой топочной камеры с центральным столбом

концентрическими и волнистыми линиями, точечными вмятинами и штампиками в виде овальных листков. Отметим находку в дерновом слое монетки раннесасанидского чекана, оказавшейся над разрушенной уже к этому времени, лишенной свода камерой обжига.

К югу от печи Пч-3 выявлены остатки еще двух печей. От одной (Пч-7) осталась лишь малая часть прямоугольной камеры обжига (около 2,75 × 1,5 *м*), покрытой в три слоя ошлакованными глиняными смазками; вероятно, под ней сохранилось и топочное устройство. К западу, в 7 *м*, находится печь Пч-6. Она резко отличается от всех остальных, вскрытых на Дальверзин-Тепе. Печь круглая в плане (диаметр 1,65 *м*), в центре — столбик (диаметр 40 *см*), вырыта в материковом лёссе того естественного холма, на котором сложился квартал керамистов, и обложена сырцовым кирпичом (40 × 40 × 10—12 *см*) (рис. 5). Столбик выведен из секторных кусков сырцового кирпича. Сохранилась лишь нижняя часть топочной камеры, поверхность ее сильно ошлакована. Между обеими печами и в северном направлении по склону следует завал глины с массой обгорелых остатков, фрагментов керамики, костей, золы, шлаков — производственный отвал гончаров. Отвал этот содержит керамику, которая может быть отнесена к концу периода Великих Кушан. Характерны здесь крайне малый процент сероглиняной керамики (типичной для I—II вв.), почти плоские (а не полоконические) ножки бокалов, сложные по профилировке и украшению обширные миски-вазы с раскинутыми стенками, зубчатыми налепами по краю, иногда с горизонтально-витыми ручками, обильной орнаментацией концентрическими полосами, вдавлениями, волнистыми линиями, штампиками в виде овальных листков (рис. 6). Среди находок представляет особый интерес фрагмент стенки светлоглиняной тагары с нанесенной на ней еще до обжига надписью курсивным кхароштн.

Период запустения квартала керамистов отмечен забросом описанных печей кушанского времени, которые разрушаются, заполняются слоями опадающих кладок, надувного песка и глины. И лишь через какой-то длительный интервал на оплывшем холме местами возводятся новые небольшие постройки. Одна из них обнаружена на южном участке. Здесь над производственными отвалами керамистов, остатками топки печи Пч-6 и основанием камеры обжига Пч-7 оказались две несоединенные друг с

другом комнаты (№ 1—4 × 2,7 и № 2—5 × 3,3 *м*). Так как они возводились на склоне, уровни полов имеют перепад на 70 *см*. Стены толщиной от 60 *см* до 1 *м* выведены из плохо очищенной глины, содержащей мелкие фрагменты керамики, косточки животных и пр. В комнате № 2 у юго-восточной стены врыт ниже пола хум (высота 92, диаметр до 54 *см*), возле которого обнаружена бронзовая монетка; целая монетка и половинка найдены также в восточном углу на полу комнаты № 1. Все они, как и упомянутая выше монетка, найденная над руинами печи Пч-5, малого номинала (диаметр 12 *мм*), сильно потерты и окислены, изображения едва видны. По определению М. Е. Массона, все принадлежат раннесасанидскому чекану: монеты из помещений — Шапуру II (309—379 гг.), а над печью Пч-5 — Хармизду II (302—309 гг.).

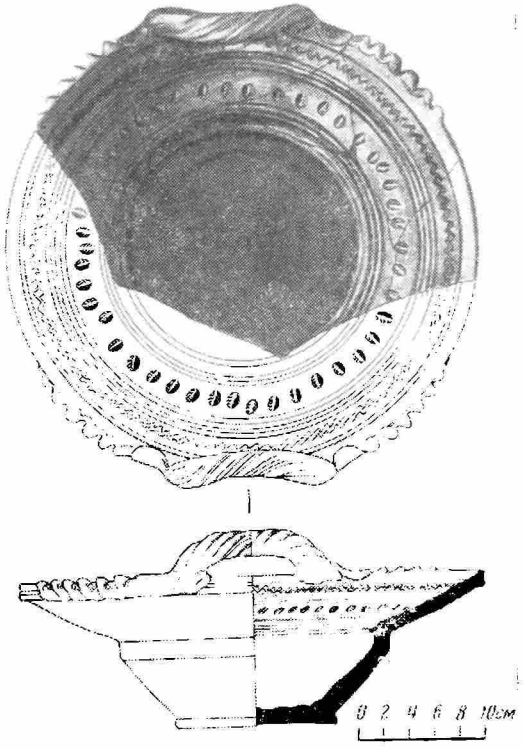


Рис. 6. Дальверзин-Тепе. Фрагмент орнаментированной вазы II—III вв.

Помимо печей квартала керамистов были вскрыты остатки печи к юго-западу от внешнего угла городских стен Дальверзин-Тепе, наполовину срезанной при расширении шоссе. От нее дошла лишь часть топочной камеры размером 4 ×0,8 *м*, вытянутой с юга на север, где было расположено топочное устье. Камера опущена в лёссовый массив, где был отрыт продолговатый котлован, обложенный в один ряд сырцовым кирпичом (43 × 43 × 10—11 и 41 × × 41 ×10—11 *см*). Перекрытием служил свод, пяты которого начинаются на уровне 1 *м* выше пола; сохранились лишь начальные ряды его, выложенные напуском горизонтальных рядов (рис. 7). Под камеры обжига, судя по окаленности расположенного выше лёссового останца, был на 1,8 *м* выше пола топочной камеры. Стенки последней слегка оплавлены, но создается впечатление, что печь функционировала недолго. При расчистках попадались ошлакованные куски кирпича, никаких остатков керамического брака не обнаружено.

Во время работ на античном поселении Хатын-Рабат у побережья Амударьи в его восточной части и к северу от главного тепе экспедицией выявлены остатки ремесленных производств. Здесь вскрыты дом и мастерская ремесленника, где изготовлялись каменные архитектурные детали; в огромной современной траншее, отрытой при строительстве, отмечены в разрезе скопления глиняных шлаков, а поблизости обнаружена и вскрыта одна из керамических печей, располагавшихся на этом участке (рис. 8). Она ориентирована по оси север — юг, топочное устье расположено с юга. Топочная камера опущена в грунт, который вверху состоит из лёсса, а ниже — из отложений речного песка. Она обложена в один ряд сырцовым кирпичом (32—33 × 32—33 × 11—12 *см*), имеет продолговатую форму — 4,55 *м* в длину при ширине 80 *см*, сужаясь в торце до 60 *см*. Перекрытием служит сырцовый свод, сохранившийся почти целиком. Высота его до замка достигает 1,75 *м*. Свод повышенно-коробовой формы, кладка отрезками, выложен свод из полукирпичей с треугольными швами между ними. В верхней трети кривой оставлены каналы для тяги горячих газов. Стенки свода сильно окалены.

Камера обжига прямоугольная (2,5 × 1,6 *м*), стенки ее выведены из того же сырца, что и в топке, прослеживаются лишь по контурам. Под сильно окаленный, на нем лунки каналов — по семи в пяти рядах; в южном участке — широкий провал с бортиком вокруг, здесь, по-видимому, располагался более широкий канал для тяги горячих газов. За топочным устьем скопился отвал глины, шлаков, золы, угля и фрагментов керамики. На полу у устья обнаружена почти целая чаша-фиала с отлого раскинутыми и мягко изогнутыми внутрь стенками и небольшим, поло-коническим

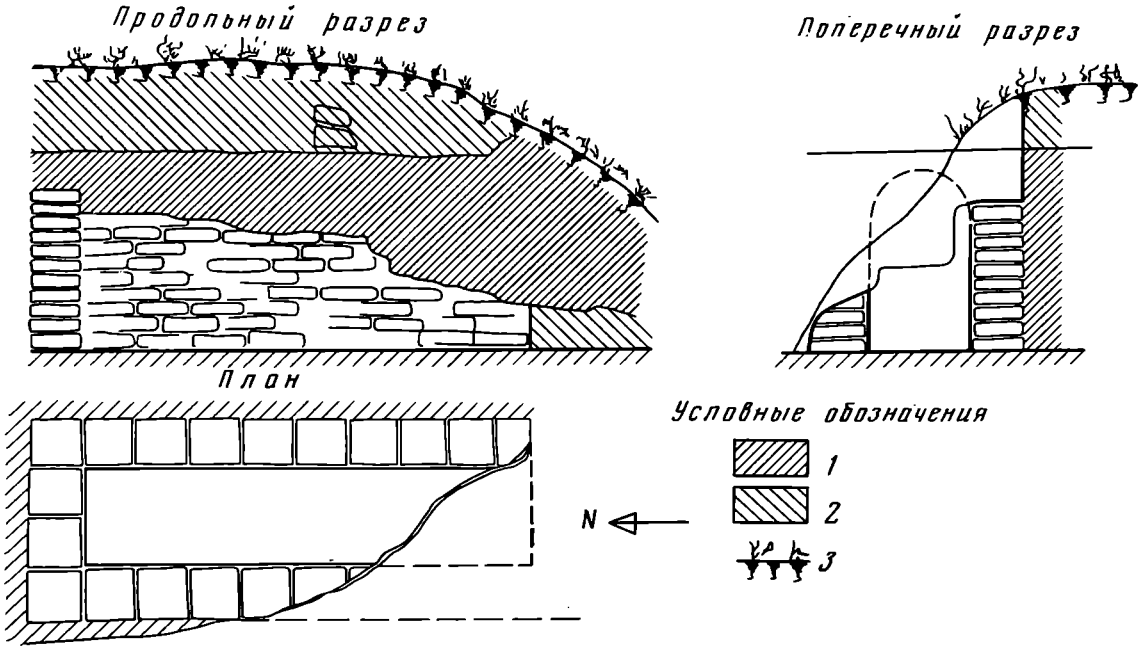


Рис. 7. Дальверзин-Тепе. Печь № 2

1 — плотный однородный аллювиальный лёсс; *2* — розоватый от действия огня лёсс; *3* — почвенно-дерновый слой

поддоном. Чаша эта, как и другие фрагменты, типичны для кушанских керамических комплексов I—II вв.; этим временем, очевидно, датируется и печь.

В 1933 г. экспедицией М. Е. Массона на городище Айртам было начато, но не доведено до конца вскрытие керамической печи, завершенное нами уже в 1964 г. Печь расположена южнее малой ступы[3] и находившихся близ нее построек, некогда оформленных плитами мергелистого известняка, — она, очевидно, входила в состав хозяйства проживавшей здесь буддийской общины. Ориентирована печь по оси запад — восток, устье топки обращено на восток. Камера обжига прослеживается лишь по сохранившейся местами плотной розоватой корке пода и нескольким округлым лункам каналов вдоль стенок. Ширина камеры обжига достигала 3,25 *м*, длина не устанавливается (рис. 9). Топочная часть опущена на 2,25 *м* в грунт и обложена квадратным сырцовым кирпичом (со сторонами — 32, 34, 36 *см* на 10 *см* толщины). Она подразделена на прямоугольную камеру (3 × 1,5 *м*) и длинный, сужающийся к устью ход (3,8 × × 0,9 — 0,6 *м*). В торцевой половине камеры — приподнятый на 30 *см* уступ. Перекрытием служит коробовый свод, кладка которого от пят следует четырьмя горизонтальными рядами сырца, а затем наклонными отрезками. В своде устроены идущие вкось вдоль стен вытяжные каналы (по четыре у боковых стен и два на щипцовой); по два таких канала видны и на полуразрушенных стенках топочного хода. Печь функционировала долго: стенки и свод ее сильно оплавлены. После заброса в какой-то период (хронологически пока ничем не определяемый) в полузасыпанную шлака-

[3] Г. А. Пугаченкова. Две ступы на юге Узбекистана. СА, 1967, 3, стр. 262.

ми, глиной и песком печь были втиснуты трупы людей, кости которых лежали в полном беспорядке.

Близ топочного устья скопился керамический отвал. Он содержал золу, шлаки, фрагменты керамики и характерный печной припас в виде крупных, примятых пальцами комков обожженной глины, служивших подставками и прокладками между сосудами. В составе керамических фрагментов — куски хумов, крышек, горшков. По-видимому, в печи изготовлялись крупные хозяйственные сосуды, тонкостенная же столовая посуда типа

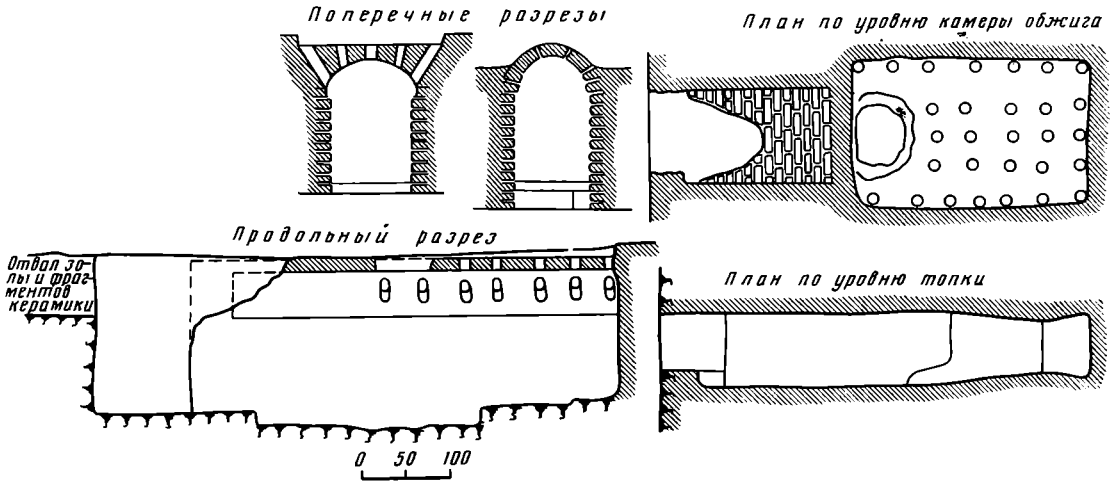


Рис. 8. Хатын-Рабат. Керамическая печь

бокалов и фиал поступала в Айртам из крупного центра античного гончарства — Термеза, откуда разные товары привозились по Амударье. Айртамская печь по стратиграфическим данным современна ступе и восходит к эпохе Великих Кушан.

В 300 *м* западнее главного буддийского комплекса на Айртаме были обнаружены скопления глиняных шлаков и деформированных кирпичных кусков. Расчистка выявила остатки еще одной печи, но иного порядка. Это оказался небольшой кирпичеобжигательный хумдан. Размеры его 1,70 × ×2,5 *м*, подземной топочной камеры нет — топливо загружалось прямо в клеть, между уложенными друг на друга кирпичами. Скорее всего здесь велся выжиг тех кирпичей, которые пошли на выкладку стен и сводов полуподземной молельни, вскрытой Б. Тургуновым при раскопках главного буддийского комплекса. А он был возведен, судя по монетным и прочим данным, при Канишке, что определяет и время описанного хумдама. Кирпичи имели разную форму — квадратную (в обкладках стен), клиновидную (в своде отрезками), лекальную (в сводиках ниш и лестничной клетки), причем все несут на одной из постелей прочерченный по сырому особый стреловидный знак — тамгу изготовившего их мастера.

Обобщим некоторые наблюдения над керамическими печами, исследованными в северной Бактрии.

Прежде всего здесь и в городах (Дельверзин-Тепе, Саксанохур[4]), и даже в крупных селениях (Хатын-Рабат) печи концентрируются в особых кварталах, что служит показателем социально-территориального выделения ремесленного производства в планировочной системе кушано-бактрийских городов и сел. Печи плотно примыкают друг к другу, тут же отвалы золы, шлаков, керамических фрагментов — свидетельство скученности производственной застройки. Печи несут следы неоднократных ремонтов и длительного использования.

При выборе местоположения для ремесленных кварталов учитывалось направление господствующих ветров. Так, на Дальверзине-Тепе керамическое производство сконцентрировано близ крепостной стены в южном

[4] Б. А. Литвинский, Х. М. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур. СА, 1969, 2, стр. 161 сл.

отделе города: поскольку ветры дуют вдоль Сурхандарьи в основном с севера на юг, дым печей относило в противоположную от жилых кварталов сторону. В Айртаме, где душный ветер «афганец» иногда по нескольку дней задувает с юга на север, ось печи направлена с запада на восток, чтобы дым не дул в лицо керамисту и его помощникам, работающим у топочного устья. По той же причине и в Хатын-Рабате производственный квартал расположен в стороне от главной парадной застройки селения, и дым печей тянуло на север, в противоположную от нее сторону.

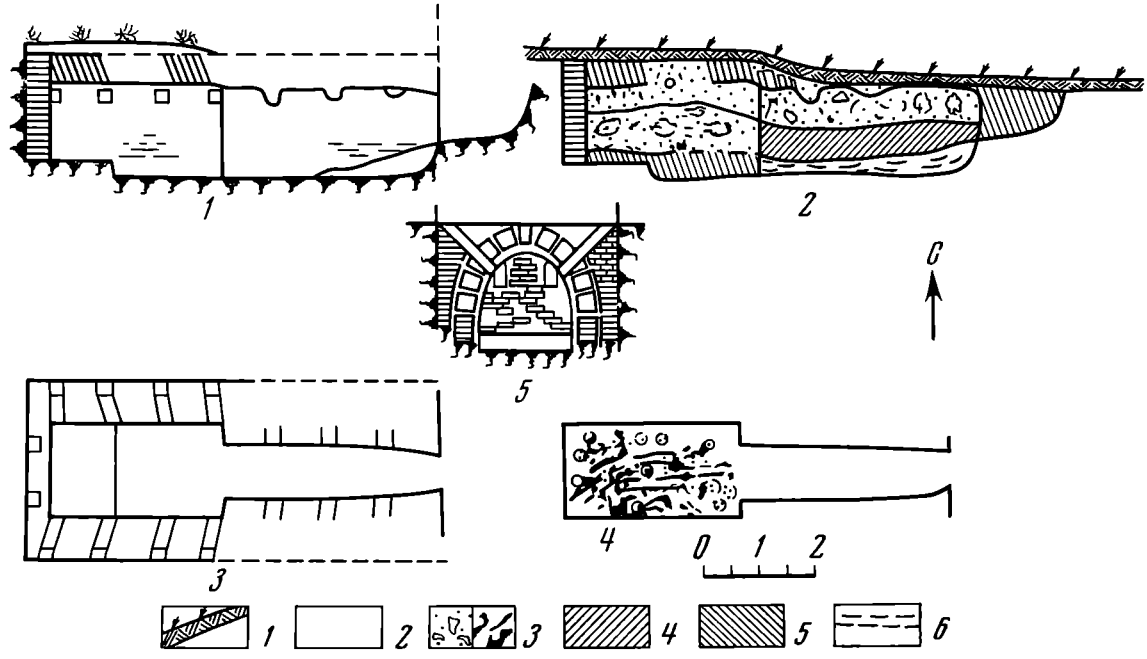


Рис. 9. Айртам. Керамическая печь.

1 — дневная поверхность; *2* — слои надувного песка; *3* — слои рыхлой земли с песком и беспорядочно расположенными костяками; *4* — рыхлая земля с кусками мергелистого известняка и фрагментами керамики; *5* — зольные слои с фрагментами керамики; *6* — зольные слои с фрагментами керамики и печного припаса

За исключением круглой печи Пч-6 на Дальверзин-Тепе, конструкцию всех остальных вскрытых нами кушано-бактрийских печей роднит единый принцип, но стандарта нет, и каждая дает свой вариант. Почти все они обширны, имеют крупную прямоугольную камеру обжига и продолговатую топочную камеру, которую как бы продолжает очень длинный топочный ход. Последний содействует усилению тяги воздуха, а также увеличивает объем загруженного топлива. По технологическим признакам печи принадлежат к категории печей с прямой вертикальной тягой пламени и двухэтажной сводчатой конструкцией, включавшей врытую в грунт и обложенную сырцовым кирпичом сводчатую топочную часть и наземную, также сводчатую, камеру для загрузки и обжига керамических изделий. Судя по характеру золы и обгорелых частиц, в качестве топлива использовались местные кустистые растения — янтак и солянки, которые в сухом виде дают легкое и очень жаркое пламя и образуют при сгорании щелочи, усиливающие процесс шлакообразования. Подача горячего воздуха осуществлялась системой жаропроводящих каналов — круглых, реже прямоугольных в сечении, равномерно расположенных по всей площади пода обжигательной камеры и очень искусно вкомпонованных между «отрезками» сводчатых рядов.

Хронологически вскрытые печи относятся ко времени Великих Кушан (I—II вв.) и поздних Кушан (III в.). Все они позднее комплекса расположенных в той же северной Бактрии античных печей Саксанохура (Таджикистан), датировка которых в нижнем горизонте восходит к греко-бактрийскому времени, а в верхнем — ко времени ранних Кушан, причем

печи обоих периодов по своему устройству мало отличаются друг от друга [5]. Сопоставление с ними описанных нами печей наглядно иллюстрирует прогресс гончарной технологии. Саксанохурские печи, от которых дошли лишь топочные устройства, опущенные в грунт и обложенные сырцовым кирпичом, невелики по размерам. В основном они округлые, топочные камеры имеют яйцевидную форму при диаметре около 1 *м* и перекрыты ложным куполом. Две печи подпрямоугольные в плане у основания 1,4 × 1 *м*, а выше до 2 *м*, при длине топочного хода около 1 *м*, перекрытием служит свод. В центре купола или свода укладывался диск с отверстием, служивший главным жаропроводящим каналом, прочие же каналы располагались по периметру стенок.

Исследованные нами печи северной Бактрии эпохи Великих Кушан во многом отличны. Круглая печь из Дальверзин-Тепе как будто сближается с печами Саксанохура, но существенное конструктивное отличие составляет центральный круглый столб. Что касается основной группы прямоугольных печей, то они прежде всего значительно крупнее по масштабам в сравнении с саксанохурскими и, значит, позволяли одновременно обжигать гораздо большее количество сосудов. Переход от конструкции ложного купола или ложного свода к своду, выведенному наклонными отрезками, позволил перекрывать камеры топки и обжига большего пролета. Отметим, что саксанохурские печи использовались в основном для обжига тонкостенных сосудов, а также терракот. В больших же печах Дальверзин-Тепе и Хатын-Рабата изготовлялись разнообразные сосуды — большие и малые, тонкостенные и толстостенные.

Античные печи соседних с Бактрией областей Средней Азии — Маргианы (городище Джин-Депе) [6] и Хорезма (городища Кюзели-Гыр, Базар-Кала) [7] имеют круглые топки и соответственно круглые камеры обжига, причем маргианские печи нередко весьма обширны. Переход в I—II вв. в Бактрии от круглых печей к печам прямоугольной конструкции знаменует какой-то особый ход развития здесь гончарной технологии.

Возможно, что из кушанских областей Бактрии данный тип керамических печей проникает и в Фергану, о чем свидетельствует сходная по своей конструкции крупная прямоугольная печь I—II вв. на городище Мунчак-Тепе [8].

G. A. Pougatchénkova

FOURS CÉRAMIQUES DE L'ÉPOQUE KOUCHANE À L'OUZBÉKISTAN MÉRIDIONAL

Résumé

Lors des fouilles d'oppidums antiques de la Bactriane septentrionale, effectuées par la mission archéologique ouzbek, une dizaine de fours céramiques appartenant à l'époque des Grands Kouchans (I—III s.s.) a été décélée et dégagée. En général ils étaient concentrés dans les quartiers spécialisés des artisans-potiers.

Presque tous les fours sont grands (à partir de 4 m — jusqu'à 8 m dans le foyer), aux chambres de cuisson et foyers rectangles et voûtés, au long couloir d'alimentation. Pour le chauffage on utilisait le combustible de broussaille: les gaz chauds étaient fournis dans chambre à cuisson par un système de la canalisation de la chaleur. Ces fours se distinguent déjà des fours moyens, généralement circulaires et rarement rectangulaires, de l'époque gréco-baktriane et des anciens Kouchans à Saksanokhour. Ils se diffèrent d'après leur construction des fours des contrées voisines: Khorezm et Margiane, ce qui indique une voie particulière du développement de la technologie potière dans la Bactriane kouchane.

[5] Х. М. Мухитдинов. Гончарный квартал городища Саксанохур. Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1968, 3(53), стр. 28 сл.

[6] Л. Н. Мережин. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 12 сл.

[7] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 199.

[8] В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, XVVIII, 1949, стр. 77 сл.

Л. С. ХОМУТОВА

ТЕХНИКА КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОРОДЕ СЕРЕНСКЕ

(вторая половина XII—XIV в.)

Археологические раскопки на древнерусских городищах в бассейне верхней Оки — земле вятичей, в частности раскопки Серенского городища, дали возможность собрать большое количество разнообразных изделий из черного металла. Технологическое их изучение с применением металлографического анализа позволяет судить о качестве выплавляемого металла, способах его обработки, конструкции различных предметов, их рабочих качествах и, следовательно, о мастерстве кузнецов.

Исследование техники кузнечного производства на Серенском городище особенно интересно, так как долгое время считалось, что вятичи были отсталым племенем, живущим на окраине славянского мира совершенно обособленно от всех русских племен.

Серенское городище, расположенное в Мещевском районе Калужской области, впервые исследовано Н. И. Булычевым, систематические раскопки проводились в течение нескольких лет экспедицией под руководством Т. Н. Никольской. Культурное напластование городища содержит три слоя: первый — XIV—XVI вв.; второй,— домонгольский,— XII — середина XIII в.; третий, балтский, датируется VII в.[1] Наибольший расцвет Серенска как города относится ко второй половине XII — первой половине XIII в.[2]

Большой и разнообразный инвентарь Серенского городища дает богатый материал для характеристики ряда отраслей ремесленного производства. Одно из видных мест занимают данные о кузнечном ремесле. Благоприятные условия для развития кузнечного производства на городище обеспечивались непосредственной близостью месторождений болотной руды. В карту месторождений железной руды, опубликованную Б. А. Рыбаковым, включена и территория вятичей[3].

Ассортимент кузнечной продукции представлен 59 категориями железных изделий. Это орудия сельского хозяйства и промыслов: лемех, сошник, чересло, тесло, серпы, косы, топоры, долота, есть втульчатые долота типа ручных резцов для художественной резьбы по дереву, ножи, медорезки, гарпуны, рыболовные крючки. Ремесленные инструменты: молот-кувалда (на древнерусских поселениях встречается редко, но в раскопках вятических городищ дважды: один в составе клада железных и бронзовых вещей, обнаруженных в одном из погребов Серенска, другой на г. Слободка)[4], зу-

---

[1] Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников, КСИА АН СССР, 125, 1971, стр. 74.

[2] Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА АН СССР, 113, 1971, стр. 118.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 93.

[4] Т. Н. Никольская. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 123.

била, пробойники, напильники, пинцеты, ювелирные молоточки, ножницы, резцы, сверла, скобели, молотки-гвоздодеры, шилья, молоток кузнечный, ложкари. Предметы бытового назначения: кресала, замки, ключи, швейные иголки, сковороды, гвозди, костыли, стержни, скобы, дужки от ведер, крюки, обручи от ведер и кадушек, лопаты, железное ушко от бронзового сосуда, цепи с пробоем, дверная накладка, булавки, сосуды железные. Оружие и вооружение всадника: копья, стрелы, мечи, железная маска — боевая личина, боевые топоры, сабли, железная кольчуга, пластины от панциря, шпоры, подковы, путы, удила, псалии, стремена. Украшения: пряжки.

Для технологического изучения кузнечной продукции с помощью микроструктурного исследования было отобрано 106 предметов[5]. Исследовались следующие категории предметов: из сельскохозяйственных орудий серпы, косы; из деревообделочных инструментов — топоры; из бытовых предметов — хозяйственные ножи, кресала; из оружия — меч, наконечники стрел.

При отборе образцов учитывалось, что для микроструктурного анализа важна хорошая сохранность металла, а также тот факт, что наиболее интересную технологическую характеристику могут дать только качественные кузнечные изделия, к которым относятся орудия труда и оружие. Из 1—3 пластов были отобраны все качественные изделия из черного металла, за исключением ножей. Так как технология изготовления ножей хорошо известна, их было отобрано не более 50% из каждого пласта. Из 4—17 пластов были взяты все качественные изделия из черного металла. Наиболее многочисленны в исследованной коллекции ножи (79 экз.). При визуальном осмотре разделить ножи в зависимости от их назначения не удалось. Все ножи кухонные, для них характерна прямая ручка — ось ручки идет параллельно прямой спинке клинка. Длина клинков ножей колеблется от 5 до 10 *см*.

Из 73 древнерусских ножей из Серенска 24 оказались плохой сохранности, поэтому технология изготовления не установлена. На остальных ножах микроструктурным исследованием установлено наличие трех технологических систем.

Большинство ножей (27 экз.) имело технологию торцовой наварки стального лезвия на железную основу клинка с последующей термообработкой готового изделия (37% от исследованных древнерусских). Эта технология, появившаяся в древнерусском ремесле в 10—20-х годах XII в., полностью вытесняет технологию многослойного пакета во второй половине XII в.[6] Из 27 исследованных ножей этой технологической группы термическую обработку сохранили 20 экз. Структура закаленной стали — мартенсит и сорбит со следами мартенситовой ориентировки. Микротвердость мартенсита колеблется от 350 до 946 *кг/мм*^{2}, микротвердость сорбита 322—383 *кг/мм*^{2}. Семь образцов находились в отожженном состоянии и имели феррито-перлитную структуру. Сварочные швы в исследованных нами ножах тонкие, чистые, четкие. Железо и сталь загрязнены шлаковыми включениями (рис. 1, *1*, *2*, *3*). Технология изготовления клинков с наварными стальными лезвиями известна в Западной Европе еще с кельтских времен[7], с XI в. становится самой распространенной в Средней и Восточной Европе[8].

Другую большую группу составляют цельностальные ножи (21 экз.). На изготовление этой группы ножей пошла неравномерно науглероженная

---

[5] Пользуюсь случаем поблагодарить Т. Н. Никольскую за предоставленный материал для аналитического исследования.

[6] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 50.

[7] R. Pleiner. Etaré Evropské Kovářstvi. Praha, 1962, стр. 128.

[8] J. Piaskowski. Metaloznoweze Badania wezesnosredniowieznych wyrobów zelaznych na przyktadzie zabytkow archeologocznych z. III, 99. Leczycy, Czerchowa i Buczka. Studia z. dziejow gornictwa i nutnictwa.

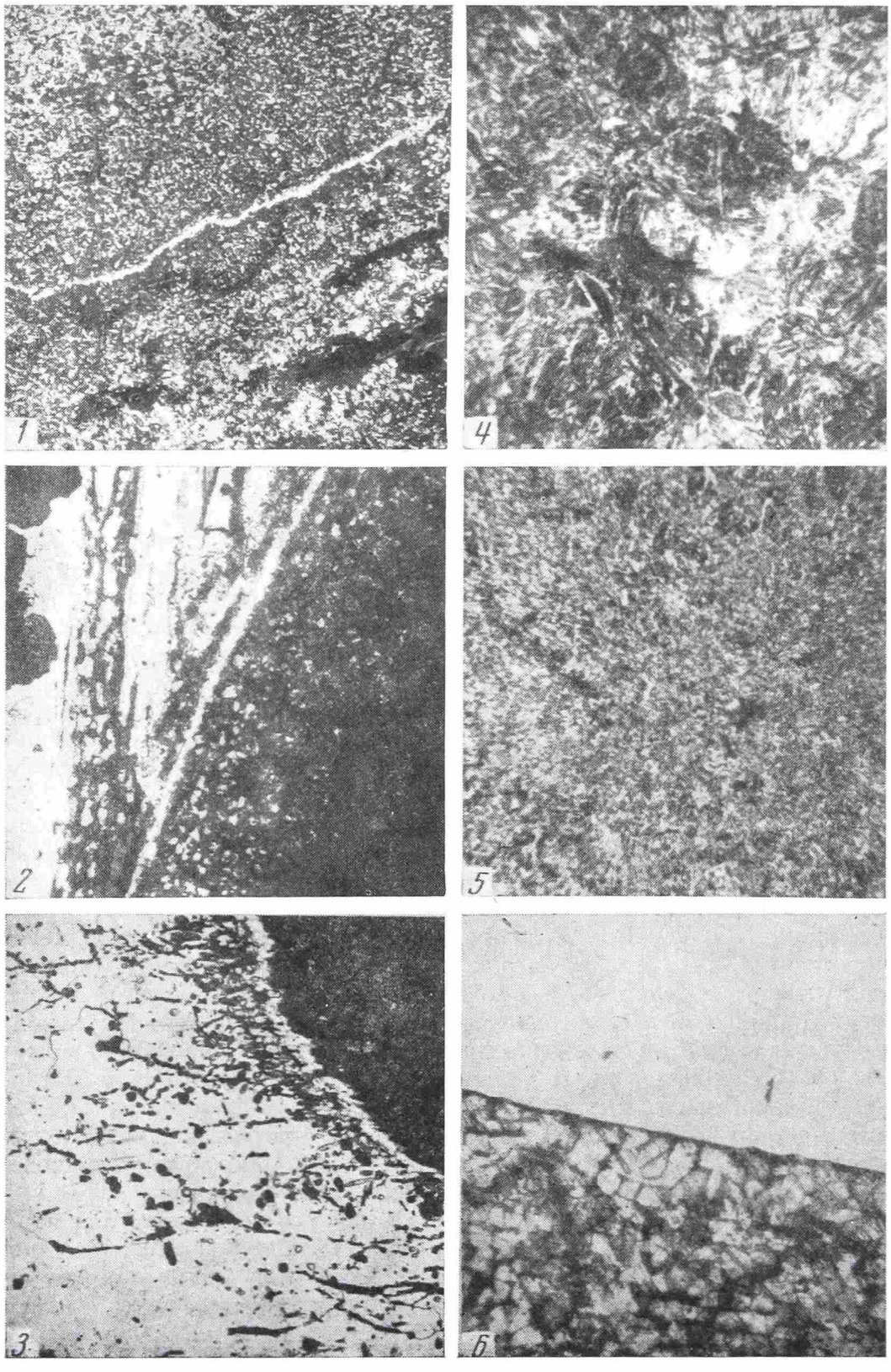


Рис. 1. Фотографии микроструктур железных изделий из Серенска

1 — сварочный шов ножа (ан. 9, ув. 70); *2* — сварочный шов ножа (ан. 5, ув. 70); *3* — шлаки и сварочный шов ножа (ан. 4, ув. 70); *4* — нож, крупноигольчатый мартенсит (ан. 8, ув. 200); *5* — нож, мелкоигольчатый мартенсит (ан. 4, ув. 200); *6* — нож, медная пластинка (ан. 18, ув. 70)

сырцовая сталь [9] с большим количеством шлаковых включений. Из 19 ножей термообработку сохранили 14. Структура стали — мартенсит (рис. 1, *4, 5*) и сорбитообразный перлит. Микротвердость мартенсита колеблется от 824 до 464 *кг/мм*^{2}. Один нож имеет микротвердость на спинке 1290 *кг/мм*^{2}, а на лезвии значительно меньше — 624 *кг/мм*^{2}. Этот факт свидетельствует о неравномерном науглероживании стальной заготовки. Подобная техника изготовления клинка широко применялась как в более раннюю эпоху [10], так и в средневековье, поэтому не имеет определенной технологической даты. Следует отметить, что в Серенске цельностальные ножи составляют 27% общего количества исследуемых древнерусских ножей, тогда как в Новгороде — 9%, в Любече — 13%, в Литве из исследованных 41 ножа только 1 нож цельностальной [11].

Среди цельностальных ножей имеются два экземпляра со сложной технологией изготовления: вваркой стального лезвия в стальную основу клинка. Интересно здесь не то, что сталь вваривалась в сталь (скорее всего кузнец перепутал материал), а то, что эта технологическая схема является переходной от трехслойного пакета к наварке стального лезвия.

Одним экземпляром представлена третья технологическая группа. Этот нож имел сложную технологию — сварку клинка из трех полос металла: в центре стальной, а по бокам железные — с последующей термообработкой. Такая технология изготовления ножей существовала в Новгороде с X в. до начала XII в. [12] и хорошо известна по структурным исследованиям древнерусских ножей ряда археологических памятников [13]. Ножи с трехслойным клинком изготовлялись не только в древнерусских землях. Проведенные А. К. Антейном широкие исследования кузнечной продукции из раскопок различных памятников древней Латвии обнаружили трехслойные ножи в коллекциях железных изделий из городищ Межотне, Даугамале, Асоте и др. [14].

Многослойные ножи известны в памятниках Литвы [15] (IX—XIII вв.), в польских землях — в памятниках X—XI вв. (Колобжет, Краков) [16].

Очень интересен нож из древнерусского слоя, по краям клинка которого сохранились остатки меди (рис. 1, *6*). Вероятно, это парадный нож, клинок которого был обмеднен. Следы обмеднения установлены в результате микроскопического изучения. Технология покрытия цветными и благородными металлами изделий из железа и стали хорошо известна в кузнечном ремесле древней Руси [17].

Из сельскохозяйственных орудий технологическому изучению были подвергнуты пять серпов. На них обнаружена одна и та же структурная схема: наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой (в одном случае закалка в воде — структура мартенсита

---

[9] Сырцовую сталь получали в результате науглероживания железа в сыродутном горне. При сыродутном процессе железо неодинаково науглероживается в разных местах. Для добычи стали в горне нужно было изменить режим сыродутного процесса, увеличить в шихте количество угля, ослабить дутье. Все это требовало определенных знаний и искусства.

[10] R. Pleiner. Staré Evropské Kovářstvi, стр. 60; Г. А. Вознесенская. Металл Троицкого городища. Сб. «Археология и естественные методы». М., 1956, стр. 130.

[11] Й. Станкус. Технология производства железных орудий в Литве в IX—XII вв. Тр. АН Литовской ССР. Сер. А, 1(32), 1970, стр. 113—132.

[12] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 50.

[13] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 74; Г. А. Вознесенская. Стальные ножи древнего Любеча. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 146.

[14] А. К. Антейн. Железные и стальные изделия древней Латвии (до XIII в.). «Из истории техники Латвийской ССР», 1, Рига, 1959, стр. 5—32.

[15] Й. Станкус. Технология производства железных орудий Литвы IX—XIII вв. Тр. АН Литовской ССР. Сер. А. 1 (32), 1970, стр. 113—132.

[16] J. Piaskowski. Technika Gdanskiego hutnictwa i kowalstwa zelaznego X—XIV w. na podstawie badan metaloznawczych. Gdansk wezesnosredniowieczny, II, Gdansk, 1960, стр. 47—53.

[17] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, стр. 107.

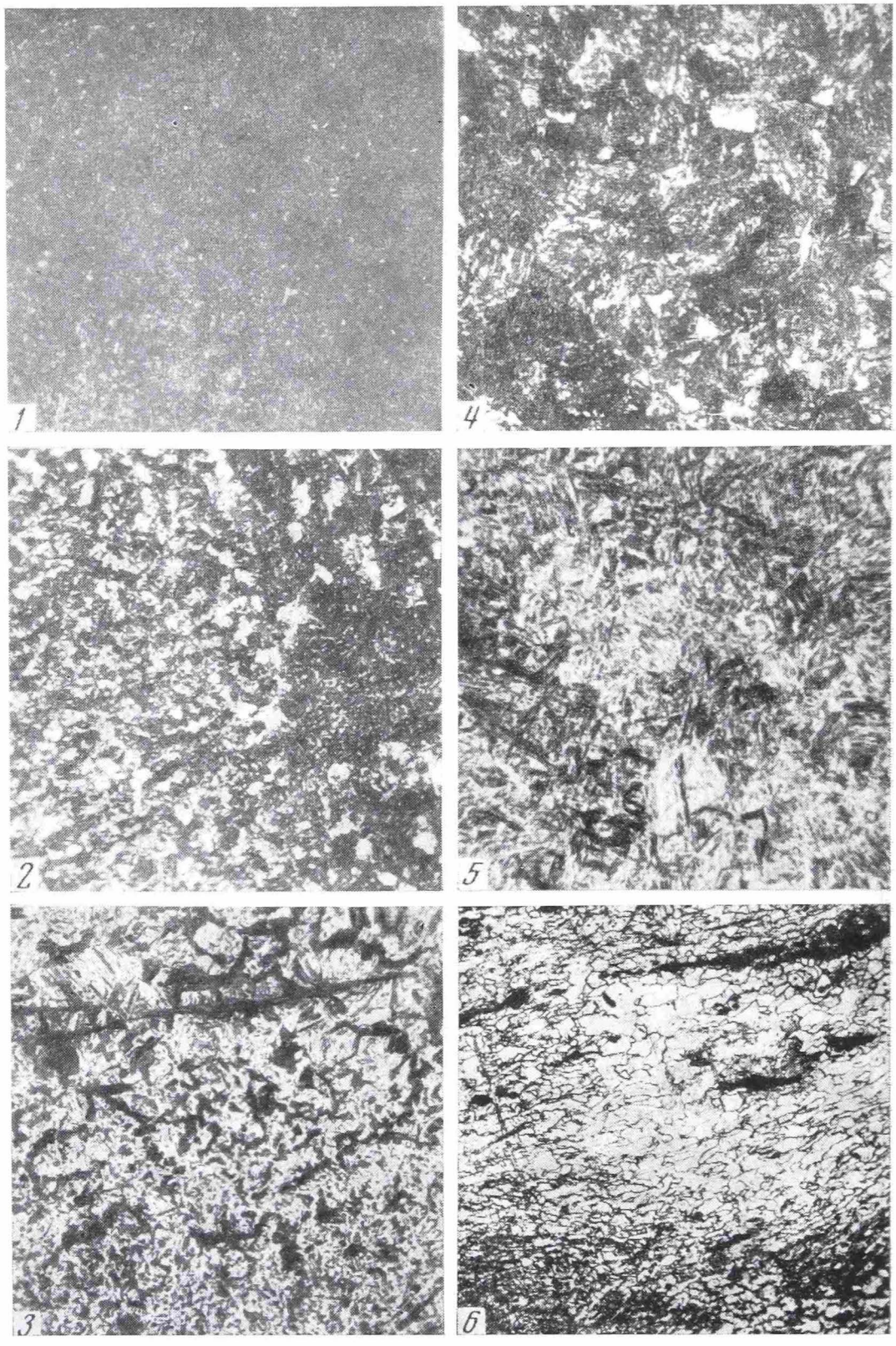


Рис. 2. Фотографии микроструктур железных изделий из Серенска.

1 — серп, сорбит отпуска (ан. 38, ув. 200); *2* — коса, сорбит закалки (ан. 44, ув. 200); *3* — топор, мартенсит с троосititом (ан. 112, ув. 200); *4* — топор, сорбитообразный перлит (ан. 40, ув. 200); *5* — меч, мартенсит (ан. 45, ув. 200); *6* — стрела, наклеп (ан. 85, ув. 70)

и в четырех случаях закалка с отпуском — структура сорбита (рис. 2, *1*). Микротвердость сорбита 350—383 *кг/мм*^{2}. Технология изготовления серпов с наварными стальными лезвиями характерна для средневековой Руси [18], Литвы [19], Польши [20].

Из четырех исследованных кос одна оказалась цельностальной, а три — с наварными стальными лезвиями. Цельностальная коса сварена из двух полос сырцовой стали, сталь закалена на мартенсит. Одна коса с наварным лезвием закалена и отпущена (рис. 2, *2*). Микротвердость — 350 *кг/мм*^{2}. Две другие были закалены на мартенсит. Микротвердость стального лезвия — 572 *кг/мм*^{2}. Цельностальные косы известны по Новгородским курганам [21]. Косы с наварными лезвиями хорошо известны по исследованным Б. А. Колчиным материалам из Новгорода, Новгородских курганов, Княжей горы, Райковецкого городища и др. [22].

При структурном изучении шести топоров оказалось, что все они имели наварные лезвия. Эта технология изготовления топоров известна еще в эпоху раннего средневековья на территории Чехии [23], Литвы [24], Польши [25] и сохранялась в русской технике вплоть до XX в. [26]. Из шести изученных топоров термическую обработку сохранили четыре экземпляра. Эти топоры имели структуру стальной наварки — мартенситную и трооститную (рис. 2, *3*). Микротвердость мартенсита колеблется от 514 до 824 *кг/мм*^{2}. Два экземпляра получили так называемую местную закалку, т. е. закаливалось только лезвие, а всю остальную часть изделия в охлаждающую жидкость не погружали. Два топора имели перлито-ферритную структуру наварной части (рис. 2, *4*). Эти топоры или не были закалены, или, скорее всего, отжиг стального лезвия произошел при случайном попадании в огонь. Сталь наварной части отличается высоким содержанием углерода (C = 0,6 — 0,7%).

Технология изготовления предметов разнообразного бытового назначения рассматривалась на примере кресал.

Известно, что самой распространенной технологией изготовления кресал в средневековье была наварка высокоуглеродистой стальной полосы на ударное ребро кресала с последующей закалкой. В такой технике откованы исследованные кресала Серенска, Волковыска [27], многочисленные кресала из Новгородской коллекции [28], кресала из памятников средневековой Латвии [29] и Литвы [30]. Сталь на кресалах из Серенска высокоуглеродистая, отличного качества, железо чистое. Было исследовано три стальных кресала. На двух — структура высокоуглеродистой стальной наварки — мартенсит. Микротвердость стальной наварки в одном случае 1290, в другом — 724 *кг/мм*^{2}. Сварочные швы четкие, чистые, тонкие. Третье кресало имело феррито-перлитную структуру стальной наварки. Микротвердость стали — 245 *кг/мм*^{2}.

Технология изготовления предметов вооружения рассматривалась на примере меча и наконечников стрел.

Клинок меча из Серенска откован из стали с неравномерным распределением углерода и термически обработан — закален на мартенсит

[18] Там же, стр. 93.

[19] Й. Станкус. Технология производства железных орудий Литвы. Тр. АН Литовской ССР. Сер. А, 1 (32), 1970, стр. 113—132.

[20] J. Piaskowski. Technika Gdanskiego hutnictwa, стр. 39.

[21] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка древней Руси, стр. 99.

[22] Там же, стр. 99.

[23] R. Pleiner. Staré Evropské Kovářstvi. Praha, 1962, стр. 96.

[24] Й. Станкус. Ук. соч., стр. 126.

[25] J. Piaskowski. Technika Gdanskiego hutmictwa, стр. 68.

[26] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка, стр. 107.

[27] Результаты анализов хранятся в лаборатории естественно-научных методов Института археологии.

[28] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 102.

[29] А. К. Антейн. Ук. соч., стр. 5—32.

[30] Й. Станкус. Технология производства железных орудий в Литве, стр. 113—132.

(рис. 2. *5*). Интересно, что при микроскопическом исследовании полного поперечного сечения двухлезвийного клинка меча на одном его лезвии удалось проследить стальную наварку. Скорее всего, клинок имел двустороннее наварное лезвие из стали, с повышенным содержанием углерода. Подобная технология изготовления клинков мечей широко распространена в кузнечном ремесле средневековья [31].

Микроскопическому исследованию были подвергнуты также пять наконечников стрел. Все они оказались железными. Иного материала здесь и не требовалось. Для разового использования стрелы вполне достаточен холодный наклеп железного острия. Под микроскопом видны линии сдвигов, характерные для металла, подвергшегося холодной ковке (рис. 2, *6*).

Итак, в результате металлографического исследования 100 предметов из древнерусского слоя городища были установлены четыре технологические схемы изготовления кузнечных изделий: 1) сварка клинка из трех полос, так называемый трехслойный пакет (в середине клинка сталь, по бокам железо); 2) торцовая наварка стального лезвия на железную основу предмета; 3) изготовление цельностального предмета; 4) изготовление цельножелезного предмета.

Таким образом, серенские кузнецы XII—XIV вв. используют в основном те же технологические схемы и приемы изготовления поковок, что и городские ремесленники древней Руси.

Однако при обработке результатов микроструктурного анализа можно выделить несколько особенностей, присущих кузнечному ремеслу древнерусского Серенска. Прежде всего останавливает внимание качество исходного материала. Железо плохо освобождено от шлаковых включений, содержание шлака в готовых изделиях повышенное, часто наблюдаются крупные включения шлака. Сталь несколько чище, но также загрязнена шлаками. Петрографический анализ металлургического шлака с городища показал большую потерю железа в шлаке [32]. Возможно, что сильная загрязненность железа шлаками связана с невысоким качеством металлургического процесса.

Что касается техники кузнечного производства, то результаты микроструктурного анализа позволяют утверждать, что серенские кузнецы в совершенстве владели техникой сварки железа и стали. Тонкие и чистые сварочные швы, прочно соединявшие металл, свидетельствуют об умении кузнеца применять флюсы, чтобы освободить свариваемую поверхность металла от окалины. Стальные наварки лезвия не обезуглероживались при сварке с железной основой будущего изделия, так как мастер строго соблюдал температурный режим сварки. Закалка изделий носит дифференцированный характер. Там, где необходимо было придать наибольшую твердость стальному лезвию (ножи, кресала), кузнец закалял на мартенсит, что в данном случае наиболее целесообразно. Но закалка на мартенсит придает лезвию твердость и хрупкость, и поэтому на топорах, серпах применялась так называемая мягкая закалка и закалка с отпуском. Такая термообработка, с одной стороны, придавала предмету твердость, а с другой — снимала излишнюю для ударных инструментов (топоров) и больших клинков серпов хрупкость.

При структурном изучении ножей, наиболее массового кузнечного изделия, отмечено, что большинство ножей из Серенска имело технологию изготовления клинка, которая существовала на Руси во второй половине XII и в XIII в. Но следует отметить, что для тех пластов Серенска, которые датируются домонгольским временем, характерны цельностальные ножи, в то время как при изготовлении других изделий применялась техно-

---

[31] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, стр. 134; Й. Станкус. Технология производства мечей и наконечников копий в Литве в IX—XIII вв. Тр. АН Литовской ССР. Сер. А. Т2 (33), 1970, стр. 113—129.

[32] Анализ шлака выполнен О. Ю. Круг. Результаты анализа находятся в лаборатории научно-естественных методов ИА АН СССР.

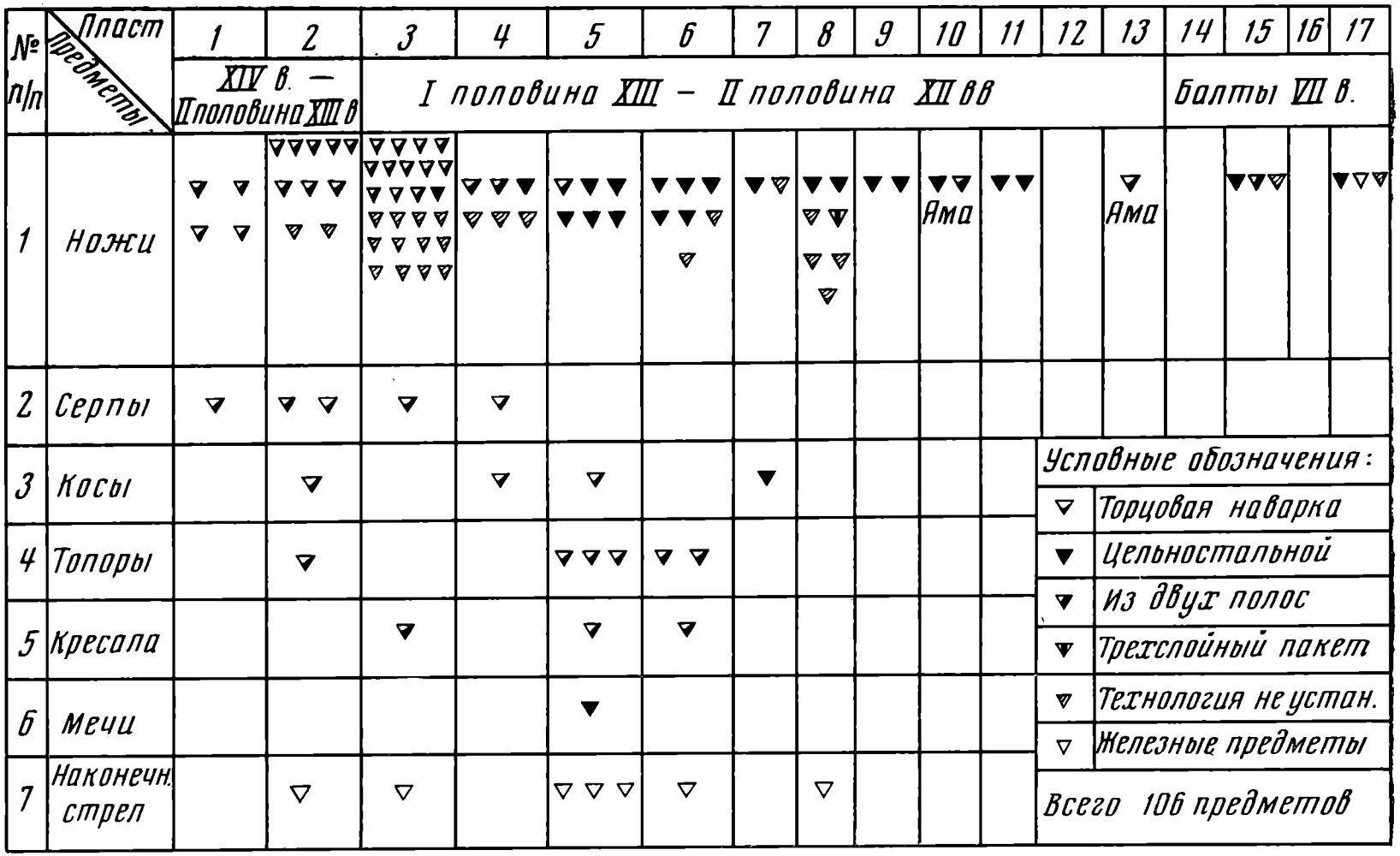


Рис. 3. Хронологическая таблица технологических схем железных изделий из Серенска

логия торцовой наварки стали на железную основу. Изготовить и механически обработать цельностальной нож легче, чем сделать железный с наварным стальным лезвием. Так как в районе городища сырья было достаточно (болотная руда встречается здесь повсеместно), ремесленники не экономили металл и применяли более простую технологию, хотя технология клинка с наварными стальными лезвиями им была известна. Если в Новгороде сложная, трудоемкая технология — сварка многослойного лезвия — в середине XII в. целиком вытесняется более легкой, а следовательно, менее трудоемкой техникой наварки стального лезвия, то в Серенске переход от цельностального клинка к клинку со стальным наварным лезвием происходит позже — в первой половине XIII в.

Если связать данные технологического изучения ножей со стратиграфией городища (рис. 3), то мы увидим, что эта смена технологии производства происходит очень резко: в 4-м пласте появляются ножи с торцовой наваркой стального лезвия, а в 3-м пласте совершенно исчезают цельностальные ножи и сменившая их технологическая схема сварных клинков становится господствующей. Хотя переход к экономически более выгодной технологии — закономерное историческое явление, в разных областях он совершается в разное время. Что касается технологии косой наварки, которая в древнем Новгороде появляется в конце XIII— начале XIV в., в Серенске она, по-видимому, в это время не применялась.

Кроме предметов из древнерусского слоя городища, технологическому изучению были подвергнуты шесть ножей из раннего балтского слоя. Два из них плохой сохранности, поэтому технологию установить не удалось. Два ножа цельностальные. По форме эти ножи с горбатой спинкой характерны для памятников средней полосы Восточной Европы конца I тысячелетия до н. э.— начала нашей эры [33]. Сталь в исследованных нами ножах закалена на мартенсит с небольшим отпуском. Микротвердость — 824 *кг/мм*^{2}.

Один нож железный. Железо крупнозернистое, загрязнено шлаками. По краю прослеживается заэвтектоидная сталь (перлит с цементитом). Такая структура наблюдается при очень высоком содержании углерода ($C > 0{,}9\%$). Наличие этих заэвтектоидных участков в готовых изделиях связано с плохой проковкой крицы. Скорее всего, высокое науглероживание металла произошло во время маталлургического процесса.

Еще один нож сварен из двух полос металла [34], железа и стали так, что на острие лезвия выходит сталь. Сталь имеет троостито-мартенситовую структуру. Железо сильно загрязнено шлаками. Такая технология изготовления ножей не существовала в древней Руси, но она известна в кузнечном ремесле некоторых племен Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Она обнаружена на серповидных ножах с Троицкого городища, которые характерны для нижнего слоя городища [35], а также известна по микроструктурным анализам ножей из памятников Литвы [36]. Итак, ножи балтского слоя VI—VII вв. изготавливались целиком или из железа, или из стали. И только в одном случае нож сварен из нескольких слоев разного металла (двухслойные). Применялась термическая обработка.

Проведенное исследование и первые итоги его ввели нас в очень сложную и мало изученную проблему металлургии и металлообработки на земле вятичей. Для дальнейших работ необходимо тщательное комплексное изучение остатков металлургической деятельности и массовое металлографическое исследование готовой кузнечной продукции с археологических памятников вятичей.

[33] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 105.

[34] К сожалению, ничего нельзя сказать о форме ножа, так как большая часть его деформирована и корродирована.

[35] Г. А. Вознесенская. Металл Троицкого городища, стр. 130.

[36] Й. Станкус. Технология производства железных орудий в Литве (IX—XIII вв.), стр. 118.

L. S. Khomoutova

TECHNIQUES DU MÉTIER DE FORGE EN SÉRÉNSK, VILLE MÉDIÉVALE RUSSE

Résumé

L'article est consacré à l'étude technologique des produits de forge provenant de Sérénsk, petite ville médiévale russe (la deuxiéme moitié du XII—XIV ss), 100 objets représentant les diverses catégories de la production de forge ont été soumis à l'analyse metallographique.

Il est établi que les forgerons de Sérénsk se servaient en général des mêmes schémas technologiques et des procédés de la fabrication des articles de forge que les artisans des grands centres urbains de l'ancienne Russie. Ce sont: la soudure d'une lame des trois bandes de metal (au milieu se trouve l'acier, des deux côtés — le fer). La soudure bout à bout d'une lame en acier sur une base de fer; la fabrication des objets entiers en acier; la fabrication des objets entier en fer.

А. Е. АЛИХОВА

МАВЗОЛЕИ ГОРОДА МОХШИ — НАРОВЧАТА

Среди нумизматических коллекций эпохи Золотой Орды в дореволюционный период было известно несколько монет, чеканенных в городе Мохши. Но где находился этот город, долгое время оставалось загадкой. Лишь случайность помогла его открыть [1].

Обнаруженные в бывшем уездном городе Наровчате Пензенской области, постройки из квадратного кирпича, своеобразная гончарная керамика и большое количество монет с чеканом «Мохши» указывали на существовавший здесь в XIV в. город.

В русских письменных источниках нет сведений о городе Мохши. В то же время есть упоминание о Наручади. Назывался ли так город или область из текста не ясно.

Наименование города Мохши очевидно связано с мордовским племенем мокши, на территории которого он располагался, или по названию р. Мокши, в долине которой он находился.

Не исключено, что город возник на месте мордовского поселения, пока еще не открытого. Предположение это подкрепляется существованием мордовского могильника XIII—XIV вв., расположенного в слободе Наровчата, Старой Сотне [2].

Постройка именно здесь татарского города была, очевидно, обусловлена рядом экономических и политических соображений. Он находился в центре района, богатого ценными мехами, медом, воском и сельскохозяйственными продуктами. Сюда подходил степной клин, прорезающий лесной массив, именно здесь проходила дорога, сохранившая название «ногайская».

Этот город, по мнению первоисследователя, саратовского археолога А. А. Кроткова, занял место города Увека, бывшего административного центра мордовско-мокшанских земель, прекратившего свое существование в начале XIV в. Как раз в 1313 г. появляются первые монеты с чеканом «Мохши» [3].

Исходя из анализа медных джучидских монет, на которых изредка город Мохши встречался с эпитетом «Махруси», т. е. «богохранимый», обычно применявшимся к значительным крупным городам, А. А. Кротков приходит к выводу, что Мохши был улусным центром.

Его возникновение и расцвет неразрывно связаны с историей Золотой Орды. Начавшийся в 60-х годах период смут сразу же отразился и на жизни города Мохши.

Именно в это время появляется в Наручади татарский князь Тагай, совершивший во время своего короткого княжения неудачный поход на рус-

[1] А. А. Кротков. В поисках Мохши. Тр. ОИАЭ. Сарат. ГУ, 34, 1, Саратов, 1923 стр. 27.

[2] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник. Саранск, 1948.

[3] А. А. Кротков. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, 5, 1928.

ские владения[4]. После него в 1366 г. чеканка монет в Мохши прекратилась. С этого момента торговая жизнь в городе стала постепенно затухать. Окончательная гибель татарского города, по мнению А. А. Кроткова, связана с его разгромом в 1395 г. Тимуром. Однако, судя по находкам золотоордынских монет первой половины XV в., жизнь в этом городе продолжала еще теплиться.

Изучение города Мохши было начато А. А. Кротковым в 20-х годах. Был проведен ряд разведывательных раскопок, собраны сведения о следах кирпичных построек, найдены монеты. А. А. Кротков написал работу[5], которая в значительной части легла в основу брошюры В. И. Лебедева[6].

А. А. Кротков выяснил, что развалины этого города расположены в пределах современного Наровчата под усадьбами и частными домами, а также за его пределами. Сюда относятся два урочища: одно к западу от города — это урочище «Красный ключ»; второе расположено к юго-западу от Наровчата, в 2—3 *км* от его центра, у слободы Старая Сотня,— это Мизгитное поле, или Мизгить, что в переводе А. А. Кроткова означает «мечеть».

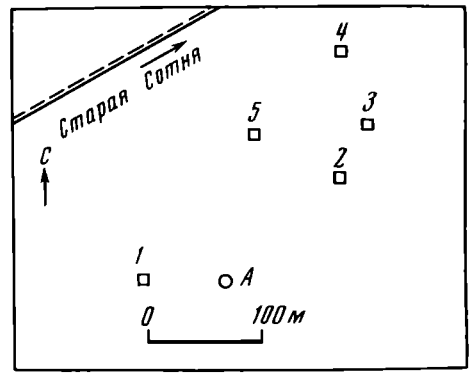


Рис. 1. План расположения мавзолеев

1—5 — мавзолеи; *А* — яма

Здесь на берегу р. Шелдаис, впадающей в р. Мокшу, на территории современной Старой Сотни, в XIII в. мордва-мокша начала хоронить своих сородичей, как обычно, по языческому обряду. В XIV в. по мере расширения кладбища и удаления его от реки на нем начинают хоронить по мусульманскому обряду погребения, причем иногда погребения перемежаются с мордовскими. Было ли это следствием омусульманивания части мордвы или ее вытеснения, пока ничего определенного сказать нельзя, так как костный материал с этого могильника из-за плохой сохранности не поддается антропологическому изучению.

В 200 *м* от Старосотенского могильника, к западу от Старой Сотни и около 100 *м* от дороги на Вьюнки в Мизгитном поле прослеживаются развалы кирпичных построек и среди них большая яма 11 *м* в диаметре. Из этой ямы, как сообщили в 20-х годах А. А. Кроткову местные старики, брали кирпичи и возами вывозили поливные изразцы.

Возможно, в связи с бывшей здесь круглой постройкой это поле носит еще одно название «Круглое поле». Близ ямы и были вскрыты остатки мавзолеев (рис. 1).

Разведочными раскопками в Мизгити А. А. Кротков вскрыл двухкомнатное здание размером 13 ×7,2 *м* с «сенцами или навесом с южной стороны». Здесь же было найдено большое количество «известковых вставок с синей и голубой поливой, употреблявшихся для стенной инкрустации». Это здание А. А. Кротков принял за богатую жилую постройку[7].

Лишь много лет спустя вновь были проведены раскопки в Мизгити[8]. Здесь было раскопано пять мавзолеев. За исключением одного (№ 5), они имели более или менее заметные внешние признаки в виде щебня или бутового камня.

---

[4] Никоновская летопись, XI — 6873.

[5] А. А. Кротков. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Рукопись. Наровчатский краеведческий музей. Дело № 21.

[6] В. Лебедев. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

[7] А. А. Кротков. Наровчат и его окрестности... (рукопись, стр. 12).

[8] В 1959—1960 гг. раскопки проводились экспедицией Института археологии Академии наук СССР совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики и Пензенским управлением культуры под руководством А. Е. Алиховой. В раскопках принимали участие студенты Пензенского педагогич. ин-та и Мордовск. гос. ун-та.

Фундаменты всех мавзолеев были опущены в толстый слой чернозема (до 90 *см*) и положены на материковый суглинок. В отдельных участках они были полностью выбраны местными жителями. Стены некоторых мавзолеев были, очевидно, украшены поливными изразцами и мозаикой. В настоящее время об этом только можно догадываться по крохотным поливным обломкам, к тому же встречаемым в очень ограниченном количестве.

По планировке и архитектурным особенностям мавзолеи можно разделить на три типа.

К первому типу относится только один мавзолей, раскопанный в 1960 г. Он отличается относительно крупными размерами, крестообразной планировкой и присутствием склепа в одном из четырех помещений. Это мавзолей № 1.

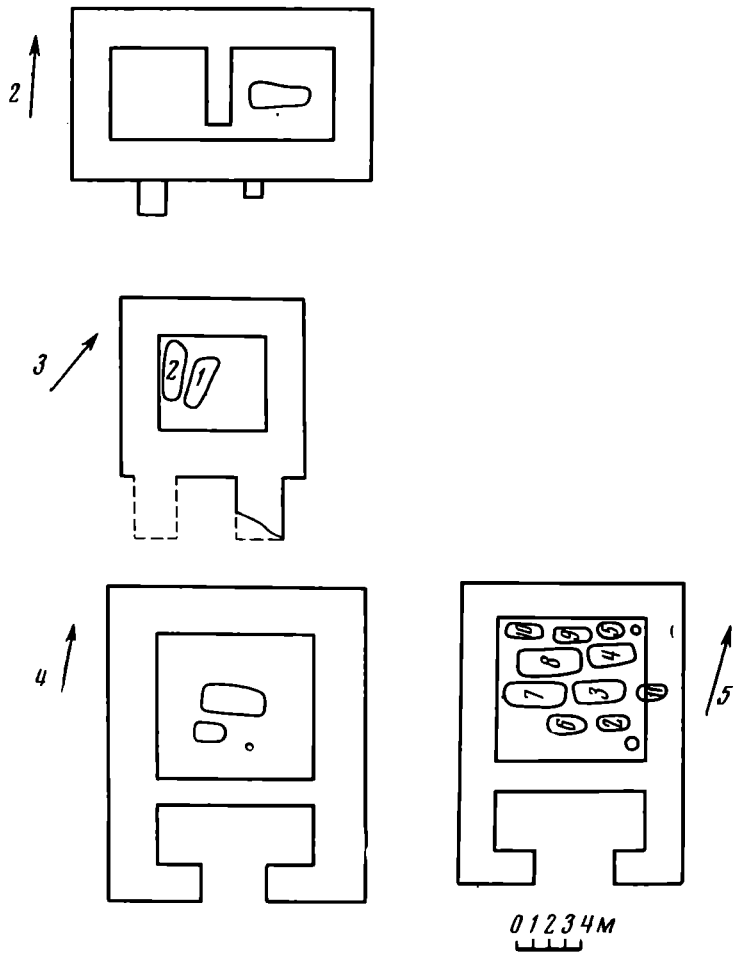


Рис. 2. Планы мавзолеев
2—5 — номера мавзолеев

Ко второму типу относятся два мавзолея (№ 2 и 3). Один из них квадратный в плане (№ 3), второй прямоугольный, поперечно вытянутый. Их объединяет одна черта — выступающий за пределы постройки портал (рис. 2, *2*, *3*).

К третьему типу относятся два мавзолея (№ 4 и 5), совершенно идентичные по планировке и почти одного размера. Это крупное, вытянутое в длину прямоугольное здание, разделенное поперечной перегородкой на два помещения. Заднее помещение, квадратное в плане, служило местом захоронения. Переднее являлось преддверьем. Оно меньшего размера с широким входным разрывом в стене (рис. 2, *4*, *5*).

Вскрытые мавзолеи имеют вход с южной стороны. Лишь вход мавзолея № 3 был обращен на юго-восток.

Фундаменты всех мавзолеев 1,2—2 *м* ширины были в трех случаях сложены из квадратного кирпича, порой плохо обожженного, размером 22—24 и толщиной 4—5 *см* с заполнением пустот щебнем. Кладка велась на глиняном растворе, и лишь на отдельных небольших участках применяли известь.

В двух мавзолеях (№ 1 и 5) фундамент был сложен из крупных камней бута с заполнением промежутков щебнем. В мавзолее № 1 помимо щебня встречались также куски железного шлака.

Мавзолей № 1 представлял собой монументальное здание наиболее крупное из всех раскопанных нами. Его длина 18,5 *м*, ширина примерно такая же. Оно состояло из четырех помещений центрального, двух боковых и северного, содержавшего склеп (рис. 3).

Центральная часть здания отличалась массивностью продольных стен, являвшихся продолжением стен портала. Их ширина достигала 3 *м*. В се-

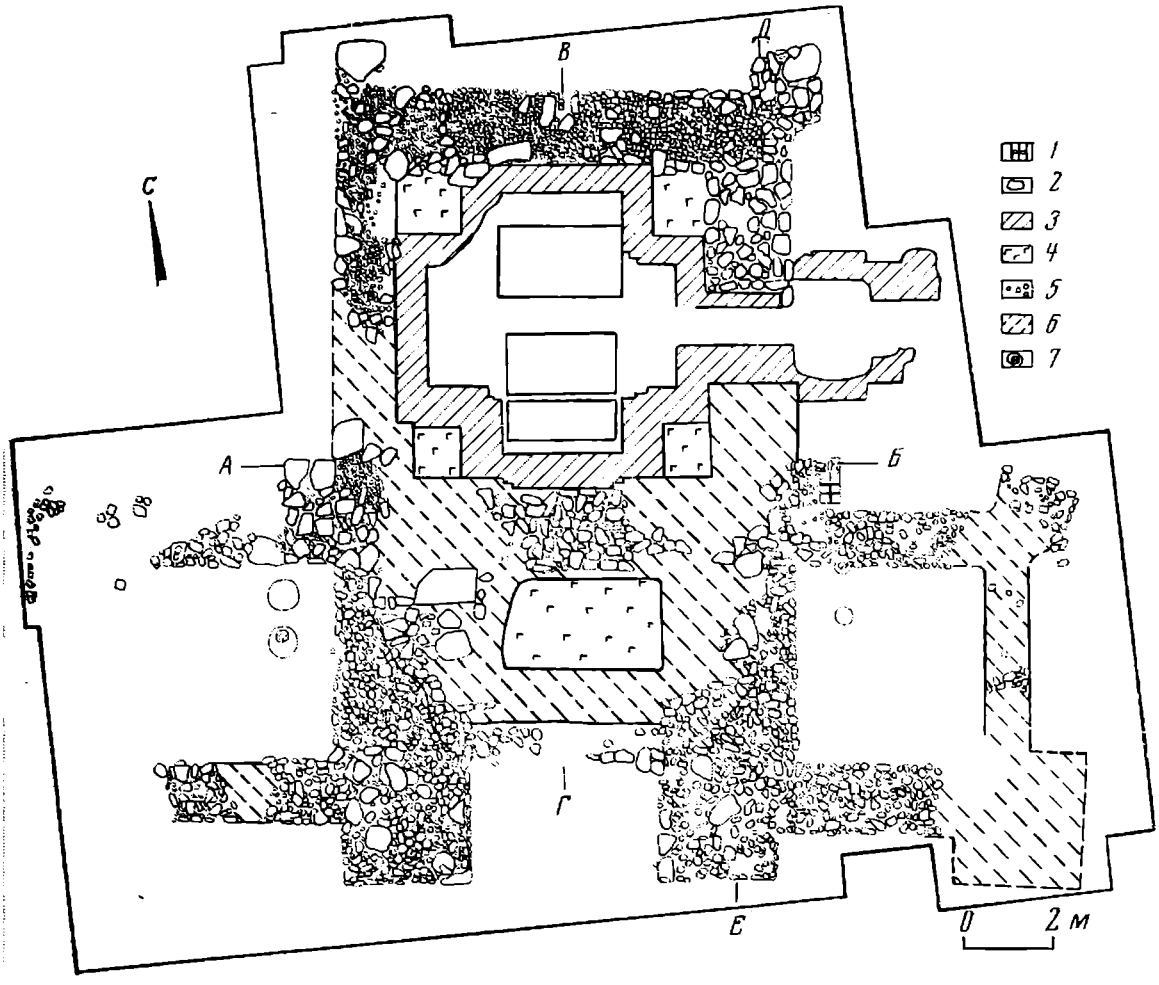


Рис. 3. План мавзолея № 1

1 — кирпичная кладка; *2* — бутовый камень; *3* — кирпичная кладка склепа; *4* — чернозем; *5* — кирпичная щебенка; *6* — перекоп — следы стен; *7* — столбовые ямы

верной половине здания, заключавшей склеп, на уровне последнего эти стены становились значительно уже. Северная стена центральной части здания, проходившая посредине мавзолея и примыкавшая к склепу, хотя и была у́же, но в ее основание были положены довольно крупные плоские камни длиной 40—70 и толщиной 15—25 *см*. Южная стена, отделяющая портал, к сожалению, вся выбрана. Судя по перекопу, ее ширина была равна ширине северной стены.

Портал по конструктивным особенностям составлял единое целое с центральной частью здания. Его глубина 3,54 *м* и ширина внутреннего проема 4,32—4,55 *м*. Стены выступали за пределы здания на 1,15 *м* с восточной стороны и на 1,40 *м* (с западной).

Массивность стен портала и центральной части мавзолея свидетельствуют о большой нагрузке в этой части здания. Исходя из архитектурных особенностей, распространенных на востоке в рассматриваемое время, можно предположить, что за массивным высоким порталом на барабане возвышался купол.

Внутренняя часть центрального помещения была крайне незначительной, всего около 10 $м^2$. Но она увеличивалась за счет проемов в соседние боковые помещения.

Два боковых помещения, расположенные с восточной и западной сторон, площадью 4,35 × 4,45 *м*, имели менее массивные стены (1,3—1,5 *м*). К сожалению, фундамент западной и восточной стен был почти полностью выбран. Тем не менее по ничтожным остаткам бутового кам-

ня и следам перекопов можно проследить планировку этих частей здания. По внешним углам, очевидно, были расположены колонны или башенки. С северной стороны в углах, примыкавших к продольным стенам мавзолея (по линии А—Б, рис. 3), прослежены основания для пилонов. Северная часть мавзолея, содержавшая склеп, была, очевидно, двухэтажной. Склеп, углубленный в землю, имел отдельный вход с восточной стороны, значительно выступавший за пределы мавзолея. Сам вход, судя по остаткам фундамента, был, видимо, с внешней стороны украшен двумя полуколоннами. Вниз вели две высокие ступеньки, вероятно, выложенные в свое время каменными плитами. Далее шел длинный коридорообразный вход (6,1 *м*). Но в пределах восточной стены мавзолея вход вновь сужался до 0,8 *м*. Эта стена мавзолея, более широкая по сравнению с северной и особенно с западной, у входа в склеп была особенно прочно сложена из крупных каменных блоков, положенных в три ряда. Поверх них сохранились два ряда кирпичной кладки на прочном известковом растворе, кстати говоря, не встреченном в других частях фундамента. Внутри склеп закрывался дверью, о которой свидетельствуют угловые пазы, вырубленные в бутовых камнях фундамента, а также остатки деревянного порожка. Стены склепа были сложены из целого и битого квадратного кирпича и оштукатурены. Четыре широкие ниши (по 2,86 *м* и глубиной 1,4 *м*) придавали склепу крестообразную планировку. В одной нише сохранились следы сводчатого перекрытия (рис. 4). Пол склепа и входа был выложен квадратным кирпичом (размер 25—26 × 4—5,5 и 21,5—23,5 × 5,5 *см*).

Склеп освещался маленькими наклонными окошками, расположенными в середине ниш на высоте 0,8 *м* от пола. Их остатки прослежены в западной и северной стенках. Ширина окон 50 *см*. Нижняя часть окон горизонтальна и углублялась в стену на 47 *см*, а далее кверху кирпичи лежали наклонно.

Склеп по своим деталям во многом близок известным в Азербайджане. Там также прослеживается двухэтажность, крестообразная планировка склепа и близкая конструкция окон [9].

Склеп был предназначен для погребения трех лиц. Судя по всему, захоронения были наземные. Об этом свидетельствуют находка отдельных костей от двух человеческих скелетов, встреченные среди щебня, заполнявшего склеп и весь раскоп. Но главным доказательством являются специально сооруженные в полу три погребальных места. Они представляли собой прямоугольную яму размером 1,5 × 2,6 *м* и глубиной в 47 *см*, вытянутую с запада на восток и заполненную кладкой из квадратного кирпича размером 22—23,5 × 5,5—6 *см* (рис. 5, 6).

Хорошо сохранившееся центральное погребальное место сверху было выложено квадратным кирпичом, поставленным на ребро перпендикулярно к краю ямы в один ряд, а по углам кирпичи лежали горизонтально, образуя, таким образом, как бы рамку. Внутри этого обрамления кирпичи, также положенные на ребро, были направлены продольной осью вдоль ямы (восток — запад). Ниже под рамкой были положены три ряда кирпичей, а за ее пределами, т. е. в центре, четыре (рис. 6). Здесь наряду с целыми кирпичами встречались поломанные. В западной части центрального погребального места был перекоп. Здесь обнаружен череп человека и нижняя челюсть, позвонок и две монеты — одна великого князя Василия II (1424—1462), вторая монета того же князя, чеканенная после 1447 г., лежала глубже на 30 *см*. К западу от этого перекопа, близ него, в завале склепа были найдены локтевая кость и правое бедро человека.

---

[9] М. У. Усейнов. Памятники Азербайджанского зодчества. М., 1951, рис. 9, стр. 21, 23; рис. 15, стр. 25; рис. 25, стр. 32.

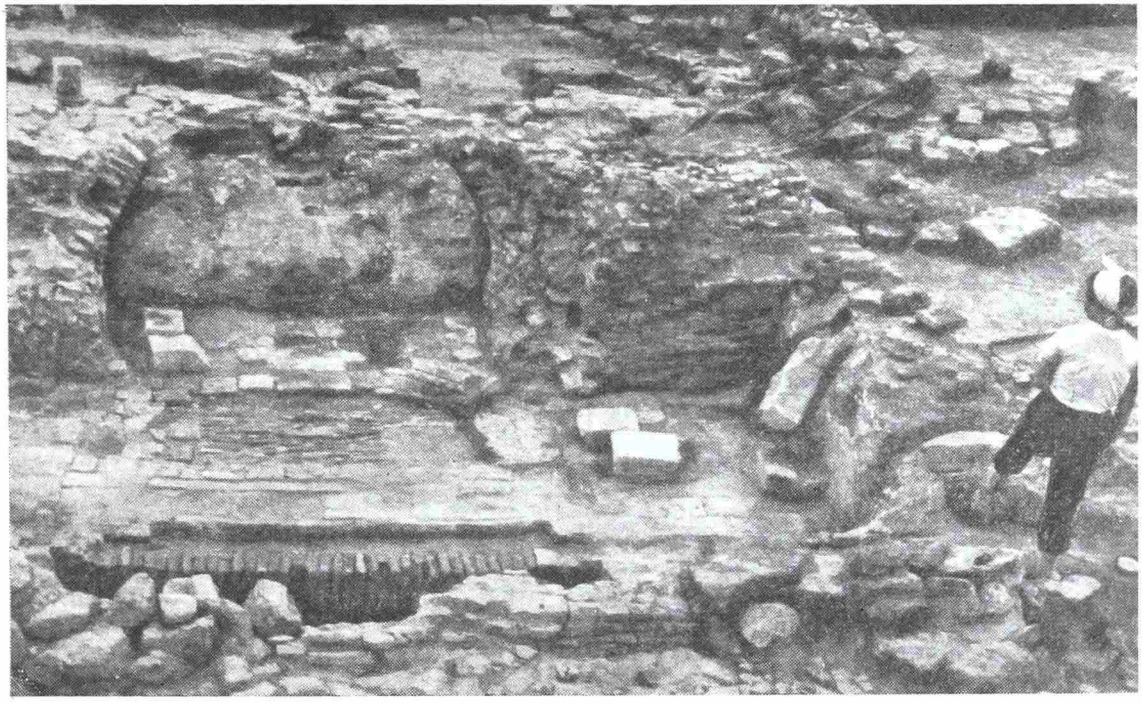


Рис. 4. Мавзолей № 1. Вид южной и западной стен склепа

Под вертикально стоявшими кирпичами вымостки и в промежутках между ними была засыпка из песка. Здесь была найдена еще одна монета, чеканенная в Сарае при Тохтамыше (1378—1396), без указания года чеканки [10].

Встает вопрос: когда и при каких обстоятельствах эти монеты попали сюда. Как известно, при мусульманском обряде погребения никаких вещей умершему не кладут в могилу. В то же время этот обычай иногда встречался у болгар и современной им мордвы. Так, в соседнем Старосотенском могильнике в нескольких мужских погребениях были найдены монеты [11].

Северное погребальное место, обнаруженное под завалом больших облицовочных глыб камня, бута и кирпича, было, за исключением южной стенки, полностью выбрано. Судя по сохранившимся остаткам, его конструктивные особенности были те же, что и в центральном погребальном месте. Среди глыб камня и под ними на уровне пола были найдены отдельные кости человека (большая берцовая, ребро и кость стопы).

Южное погребальное место было обнаружено под кладкой пола. Оно отличалось от ранее рассмотренных отсутствием регулярной кладки, которая, возможно, первоначально и была. Под кирпичными плитами пола склепа обрисовалась прямоугольная яма, а в ней вторая яма тех же очертаний, но несколько меньшего размера. Очевидно, основная яма наверху была засыпана песком, от которого сохранилась с южной стороны окантовка шириной в 30 и с восточной стороны в 10 *см*. Меньшая яма, расположенная внутри этой ямы, представляла собой перекоп черного цвета с пятнами светлого грунта. На глубине 30 *см* у дна ямы были набросаны целые и битые квадратные кирпичи, среди которых был небольшой обломок архитектурного декора.

Таким образом, и это погребальное место было нарушено, но, очевидно, еще в период функционирования кладбища, так как следы хище-

[10] Определение монет проведено С. А. Яниной, за что и приношу ей глубокую благодарность.

[11] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник, 1, стр. 225. А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары. МИА, 80, 1960, стр. 109.

Рис. 5. Мавзолей № 1. Склеп. Центральное погребальное место до выборки кирпича

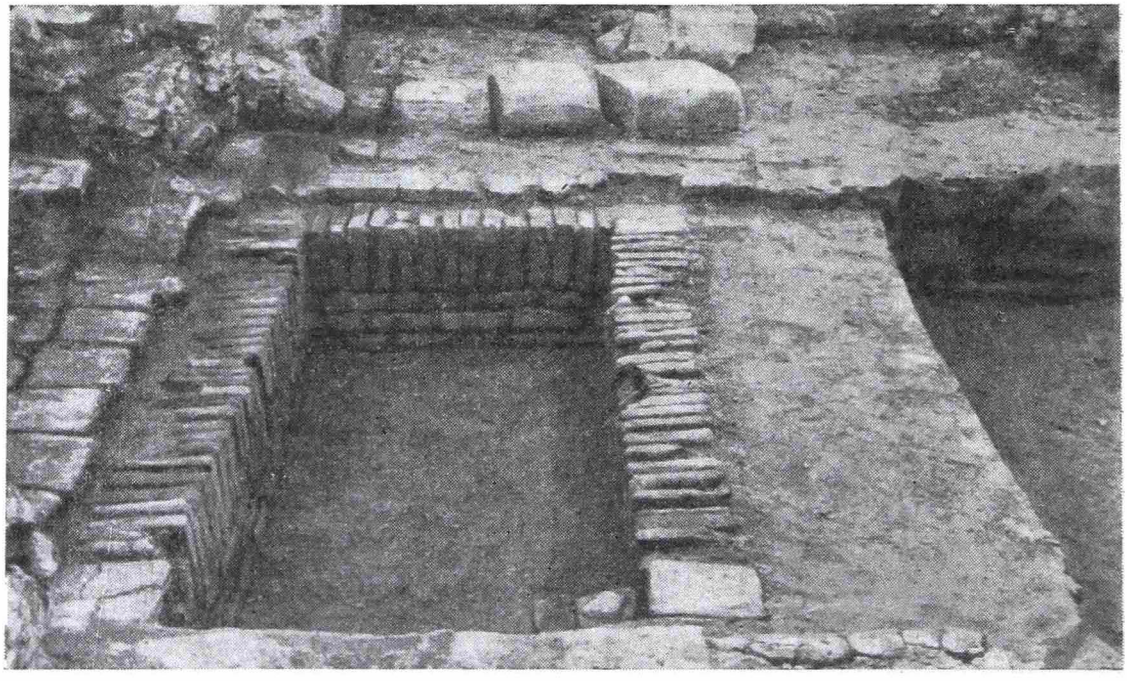


Рис. 6. Мавзолей № 1. Склеп. Центральное погребальное место после выборки кирпича

ния кирпича были скрыты полом. Впоследствии на это место осыпалась с потолка и стен известка и образовала плотный слой трехсантиметровой толщины.

Судя по положению плит пола, и другие погребальные места были первоначально прикрыты плитками пола. Возможно, при захоронении их открывали, чтобы точнее знать, куда положить погребаемого.

Особенностью данного склепа являются рассмотренные подробно погребальные места. Они свидетельствуют о том, что здесь был наземный способ захоронения, противоречащий мусульманскому вероисповеданию.

Однако этот способ захоронения распространен среди части узбеков Хорезма. В Средней Азии местами сохранились пережитки древней зороастрийской традиции в погребальном обряде.

Г. П. Снесарев в своей работе, посвященной этим вопросам [12], пишет: «Согласно учению ортодоксального зороастризма, все, что мертво, и в первую очередь труп умершего, является источником осквернения окружающего. Представление о сакральной нечистоте мертвого и вытекающая из этого боязнь осквернить землю продолжали долго жить в мусульманской Средней Азии, особенно четко в Хорезме, проявившись в том своеобразном ритуале захоронения, при котором склепный способ трупоположения с мерами изоляции от земли местами даже являлся господствующим». Разбирая способы изоляции трупа от земли, автор пишет: «...в качестве изолятора, несомненно, служил и песок». В этой связи вспомним, что в центральном погребальном месте под вертикально стоявшими кирпичами была прослойка песка. Очевидно, такая же прослойка была и в южном погребальном месте до его разрушения.

Над склепом было просторное помещение, которое, судя по свалившимся при разрушении мавзолея в склеп облицовочным камням, было отделано хорошо обработанным белым камнем с отделанным желобами карнизом (рис. 7). Три самых больших камня от фриза резко различались по орнаменту.

Возможно, что описанный мавзолей был одновременно и мечетью, а неподалеку расположенная круглая яма свидетельствует о некогда стоявшем здесь минарете.

В целом этот мавзолей представлял собой довольно крупное здание с глубоким и высоким порталом с башенками по углам боковых помещений и по углам с северной стороны. С восточной стороны несколько выдавался вход в склеп, также украшенный башенками или колоннами. Здесь был найден обломок надписи, который был прочтен М. Г. Сафаргалиевым как цифра семь. Все это здание украшал купол на барабане.

Временем его сооружения можно предположительно считать начало XV в.

Мавзолей № 2 — это прямоугольное в плане здание размером 12,2 × 7,10 *м* со стенами шириной 1,3—1,5 *м*, ориентированное по странам света. Фундамент, сложенный из квадратного кирпича, в основном был положен на материковый суглинок, но часть северной стены лежала на тонком слое чернозема (10—15 *см*). Внутри здание было разделено на две равные половины, размером 4 × 4 *м* каждая, стеной 1,1 *м* ширины, не доходящей до южной стены мавзолея на 60 *см*. Фундамент этой стены, сложенный из щебня, не доходил до материка на 20 *см*. От него сохранился лишь один слой щебня (рис. 2, *2*).

От выступающего к югу портала (пештака) сохранилась часть западной стены на длину 1,5 при ширине 1,1 *м*.

Судя по мелким обломкам, рассеянным в пахотном слое, здание было богато украшено синими и голубыми изразцами и мозаикой. Каково было внешнее архитектурное оформление этого здания в верхней части, трудно сказать.

[12] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 146, 152.

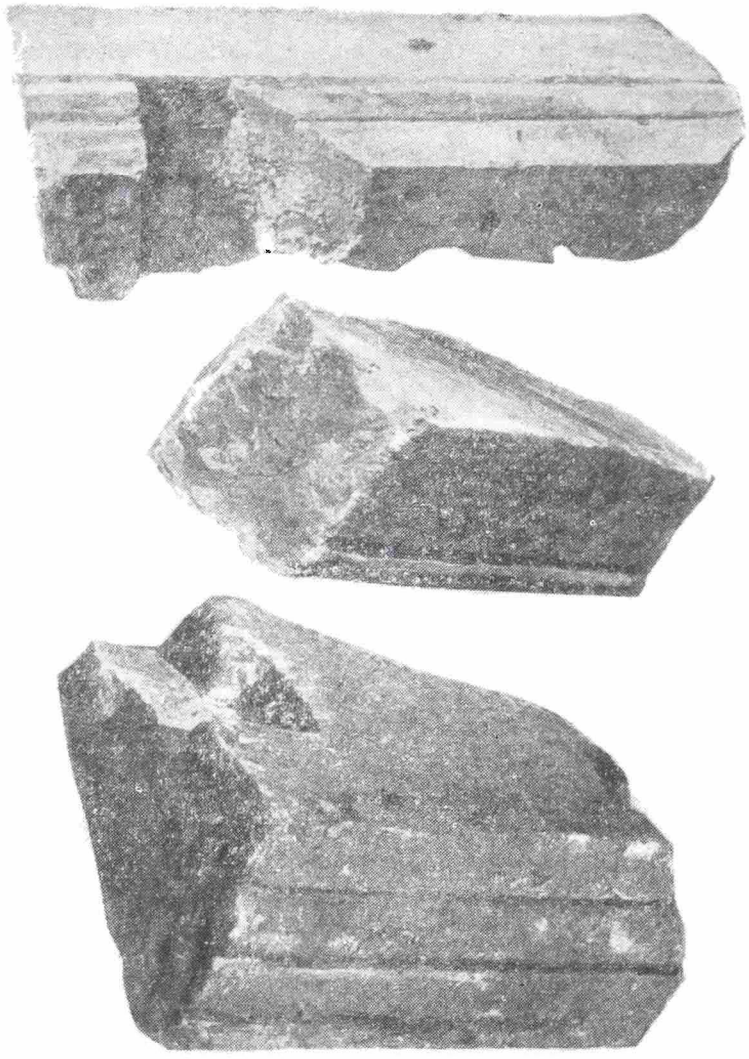


Рис. 7. Мавзолей № 1. Облицовочные камни

Западная половина вскрытого нами мавзолея оказалась пустой. В восточной половине вначале обрисовались две взаимно перпендикулярные ямы. Одна из них подходила вплотную к северной стене, перерезая желтое пятно суглинка, расположенного с северной стороны. Очевидно, это была грабительская траншея. Вторая яма, вытянутая с запада на восток, оказалась могилой, а пятно суглинка было выкидом из могильной ямы. Длина могилы 2,15, ширина в западной части 1 *м* и в восточной 60 *см*. Погребение было обнаружено на глубине 1,8 *м* от современной поверхности. Костяк лежал в корытообразном углублении, заполненном черной землей, очевидно, насыпанной по традиции провожающими покойника. Костяк лежал в вытянутом положении головой на запад. Череп лежал на правом боку, обращенный лицом к югу. Туловище также было несколько наклонено вправо. Предплечье правой руки, согнутой в локте, лежало параллельно плечу. Левая рука также была согнута в локте. Ее предплечье и кисть располагались в области груди.

Костяк принадлежал мужчине преклонного возраста (все зубы были стерты).

Аналогичное по размерам здание (13 × 7,2 *м*) с входом, расположенным с юга, было вскрыто на Мизгити в 1926 г. А. А. Кротковым. Это, как указывает исследователь, «обычное здание золотоордынского времени в две комнаты с сенцами или навесом с южной стороны».

Отличие от вскрытого нами мавзолея заключается в меньшей толщине стен, разном размере помещений и, по-видимому, ином направлении

длинной оси здания [13]. Очевидно, А. А. Кротковым было вскрыто не жилое здание, как предполагал автор, а один из многих не обнаруженных еще раскопками мавзолеев.

Мавзолей № 3 — это небольшое массивное здание квадратное в плане (размером 7,4 × 7,4 *м*), направленное входом на юго-восток, оформленным в виде портала пештака, выступающего за пределы здания на 2,6 *м*. Стены мавзолея толщиной 1,6—1,8 *м* были сложены из квадратного кирпича на глиняном растворе, а два нижних ряда кладки на известковом растворе. Стены же портала были полностью сложены на известковом растворе (рис. 2, *3*).

Очевидно, это здание имело вид куба и было увенчано куполом и высоким порталом.

В мавзолее были погребены две женщины — молодая и старая. Могила старой женщины (погр. 1) располагалась в центре мавзолея. В ней по краю у дна прослеживалась прослойка белого вещества. В разрезе эта тонкая прослойка имела корытообразную форму с плоским дном, высотой 30 *см*. По-видимому, это была облицовка гроба, от которого сохранилось 19 костылей с остатками дерева.

Погребенная лежала головой на запад-сев.-запад, лицом к югу, в вытянутом положении, несколько склоненная на правый бок. Руки были слегка согнуты в локтях, причем предплечье левой руки лежало в поясничной области, а кисть правой руки, неестественно отогнутая, как бы надломленная, пальцами соприкасалась с тазобедренным сочленением. Наблюдалась старческая деформация позвоночника: некоторые грудные позвонки срослись, а в поясничной области прослеживался сильный изгиб позвоночника. Заросшие альвеолы челюстей свидетельствуют о старческом возрасте погребенной женщины.

Погребение 2 располагалось у юго-западной стены мавзолея рядом с только что описанным. Здесь прослеживалась аналогичная белая порошкообразная прослойка — след от облицовки гроба. Сам гроб сохранился лишь в самой нижней его части на уровне костяка, и здесь же лежали костыли. Погребенная была обращена головой на запад-юго-запад. Череп и верхняя часть туловища были склонены на правый бок. Руки, согнутые в локтях, располагались поперек туловища.

С черепа до лопатки спускалась парчевая лента — тесьма. Местами в области груди сохранились следы парчевой вышивки. Справа у середины правого плеча найдена сердоликовая бусина.

Мавзолей № 4, по своим архитектурным особенностям резко отличается от рассмотренных выше. Это длинное прямоугольное здание, обращенное входом на юго-юго-восток. Мавзолей был разделен поперечной стеной на две части: внутреннюю (6 × 6 *м*), где было захоронение, и внешнюю (6 × 2,3 *м*) с широким открытым входом (2,7 *м*). Основные три стены были шириной в 2 *м*, а южные стены у входа — 1,4 *м*. Стены положены на материк. От них сохранился лишь самый нижний слой щебня, поверх которого местами остались отдельные глыбы камня (рис. 2, *4*).

В центре мавзолея располагалась могильная яма, вытянутая с востока на запад. Ее размер 2,2 × 1 *м*. Первоначально она была, по-видимому, забита глиной. Позже в ней была вырыта хищническая яма, заполненная впоследствии щебнем, известью и черноземом. Никаких следов от захоронения в ней не обнаружено. В то же время при выборке грунта из мавзолея на втором штыке в двух местах вдали от могилы были найдены два обломка черепа человека и в нескольких местах гвозди и костыли от гроба. Рядом с этой ямой, несколько юго-западнее, располагалась вторая яма трапециевидной формы, вытянутая с запада на восток (1,10 × 0,6—0,70 *м*), заполненная черноземом, щебнем и известью. Эта

[13] А. А. Кротков. Ук. соч., стр. 12.

яма также оказалась пустой. Около нее в слое чернозема на глубине 50 *см* под развалом щебня обнаружен сильно потревоженный костяк молодого субъекта, ориентированный головой на запад. Он лежал на правом боку с сильно согнутыми в коленях ногами.

Мавзолей № 5 по планировке совершенно тождествен мавзолею № 4. Это длинное прямоугольное здание, вытянутое с северо-северо-востока на юго-юго-запад, размером 12,4 *м* при ширине 9 *м*, разделенное поперечной стеной на два помещения: внешнее с широким входом и внутреннее (6 × 6 *м*), которое являлось усыпальницей (рис. 2, *5*).

Фундамент здания, углубленный в материк на 1—2 кирпича, был сложен из квадратного плохо обожженного кирпича на глиняном растворе. Шов между рядами кирпичей доходит до 1—1,5 *см*. Кладка состояла из целого кирпича снаружи и внутри и из битого в середине. Толщина стены фундамента 1,3—1,5 *см*. С восточной стороны мавзолея внутри по углам прослежены следы двух столбовых ям диаметром 35 *см*.

В усыпальнице было обнаружено 11 захоронений и одна пустая могила (№ 6, размер 1,8 × 1,48 *м*). Судя по размерам могил, здесь было семь детских захоронений и четыре захоронения взрослых.

Для всех захоронений, за исключением № 13, характерно положение погребенных головой на запад без каких-либо вещей, в гробах, сколоченных гвоздями и костылями, иногда со скобами. Все могилы были в той или иной степени углублены в материк, ниже слоя чернозема толщиной 90 *см*. Исключение составляет погребение 1.

Детские могилы были едва углублены в материк. Их размеры 1,15—1,40 × 0,55 *м*. Интересно устройство одной могилы (№ 5), напоминающее могильные ямы в склепе мавзолея № 1. В ней по углам были положены крупные куски квадратного кирпича, очевидно, для изоляции от земли, на которые, вероятно, был поставлен гроб. От детских костяков сохранились только зубы. Лишь в одном случае в погр. 1, положенном в черноземе, до нас дошла верхняя часть костяка. Правая рука лежала вдоль туловища, кисть левой находилась около лица.

Одно детское захоронение было, по-видимому, совершено после того, как мавзолей разрушился (погр. 12). Костяк, ориентированный головой на север, был положен на основание фундамента, вдоль него.

Могилы взрослых длиной 2,10—2,40 при ширине 0,90—1 *м* углублялись в материк на 40 *см*, а считая от поверхности,— на 1,30 *см*. Лишь одна могила (погр. 8) была значительно глубже. Ее дно располагалось на глубине 1,60 *м* от современной поверхности. Она также отличалась и большими размерами, а именно: ее длина 2,8 *м*, ширина 1,3 *м* в ногах и 1,5 *м* в головах. В этой могиле удалось проследить размер гроба — 2,10 × 0,65 *м*.

В трех взрослых могилах (погр. 4, 7, 8) и одной детской (погр. 6) были устроены боковые уступы, располагавшиеся в материке на разной глубине.

В положении погребенных наблюдается некоторое разнообразие. Выделяется погребение 4, в котором костяк молодой женщины лежал в скорченном положении на правом боку. Правая рука была подведена кистью к лицу, а левая лежала поперек туловища. Здесь прослеживалась одна особенность, уже отмеченная в погребении из мавзолея № 3, а именно: кисть правой руки была неестественно изогнута, как бы надломлена или притянута внутрь.

В погребении 8, совершенном в большой и глубокой могиле, у костяка, лежавшего в вытянутом положении, правая рука была подведена к лицу, а левая лежала на груди. На костях сохранились кусочки парчевой ткани, а вдоль левой руки тянулась парчевая тесьма.

В погребениях 3 и 7 при вытянутом положении костяков одна рука была вытянута, а другая лежала поперек костяка.

Таким образом, наряду с типичным мусульманским обрядом погребе-

ния здесь встречаются черты зороастризма, а также некоторые черты, типичные для жившей здесь мордвы мокши, а именно: скорченное положение погребенных женщин с руками, расположенными у лица. Впрочем, аналогичное было встречено и в Болгарах [14]. Поэтому трудно решать вопрос об этнической принадлежности погребенных по этому обряду женщин без их антропологического изучения.

Бесспорно, мавзолеи являлись местом захоронения местной знати. Рядом с этим кладбищем вдоль дороги на Вьюнки шла глубокая канава, в которой, как сообщили местные жители, было встречено много захоронений без вещей, очевидно, рядового мусульманского населения.

Разнообразие архитектурных форм в строительстве мавзолеев, возможно, свидетельствует о разноэтничности завоевателей древней Мордовской земли. О разновременности построек свидетельствуют находки вторичного использования отдельных кирпичей и частей декора.

Вопрос о дате строительства отдельных мавзолеев пока решить трудно. Можно лишь с уверенностью говорить о господстве здесь пришельцев в течение XIV в. и, судя по находкам монет, вероятнее всего до середины XV в.

A. E. Alikhova

MAUSOLÉES DE LA VILLE DE MOKHCHY-NAROVTCHAT

Résumé

La ville Mokhchy de l'Horde d'or connue grace aux matériaux numismatiques, est située sur le territoire du village actuel Narovtchat de la région de Penza. Inspectée pour la première fois par A. A. Krotkov dans les années vingt, elle a fourni un abondant matériel numismatique. Les fouilles de prospection ont décélés des fondations des bâtiments faits en brique carrée. En se basant sur ces données A. A. Krotkov a proposé une hypothèse que la ville de Mokhchy, après le déclin de l'Ouvek, est devenue le centre régional. En 1959, sous la tutelle de l'Institut de l'Archéologie et du Département régional de Culture de Penza, l'auteur a repris les fouilles dans le village de Narovchat: dans le champ labourable à l'extrémité sud-ouest du village. Cinq mausolées décélés d'après les vestiges à peu près effacés des bâtiments en brique étaient déblayés.

D'après la planification, ils se divisent en trois groupes: mausolée à un câveau (N 1), mausolées aux portails saillants (pechtak) (NN 2, 3); grands mausolées à deux chambres sans «pechtak» (NN 4 et 5). Les entrées des 4 mausolées sont orientées au Sud tandis que l'entrée du cinquième est orientée au Sud-Ouest (N 3). Les fondations des édifices s'enfoncent dans la terre jusqu'au sol vierge et, dans leur partie inférieure sont baties de grosses pierres brutes. Toutes les sépultures découvertes dans les mausolées: isolée (N 1), double (deux femmes — N 3) et collective (N 5) sont caractérisées par l'absence de mobilier funéraire et par l'orientation de la tête des défunts à l'Ouest tandis que les squelettes ont la position différente: allongée, sur un flanc ou fléchie. Les sépultures du mausolée N 1 sont démolies. Ce mausolée est le plus grand. Dans sa partie septentrionale il y avait un caveau fait en briques cassées à une entrée particulière. On y a trouvé trois places funéraires et, dans l'entassement, les os de deux sujets. Ici même, au niveau du pavement de brique, on a découvert un crâne humain dérangé et des monnaies russes et tartares des XIV—XV s.s. Dans le rite funéraire quelques traces de Zoroastrisme sont décélées.

[14] А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем Бугре.

Заметки

Л. В. СУББОТИН, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

ФРАКИЙСКИЙ КЕНОТАФ У С. ЗАЛИЗНИЧНОЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ПРИДУНАВЬЯ

В 1968 г. у с. Зализничное проводились охранные раскопки курганов. В одном из них обнаружено необычное для степной зоны северо-западного Причерноморья и Придунавья погребальное сооружение. Курган находился севернее с. Зализничное Болградского р-на Одесской области, у грунтовой дороги, идущей из указанного села в с. Кайраклию МолдССР. Диаметр кургана 40 *м*, высота около 4 *м*. К моменту раскопок более половины курганной насыпи было уничтожено во время земляных работ, проводимых колхозом «Украина».

Насыпь состояла из чернозема. По свидетельству колхозников и судя по непотревоженным остаткам, на ней имелся кромлех диаметром 27 *м*. В центральной части кургана была сооружена куполообразная каменная закладка диаметром до 12 *м*, высотой около 2 *м* (рис. 1).

По оставшейся части кромлеха видно, что камни ($80 \times 70 \times 15$, $60 \times \times 50 \times 15$, $40 \times 30 \times 10$ *см* и менее) были уложены в два ряда, плотно друг к другу, на ребро. Камни центральной закладки по краям достигали размеров $150 \times 120 \times 50$, $130 \times 100 \times 30$ *см*. К центру закладки они постепенно уменьшались в размерах.

При разборке закладки в центральной части под камнями, лежащими на погребенном черноземе, встречались обломки деревянных плах (диаметр сечения иногда доходил до 15 *см*). Здесь же найдены обломки верхней части глиняного горшка (рис. 2). Сосуд лепной, внутренняя и внешняя поверхность лощеная. Цвет внутри темный, снаружи оранжевый ангоб, излом черный, в тесте видна большая примесь мелкого песка. На плечике имеется небольшой соскообразный налеп, по плечикам наискосок идут неглубокие каннелюры. Диаметр венчика 22 *см*.

Под каменной закладкой прослежены остатки тростниковой циновки (200×180 *см*). Под циновкой обнаружено круглое пятно погребальной ямы (диаметр 1 *м*). Яма цилиндрической формы, глубиной 260 *см*. На стенках ямы хорошо прослеживались 13 ступенек почти правильной четвертьсферической формы. Они располагались по внутренней стенке ямы винтообразно (рис. 3). Сверху яма была заполнена рыхлой глинистой землей, а ближе к основанию — песком. На дне были прослежены остатки подстилки из коры. Никаких признаков человеческих костей не обнаружено.

Около ямы выявлены четыре выемки цилиндрической формы (диаметр 20 *см*, глубина 60 *см*), внутри которых найдены остатки дерева. По всей вероятности, они предназначались для столбов, поддерживавших деревянное перекрытие над погребальной ямой. Выемки располагались так, что образовывали как бы углы правильного четырехугольника размером 200×140 *см*. Учитывая, что погребальная яма не ограблена, но костяк отсутствует, можно с уверенностью сказать, что это кенотаф. На то, что погребальная яма не ограблена, указывают следующие признаки: 1) нена-

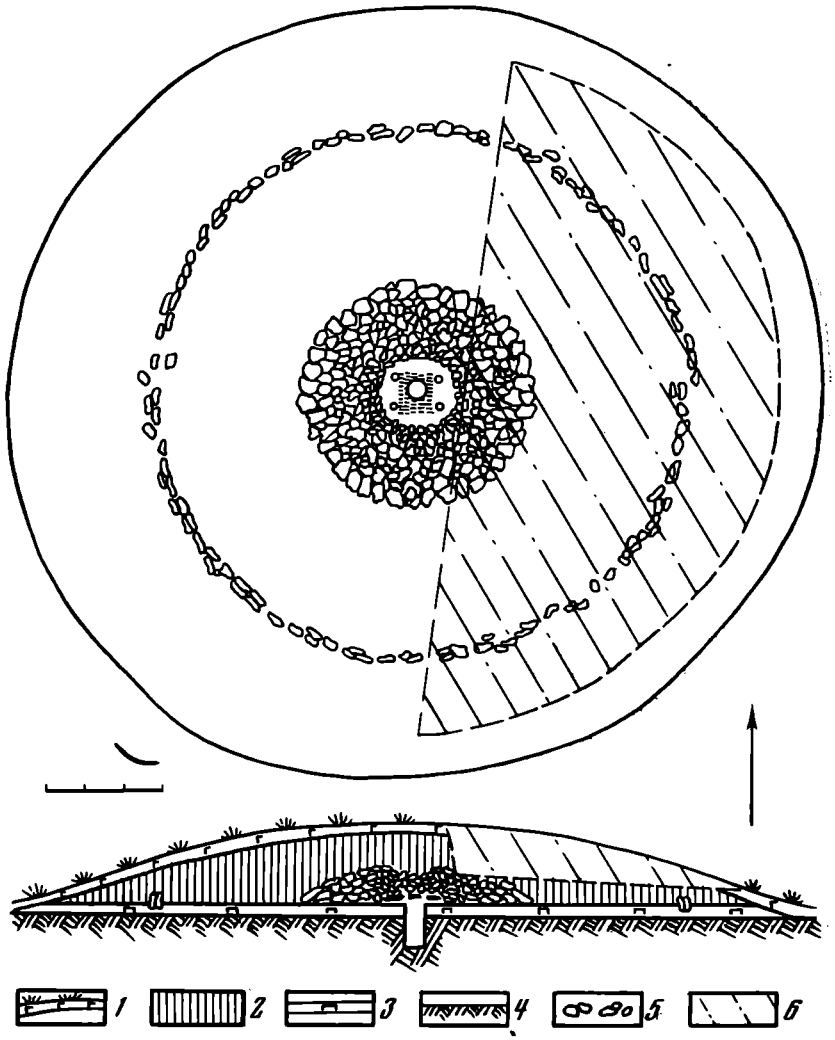


Рис. 1. План и профиль кургана у с. Зализничное

1 — дерновый слой; *2* — насыпь кургана; *3* — погребенный чернозем; *4* — материк; *5* — камни; *6* — разрушенная часть насыпи кургана

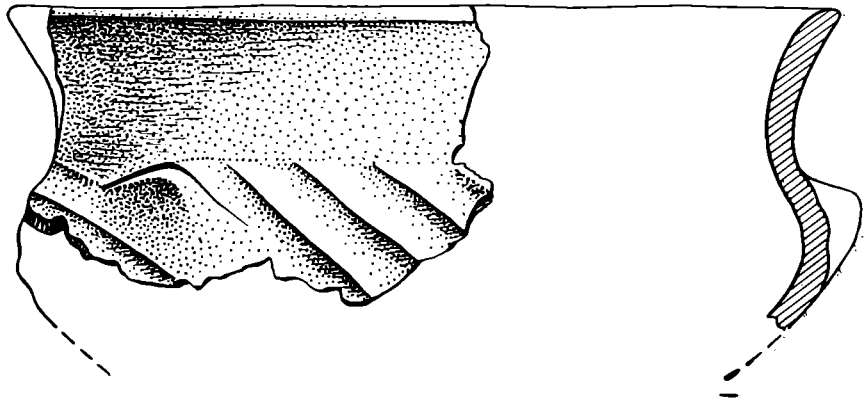


Рис. 2. Обломок фракийского сосуда из кургана у с. Зализничное

рушенная каменная закладка; 2) сохранились остатки истлевшей тростниковой циновки — на яме под каменной закладкой. Других погребений в кургане не обнаружено.

Полных аналогий подобным погребальным сооружениям нет в соседней Румынии, ни на территории степной зоны северо-западного Причерноморья, ни в Молдавии. Отдаленное сходство наблюдается лишь в ка-

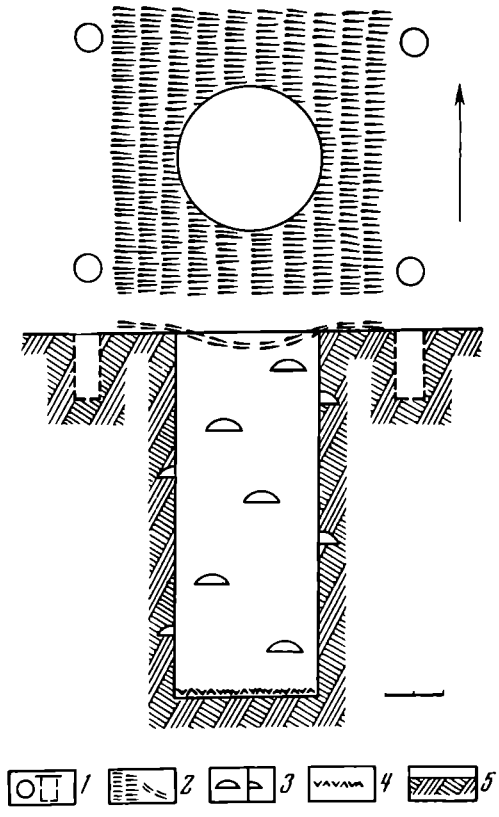


Рис. 3. План и профиль погребальной ямы кургана у с. Зализничное

1 — углубления от деревянных столбиков; *2* — тростниковая циновка; *3* — ступеньки; *4* — подстилка из коры; *5* — материк

менных конструкциях кургана № 3 у с. Баштановка, исследованных Днестро-Дунайской экспедицией в 1966 г.[1]. К сожалению, погребение ограблено и достаточно точно не датировано.

Единственным датирующим предметом в кургане у с. Зализничное является обломок сосуда, который, несомненно, относится к культуре фракийского гальштата и характерен для Трушешт и Бассараби в Румынии[2], Шолданешт в Молдавии[3] (VIII—VII в. до н. э.).

Находка фракийского погребения в степной части левобережья Нижнего Придунавья неслучайна. По мнению А. И. Мелюковой, здесь уже в предскифское время жили фракийские племена[4].

Это хорошо согласуется с новыми находками поселений фракийского гальштата к востоку от низовий Дуная, возле Орловки (нижний слой городища),[5] у с. Жовтневое[6], а также у с. Зализничное (поселение Ялпух IV). Погребение фракийского гальштата в кургане у с. Зализничное является первым на территории степной части левобережья Нижнего Придунавья. Дальнейшие исследования помогут выяснить специфику материальной культуры и погребальных обычаев фракийских племен этого района в эпоху раннего железа.

Л. В. КОПЕЙКИНА

САМЫЙ РАННИЙ ОБРАЗЕЦ РАСПИСНОЙ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНЬ

Основную часть расписной древнегреческой керамики на Березани составляет родосско-ионийская. И это, пожалуй, наиболее ценная часть березанского архаического материала, ибо нигде в северо-причерноморских греческих колониях эта группа керамики не представлена с такой полнотой и разнообразием. На Березани находят подчас уникальные по своему художественному значению образцы родосско-ионийских сосудов. И с каждым годом их число увеличивается.

---

[1] Н. М. Шмаглий, Т. И. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. МАСП, 6, Одесса, 1970, стр. 69.

[2] A. Florescu. Santierul arheolojic Truşeşti. MCA, III, Bucuresti, 1957, стр. 203—215, рис. 11; A. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumanien (Die Bassarabi-Kultur). «Dacia», IX, Bucuresti, 1965, стр. 116, рис. 7, *1*.

[3] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 62, рис. 16, *1*.

[4] А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. Сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 70, 71.

[5] И. Д. Головко, Р. Д. Бондарь, А. Г. Загинайло. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области. КСОАМ. Одесса, 1965, стр. 68—80.

[6] И. Т. Черняков. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. МАСП, 4, Одесса, 1962, стр. 89—96.

В 1968 г. найдены фрагменты родосско-ионийского килика, который, на наш взгляд, также можно отнести к этому разряду. Фрагменты были обнаружены на участке «Г», в заполнении подвала второй половины VI в. до н. э. Это часть дна килика на невысокой конической подставке и часть венчика — выделенного края (рис. 1) [1]. Глина черепка чистая, розовая, с фиолетовым оттенком. Снаружи стенки килика были покрыты плотной белой обмазкой — ангобом. Рисунок в виде лучей или, возможно, пересекающихся ромбов, отходящих от подставки, исполнен тонкими четкими линиями черного лака (рис. 2). Сама конусовидная подставка покрыта плотным слоем темного блестящего лака, нанесенного уже поверх белой обмазки. На внутренней стороне килика на самом дне помещен медальон, окруженный концентрическими кругами (рис. 3). В медальоне рисунок, так же как и на наружной стороне килика, исполнен на фоне светлого ангоба. Он представляет собой шахматный орнамент с крупными темными и светлыми клетками. Поле клетки в центре медальона заполнено концентрическими кругами. Выше стенки килика были покрыты темным блестящим лаком, и по незначительным остаткам можно предположить, что они были украшены, возможно, большими кругами с точечным заполнением. Причем точки, так же как и один из поясков вокруг медальона, выполнены пурпуром. Венчик снаружи имеет светлую обмазку, поверх которой золотистым лаком нанесен орнамент в виде ломаной линии. С внутренней стороны он покрыт темным лаком.

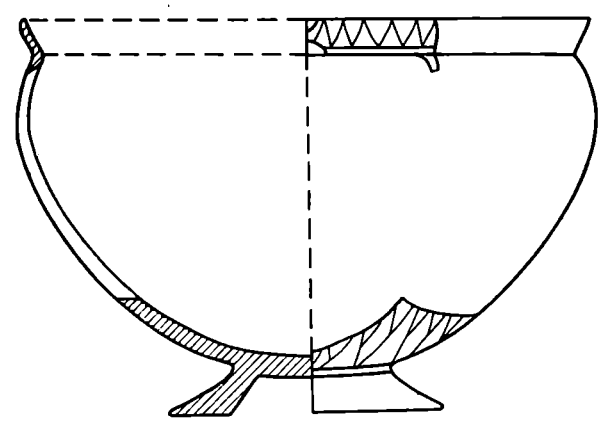


Рис. 1. Общий вид родосско-ионийского килика (реконструкция)

Из-за фрагментарной сохранности килика мы, к сожалению, не можем восстановить схему его росписи полностью, так как никаких близких аналогий, которые бы могли помочь в этом, мы не находим ни в родосско-ионийской керамике, ни в керамике других школ. Однако вся орнаментация его несомненно свидетельствует об очень живых традициях геометрического стиля. Использованные в декоре медальона килика мотивы: шахматный орнамент, вписанный в круг, концентрические круги в центре — были очень распространены в росписях сосудов и материковых, и восточногреческих центров еще в протогеометрический период. Наиболее близкую аналогию такой орнаментации медальона нам удалось найти в росписи дна аттического кубка X в. до н. э. [2] Однако это не значит, что роспись именно этого столь далекого по времени сосуда послужила непосредственным прототипом для березанского килика. Мы знаем, что мотив шахматного орнамента, вписанного в круг, в очень близком варианте использовался ионийскими мастерами до конца VIII в. до н. э. [3]. Они заимствовали его еще в протогеометрический период из материкового искусства и продолжали использовать до конца геометрики. Это яркий пример одной из важнейших особенностей развития геометрики в восточноионийских центрах, т. е. пример тенденции к сохранению протогеометрических традиций на всем протяжении существования геометрического стиля [4]. Это

[1] Эрмитаж. Инв. номер Б. 68—27.

[2] W. Kraiker, K. Kübler. Die Nekropolen des 12. bis. 10. Jahrhunderts, Kerameikos I. Berlin, 1939, taf. 72 (414).

[3] H. Walter. Frühe Samische Gefässe. Bonn, 1968, taf. 29 (151).

[4] Развитие геометрики в восточноионийской Греции идет со значительным отставанием в сравнении с материковым искусством. Протогеометрический стиль здесь

далеко не единственный случай использования столь древних мотивов в орнаментации родосско-ионийских сосудов позднегеометрического времени. В медальоне на дне позднегеометрического килика с острова Родос [5] можно видеть орнамент в виде так называемого мальтийского креста — мотив, заимствованный также еще из протогеометрического стиля.

Для рисунка на стенках килика с внутренней стороны (круг, заполненный точками), пожалуй, единственную аналогию можно видеть в росписи чаши с о. Самос [6], относящейся к рубежу VIII—VII вв. до н. э.

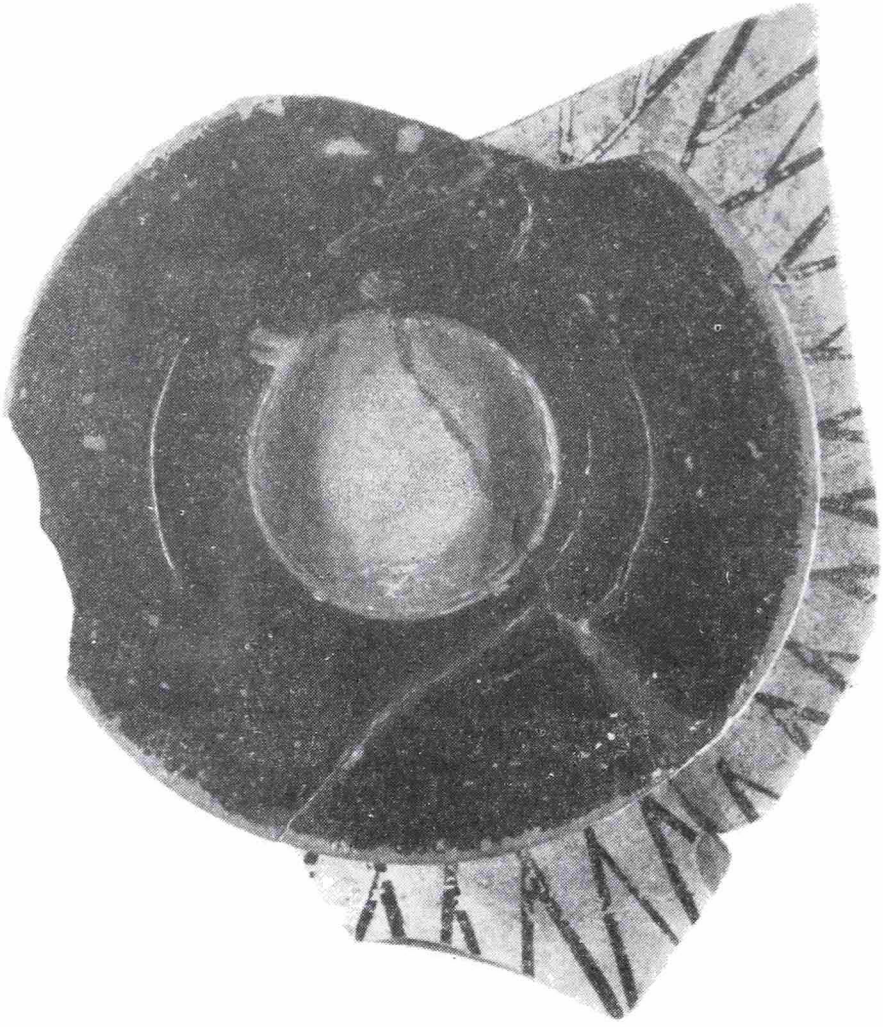


Рис. 2. Фрагмент дна родосско-ионийского килика (вид с внешней стороны)

Таким образом, для рисунка на внутренней стороне березанского килика использованы мотивы, бытовавшие в росписях сосудов восточно-ионийских мастерских еще во второй половине VIII в. до н. э. И это могло бы навести на мысль, что и наш килик можно датировать этим же временем. Однако столь ранней датировке препятствуют два обстоятельства: форма сосуда и его роспись с внешней стороны. Форма килика, какую, вероятно, имел и березанский экземпляр — чаша на конусовидной ножке с довольно глубоким и широким туловом, с узким выделенным венчиком и горизонтальными ручками — появляется в родосско-ионийской керамике только в

сохраняется до начала VIII в. до н. э. См.: B. Schweitzer. Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969, S. 121.

[5] K. F. Kinch. Fouilles de Vroulia (Rhodos). Berlin, 1914, fig. 53.

[6] H. Walter. Op. cit., taf. 80 (438).

первые десятилетия VII в. до н. э. К. Иогансон называет ее «прототипом будущего ионийского килика»[7]. Действительно, такая форма характерна только для восточно-греческой керамики и нигде в другом месте столь рано не встречается. Березанскому экземпляру наиболее близки по форме два килика начала VII в. до н. э. Один из них происходит с Родоса, другой — с Самоса[8].

На примере приведенных выше аналогий — киликов, относящихся еще к субгеометрической стадии родосско-ионийской керамики, можно видеть,

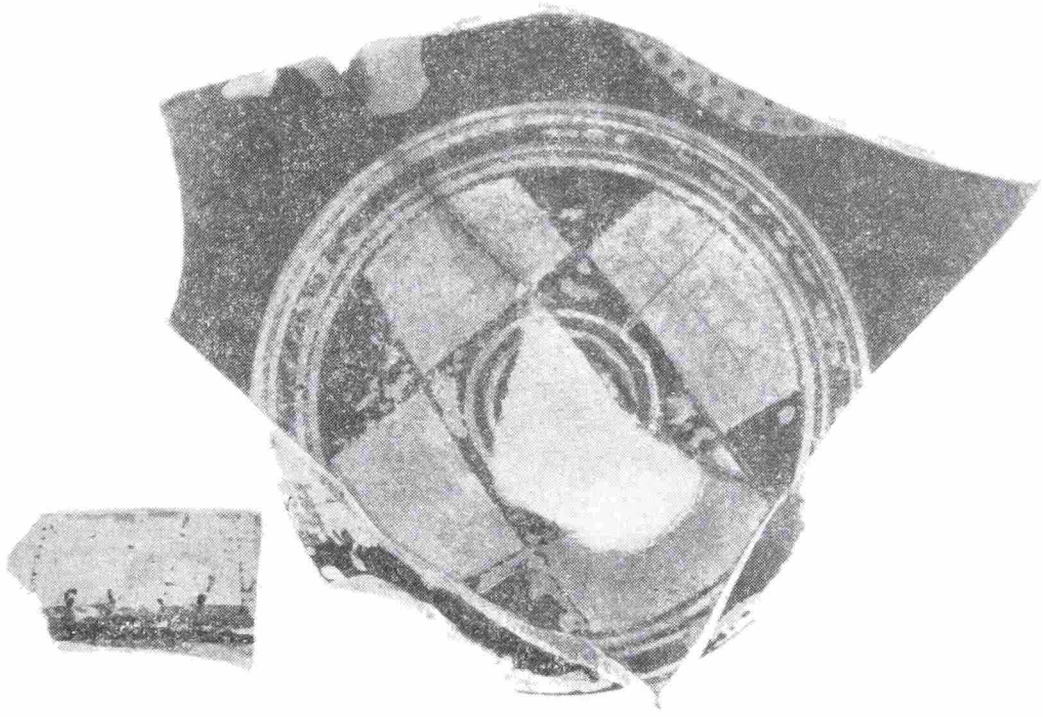


Рис. 3. Фрагмент венчика и фрагмент дна родосско-ионийского килика (вид с внутренней стороны)

что в это время обычно покрывается темным лаком либо все тулово с внешней стороны сосуда, либо его нижняя часть, примыкающая к ножке. Этому полностью противоречит декоровка внешней стороны стенок березанского килика.

Покрывать нижнюю часть сосуда широкой полосой темного лака — очень укоренившийся прием, который мы постоянно встречаем в геометрический и субгеометрический период на прототипах киликов — скифосах и канфарах[9] и на сосудах других форм, например на так называемых плоских ойнохоях[10]. Традиция эта могла быть нарушена только в раннеориентализирующий период, когда принципы декоровки родосско-ионийских сосудов начинают подвергаться коренному изменению[11]. На родосско-ионийской ойнохое из брюссельского музея, которая относится к 70—60-м годам

[7] K. F. Johansen. Exochi, ein frührhodisches Gräberfeld. Acta archeologica, 28, 1957, S. 167.

[8] Там же, S. 58, Abb. 118; W. Technau. Griechische Keramik im Samischen Heraion. AM, 54, 1929, S. 36, Abb. 28, *3*.

[9] B. Schweitzer. Op. cit., S. 91, Abb. 52, Taf. 92.

[10] W. Schiering. Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. B. 1957, Taf. 2.

[11] Раннеориентализирующий период в родосско-ионийской керамике падает на вторую четверть VII в. до н. э., W. Schiering. Op. cit., S. 8; C. Kardara. Ῥοδιακὴ ἀγγειογραφία ἐν Ἀθήναις, 1963, стр. 35.

VII в. до н. э. уже отсутствует эта традиционная полоса в нижней части и вместо нее помещен петельчатый орнамент. То же изменение в декоре можно видеть на ойнохое из Лувра, относящейся к концу раннеориентализирующего периода [12].

В росписи внешней стороны стенок березанского килика мы, видимо, также имеем дело с примером такого отхода от обычной схемы геометрического стиля. Таким образом, березанский килик мог быть создан тогда, когда традиции геометрического искусства были еще очень живы в памяти художников и в то же время уже возникает новое отношение к декору, меняются старые принципы росписи сосудов. Такое смешение могло произойти только на начальном этапе формирования ориентализирующего стиля в родосско-ионийской керамике. На основании сказанного можно предположить, что березанский килик относится к 70—60-м годам VII в. до н. э.

Березанский килик имеет большую ценность как памятник искусства и исторический документ. В первом случае это пока уникальный по своей росписи экземпляр, который является еще одним дополнительным звеном в нашем представлении о развитии родосско-ионийской керамики и особенно такой ее распространенной и в то же время еще мало изученной группы, как килики [13].

С исторической же точки зрения это тоже своего рода уникальный образец. Большая часть родосско-ионийских сосудов, найденных на Березани, относится к последней четверти VII — первой половине VI в. до н. э. Только единичные экземпляры можно датировать 40-ми годами VII в. до н. э. [14] Таким образом, публикуемый здесь вновь найденный килик является одним из самых ранних образцов родосско-ионийской керамики и вообще греческой привозной керамики не только на Березани, но и во всем Северном Причерноморье.

---

[12] H. Walter. Op. cit., S. 62—64, taf. 90, 118 (596).

[13] Специальной работы, посвященной родосско-ионийским киликам, до сих пор нет. Наиболее полную систематизацию ионийских киликов дает Г. Ханфман: G. Hanfmann. On Same Eastern Greek Wares Found at Tarsus. The Aegean and the Near East. New York., 1956, p. 170.

[14] В. М. Скуднова. Родосская керамика с о. Березань. СА, 1960, № 2, стр. 153; Л. В. Копейкина. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на Березани. СА, 1970, № 3, стр. 197.

Л. В. ФИРСОВ

ОПЫТ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБРАЗЦОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА

(Крым)

Радиоуглеродный метод датирования получил заслуженное признание. Несовпадения радиоуглеродных дат с устоявшимися хронологическими схемами и мнениями зачастую говорят об обшибочности этих последних, а не о несовершенстве метода. Подобные случаи являются поводом для сомнений относительно правомерности постулата, положенного в основу радиоуглеродного датирования: действительно ли за последние несколько тысяч (или несколько десятков тысяч) лет концентрация радиоуглерода в атмосфере Земли не испытывала существенных колебаний?

Речь идет не об относительном уменьшении доли радиоуглерода в эпоху интенсивного промышленного производства (увеличение концентрации CO_2 за счет сжигания колоссальных масс каменного угля и нефти, практически лишенных C^{14},— эффект Зюсса), а также не об увеличении его концентрации в атмосфере в эпоху испытаний атомного и термоядерного оружия. Подразумеваются возможные долгопериодные изменения скорости об-

разования C^{14}, например, в связи с внутривековыми и многовековыми вариациями солнечной активности и космических лучей.

Появляются данные, говорящие об основательности подобных опасений. Так, например, установлена меньшая концентрация C^{14} в атмосфере, в I тысячелетии до н. э. и около рубежа нашей эры [1]. Если это действительно так, то экспоненциальное уравнение распада C^{14} нуждается в поправочных коэффициентах. Однако датирование радиоуглеродным и ониевым методами хорошо согласуется в диапазоне по крайней мере до 25 тыс. лет [2]. У. Ф. Либби и Дж. Калп показали, что даты по C^{14} близки к ожидаемым и для диапазона от 500 до 5000 лет [3]. Это повышает доверие к методу, тем не менее любые его проверки представляют собой одну из главнейших задач радиоуглеродной хронологии, особенно если речь идет о применении метода для целей античной и средневековой археологии.

Проверки могут быть выполнены датированием образцов известного по историко-археологическим данным возраста. Задача сводится к тому, чтобы найти и датировать такие органические материалы, которые синхронны конкретным историческим событиям. Такие образцы редки.

Нужно подчеркнуть, что зачастую синхронизация образца и события — на первый взгляд вполне достоверного — может быть ошибочной. Например, если археологический раскоп вскрыл разрушенные постройки с четко выраженным слоем пожара, который на основании многих данных (в том числе и исторических документов) удается отнести к конкретному времени, то это не означает, что дата по C^{14} должна соответствовать исторической. Скорее всего, она окажется древнее, ибо будет отражать не время пожара и даже не какое-то «среднее» время бытования объекта, а абсолютный возраст дерева, использованного в строительстве. Разница между моментом срубки дерева и датой разрушения может быть очень значительной. Добавим к этому, что обычно дата по C^{14} отражает не момент срубки, а некоторый средний абсолютный возраст дерева, и это также препятствует точному датированию событий по образцам строительной и поделочной древесины.

Поясним примером. Скажем, дата пожара известна по историческим документам: пусть это будет 1475 г. Деревянные конструкции построек, разрушенных и сгоревших в это время, могли служить лет 100—200, особенно если они были выполнены из прочных сортов древесины (дуб, тисс, кипарис, древовидный можжевельник, лиственница). Медленно растущий древовидный можжевельник будет иметь собственный возраст лет в 300—500, а иногда и больше, прежде чем достигнет «строительной кондиции». В конце концов, дата по C^{14} угля от сгоревших можжевеловых стропил может оказаться лет на 200—400 древнее 1475 г. Такой образец не подходит для выяснения времени исторического события. То же самое получится и при датировании могильников по деревянным конструкциям погребальных сооружений.

Ближе всего ко времени исторических, в частности военно-исторических, событий могут быть радиоуглеродные даты очажного угля в руинах жилищ и рядом с ними, кухонные остатки, зерно, сохранившееся в сосудах и хранилищах, и т. п. Топливную древесину (часто попросту хворост), разумеется, не хранят годами, к тому же ее собственный возраст обычно не превышает 5—15 лет. Кухонные остатки предпочитают своевременно выносить из жилища, но коль скоро они в нем остались, то такое пренебрежение санитарией дает основание полагать, что произошло это из-за необычных обстоятельств (осада города, бегство жителей, пожары, разруше-

---

[1] Тр. Всес. совещания по проблеме «астрофизические явления и радиоуглерод». Тбилиси, 1970; H. E. Suess. Radioactive Dating and Methods Low Level Counting. IAEA, 1967, стр. 143.

[2] И. Е. Старик. Ядерная геохронология. М.— Л., 1961, табл. 146; Е. И. Гамильтон. Прикладная геохронология. Л., 1968, табл. 13.

[3] И. Е. Старик. Ук. соч., табл. 147; Е. И. Гамильтон. Ук. соч., табл. 12.

ния). Запасы продовольствия (в частности, зерна) в жилищах и хранилищах не создавали на срок более нескольких лет. Следовательно, образцы всех этих материалов могут представить особый интерес для датирования вообще и проверок в частности.

Вторая сторона дела — историко-археологическое датирование. Здесь постоянно приходится ощущать недостаток в исторических документах, даже если предметом исследования являются слои античности и средневековья. О времени события, зафиксированного в стратиграфии культурных наслоений, чаще всего судят по керамике и орудиям, реже — по находкам монет с известным годом чекана, эпиграфическим находкам и особенностям их палеографии. Все это дает хорошие или по крайнем мере удовлетворительные результаты. Однако и здесь нередки случаи, ведущие к значительным ошибкам. Они проистекают из того обстоятельства, что керамика порой оказывается потерявшей свое действительное место в стратиграфии, переотложенной. Бывает так, что верхние слои содержат более древнюю керамику, чем подстилающие. То же можно сказать и о находках монет. Совсем нередки, например, античные и раннесредневековые монеты в позднесредневековых жилищах. Решающим аргументом в пользу принадлежности керамики и монет к конкретному горизонту служит полнота остатков материальной культуры в слое и четкий хронологический порядок подстилающего и перекрывающего комплексов.

Таким образом, поиск образцов для решения методических задач — дело не простое, но и не безнадежное. Напротив, на крупных, достаточно полно вскрытых и изученных археологических объектах всегда есть возможность отыскать подходящий материал.

В качестве примера можно сослаться на раскопки Х. Ингстадом норманнского поселения на Винланде (Ньюфаундленд), относимого ко времени Эрика Рыжего и Лейва Эрикссона, т. е. к рубежу I и II тысячелетия. Полтора десятка проб очажного угля показали разброс дат от 640 до 1080г., в среднем около 910 ± 20 г., на столетие древнее [4], но эту разницу следует отнести, по всей вероятности, на счет собственного возраста древесины, сожженной в очагах [5].

В 1970 г. автор собрал несколько десятков проб в открытых разрезах новых и старых раскопов Херсонеса Таврического. Среди них оказались и такие, которые удовлетворяют требованиям проверки метода по известным (или очень вероятно предполагаемым) конкретным историческим событиям. Историко-археологические даты для них определены на основании стратиграфии, комплексов керамики, находок монет, наконец, по историческим документам.

Определение возраста выполнено автором в руководимой им лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР (Новосибирск) на двухканальной установке с ФЭУ-52-Б, с использованием бензола в качестве носителя активности. Эталоном служила проба древесины с возрастом 230 лет от 1970 г. [6] В таблице сравнены историко-археологические и радиоуглеродные даты, в примечании дана краткая характеристика проб, условий залегания и т. д. Все даты рассчитаны по периоду полураспада $C^{14} = 5570$ лет. В каждом случае проведены кратные (от двух до семи раз) определения и приняты средневзвешенные (по продолжительности счета) значения возраста.

---

[4] Radiocarbon, 12, 1, 1970, стр. 222—226, рис. 1. Датирование выполнено в радиоуглеродной лаборатории Технологического института в Тронхейме (Норвегия); период полураспада радиоуглерода принят в 5570 ± 30 лет.

[5] Это объяснение кажется наиболее вероятным. Значение собственного возраста древесины для интерпретации радиоуглеродных дат автор рассмотрит в специальном сообщении.

[6] Сведения об аппаратуре и способе расчета возраста см. Л. В. Фирсов, В. А. Панычев, Л. А. Орлова. Абсолютная датировка позднеплейстоценовых-голоценовых террас Верхнего Приобья. «Геология и геофизика СО АН СССР», 1971, 8, стр. 88—96.

СОАН-276 — пшеница. Гурзуф, генуэзская цитадель на скале Дженевез-Кая. Обугленные зерна пшеницы найдены на дне нифоса в поздней постройке, разрушенной одновременно со всей цитаделью турецким десантом летом 1475 г. Раскоп О. И. Домбровского, 1966 г. Вероятный год урожая пшеницы — 1474 или 1475.

СОАН-267 — уголь. Оттуда же. Очажный уголь собран в небольшой разрушенной каменной печи, перекрытой слоем с керамикой времени турецкой оккупации Южного Крыма. В слое с углем керамика генуэзского времени. Печь на открытой площадке бастиона (не в помещении) была сложена и использовалась, очень вероятно, в год осады.

Номер пробы	Историко-археологические		Радиоуглеродные	
	дата: + г н. э; — г до н. э.	возраст (от 1970 г.)	возраст (от 1970 г.)	дата; + г н. э.; — г до н. э.
СОАН-276	+1474—1475	496—495	515±50	+1455±50
СОАН-267	+1474—1475	То же	490±65	+1480±65
СОАН-229	Около + 988	980	980±25	+990±25
СОАН-216	Конец + III — начало + IV	1670±30	1710±30	+260±30
СОАН-228	То же	То же	1645±80	+325±80
СОАН-248	»	»	1710±105	+260±105
СОАН-250	»	»	1685±100	+285±100
СОАН-246	»	»	1690±30	+280±30
СОАН-231	Около рубежа — II — I	2080±50	2095±30	—125±30
СОАН-202	Около — IV — II	2200±100	2260±60	—290±60
СОАН-201	До — V, возможно, — VII — VI	2500±200	2580±35	—610±35
СОАН-236	То же	То же	2490±25	—520±25
СОАН-242	»	»	2560±35	—590±35

СОАН-229 — уголь. Линзовидное кострище в отложениях у внутреннего панциря восточной стены Херсонеса (над Карантинной бухтой), перекрытое каменным развалом (обрушение стены). Автор предполагает, что стена была разрушена во время осады Херсонеса киевским князем Владимиром в 988 г. Некоторые археологи не разделяют это мнение.

СОАН-216 — уголь. Херсонес, портовый район: остатки позднеантичной — раннесредневековой (?) постройки на 1 *м* ниже основания позднесредневекового одноапсидного храма Е. Слой угля, без кухонных остатков и керамики. Вероятная дата — конец III — начало IV в. (время оставления Херсонеса римским гарнизоном).

СОАН-228 — уголь. Херсонес, портовой район, римские термы. Раскоп И. А. Антоновой, 1970 г. Зольно-углистый материал заполнял гипокауст (обогреваемый подпол) терм. Вероятная дата разрушения терм (чему может соответствовать возраст угля последних моментов топки гипокауста) — см. СОАН-216. Радиоуглеродную дату подтверждает, в частности, тот факт, что серия римских монет, найденных в районе терм, практически заканчивается монетами Галерия.

СОАН-248 — уголь. Херсонес, район античного театра, юго-восточный борт раскопа 1970 г. В основании разреза, поверх скального выхода мергелистого известняка, залегает тонкий слой очажного угля с мелкими обломками краснолаковой керамики и «помпеянской» штукатурки (энкаустика, пурпурная) римского времени. Вероятная дата — см. СОАН-216.

СОАН-250 — уголь. Там же, где СОАН-248, восточнее на 5 *м*; наиболее глубокая часть раскопа. Поверх скального выхода мергелистого известняка — тот же четкий слой с очажным углем, кухонными остатками, обломками, краснолаковой керамики, римской черепицы, «помпеянской» штукатурки. В основании слоя найдена монета 350 г. до н. э., в перекрывающем слое — три монеты Аркадия I (395—408 гг.). Вероятная дата слоя — см. СОАН-216.

СОАН-246 — уголь. Херсонес, район античного театра. Пифос в позднеримской постройке (краснолаковая керамика, римская черепица, «помпеянская» штукатурка) на месте античного театра, под основанием средневекового одноапсидного храма (базилика 1958 г. раскопа). Пифос был заполнен остатками хамсы, известью, углем, римской черепицей и проч. Вероятная дата — см. СОАН-216.

СОАН-231 — уголь. Херсонес, слой пожара на полу ранней постройки, под основанием так называемой казармы, археологическая датировка которой дискуссионна. Возможно, казарма построена после Диофантовых войн или даже в римское время.

СОАН-202 — обугленные зерна пшеницы. Гераклейский полуостров, усадьба клера № 25, раскоп С. Ф. Стржелецкого. Археологические материалы позволяют датировать усадьбу не точнее IV—II вв. до н. э.[7]

СОАН-201 — уголь. Херсонес, детский эллинистический могильник за амфилемой античного театра. Погребения датированы керамикой и монетами около середины IV в. до н. э.[8]

СОАН-236 — уголь. Там же; слой с обильным углем под могильником, поверх скального выхода известняков, содержащий мелкие, единичные обломки лепной керамики. Структура угля свидетельствует в пользу того, что это остатки кострищ или следы выгоревшей кустарниковой растительности. Вероятная дата — VII—V вв. до н. э., время функционирования таврского поселения, предшествовавшего основанию Херсонеса в конце V в. до н. э.

СОАН-242 — уголь. Из того же слоя, что и СОАН-236, в нескольких метрах от него. Разница в датах, по-видимому, объясняется небольшой подмесью более молодого угля в пробе СОАН-236, отобранной в том месте, где слой четко разделен на два слоя.

Для каждой пробы в таблице приведен расчетный допуск, который обычно в полтора — два раза больше реального разброса результатов кратных определений возраста. Например, для СОАН-250 двукратный счет дал возраст в 1660 и 1700 лет при среднеарифметическом значении 1680±20 лет, однако малое количество бензола обусловило расчетный допуск для этой пробы ± 100 лет, что не отражает действительной точности датирования. То же — для СОАН-248.

В некоторых случаях среднеарифметическое значение радиоуглеродной даты из кратных определений было значительно ближе к историко-археологической дате, чем средневзвешенное. Так, для СОАН-276 среднеарифметическая дата из шести равна 1468 г., т. е. всего на 6—7 лет древнее действительной. Однако, условившись использовать средневзвешенные значения, мы не принимали среднеарифметические (равно и среднеквадратичные), дабы не вносить в таблицу хотя бы малейшей субъективности выбора результатов.

Для всех проб отношение полученной даты к историко-археологической равно или близко к единице для всего диапазона от 1475 г. н. э. до 600 г. до н. э. Разумеется, слишком точные соответствия, как, например, для СОАН-276, 267, 229, могли бы быть делом случая, если бы были единичны. Точность датирования во многом зависит от правильности выбора эталона и знания его возраста.

Любопытны пять проб рубежа III—IV вв.: среднее значение возраста — 1690 лет — согласуется с историко-археологическим возрастом слоев, отвечающих заключительному этапу римской оккупации Херсонеса.

---

[7] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», VI, Симферополь, 1961. Автор, по-видимому, омолаживает возраст усадьбы.

[8] Найдены три монеты, аналогичные опубликованным А. Н. Зографом, под годом чеканки около 350 г. до н. э. (см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XXXV, *12*).

Небольшой объем заметки исключает возможность более подробно аргументировать историко-археологическое датирование указанных проб. Ограничимся следующим заключением, которое касается трех пунктов.

Первое. Схождение дат по C^{14} с историко-археологическими показывает, что по крайней мере от середины I тысячелетия до н. э. и до конца XV в. н. э. значительных колебаний в концентрации C^{14} в атмосфере Земли не происходило, во всяком случае таких, которые можно было бы установить по образцам с известным возрастом. Тем не менее необходим тщательный подбор образцов с учетом их своеобразия и особенностей залегания в культурных напластованиях.

Очевидно, долго- и короткопериодные изменения плотности космических лучей не могли существенно повлиять на баланс радиоуглерода в атмосфере, однако этот вопрос нельзя считать решенным окончательно. Для категоричного заключения необходимы дальнейшие исследования, но предварительный вывод весьма обнадеживает.

Второе. Часто обсуждают, какой период полураспада C^{14} следует принимать для расчета возраста. Наиболее вероятное его значение — 5568 лет, округленно — 5570 лет [9]. Однако по разным авторам эта константа определяется от 5000 до 7000 лет [10]. Кембриджская конференция по абсолютному возрасту рекомендовала использовать 5730 лет [11]. Разница между 5570 и 5730 лет равна 2,9%, и в общем это лежит в пределах точности метода, однако, если для датирования, скажем, палеолитических и даже неолитических отложений такая разница не имеет существенного значения, то для целей античной и средневековой археологии неопределенность в 3% приводит к такому сдвигу дат, который охватывает хотя и близкие, но все же разные события.

Для расчета возраста мы использовали период полураспада C^{14} 5570 лет и получили более чем удовлетворительное схождение с историко-археологическими датами. При расчете по 5730 лет все даты будут удревнены, и согласие с ожидаемым возрастом заметно нарушается. Не предрешая окончательных суждений по этому вопросу, мы останавливаем пока свой выбор на периоде полураспада C^{14} 5570 лет (используется всеми радиоуглеродными лабораториями СССР).

Третье. Достаточна ли точность C^{14}-метода для датирования античных и средневековых образцов? Здесь следует иметь в виду, что указываемые при датах допуски (±столько-то лет) отражают не самую точность датирования, а статистическое доверие к рассчитанному возрасту. Величина допуска определяется продолжительностью счета активности образца, количеством материала (бензола), эффективностью и стабильностью работы аппаратуры и в общем обратно пропорциональна сумме «набранных» распадов C^{14}. Надежность датирования объективно устанавливается повторными (и лучше многократными) проверками, и, как правило, реальный разброс результатов бывает много меньше расчетного допуска, что показано на некоторых примерах выше. Абсолютная проверка возможна только по образцам известного возраста. В этой части публикуемые результаты дают основание считать, что C^{14}-метод вполне применим для решения многих задач античной и средневековой хронологии.

---

[9] Г. Сиборг, И. Перлман, Дж. Холлендер. Таблиц изотопов, М., 1956, стр. 18.

[10] И. П. Селинов. Изотопы. М., 1970, I, стр. 22, 23.

[11] H. Goodwin. Dating Conference. Cambridge University, England. «Nature», 195, 943, 1962, стр. 984.

В. В. КРОПОТКИН, Т. И. МАКАРОВА

НАХОДКА МОНЕТЫ ОЛЕГА-МИХАИЛА В КОРЧЕВЕ

В отличие от многих больших и малых городов Руси, Корчев, ближайший сосед Тмутаракани, оказался не упомянутым летописью. Его славянское имя сохранили в различной огласовке другие письменные источники: «Житие святого Стефана Сурожского» [1] и знаменитая еврейско-хазарская переписка [2]. От того времени, когда в непосредственной близости от бывшего византийского Боспора и хазарского Самкерца возникла русская Тмутаракань, до нас дошло только одно упоминание Корчева — в надписи на Тмутараканском камне [3].

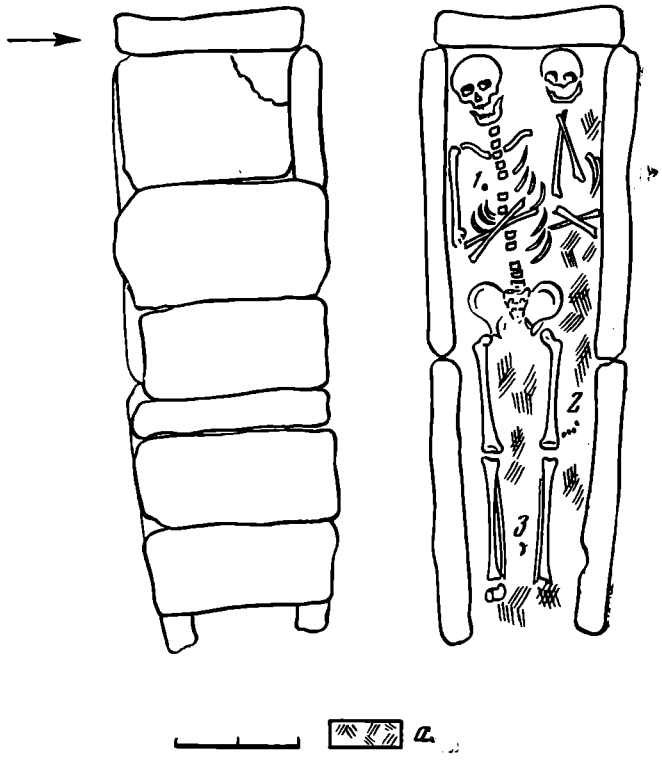


Рис. 1. Погребение № 11 до и после расчистки
а — камка; *1* — монета; *2* — пуговицы; *3* — обломок стеклянного браслета

Основным источником для изучения истории Корчева периода существования Тмутараканского княжества оказался археологический. Раскопками 1963—1964 гг. на расстоянии 24 *м* к северу от церкви Иоанна Предтечи был открыт участок городского квартала [4]. Надежный археологический материал позволил связать его со средневековым Корчевым. Раскопками 1970 г. были обнаружены не менее существенные основания для уточнения спорной датировки церкви Иоанна Предтечи. Сохранившийся около ее стены строительный мусор позволил отнести ее сооружение к началу X в. [5]

Раскопки около церкви Иоанна Предтечи дали помимо этого одну интересную находку. В одном из погребений корчевского кладбища, располагавшегося около стен церкви, в 1970 г. была найдена серебряная монета князя Олега-Михаила, известного героя русских летописей и «Слова о полку Игореве». Монета была обнаружена в могиле № 11, сооруженной из поставленных на ребро плит белого местного ракушечника. Могила, ориентированная почти точно по оси запад-восток, была перекрыта шестью плитами (рис. 1, 2). Она оказалась нетронутой и содержала два последовательных захоронения. Нижнее, принадлежавшее женщине престарелого возраста, оказалось нарушенным: сохранившийся череп и длинные кости рук были сдвинуты в северо-западный угол ящика. Верхнее погребение принадлежало мужчине 30—40 лет [6]. Он лежал на спине со сложенными в области груди руками, череп был склонен к правому плечу. Погребенный закрыт слоем камки—

---

[1] В. Г. Васильевский. Житие св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды, III, СПб., 1915, стр. 95—96.
[2] П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
[3] А. Л. Бертье-Делагард. Заметки о Тмутараканском камне. Изв. ТУАК, 55, Симферополь, 1918, стр. 16.
[4] Т. И. Макарова. Средневековый Корчев. КСИА АН СССР, 104, 1965.
[5] Т. И. Макарова. Раскопки в Керчи в 1970—1971 гг. АО-1971, М., 1972.
[6] Антропологические определения Т. С. Кондукторовой.

Рис. 2. Общий вид погребения № 11

обычай, нередкий на керченском кладбище. При расчистке костяка найдены в области ног четыре бронзовые пуговки с петельками, в области костей голени обломок стеклянного круглого синего браслета и на груди монета Олега-Михаила. Она чеканена на серебряном кружке небольшого размера. Диаметр его до очистки составлял 19—20 *мм*. На лицевой стороне находится погрудное изображение архангела Михаила, впрямь, с нимбом вокруг головы, с крыльями за спиной, жезлом в правой руке и сферой в левой. На поле монеты по сторонам головы архангела слабо различаются буквы [М] и Х, вокруг бусовый ободок. На оборотной стороне — четырехстрочная надпись в бусовом ободке: [ГИ ПО]МО[ЗИ]МИ-ХАИЛУ (т. е. «господи, помоги Михаилу»). Штемпель оборотной стороны сдвинут в сторону, и при чеканке изображение оттиснулось неполностью, первая строка надписи на обломке не сохранилась (рис. 3). Монетный кружок тонкий, изготовлен небрежно, с края немного обломан (см. приложение и рис. 4, *4* и 5, *2*).

Историко-археологическое значение керченской находки трудно переоценить. Монеты тмутараканского князя Олега-Михаила известны с 1869 г.[7], но за сто лет их было найдено только три (рис. 4, *1—3*). Все они обнаружены случайно в районе Тмутараканского городища[8]. Публикуемая монета, в отличие от предыдущих, найдена в закрытом археологическом комплексе (рис. 4, *4*). Она позволяет датировать погребение концом XI в. и свидетельствует о том, что монеты тмутараканского князя Олега-Михаила, чеканенные во время первого пребывания его в Тмутаракани (около 1078 г.), встречаются не только на Таманском полуострове, но и в Керчи.

Тмутараканские монеты Олега-Михаила по внешнему виду значительно отличаются от древнерусских сребреников Владимира и Ярослава Мудрого. Н. П. Лихачев и А. В. Орешников справедливо считали, что

[7] Е. Е. Люценко. Древности. III, 1870, стр. 190—194.

[8] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. Тр. ГИМ, 6, М., 1936, стр. 83—85; А. А. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. «Тр. Нумизматической комиссии ГАИМК», V, 1925, стр. 6, 11; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. 1, Л., 1930, стр. 144—145, рис. 67. Три монеты Олега-Михаила, хранящиеся в ГЭ и ГИМ, описаны в приложении.

монеты Олега-Михаила чеканены по типу византийских милиарисиев Михаила VII Дуки (1071—1078); надпись на оборотной стороне монет Олега-Михаила помещена в подражание формуле κύριε, βοήθει на византийских монетах, чеканенных в те же годы, когда князь Олег находился в изгнании в Царьграде [9]. По мнению И. Г. Спасского, кратковременная русская чеканка в Тмутаракани была подготовлена чеканкой таманских подражаний византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII (976—1025), которые довольно часто встречаются в культурном слое Таманского городища и в его окрестностях [10]. Подражательная чеканка на Тамани была, конечно, интересным эпизодом в истории денежного обращения Приазовья и Причерноморья, но нет оснований преувеличивать ее значение. В условиях усиливающегося кризиса серебра на Востоке таманские подражания очень быстро деградировали. Сокращение притока серебра привело к тому, что вместо серебряных монет стали чеканить биллоновые, а затем медные [11]. Русская монетная чеканка князя Олега-Михаила возникла в особых условиях и не имела корней в местной экономической жизни. Она была вызвана политической обстановкой на Боспоре во второй половине XI в.

Рис. 3. Прорись оборотной стороны монеты Олега-Михаила (из Керчи)

Как известно, Олег Святославич в 1073—1076 гг. княжил во Владимире на Волыни, но во время княжеских усобиц был лишен стола и находился в заключении в Чернигове. Около 1078 г. князь Олег появился в Тмутаракани, где вступил в союз с хазарами и половцами. Вместе с братом Романом Святославичем он пытался захватить Чернигов, но эта попытка окончилась неудачей. В 1079 г. Олег-Михаил был захвачен своими бывшими союзниками хазарами и заточен «за море» в Византию [12]. В этих условиях кратковременная чеканка серебряных монет с русской легендой, когда на Руси монет уже давно не выпускали, явилась своего рода политической акцией. Сознавая непрочность своего положения в далекой Тмутаракани, Олег Святославич не только пытался укрепить свою власть временными политическими союзами, но и начал чеканить серебряные монеты по византийскому образцу с русской надписью «господи, помоги Михаилу».

Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве интересна и с другой точки зрения. Дело в том, что сам факт распространения власти тмутараканского князя на западное побережье Керченского пролива еще не доказан, как не определено и возможное время этого события. Во всяком случае в XI в. какое-то время в Керчи правит, судя по печати X—XI вв., изданной Г. Шлюмберже, византийский стратиг Аркадий [13]. А. Н. Насо-

[9] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 84 (см. W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, т. II, стр. 532, 533, № 21—23).

[10] И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1970, стр. 54; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4, М., 1962, стр. 15—16; К. В. Голенко. Подражания византийским монетам X—XI вв., найденным на Таманском полуострове. ВВ, VII 1953, стр. 269—275, рис. 1; его же. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийских монет. ВВ, XVIII, 1961, стр. 216—225; K. Golenko. Die Tamaner Gruppe der Nachahmungen byzantinischer Miliarensia. Dona Numismatica, Walter Havernick zum 23. Januar 1965 dargebracht. Hamburg, 1965, стр. 87—94, табл. 10; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 52 сл.

[11] В. В. Кропоткин. Экономические связи..., стр. 53.

[12] Х. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини. ВВ, I, 1894; В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв. I, М., 1970, стр. 25.

[13] А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, Л., 1927, стр. 253.

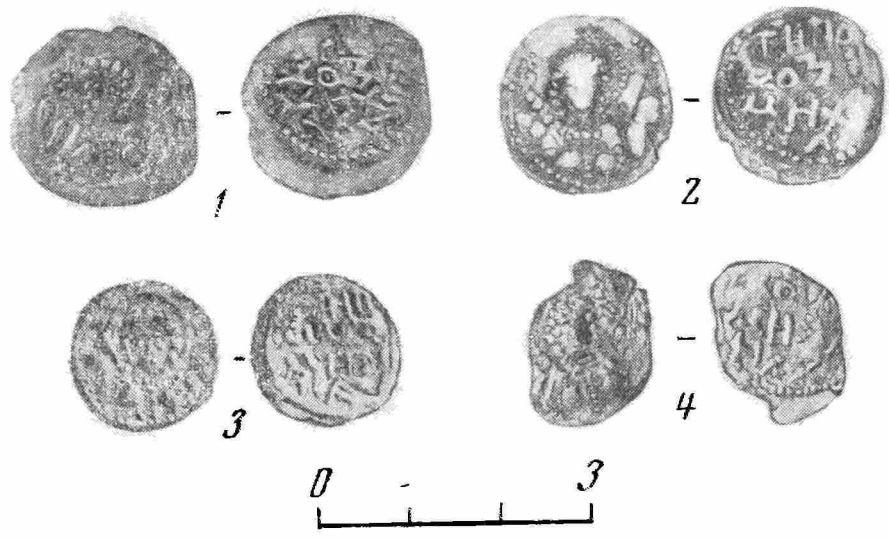


Рис. 4. Серебряные монеты Олега-Михаила

1, 2 — собрание Гос. Эрмитажа (№ 141, 142); *3* — собрание ГИМ (№ 582273), немного уменьшено; *4* — из раскопок 1970 г. в Керчи

Рис. 5. Серебряные монеты Олега-Михаила

1 — из Гос. Эрмитажа (№ 141); *2* — из раскопок в Керчи, увеличено в 2 раза

нов полагал, что Корчев попадает в орбиту власти тмутараканского князя в первой четверти XI в., одновременно с обложением данью касогов[14]. М. И. Артамонов считает, что Корчев вошел в состав Тмутараканского княжества несколько позже, в 60-е годы XI в.[15]

В цепи логических доказательств, связывающих судьбы этих двух городов, все еще недостает прочных звеньев. Монета Олега-Михаила, чеканенная в Тмутаракани и попавшая в захоронение жителя Корчева XI в., оказывается одной из таких связующих нитей. Эта находка еще раз подчеркивает то общее в истории этих городов, что засвидетельствовано известной Тмутараканской надписью на мраморном камне: «князь Глеб мерил море по льду от Тмутараканя до Корчева».

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОНЕТЫ ТМУТАРАКАНСКОГО КНЯЗЯ ОЛЕГА-МИХАИЛА *

1. Л. с. Погрудное изображение архангела Михаила впрямь, с нимбом вокруг головы, крыльями за спиной, жезлом и сферой в руках. По сторонам — буквы М и Х, вокруг бусовый ободок.

О. с. Четырехстрочная надпись в бусовом ободке.

ГН [ПО] (т. е. господи, помоги Михаилу)
МОЗИ
МНХА
NΛX̄

Вес 2,08 *г*. Диаметр 21 *мм*. Проба — ниже 500. Монета куплена 18 августа 1869 г. на Тамани у крестьянина А. Шведова (рис. 4, *1*). Хранится в ГЭ, 141 (поступила в 1917 г. из коллекции И. И. Толстого). Издана Е. Люценко. Древности, т. III, 1870, стр. 190—194, рис. на стр. 193; Н. П. Лихачев. Материалы для византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1930, стр. 144—145, рис. 67.

2. Л. с. подобна предыдущей.

О. с. Четырехстрочная надпись в бусовом ободке.

ГН ПО
МОЗН
МНХ [А]
NΛ[X̄]

Вес 1,81 *г*. Диаметр 20 *мм*. Проба — ниже 500. Монета куплена в Керчи доктором Терлецким до 1910 г. Хранится в ГЭ, 142 (поступила в 1910 г. из коллекции Терлецкого). Издается впервые (рис. 4, *2*).

3. Л. с. Подобна предыдущей (рис. 4, *3*).

О. с. Четырехстрочная надпись в бусовом ободке

ГНПО
МОЗН
МНХ[А]
НΛX̄

Вес 1,3 *г*. Найдена на Таманском полуострове, куплена доктором Терлецким в Керчи. Хранится в ГИМе, № 582273 (поступила из собрания Н. И. Булычева в 1926 г.). Издана А. В. Орешниковым. Денежные знаки домонгольской Руси. Тр. ГИМ, вып. 6. М., 1936, стр. 8, табл. VI, *9*.

4. Л. с. Подобна предыдущей (рис. 4, *4*).

О. с. Четырехстрочная надпись в бусовом ободке.

[ГНПО]
МО [ЗН]
МНХ[А]
NΛX̄

Вес 0,6 г. Диаметр 14—18 *мм*, соотношение осей $^1/_6$, сохранность средняя, с края обломана. Штемпель оборотной стороны сдвинут в сторону. Отметим, что все четыре монеты чеканены разными штемпелями.

---

[14] А. П. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века. «Исторические записки», 1940, 6, стр. 93.

[15] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 440.

* М. П. Сотникова любезно предоставила свои материалы и фотографии ранее найденных монет Олега-Михаила.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

ИКОНКА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

В 1971 г. на Селитренном городище в Астраханской области (так называемый Старый Сарай) была впервые найдена русская вещь — круглая медная иконка (рисунок) [1]. Иконка отлита в форме, имеет диаметр 4, толщину 0,5 *см*. Изображение выполнено в высоком рельефе и представляет собой поясную фигуру святого. Святой повернут влево, ладони рук, выступающие из складок одежды, воздеты в молитвенном жесте. Лицо узкое, аскетическое, с усами и клиновидной бородой; волосы гладкие, спадающие на плечи, разделены на пряди. Святой задрапирован в гиматий, лежащий красивыми складками.

Иконка XIII в. с изображением Иоанна Предтечи

Слева от головы святого монограмма — α, помещенная в О (оагиос). Справа греческая надпись — Иоанн Предтеча; надпись состоит из двух строк: верхняя содержит две буквы ОІ под титлом; вторая строка состоит из первого слога греческого слова «продромос» («предтеча»), причем две первые буквы соединены в лигатуру и начертаны под титлом. Точно так же написан первый слог этого слова у изображения Иоанна Предтечи в церкви Успения в Никее [2]. Имя Иоанна в греческих надписях обозначается монограммой Іω [3]; здесь же буквы оказались переставлены и омега заменена русским О. Может быть, эта ошибка в греческой надписи говорит о том, что мастер был русским.

Иоанн Предтеча (Креститель) изображался в различных сюжетах древнерусского христианского искусства, особенно часто в композиции деисуса, где Иоанн помещался справа от Спаса, а Богоматерь слева. Деисус в русском искусстве, как в монументальном, так и в мелкой пластике, получил широчайшее распространение в XII—XIV вв.

В этой композиции Предтеча изображается всегда как аскетического вида старец с узкой бородой, волосами, всклокоченными или гладкими, спускающимися на плечи. Он закутан обычно в плащ-гиматий, из складок которого выпростаны поднятые кисти рук; под плащом часто бывает милоть в виде лохматой короткой одежды.

Из ранних для Руси (XI в.) композиций деисуса можно назвать мозаичные изображения в медальонах полуфигур Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи из Софии Киевской, где Иоанн также слегка повернут к Христу, кисти рук подняты, с непокрытой головы спадают на плечи волосы [4].

---

[1] Работы проводились Поволжской экспедицией ИА АН СССР, начальник отряда Н. М. Булатов.

[2] А. А. Белецкий. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской. В кн.: В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 187.

[3] См., например: Б. А. Рыбаков. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971, рис. 76, 84.

[4] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, стр. 30, 90, 92, табл. 25.

В оплечном деисусе XII в. из Успенского собора Московского Кремля Предтеча изображен с непокрытыми взлохмаченными волосами [5].

Из произведений мелкой пластики можно отметить изображения деисуса на Большом сионе Софийского собора в Новгороде (середина XII в.) и на потире из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском (середина XII в.) [6].

К первой половине XIV в. относится московская шиферная иконка, хранящаяся во Владимиро-Суздальском музее. По обе стороны Спасителя на престоле стоят Богоматерь и Иоанн Предтеча в позах моления [7]. Фигуры с нимбами, большеголовые, пучеглазые. Иоанн закутан в плащ; лицо худое с клинообразной бородой. Волосы гладкие.

В Новгороде в слое первой половины XII в. найдена круглая каменная иконка с изображением Иоанна Предтечи [8]. Но этот Предтеча не входит в композицию деисуса, так как изображен в фас, с крестом и свитком. Эта иконка, так же как и наша, выполнена в высоком рельефе. На многочисленных образках XV—XVI вв. изображение Иоанна Предтечи в композиции деисуса и нескольких других очень часты, но фигурки настолько мелки, что отдельные детали их плохо различимы. Подобные нашей четыре круглые металлические иконки с рельефными изображениями святых найдены в Турове неподалеку друг от друга, в слоях XIII в. и рубежа XIII—XIV вв. [9] На основании определения изображений как местночтимых святых, а также из-за отсутствия до сих пор подобных иконок в русских древностях автор относит свои находки к местным туровским произведениям [10].

От туровских находок иконка с Селитренного городища отличается высоким художественным исполнением: удлиненное, тонкое, правильных пропорций лицо святого, его аскетический облик, четко оформленные складки гиматия — все говорит о большом мастерстве художника. Датируется она, по-видимому, XIII в.

Подобные круглые металлические иконки, тяжелые, не имеющие никаких следов ушка или другого способа подвешивания, в древнерусских церковных древностях пока единичны. Об их назначении можно говорить только предположительно. Вероятнее всего, такие круглые иконки, металлические, а также и каменные, подобные упомянутой выше находке из Новгорода, вставлялись в деревянный или металлический крест, где они могли составлять какую-либо композицию [11].

Наша иконка безусловно является частью деисуса где, как мы видели, Иоанн Предтеча всегда повернут влево и обращен к Спасителю. Ту же композицию в расположении туровских иконок предполагает и П. Ф. Лысенко.

Находка русской иконки в наиболее удаленном от пределов Руси центре Золотой Орды очень интересна. Тем более что, по-видимому, эта иконка не могла быть личной вещью вроде наперсного креста или образка и т. д. какого-либо русского человека, попавшего в Старый Сарай. Напрестольный крест входил, вероятно, в состав утвари православной церкви. О существовании русской церкви в Старом Сарае пока не имелось никаких сведений, но предполагать это было можно, так как уже с 1261 г. существовала Сарайская православная епископия, усиленно насаждавшая свою религию в Золотой Орде.

[5] В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, 1, М., 19, № 8, рис. 13, 14.

[6] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 76, 84.

[7] Т. В. Николаева. Древнерусская мелкая пластика XI—XIV вв. М., 1968, № 19.

[8] М. В. Седова. Каменные иконки древнего Новгорода. СА, 1965, 3, стр. 262, рис. 1, *1*.

[9] П. Ф. Лысенко. Свинцовые иконки из древнего Турова. СА, 1967, 1, стр. 281—284.

[10] Там же, стр. 284.

[11] М. В. Седова. Ук. соч.; П. Ф. Лысенко. Ук. соч.

К. М. БАЙПАКОВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЕ

Осенью 1971 г. при строительстве птицефабрики близ пос. Мирный (Алма-Атинская обл., Талгарский р-н) было обнаружено захоронение. К моменту прибытия археологической группы кости скелета и погребальный инвентарь были уже извлечены из земли. Анатомический порядок сохранили лишь берцовые кости ног, находившиеся в той части могильной ямы, которая осталась непотревоженной.

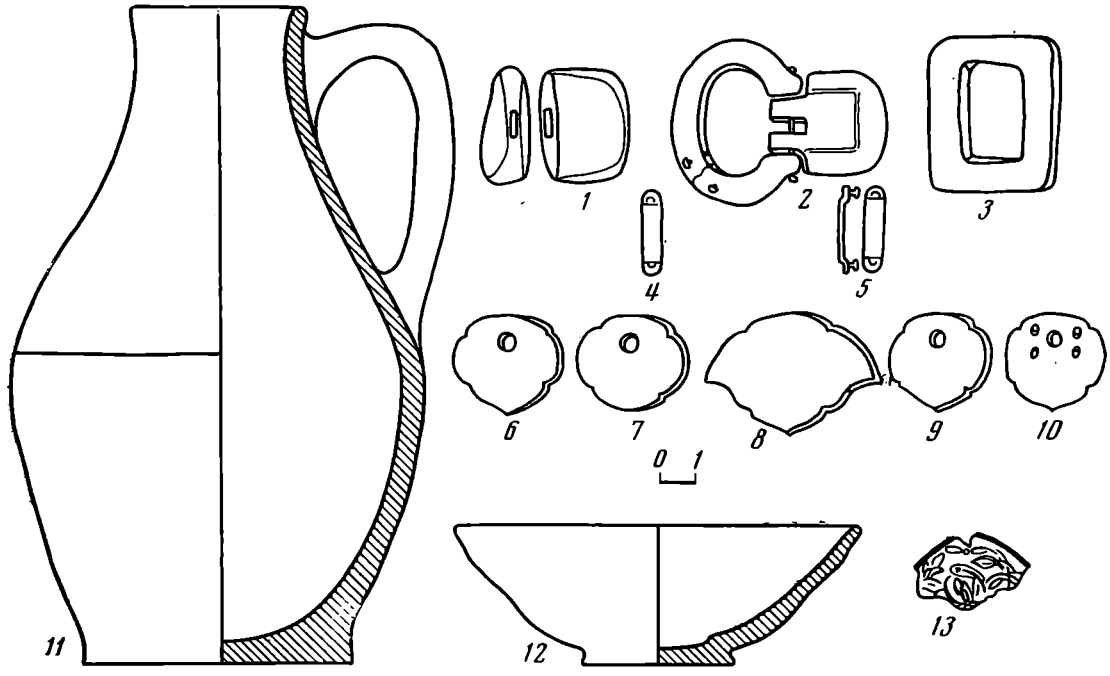


Рис. 1. Погребальный инвентарь

Погребение находилось в 0,5 *км* от р. Талгар, на левой береговой террасе. Могила выкопана в твердой глине желтого цвета, поэтому стенки ее прослеживались четко. Форма могилы овальная, длина ямы 1,80—1,85, ширина 0,8, глубина 1,9—2 *м*. Длинной осью могила ориентирована по линии север — юг. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, с руками вдоль туловища. Погребение принадлежит мужчине старческого возраста смешанного (южносибирского) антропологического типа[1]. Около черепа обнаружены обломки серебряной пластинки с тисненым растительным орнаментом (рис. 1, *13*). Слева от черепа у края ямы стояли два глиняных сосуда — кувшин и чаша типа пиалы (рис. 1, *11, 12*).

Кувшин сделан на круге из плотного с примесью песка теста. Обжиг кремовый, стенки снаружи покрыты розовым ангобом. На боку имеется темное пятно нагара. Горло (диаметр 4,5 *см*) плавно переходит в овальное, раздутое в плечиках тулово; этот переход отмечен невысоким уступом. Горло и плечики соединяет коленчатая, плоская в сечении ручка. Чаша сделана на круге и покрыта изнутри и частично снаружи прозрачной поливой, положенной на белый ангоб. Стенки плавно расширяются от плоского дисковидного поддона. Диаметр чаши 12, высота стенок 4,5 *см*. Столовый кувшин с коленчатой пластинчатой ручкой и чаша, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба, находят близкие параллели в керамике городов и поселений северо-восточного Семиречья XI—XIII вв.[2]

[1] Определение антрополога О. Исмагулова.

[2] К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 80, 81, рис. 5, *11—17, 24*.

В области нижних позвонков и на костях таза лежали нефритовые наконечник, пряжка, рамка и пять блях от поясного набора (рис. 1, *1—3, 6—10*; рис. 2)[3]. Здесь же обнаружены две серебряные скрепки (рис. 1, *4, 5*). Пряжка двухсоставная, пластинка на внутренней стороне имеет три пары гнезд от серебряных проволочных скобок для крепления к основе пояса. Видны следы ремонта. Пряжка была сломана на изгибе и затем стянута серебряной скобкой. Язычок не сохранился. Внешняя часть пряжки отшлифована. Наконечник имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами. Прямоугольное отверстие слегка сужено к выходу. Наконечник отшлифован со всех сторон.

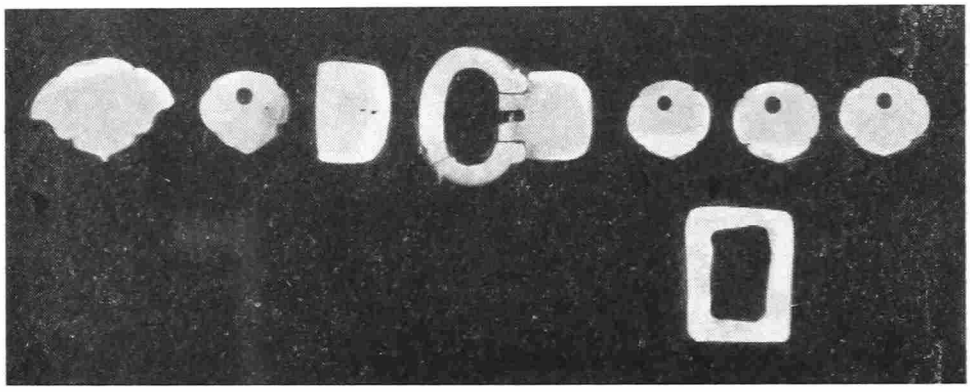


Рис. 2. Нефритовые детали пояса

Четыре бляхи имеют овальную форму, суженную книзу в виде заостренной арочной дуги, в верхней части — круглое отверстие. Внешняя поверхность блях отшлифована, на внутренней по две пары гнезд от скобок. В некоторых гнездах сохранились обломки серебряных проволочных скобок. Пятая бляха имеет вытянутую по горизонтали форму, края ее вырезаны в виде смыкающихся дуг, нижняя часть оформлена в форме стрельчатой арки. Снаружи бляха отшлифована, на внутренней поверхности три пары гнезд от серебряных скобок. Рядом с пряжкой прямоугольная рамка, отшлифованная со всех сторон. Таков погребальный инвентарь захоронения, обнаруженного в низовьях р. Талгар.

В Семиречье известны захоронения с аналогичным погребальным обрядом, изделиями из нефрита и посудой. Несколько погребений обнаружено к северу от рабада Александровского городища в 1938—1940 гг. Семиреченской археологической экспедицией, возглавляемой А. Н. Бернштамом. Покойники помещались в грунтовые ямы в вытянутом положении, головой на север, и лишь в одном случае погребение перекрыто шатром из сырцовых кирпичей. В могилах встречены нефритовые пряжки поясных ремней и нефритовые серьги. Одиночное погребение обнаружено на городище Джуль вблизи Фрунзе. В могиле найдено витое кольцо из нефрита, кувшин, покрытый белой поливой, и бронзовая пиала. Поясные пряжки из нефрита также найдены на городище Сарыг и в районе Кенбулуньского кладбища [4]. Погребения вышеописанного типа с нефритовыми поделками А. Н. Бернштам датировал второй половиной XII в. и считал киданьскими [5].

Поиски параллелей вещам из Илийского погребения уводят в районы к северо-востоку от Семиречья. Так, серебряные тисненные украшения с

---

[3] Нефрит, по заключению геолога Т. Б. Александровской, местного происхождения.

[4] Чуйская долина. МИА, 14. 1950, стр. 139, 140, табл. XXXIX, *4*; XC.

[5] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26, 1952, стр. 168, 171.

растительными мотивами известны в погребениях могильника Кудыргэ на Алтае (монгольское время) [6]. Поясной ремень с пряжкой, наконечником, обоймами, бляхами и рамками из агальмотолита найдены в погребении 2-го Часовеногорского могильника на среднем Енисее. Датируется погребение XIII—XIV вв.[7]

Вопрос об этнической принадлежности погребения в Илийской долине может быть окончательно решен лишь по мере накопления материала. Однако предположение о связи таких погребений с киданями вряд ли правомочно. Так, физический облик погребенного в Илийской долине относится к смешанному (южносибирскому) типу, который находит аналогии не только в древнем, но и в современном населении Семиречья и Восточного Казахстана [8]. Вероятнее всего, рассматриваемое погребение оставлено одним из тюркских племен, может быть карлуками, которым в XII — первой четверти XIII в. принадлежала Илийская долина с ханской резиденцией в городе Каялыке [9].

---

[6] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, стр. 60.

[7] Там же, стр. 73, рис. 13, 17. При определении даты Илийского погребения, видимо, следует упомянуть о находках нефритовых пластинок на городище Талгар, в слое XIII—XIV вв. См.: К. М. Байпаков. Городище Талгар. Материалы II Научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1970, стр. 479.

[8] О. Исмагулов. Материалы по археологии тюрков Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана», стр. 126—127; его же. Антропологические данные о тюрках Прииртышья. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахастана». Алма-Ата, 1969, стр. 89, 90.

[9] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., II, 1, М., 1963, стр. 51; его же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., V, М., 1968, стр. 152.

Критика и библиография

P. Biberson. Galets aménagés du Maghreb et du Sahara. Fiches typologiques Africaines. 2-e Cahier: Fiches 33—64. Muséum National d'Histoire Naturelle, Paris, 1968

Галечные орудия, бесспорно, представляют собой одну из самых трудных для типологических классификаций категорию палеолитических орудий. Их морфологическая невыразительность, сложность установления границ типов, места переходных форм, трудности, связанные с попытками определения их функционального назначения, и, наконец, чрезвычайная стойкость в переживании наиболее архаических типов (в Азиатской части СССР вплоть до неолита) требует специфически нового подхода к описанию, определению и классификации этой категории орудий. Такая работа тем более важна, что исследования последнего десятилетия достаточно четко показали, что шелльская (аббевильская) стадия является не чем иным, как локальным вариантом нижнепалеолитической культуры Франции. Огромный промежуток времени вплоть до раннего или даже развитого ашеля во многих странах Старого Света соответствует развитию тех палеолитических культур, в которых если не главное, то во всяком случае заметное место занимали в различных их вариантах галечные орудия. Важные особенности многих памятников Средней и Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока не могут быть поняты без должного внимания к галечным орудиям, которые составляют одну из самых характерных черт индустрий этих культур. Естественно, что каждая новая работа, посвященная описанию или разработке типологии галечных орудий, вызывает большой интерес.

В настоящее время в мировой литературе существует два основных варианта описания галечных орудий.

Археологи, работающие с азиатским материалом (Т. Патерсон, Х. Мовиус, Б. Лал и др.), берут за основу форму гальки, из которой сделано орудие, и в качестве вторичного признака рассматривают положение рабочего края по отношению к длинной оси гальки и характер его обработки.

По-иному подходят к классификации галечных орудий исследователи, работающие с африканским материалом (А. Юго, П. Биберсон, А. Алиман, Л. Рамендо и др.). Французские ученые в основу своих классификаций ставят не форму гальки и положение рабочего края, а технику раскалывания, технику изготовления орудий[1]. Эта тенденция получила наиболее четкое выражение в схемах, предложенных П. Биберсоном[2] и Л. Рамендо[3], продолжением которых является рецензируемая работа.

Она является одним из выпусков «Африканского типологического свода», издание которого предпринято по рекомендации известного симпозиума по предыстории Африки, имевшего место в 1965 г. Свод представляет собой предельно краткое описание палеолитических изделий, затрагивающее, как указано в небольшом введении, «технику», «форму» и «тип». В отличие от Свода, выпускаемого Институтом археологии АН СССР, все вошедшие в публикацию орудия описаны совершенно одинаково, по заданной форме. Аналитическая часть отсутствует. Отметим высокие полиграфические достоинства издания, выполненного в виде отдельных листов плотной бумаги, и очень хорошее качество рисунков, принадлежащих перу М. Довуа.

Иллюстрируемые предметы взяты и из хорошо известных стоянок, таких как Регган, Аулеф (Сахара), Сиди Абдеррахман (Марокко), Айн Ханеш (Алжир), и из менее известных местонахождений, еще не упоминавшихся в нашей литературе.

Представленные экземпляры хронологически охватывают в основном время «преашеля» Северной Африки и олдовея Танзании. Все орудия описаны по заданной

[1] Подробнее см.: В. А. Ранов. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. МКТ, 2, 1971, стр. 11—15.

[2] P. Biberson. Le Paléolithique inférieur du Maroc Atlantique. Casablanca, 1961, p. 406—434.

[3] L. Ramendo. Les galets aménagés de Reggan (Sahara). Libica, XI, 1961, p. 48—52.

схеме, которая включает: 1) эквиваленты названию, предложенному П. Биберсоном (например, Galet aménagé uniface, type I. 1. Equivalences: Obliquely flaked pebble-Lowe; Type I a Hugot; Galet à un seul enlèvement-Ramendo с указанием литературы), 2) тип изделия — рисунок с приведенным масштабом, 3) обработка — характер обработки, качество отбойника, положение околов, 4) ретушь — с указанием места рабочего края, где она имеется, 5) определение типа изделия, сделанное предыдущими исследователями, 6) предложенное автором определение, 7) основное местонахождение (эпоним), 8) распространение данного типа (хронологическое и географическое), 9) варианты типа, 10) особые замечания, 11) основные публикации, в которых фигурирует данный тип.

Определенное внимание уделяется и технике подготовки галечных орудий, в том числе чередованию снятий. В отдельных случаях (II, 8) дается схема раскалывания. Всего дано 64 примера галечных орудий, которые разделены на три серии (I — с односторонней обработкой, II — с двухсторонней обработкой, III — полиэдры, обработанные с разных направлений) (рис. 1).

В описании нет точного определения типа. «Мы считаем,— пишет П. Биберсон,— ненужным давать наименования различным типам галечных орудий, поскольку говоря строго научно, они не могут быть определены иначе, как описательно. Они всегда будут иметь и другое по сравнению с предложенным функциональное назначение» (стр. 1). Поэтому описание орудий имеет следующий характер: «Т. (тип) II, *3*. Двухстороннее галечное орудие. Обработано с двух направлений при помощи двух чередующихся сколов, слегка скошенных по отношению друг к другу. Более поздний скол срезает более ранний. Сколы формируют небольшое по протяженности рабочее лезвие с одного края гальки» (рис. 1, *45*).

Может быть, это и правильное решение, ибо очень сложно дать точное определение для каждой единицы Свода. С другой стороны, если не для каждого орудия, то по крайней мере для группы схожих изделий было бы полезно давать обобщенное название.

Правда, до сих пор еще никому из исследователей, работавших после Х. Мовиуса (у последнего — всего несколько наименований) [4], не удалось предложить наименования типов, которые бы стали общепринятыми и получили широкое распространение в мировой литературе.

Для более дробных подразделений мы пока имеем лишь, к сожалению, неудачный пример классификации галечных орудий соанской культуры [5]. Важность же этого момента подчеркивается, например, различными названиями изделия II, *10* (двухстороннее галечное орудие у П. Биберсона): чоппинг у Х. Мовиуса, чоппер у М. Лики; орудие, имеющее лезвие у Г. Мортельманса; двухсторонний резак у Р. Вофре. Поэтому и Л. Рамендо, и автор рецензируемой работы предпочитают цифровые обозначения для вариаций внутри серий. Но П. Биберсон не придерживается строго выдержанного принципа при распределении типов внутри таблицы. Так, принцип усложненности не соблюден в серии II (II, *15*; II, *16*) и в серии III (III, *5* и III, *6*). Автор не обращает внимания и на такой важный момент, как положение рабочего края по отношению к длинной оси гальки (в таблице чередуются орудия с поперечным и продольным положением рабочего края). Кажется нелогичным помещать после пространного галечного орудия (II, *9*) орудие с широким поперечным рабочим краем (II, *10*), а вслед за развитой формой чоппинга (II, *10*) возвращаться к более примитивному этапу обработки галечных орудий (II, *11*).

В случае I, *3* приводится эквивалент: чоппер по Х. Мовиусу. Но практически это еще не чоппер, если понимать под термином «чоппер» большое скребловидное орудие.

В серии «полиэдров» вызывает сомнение тип III, *5* и III, *6*, хотя скалывание здесь идет уже не в двух, а в трех направлениях. Подлинными полиэдрами будут все же изделия, имеющие шаровидную (globuleux) форму. Непонятно включение в разряд галечных орудий типа «дольки апельсина» (II, *16*) орудия, изготовленного на отщепе.

Наконец, ряд представленных изделий (I, *1, 2*), (II, *1, 2*) трудно отличить от просто расколотых галек. Те же экземпляры, которые не имеют следов ретуши или утилизации, могут случайно попасть в палеолитические коллекции.

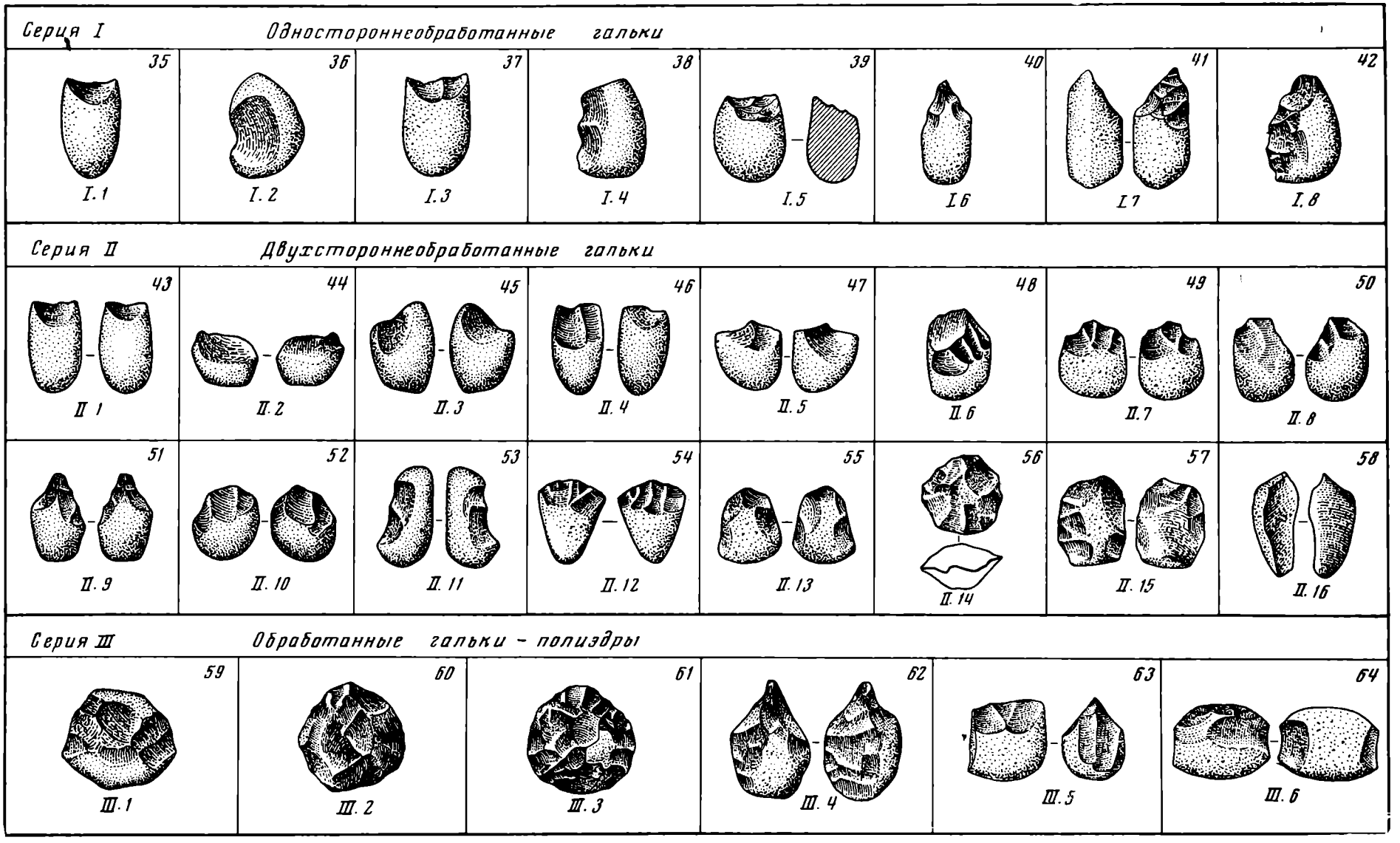
П. Биберсон, очевидно, и не ставил своей задачей классификацию на основе усложнения обработки гальки. Тем не менее кажется, что такая классификация увеличила бы ценность этой, бесспорно очень полезной, работы, в которой читатель помимо представления о древнейших африканских галечных орудиях характерных форм найдет и превосходную библиографию, охватывающую все основные работы по данному вопросу.

В заключение остановимся еще на одном моменте общего порядка. Возражения по поводу употребления термина «галечное орудие» общеизвестны, и их не стоит здесь повторять. Однако противники этого термина не могут пока найти эквивалентной замены. Так, попытка, замены термина «галечное орудие» на «олдовейское ору-

---

[4] Три основных типа орудий: Choppers, Chopping-tools, Hand-Adzes. H. L. Movius. Early Man and Plestocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. PPM, XIX, 3. Cambridge, 1944, p. 10—11.

[5] T. T. Paterson and H. J. Drummond. Soan — the Palcolithic of Pakistan. Karachi, 1962, p. 54—58.


Серия I Одностороннеобработанные гальки
35 I.1
36 I.2
37 I.3
38 I.4
39 I.5
40 I.6
41 I.7
42 I.8
Серия II Двухстороннеобработанные гальки
43 II 1
44 II.2
45 II.3
46 II.4
47 II.5
48 II.6
49 II.7
50 II.8
51 II.9
52 II.10
53 II.11
54 II.12
55 II.13
56 II.14
57 II.15
58 II.16
Серия III Обработанные гальки - полиэдры
59 III.1
60 III.2
61 III.3
62 III.4
63 III.5
64 III.6

дие» в значительной степени сужает хронологические рамки существования орудий этого типа [6].

В данном случае мы остановимся лишь на полемике, возникшей по поводу наименований, применяемых П. Биберсоном и другими французскими исследователями. Это галечные орудия «Galets aménagés», оббитые с одной стороны или в одном направлении — (à taille unidirectionelle) или в двух (bidirectionelle) направлениях. Такие наименования имеют достаточно широкое распространение во французской археологической литературе [7]. Против этих терминов недавно выступил Ф. Борд [8].

Суть его замечаний в следующем. Как и Д. Кларк, Ф. Борд считает, что термин «галечное орудие» должен быть снят, поскольку орудия типологически и функционально близкие могут быть сделаны не из галек, как, например, в олдовейском комплексе, где большая часть чопперов и чоппингов изготовлена из обломков подходящей породы. Слово «aménager» не соответствует понятию «обработанный», а скорее «организованный в определенном порядке».

Что же касается обработки в одном или двух направлениях, то подобное скалывание может быть проведено по одной плоскости. Ф. Борд предлагает или произносить английские слова chopper и chopping на французский манер, или же использовать французские слова massacant или casseur à taille biface ou uniface. В этом случае название орудий будет соответствовать распространенному в нашей литературе термину «рубящее орудие». По нашему мнению, такая замена будет неоправданной, так как орудие получает наименование функционального плана, а именно ту или иную функцию орудия зачастую еще надо доказать [9].

Замечание Ф. Борда, конечно, справедливо. Однако вряд ли стоит менять уже прижившиеся наименования. Во-первых, термин «Galets aménagés» получил уже большое распространение, а во-вторых, достаточно прочитать раздел «Образование терминов» в упомянутой книге М. Брезийона, чтобы убедиться в условности и несоответствии прямому смыслу слова многих других палеолитических терминов, в том числе и используемых в своих работах самим Ф. Бордом.

В. А. Ранов

---

[6] J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New York, 1970, p. 68.

[7] M. N. Brézillon. La denomination des objets de pierre taillée. Paris, 1968, p. 224—227.

[8] F. Bordes. Question de vocabulaire: Galets aménagés uni- ou biderectionelle. BSPF, CRSM, 68, f. 3, 1971, p. 73.

[9] В этом отношении все же удачнее названия, выбранные П. Биберсоном для Свода: «одностороннее и двухстороннее галечное орудие» — Galet aménagé uniface et biface, хотя они не совсем соответствуют духу описания, распространенному во французской археологической литературе.

R. Tringham. Hunters. Fishers and Farmers of Eastern Europe 6000—3000 B. C., Hutchinson University Library, London, 1971

60-е годы XX в. ознаменовались возобновлением интереса английских ученых к первобытной археологии балканских и дунайских стран, подобного которому английская археология не знала с конца 20-х годов, когда вышел в свет «Дунай в доистории» Г. Чайлда [1]. Три диссертации, защищенные на очень близкие темы всего лишь за три года в Эдинбурге и Кэмбридже [2], раскопки Р. Роддена в Неа Никомедии [3], К. Ренфрью в Ситагри [4], целый ряд статей по неолиту и энеолиту балкано-дунайских стран, новые диссертации, подготавливаемые молодыми специалистами Оксфорда и Кембриджа, и вот, наконец, монография: Р. Тригхэм, «Охотники, рыболовы и фермеры Восточной Европы 6000—3000 гг. до н. э.», вышедшая в серии «Университетская библиотека Хатчинсона» 13 декабря 1971 г.

В предисловии автор спешит предупредить читателя, что он не собирался давать систематического описания доисторического культурного развития и не пытался написать «доисторию восточной части Центральной Европы... с 6000 до 3000 г. до н. э.,

---

[1] V. G. Childe. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.

[2] R. Tringham. The Early Neolithic of Central Europe. Ph. D. Thesis University of Edinburgh, 1966; R. Rodden. Pottery and Flint-working Traditions in the Early Neolithic of South East Europe and the Spread of the Farming Economy. Unpublished Ph. D. Thesis University of Cambridge, 1968; J. Nandris. The Prehistoric Archaeology of South East Europe, Thesis, University of Cambridge, 1968.

[3] См. В. С. Титов. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969, стр. 195—200 с литературой.

[4] C. Renfrew. The Aegean and the Balkans at the close of the Neolithic Period (Evidence of Photolivos). Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Nitra — Male Vozokany, Dezember, 1969.

включая детали хронологического каркаса, развития культуры, первичных источников материала и интерпретации этого материала в рамках доисторических культурных процессов» (стр. 19), но намерен лишь обсудить ряд сюжетов и проблем, его интересующих (стр. 19), заняться «интерпретацией материала в рамках доисторических культурных процессов». Книга предназначается как для археологов Запада, так и для всех, кто интересуется «любым аспектом изучения Человека» (стр. 20).

Хронологические и географические рамки определены в названии книги, но не совпадают с ним полностью. Книга начинается с обзора мезолитических и эпипалеолитических находок и заканчивается около 3000 г. до н. э.— границей, на наш взгляд, выбранной довольно неудачно. Рубеж IV и III тысячелетий до н. э. важен для эгейских стран (Крита, Греции, Западной Анатолии), но уже для Фессалии, где продолжается развитие неолита (халколита), для Карпатского бассейна, где автор прерывает свое изложение на границе между средним и поздним медным веком, и тем более для Молдовы — Молдавии — Правобережной Украины, где продолжается развитие трипольской (кукутенской) культуры, рубеж около 3000 г. отнюдь не обоснован.

Что касается географических рамок работы, то они суживаются постепенно. по мере изложения материала. Если во второй главе речь идет о мезолите Польши, Чехословакии, ГДР, ФРГ, дунайских стран, Правобережной Украины, то, переходя к неолиту, автор уже ограничивается Балканами, Карпатским бассейном, бугодněстровской культурой и территориальными рамками старшей линейно-ленточной керамики. Для более позднего времени рамки работы суживаются все сильнее, ограничиваясь балкано-дунайскими странами и территорией распространения трипольской культуры.

Кратко познакомимся со структурой работы: помимо небольшого предисловия, заключения и обязательных списков рисунков и таблиц книга состоит из четырех глав. Первая, очень небольшая (стр. 25—34), посвящена описанию природной среды: рельефу, почвам и истории климата и растительности, причем установленные для северной Европы климатические периоды переносятся на Юго-Восточную и Центральную Европу. Трудно решить, насколько правомерно подобное перенесение, учитывая отсутствие достаточных данных для юга Европы.

Во второй главе описываются известные в настоящее время эпипалеолитические и мезолитические находки, начиная от «эпиграветтийских» индустрий Венгрии и свидерской Польши и Белоруссии до мезолита Крыма, Молдавии и ранних слоев Лепенского Вира (стр. 35—67). Последние, разобранные довольно подробно, представят несомненный интерес и для советского читателя.

Третья глава, самая большая и важная, посвящена происхождению и распространению производящего хозяйства в Юго-Восточной и Средней Европе (стр. 68—145). Уже в предисловии автор определил проблему диффузии техники и снаряжения, связанных с доместикацией и эксплуатацией растений и животных, как доминантную проблему всей книги (стр. 21).

Естественно, что в книге об археологии Восточной Европы в период с 6000 по 3000 г. до н. э. основным вопросом является проблема возникновения и распространения производящего хозяйства, и автор книги довольно подробно трактует этот вопрос (стр. 68—78). При этом, его исходными положениями являются свидетельство о существовании начальных стадий в культивации растений и доместикации животных на Ближнем Востоке и распространение древнейшего земледелия в Европу с Ближнего Востока, хотя автор оставляет открытым вопрос, была ли это экспансия человеческих коллективов или же диффузия техники и орудий, связанных с земледелием и содержанием скота. Из текста книги и других работ Р. Трингхэм ясно, что автор склоняется к первому решению.

Какие же соображения могут быть приведены и приводятся автором в пользу того, что речь идет об экспансии групп населения, принесших в Юго-Восточную Европу уже культивированные злаки и одомашненных животных?

Р. Трингхэм обращает внимание на то, что охотники и собиратели, с одной стороны, и земледельцы — с другой, селились в разных экологических условиях. Так, первые избегают плодородных лёссовых плато к северу от Дуная, а также аллювиальных равнин южных притоков Дуная, тогда как земледельцы на юге Балканского полуострова основывают свои поселения на каштановых лесных почвах и аллювиальных отложениях речных долин, а в Подунавье и в верхних течениях Эльбы, Одера, Вислы — на лёссовых почвах. Это взаимоисключающее распространение подчеркивает тот разрыв между мезолитическими и ранненеолитическими комплексами, который существует и особенно заметен в тех редких случаях, когда мезолитические слои залегают под ранненеолитическими. Прекрасный пример такого разрыва дает Лепенский Вир, где два нижних слоя (I—II) относятся к мезолиту и датируются около 5500—4500 гг. до н. э., а верхний (III) слой — к раннему неолиту, и этот последний отличается от первых не только экономикой, но и «методом сооружения домов, формой и функцией каменных, костяных и роговых изделий, погребальными обычаями и физическим типом» населения (стр. 70).

Далее, разрыв между мезолитом и ранним неолитом на значительной части территории Юго-Восточной Европы подтверждается отсутствием в ранненеолитических комплексах мезолитических элементов (микролитических пластин, геометрических форм микролитов и т. п.).

Наоборот, гораздо большие связи ранненеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы ведут к Ближнему Востоку, в первую очередь в Анатолию. Имеется в виду сходство материальной культуры, ее формы и содержания, далее, близость основного физического типа населения ранненеолитического периода (долихоцефалы «грацильного средиземноморского» типа), сходство в погребальном обряде (скорченные погребения на боку) и использование в экономике тех же растений и животных, которые не имели дикорастущих или, соответственно, диких предков на юго-востоке Европы. «Овцы, козы, свиньи и крупный рогатый скот на ранненеолитических памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы были уже полностью одомашнены. С другой стороны, ранний процесс доместикации этих животных и растений был прослежен в значительных деталях на Ближнем Востоке» (стр. 71).

Итак, первые культурные растения (эммер, ячмень) и первые домашние животные (овца, коза) были принесены в Европу в уже культурной (домашней) форме определенным интрузивным населением — к такому выводу приходит Р. Трингхэм. Заметим, что этот вывод отнюдь не нов [5].

Пришельцы с Ближнего Востока встретили в Европе, однако, иные условия существования, приспосабливание к которым должно было вызвать определенные изменения в экономике и материальной культуре первых земледельцев. Даже в южной части Балканского п-ова отсутствуют типичные для неолита Ближнего Востока и Анатолии формы и методы сооружения домов и планировка поселений: вместо многокомнатных домов с плоскими крышами, построенных из сырцового кирпича [6], соединенных с другими домами общими стенами и образующих агломерационные деревни, древнейшие земледельцы Юго-Восточной Европы строят каркасные дома с двускатными крышами, стоящие отдельно друг от друга, прямоугольные или квадратные, однокомнатные, расположенные иногда правильными рядами [7]. Это разительное изменение Р. Трингхэм пытается обосновать приспособлением к новым условиям среды (более обильные дожди, использование более богатой древесной растительности). Однако такое объяснение не кажется нам удовлетворительным.

Процесс экспансии земледельцев с Ближнего Востока не был организованным движением ...«Кажется, что, по крайней мере, вся долина Дуная, верхнее течение Вислы, Эльбы и Рейна были заселены древнейшими земледельцами, но что вне этих районов наличие ранних неолитических культур означает диффузию техники и снаряжения, связанных с земледелием, скорее чем самих земледельцев» (стр. 73). Это основной вывод Р. Трингхэм в третьей главе, и он конкретизируется далее на археологическом материале. Очерченный выше ареал Р. Трингхэм называет ареалом первоначальной экспансии земледельцев и разделяет его на бассейн Нижнего Дуная, где была распространена культурно-историческая общность Караново I — Кремиковцы — Старчево — Кёрёш — Криш, и умеренную зону Центральной Европы, где господствовала дунайская I культура или культура линейно-ленточной керамики. Если прибавить к этому Грецию, которая остается вне рамок работы Р. Трингхэм, где, видимо, речь будет идти еще обо одной культурно-исторической общности, относящейся к ареалу первоначальной экспансии земледельцев, а именно, о докерамическом и раннекерамическом неолите материковой Греции и культуре Протосескло, то ареал первоначальной экспансии земледельцев будет включать уже три различные культурные области.

Но поддерживаемая Р. Трингхэм теория первоначальной экспансии земледельцев с Ближнего Востока в Европу и адаптации их материальной культуры и хозяйства к изменяющимся по мере продвижения на север и северо-запад природным условиям не может, с моей точки зрения, объяснить возникновение этих трех культурно-исторических областей или групп культур (по Р. Трингхэм). Первым серьезным камнем преткновения оказались существенные различия в традициях домостроительства, планах домов, характере поселений, о которых говорилось выше. Роль докерамического неолита — термин, который не встречается в книге Р. Трингхэм, осталась совершенно невыясненной. Далее, существование только в области Среднего Подунавья нескольких ранненеолитических культур (Кёрёш, культура алфёлдской линейной керамики, культура старшей линейно-ленточной керамики), которые не могут быть сведены к одной или выведены одна из другой, хотя бы на основе хронологических соображений, нельзя объяснить только миграцией переднеазиатских земледельцев с их последующей трансформацией.

Если бы автор попытался восстановить материальную культуру тех гипотетических переднеазиатских земледельцев, которые могли стать основателями столь различных ранненеолитических культур Юго-Восточной Европы, это оказалось бы трудным делом. Столь же трудно было бы проследить действительный путь их распространения в Европу через Анатолию, поскольку в Северо-Западной Анатолии ранненеолитические культуры почти неизвестны [8].

---

[5] Ср. В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИИМК, 88, М., 1962, стр. 10—25; его же. Древнейшие земледельцы в Европе. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 25—37.

[6] Его же. Неолит Греции, стр. 173, 176, 182, табл. 16 и 18.

[7] Там же, стр. 117—119, рис. 50—53.

[8] J. Mellaart. Çatal Hüyük, L., 1967, p. 28—29; карта на рис. 1.

Переходя к рассмотрению раннего неолита, Р. Трингхэм заявляет: «Ранненеолитические поселения Юго-Восточной Европы разделяются в литературе на пять или шесть культур или субкультур: Караново I..., Кремиковцы..., Старчево, Кёрёш, переходная форма Старчево — Кёрёш и Криш». Тем самым, Р. Трингхэм идентифицирует ранний неолит Юго-Восточной Европы лишь с одной группой родственных культур: Караново — Кёрёш — Кремиковцы — Старчево и упускает из виду те отличия, которые отделяют эту группу культур от других современных ей культурно-исторических общностей или «больших культур»: от Протосескло и раннего неолита Южной и Средней Греции, от культуры с керамикой импрессо Адриатического побережья, от буго-днестровской культуры. Ведь лишь вышеназванные культуры входят в понятие «ранний неолит Юго-Восточной Европы», а общие черты, объединяющие Караново I — Старчево — Кёрёш — Криш, позволяют выделить эту культурно-историческую общность из раннего неолита Юго-Восточной Европы и противопоставить эту общность другим культурам, входящим в него. Следовательно, далеко не весь ранний неолит Юго-Восточной Европы входит в общность Караново I — Старчево — Кёрёш, и это еще раз свидетельствует о значительно бóльшей сложности происхождения раннего неолита Европы, чем предполагаемая Р. Трингхэм простая миграция.

Автором рассматриваются в самом общем плане черты, сближающие эти культуры в одну общность: керамика, антропоморфная пластика, пинтадеры, пряслица, грузики от ткацких станков, дома и погребения, и отдельно для каждой культуры — формы поселений и хозяйство.

Рассмотрение расписной керамики старчево-кёрёшского комплекса требует бóльшей точности. Следует подчеркнуть, что лишь отдельные элементы росписи ранненеолитической керамики северных Балкан имеют аналогии в Греции, где, например, полностью отсутствуют в средненеолитических комплексах бегущие спирали. Иначе автор будет неправильно понят (стр. 80).

Р. Трингхэм очень остро и, пожалуй, справедливо выступает против теории, согласно которой на ряде памятников имела место эволюция от полуземлянок к наземным жилищам, причем в нижних горизонтах были отмечены только ямы, а в верхних — только наземные дома (стр. 84—86). Автор полагает, что жилищами можно считать лишь те ямы, где есть следы суперструктуры и где в верхних слоях нет свидетельства наземных построек.

Около 4200 г. в Юго-Восточной Европе, около 4400 г. в Южной Болгарии ранненеолитические комплексы подверглись некоторым изменениям, выразившимся в исчезновении расписной керамики и все возрастающем преобладании черной лощеной керамики с нарезной и каннелированной орнаментацией. Комплексы с черной керамикой встречаются как над слоями с расписной керамикой, так и в новых пунктах в том же ареале. «Указывалось, что появление этой керамики означает разрыв с ранненеолитическими традициями в этом и многих других аспектах материальной культуры как результат стимулов или даже дальнейшей экспансии земледельцев из Анатолии (поздний халколит) и Греции (поздний неолит)» (стр. 105—106), но автор не согласен с такой теорией.

Так Р. Трингхэм излагает один из кардинальных моментов археологии Юго-Восточной Европы, а именно: исчезновение культурно-исторической общности Караново I — Старчево — Криш — Кёрёш и возникновение культуры Винчи и родственных ей культур с черной лощеной керамикой.

Перед исследователем этой проблемы встают сразу несколько вопросов, а именно: каковы были те изменения, которые произошли около 4200 г., произошли ли они внезапно или исподволь, постепенно, связаны ли они с разрушениями, а также каковы причины этих изменений.

Для Р. Трингхэм это лишь небольшие изменения в керамике, технике ее изготовления и орнаментации, стилистические изменения: ...«имеется много факторов, помимо интрузии населения, которые могут вызвать внезапные изменения в керамических стилях» (стр. 106). Для ряда других археологов это вовсе не отдельные изменения в керамической технике, а смена всей керамической традиции, иная техника обжига, иные формы сосудов, иная техника орнаментации. Изменения в керамике идут рука об руку с изменениями в оружии (праща сменяется луком и стрелами), орудиях (тесло сменяется топором), в пластике, в характере домостроительства, тем самым охватывая разные стороны материальной и духовной культуры древнего общества.

Как происходят эти изменения? Р. Трингхэм заявляет, что на многих поселениях черная лощеная керамика встречается в том же комплексе, что и расписная посуда до разрыва в заселении. Именно параллельное существование в одном и том же комплексе двух разных сложившихся и устоявшихся керамических традиций ярче всего свидетельствует о невозможности вывести одну из другой. Существование же стерильного слоя до полного принятия черной лощеной керамики или до ее появления говорит лишь о различных путях распространения новой культуры.

Винчу А, или Протовинчу, Р. Трингхэм рассматривает как «переходный комплекс..., в котором возрастание черной лощеной керамики параллельно падению расписной керамики». Этот переходный комплекс был перекрыт слоем угля, который дал дату 4240 ± 60. Однако именно Винчу А и не следовало привлекать в качестве при-

мера «переходного комплекса» в силу того, что (как правильно недавно писал Ю. Павук) «мы не можем определить ступень А культуры Винчи» [9]. Неудачная методика раскопок горизонтами по глубине, а не по слоям, примененная М. Васичем к Винче, не позволяет точно установить, существовали ли действительно одновременно те материалы, которые Ф. Хольсте отнес к фазе А [10].

Далее, Р. Трингхэм оказывается вынужденной признать, что культура Вэдастра I (Олтения) и культура Дудешть (Мунтения) не показывают никаких следов местного происхождения или какой-либо связи с культурой Криш (стр. 108). «Подобная же ситуация имела место и в Трансильвании» (стр. 109).

Р. Трингхэм неправа, однако, когда утверждает, что «средненеолитические комплексы (культура Турдаш)... никогда не были найдены стратифицированными над комплексами ранненеолитической культуры Криш» (стр. 109). Например, в Тэртэрыи существует тонкий слой культуры Криш, перекрытый слоем Турдаш. Так описывает Н. Власса стратиграфию Тэртэрыи, правда, только во втором отчете [11], и это сильно противоречит его же утверждению, что яма со знаменитым комплексом Тэртэрыи и его табличками была спущена из нижнего, турдашского слоя в материк.

Автор полагает, что колодкообразные топоры являются непременной составной частью культуры Винча — Турдаш (стр. 110). В. Милойчич же, напротив, считает колодкообразные топоры, найденные на территории распространения культуры Винча, импортными с севера, с территории распространения культуры линейно-ленточной керамики [12].

Р. Трингхэм мимоходом касается табличек Тэртэрыи и высказывает при этом довольно трезвые взгляды. Она не считает возможным датировать Турдаш около 3000 г. до н. э. на основе «поверхностного» сходства рисунков на табличках со знаками на шумерских табличках. Автор книги полагает, что трансильванские и месопотамские таблички не имеют значительной связи и первые могут относиться к более позднему времени, чем вторые.

Далее Р. Трингхэм переходит к культурам линейной керамики, хозяйству этих культур, вопросу о связи с лёссовыми почвами (об этом мне уже приходилось писать) [13], о вероятных циклах смены поселений, связанной с забрасыванием полей, что было необходимо для возвращения им плодородия. Однако остается открытым вопрос: имело ли место циклическое движение, или же происходило лишь горизонтальное смещение места одного поселения?

Явно недостаточно внимания уделено характеристике старшей линейно-ленточной керамики, ее распространению, характерным типам, связям, хронологии. Этим вопросам Р. Трингхэм уделила всего 9 строк (стр. 125). Генетические же связи с Кёрёшом для древнейшей линейно-ленточной керамики явно преувеличены.

Следует также отметить, что собственно линейно-ленточная керамика, или I дунайская культура Г. Чайлда, не отделена от восточновенгерских культур раннего и среднего неолита (алфёлдского неолита). О необходимости подобного разделения совершенно справедливо писал Ю. Павук еще в 1962 г. [14]. Изложение развития раннего и среднего неолита Большой Венгерской равнины ведется довольно сбивчиво и неясно. Но это вина не Р. Трингхэм, а скорее состояния источников, поскольку основные материалы происходят из плохо документированных раскопок, опубликованных весьма неполно.

Автор правильно рисует картину распространения культуры линейно-ленточной керамики к северу и востоку от Карпат: из Моравии через горные перевалы — на север, на лёссовые равнины Верхней Вислы и Одера. Оно начинается довольно рано, еще в эпоху старшей линейно-ленточной керамики и в начале развития нотной керамики. Вдоль по притокам Вислы она переходит в бассейн Верхнего Днестра и, спускаясь по Днестру, достигает Молдавии — Молдовы, а отсюда проникает и в Юго-Восточную Трансильванию (стр. 133—135). Однако подобное движение осталось бы непонятным, если бы мы встали на точку зрения Р. Трингхэм и считали, что вся Большая Венгерская низменность (долина Тисы) была занята племенами линейной керамики.

Образовавшаяся таким образом наиболее восточная группа развитой линейно-ленточной керамики с нотной орнаментацией на территории Верхнего и Среднего Поднестровья, несмотря на некоторые контакты с буго-днестровской культурой, существует независимо, не смешиваясь с последней и сохраняя определенные отличительные особенности в расположении поселений и хозяйстве, как правильно отме-

[9] Ju. Pavúk. Kultúry staršieho a stredného neolitu na západnom Slovensku. Kap. z kn. «Slovensko v mladšej dobe kamennej». Bratislava, 1970, str. 58.

[10] F. Holste. Zur chronologischen Stellung der Vinča — Keramik. WPZ XXVI, 1939, S. 2—3.

[11] N. Vlassa. Einige Bemerkungen zu Fragen des Neolithikums in Siebenbürgen. ŠZ AUSAV 17, Nitra, 1969, S. 513—519.

[12] V. Milojčić. Die Siedlungsgrenzen und Zeitstellung der Bandkeramik im Osten und Südosten Europas. 33. BRGK, 1943—1950, Berlin, 1951, S. 120—121, Taf. 4, 11, 13, Abb. 4, 5—8.

[13] В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе, стр. 30—32.

[14] Ju. Pavúk. Gliederung der Volutenkeramik in des Slowakei. ŠZ AUSAV, 9, Nitra, 1962, S. 5.

чает Р. Трингхэм (стр. 134—135). Здесь автор вновь подчеркивает, что не может считать открытые на поселениях линейно-ленточной керамики (прежде всего во Флорештах) ямы остатками домов земляночного и полуземляночного типа и что остатки обычных для этой культуры больших столбовых домов погибли вместе с эрозией верхнего слоя лёсса. Обратим внимание исследовательницы, что эти остатки могли быть разрушены и во время обитания на месте поселения Флорешты раннетрипольского населения.

Р. Трингхэм, разумеется, не могла в своей книге обойти вопроса о дальнейших судьбах наиболее восточной группы культуры линейно-ленточной керамики. Очень осторожно она говорит о большой изолированности от соседей, о сохранении культурной идентичности (стр. 136) и об известной амальгамации с культурой Дудешти на Нижнем Дунае, амальгамации, которая может быть прослежена на протяжении двух ступеней. Параллельную амальгамацию в Молдове видит автор книги между теми же элементами линейно-ленточной керамики и элементами Дудешти в переходной керамике, которую рассматривает как начальные стадии в развитии культуры Прекукутени (стр. 136—137). Со столь осторожно высказанной позицией автора, который не настаивает на обязательном боянском компоненте, пожалуй, следует согласиться.

Четвертая и последняя глава книги носит название «Экономическое развитие и древнейшее употребление металла» (стр. 146—215). Автор начинает ее с повторения одного из основных положений своей концепции о том, что со времени раннего неолита в Юго-Восточной Европе не происходило никаких миграций, а имела место лишь внутренняя эволюция, которой и обязаны своим возникновением все инновации, в том числе и металлургия. Археологические культуры, которые сложились в позднем неолите и энеолите Юго-Восточной Европы, «в действительности, только отражают региональную вариацию в керамике, в то время как остальная материальная культура сохраняла свое единообразие» (стр. 146). С подобным утверждением автора мы никоим образом не можем согласиться. Действительно, археологические культуры до сих пор лучше всего известны по керамическому материалу именно в силу обилия и разнообразия этого последнего и тех широких возможностей, которые он предоставляет для изучения. Но это вовсе не означает, что культуры различаются только по керамике, а не по целому комплексу признаков, включающих и орудия труда, и украшения, и характер построек. Иной вопрос — степень изученности некерамического инвентаря позднеолитических и энеолитических культур, которая далеко не всегда является достаточной для решающих выводов. С расширением масштабов раскопок на поселениях и увеличением количества материалов этот недостаток, надо надеяться, будет ликвидирован.

Р. Трингхэм справедливо отмечает для рассматриваемого периода увеличение плотности населения, бо́льшую стабильность и более постоянный характер поселений (базирующиеся, видимо, на больших количествах пищи и сырья, улучшении техники культивации зерновых и увеличении поголовья стад), усовершенствование техники изготовления керамики, особенно обжига, которое привело, по мнению Р. Трингхэм, к открытию плавки меди.

Далее Р. Трингхэм кратко описывает культуру Хаманджия (стр. 150—155) и культуры Боян — Марица — Гумельница (стр. 155—166). Естественно, что для нас наибольший интерес представляет изложение материалов культуры Кукутени — Триполье (стр. 166—179). Оно начинается с периода Прекукутени II, а не с Прекукутени I, может быть, потому, что этот последний недостаточно ясен автору или считается сомнительным. Совершенно справедливо подчеркивается разница в расположении поселений Прекукутени II (на высоких террасах речных долин и на краях плато) и поселений буго-днестровской культуры (на нижних террасах и на берегах рек), связанная с разными системами хозяйства этих двух культур. Тем не менее Кукутени — Триполье оказывало влияние на буго-днестровскую культуру поздних фаз развития, что и привело со временем к полной абсорбции последней.

Описание экономики раннетрипольской культуры в сравнении с культурой линейно-ленточной керамики и буго-днестровской сильно проигрывает, поскольку автору осталась неизвестной книга В. И. Цалкина «Древнейшие домашние животные Восточной Европы» (Москва, 1970 г.).

Не понятно, почему наличие кованых медных шильев квадратного поперечного сечения в комплексах фазы Прекукутени II и III и Триполья А должно свидетельствовать о прямом контакте с Нижним Дунаем (стр. 172). Ведь несколькими страницами ранее мы читали о том, что все инновации в этой среде были чисто местного характера.

Вновь противоречит себе Р. Трингхэм на стр. 172, когда говорит о диффузии с Нижнего Дуная комплекса элементов (треугольные наконечники стрел, выполненные техникой отжимной ретуши, кремневые серпы из медового цвета кремня из Добруджи, большие полые антропоморфные фигурки, красная ангобированная керамика, расписанная белыми тонкими линиями до обжига). Вернее, материал здесь решительно выступает против концепции автора.

В текст автора вкралось несколько досадных ошибок. Так, Р. Трингхэм, говоря о керамике с темно-красным лощеным ангобом, расписанной белой краской до обжига, ссылается на черепки из Новых Русешт (стр. 172, прим. 32). Эти черепки в действительности черные или серовато-белые, без ангоба, с белой или черной рос-

писью, как и описывает их В. И. Маркевич [15]. Комплексов Прекукутени III, насколько нам известно, в Южной Молдавии нет. Памятник Новые Русешты (одно из наиболее южных поселений раннего Триполья) нанесен на карте (рис. 31, стр. 173) неверно. Он расположен северо-западнее, равно как и Вулканешты, памятник культуры Гумельница, который находится в действительности юго-западнее точки, обозначенной на карте Трингхэм. Расстояние между ними по крайней мере в три раза больше, чем показано автором.

При описании культуры Триполья В — Кукутени А автор ограничивается керамикой, статуэтками и лишь несколько слов говорит об оборонительных сооружениях и трипольских домах. Роспись кукутенско-трипольской керамики автор склонен выводить из Трансильвании, так как в Молдавии для нее нет предшественников, а в культуре Турдаш — Петрешти имеются некоторые расписные черепки, хотя и совсем иного рода, чем в Триполье. Эта точка зрения известна нам по работам румынских археологов, хотя, как совершенно справедливо замечает автор, «трудно доказать, что трихромная керамика встречена в Трансильвании раньше, чем в Молдавии» (стр. 174). Трипольские дома Р. Трингхэм считает единообразными по форме и конструкции от Трансильвании до Днепра и рассматривает как каркасные, с относительно большими деревянными столбами и стенами из плетня, обмазанного довольно толстым слоем глины, покрывающим также пол из горизонтально положенных плах. Видимо, автору еще незнакомы сомнения, высказываемые по поводу подобной реконструкции трипольских площадок рядом археологов, настаивающих на отсутствии столбовых конструкций и стен из плетня, обмазанного глиной, равно как и обожженного глиняного пола [16].

Переходя к Западным Балканам, автор уделяет основное внимание культуре Винча — Плочник (стр. 180—185) и буквально несколько строк посвящает культурам Бутмир, Хвар и позднему неолиту Пелагонии (стр. 185). Последний имеет особую важность из-за установленных синхронизмов с поздним неолитом Фессалии. Как нам уже приходилось писать, основной поздненеолитический комплекс Породина может быть сопоставлен во времени с периодом Арапи в Фессалии, а материалы из Црнобуки — с Ларисой и Рахмани [17].

В разделе «Умеренная Центральная Европа» автор кратко рассматривает целый ряд культур бассейна среднего течения Дуная, в том числе культуры Тиса, Тисаполгар, Лендьел, накольчато-ленточной керамики. Этот раздел не кажется удачным. О культуре Тиса, ее специфике говорится явно недостаточно, керамика совсем не разобрана и плохо иллюстрирована. Так, на стр. 186 и дважды на стр. 188 автор ссылается на рис. 35, где изображены два сосуда культуры Тиса, причем далеко не самые характерные, тем более что один — импортный — происходит из памятника культуры Лендьел. Автор же ссылается на них в первом случае, как на сосуды Тисы II, во втором случае — как на сосуды группы Чёсхалом, в третьем — как на сосуды группы Херпай. Во всех трех случаях говорится о расписных сосудах, а на рисунке изображены сосуды с углубленным орнаментом. Вообще о группах Чёсхалом и Херпай, их отношении к культуре Тисы, характерных чертах, роли в последующем развитии не сказано почти ничего.

Раздел о культурах Тисаполгар — Бодрогкерестур сейчас, когда одновременно с книгой Р. Трингхэм вышел второй том труда И. Богнар-Куциан [18], кажется довольно бедным; в нем опущен целый ряд важных моментов для понимания истории Большой Венгерской низменности (Алфёлда). Бодрогкерестурская культура лишь затронута, хотя отмечено возрастание роли мелкого рогатого скота в составе стада, что объясняется первыми элементами диффузии на запад ямной культуры из южнорусских степей (стр. 190).

В разделе о культуре Лендьел не говорится ни слова о поселениях и могильниках этой культуры и совсем не упоминается группа Балатон, которая сменяет культуру Лендьел в Паннонии и существует там параллельно с культурой Бодрогкерестур в Алфёлде.

С интересом читается раздел о металлургии меди (стр. 195—205). Удивление вызывает лишь заявление автора, что клад Карбуна найден недалеко от поселения Гумельницы Вулканешты (стр. 203). Поселение раннетрипольской культуры Карбуна находится в действительности в 33 *км* (по прямой) от раннетрипольского поселения. Новые Русешты и в 120 *км* от гумельницкого поселения Вулканешты, т. е. в четыре раза ближе к раннетрипольскому поселению. Ориентацией на гумельницкое поселение автор, однако, хочет еще раз подчеркнуть более развитый характер гумельницкой металлообработки по сравнению с трипольской и сблизить с Гумельницей медные вещи из Карбуны, что не совсем верно.

---

[15] В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I, КСИА АН СССР, 123, М., 1970, стр. 61 и рис. 13, 10, 16.

[16] К. В. Зиньковский. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ. СА, 1973, 1.

[17] В. С. Титов. Неолит Греции. Периодизация и хронология. Канд. дис. М., 1966, стр. 402—409; его же. Неолит Греции. М., 1969, стр. 205—207.

[18] I. Bognar-Kutzian. The Early Copper Age Tiszapolgar Culture in the Carpatian Basin. Budapest, 1972.

Заключительный параграф главы призван доказать правомерность выбора 3000 г. как грани в истории первобытной Европы. Но именно для балканских и дунайских стран сделать это нелегко. Увеличение площади степных пространств, возрастание количества овец в составе стада, забрасывание ряда теллей, исчезновение пинтадер и антропоморфных фигурок, изменение в характере керамики — вот те изменения, которые называет Р. Трингхэм в качестве наиболее существенных. С частью из них можно и не согласиться. Прежде всего, это появление домашней лошади, исчезновение фигурок, решающие изменения в характере керамики. Изменения в характере культуры, появление новых культур в Юго-Восточной Европе — типа баденской и Чернаводы — вот, что характеризует новую эпоху в действительности, но то, что они начинаются около 3000 г. еще требует гораздо более стройной системы доказательств, чем система Э. Неуступного, из которой эта дата взята.

Книга иллюстрирована бедно. В основном рисунки давно известных сосудов, статуэток, орудий. Некоторые рисунки просто неудачны, как, например, рис. 9 на стр. 72 (реконструкция неолитического поселения в Каранове); рис. 13*е* на стр. 82 сделан плохо и явно будет не понятен незнакомому с материалом читателю. На картах имеются ошибки, на некоторые из них мы указали выше.

К книге приложены две схемы с радиоуглеродными датами и синхронистическая таблица, общая библиография (стр. 225—232), а также индекс (предметный указатель).

Подводя итоги, следует сказать, что английские студенты получили неплохой обзор неолитической и энеолитической истории Юго-Восточной Европы. То, что автор при этом делает упор на историю хозяйства, может восприниматься как положительный момент работы, хотя недостаток материала не всегда позволяет последовательно провести подобный анализ. Археологический материал изложен не всегда равномерно и на одном уровне. Однако общие тенденции развития выявлены верно. К сожалению, автор упорно избегает хронологических сопоставлений, а приводимая им хронология должна читателем восприниматься как априорная. Правда, в принципе она не вызывает значительных возражений. К сожалению, автор не счел нужным остановиться на социальном строе носителей рассматриваемых культур, хотя бы в той мере, которую позволяет накопленный в настоящее время археологический материал.

В. С. Титов

T. Sulimirski. The Sarmatians. New York — Washington, p. 267, 1970.

Книга известного английского археолога польского происхождения посвящена истории и культуре ираноязычного, в основном кочевого, народа древности. Сарматы, родственные скифам, сыграли значительную роль в истории южных областей Евразии, оставив заметное культурное наследие. Однако лишь за последние десятилетия им стали уделять должное внимание. Появилось много исследований, особенно в СССР, а также в Венгрии и других странах Средней Европы. Сравнительно недавно накопленные археологические материалы позволили значительно дополнить и уточнить сообщения древних авторов об этом народе. Книга Т. Сулимирского написана на основании этих достижений археологии в исследовании сарматской проблемы. Автор рассматривает происхождение сарматских племен, пытается определить, какие археологические памятники оставлены ими, изучает расселение этих племен от степей Казахстана до бассейна Дуная и проникновение отдельных военных отрядов во Францию и Испанию, развитие сарматской культуры. Вопросы происхождения сарматов, сложения их культуры в VII—VI вв. до н. э. (ранние сарматы или савроматы) излагаются в основном по новым данным советских археологов. Согласно им, многочисленные сарматские племена сложились на основе ряда племен эпохи бронзы (андроновской и срубной культур) в Нижнем Поволжье и Казахстане. Автор рассматривает формирование сарматской культуры на широком фоне археологических культур Южной Сибири и Средней Азии, идентифицируя племена этих культур с народами древности, описанными Геродотом и другими античными авторами. Эти идентификации не всегда удачны и, конечно, дискуссионны; иногда им придается слишком абсолютное значение. Нижнее Поволжье и Казахстан рассматривается как родина наиболее ранних сарматских племен, что соответствует археологическим данным. Автор на основании письменных и археологических источников правильно характеризует образ жизни и кочевой быт сарматов, их экономику, социальную жизнь и военное дело.

Выделяя савроматов как предшественников сарматов, на базе которых возникли различные сарматские племена (аорсы, сираки, роксоланы, языги и аланы), Т. Сулимирский разделяет все историческое развитие собственно сарматов и их культуры с IV в. до н. э. на три периода: ранне-, средне- и позднесарматский. В основу этой периодизации положена периодизация, созданная по археологическим данным советскими исследователями. Определенные группы сарматских памятников, выделенные советскими археологами, считаются оставленными конкретными племенами

письменных источников, что не всегда убедительно. Описывая последовательное расселение различных сарматских племен, автор придает решающее значение в нем внешнему фактору — военнополитическому движению на Востоке, в Средней Азии, в частности деятельности гуннов. Внутренние причины развития сарматских племен, заставлявшие их передвигаться в основном в западном направлении, автором совершенно не вскрываются и не учитываются. История сарматов на территории Северного Причерноморья, особенно ее начальный период, излагается подробно, но в несколько искаженном виде. Так, мало убедительно по археологическим данным слишком раннее массовое проникновение сюда древних сарматов-носителей прохоровской культуры и господство здесь неких «скифо-сарматов» уже с IV в. до н. э. Некоторые группы памятников Северного Причерноморья недостаточно убедительно связываются с сарматами. В целом правильно описывается взаимоотношение сарматов с другими племенами Северного Причерноморья и его античными городами-колониями. Подробно освещается вопрос об исторической роли сарматов в Средней Европе, особенно в Подунавье, на границах с Римской империей. Кроме подробного привлечения письменных данных автор использует главным образом исследования по сарматам Венгрии и в меньшей степени румынские памятники. Взаимоотношения сарматов с германскими племенами, римлянами, гуннами реконструируются главным образом по письменным источникам, археологические же свидетельства привлекаются весьма субъективно. Неубедительны многие филологические сравнения и этническая идентификация. Так, например, весьма сомнительны сарматские элементы в Польше и в Англии, а также некоторые лингвистические сравнения. Сарматское происхождение ряда славянских народов, например, антов, сербов и хорватов, остается недоказанным.

В целом же книга Т. Сулимирского, представляющая собой первую попытку в одной обобщающей работе изложить весь процесс исторического развития этого огромного массива ираноязычных племен и подробно изучить развитие их своеобразной культуры, весьма полезна и является определенным вкладом в изучение сарматов. Книга богато иллюстрирована рядом сарматских комплексов и историческими картами.

К. Ф. Смирнов

А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., «Наука», 1971, стр. 169.

Потребность в подобной монографии ощущалась давно. Во-первых, потому что хорошо были исследованы только ранние категории сарматского вооружения [1], в то время как оружию последних веков до нашей эры и первых четырех веков нашей эры уделялось недостаточное внимание, а специальные работы по истории сарматского военного искусства вообще отсутствовали. Во-вторых, потому что все эти вопросы актуальны не только для сарматоведов, они важны также для специалистов по археологии Средней Азии, Ирана, Кавказа, евразийских степей и Восточной Европы.

При написании подобных монографий можно избрать два пути: ограничиться тщательным формально-типологическим и хронологическим анализом материала; пойти по пути максимального историзма и изучении даже отдельных категорий вооружения и динамики их эволюции. Автор рецензируемой работы пытался сочетать формально-типологический анализ с широкими историческими построениями. Думается, что в данном случае такая методика оказалась вполне успешной и позволила заполнить ряд лакун в сарматском оружиеведении, вызванных нехваткой фактического материала, а также объяснить ряд явлений, до этого оставшихся непонятными. В то же время она неминуемо привела к появлению в работе ряда положений, на сегодняшний день еще во многом остающихся чисто гипотетическими или просто спорными.

В главе I рассмотрены мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Помимо общей характеристики типа в ней исследованы вопросы, связанные с происхождением, хронологией, территорией распространения этих категорий оружия. Особо описаны ножны и способы ношения подобных мечей и кинжалов. Автор убедительно доказал параллельность развития мечей с кольцевым и серповидным навершием у сарматов Поволжья и Приуралья, что до недавнего времени оспаривалось некоторыми специалистами [2]. Очень интересно его мнение, что мечи с кольцевым навершием доживают у сарматов по крайней мере до III в. (стр. 12). В настоящее время оно не может быть подтверждено окончательно, но автор впервые обратил внимание на то, что на соседних с сарматами территориях такие мечи доживают даже вплоть до раннего средневековья. Значительно больше колебаний проявляет А. М. Хазанов в вопросе о генезисе подобных мечей и кинжалов. По-видимому, в настоящее время этот вопрос еще не может быть решен сколько-нибудь твердо из-за недостатка материала. К сводке мечей и кинжалов с кольцевым навершием, приводимой в конце книги, можно было

[1] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961.

[2] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 460.

бы прибавить еще несколько неопубликованных экземпляров, хранящихся в различных музеях Грузии.

Глава II посвящена мечам и кинжалам без металлического навершия [3]. Очень хорошо и основательно разобран сложный вопрос об их генезисе. Автор выделяет пять типов мечей и кинжалов. С формально-типологической стороны он прав, но целесообразность выделения типа 4, представленного всего одним экземпляром, вызывает сомнение. Удачно прослежена судьба мечей без металлического навершия в послесарматское время. Много оригинального и нового содержит раздел о способах их ношения.

Нельзя согласиться с А. М. Хазановым, исключившим из районов распространения длинных мечей Скифию (стр. 17—18). На территории Северного Причерноморья, как убедительно показали последние находки, длинные мечи появляются еще в предскифское время. В комплексах скифского времени их найдено не меньше, чем у савроматов. И уж безусловно их на территории Украины известно намного больше, чем в Средней Азии (включенной автором в ареал распространения длинных мечей).

В главе III исследованы луки и стрелы. Относительно луков автор развивает уже высказывавшиеся им ранее взгляды о происхождении луков «гуннского» типа от луков «скифского» типа и об общем ходе эволюции этого вида оружия на Переднем Востоке и в евразийских степях [4]. Именно подобный широкий подход к материалу позволил ему удачно решить ряд проблем, связанных с сарматскими луками, в частности их отношение к скифским, иранским и гуннским.

В целом удачно прослежена эволюция сарматских железных черешковых наконечников стрел и их типология. Однако нам кажется, что ряд моментов здесь несомненно потребует уточнений и дополнений в будущем. Некоторые типы наконечников выделены на слишком ограниченном материале (стр. 38). Жаль, что автор ограничился рассмотрением только железных черешковых наконечников стрел, оставив в стороне железные втульчатые наконечники.

Глава IV посвящена копьям и остальным видам наступательного оружия. Наиболее оригинален здесь раздел, посвященный копьям. Автор выдвинул интересное предположение о связи между некоторым укорочением мечей у сарматов в сусловскую эпоху и распространением в это же время длинных всадниических пик. Отсутствие же копий в погребальных комплексах Поволжья он считает возможным связывать с особенностью погребального ритуала, который, видимо, отличается от кубанского.

В главе V рассмотрено оборонительное вооружение. После описания немногочисленных панцирей раннесарматского времени [5] автор помещает раздел о ранней истории металлического доспеха. Используя здесь в общем те же материалы, что и я [6], А. М. Хазанов приходит к выводу о появлении древнейших пластинчатых панцирей не на территории Египта или Сирии, а на территории Мессопотамии (стр. 54). Оспаривая мое мнение о появлении подобных панцирей на территории Египта и Сирии, А. М. Хазанов не смог привести в пользу своего мнения сколько-нибудь существенных доводов, кроме общего замечания о том, что оружие и военное искусство этих районов «несколько опережали египетское». Очень интересна полная подборка материалов о ранней истории кольчуги.

Глава VI, посвященная войску и военному искусству сарматов на всем протяжении их исторического существования,— итоговая. Автор выделяет два больших периода в истории сарматского военного дела — VI—II вв. до н. э. и I в. до н. э.— IV в. н. э., считая одновременно I в. до н. э.— I в. н. э. переходным временем между двумя периодами.

Эта глава является важнейшей частью работы. В ней автор на основании синтеза разнообразных археологических и письменных источников, широко привлекая памятники изобразительного искусства, дал полный очерк истории их военного дела. Подробно разбираются в главе состав войска, стратегия и тактика, принципы комплектования, вооружение, связь изменения последнего с определенными тактическими приемами.

Безусловно справедливо отмечена большая близость военного дела у скифов и сарматов на протяжении первого периода. Однако в этом разделе есть и такие вопросы, с которыми нельзя согласиться. На мой взгляд, А. М. Хазанов несколько переоценивает роль длинных мечей в составе сарматского вооружения. Неизвестно, на каких материалах основан вывод о нахождении большей части массивных всадниических копий, достигавших в длину 3,5 *м*, в погребениях богатых воинов (стр. 69). Ав-

---

[3] Вряд ли стоило выделять в особый раздел вопрос о ножнах и способах их ношения. Ведь по замечанию самого автора, они «мало чем отличались от ножен мечей других типов» (стр. 24).

[4] А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб. «Материальная культура народов Азии и Казахстана». М., 1966.

[5] Вряд ли стоило разрывать описание ранних и более поздних сарматских панцирей рассказом о ранней истории металлического доспеха. На мой взгляд, неоправдано включение разделов о происхождении и исторических судьбах различных видов оружия в главы, где рассматривается их типология. Более естественным было бы вынесение всех этих разделов в особую главу.

[6] Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 133—148.

тор отмечает находку в погребениях 21 экз. копий. Из них о восьми (стр. 120—121) известно только упоминание в литературе или то, что они найдены в обломках. Из остальных только 2 экз. могут быть названы массивными (длина 41—44,2 *см*). Все прочие имеют размеры от 15 до 29,5 *см*. Вспомним, что вывод автора о распределении длинных копий основан только на памятниках изобразительного искусства (стр. 49). А самый длинный экземпляр копья, найденный при раскопках, достигал всего 2,5 *м* (стр. 49).

Основное внимание в главе, естественно, уделяется главной проблеме истории сарматского военного искусства — появлению катафрактариев. И здесь автор смело выходит за пределы собственно сарматского материала, обращаясь к военной истории Ирана, Средней Азии, Греции и других стран. Именно такой подход позволил ему вывести проблему из того тупика, в котором она долгое время находилась.

Хочется обратить особое внимание на очень четкое определение самих катафрактариев, которое должно помочь избежать в будущем той путаницы понятий, которая царила в этом вопросе еще недавно. Несмотря на то что все основные виды оружия катафрактариев, средства защиты и нападения, средства защиты боевого коня были известны задолго до их появления, возникновение такой конницы было важнейшим шагом в развитии военного искусства. На мой взгляд, не будет преувеличением, если это событие называть даже не реформой, как это делает автор (стр. 71), а революцией в военном деле. А всю огромную важность этого явления автор показал очень убедительно.

Великолепны страницы работы, посвященные развитию тяжелой конницы на Востоке и влиянию катафрактариев на военное искусство римлян. Автор прав, датируя появление катафрактариев I в до н. э.— I в. н. э. (стр. 80—81). Уделив большое внимание катафрактариям, автор не забывает и об основной массе сарматского войска — легковооруженной коннице, ее оружии и тактике.

В последней главе затронут также ряд важных вопросов о социальной истории сарматов. Очень интересны мысли автора о характере сарматских племенных объединений, особенно сиракского и аланского, о социальной дифференциации сарматского общества и т. д.

Заметное место в работе занимают приложения. Здесь приведены таблицы, представляющие собой сводки известного оружиеведческого материала. К сожалению, эти сводки не полны. В них не вошли многие новые находки. Но это следует объяснить, очевидно, только тем, что рукопись работы очень долго «гостила» в издательстве. Неясно, почему в приложениях нет сводок защитного оружия. Вряд ли это можно объяснить только недостатком места. Поместить эти сводки можно было хотя бы за счет изъятия перечня пряжек и бус (приложение № 2, 3), вовсе не обязательных в работе. Книга неплохо иллюстрирована художником М. В. Гореликом, но в ней мало фотографий, а немногие имеющиеся выполнены недостаточно качественно.

Отмеченные выше частные и общие недочеты работы ни в коей мере не могут повлиять на ее очень высокую оценку. Автор сумел собрать и тщательно систематизировать большой и принципиально важный материал, разбросанный во многих сотнях работ, хранящихся в десятках музеев. Такая глубокая проработка материала позволила А. М. Хазанову сделать многие интересные выводы, касающиеся не только эволюции оружия и развития военного дела вообще, но и важнейших вопросов социальной организации сарматов. Безусловно, появление этой работы следует всячески приветствовать, отмечая ее как одно из выдающихся достижений советского оружиеведения.

Е. В. Черненко

* * *

Книга А. М. Хазанова безусловно интересна и полезна не только для археологов, но и для этнографов, специалистов по древней истории юга нашей страны и сопредельных областей. Отмеченная печатью эрудиции автора, базирующейся на скрупулезной проработке обширного археологического материала, внимательном анализе античных письменных свидетельств, умелом использовании этнографических параллелей, прекрасной ориентированности в отечественной и зарубежной специальной литературе, она представляет собой первую (и вне всяких сомнений удачную в целом) попытку обстоятельно охарактеризовать не только комплекс вооружения сарматов II в. до н. э.— IV в. н. э., но и их военное искусство и организацию войска. Сразу же подчеркнем, что решение этой задачи не является для автора самоцелью, а служит новым важным средством для раскрытия той значительной роли, которую довелось сыграть в истории сарматам. Наши последующие суждения позитивного и критического свойства мотивированы глубокой симпатией именно к этому аспекту основного содержания работы и пониманием сложности интерпретации тех вопросов, которые поставил перед собой А. М. Хазанов.

Краткое, но емкое по смыслу предисловие вводит в проблематику исследования и раскрывает методические принципы, которыми руководствовался автор при разработке поднятых вопросов. Учитывая, что среди читателей книги будут не одни сарматоведы и даже не только специалисты по истории раннежелезного века степей Юго-Восточной Европы, было бы, очевидно, целесообразно дать в предисловии четкую пе-

риодизацию истории и культуры сарматов, ибо в основном тексте книги часто употребляются без хронологических определений такие узкоспециальные понятия, как прохоровское, раннесарматское, сусловское, среднесарматское, шиповское, позднесарматское время (нередко и прохоровская, сусловская, шиповская культуры).

В первой главе, посвященной мечам и кинжалам с кольцевым навершием, А. М. Хазанов учел 170 находок этого типа вооружения, тщательно проанализировал их. С доступной на сегодняшний день обстоятельностью он обосновал версию Гинтерса и К. Ф. Смирнова о происхождении меча с кольцевым навершием от акинаков с антенным и производным от него зооморфным навершием, широко распространившихся в скифо-сарматском мире со второй половины VI в. до н. э.; уточнил вопросы хронологии и территории распространения мечей и кинжалов с кольцевым навершием.

Этот добротно написанный раздел нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях и дополнениях.

Мы не стали бы пока стремиться к установлению определенного центра появления прямых прототипов кольцевого навершия. А. М. Хазанов, вероятно, прав, считая, что процесс развития этих мечей «протекал на всей территории расселения сарматов» (стр. 8), и отдавая исконно сарматским областям Северного Прикаспия лавры первенства, как территории, где окончательно сложился этот тип оружия. Но преждевременно ставить знак равенства между областями господства классической формы и бытования ее прототипов. Едва ли случайно, что из семи акинаков-«прообразов», собранных в книге А. М. Хазанова, только два, и причем хронологически самые поздние (с. Осьмушкино, конец V—IV в. до н. э.; Алебастрова гора — IV в. до н. э.), найдены в землях савроматов, а остальные — к западу от них (один в Нижнем Подонье, три в Крыму и один на Украине). К числу таких прототипов (даже если не считать сомнительный ушаковский меч) нужно отнести также два северокавказских: кисловодский (А. М. Хазанов знает его, но датирует неточно) [1] и нальчикский [2] акинаки V в. до н. э. Нелишним, возможно, будет напомнить здесь и о двух случаях, когда северокавказские бронзовые навершия рукоятей мечей начала V в. до н. э., подражающие кочевническим зооморфным, но в весьма вольной трактовке (Фаскау [3], Ани-Ирзо [4]), дают соединение зооморфно оформленных антенн, что с очевидной долей условности также можно считать шагом к выработке кольцевого навершия. Все эти факты требуют соответствующей оценки и, думается, не исключают возможности поисков первоначальных прототипов кольцевого навершия вне собственно савроматских, но в тесно связанных с ними областях. К этому и склонялся в свое время К. Ф. Смирнов [5], мнение которого пока что остается неопровергнутым.

Интересен и в целом доказателен этюд о динамике распространения мечей и кинжалов с кольцевым навершием. Но вывод о времени и условиях появления их у приманычских сираков (стр. 10) не убеждает, так как зиждется всего лишь на двух малозначимых в этом контексте находках. Верно, что подавляющее большинство северокавказских мечей и кинжалов с кольцевым навершием найдено в Прикубанье. Однако мнение об их единичности на восток от Кубани (стр. 10) можно отнести на счет слабой изученности здесь соответствующих памятников. Во всяком случае, к известным А. М. Хазанову находкам у г. Моздока, селений Кобань, Бамут, Карабудахкент мы можем добавить мечи из аборигенных погребений у с. Вольный Аул (Кабардино-Балкария) [6], у с. Хасаут (район г. Кисловодска) [7] и, возможно, с. Нижний Чегем (Кабардино-Балкария) [8], а также ножи с кольцевым навершием из Таркинского могильника [9].

---

[1] В статье, предшествовавшей книге, А. М. Хазанов вслед за В. П. Шиловым допускал, что кисловодский меч мог происходить из погребения сарматского времени (см.: А. М. Хазанов. Сарматские мечи с кольцевым навершием. СА, 1967, 2, стр. 176). Теперь он отвергает такую возможность, но датирует этот меч неопределенно: «не позднее III в. до н. э., а может быть... и еще более ранним временем» (стр. 8).

[2] В. Б. Виноградов. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. Уч. зап. КБНИИ, XXV. Нальчик, 1967, стр. 129, рис. 6, *5*.

[3] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. 30, *1*.

[4] А. А. Спицын. Медная оправа кинжала из Терской области. ИАК, 4, 1902, стр. 132—135; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 1, *1*.

[5] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 30.

[6] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 165, рис. 46, *2*; В. Б. Виноградов. Археологические памятники..., стр. 140, рис. 4, *1*.

[7] В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, 3. Грозный, 1969, стр. 117, рис. 16, *75*.

[8] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 141, рис. 6, *2*. В этой статье опубликован и еще один кинжал якобы с кольцевидным навершием (рис. 6, *6*). Оказалось, что это ошибка. Очистка от ржавчины выявила бабочковидное перекрестие у этого акинака, и, следовательно, полностью не уцелевшее навершие его было скорее всего антенным.

[9] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки. МИА, 23, 1951, стр. 259 сл.

Своеобразные черты ножей и кинжалов с кольцевым навершием из Мингечаурских погребений I в. до н. э.— I в. н. э. позволили А. М. Хазанову посчитать их сделанными на месте по сарматским образцам. Еще в большей мере такая характеристика отвечает только что упомянутым таркинским ножам. Исключение среди полутора сотен точных аналогов по форме составляют моздокский и бахрейнский кинжалы, навершия и перекрестия которых изготовлены из бронзы. Все эти «отклонения от стандарта», связанные с периферией сарматского влияния, известны автору, но попытки осмысления они не повлекли. В этой связи интересно заметить, что среднеазиатские Лявандакский и Агалык-Сайский сарматоидные могильники принесли находки мечей, отличающихся от собственно сарматских навершиями в виде круглой пластинки [10]. Такое же навершие зафиксировано и у кинжала из Ольвии [11]. Сказанного довольно, чтобы впредь внимательно регистрировать такие пограничные исключения из общих правил, усматривая в них местные модификации сложившегося типа сарматского оружия.

Во второй главе книги детально рассматриваются мечи и кинжалы без металлического навершия. Анализ их выдержан в том же плане и также весьма хорош, хотя и оставляет место ряду замечаний.

Непонятны попытки противопоставления этих мечей II—IV вв. ранее описанному типу: «В отличие от последних они встречаются только в мужских погребениях» (стр. 15). О каком принципиальном отличии можно тут говорить, если, по подсчетам самого А. М. Хазанова, и клинки с кольцевым навершием встречены лишь в четырех женских могилах (стр. 15)? К тому же вопреки малообоснованным сомнениям автора женскими нужно считать и два сарматских комплекса, принесших меч и кинжал без навершия (курган Е25/22 у хут. Шульц и погребение близ слободы Котово), а в соседних районах Казахстана и Средней Азии такие клинки не раз найдены в женских могилах [12].

Осторожно следует отнестись и к вскользь брошенному замечанию о меньших размерах кавказских мечей по сравнению с североприкаспийскими (стр. 15). Оно порождено тем, что вне сводки А. М. Хазанова остались мечи из Гунийского, Лехкч-Кортовского, Агишбатоевского (все они свыше 80 *см*), Клин-Ярского № 3 (длина 104 *см*) могильников и Балкарского ущелья (длина 97 *см*) [13].

Сводка кинжалов, имеющих боковые вырезы у пяты клинка для прикрепления перекрестия, может быть дополнена последними находками в Харачоевском (один экз.) [14] и Лехкч-Кортовском (два экз.) [15] могильниках в Чечено-Ингушетии, что подкрепляет высказанное мнение об их северокавказском происхождении [16], с чем согласен и А. М. Хазанов (стр. 24). Важно подчеркнуть, что по крайней мере один из этих новых кинжалов по комплексу сопутствующих вещей и соображениям стратиграфического порядка твердо датируется III в. (погребение № 2 Лехкч-Кортовского могильника), чем еще раз доказывается появление их именно в сарматское время, хотя основная масса таких кинжалов относится к IV—VI вв.

Скромный же список савроматских и подражающих им прототипов позднесарматских клинков без навершия (он насчитывает по А. М. Хазанову всего семь находок) станет несколько представительнее, если пополнить его сообщением об акинаках V в. до н. э. из кобанских погребений у ст. Подкумок (близ Кисловодска) и селения Шали (Чечено-Ингушетия), отмеченных следами влияния кочевнических культур [17].

Если исконно сарматское происхождение мечей и кинжалов без металлического навершия можно считать доказанным после выхода в свет книги А. М. Хазанова, то в вопросе савроматского приоритета по части выработки длинного меча (стр. 17—18) мы сегодня воздержались бы от категорических заключений. И дело тут не только в том, что одновременно с савроматами длинные мечи (свыше 70 *см*) стали употреблять, как признает автор, меоты Прикубанья и обитатели некоторых районов Средней Азии. Настораживает другое: в обширной савроматской коллекции этого вида наступательного оружия длинные мечи насчитывают всего 12 экземпляров, причем толь-

---

[10] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, 2. Ташкент, 1961, стр. 131, рис. 8; его же. Погребение сарматского типа под Самаркандом. СА, 1967, 2, стр. 185, рис. 3, *1*.

[11] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 78, рис. 34.

[12] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. АН КазССР, сер. археол., 1948, 1, стр. 60; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Изв. АН КиргАССР, сер. общ. н. Фрунзе, 1961, III, 3, стр. 63.

[13] В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Ук. соч., стр. 120, рис. 7, *1*; В. Б. Виноградов. Археологические памятники..., стр. 143; Мечи из селения Гуни и Лехкч-Корта не опубликованы. Они найдены в раскопках 1967 и 1968 годов.

[14] В. Б. Виноградов. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне. СА, 1970, 2, стр. 245, рис. 2, *21*.

[15] Раскопки В. Б. Виноградова в Чечено-Ингушетии в 1967 г. Материалы не опубликованы.

[16] В. Б. Виноградов. Сарматы..., стр. 92.

[17] В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 19, *1*; 35, *1*.

ко три-четыре из них относятся ко времени ранее IV в. до н. э. Но ведь и в Скифии, по подсчетам А. И. Мелюковой (а они сделаны 10 лет назад), известно 15 мечей, длина которых превышает 70 *см* [18]. Были длинные мечи и у киммерийцев — предшественников скифов и савроматов в степях Восточной Европы. На это намекали массивные бронзовые рукояти с крестовидными перекрестиями, которые могли соответствовать только длинным рубящим биметаллическим мечам [19], а также изображения конных киммерийцев, вооруженных длинными мечами, на знаменитом саркофаге из Клазомен [20]. Об этом прямо свидетельствуют биметаллические мечи из Киевского музея и последних раскопок А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской на Субботовском городище (длина соответственно 73 и 108 *см*) [21]. В свете изложенного позиции савроматов теряют ореол предпочтительности, уступая место более общему тезису: выработка длинного меча у народов Евразии повсеместно сопутствовала расцвету всадничества и войн. Иное дело беспрерывность развития длинного меча у сарматов, мотивированная конкретными причинами. Она очень убедительно раскрыта в рецензируемой книге.

Этюд о луках представляет собой несколько отредактированное извлечение из прежде опубликованной специальной статьи А. М. Хазанова [22], по сравнению с которой он, на наш взгляд, потерял исчерпывающую историографичность и приобрел категоричность ряда суждений, не всегда достаточно мотивированную конкретным контекстом.

Автор убедительно показал оснащенность сарматов до начала новой эры сложными луками так называемого скифского типа. Прав он и в оценке той роли, которую сыграл «скифский» лук в военном и охотничьем обиходе соседей и партнеров ираноязычных кочевников южнорусских степей, начиная со времени киммерийско-скифских походов (стр. 29—30). Последнее мы готовы подтвердить фактами из истории вооружения кобанских племен Центрального Кавказа. Вплоть до VII в. до н. э. кобанцы использовали иные луки, близкие, очевидно, передневосточным образцам. Об этом свидетельствуют находки бронзовых черешковых стрел, аналогичных закавказским (Сержень-Юртовское, Бамутское поселения), изображения лука на раннекобанском топоре [23] и ранних поясах из Тлийского могильника [24]. Но не позднее конца VIII в. и особенно в VII в. в местных древностях появляются и скоро утверждают свое господство кочевнические типы наконечников стрел, которым должны были соответствовать и луки «скифского» типа. Наличие таковых у кобанцев блестяще аргументируется графическими и скульптурными изображениями: типично «скифские» луки вложены в руки охотников, выгравированных на поясах из погребений 74 и 76 Тлийского могильника [25], «скифский» лук держит воин-охотник, бронзовая скульптура которого найдена в Аргунском ущелье [26]. Они датируются уже скифским временем.

По мнению А. М. Хазанова, «скифские» луки и стрелы обязательно были невелики («все они небольшие, длиной не свыше 80 *см*», «размеры подобного лука невелики... 60—80 *см*», «длина стрел едва ли многим превышала 60 *см*» и т. д.). Едва ли это бесспорная трактовка. Напомним, что К. Ф. Смирнов на основании соотношения длины стрелы и лука на оренбургской бляшке пришел к заключению, что савроматские луки имели длину **не менее 80*см***[27]. А. И. Мелюкова, полемизируя с мнением о малых размерах «скифского» лука, привела ценные доводы в пользу значительно большей длины его, а именно до 1 *м* и, возможно даже (если судить по некоторым изображениям в росписи греческих ваз), чуть больше [28]. С ней согласился Б. А. Литвинский [29]. На упомянутых тлийских поясах, изображения которых реалистичны и проникнуты вниманием к деталям и пропорциям, «скифские» луки в руках пеших охотников имеют длину, приближающуюся к двум третям человеческого роста. Под стать им размеры горитов и стрел в колчанах. Важно заметить, что на одном из этих поясов изображен

---

[18] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, стр. 46.

[19] Эта мысль была сформулирована В. Б. Виноградовым в докладе, прочитанном на секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 27 июня 1970 г. при обсуждении рукописи его монографии.

[20] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 57, рис. 2.

[21] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961; о последней находке на Субботовском городище нам любезно сообщил А. И. Тереножкин.

[22] А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 29—44.

[23] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 20, рис. 23.

[24] Б. В. Техов. Бронзовые пояса Центрального Кавказа. ИЮОНИИ, XIII. Цхинвали, 1964, стр. 272—294, рис. 7.

[25] Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 284—294, рис. 13, *1;* 16, *1—2.*

[26] В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 61.

[27] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 32.

[28] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 14—15.

[29] Б. А. Литвинский. Сложносоставный лук в древней Средней Азии, СА, 1966, 4, стр. 53.

и всадник, оснащенный «скифским» луком. Вот у него-то лук и стрелы невелики и существенно отличаются в размерах от вооружения пеших стрелков. Мы считаем, что нет оснований настаивать на обязательной миниатюрности «скифских» луков, размеры которых могли заметно варьировать в зависимости от «рода войск» (кавалерия, пехота) и их назначения (охота на мелкую или крупную дичь, стрельба по слабозащищенной или облаченной в панцирь цели). Признание же факта существования больших «скифских» луков (пусть и в довольно ограниченном числе) объективно свидетельствует в пользу последующих построений А. М. Хазанова о луках так называемого гуннского типа, появившихся у сарматов в первые века н. э.

Можно считать, пожалуй, что после выхода рецензируемой книги версия об исключительно гуннском характере всех находок в Европе этого более совершенного лука станет достоянием историографии [30]. Однако не одной справедливости ради (хотя и этого достаточно), а в целях более основательного доказательства истины хотелось бы сказать, что мнение А. М. Хазанова возникло и окрепло не на пустом месте. Исключительно ценные находки и предварительные суждения В. П. Шилова [31] и С. С. Сорокина [32] открыли ему дорогу, а обстоятельная и хорошо аргументированная статья Б. А. Литвинского [33], опубликованная одновременно с названной выше статьей А. М. Хазанова, бесспорно придала автору больше уверенности, что отразилось в формулировке некоторых фраз третьей главы. Но к сожалению, в книге мы не находим (за исключением мимолетной ссылки на работу Б. А. Литвинского) должной оценки этих важных и, разумеется, не во всем безукоризненных шагов в разработке сложного и окончательно не решенного вопроса происхождения и генезиса «гуннских» луков у различных групп населения Евразии. И это безусловно обеднило работу.

Страницы, посвященные анализу сарматских стрел и колчанов, полностью удовлетворяют нас, хотя данные последних наших раскопок Ханкальских городища и могильника позволяют вновь подтвердить мысль о консервативности вкусов аборигенов, подвергшихся сарматскому влиянию (у них вплоть до I в. господствуют втульчатые наконечники стрел и есть даже площики, в то время как у сарматов, по верному наблюдению А. М. Хазанова, «к I в. до н. э. железные трехлопастные черешковые наконечники вытеснили все остальные», стр. 37).

В короткой четвертой главе охарактеризована роль копий, дротиков, арканов, топоров и секир в вооружении сарматов. Здесь фактическая база очень скудна, но автор полностью мобилизует ее, предлагая остроумные толкования наличных данных. Так, интересен экскурс в античные письменные источники, служащий обоснованию большей роли копья и пики у сарматов, чем это может показаться на основании археологических находок (стр. 44). Нам кажется приемлемым и объяснение факта временного господства короткого меча (I в. до н. э.— I в. н. э.) как следствия широкого распространения копья у сарматских наездников. Мы разделяем и тезис о значительном влиянии культур Северного Кавказа на этот вид сарматского оружия. Эта мысль находит подтверждение в том, что именно в кобанских и соседних им кочевнических памятниках, начиная по крайней мере с V в. до н. э., появляются (на фоне обычных крупных) поистине огромные наконечники копий (Бамутский курган № 5—64 *см*; погребение № 61/125 Лугового могильника — 66 *см;* Алдынский курган — 50 *см* и т. д.) [34], которые не могли не сыграть роль прототипов в материальном воплощении той идеи длинной и массивной пики, без которой немыслима конница катафрактариев.

Также невелика по объему, но содержательна и пятая глава, в которой рассматривается состав и генезис сарматского доспеха. Последний, вплоть до появления тяжелой конницы, занимал у сарматов куда более скромное место, чем, например, у их западных соседей скифов, от которых он во многом и зависел. Тем не менее внимание автора к его предыстории вполне закономерно: наличие в первых веках новой эры у сарматов панцирной конницы катафрактариев, засвидетельственной письменными

---

[30] Впрочем, возможны еще и вспышки полемики. Так, например, А. М. Хазанов убежден, что «считать I—II вв. н. э. временем появления гуннов в Нижнем Поволжье нельзя» (стр. 32). Но известны работы, авторы которых придерживаются прямо противоположной точки зрения (Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 24—25; Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 152 сл.; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. Ранние булгары на Северном Кавказе. Сб. «Из истории Карачаево-Черкесии». Ставрополь, 1970, стр. 337—343 и др.). Очевидно, было бы резонно аргументированно отвести эти гипотезы.

[31] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 496.

[32] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. СА, XXVI, 1956, стр. 108.

[33] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 51—69.

[34] Р. М. Мунчаев. Раскопки Бамутских курганов в 1965 г. АЭС, 2. Грозный, 1968, стр. 142; его же. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 182, рис. 27, *1*; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 57, рис. 22.

источниками и изображениями, обязательно подразумевает в будущем резкий рост находок воинского и даже конского доспеха в могилах сарматской знати, причем не только в Прикубанье, где они уже известны. В этом смысле глава об оборонительном оружии сарматов, написанная А. М. Хазановым, в немалой мере адресована будущему. На наш взгляд, она является дополнением к весьма интересному и зрелому монографическому исследованию скифского доспеха, проведенному на очень широком сравнительном фоне Е. В. Черненко [35]. В печатном отзыве А. М. Хазанов анонсировал наличие ряда разногласий между ним и Е. В. Черненко, отослав читателя к рецензируемой нами книге [36]. Признаться, мы не видим основы для принципиальных споров. Кое-какие суждения А. М. Хазанова по части типологии, оценки сравнительных достоинств и недостатков панцирей различных типов, вопроса о первоначальном месте появления пластинчатых доспехов производят впечатление более или менее вероятных при сравнении с выводами Е. В. Черненко. Но не более того. В целом же обе работы взаимно дополняют и подтверждают друг друга, являясь первыми попытками глубокого изучения кочевнического доспеха Восточной Европы.

Сведениями о сарматских шлемах и щитах завершается источниковедческая часть книги А. М. Хазанова. В целом она, повторяем, производит хорошее впечатление. Отсутствие в ней (пусть самых кратких!) данных о сарматской конской сбруе, оселках, бронзовых котлах как обязательных атрибутах воинского снаряжения номадов, а также местами очень заметные редакционные погрешности, порождающие некоторую противоречивость и недостаточную четкость ряда формулировок, ни в коей мере не меняют положительной оценки проделанной автором работы. Исключительно полезны и приложения, содержащие ценные справочные сведения.

Однако самой сильной в книге А. М. Хазанова нужно признать итоговую шестую главу «Войско и военное искусство сарматов».

Автор выделяет два периода в истории военного дела сарматов (VI — II вв. до н. э. и I в до н. э.— IV в. н. э.) и веско аргументирует их. Нам глубоко импонируют мысли автора о причинах и ходе сарматской экспансии на запад (в Скифию) и в сторону Кавказа [37], внимание к судьбам конкретных сарматских племен и возглавляемых ими племенных объединений (в первую очередь северокавказских сираков и северопричерноморских роксоланов), попытки осмысления общественно-политической структуры обширного сарматского мира, акцент социально-экономических аспектов в трактовке сарматской истории. Большой удачей автора мы считаем разносторонне мотивированную и впервые столь подробную характеристику состава и организации войска и особенностей сарматского военного искусства, стремление определить место военного дела сарматов в общей истории военного искусства.

Разумеется, не все здесь одинаково доказательно; порой сквозит авторская увлеченность собственной версией. Так, без уяснения процентного соотношения мужских и женских погребений, без учета социально-имущественного фактора в оценке состава их инвентаря, мнение А. М. Хазанова о «медленном, но неуклонном уменьшении» количества мечей и кинжалов в IV — II вв. до н. э. (стр. 69) так и останется умозрительным впечатлением. Мы не стали бы безоговорочно принимать на веру объяснения, которыми «официальные круги» кочевников отмежовывались от так называемых частных походов и набегов их соплеменников (стр. 66—67). Тут дело может быть не только в самоуправстве отдельных военных предводителей, но и в требованиях дипломатии, которая не была чужда «лжи во благо». Вспомним, сколь хитро (и разумеется, неискренне) объяснял скифский царь Иданфирс свое отступление перед армадой Дария [38]. Приведем и еще один хронологически поздний, но очень близкий по смыслу пример: в XVI в. Иван Грозный в письмах к султану Турции открещивался от набегов и нападений гребенских казаков на турецкие войска и караваны, всячески поносил их, призывая султана покарать их как «государевых непослушников» и «татей» [39]. Однако наивен был бы тот, кто поверил этим эпистолам, так как гребенцы только создавали видимость самостоятельных действий, выполняя волю своего государства. В исследуемую же А. М. Хазановым эпоху взаимозависимость общеплеменных и личных интересов, надо думать, была еще прочнее, но обстоятельства диктовали порой использование различных уловок и ухищрений, в том числе и дипломатических.

Вопрос о сарматских катафрактариях и истории этого особого рода тяжелой кавалерии поставлен автором во главу угла очерка о сарматском войске. Это естественно, ибо катафрактарии — наивысшее достижение сарматского военного искусства, принесшее сарматам широкие успехи на военно-политической арене древнего мира. Концепция А. М. Хазанова о появлении и эволюции панцироносных, вооруженных пиками и длинными мечами всадников выглядит в основном очень солидно.

---

[35] Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968.

[36] А. М. Хазанов (рец.). Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968.

[37] Сравните новейшую работу, посвященную этому вопросу: Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. АС — ГЭ 13. Л., 1971, стр. 30—54.

[38] См. Геродот. История, IV, 122.

[39] Сб. «Кабардино-русские отношения в XVI — XVIII веках», 1. М., 1957, стр. 29—37.

Уже в первом из выделенных им периоде автор обоснованно усматривает появление в сарматском войске «знатных воинов, вооруженных длинным мечом и тяжелым копьем, которые практиковали ближний бой» (стр. 70). К последнему веку до н. э. «появились отдельные дружины полупрофессиональных воинов, небольшие численно, но лучше других вооруженные и обученные» (стр. 71). Это еще не катафрактарии в собственном смысле слова, но именно на основе этих дружин «в тесном контакте со среднеазиатско-парфянской средой» (стр. 76) у сарматов в I в. до н. э.— I в. н. э. появляются специальные отряды катафрактариев, а «к концу I в. н. э. они имелись уже у всех или по крайней мере большинства сарматских племен» (стр. 80).

Действительно, тяжелая конница, облаченная в панцири, была известна и скифам, у которых к IV—III в. до н. э. «особенно возрастает роль дружины» [40]. Сарматы, победившие скифов в сражениях IV—II в. до н. э., не могли отставать от них. Согласны мы и с мнением автора о том, что первыми из сарматов создали дружины катафрактариев сираки и их соседи меоты, что хорошо подтверждается археологически, а исторически обосновывается «участием северокавказских сарматов и меотов в митридатовых войнах с Римом и их связями с Закавказьем, эллинизированной Малой Азией и Ираном» (стр. 80). Возможно, не стоит до получения новых данных отводить Боспору исключительно пассивную роль в освоении катафракт и конницы катафрактариев и приписывать появление их тут лишь сарматскому влиянию, как это уверенно делает А. М. Хазанов (см. стр. 59, 80, 86 и др.). Внешние связи Боспорского царства вовсе не ограничивались варварским окружением. Всегда, а в I в. до н. э. особенно, Боспор был тесно связан с военно-политическими силами более южных областей. Он непосредственно участвовал в борьбе Митридата Эвпатора против Рима, и войско его должно было отвечать уровню и требованиям времени. Нельзя ли предположить, что возникновение боспорской тяжеловооруженной кавалерии шло не вслед за сарматскими военными реформами, а параллельно с появлением катафрактных контингентов в войсках сираков и меотов, питаясь из одних и тех же источников? И не об этом ли говорит тот факт, что почти все достоверные археологические данные о катафрактариях и изображениях их сконцентрированы, как признает сам А. М. Хазанов, на небольшой территории Боспора и неразрывно связанного с ним Прикубанья? Не случайно автор, отвергая вероятность существования производственных центров по изготовлению сарматских панцирей и кольчуг в Поволжье и на Украине, склоняется к признанию главного центра их изготовления в Пантикапее (стр. 62). Это согласуется с мнением, согласно которому формирование катафрактариев должно было происходить «не в степной среде, а в системе организованных армий» тех областей и государств, что сложились на территории оседло-земледельческих культур [41]. Правда, известна точка зрения, что в IV—I вв. до н. э. оружейное дело на Боспоре не получило особого развития [42], хотя и оставило заметный след в вооружении верхушки скифского общества. Но она вовсе не обязательна для оценки местных ремесел последующих веков, когда статут Боспора и Боспорского царства существенно изменился. Во всяком случае, роль Боспора и его войска в сложении катафрактной конницы могла быть более действенной, нежели простое усвоение сарматских рецептов.

Вольно или невольно, но А. М. Хазанов постоянно чуть «торопит» остальные сарматские племена по пути формирования у них катафрактариев. Он априорно относит известное погребение № 14 в кургане 55 Калиновского могильника к «последним векам до нашей эры» (стр. 80), хотя В. П. Шилов, на работу которого он при этом ссылается, считает, что содержащийся там комплект вооружения, предназначенного для катафрактария, «хорошо датируется I в. н. э.» [43]. Предлагая свою датировку появления катафрактариев у сарматов (I в. до н. э.— I в. н. э.) автор почему-то выносит этюд с обоснованием этой даты в характеристику первого периода в истории военного дела сарматов, который кончается II в. до н. э. Не подкреплено фактами заявление: «Реформа была проведена довольно быстро и основательно. Уже в середине I в. н. э. роксоланы, которые потерпели такое сокрушительное поражение от Диафанта, для набега на Мезию смогли выставить 9 тыс. катафрактариев» (стр. 80). Во-первых, всегда нужно иметь в виду вероятность преувеличения численности врагов у римских военных летописцев, и в других местах главы автор часто оговаривает это. Во-вторых, 69 г. (а именно он и был годом вторжения в Мезию) мы не стали бы называть серединой I в. В-третьих, наконец, и этот набег роксолан кончился для них страшным разгромом. И видимо, прав А. М. Хазанов, когда на предшествующих страницах пишет: «Хотя катафрактарии были известны... максимально использовать их преимущества научились далеко не сразу... Мало иметь катафрактариев, надо еще уметь их использовать» (стр. 78). Сказано это о неумелом распоряжении катафрактариями в битве при Магнезии в 189 г. до н. э., когда Антиох III хотя и ввел их в свое войско, но еще отнюдь не овладел преимуществами этого рода войск. Не доставили особых хлопот римлянам и первые армянские катафрактарии, что объясняется также

---

[40] Е. В. Черненко. Ук. соч., стр. 163—168.

[41] Г. А. Пугаченкова. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. ВДИ, 1966, 2, стр. 43.

[42] В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV — I вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 50.

[43] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 462.

неправильным выборам позиции и неумелым руководством. Но и роксоланские катафрактарии в 69 г. еще очень беспомощны в своей тактике, демонстрируя, как нам кажется, лишь первые шаги в овладении принципами коллективного боя, в котором и состоит главная сила тяжелой панцироносной кавалерии. Они рассеялись по Мезии и были поодиночке истреблены римскими солдатами, использовавшими этот вопиющий промах [44].

Словом, мы готовы принять рубеж двух эр как время, с которого катафрактарии стали играть заметную роль в войске не только сираков, но большинства других сарматских племен и объединений. Но мнение о скоротечности и легкости связанных с этим реформ войска и военного дела представляется нам субъективным. Не будет ничего удивительного, если будущие раскопки на Украине и в Поволжье подтвердят мнение, что только во II в. катафрактарии сарматов стали той труднооборимой силой, которая и определила появление аланских катафрактариев в тактическом уставе Арриана (II в.).

Завершая рецензию, подчеркнем, что высказанные нами соображения не меняют общей высокой оценки книги А. М. Хазанова, которая, мы в этом уверены, станет настольной не только для сарматоведов, но и для других специалистов по раннему железному веку юга нашей страны и сопредельных областей. Ее отличные иллюстрации, исчерпывающий библиографический список сослужат добрую службу начинающим археологам. Но очевидно, что одной монографией, как бы ценна она ни была, исследование всех сторон и вопросов военного дела сарматов и их соседей не может быть исчерпано. Именно поэтому, отдавая должное книге А. М. Хазанова, подготовленной к печати в 1967 г. (стр. 4), мы сосредоточили внимание на некоторых аспектах и материалах, небесполезных, возможно, для дальнейшего углубления, развития и проверки высказанных в ней положений.

В. Б. Виноградов, В. А. Петренко

---

[44] Корнелий Тацит. История, 1, 79.

I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Akadémiae Kiadó. Budapest, 1969, 93 стр., 26 рис. в тексте, 101 табл., 1 карта, 2 плана.

Книга венгерских ученых И. Эрдели, Е. Ойтози и советского исследователя В. Ф. Генинга является публикацией одного из интереснейших памятников Прикамья второй половины I тысячелетия — Неволинского могильника, расположенного на р. Ирени в восточной части Пермской области. Он раскапывался в 1926—1927 гг. А. В. Шмидтом, в 1950 г.— Камской археологической экспедицией под руководством О. Н. Бадера. Всего изучено не менее 86 погребений и ряд интересных жертвенных комплексов.

Книга состоит из предисловия, введения, четырех глав и краткого заключения; она хорошо иллюстрирована, снабжена необходимым справочным материалом, касающимся коллекций Неволинского могильника, документации раскопок, методики исследования. Своей главной целью авторы поставили полную публикацию материалов памятника. Очевидно поэтому они достаточно скупы и осторожны в выводах, что является положительной чертой рецензируемой работы. В то же время авторами привлекаются многочисленные археологические и этнографические параллели, а сам материал рассматривается на широком историческом фоне середины и второй половины I тысячелетия.

В кратком предисловии, написанном венгерским исследователем Э. Васоли (стр. 7—9), на основании главным образом лингвистических данных в общих чертах излагается история пермских народов, к числу которых авторы причисляют и группу населения, оставившую Неволинский могильник. Следует отметить спорность некоторых положений. Так, иранские заимствования в финно-угорских языках, в том числе в пермских, не обязательно следует связывать со скифами, сарматами или аланами (стр. 8). Контакты финно-угров с ираноязычными племенами могли начаться значительно раньше, например, в эпоху широкого распространения срубной культуры, носители которой считаются ираноязычными. Состав заимствований отнюдь не противоречит этому. Вряд ли область распространения «пермского языка-основы» может идентифицироваться только с территорией нижней Камы и Вятки (стр. 7.).

Очень сомнительно отнесение болгарских заимствований в языки коми к VI в. (стр. 9): в это время тюркоязычных болгар не было ни на средней Волге, ни в Прикамье. Столь же малообоснованно предположение, высказанное, правда, в очень осторожной форме, что будинов Геродота можно считать одним из компонентов, принявших участие в сложении пермских народов.

Введение (стр. 11—12), написанное И. Эрдели и Е. Ойтози, раскрывает историю исследования Неволинского могильника и те методы, которыми авторы руководствовались при изучении, систематизации и подготовке к печати материалов раскопок

1926—1927 гг., подчас лишенных необходимой документации. Здесь авторы встретились со значительными трудностями: не всегда можно было дать сведения о форме и размерах могильных ям, очень кратки и во многом неопределенны данные о жертвенных комплексах, не всегда точны сведения о положении вещей в могилах и их принадлежности к конкретным погребальным комплексам. Тем не менее авторы сделали все возможное для воссоздания объективной картины первых раскопок Неволинского могильника.

В главе I (стр. 13—15) даются краткие сведения о научной деятельности видного исследователя Прикамья и автора первых раскопок в Неволине А. В. Шмидта, памяти которого посвящена рецензируемая книга. Важнейшими в работе являются главы II—III (авторы И. Эрдели и Е. Ойтози) и IV (автор В. Ф. Генинг). В главе II (стр. 16—52) рассматривается местоположение Неволинского могильника, приводятся скрупулезно восстановленные по дневникам А. В. Шмидта, инвентарным описям и коллекциям описания погребений и жертвенных комплексов. Авторы разбирают основные категории находок и погребальный обряд, дают датировку могильника, делают попытку реконструкции одежды погребенных, рассматривают весьма сложный комплекс вопросов о культурных и торговых связях населения Прикамья. В главе III (стр. 53—57) в основном по опубликованным материалам дается краткая характеристика ломоватовской культуры, к памятникам которой отнесен могильник, и рассматриваются вопросы хозяйства и общественных отношений в ломоватовскую эпоху. Глава IV (стр. 58—83) посвящена анализу погребений, изученных в 1950 г., и найденного в них материала. Автор главы В. Ф. Генинг дает здесь свою датировку памятника, несколько отличную от датировки И. Эрдели и Е. Ойтози.

Несмотря на тщательное описание вскрытых погребений, большое количество прекрасно выполненных иллюстраций (не исчерпывающих, впрочем, всего богатства найденных в могильнике вещей) и обилие справочных данных, методика подачи материала, являющаяся очень важным моментом в публикационном издании, вызывает ряд замечаний.

В главах, написанных И. Эрдели и Е. Ойтози и базирующихся преимущественно на материалах раскопок А. В. Шмидта, изображения вещевого материала на многочисленных таблицах даны без всякой системы: ни по комплексам могил, ни по категориям вещей. Чтобы наглядно представить себе комплекс того или иного погребения, приходится просматривать до 10—13 таблиц и рисунков в тексте (см., например погребения 2, 34, 53, 65 и др.). Мало помогает в этом и указатель к текстовым рисункам и таблицам, составленный по погребениям (стр. 91—92). На некоторых таблицах (XIII, XIV, XIX, XXII, XXIV, XXVI, XXVIII, XXXII) могильный инвентарь дан без соответствующего расчленения по погребениям в подрисуночных подписях или указателе. Имеются досадные расхождения между указателями и подрисуночными подписями к отдельным таблицам. Фактически отсутствует классификация вещей, отдельные находки анализируются без ссылок на таблицы и рисунки. Это приводит к тому, что подчас трудно представить, о каком предмете идет речь, трудно оценить правомерность приводимых автором аналогий. В этом отношении значительно лучше обстоит дело в главе IV, написанной В. Ф. Генингом.

Авторы значительно обеднили содержание своей работы, не снабдив ее корреляционной таблицей материалов погребений. Впрочем, без предварительной классификации вещей такую таблицу составить невозможно. Между тем наличие корреляционных таблиц, как и классификация материала, является совершенно необходимым элементом публикации всякого более или менее полно раскопанного памятника. Все это значительно затрудняет использование книги как полноценного источника.

Представляется весьма интересной попытка сделать на материалах могильника ряд социологических выводов. Устанавливая факт расположения могил в Неволине рядами, наличие в пределах каждого из рядов мужских и женских, богатых и бедных погребений и привлекая данные из этнографии пермских народов, авторы реконструируют для группы населения, оставившей Неволинский могильник, патриархально-родовой общественный строй. При этом, по мнению авторов, здесь существовали большесемейные коллективы, каждый из которых и представлен на могильнике соответствующим обособленным рядом погребений (стр. 55—56). Эти выводы, в целом заслуживающие внимания, имеют, однако, и некоторые слабые стороны. При решении вопроса о характере организации общества по материалам могильника желательно располагать полными и точными данными о количестве захороненных, их половой и возрастной принадлежности, хронологическом взаимоотношении могил. Между тем исследована лишь часть могильника, и общее число погребенных нам неизвестно даже приблизительно. Антропологический материал сохранился плохо. Половая принадлежность определялась только по инвентарю. Нет данных и о возрасте покойных. Стратиграфическое соотношение большинства могил не установлено, так как не прослежены контуры могильных ям. Все это показывает, что Неволинский могильник в силу ряда объективных причин не является благодарным объектом для исследований социологического порядка.

Касаясь этнической принадлежности неволинцев, И. Эрдели и Е. Ойтози относят их к предкам коми-зырян (стр. 55, 84). Этот тезис не нашел в работе достаточного обоснования. Следует отметить, что состояние археологического, топонимического и гидронимического материала Прикамья рассматриваемого времени пока таково,

что мы, по-видимому, не в состоянии решать этнические проблемы во всех деталях. Попытки разделить археологические памятники Прикамья на пермские, принадлежащие коми, и угорские, пока не выходят за рамки рабочих гипотез.

Анализ материалов Неволинского могильника позволил авторам привести новые, весьма интересные и убедительные данные о далеких культурных и торговых связях Прикамья второй половины I тысячелетия н. э. и о том, что Прикамье являлось своего рода передаточным пунктом в торговых связях между югом Восточной Европы, Кавказом и Средней Азией, с одной стороны, и финно-угорским севером Восточной Европы — с другой (стр. 51—52).

Как указывалось выше, по вопросу о дате Неволинского могильника мнения авторов монографии разошлись. И. Эрдели и Е. Ойтози относят памятник ко времени от начала VI до начала VII в., основываясь на дате найденных в отдельных погребениях монет (стр. 50, 84). Впрочем, они не исключают возможности более длительного использования могильника, исходя из некоторых типов вещей (стремена с вогнутой подножкой, коньковые подвески, сабли и др.) (стр. 84), имеющих аналогии в материалах VI—VII вв. (и даже более раннего времени) и VIII—IX вв. (стр. 36—44). Удельный вес этих аналогий среди материалов могильника не рассматривается.

В. Ф. Генинг датирует Неволинский могильник концом VI — началом VIII в. Основой для датировки являются, во-первых, те же монеты, для даты которых дается значительная поправка, во-вторых, отличия комплексов Неволинского могильника от комплекса вещей могильника Мыдлань-Шай, датированного тем же автором второй половиной VIII — первой половиной IX в.[1] (стр. 82—83). Впрочем, детального сравнения комплексов этих могильников не дается, а различающие и объединяющие моменты не названы.

Таким образом, в основу датировки могильника всеми авторами положен монетный материал. Только на его основе с различной методикой использования определяется нижняя дата памятника (а у И. Эрдели и Е. Ойтози и верхняя дата).

В Неволинском могильнике найдено 14 сасанидских монет в 11 погребениях (стр. 50—51). 12 из них, происходящие из девяти погребений, определены и датируются следующим образом: середина III в.— одна; первая половина VI в.— две; вторая половина VI в.— две; первая половина VII в.— семь. В одном погребении могли находиться монеты, хронологический разрыв в чекане которых составлял почти век. Таково погребение 53, где найдены монеты Кавада I (499—531 гг.) и Хосрова II (590—628 гг.). Погребения с монетами вообще и с монетами разного времени в частности достаточно равномерно распределены на площади могильника. Большинство монет были найдены в женских погребениях, где они входили в состав украшений (стр. 51). В мужских погребениях монеты найдены в области пояса, что не исключает такого же их использования. Это обстоятельство, а также большой разрыв в датах чеканки монет (середины III — первая половина VII в.) из могильника, инвентарь которого однороден и ни в коем случае не позволяет удревнять его до III в.[2], заставляет с очень большой осторожностью подходить к монетному материалу, как основанию для датировки. Нелишне отметить здесь, что индикации сасанидских монет первой половины VII в. встречаются в Прикамье вместе с диргемами VIII—IX в.[3] Следовательно, и сами сасанидские монеты первой половины VII в. могли еще употребляться здесь в VIII—IX вв. хотя бы в качестве украшений.

Даже если исходить при определении нижней даты могильника только из имеющегося монетного материала, но при этом сделать совершенно необходимую поправку к дате монеты на 25—50 лет (последняя цифра кажется нам наиболее обоснованной для столь удаленного от места изготовления сасанидских монет района, как верхнее Прикамье), то мы едва ли будем иметь право говорить о начале VI в., как это делают И. Эрдели и Е. Ойтози.

Попытаемся датировать могильник с иных позиций — по аналогиям наиболее массового материала его комплексов, а именно, по деталям мужских и женских поясных наборов, хорошо изученных для территории Евразии одним из авторов рецензии. При этом мы постараемся использовать не отдельно взятые аналогии, как это сделано в рецензируемой книге и обычно делается в литературе, а все, известные в настоящее время. Своей попыткой проанализировать вопрос о дате Неволинского могильника мы хотим не только и не столько «исправить» авторов книги, сколько привлечь внимание читателя к сложному и далеко не решенному вопросу датировки памятников Прикамья, обратить внимание на различные методы датировок, попытаться выделить в них объективное и субъективное, а отсюда — степень достоверности полученных результатов.

По материалам, опубликованным в рецензируемой монографии, могут быть выделены 50 типов, подтипов и вариантов деталей поясных наборов (рис. 1). Часть из них встречается только в Неволинском могильнике, часть — только в памятниках ло-

---

[1] В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ, 3. Свердловск, 1962, стр. 39—41.

[2] Авторы книги исключают найденную в погребении 41 монету Шапура I (241—271 гг.) из числа используемых для датировки, как слишком раннюю.

[3] С. А. Янина. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай. ВАУ, 3. Свердловск, 1962, стр. 130—133.

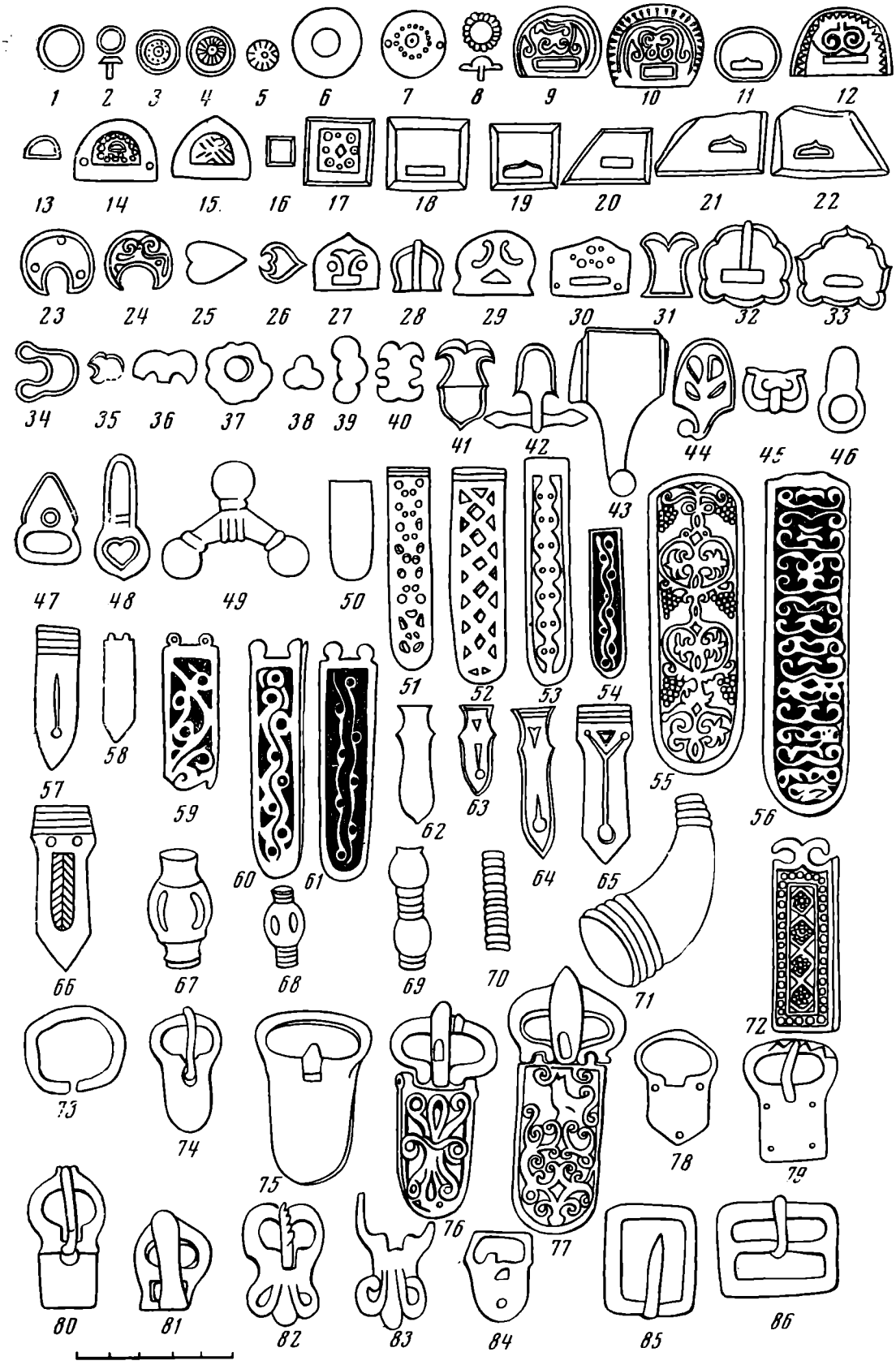


Рис. 1. Поясные накладки, накопечники поясов и пряжки из Неволинского могильника

моватовской культуры и других памятниках Прикамья, более или менее одновременных Неволину. 32 типа, подтипа и варианта находят более широкие аналогии — от Крыма и Кавказа до Сибири. Именно эти предметы наиболее интересны для нас в плане установления даты могильника. Хронологическое распределение этих деталей поясных наборов оказывается следующим: девять из 32 типов, подтипов и вариантов находят аналогии в комплексах VII—IX вв., 11 — в комплексах VIII—IX вв., семь — в комплексах VI—IX вв., два — в комплексах VI—VIII вв. и только один — в комплексах VI—VII вв. Полностью отсутствуют аналогии в материалах IV—V вв., если не считать достаточно далеких прототипов (см. таблицу).

К этому же материалу мы можем подойти с иной точки зрения, указав количество аналогий деталям поясных наборов из Неволина в более или менее точно датированных могильниках Евразии (Поволжье, Сибирь, Башкирия, памятники салтовской культуры, Крым и Кавказ) и количество комплексов, в которых эти аналогии встречены. Тогда мы получим следующую картину. В памятниках VI—VII вв. встречено 114 деталей поясных наборов, аналогичных неволинским, в 46 комплексах, в памятниках VII—VIII вв.— 167 из 66 комплексов, в памятниках VIII—IX вв.— 461 экз. из 160 комплексов. При этом общее число памятников VI—VII и VIII—IX вв. на рассматриваемых территориях примерно одинаково. Графически эти данные изображены на рис. 2 и дают очень близкую картину, указывающую, что большинство аналогий деталям поясных наборов Неволинского могильника приходится на VIII—IX вв., меньше — на VII—VIII вв., значительно меньше — на VI—VII вв. Пик в графиках во всех случаях приходится на VIII в., но за счет присоединения к материалам VIII—IX вв. части материала VII—VIII вв. Напомним, что лишь один вариант деталей поясных наборов Неволинского могильника из 32 находит аналогии в комплексах только VI—VII вв. Все это дает определенные основания исключить VI в. из вероятной даты могильника и широко датировать его, таким образом, VII—IX вв.

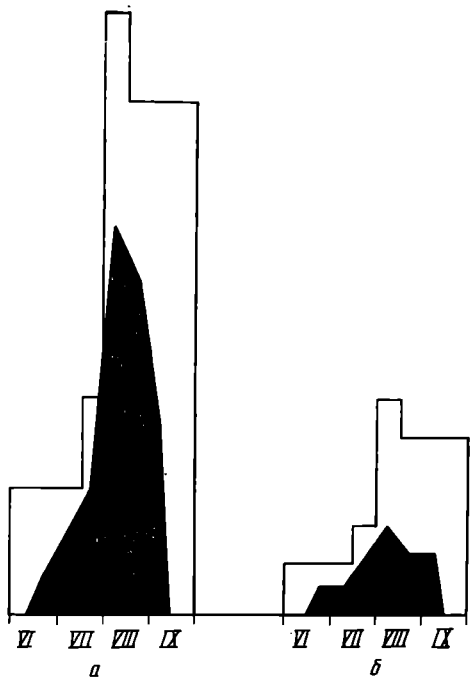


Рис. 2. Распределение аналогий деталям поясных наборов Неволинского могильника

а — по количеству аналогий; *б* — по количеству комплексов, в которых встречены аналогии

Из другого материала могильника для определения даты наиболее интересны находки бус. Несмотря на то, что они в книге практически не разделены по комплексам и недостаточно хорошо изданы (в большинстве случаев не в цвете и без расчленения на типы), создается достаточно ясное представление об их однородности и принадлежности к материалу, типичному только для памятников Евразии VIII—IX вв. Весь остальной материал могильника отнюдь не противоречит предложенной широкой дате.

Что же означает эта широкая дата? Отражает ли она факт существования могильника в течение трех столетий или говорит только о недостаточности наших знаний о бесспорных хронологических признаках?

Дальнейшее сужение даты памятника оказывается весьма затруднительным. Нужно отметить, что могильник не расчленяется на какие-либо хронологические группы. Нами предпринята попытка составить корреляционную таблицу для 31 погребения могильника по данным рецензируемой монографии (рис. 3). В основу таблицы положены детали поясных наборов; привлечены шумящие привески, серьги и височные кольца, амулеты, браслеты, детали конского снаряжения и оружие. Выделяются две основные группы погребений и одна промежуточная. К первой группе должны быть отнесены 18 погребений, ко второй — 8. Промежуточная группа представлена пятью погребениями. Группы различаются только специфическим набором поясных украшений. По всем другим признакам эти группы достаточно сходны. Первая группа представлена 15 женскими, двумя неопределенными и одним мужским погребениями, вторая — семью мужскими, одним неопределенным и одним женским, третья промежуточная — шестью мужскими, одним неопределенным и одним женским погребениями (половая принадлежность погребенных в могильнике, как уже указывалось, определялась без привлечения антропологических данных). Таким образом, различия в инвентаре между основными группами погребений не могут быть хронологическими: это отличия в наборе женских и мужских вещей. Одновременность их подчеркивается наличием вещей, характерных для первой и второй групп, в промежуточной третьей группе, а также взаимовстречаемостью различных вещей в отдельных погребениях. Все это свидетельствует о том, что время функционирования Неволинского могильника, по крайней мере изученной его части, было

сравнительно непродолжительным — очевидно, значительно меньшим, чем три столетия (VII—IX вв.), на которые указывают аналогии.

В дальнейшей оценке возможности более узко датировать Неволинский могильник мнения рецензентов разделились. Один из них (Ю. А. Краснов) считает, что нет достаточно объективных данных для дальнейшего безусловного сужения даты могильника при нашем состоянии знаний о хронологических особенностях памятников Евразии рассматриваемого времени. Можно лишь указать некоторые негативные мо-

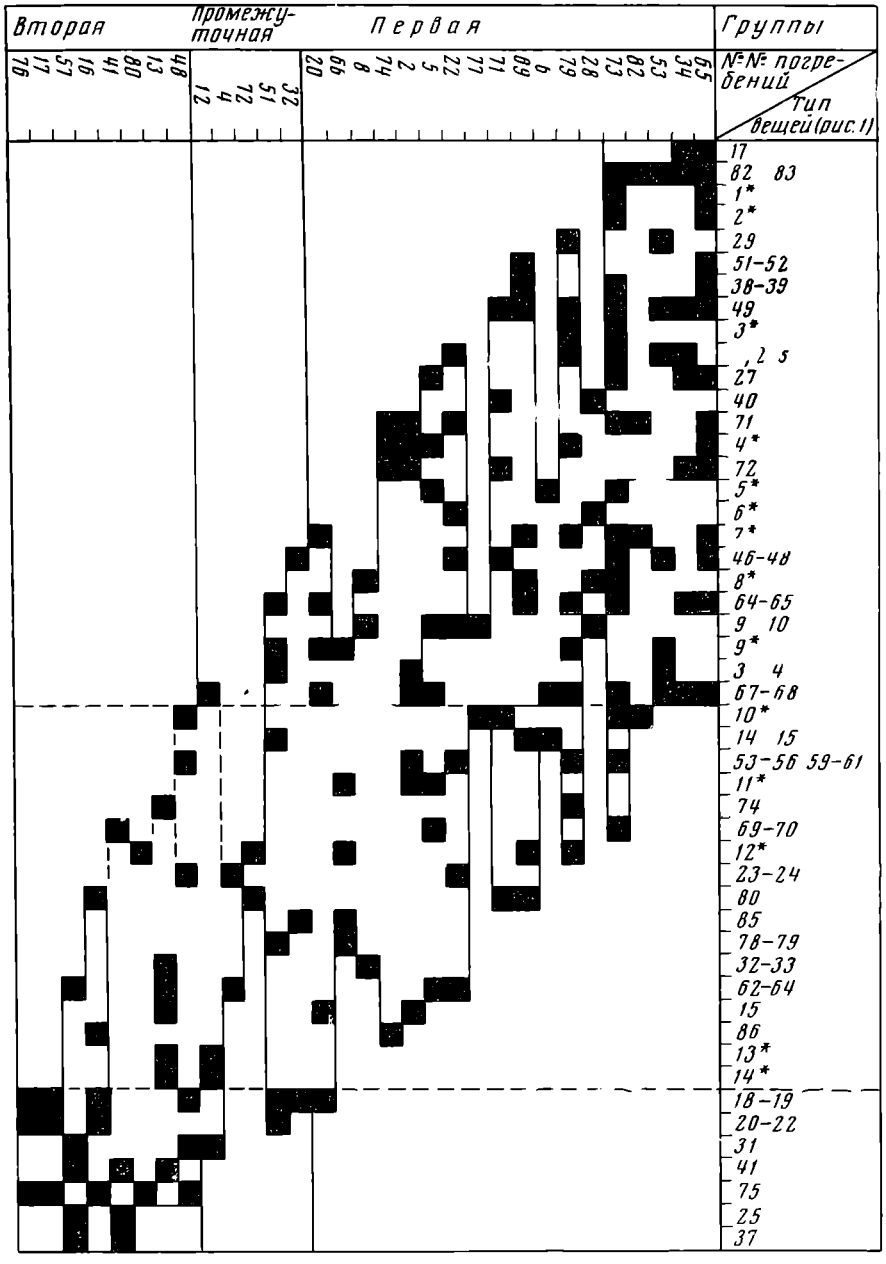


Рис. 3. Взаимовстречаемость вещей в погребениях Неволинского могильника

*1** — амулеты с конскими головками; *2** — круглые бубенчики; *3** — шумящие подвески; *4** — серьги местных форм с круглой подвеской; *5** — «солярные» амулеты; *6** — амулеты в форме птичек; *7** — стремена; *8** — различные амулеты; *9** — браслеты; *10** — удила; *11** — серьги салтовского типа; *12** — оружие; *13**—*14** — лировидные и трапециевидные пряжки
Номера без указанного знака * — см. на рис. 1

менты. Например, отсутствие куфических монет в Неволине как будто бы говорит против отнесения его ко второй половине VIII—IX вв., когда эти последние появляются в Прикамье. Однако это можно объяснить и случайностью: ведь далеко не во всех могильниках VIII—IX вв. куфические монеты присутствуют. Определенные отличия инвентаря Неволинского могильника от инвентаря могильника Мыдлапь-Шай также говорит как будто бы в пользу сужения даты Неволина за счет по крайней мере IX в. Но в различии комплексов этих могильников может играть роль не только разновременность, но также территориальное положение и культурная разнородность. Этих и некоторых других данных, которые могут быть привлечены для реше-

ния вопроса, недостаточно, чтобы безусловно ограничить верхнюю дату могильника началом VIII в., как это делает В. Ф. Генинг, а тем более началом VII в., как это сделано И. Эрдели и Е. Ойтози. В то же время приведенные данные не позволяют занижать начальную дату могильника до VI в., как это сделано в рецензируемой монографии. Более близкой к истине представляется датировка, предложенная недавно для Неволинского могильника Р. Д. Голдиной: вторая половина VII — первая половина IX в.[4] Эта датировка, основанная на тщательном анализе взаимовстречаемости вещей и широких аналогиях, для полной объективности нуждается, однако, в двух поправках. Во-первых, нет достаточных оснований сужать дату вещей второй группы из верхнекамских памятников до второй половины VII — первой половины VIII в. Строго говоря, дата этих вещей по всем приводимым автором аналогиям будет VII—VIII вв. Во-вторых, дата вещей третьей группы,— по Р. Д. Голдиной, вторая половина VIII — первая половина IX в.— также произвольно сужена. Более правильным представляется датировать эти вещи просто VIII—IX вв., что, впрочем, указывает и сама Р. Д. Голдина [5].

Таким образом, более объективной следует считать широкую дату Неволинского могильника — VII—IX вв., хотя несомненно, что он существовал более короткое время. При этом наиболее вероятно, что могильник использовался для захоронений в VIII в., может быть, с конца VII и в самом начале IX в. Его функционирование в VIII—IX вв. менее вероятно. Еще менее вероятна датировка VII—VIII вв. Речь может идти только о **вероятности;** настаивать на той или иной более узкой дате нет достаточных оснований. Всякое дальнейшее сужение даты могильника требует последовательного ряда допусков, каждый из которых не может быть должным образом доказан. В этом случае каждая возможная ошибка будет накладываться одна на другую, и мы, очевидно, можем все дальше и дальше отойти от объективной картины. Это и заставляет пока остановиться на широкой дате, учитывая все сделанные выше замечания о степени вероятности отнесения могильника к тому или иному отрезку трехвекового хронологического диапазона.

По мнению другого автора рецензии (В. Б. Ковалевская), поскольку могильник отличается большой однородностью материала, мы вправе предполагать, что он существовал сравнительно короткое время, около столетия. Накладывая этот промежуток времени на график аналогий и, беря за центр первую половину VIII в., мы можем предположить, что дата могильника — последняя четверть VII — третья четверть VIII в., причем основным временем его бытования будет первая половина VIII в. Именно на этот промежуток времени приходится более $^2/_3$ всех аналогий.

Другой путь определения более узкой даты могильника заключается в сравнении его материалов с отдельными, датированными относительно узким промежутком времени погребениями и могильниками близлежащих территорий. Прежде всего посмотрим, как Неволинский могильник укладывается в периодизацию памятников верхнего Прикамья ломоватовского времени, предложенную Р. Д. Голдиной [6]. Ею рассмотрены лишь те погребения Неволинского могильника, которые содержали монеты. Большая часть этих комплексов отнесена ко второй половине VII — первой половине VIII в., два погребения — ко второй половине VIII — первой половине IX в. Надо отметить, что ни одной вещи, специфичной только для третьего периода, в этих двух комплексах нет. Аналогии с вещами второго этапа верхнекамских памятников для Неволинского могильника составляют 52%, а с вещами третьего периода — всего 10%. Эта же тенденция наблюдается и в том случае, если этот процент будет соотнесен к общему количеству типов и вариантов деталей поясных наборов, типичных для каждого из этапов: в Неволинском могильнике 80% деталей поясных наборов имеют аналогии в комплексах, выделенных Р. Д. Голдиной для второго этапа и только 20% — среди типичных для третьего этапа. Отсюда можно сделать вывод, что в своей массе Неволинский могильник совпадает со вторым этапом верхнекамских памятников ломоватовского времени.

Посмотрим, что говорят аналогии с Поломским и Мыдлань-Шайским могильниками. По ассортименту деталей поясных наборов наиболее близким оказывается Поломский могильник (около 60% его поясных наборов аналогичны неволинским). Для Мыдлань-Шая картина иная. Он имеет ограниченное число общих черт с Неволинским могильником (25% типов и вариантов деталей поясных наборов Мыдлань-Шая аналогичны неволинским, но для Неволина аналогии с Мыдлань-Шаем составляют всего 16%). В то же время в Мыдлань-Шайском могильнике имеется большое число деталей поясных наборов салтовского типа и местных вещей, характерных для верхнекамских памятников третьего этапа по классификации Р. Д. Голдиной. Сравнение этих двух памятников показывает, что во времени они почти не пересекаются, т. е. что концом существования Неволинского могильника следует считать вторую половину или конец VIII в.— время, немного более позднее, чем верхняя дата могильника, определяемая В. Ф. Генингом. Об этой же дате говорит почти полное отсутствие вещей салтовского типа в Неволине, хотя они присутствуют как в случайных находках на территории ломоватовской культуры, так

[4] Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на верхней Каме. ВАУ, вып. 9. Свердловск, 1970, табл. А.

[5] Там же, стр. 93.

[6] Там же, стр. 57—117 и приложения.

и в памятниках верхнего Прикамья третьего этапа по классификации Р. Д. Голдиной.

Обратимся к более далеким памятникам Башкирии. Среди них наибольшую близость по ассортименту неволинским материалам дает Манякский могильник, датированный Н. А. Мажитовым второй половиной VII — первой половиной VIII в. Для деталей поясных наборов Неволина аналогии с Манякским могильником составляют 22%, а 44% тех же предметов из Манякского могильника имеют аналогии в Неволине. Вместе с тем в Манякском могильнике нет ряда типов поясных наборов, имеющихся в Неволине и в более поздних курганах Башкирии, датирующихся VIII—IX вв., таких как Хусаиновский, Мрясимовский, Муракаевский могильники. Речь идет о тех деталях поясных наборов, которые по происхождению могут связываться с Сибирью. Но в курганах Башкирии VIII—IX вв. мы встречаем ряд деталей поясных наборов, аналогичных салтовским, которых нет в Неволине. Следовательно, и по аналогиям с Башкирией мы приходим к той же дате для Неволина: этот могильник хронологически находится между Манякским могильником с одной стороны и поздними курганами Башкирии, т. е. может датироваться VIII в., его первой половиной.

Интересное наблюдение, на которое натолкнуло исследование материалов Неволинского могильника, заключается в том, что на территорию Прикамья поясные наборы сибирского круга проникают несколько раньше, чем поясные наборы салтовского круга. Местными же формами, пережиточно сохранившимися здесь, являются переоформленные поясные наборы с прорезной орнаментацией в виде сильно схематизированных человеческих личин. Сравнение тех форм поясных наборов, которые генетически связаны с основным массивом поясных наборов Сибири, показывает следующее. Если для Неволинского могильника аналогии с Сибирью по ассортименту составляют 22% для VIII — IX вв., а для VII—VIII вв. всего 10%, то и для сибирских материалов аналогии с Неволинским могильником составляют около 20%. Но при этом ряд вариантов поясных наконечников и накладок, появившихся в Сибири на рубеже VIII—IX вв., мы в Неволине не найдем[7]. Эти данные также склоняют нас к мнению, что Неволинский могильник функционировал до последней четверти или конца VIII в.

Рассмотренные данные показывают, что мы вполне имеем право датировать Неволинский могильник в пределах VIII в., хотя нельзя отрицать возможности принимать более широкую дату — конец VII — начало IX в.

Почему же представляется необходимым стремиться к более узким датам при анализе материалов Прикамья, достаточно массовых и хорошо документированных? В литературе уже подчеркивалось, как при помощи необоснованно расширенных дат закрываются лакуны и искусственно создаются целые археологические культуры[8]. Эта же опасность наблюдается для исследователей ломоватовской культуры, которая в целом датируется III—IX вв., и в которой выделяются три последовательных этапа. Пока убедительно выделены лишь два последних этапа, относящиеся ко времени с VIII (или с конца VII) по IX в. Не говоря о спорности отнесения к ломоватовской культуре памятников харинского типа, в истории ее остается существенная лакуна с V по VIII в. (или конец VII), которую, как показано выше, не могут заполнить материалы Неволинского и одновременных ему Бродовского и Горбунятского могильников.

Подводя итоги, можно сказать, что оба рецензента считают, что Неволинский, могильник должен быть датирован сравнительно коротким промежутком времени, лежащим в пределах VII—IX вв. Наиболее вероятным является использование его в VIII в., может быть, с конца VII до начала IX в.

В заключение необходимо отметить, что рецензируемая работа вводит в научный оборот большой и интересный материал, который до сих пор был недостаточно известен. Несмотря на ряд недостатков и дискуссионных положений, работа бесспорно представляет большой интерес для археологов. Нельзя не согласиться с авторами, что их книга «будет способствовать комплексному изучению финно-угорских народов и благородной идее международного научного сотрудничества» (стр. 12).

В. Б. Ковалевская,
Ю. А. Краснов

---

[7] А. А. Гаврилова. Новые находки серебряных изделий периода господства киргизов. КСИА АН СССР, 114, 1968, стр. 24—30; А. Д. Грач. Древнетюркские курганы на юге Тувы. КСИА АН СССР, 114, 1968, стр. 105—111.

[8] В. Б. Ковалевская. К вопросу о поломской культуре. Сб. «Древности Восточной Европы», М., 1969.

* * *

Книга И. Эрдели, Е. Ойтози и В. Ф. Генинга впервые вводит в широкий научный оборот материалы раскопок знаменитого Неволинского могильника в Прикамье. По сути она состоит из двух самостоятельных работ, объединенных общностью темы: И. Эрдели и Е. Ойтози исследуют материалы из раскопок А. В. Шмидта, В. Ф. Генинг описывает свои новые раскопки на том же памятнике. Различен не только публикуемый материал, но и взгляды авторов этих двух частей книги на исторические проблемы и на датировку памятника.

И. Эрдели и Е. Ойтози, датируя Неволинский могильник, опираются прежде всего на монеты. Они считают, что почти непрерывный ряд сасанидских монет с начала VI до первой половины VII в. соответствует времени функционирования могильника. Авторы отмечают различия двух типов поясов и намечают периодизацию памятника. Пояса с обкладками «в виде рыбьего хвоста» (рис. 1, *24—27*), наконечники ремня «с ручками» (рис. 1, *79, 80*) они датируют по монетам VI в., причем по наличию «псевдопряжек» продлевают эту дату на начало VII в. согласно принятой в венгерской литературе дате псевдопряжек. Пояса с широкими лопастями-подвесками (рис. 1, *11, 12, 50, 60—62, 72—74*) отнесены по монетам к VII в. Показателем того, что могильник использовался в течение всего VII в., они считают стремена с прогнутой подножкой, подвески с протомами коней, саблю и другие (не названные) признаки, датируемые ими по среднеевропейским аналогиям (стр. 50).

В. Ф. Генинг неоднократно писал о хронологии Неволина и близких древностей. В 1953 г. он предложил датировать их конец по стыку с генетически с ними связанными раннеродановскими. В раннеродановском этапе есть салтовские вещи, в неволинском нет, следовательно, последний не заходил позднее конца VIII в.[1]. В 1964 г. им опубликована основополагающая работа о хронологии ломоватовского Прикамья [2]. С исключительной четкостью и убедительностью на материале одного и того же памятника в Демёнках им выделены два этапа: ранний, соответствующий по инвентарю Неволину, и поздний, синхронный Мыдлань-Шаю (датированному куфическими монетами второй половины VIII — первой половины IX в.). Детально рассмотрен инвентарь обоих этапов. Очень важно, что могилы разных этапов образуют на кладбище в Демёнках две отдельно лежащие группы, на стыке которых наблюдается перекрывание ранних могил более поздними. На материале Демёнок В. Ф. Генинг обоснованно показал, что этап, соответствующий ранней части Демёнок и основной части Неволина, завершился до появления салтовских вещей в Прикамье, т. е. до второй половины VIII в. В статье еще раз подчеркнута непрерывность развития от раннего этапа Демёнок до расцвета родановской культуры в Верхнем Прикамье, а поздний этап Демёнок (вторая половина VIII и первая половина IX в. по В. Ф. Генингу) назван «переходным». Эта работа В. Ф. Генинга с полным основанием стала классической для раннесредневековой хронологии Прикамья. Лишь вопрос о начале раннего этапа Демёнок оставлен в статье открытым. В. Ф. Генинг убедительно делит памятники Прикамья на две группы: верхнекамскую, или ломоватовскую (один из наиболее южных памятников — Демёнки), и сылвенскую (с Неволино, Бродами, Горбунятой и др.). Аналогичного мнения придерживаются В. А. Оборин и Р. Д. Голдина [3]. На сылвенской территории пока неизвестны погребения второй половины VIII и первой половины IX в., синхронные «переходным» на родановской территории. Но памятники типа Неволина настолько сходны по набору украшений с ранним этапом Демёнок, что В. Ф. Генинг обоснованно переносит на них дату не позднее первой половины VIII в., до появления салтовских связей. Он датирует Неволино, Броды и Горбуняту VII — началом VIII в.

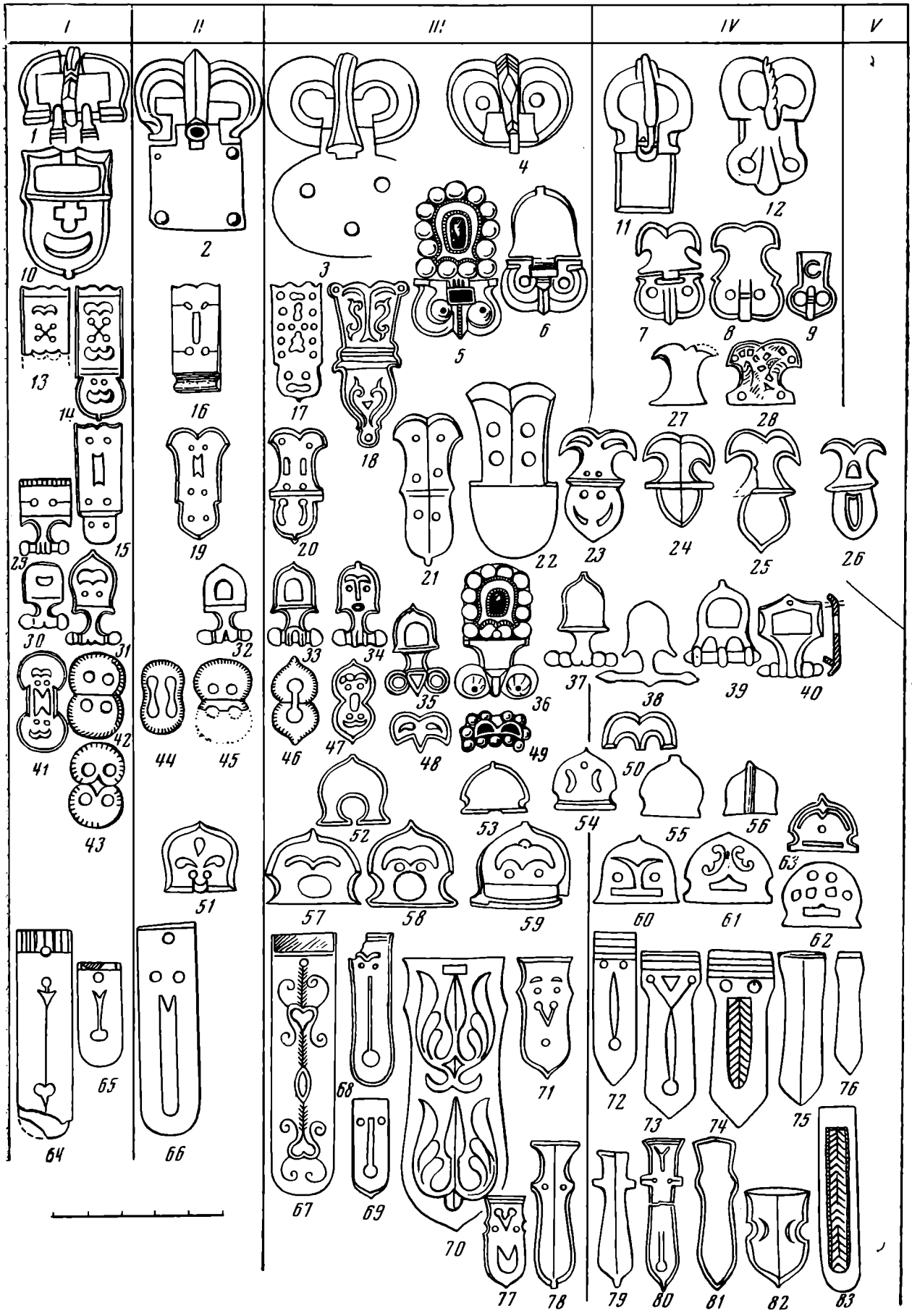
[1] В. Ф. Генинг. Бродовский могильник. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 96—98.

[2] В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, стр. 104—125.

[3] Р. Д. Голдина. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы. Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 191. Пермь, 1968.

Рис. 1. Пять этапов развития геральдических поясных бляшек восточноевропейского типа

Ориентировочные даты этапов: I — вторая половина VI в.; II — первая половина VII в.; III — середина и вторая половина VII в.; IV — конец VII (?) и первая половина VIII в.; V — вторая половина VIII и первая половина IX в. Происхождение вещей. I этап: *1, 13, 15, 31, 42, 43, 64* — византийская крепость Садовско-Кале (Болгария); *10* — Большой Токмак; *14, 29, 41, 65* — Суук-Су, могила 54; *30* — Суук-Су, могила 56; II этап: *2* — Абгыдзрахва, могила 47 (Абхазия); *16, 19, 32, 44, 45, 51, 66* — Суук-Су, могилы 67 (*19, 45, 51*), 162 (*32, 44, 66*) и 199 (*16*); III этап: *3* — с. Веселое; *4, 18, 57, 67* — Мартыновка, клад; *5, 36, 70* — Перещепино; *6, 53* — Подболотье, могила 220; *17, 46* — Пятра Фрекэцей (Румыния), могила *20, 21, 34, 35, 48, 68, 71, 77* — Чми, могилы 11 (*34, 35, 77*), 12 (*20, 68*), 17 (*21, 48, 71*); *22* — Урья, клад; *23, 37, 54* — Верхний Чир-Юрт, могила 59б; *33, 47, 52, 69* — Чуфут-Кале, могила 41; *49* — Боча (Венгрия); *58, 59* — Арцыбашево, могила; *78* — Тызыл (Кабардино-Балкария), склеп; IV этап: *7; 24, 55, 83* — Агафоново I, могилы 1 (*7, 24*), 4 (*55, 83*); *8, 9, 25, 28, 40, 82* — Кудыргэ, могилы 4 (*82*), 5 (*25*), 8 (*8*), 9 (*40*), 10 (*28*), 12 (*9*); *11, 12, 27, 38, 50, 56, 60—62, 72—74, 79, 80* — Неволино, могилы 13 (*38, 56, 80*), 53 (*62*); 57 (*79*); 65 (*12, 60*), 71 (*11, 50, 72*), 73 (*74*), 79 (*61, 73*); *39* — Висим; *63, 81* — Томск, «Архиерейская Заимка», могила 28; *75, 76* — Чми, могилы 7 (*76*) и 23 (*75*); V этап: *26* — Стерлитамак. Масштаб относится ко всем изображениям вещей, кроме 70


I
II
III
IV
V

В рецензируемой книге В. Ф. Генинг просто ссылается на свои рассмотренные здесь работы в определении верхней даты Неволина. Зато длительность использования могильника и его нижнюю дату он, как и венгерские соавторы, определяет по монетам. Поскольку большая часть сасанидских монет Неволина чеканена между 538—628 гг. он датирует могильник «с конца VI до начала VIII в.» (стр. 82—83), учитывая возможное запаздывание монет в могильных комплексах. По-видимому, он считает на основании монет, что Неволино закончилось раньше, чем первый этап Демёнок. Но при полном сходстве инвентаря обоих памятников наличие в одном из них монет может быть только территориальным, а не хронологическим отличием.

Говоря о датировке Неволина, нельзя обойти новую работу Р. Д. Голдиной, обобщающую все сделанное до сих пор по хронологии Ломоватова [4]. Хотя Р. Д. Голдина относит Неволино к иной, сылвенской культуре, она привлекла его к изучению Верхокамья в качестве аналогии, как датированный монетами памятник. В результате кропотливой работы Р. Д. Голдина подтвердила предложенное В. Ф. Генингом хронологическое расчленение Демёнок и сходных памятников. Принципиально новым является выделение особой группы, представленной Агафоновом и Висимом (рис. 1, *7, 24, 27, 38, 39, 55, 56, 79, 80, 83*). Оно убедительно подтверждено последующими большими раскопками Р. Д. Голдиной на двух Агафоновских могильниках в Верхнекамье [5]. Здесь ее вывод совпадает с предположением И. Эрдели и Э. Ойтози о наличии в Неволине раннего этапа с особым видом поясов. Но даты иные: у И. Эрдели и Э. Ойтози — весь VI и начало VII в. для первого этапа и весь VII в. для основного, у Р. Д. Голдиной — конец VI и первая половина VII в. для первого этапа и вторая половина VII — первая половина VIII в. для второго этапа. Что в статье Р. Д. Голдиной может считаться доказанным и что остается спорным? Безусловно, ею доказано существование особого типа памятников — агафоновского, с остатками трупосожжений в длинных ямах, с беспорядочно разбросанным инвентарем, особого типа поясными наборами, трубчатыми подвесками с изображением собакоголовой птицы и другими украшениями, известными ранее лишь спорадически: из кладов Плесо, Георгиевского и Подчеремского, из Веслянского могильника ванвиздинской культуры (с тем же обрядом погребения), как примесь к основному инвентарю Неволинского могильника и из случайных находок. Но Р. Д. Голдиной (как и венгерскими авторами) не доказано, что этот материал предшествует Демёнкам и Неволину. Во-первых, нет случаев взаимоперекрывания могил. Во-вторых, в той части Прикамья, где лежит Агафоново, пока не найдены памятники с материалом типа Неволина и раннего этапа Демёнок. Вслед за агафоновским (ломоватовским) этапом здесь идут лишь памятники типа Урьинского, Каневского и Плесинского могильников, т. е. переходные к родановским и синхронные позднему этапу Демёнок, Мыдлань-Шаю и салтовской эпохе. Естествен был бы вывод, что Агафоново I синхронно Неволину и ранним Демёнкам (в этом меня давно убедила работа над хронологией Восточной Европы). Но чтобы прийти к такому выводу, исследователям Прикамья надо было подробно сопоставить типологически детали агафоновского (рис. 1, *7, 24, 27, 38, 39, 55, 56, 79, 80, 83*) и неволинского (рис. 1, *11, 12, 50, 60—62, 72—74*) типов поясов. Однако это ими не сделано. Попытке Р. Д. Голдиной обосновать абсолютную дату агафоновского этапа только по южным аналогиям помешала полная неразработанность типологии и хронологии геральдических поясов Крыма, Кавказа, Поволжья и Оки в археологической литературе. Отсюда чрезвычайная разнородность и разновременность использованных ею аналогий, за немногими исключениями (Маняк, Лихачево) иных вариантов, чем агафоновские. Только поэтому у Р. Д. Голдиной создалось впечатление, что такие типологически поздние пояса могут датироваться концом VI — первой половиной VII в. (эпохой ранней части нижнего слоя Суук-Су).

Отсутствие в северном Верхокамье комплексов типа ранних Демёнок побудило Р. Д. Голдину искать могилы второй половины VII — первой половины VIII в. среди переходных к родановским (могилы 29 в Урье, 17 в Каневе, 22, 40, 44, 45 и др. в Плесе). По аналогии с этим она попыталась найти ранние могилы даже в убедительно очерченной В. Ф. Генингом поздней группе Демёнок, перенеся в ранний этап поздние деменковские могилы 93, 112 и 118. В тексте статьи Р. Д. Голдина не рассмотрела специально оснований для передатировки. А на составленной ею корреляционной таблице в каждой передатируемой могиле Демёнок есть поздние вещи. И по топографии, и по инвентарю деменковские могилы 93, 112 и 118 резко отличаются от ранних и полностью принадлежат к «переходным». То же относится к Урье, Каневу и Плесу: в тех могилах, где нет типичных поздних вещей, инвентарь настолько невыразителен, что не позволяет противопоставлять его остальному материалу этих памятников. Попытка Р. Д. Голдиной найти более древние комплексы среди переходных к родановским по сути служит важным доказательством того, что в северном Верхокамье действительно нет иных предсалтовских памятников, кроме Агафонова I. Но чтобы в этом убедиться, Р. Д. Голдиной пришлось бы сна-

---

[4] Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, 9. Свердловск, 1970.

[5] Р. Д. Голдина. Агафоновский могильник на Верхней Каме. Уч. зап. Пермского Гос. ун-та, № 191. Пермь, 1968; Р. Д. Голдина и В. А. Кананин. Раскопки Агафоновских могильников. АО-1971, М., 1972.

чала сделать ревизию всей хронологии более южных районов Восточной Европы. Поэтому с датой ее «I группы» нельзя согласиться. Но само выделение этой группы имеет огромное значение для восточноевропейской хронологии.

Итак, верхняя граница памятников типа Неволина не может вызывать споров: она убедительно определена в работах В. Ф. Генинга временем непосредственно предшествующим появлению в Прикамье салтовских вещей и куфических монет второй половины VIII в. Новое исследование С. А. Плетневой показало, что в самой салтовской культуре такие вещи бытовали не более 100 лет. Так как в Прикамье «переходный» этап с салтовскими вещами достаточно длителен и представлен большими кладбищами, дату появления здесь салтовских вещей (а с нею и конец Неволина) как будто бы нельзя далеко сдвигать вверх в пределах периода времени, охватывающего середину и вторую половину VIII в. Однако исследователи отмечают, что в сылвенской области пока не найдены памятники, синхронные «переходному» этапу Верхокамья и Мыдлань-Шаю, а есть лишь памятники X—XV вв. Поэтому интересно предложение Р. Д. Голдиной отнести ко второй половине VIII и первой половине IX в. две могилы из Неволина (66 и 67 — на ее корреляционной таблице «а» могилы № 2 и 3). Основание — серьги, имеющие боковой выступ на кольце. Различные серьги с выступом появились в Сибири, в Пенджикенте и у авар Подунавья с конца VII — начала VIII в. В Прикамье они, действительно, в массовом количестве распространены только с эпохи Мыдлань-Шая. Еще можно назвать парные выступы на верхнем конце больших поясных наконечников из неволинских могил 2, 48, 60 и 73— признак, появившийся в других местах со второй половины VIII в. (Песчанка, гора Брык, Тополи, Мыдлань-Шай и поздняя часть III аварского этапа, например, Нове Замки в Словакии, могилы 44, 98, 120, 138, 176, 232, 387, 425, 430, 434, 463). Однако прочий инвентарь могил 2, 48, 60, 67 и 73 обычен для Неволина. Поэтому до новых находок неясно, прекратился ли неволинский этап на Сылве в предсалтовское время или продлился несколько дольше, чем в Демёнках, без существенных изменений. Если признать Агафоново прямым предшественником «переходного» этапа к роданóвской эпохе, то придется считаться с большим влиянием сылвенского набора украшений на сложение «переходных» украшений. Не было ли какого-то отлива групп сылвенского населения на верхокамскую территорию?

Гораздо больше споров вызывает нижняя граница Неволина. Ее можно уточнить, лишь определив место найденных здесь поясов в общей эволюции этого вида украшений. Сибирские пояса с геометрическими бляхами-оправами (могилы 5, 6, 8, 17, 20, 48, 76, 77) зафиксированы на рельефах сооруженной в 706 г. гробницы танской принцессы Юнтай и на других точно датированных танских рельефах и тюркютских статуях первой половины VIII в. На таштыкской территории им предшествовали геральдические пряжки III этапа (Изых, Сыры). Следовательно, бляхи-оправы могли появиться не ранее конца VII в., в период II тюркютского каганата[6]. Подобную датировку впервые предложила А. А. Гаврилова. К ней пришла и В. И. Распопова на основании изучения слоев с монетами в Пенджикенте: там такие пояса появились в конце VII — начале VIII в.[7]. Пояса с бляхами-оправами найдены в мужских могилах Неволина, геральдические с широкими лопастями — в женских. Только в трех могилах (5, 20 и 48) были смешаны в одном комплексе детали разных поясов. В. Ф. Генинг специально отмечает, что неволинские пояса с бляхами-оправами синхронны остальному материалу. Следовательно, уже одно их наличие позволяет сильно сузить дату памятника.

Найденные в Неволине геральдические пояса двух типов (узкие и широкие с лопастями) были отнесены мною к IV этапу геральдических поясов и датированы VIII в.[8] Иные даты, принятые до этого в литературе, связаны со слишком суммарным использованием аналогий. Ведь геральдические пояса VI—VIII вв. очень различны. Так, уже по форме верхнего щитка двухчастных бляшек (рис. 1, *13—16*) все пояса распадаются на две территориальные группы (рис. 2, *1*). Верхний щиток в виде перевернутой килевидной пластины характерен для комплексов I аварской группы на Среднем Дунае (например, погребение 1 в Сегеде-Чепгеле, Кунагота, Кунсентмартон, могилы 15 и 16 в Фенекпусте, 20 в Деске «Sz», 175 в Алаттьяне, 151 в Кёрнье — в Венгрии; Фельнак — в Румынии; Нови Кнежевац, Апатин и могила 84 в Арадаце в Югославии) и единично переживает во II группе (Озора и III находка в Игаре). Им обычно сопутствуют пряжки с вытянутыми рельефными «губами», Т-образные бляшки с очень длинной шейкой. Нередко основной ремень у авар

---

[6] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, II, СА, 1971, 3, стр. 120—129, 132. В этой работе есть неточности: тюркские пояса с подвесными ремешками и без них, действительно, различались даже по типу сумок, но, судя по танским рельефам, появились одновременно.

[7] В. И. Распопова. Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда. Автореф. дис. Л., 1971, стр. 13, 15, 16.

[8] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I. СА, 1971, 2, стр. 115, 118, 120; А. К. Амброз. Проблемы, II, стр. 112, 123, 126 со ссылками на основную литературу и публикации важнейших из упоминаемых здесь памятников (Предположение о том, что бляшки с рельефным орнаментом позднее гладких, остается пока недоказанным).

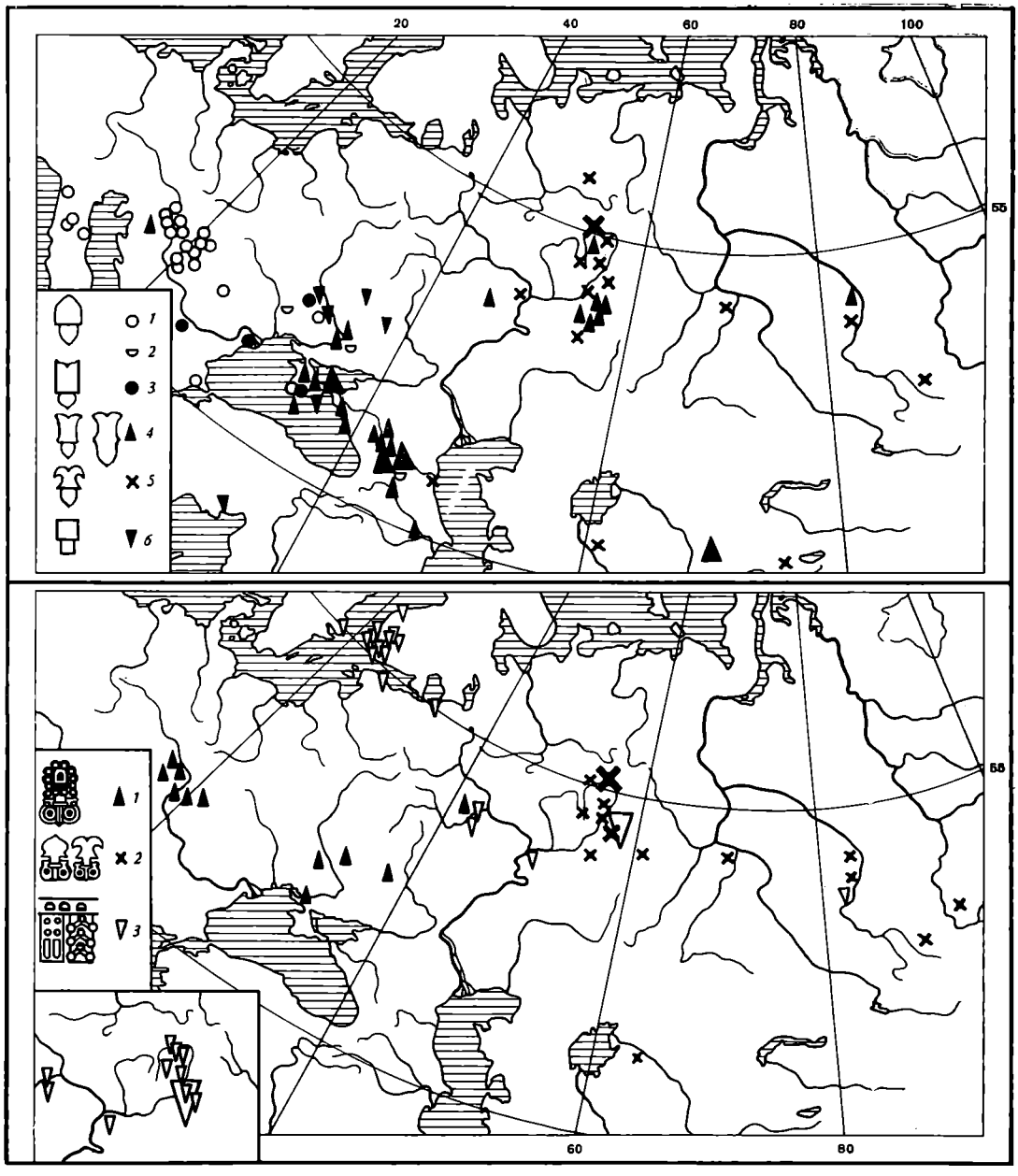


Рис. 2. Распространение некоторых деталей геральдических поясов VI—VIII вв.

Схема 1. Ареалы разных типов двухчастных бляшек. *1, 2* — с верхним килевидным щитком: *1* — западных форм (Лукка, Ночера Умбра, Кастель Тросино, Арчиса, Деск «SZ», Кунагота, Алаттьян, Яношхида, Кунсентмартон, Сегед-«Ченгеле», Фенекпуста, Дунапентеле, Озора, Игар, Папа, Кёрнье, Нови Кнежевац, Арадац, Апатин, Фиртош, Фельнак, Акалан, Хацки, Суук-Су), *2* — поздних форм в Восточной Европе (Ясиново, Вознесенка, Кумбулта); *3—5* — с двурогим верхним щитком: *3* — I вариант (Садовско-Кале, Пятра Фрекэцей, Суук-Су, Мартыновка), *4* — II вариант (Фенек, подражание; Суук-Су, Чуфут-Кале, Керчь, Волошское, Игрень, Борисово?, Агой, Султановское, Узун-Кол, «Боготобагде», Нижний Джулат, Орджоникидзе, Камунта, Кумбулта, Мцхета, Уч-Тепе, Селикса, Уфа, Турбаслы, Бахмутино, Кушнаренково, Маняк, Урья, Рёлка, Борижары), *5* — III вариант (Чир-Юрт, Тетюши, Стерлитамак, Маняк, Неволино, Полом, Висим, Агафоново, Данилова, Весляна, Лихачево, Юрт-Акбалык, Кудыргэ, Топрак-Кала, Таш-Тюбе); *6* — с двумя прямоугольными щитками (Мартыновка, Хацки, Суджа, Колосково, Суук-Су, Мерсин). Схема 2. Распространение псевдопряжек и бляшек неволинского типа. *1* — южные псевдопряжки (Боча, Тепе, Кернье, Фенек, Папа, Пакапуста, Перещепино, Келегейский хутор, Хацки, Колосково, Подболотье); *2* — псевдопряжки «агафоновского» типа (Агафоново, Плес, Полом, Висим, Майкор, Неволино, «Калмацкий Брод», Лихачево, Рёлка, Юрт-Акбалык, Кудыргэ, район Минусинска, Джеты-Асар; *3* — бляшки неволинских широколопастных поясов (Упсала, Паппиланмяки, Питкасмяки, Юлипяя, Астала, Каавонтёнккя, Оявески, Победище, Муром, Хотимль, Плесо, Урья, Носкова, Б. Коча, Висим, Деменки, Н. Кишерть, Неволино, Броды, Томск — находки в Прикамье даны на врезке)

не имеет бляшек, а лишь наконечники пояса и подвесных ремешков. Орнаментация чаще тисненая рельефная, в большинстве восходящая к византийскому растительному орнаменту. Иногда считают их заимствованными из Северного Причерноморья, но здесь таких нет: вероятно, это следствие контактов с Византией на Среднем Дунае. Верхний щиток с двумя острыми углами вверху (двурогий, рис. 1, *13—26*) характерен для Нижнего Дуная (Садовско-Кале и Пятра Фрекэцей), Восточной Европы, Сибири и Средней Азии и известен из множества комплексов VI—VIII вв. (не смешивать с четырехрогими «якорьковыми» бляшками). Ему сопутствуют В-образные пряжки, Т-образные бляшки с короткой шейкой, фигурные наконечники с боковыми выступами, плоские бляшки поясов с прорезным орнаментом. Редкие на территории СССР двухчастные бляшки из двух прямоугольников (Мартыновка, Суджа, Колосково; иногда они сделаны с волнистым краем, подобно двурогим бляшкам: Хацки, Суук-Су), есть и в Византии (Мерсин в Киликии). Концентрация прямоугольных бляшек в Поднепровье, возможно, свидетельствует о прямых контактах антского ремесла с Византией, минуя посредничество степей, Крыма и аваров. Таким образом, двухчастные бляшки — важный элемент наборного пояса, хорошо отражающий как местные, так и более общие ремесленные традиции. Поэтому их хронологические изменения можно использовать для первичной периодизации восточноевропейских поясов.

Двурогие бляшки делятся на варианты по форме и декору. Вариант с прямыми боками и фигурно (волнообразно) вырезанным верхом (рис. 1, *13—18*) явно связан с византийским ремеслом. Подвариант с самыми простыми прорезями (рис. 1, *13—15*) найден в византийской крепости второй половины VI в. Садовско-Кале в Болгарии и в могиле 54 в Суук-Су. Подвариант с более обильными и усложненными прорезями найден в могильнике около византийской крепости Пятра Фрекэцей (рис. 1, *17*). По оформлению верха позднему подварианту близки бляшки с прямоугольной нижней частью из могилы 199 в Суук-Су (рис. 1, *17*) и из клада в Хацках. Таким образом, византийские импульсы проявлялись в течение всего периода бытования южных геральдических поясов. Но основная масса двурогих бляшек быстро утратила свой византийский облик под руками местных мастеров. Второй вариант бляшек (рис. 1, *19—22*) имеет уже значительно более упрощенные очертания волнистого края, а боковые стороны слегка изогнуты в такт изгибам верхнего края. Здесь также выделяются подварианты: а) со скромными прорезями и четким отчленением верхнего и нижнего щитков (Суук-Су, могила 67, рис. 1, *19*; возможно, еще Узун-Кол на северо-западном Кавказе), б) с усложненными прорезями верхнего щитка и большой прорезью на нижнем (Агой, Мцхета, Керчь, Чуфут-Кале, Волошское и др.); в) очень вытянутые с неотделенными щитками (рис. 1, *21*: Чми, могила 17. Нижний Джулат, г. Орджоникидзе, Селикса, Уфа и др.); г) грубо очерченные с очень массивной нижней частью (вероятно, стадия вырождения, рис. 1, *22*; Урья, клад; Кушнаренково из раскопок В. Ф. Генинга; Турбаслы, курган 13; Бахмутино; Борижары на Сыр-Дарье). Третий вариант — с очень длинными, сильно отогнутыми в стороны и вниз выступами верхнего щитка. Подварианты: а) с прорезями (Чир-Юрт, могила 59б, рис. 1, *23*) [9]; б) сплошные бляшки, очень стандартные на всей территории распространения (рис. 1, *24, 25:* Неволино, Агафоново, Весляна, Полом, Маняк из раскопок Н. А. Мажитова, Таш-Тюбе в Киргизии, Топрак-Кала в Хорезме и др.); в) с особенно узкими рогами и сильно видоизмененной нижней частью, типологически наиболее поздний и относящийся к салтовской эпохе (Стерлитамак, рис. 1, *26* и Тетюши, раскопки А. Х. Халикова и Е. А. Халиковой в 1970 г.). Таким образом, развитие двурогих двухчастных бляшек началось во второй половине VI в. в византийском Нижнем Подунавье и в Крыму (рис. 1, *13—15*), а его последние отзвуки угасли во второй половине VIII — первой половине IX в. в Приуралье и Среднем Поволжье (рис. 1, *26*). Как ответвление этой серии на позднем этапе (подвариант III — б) стали в массовом масштабе изготовлять одночастные двурогие бляшки (рис. 1, *27*; Неволино, Маняк и др.), а также придавать двурогую форму щиткам псевдопряжек (рис. 1, *7*, *8*: Агафоново, Полом, Калмацкий Брод, Кудыргэ).

Изменялись и другие детали поясов. Из-за немногочисленности В-образных пряжек из ранних комплексов можно лишь предполагать, что внутренняя щель кольца первоначально была шире (Садовско-Кале, рис. 1, *1*), потом уже (Суук-Су и др., рис. 1, *2*), а округлые выступы кольца больше. У части наиболее поздних пряжек углы щели как бы «выбухают», образуя округлые врезы (рис. 1, *3*), другие имеют в углах круглые отверстия (рис. 1, *4*). Так сказалось влияние расцветающей на позднем этапе полихромии, когда круглые отверстия на гладких серебряных бляшках поясов украшались золотой рубчатой проволокой и вставками стекол. Наконец, как завершение развития В-образных пряжек, на юге стали украшать пояса бляшками с подвешенной на шарнире псевдопряжкой (рис. 1, *5, 6*), язычок которой наглухо прикреплен к кольцу припоем (Перещепино) или проволочками (Хацки) или всё вместе вытиснено из одного листка металла (Пакапуста, Кёрнье, Папа, Фенек — в Венгрии,

---

[9] Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, II. Махачкала, 1961, рис. 7, *18, 19, 21, 22, 24*, там же были лировидная пряжка, бородавчатые бусы, браслет с утолщением в середине и большая инкрустированная брошь. О дате могильника — А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 123.

рис, 2, *2*). Ранние псевдопряжки являются принадлежностью богатых могил. Многие из них подлинные произведения ювелирного искусства. Им посвящена обширная литература [10]. Типологически наиболее поздние — скромные литые псевдопряжки Приуралья и Сибири: Неволино, Плесинский клад, Агафоново (рис. 1, *7*), Полом, раскопки Н. А. Мажитова в Маняке, Калмацкий Брод, Рёлка. Самая поздняя реплика в виде цельной бляхи находится на уздечке в Кудыргэ (рис. 1, *8*). Ранние Т-образные бляшки также малоизвестны (Садовско-Кале, могилы 54 и 56 в Суук-Су, рис. 1, *29—31*). Более поздние отличаются от них большим вырезом на пластине (рис. 1, *32—33*) или круглыми отверстиями на концах перекладины, часто со вставками стекла (стиль южных псевдопряжек, рис. 1, *35, 36*). Наиболее поздние — уже без прорезей и с очень длинной перекладиной; часто выступы на боках пластинки вытянуты до перекладины (Неволино, рис. 1, *38*; Висим, рис. 1, *39*; Маняк, Таш-Тюбе, Беркут-Кала и др.). Наременные бляшки в виде перевернутого щита найдены только раз в относительно раннем комплексе (Суук-Су, могила 67, рис. 1, *51*). Бляшки периода южных псевдопряжек хорошо отличаются от более ранних большими прорезями, занимающими почти всю поверхность и часто резкими выемками с боков (рис. 1, *52, 57—59*). Бляшки широколопастных неволинских поясов еще резче по очертаниям, но длинные прорези сузились и постепенно превратились в беспорядочный набор дырочек. Вырождается и форма бляшки (рис. 1, *60—63;* Неволино, «Архиерейская Заимка» у Томска, могила 28). Урало-азиатские пояса с псевдопряжками (далее для краткости — «агафоновские») имеют очень стандартные сплошные бляшки этого типа с резкими выемками с боков (рис. 1, *55, 56*). Переходная форма от блях стиля южных псевдопряжек к агафоновским есть на упомянутом поясе из Чир-Юрта в Дагестане (рис. 1, *54*).

Наконечники поясов и подвесных ремней также эволюционируют в сторону все большей варваризации византийского прототипа. Шесть византийских наконечников из Садовско-Кале имеют маленькие сердцевидные и стреловидные прорези и скромную гравировку (рис. 1, *64*: упрощенные растительные мотивы типа вьюнка с сердцевидными листьями?). На самых ранних наконечниках из Суук-Су этот византийский мотив распознается уже с трудом (рис. 1, *65*). На следующем этапе местного развития он превращается в длинные прорези в виде буквы U или замочной скважины (рис. 1, *66, 68, 69*). В период южных псевдопряжек в массовом масштабе появились фигурные наконечники с ажурным орнаментом или массивные литые (рис. 1, *70, 71, 77, 78*). На Дунае они очень редки, но один известен даже в Египте (Ахмим-Панополис). Связь фигурных наконечников с Византией пока проблематична. Мелкие фигурные наконечники «агафоновских» (Агафоново, Весляна, Кудымкор, Неволино, Полом, Маняк, рис. 1, *79, 80*) и широких «неволинских» поясов (рис. 1, *73, 74*), а также близкие наконечники из Сибири (Рёлка, курган 1, могила 7 и Архиерейская Заимка, погребения 4, 28, рис. 1, *81*) и из Чми (могилы 7 и 23, рис. 1, *75, 76*) показывают дальнейшую деградацию фигурного язычка периода южных псевдопряжек (рис. 1, *71, 77, 78*). Как и Неволино, катакомбы 7 и 23 в Чми относятся к «предсалтовскому» периоду. Параллельно с местной линией развития на юге СССР и у авар встречаются простые язычки с прорезным сердцевидным и гравированным растительным византийским орнаментом, гораздо более сложным, чем в Садовско-Кале VI в. (рис. 1, *67*, поздние комплексы: Мартыновка, Кишкёрёш, Чадьявица и др.). В местных мастерских он постепенно превращался в тамгообразные знаки.

Комбинации перечисленных выше и многих других признаков в комплексах (с учетом изменений прорезного орнамента) позволяют выделить 4 этапа в развитии геральдических поясов Восточной Европы [11]. Их ареал постепенно расширялся с юго-запада к северу, северо-востоку и востоку. Пояса I этапа найдены в Садовско-Кале в Болгарии и в Суук-Су, II этапа — в Суук-Су (возможно, сюда относятся бляшки из Узун-Кола и могилы № 1 в Нижнем Джулате — на Северном Кавказе), III этапа (южных псевдопряжек) — на Нижнем Дунае (Пятра Фрекэцей), в Крыму (Суук-Су, Чуфут-Кале, Керчь), на Кавказе (Чми, Кумбулта, Тызыл, Борисово, Гижгит, Веселое, Агой), в Поднепровье (Мартыновка, Хацки, Суджа, Колосково, Перещепино, Келегейский хутор), на Оке (Подболотье), Суре (Селикса), в Поволжье (Бережновка), Башкирии (Уфа, Турбаслы, Бахмутино, Бирск) на Верхней Каме (клад в Урье), на Верхней Сырдарье (Борижары) и в Хакасии (пряжки в Изыхе и Сыры). Отдельные пояса III этапа восточноевропейского типа впервые появились в ареале аварских поясов (Боча, Тепе, Папа, Фенек, Пакапуста, Кёрнье и даже две матрицы для изготовления в Адонь).

Пояса IV этапа есть только в Приуралье и дальше к востоку (Хорезм, Тянь-Шань, Сибирь). Здесь они относятся к предсалтовской эпохе. На основной территории Восточной Европы ношение местных геральдических поясов прекратилось с концом

---

[10] Л. А. Мацулевич. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки. Seminarium Kondakovianum, I. Prague, 1927; N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937, стр. 280—293; G. László. Études archéologiques sur l'istoire de la société des avars. Budapest, 1955, стр. 219—238, 252—256, 275—284; A Salamon. Über die ethnischen und historischen Beziehungen des Gräberfeldes von Környe. AAH, XXI, 3—4. Budapest, 1969, рис. 5.

[11] А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 118—122, рис. 5 и 6.

III этапа и распространились новые, близкие аваро-дунайским (с килевидным верхом двухчастных бляшек), украшенные рельефным тисненым орнаментом византийского происхождения (Кумбулта, Вознесенка и с невизантийским орнаментом — Ясиново). Получив преобладание после Перещепина, где-то на рубеже VII и VIII вв., бляшки этого стиля единично дожили до второй половины VIII — первой половины IX в. (Галиат, катакомба с монетой 701 г.) и даже до второй половины IX в., по датировке С. А. Плетневой (Дмитровское, катакомба 51). Вероятно, это объясняется не столько влиянием авар, сколько новым импульсом из Византии. Как раз для второй половины VII — первой половины VIII в. характерны находки византийских монет в степях (Перещепино, Келегейский хутор, Столбица, Романовская) и на Кавказе (Чир-Юрт), византийских пряжек у кочевников (Перещепино, Игар III, Сегед-Фехерто А, могила 34) и у жителей юго-западного Крыма. Пояса IV этапа, вероятно, возникли на восточных границах ареала III этапа. Они делятся на 2 локальные группы: «неволинскую» (рис. 1, *11, 12, 50, 60—62, 72—74*) и «агафоновскую» (рис. 1, *7, 24, 27, 38, 39, 55, 56, 79, 80, 83*). Ареал первой (рис. 2, *2*) — сылвенская культура (Неволино, Броды, Горбунята, Усть-Кишерть) и зона вывоза далеко к западу и северо-западу: Муром, Хотимль, Победище в Приладожье, Оявески в Эстонии и много пунктов в юго-западной Финляндии (Паппиланмяки, Питкасмяки и др.), единично даже в Швеции. В Сибири в «Архиерейской Заимке» у Томска есть один обрывок привозного пояса и местный пояс с близкой пряжкой и бляхами (рис. 1, *63*), но без лопастей. Зато в соседней верхнекамской культуре их, по-видимому, мало (только один пояс в Деменках, бляшки в Урье и еще кое-где). Ареал агафоновской группы совсем иной (рис. 2, *1—2*). Весляна в Коми АССР (ломоватовское влияние идет и севернее, почти до полярного круга), верхнекамская культура (Плесинский клад, Висим, Данилова, Кудымкор, бывшая Аннинская волость, раскопки Р. Д. Голдиной на Агафоновском I могильнике), Полом, раскопки Н. А. Мажитова в Маняке, Сибирь (Калмацкий Брод, раскопки В. Ф. Генинга и С. Я. Зданович на Лихачевском могильнике, Рёлка, Минусинская котловина), Киргизия (Таш-Тюбе), Хорезм (такыры Топрак-Кала, Беркут-Кала и Нариндзан-Баба). Такие бляшки насажены на сбруях из Кудыргэ (рис. 1, *8, 9, 25, 28*), а еще более видоизмененные золотые случайно найдены в северной Монголии. Зато в соседней сылвенской культуре их немного (четыре могилы в Неволино).

Неволинский и агафоновский типы поясов — два одновременных вида поясов соседних культур, связанные между собой только общими прототипами, но не развившиеся один из другого. В неволинских поясах нет ни псевдопряжек, ни двухчастных бляшек, ни Т-образных бляшек, ни многих других деталей агафоновских поясов. Прорези неволинских бляшек и наконечников заимствованы с южных поясов III этапа, на агафоновских таких нет. Наконечники типа рис. 1, *73, 74* не могли произойти от наконечников типа рис. 1, *79—80*, но непосредственно от наконечников рис. 1, *70, 71, 77* (III этап). Таковы результаты типологического анализа и картографирования поясов.

Абсолютная хронология древностей VI—VII вв. основана кроме разработки относительной хронологии, еще на поиске точно датированных комплексов. Таковых немного, но в сочетании с детальной относительной хронологией они дают достаточно четкие рамки [12]. Первый хорошо датированный рубеж — гибель византийских крепостей на Дунае в результате нападения славян и авар на рубеже VI и VII вв. В слое пожарища Садовско-Кале (Болгария) последние монеты 582—602 гг., в Царичине Граде (Югославия) — 602—610 гг. В этих крепостях на Дунае (а в СССР в Херсонесе) много византийских пряжек типа Суцидава (рис. 1, *10*), родственных по стилю геральдическим поясам, а в Садовско-Кале собраны и детали раннего поясного набора (I этапа). Через какое-то время после рубежа VI—VII вв. детали поясов изменились, судя по находке Т-образной бляшки III этапа в новом, варварском поселении, возникшем на развалинах византийского города Юстиниана Прима (Царичин Град). Монетные находки из Перещепина и Келегейского хутора формально фиксируют пояса того же III этапа с псевдопряжками не ранее третьей четверти VII в. (фактически они существовали, по-видимому, позже). Следовательно, III этап поясов сложился в промежутке между началом и третьей четвертью VII в. Хотя бы уже поэтому оба прикамских типа поясов, генетически зависящие от III этапа, не могли появиться ранее второй половины VII в.

Дату начала III этапа поясов можно уточнить на материалах Суук-Су, постоянно привлекаемых к датировке Неволина. В памятниках типа Суук-Су найдены монеты 527—565 гг. (Суук-Су, могила 56 и Чуфут-Кале, склеп 24) и 597—602 гг. (Суук-Су, могила 77 и случайно разрытая могила в Кореизе). Периодизация Суук-Су мною уже кратко рассматривалась [13]. Здесь следует сделать лишь некоторые дополнения. Периодизация построена на сочетании вещей, достаточно длительное развитие которых позволяет построить относительную хронологию, прежде всего на фибулах и поясах. Но корреляционная таблица в статье 1971 г. составлена шире. В нее включены и ме-

---

[12] Кратко об этом: А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 96—99, 118—122.

[13] А. К. Амброз. Проблемы..., I, стр. 105, 110, 112—122. На опубликованной там табл. II надо исправить цифры по вертикали слева: 31 на 43 и 32—43 на 31—42; вверху по горизонтали в IV периоде исправить С75 на С118, а в V периоде убрать С40.

нее значимые вещи и менее выразительные комплексы, с тем, чтобы на основе немногих наиболее значимых материалов систематизировать как можно больше комплексов. Но при широте охвата ведущие принципы построения хронологии выступают менее наглядно. Поэтому здесь я попытаюсь ярче их выявить. Первая основа периодизации — установленное Н. И. Репниковым стратиграфическое деление Суук-Су на верхний и нижний слои. Вторая — деление нижнего слоя по трем этапам развития орлиноголовых пряжек. В таблице 1971 г. отмечалось, что большие двупластинчатые фибулы с фигурными накладками у головных кнопок одинаковы для I, II и III периодов. Теперь удалось установить, что они хорошо различаются по величине. Самые большие (длина без кнопок не менее 20—22 *см*) относятся преимущественно к I периоду (с орлиными пряжками I варианта они найдены дважды в склепе 56 с монетой 527—565 гг., по одному разу в склепах 46 и 420, раскопанном Е. В. Веймарном в Бакле), один раз в могиле II периода (с пряжкой II варианта и монетой 597—602 гг. в склепе 77) и один раз среди многих фибул III периода (с пряжкой III варианта в склепе 61). Сходные с ними по виду фибулы III периода меньше по размерам (не более 17—18,5 *см*). Они найдены в могиле 89 с орлиной пряжкой III варианта, в могиле 67 — с пряжкой, украшенной изображением льва, в склепе 449 из раскопок Е. В. Веймарна в Бакле с небольшой двупластинчатой фибулой с выступами на головке. Эта тенденция к постепенному уменьшению размеров фибул подтверждается появлением небольших двупластинчатых фибул с прямоугольными выступами на головке (длина без выступа от 9 до 18 *см*). Кроме упомянутой находки из Баклы, они встречены с пряжками, украшенными изображением льва на щитке в двух могилах (Суук-Су, могилы 196 и 198), простых крестов — в двух могилах (Суук-Су, могила 90 и Чуфут-Кале, могила 50), сложных резных, не понятых мастером крестов — в двух могилах (Суук-Су, могила 169 и Чуфут-Кале могила 21). Таким образом, небольшие (не более 18,5 *см*) двупластинчатые фибулы обеих вариантов, объединенные общностью размеров, хорошо коррелируются с орлиноголовыми пряжками III варианта и со своеобразной группой довольно крупных пряжек с четырехугольной обоймой: форма, излюбленная у многих германских народов (вестготов Испании, готов Италии, западных франков, отчасти гепидов), но снабженная в Крыму византийскими мотивами (львы, христианские кресты). Здесь впервые проявился процесс угасания готской моды VI в. и нарастания византийских элементов в быту населения крымской Готии. Мужские пояса из тех же могил снабжены В-образными пряжками с суженной щелью (3 склепа). Абсолютная датировка I—II периодов Суук-Су устанавливается следующим образом: по монете Юстиниана в I периоде (вторая половина VI в.), монете 597—602 гг. во II периоде (кратковременный период на рубеже VI—VII вв.), III и IV периоды с их типологически более поздними формами вещей тем самым относятся к VII в. Монета 597—602 гг. из могилы IV периода в Кореизе не имеет датирующего значения, так как подобная уже имеется во II периоде.

Орлиноголовые пряжки III варианта, одинаково представленные в III и IV периодах могильников, важны лишь для их отграничения от I и II периодов. Зато по фибулам и мелким пряжкам IV период хорошо отделяется от III периода. Четвертый период могильников отражает переход от культуры нижнего слоя Суук-Су к культуре верхнего слоя. Это доказывается не только появлением мелких византийских пряжек (типов Сиракузы, Бал-Гота, крестовидных), наибольшее распространение которых относится уже к верхнему слою Суук-Су. По материалам IV периода видно, что в это время постепенно исчезала старая готская мода VI в. украшать женский костюм парой одинаковых больших фибул. Двупластинчатые фибулы стали маленькими и очень упрощенными по форме, часто они лежат в могилах по одной, а пары днепровских фибул составлены из совсем разных экземпляров. В период, соответствующий верхнему слою, этого обычая уже нет совсем (как и обычая деформировать черепа). Все это подтверждает правомерность отделения IV периода от III. Византийские пряжки найдены в нижнем слое один раз с самой поздней маленькой двупластинчатой фибулой (могила 32) и три раза с днепровскими фибулами (могилы 55, 131 в Суук-Су и могила 98 в Чуфут-Кале). В могиле 131 им впервые сопутствовала серьга с крючком, также наиболее частая в верхнем слое Суук-Су.

В памятниках типа Суук-Су наборных поясов немного. Не все они могут быть коррелированы с женскими украшениями и четко приурочены к этапам могильников. Пояс I этапа из могилы 54 в Суук-Су (рис. 1, *14, 29, 41, 65*) следует датировать второй половиной VI в. потому, что он сходен с набором из Садовско-Кале (рис. 1, *1, 13, 15, 31, 42, 43, 64,* особенно с рис. 1, *13*). Сходны с садовскими прорезной орнамент и форма прорези на наконечнике. В могиле 54 были бляшки той же редкой петлевидной формы, как и на бедно украшенном поясе из типичной могилы I периода в Суук-Су (№ 56), датированной монетой 527—565 гг. (из нее — рис. 1, *30*). Один из поясов II этапа найден в хорошем комплексе III периода (могила 67 в Суук-Су), другой — с орлиной пряжкой III варианта, в равной мере бытовавшей и в III и IV периодах (Суук-Су, могила 162). Возможно, бывшие там же боспорские пальчатые фибулы позволят ограничить дату могилы III периодом? Пояс III этапа (периода южных псевдопряжек) найден Е. В. Веймарном в 406 склепе Баклы вместе с самой поздней маленькой двупластинчатой фибулой и относится к IV периоду могильников. Хотя вещи, бывшие с поясами III этапа в могилах 63 в Суук-Су и 34 и 41 в Чуфут-

Кале, не удается отнести к определенному периоду существования могильников, о принадлежности этих поясов именно к IV периоду говорит сопоставление с материалами Поднепровья и Оки. Там пояса III этапа прочно связаны с пальчатыми и зооморфными фибулами (Мартыновка, Суджа, Блажки, Колосково, Подболотье), известными в Крыму только в IV периоде. Крымские экземпляры фибул не древнее днепровских, так как они (как доказано Б. А. Рыбаковым, И. Вернером и В. К. Пудовиным) чужды Крыму и попали туда из Поднепровья. Следовательно, пояса III этапа связаны именно с IV периодом, о чем позволяли предполагать уже находки в 406 склепе Баклы. Этим подтверждается и сделанное выше отнесение поясов II этапа к III периоду. Так как периоды III и IV сложились после 597—602 гг. (судя по монете из II этапа), их можно было бы отнести к первой и второй половинам VII в. И действительно, за синхронизацию IV периода Суук-Су и Чуфут-Кале с Перещепином говорят не только пояса III этапа, но и первое появление литых византийских пряжек именно в IV периоде Суук-Су, Перещепине и II аварской группе.

Как любая археологическая датировка, применяемые здесь даты по равным полустолетиям условны: слишком мало абсолютно датированных опорных точек. Так и периоды III и IV пока условно приняты за полустолетия, хотя реально один из них мог бы продлиться, например 30, а другой 70 лет и т. д. Впрочем количество характерных комплексов каждого периода примерно одинаково. Вероятно, и длительность их существования примерно одинаковая. Однако количество известных в СССР поясов III этапа во много раз больше, чем поясов II этапа. Может быть, пояса III этапа появились немного раньше IV периода, уже до середины VII в.— об этом можно лишь гадать. Во всяком случае, ясно, что по сравнению с поясами из Суук-Су, столь типологически поздние пояса, как прикамские, не могли появиться ранее второй половины или последней четверти VII в. Найденные с ними монеты 590—628 гг. и др. в Неволино, 589 г. в Лихачево, 575—577 гг. в Кудыргэ для датировки не пригодны как явно запоздавшие по сравнению с Садовско-Кале и Суук-Су. Само Перещепино дает для III этапа поясов лишь самую общую «привязку» ко второй половине VII в. Этот памятник один из более поздних в группе поясов III этапа, так как имеет уже связи со II аварской группой (слабый изгиб сабли, переработанные восточные пальметты, византийские пряжки, близость к такому яркому памятнику периода II группы, как Глодосы и т. д.). В синхронном Перещепину Келегейском хуторе есть уже серьги с боковым выступом. Начало II аварской группы определяют по монете 668—669 гг. из Озоры в Венгрии. Но если признать, что смена блях воинских поясов с геральдических на геометрические и в тюркском каганате, и у авар — взаимосвязанные явления, тогда появление геометрических блях у авар совпало бы с образованием второго тюркского каганата в 80-х годах VII в. Этим же временем можно было бы тогда датировать и Перещепино, и последний этап существования южных псевдопряжек, и начало сложения прикамских поясов. Судя по поясам, Неволино не могло существовать во время IV периода Суук-Су, оно синхронно V, предсалтовскому периоду этого памятника.

О том, что агафоновская группа синхронна Неволину и ранним Демёнкам, говорит не только типологическое изучение поясов. Могилы с агафоновскими бляшками (№ 13, 41, 57, возможно, 42) и с птицевидными трубчатыми пронизками (могилы № 4 и 73) нет никаких оснований считать древнее других могил Неволина. В могиле 57 фигурный наконечник рис. 1, *79* и бляхи типа рис. 1, *24* сопровождались сердцевидными бляшками (стр. 32 и табл. XC 5, 7 в обсуждаемой книге), типичными для тюркских поясов с бляхами-оправами. Агафоновские пояса и пронизки есть в раскопках Н. А. Мажитова в Маняке (Башкирия). Но по керамике и формам мелких привесок (лошадки, уточки) Маняк позднее Бирска и Турбаслы (с их деталями поясов III этапа) и предшествует Стерлитамаку. Сходная керамика в Переймине также сопровождается двуглавой лошадкой типа манякских и шареевских и плетеными кольцевыми застежками типа неволинских. Типичная для Плесинского клада и Маняка бронзовая накладка на ручку ножа найдена М. Ф. Жигановым в 1970 г. в предсалтовском комплексе. Небольшая ложка из могилы 29 в Плесе, убедительно отнесенной Р. Д. Голдиной ко второй половине VIII — первой половине IX в., при всем схематизме ее исполнения, наиболее близка к высокохудожественной бронзовой ложке Подчеремского клада (синхронного Агафонову I), увенчанной головой орлиноголового божества с двумя длинными косами. Еще более упрощенная ложечка этой схемы найдена в могиле 79 в Мыдлань-Шае с салтовским перстнем. Уточки Подчеремского клада с выступами под краем близки уточке фоминского этапа с Большой Речки на Оби. Они развивают тип уточек из Окско-Сурских могильников VII в. и продолжаются дальше в уточках из могил переходного периода, собранных в статье Р. Д. Голдиной. Чем больше становится материал по Верхнему Прикамью, тем больше аргументов за синхронность «агафоновских» древностей с «неволинскими».

Иногда дату узких поясов Прикамья ставят в зависимость от даты Кудыргэ на Алтае. В связи с находкой там монеты 575—577 гг. уже давно высказано мнение, что изначальные формы прорезных геральдических бляшек следует скорее искать у тюркских народов Алтая. А. А. Гавриловой и В. И. Распоповой уточнена дата бляхоправ катандинского типа эпохой II каганата (680—745 гг.). Типологические различия катандинских и кудыргинских древностей, казалось бы, дали новое основание для отнесения Кудыргэ к раннему времени, к эпохе I каганата (552—630 гг.). Но при этом не прослежено ни случаев перекрывания одних древностей другими, ни генети-

ческой зависимости: вырастания катандинских древностей именно из кудыргинских. Не прослежено развитие одних и тех же типов вещей по этапам: ведь простое наличие общих черт можно объяснить и связями одновременных культур. Кроме монеты, лишь геральдические бляшки служат обоснованию даты Кудыргэ столь ранним временем: эпохой Садовско-Кале и I—II периодов Суук-Су с их поясами I и II этапов. Однако и абсолютно датированные ранние находки и типология бляшек показывают, что изготовление всех групп геральдических поясов началось с переработки византийских мотивов и с Сибирью не связано. Как показано выше, ареал этих поясов расширялся от византийских владений на Нижнем Дунае и в юго-западном Крыму в северном, северо-восточном и восточном направлениях и достиг Сибири и Алтая на сравнительно поздней стадии.

Расхождение общепринятой даты Кудыргэ с картиной развития геральдических поясов нельзя объяснить тем, что бляшки из Кудыргэ, особое, самостоятельное, сибирское явление, не связанное с восточно-европейским развитием. Эти бляшки до мелочей копируют бляхи Восточной Европы, особенно «агафоновские». Достаточно сравнить такие Кудыргинские и восточно-европейские бляшки, как изображенные на рис. 1, *82* (могила 4) и рис. 1, *77* (еще ближе аналогия в Арцыбашеве); рис. 1, *25* (могила 5) и рис. 1, *24*; рис. 1, *28* (могилы 8 и 10) и рис. 1, *27*. Узкие наконечники из могил 4 и 10 сопоставимы с рис. 1, *75, 76* из предсалтовских катакомб 7 и 23 в Чми. Двурогая Т-образная бляшка из могилы 12 имеет хорошие аналогии эпохи южных псевдопряжек (Чуфут-Кале, могила 34; Шареево, могила 8, Подболотье, могила 220, клад в Урье). Псевдопряжка из той же могилы (рис. 1, *9*) чрезвычайно деградирована, хотя и сохранила многие детали прототипа. Ее ближайшая аналогия — пряжка из Тюхтятской коллекции [14] с имитацией зерни и инкрустаций, стилистически выпадающая из тюхтятских находок. Килевидные бляшки с изображениями животных были у авар в VII в. и на Северном Кавказе со второй половины VIII в. (Песчанка). Но наиболее близки кудыргинским (могилы 9, 10, 22) бляшки из Архиерейской Заимки у Томска, из могил 5 (с наконечником типа рис. 1, *70, 71* и якоревидной бляхой второй половины VII в., с особенно близкими аналогиями в могиле 11 в Гатер) и 28 (с пряжками и бляхами неволинского типа и наконечниками рис. 1, *63, 81*). Дата этого могильника VIII в. получает все большее признание. Сбруйная бляха с четырехлепестковым завершением и поперечным валиком на конце из Кудыргинской могилы 4 принадлежит к типу крестовидных сбруйных блях из Мадараша, Фельнака, Перещепина и Глодос, но к самому позднему их варианту. Довольно близки ей уплощенные с лепестковым завершением бляхи из разрушенных могил некрополя II аварской группы (современной Катанде) в Дунапентеле и еще более видоизмененные в комплексе VIII в. Вознесенке [15]. Кудыргинские бляшки не просто подражают восточноевропейским типам, они воспринимались мастером как чисто орнаментальная экзотическая форма и полностью утратили былое функциональное назначение. Так, Т-образная бляшка рис. 1, *40* (могила 9) тщательно копирует прототип, но ее перекладина имеет шпенек для приклепывания наглухо к ремню. Псевдопряжки рис. 1, *8* (могила 8) превратились в плоские пластинки, оформляющие концы ремешков. Не случайно все эти бляшки украшали в Кудыргэ лошадиную сбрую. Наборных поясов там не найдено совсем. Кудыргэ — памятник времени Неволина и катандинской группы. Это объясняет находку блях-оправ в кургане кудыргинского типа в Капчалы II (курган 19) и тесное переплетение многих черт кудыргинской и катандинской групп могил, отмеченное А. А. Гавриловой. Вероятно, это разные группы кочевников эпохи II каганата, жившие чересполосно.

Таким образом, рассмотрение двух типов поясов из Неволинского могильника на фоне общего развития поясных украшений Восточной Европы и Сибири показало, что они не могли появиться ранее 80—90-х годов VII в. (конца периода южных псевдопряжек) и исчезли примерно в середине или второй половине VIII в. до начала салтовского влияния в Прикамье. Предшествующие и последующие, хорошо датированные по монетам пояса Евразии настолько иные, что невозможно существенно расширить дату Неволина за рамки указанного периода. В Прикамье древностям типа Неволина и Агафонова предшествовал поздний этап харинской культуры (VII в.), синхронизируемый по материалам Бирска, Полома и некоторым новым раскопкам с III этапом геральдических поясов (эпохой южных псевдопряжек).

Публикация И. Эрдели, Е. Ойтози и В. Ф. Генингом материалов Неволинского могильника дает новый важный материал для дискуссии по раннесредневековой археологии Прикамья.

А. К. Амброз

---

[14] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. LXI, внизу.

[15] A. Marosi, N. Fettich. Trouvailles avares de Dunapentele, Budapest, 1936, табл. VIII, 1—14; В. А. Грінченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенкі на Запоріжжі. Археологія, III, Київ, 1950, табл. III, 8, 12.

Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е1-55. М., «Наука», 1968, **его же. Новгородские древности. Резное дерево.** САИ, вып. Е1-55. М., «Наука», 1971.

Экспедиция Института археологии АН СССР и кафедры археологии Московского университета под руководством А. В. Арциховского и его заместителя Б. А. Колчина, работавшая в 1951—1962 гг. на Неревском раскопе в Новгороде, добилась исключительных успехов. Извлечены из земли сотни берестяных грамот, свидетельствующих о распространении грамотности среди различных слоев новгородского населения, открыты остатки мастерских ремесленников, найдено огромное количество всевозможных древних изделий, и среди них на первом месте стоят, несомненно, уникальные по своему значению изделия из дерева.

Весь русский быт пронизан миром деревянных вещей. Из дерева возводилось большинство сооружений — от княжеских и боярских хором до скромной деревенской избы; из дерева искусные мастера делали многочисленные предметы домашнего обихода, орудия труда и средства транспорта. «Деревянная» Русь поистине была искусной в использовании этого замечательного материала. Дерево долго оставалось наиболее важным из всех материалов и в последующие столетия. Тем более интересны для нас находки деревянных изделий в земле древнего Новгорода.

Если мы достаточно хорошо знаем удивительные деревянные резные изделия XVIII—XX вв., определяющие материальную и художественную культуру русского крестьянина, то для более ранних времен они оставались неизвестными. О широком применении дерева в прошлом можно было судить по многочисленным фольклорным данным, по разнообразным сведениям, сохранившимся в литературных и иных источниках, наконец, по сообщениям о различных строительствах, не говоря уже о сотнях документов по торговле. Последние обработал С. В. Бахрушин, показавший необычайную распространенность изделий из дерева на Руси конца XVI — начала XVII в.[1]. Но нам не хватало самих вещей и возможности увидеть воочию этот мир дерева. Раскопки, которые проводились археологами в земле древнего города с необычайной тщательностью и последовательностью, донесли до нас поразительные вещи — произведения новгородских ремесленников и художников, занимавшихся обработкой дерева.

Весь этот материал, долгое время остававшийся известным лишь ограниченному кругу лиц (из-за сложности консервации он хранился в воде), сейчас, после глубокой и серьезной научной обработки, становится достоянием всех интересующихся древнерусской культурой. Деревянные изделия древнего Новгорода опубликованы в двух очень обстоятельных и прекрасно подготовленных выпусках Новгородских древностей в серии «Свода археологических источников».

Б. А. Колчин распределил материал по функциональному признаку и выделил группы изделий — бытовые, служившие разнообразным домашним и иным нуждам новгородца, и изделия художественные, в которых отражены различные виды декоративно-прикладного искусства.

С огромным интересом читаешь строгие и сдержанные строки ученого. Все найденные изделия подвергнуты строгой классификации и типологии. По месту их залегания в том или ином стратиграфическом слое точно определяется не только время их гибели, но и время их создания в абсолютных датах. Это стало возможно благодаря дендрохронологической датировке новгородских древностей. В отличие от вещей, выполненных из золота, серебра, бронзы, деревянные изделия, как правило, можно датировать временем того слоя, в который они были бережно заключены судьбой.

«На Неревском раскопе,— пишет Б. А. Колчин,— мы впервые получили представление об облике русского средневекового города в целом, о планировке Новгорода, о его покрытых деревянными мостовыми улицах и площадях, об инженерных сооружениях, садах, и огородах, жилых избах и теремах, мастерских и лавках» (стр. 5). Одних только «хорошо определимых археологически» деревянных изделий было собрано более 20 000 экземпляров.

В двух выпусках опубликованы все массовые и индивидуальные находки изделий из дерева. На 133 таблицах и 102 рисунках изображены наиболее характерные и лучше всего сохранившиеся находки. Всматриваясь в их формы, их художественный облик, читаем одну за другой страницы истории культуры Новгорода. Б. А. Колчин знакомит нас с большой исследовательской работой, которую проводили ученые как в поле, так и в тиши своих лабораторий и кабинетов. Потребовался огромный и самоотверженный труд, чтобы разобраться во множестве найденных изделий, восстановить их первоначальный облик, уяснить часто не всегда понятное, а порой и загадочное назначение тех или иных изделий. За вещами, которые опубликованы, охарактеризованы и описаны Б. А. Колчиным, чувствуются сами люди, мастера и художники, любовно и чутко относившиеся к своим изделиям, вкладывавшие в них

---

[1] С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. Сб. «Научные труды», 1, М., 1952; его же. О территориальном разделении труда в XVI — начале XVII в. Там же.

свой труд, свой большой опыт, где ярко проявляется как индивидуальная одаренность, так и коллективная преемственность — то, что мы называем традиционным опытом, передаваемым из поколения в поколение.

В начале книги Б. А. Колчин знакомит читателя с инструментами, которыми обрабатывал дерево новгородский мастер; и большинство из них не так уж сильно отличается от тех, что сохранялись в ремесленном производстве русского крестьянина XVIII — начала XX в. Говорится о видах древесины, употреблявшейся для работы: это были, как правило, хвойные породы — больше всего ель, меньше сосна, а также лиственные. По заключению автора, в Новгороде применялось до 27 видов древесины, среди которых преобладали ель, можжевельник, дуб, ясень, клен, береза, ольха, липа, ива и др. Из привозных применялись лиственница, пихта, кедр, тис и самшит. Последние везли в Новгород с далекого юга. Из самшита новгородские резчики делали гребни, соперничая с костерезами.

В первом выпуске большой интерес представляют обычные массовые бытовые изделия и орудия труда. Здесь рассматриваются лопаты, грабли, вальки, рыболовные снасти, сапожные колодки, поплавки и грузила, бондарные изделия, колеса, фрагменты саней, разнообразная посуда и т. д. Особый интерес вызывают точеные сосуды, а также всевозможные ложки, ковши, уполовники, ковши-коренушки, прялки, музыкальные инструменты и многое другое.

Первое, что бросается в глаза — это удивительная обобщенность изделий, крепость и слаженность формы, стремление к простому но всегда выразительному объему. Чувствуется какая-то монументальность, неторопливый и мощный склад того художественного языка, который создает форму, «чертит» силуэт вещи. Даже в простых вещах чувствуется большая цельность и слаженность. В ковшах (табл. 31), уполовниках (табл. 33—34), прялках (табл. 65—66) мы замечаем любовь к изобилию материала, желание придать крепость и силу изделиям, что делает их духовно сродни новгородской архитектуре. И в то же время многие вещи, как, например, отдельные уполовники, не лишены изящества. Используя древесный сук, мастер придает вещи форму, вызывающую у нас ощущение подлинной красоты. Так, удивительно хорош уполовник (табл. 34, № 5), чья изгибающаяся ручка не только красива по форме, но в очертаниях ее угадывается облик какого-то зверя, возможно, столь любимого в Новгородском искусстве фантастического дракона, чей образ буквально населяет декор ковшей, встречается в костерезных изделиях и воспоминание о котором осталось в былинных представлениях о змеях-горынычах. В самом же образе дракона, вероятно, были отражены языческие представления, связанные с поклонением солнечному божеству. Б. А. Колчин считает, что «наиболее древние ковши имели изогнутые ручки, завершающиеся мордами драконов, иногда стилизованными» (стр. 46) и что они стали исчезать в XII в., уступая место ковшам с прямыми ручками. Здесь явно уходил в прошлое образ дракона, чья символика, по-видимому, начинала изживать себя. Вообще материалы, опубликованные Б. А. Колчиным, представляют огромный интерес не только для археолога и историка, но и для историка искусства, и для фольклориста. Они еще, безусловно, послужат основой для самых разнообразных научных изысканий.

Знакомясь с резными и токарными сосудами, опубликованными в работе, мы видим, насколько они были интересны и многочисленны по формам и назначению. Среди них разные чаши глубиной до 3—4 *см*, отличающиеся мощностью форм, с простыми или резными плоскими ручками, удобные для пользования. В токарных сосудах виден упор на красоту объемной, строго выверенной формы, на прелесть древесины, ее рисунка. Наряду с сохранившимися вещами в книге опубликованы отдельные образцы реконструкций деревянной точеной посуды, и они поражают своей отработанностью по формам и типам: здесь и разные по силуэту, размерам и глубине чаши, но всегда простые и строгие; мисы и ставцы (последние с крышками), наконец, блюда разнообразной формы, братины и кубки. Вглядываясь в них, мы видим, что многие из этих форм продолжают сохраняться в народном творчестве и послужили, вероятно, в свое время образцами для металлической посуды последующих эпох; во всяком случае между деревянными новгородскими сосудами и древнерусской металлической посудой есть близость и несомненная преемственность.

Иногда на отдельных вещах (например, копылы) встречаются вырезанные мотивы плетеного орнамента. Но особенно привлекают внимание уключины, которые порой представляют голову утицы (а может быть, и дракона?),— необычайно выразительные и простые по силуэту. Они говорят о художественной традиции, связанной с почитанием в прошлом птиц и зверей. Сюда же можно присоединить и другие изделия, найденные в Неревском раскопе.

Переходим к рассмотрению следующего выпуска, посвященного исключительно резным изделиям. Б. А. Колчин пишет: «В декоративном искусстве, самом массовом из всех искусств, художественной обработке дерева принадлежит первое место. В каждом доме новгородцев имелись произведения бытового искусства. Чаши и ложки, лавки и столы, гребни и шкатулки, конские хомуты и корабельные уключины, прялки и юрки, детские игрушки и шахматы были украшены тем или иным узором или имели форму, соответствующую с наибольшей выразительностью практическому назначению и художественному замыслу вещи» (стр. 7). На Неревском раскопе было вскрыто до 500 жилых домов, и в них, по словам автора, везде имелись

художественные изделия, выполненные из металла, кости, глины и стекла, но главным образом из дерева.

Читатель не может не прийти в восхищение от удивительно строгой и соразмерной красоты изделий, от изящества и выразительности их благородного декора. Здесь следует на первое место поставить разного вида утварь: обломки ковшей, их рукояти в виде фантастических голов драконов, птиц, скульптурные головы животных, человеческие «лики» и, наконец, исключительно интересные, украшенные резным орнаментом архитектурные детали, колонны, спинки кресел, копылы, прялки, пряничные доски, детские игрушки, пеналы, балясины (сохранившиеся в народном искусстве до последних дней), резные шахматы и всевозможные декоративные детали от разных предметов. Сюда же следует отнести и отдельные вещи с сохранившейся на них декоративной росписью: ложки, берестяные и лубяные изделия (коробья, туесы).

Особенно значительно распространение плетеного орнамента, который входит как основной элемент убранства в самые различные предметы, покрывая ковши, чаши, пряничные доски, спинки кресел и даже архитектурные детали (колонны). Резной плетеный орнамент встречался не только на колоннах, но и украшал другие детали новгородского жилища. Вещи всегда носили утилитарный характер. Новгородец не знал бесполезных вещей, и это свое понимание передал потом русскому крестьянину последующих эпох. Декоративность большинства изделий, найденных в Неревском раскопе, определяется не только орнаментом, который всегда плоскостен, стремится равномерно, неторопливо укрыть поверхность вещей. Она чувствуется в форме самих вещей, в отдельных скульптурных деталях, например, в звериных головах, представляющих рукояти ковшей, и фрагментах «личин» людей и животных, являющихся, как предполагает Б. А. Колчин, изображениями охранителей жилища «домовых». Вещи новгородской работы образуют, как правило, ясные и крупные декоративные силуэты; они легко и ясно воспринимаются, и их строгий несколько монументальный характер смягчается мягкостью плавно текущего, очень пластичного в своих очертаниях плетеного орнамента. Орнамент на вещах всегда дан с чувством соразмерности, с большим тактом. Видно, что безвестные мастера и художники прекрасно понимали как сочетать орнамент с вещью, никогда не делали его чрезмерным, не перегружали им свои произведения. И даже в таких памятниках, как резная колонна, орнамент из сплетающихся лент полон неторопливости, словно медленно струящиеся воды Волхова. Плетеный узор на колонне образует равномерный ковровый рисунок; в двух местах он спокойно расступается, образуя круги (сохранились лишь их половины), в которых помещены такие же спокойные фигуры грифона и китоврас (стрельца). Узор из сплетающихся лент на рассмотренной колонне вызывает в памяти волнистые линии, украшающие славянскую керамику. В Новгороде эта плетеная орнаментика приобрела исключительную выразительность и может быть названа подлинно новгородским орнаментом. Она не похожа на скандинавскую плетенку, которая вся полна динамики, резкости в движениях, и орнамент который кажется «мерцающим», ускользающим от нашего зрения, тогда как новгородский плетеный узор исполнен величественного спокойствия, его движение плавно и медленно, он хорошо обозрим и сразу «схватывается» глазом. При этом он может оставаться очень нарядным и насыщенным. Это, между прочим, одна из тех основных черт, которые, с нашей точки зрения, определяют свойства декоративности русского орнамента вообще и которые были уже полностью проявлены в новгородском искусстве.

К этой же группе резных плетеных декоров принадлежат и вещи, составляющие детали мебели. Перед нами проходит целая череда орнаментальных рисунков, от очень простых и незатейливых до сложных и замысловатых. Розетки с треугольными лучами, изображенные на многих вещах и похожие на славянские височные кольца, выполнены простой контурной резьбой. Большая часть спинок от кресел украшена довольно сложной плетеной орнаментацией. Это разнообразные рисунки контурной, а иногда и плоскорельефной резьбы. Здесь мы видим мотивы в виде полукружий, сплетающиеся друг с другом в бесконечный узор ленты, и просто выполненные растительные орнаменты. Несомненно, самое видное место в публикуемой Б. А. Колчиным коллекции представляет брус от спинки или передка саней с разворотом дуги в 60—70 *см*. Этот брус сохранился в слое XI в. и украшен прекрасной, мастерски выполненной плоскорельефной резьбой. И здесь мы видим привычную черту русского орнамента, который стремится богато использовать те или иные формы. Новгородский художник изобразил трех драконов. Они расположены друг за другом; их узкие лентообразные тела обрамлены переплетающимся ленточным узором, и кажется, что драконы плывут в бурных волнах моря. Очень выразительны их головы с высунутыми языками, которые входят в общую «систему» орнаментального узора. Маленькие лапки драконов, их головы не создают впечатления свирепости. Несмотря на густоту и насыщенность рисунка, он ни в коем случае не производит впечатления неясности: все в работе мастера поражает структурной четкостью (тела драконов великолепно «вписываются» в форму бруса, отвечают его плавному изгибу и хорошо смотрятся как вблизи, так и издали). Фантастическое существо, изображенное мастером, восходит к древним мифологическим образам (может быть, связанным с солнцем?), но здесь оно стало исключительно декоративным

мотивом, которым любуются так же, как любуются образами и героями сказок. И хотя новгородские драконы на брусе отвлеченны, а линии рисунка условны, они исполнены поразительной жизненности. Здесь подлинное дыхание жизни, выраженное языком линейно-графического стиля, отдано могучему и смелому воображению безусловно большого художника.

Не меньший интерес представляют и многочисленные рукояти ковшей — все они изображают головы того же фантастического существа, героя древнего мифа и сказок — змеевидного дракона. Мы знаем, что новгородцы видели дракона, живущего в водах Волхова; вероятно, он был им знаком и летящим по небу, сопровождающим вечное светило в его пути над миром. Он и отразился в любовно выполненных рукоятях миниатюрных ковшиков, которые открывают в новгородском искусстве большую страницу подлинной объемной скульптуры. В вещах, описанных и опубликованных Б. А. Колчиным, предстают разные типы драконов. Среди них есть созданные рукой не очень умелого мастера (табл. 24, *5, 6*; табл. 25, *2*). Формы их просты, предельно обобщены, головы (глаза и рты) намечены скупыми порезками. Эти драконы или наклоняют, или опускают свои головы, словно внимательно следя за зрителем. Пасти их полуоткрыты, но это все-таки не делает их очень уж страшными. В этом отношении они много добродушнее своих соседей — скандинавских драконов. Их плавно изогнутые шеи очень удобны для рукоятей ковшей. Здесь художественный, скульптурно выраженный замысел органично сливается с практическими назначением вещи. До нас не дошли за редкими исключениями такие «драконовидные» ковши в целом (только один сохранился полностью, табл. 24, *1*), но они несомненно воспринимались очень органично. Черпак ковша смотрелся прежде всего туловищем дракона, и ковш весь «оживал», превращался в своеобразную деревянную скульптуру, не терявшую в то же время и своей идеи — сосуда.

Наряду с такими драконами есть и трактованные более сложно, изобличающие более тонкую и уверенную руку мастера. Так, очень интересен дракон (табл. 23, *1*) с значительно удлиненной и изящной шеей, вытянутой головой, украшенный тонко вырезанной плоскорельефной плетенкой. Она покрывает поверхность шеи дракона, а может быть, и дракона-коня? Не перенес ли новгородский мастер на свое произведение привычку заплетать в сложные косицы гриву коней, как это часто делают и поныне крестьяне? Может быть, эти два образа — дракона и коня — слились здесь в одно? Огромной силой и выразительностью наделен дракон рукояти ковшика (табл. 26, *3*), в упругом движении прижавший голову к шее, покрытый плетеным орнаментальным рисунком, где ясно обозначены круги, похожие на те, которые мы видим на колонне, но без изображений внутри них. Не говорят ли эти круги о солнечной (огненной) природе дракона и не явлен ли перед нами здесь еще раз один из образов славянской языческой мифологии? Во всяком случае все драконы, опубликованные Б. А. Колчиным, составляют яркую и внушительную галерею древних образов, характерную для искусства Новгорода X—XII вв. и сходящую постепенно на нет в дальнейшем. По-видимому, здесь действовали усиливавшиеся христианские воззрения, и языческая мифология постепенно «выветривалась». Ее следы потом сохранялись главным образом в искусстве деревни, а из города она уходила, и уходила довольно поспешно. Если же и оставалась, то продолжала жить в виде привлекательной и радующей воображение сказки.

Необходимо остановиться на объемных скульптурах голов баранов, коня, зайца, а также человеческих «личинах», которые составляют в работе Б. А. Колчина особую группу и подробно описаны им. Эти вещи, в основном из слоев X—XIII вв., выполнены порой с удивительным реализмом. Такова превосходная, словно сделанная с натуры головка зайца. Очень хороша и маленькая фигурка, изображающая барана, являющаяся, как думает автор, детской игрушкой или украшением интерьера. Эти изделия лишний раз говорят о скульптурном даровании новгородцев. Еще больший интерес представляют предметы «назначение которых (осторожно пишет автор.— *В. В.*) нам пока не удалось установить» (стр. 40). Это изображение руки, держащей палочку. Иногда такая палочка завершается фигурой лежащего льва.

В слоях X—XI вв. найдены многочисленные палочки с навершиями, по-видимому, связанные с ритуальными, еще языческими воззрениями. Они укреплены в верхней части очень выразительно выполненными головами птиц, может быть, тех же драконов. Завершают эту группу фигурки, вероятно, «домовых». Они тоже очень выразительны, но представляют собой статичные скульптурки, в которых форма намечена очень обобщенно, многие со следами геометризации. Глаза у таких «домовых» или отсутствуют, или слегка намечены. Фигурки очень обобщены. Лишь в некоторых, наиболее выразительных, проступают реалистические черты — таков «домовой» (табл. 35, *1*) с усами и бородой. Не изображение ли это могучего Перуна, которого по летописи «Временных лет» поставил Владимир на холме в Киеве: «постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат»? Особенно тонко пластически выполнен другой «домовой», вполне реалистичный, с очень удлиненными и полными выражения чертами лица.

Примыкает к ним и группа детских игрушек. Это плоские и скупо выполненные, но выразительные коники. Они статичны, просты в своих формах. У некоторых голова лишь намечена. Она угадывается в крутом наклоне шеи (такие игрушки еще в XIX в. можно было найти на Русском Севере). У одного коня голова намечена бо-

лее четко и даже изображено седло. Мифологический (солнечный) конь стал конем бытовым, конем воина.

Очень интересны и росписи ложек, обнаруженных в слоях XIII—XIV вв. Их декоративные элементы похожи на рисунки новгородских рукописей: квадраты с закругленными, переходящими в плетение концами, узоры, похожие на «сердца» (табл. 45, *1, 2, 5, 6*), которые потом появятся в XVI веке в сканном орнаменте новгородцев в Евангелии Боровского монастыря.

Трудно перечислить все, что описано, охарактеризовано и опубликовано в работе Б. А. Колчина. В нашем небольшом обзоре этого многолетнего труда мы хотели коснуться наиболее, с нашей точки зрения, важных и интересных моментов, показать значительность и глубину выполненной работы и подчеркнуть ее большую научную ценность.

Автор дал очень широкое и обстоятельное исследование новгородского дерева в его самых разнообразных проявлениях. Работа имеет большое значение не только для интересующихся новгородским искусством, но и для тех, кто изучает старое и современное народное искусство. Еще В. Белинский в свое время очень верно подчеркнул и отметил удивительную «народность» новгородской культуры. Эта народность проникает во все произведения, выполненные в дереве, говорит о высокой художественной культуре, которая была свойственна Господину Великому Новгороду не только в его зодчестве, живописи, в его великолепной книжной миниатюре, но и пронизывала все его художественное творчество, сходя до самых глубин подлинно широкого народного мастерства.

Выход двух томов «Новгородских древностей» безусловно является значительным событием в нашей русской исторической науке. Можно только поблагодарить автора за его большой и самоотверженный труд и выразить чувство признательности тем, кто вместе с ним осуществлял эту большую и ценную работу, вписавшую новые яркие страницы в историю культуры и искусства нашей родины.

В. М. Василенко

New perspectives in archeology. Edit. by Sally R. Binford and Lewis R. Binford. Aldine Publishing Company. Chicago, 1968, 3d printing 1970, X + 373 стр.

Рецензируемый сборник — чрезвычайно важное и примечательное явление в мировой археологической литературе. Здесь выдвинуты принципиально новые для американской археологии (а во многом и не только для американской) теоретические установки, показаны плодотворные методические приемы и предложены интересные, хотя нередко и спорные, решения ряда конкретных проблем. Этим сборником, можно сказать, конституировалось обозначившееся с начала 1960-х годов новое направление в американской археологии, признанным лидером которого является Л. Бинфорд (так его и аттестует в конце исторического очерка американский археолог Г. Уилли [1]).

Сборник составлен в основном из работ, подготовленных к симпозиуму «Социальная организация преисторических обществ», проходившему в рамках 64-го ежегодного собрания Американской антропологической ассоциации в Денвере (ноябрь 1965 г.). Сравнительная молодость авторов отмечена в тексте (стр. 354).

С новыми положениями Л. Бинфорд начал выступать в печати с 1962 г. [2], Дж. Диц — с 1963 г. [3], У. Лонгакр — с 1964 г. [4]. Сами авторы сознают и подчеркивают свой «отход от традиционных исследований» (стр. VII), представляют свои работы как «радикальные в подлинном смысле этого слова» (стр. 27), «самые современные» (стр. 16), требуют «фундаментальных пересмотров» (стр. 73), подумавают о термине «новая археология» (стр. 27) и провозглашают: «Изменения в археологии, которые документированы в этой книге,— более, чем просто новые методы и новые теории; эти изменения состоят в теориях и методах, развиваемых в контексте новой эпистемологической (т. е. гносеологической — *Л. К.)* перспективы в таких основных вопросах, как правильные археологические процедуры, которым должно следовать в изучении прошлого» (стр. 17).

Может быть, радикальность или новизна установок несколько и преувеличены, но энтузиазм пионеров, увлеченных новыми перспективами, легко понять, а работы их действительно означают важный шаг вперед.

---

[1] G. R. Willy. One Hundred Years of American Archaeology. «One Hundred Years of Anthropology», ed. by J. O. Brew. Cambridge, 1968, стр. 52.

[2] L. R. Binford. Archaeology as Anthropology. «American Antiquity», 28, 1962, 2, стр. 217—225.

[3] J. Deetz. Archaeological Investigations at La Purissima Mission. Anual. Report 1962—1963, UCLA Archaeological Survey, 1963.

[4] W. Longacre. Archaeology as Anthropology. «Science», 144, 1964, 3625, стр. 1454, 1455.

«Прошлое познаваемо» — провозглашает Л. Бинфорд (стр. 26), блестяще опровергая аргументы археологов-скептиков и агностиков современной английской школы. Он и его соратники отстаивают материалистические позиции. Один из комментаторов М. Фрайд замечает: «Мне кажется, что в конфликте между материалистическим и идеалистическим подходом археологи отшатнулись к первому». И добавляет в утешение: «Кое-кто мог бы возразить, что археологи на деле никогда не отступали от материализма, так как их данные по природе таковы, что стимулируют материалистический подход» (стр. 352). У авторов статей на первом месте интерес к экономике и стремление проследить зависимость от нее социальных структур. Ключ к вскрытию этого механизма усмотрен в системном подходе. Перенос центра тяжести с изучения вещей, типологических рядов и стратиграфических колонок на изучение планов поселений; требование тотального вскрытия при раскопках; расширение границ объекта до охвата целого района; интерес к группировке вещей и сооружений по их функциональным связям (а не по формам или материалу) — все это не совсем ново для советских археологов, но и не совсем чтобы старо и уж во всяком случае совсем не чуждо.

Статьи, собранные в книге, сгруппированы в три части. Первая названа: «Археологическая теория и метод». Здесь представлено пять статей (Л. Бинфорда, А. Сполдинга, Дж. Дица, С. Бинфорд и Дж. Сэкета). Во второй части книги собрано пять статей, посвященных исследованию вариабельности археологических остатков в н у т р и какого-либо одного поселения. Третью часть книги составляют статьи (их шесть), посвященные исследованию сходств и различий м е ж д у памятниками.

В рецензии удобнее будет рассмотреть их не в этом порядке, а сгруппировав по ведущим проблемам теории и метода, которым посвящены статьи (из разных частей книги).

Во вводных замечаниях к первой части сборника сопоставлены разные определения места археологии в системе наук. «Археология не есть ни история, ни антропология,— писал в 1948 г. У. Тэйлор [5].— Как автономная дисциплина она состоит из метода и ряда специализированных технических приемов для сбора или „производства" культурной информации». Согласно этому определению теория чужда археологии. Г. Уилли и Ф. Филипс возразили (в книге 1958 г.): [6] «Приемлемую полевую работу, вероятно, и можно делать в теоретическом вакууме, но интеграция и интерпретация без теории немыслимы...», а теорию, по их мнению, археология может лишь заимствовать от антропологии (в американском смысле — от науки, объединяющей этнографию, социологию, физическую антропологию). Составители сборника, соглашаясь с тем, что «археолог — это представитель антропологической науки» (стр. 2), тем не менее полагают, что археология должна обладать собственной теорией, так как «научные методы и техника могут быть развиты, только если они отвечают определенным целям и только применительно к свойствам используемых эмпирических данных» (стр. 1). Археология не ограничивается выявлением соотношений между материальными остатками прошлого, она должна объяснить эти соотношения, объяснить выявляемый в них порядок. «Археологическая теория состоит из предложений и предположений о самих археологических остатках — об их происхождении, источниках вариабельности, определяющих факторах различий и сходств и т. д.» (стр. 2). Конечно, этот взгляд шире приведенных выше представлений, но и здесь можно отметить некоторое упрощение.

Выпало важное звено, без которого, видимо, предложения и предположения не составляют теории,— их системность, организующее начало, основа их объединения. Такой основой является открытие фундаментальных закономерностей культурно-исторического процесса и его отражения в материальных остатках. Без этого теоретические поиски теряют сосредоточенность и целенаправленность, а новые перспективы оказываются несколько туманными. И действительно, некоторая разбросанность, случайность в определении исследовательских задач ощущаются в статьях сборника и замечены комментаторами, как можно судить по опубликованному в конце сборника протоколу обсуждения докладов (комментаторы критикуют чрезмерную ориентировку на выявление систем родства и т. п.).

Связь археологии с культурной антропологией (у нас — часть этнографии) понятна: история материальной культуры (первичного непосредственного объекта археологии) является частью истории культуры. Но вряд ли соотношение археологии с физической антропологией может трактоваться как связь того же порядка, равно как и связь физической антропологии с культурной. В то же время история культуры (в том числе материальной) входит в общую историю человеческого общества. Поэтому характеристика археологии как антропологической науки, сближающая ее не только с культурной, но и с физической антропологией и противоставляющая ее истории, нуждается в коррективах. Не вернее ли считать археологию самостоятельной общественно-исторической наукой, наиболее близкой к культурной антропологии (т. е. к истории культуры), социологии и истории? Не случайно из поля зрения груп-

---

[5] W. W. T a y l o r. A study of archaeology. Menasha, 1948, p. 44.

[6] G. R. W i l l e y and Ph. P h i l l i p s. Method and theory in American archaeology. Chicago, 1958, p. 1.

пы Бинфорда совершенно выпали те случаи, когда объектом археологических реконструкций выступают не социальные структуры, культурные образования и т. п., а конкретные исторические события.

По сюжету к рассмотренным вводным замечаниям примыкает небольшая статья А. Сполдинга «Объяснение в археологии» (стр. 33—39). Автор стремится доказать, что в характеристике археологии дилемма «историческая или антропологическая», не имеет смысла, так как есть только один вид серьезного объяснения — открывающий законы; хронологическому же упорядочиванию материала, отличающему историю, есть место и в антропологии. Что касается роли археологии в антропологии, то Сполдинг отвергает утверждение, что современность можно понять только с помощью знаний о прошлом, т. е. в историческом рассмотрении. Он предлагает перевернуть это утверждение: прошлое можно понять только через современное. В этом афоризме, как увидим далее, противоположном установке Бинфорда, есть рациональное зерно — мы можем вспомнить известную мысль Маркса о том, что анатомия человека является ключом к анатомии обезьяны. Но у Маркса это утверждение не противопоставлялось противоположному подходу: пониманию анатомии человека с помощью анатомии обезьяны. В сочетании оба эти подхода образуют историзм. Однако историю отличает от социологии (и социальной антропологии в американском словоупотреблении) не историзма, а иное соотношение факта с законом, от антропологии же (в американском смысле) ее отличает иное отношение к сфере биологического.

Первая часть сборника открывается программной статьей Л. Бинфорда «Археологические перспективы» (стр. 5—32). Бинфорд так формулирует три главных задачи археологии: реконструкция *истории культуры* (выражается в генетической классификации культур), реконструкция *образа жизни* в прошлые эпохи (быта, конкретных условий и т. п.), реконструкция *культурного процесса* (динамики систем хозяйства, социальной организации и т. п.). Эти задачи оказались неразрешимы традиционными методами и археология зашла в тупик, что стало особенно ясно в 50-х — начале 60-х годов, когда ведущие американские и британские археологи впали в пессимизм относительно возможностей реконструкции.

Вряд ли этот перечень задач археологии можно признать удачно сформулированным и достаточно полным (сказалось ограничение обзора взглядами только американских археологов, поэтому выпала, например, задача реконструкции исторических событий), но существенно, что Бинфорд последовательно анализирует традиционные методы решения трех упомянутых задач и критикует их позитивистскую природу, ограниченность эмпирическими обобщениями. Констатировав, что генетическое родство (реконструируя историю культуры) мы выявляем по степени сходства форм, Бинфорд отмечает, что сходство бывает и конвергентным, а различать эти два вида сходств по-настоящему мы не умеем; правила различения не могут быть априорными. Реконструкция исчезнувшего образа жизни пока что базируется на аналогиях с современными культурами, но правомерность каждого прямого этнографического уподобления может оказываться под вопросом; в прошлом могли существовать формы, вообще не сохранившиеся в этнографических образцах. Призыв расширить диапазон археологических наблюдений так, чтобы облегчилось сопоставление с этнографическими сведениями — вскрывать целые поселения, изучать их планировку, исследовать вещи в контексте,— вот что рассматривалось как последнее слово в послевоенной американской археологии (в европейской науке эти принципы вошли в жизнь гораздо раньше), но ни это расширение диапазона, ни усовершенствование техники сбора данных, ни изучение живых народов археологами «сами по себе не увеличивают нашего знания о прошлом. Факты сами за себя не говорят» (стр. 13). Пока мы будем настаивать (как, например, один из современных американских теоретиков археологии Чжан Гуан-чжи), что наше знание прошлого заключено в нашем знании настоящего, «мы загоняем себя в методологический угол» (стр. 14). Только выдвижение гипотез и трудная проверка их на археологических данных могут вывести из него, но традиционная археологическая методология не развила эту проверку в научную процедуру. Изучение культурного процесса обычно сводится к стадиальной классификации и выявлению тенденций и закономерностей в виде эмпирических обобщений. Но даже полная систематизация всего археологического материала сама по себе не даст нам понимания процессов, действовавших в прошлом, не объяснит факты.

Индуктивным обобщениям фактов археологии, такому же прямому по природе подысканию им соответствий в этнографии и простому выдвижению «разумных», «трезвых» и т. д. предположений, Бинфорд справедливо противопоставляет научное построение гипотез, в котором акцент падает не на источник возникновения идей, а на способы их проверки.

Бинфорд умело разбивает аргументы современных археологов-гиперскептиков, преувеличивающих и абсолютизирующих ограниченность наших источников и знаний. Один из этих аргументов таков: археологические памятники — это жалкие остатки от разрушенного прошлого, а раз мы никогда не узнаем, что отсутствует, то как мы можем верно представить то, что́ есть? На это Бинфорд возражает, что таким путем можно поставить под вопрос любые обобщения, не только археологические, так как основания никогда не бывают вполне исчерпывающими, а возможности спекуляций об отсутствующих данных бесконечны.

Но возможности появления фактов, противоречащих обобщению, и даже реальное их появление не снимают его, а лишь напоминают, что у него есть границы. Чтобы получить признание, обобщению требуется не безграничное расширение оснований, а нечто иное: их неединичность (лучше — множественность) и взаимная независимость. (Шире говоря, подобная независимость образует базу для проверки гипотез: в этом случае гипотеза превращается с помощью дедукции в обобщение тех фактов, для объяснения которых она выдвинута, и тех, которыми она проверяется.)

Другой аргумент гиперскептиков сводится к тому, что основательность заключений археологов слабеет по мере удаления от самих находок, фрагментарных и сугубо материальных, к реконструируемым системам: отдельные усадьбы еще можно представить неплохо, общую картину хозяйства — хуже, социальную организацию — гораздо хуже, идеологию — совсем плохо, язык — вовсе никак. Этот аргумент базируется, как констатирует Бинфорд, на недооценке связи части с целым и материальных частей с нематериальными в действующей системе культуры. В высшей степени маловероятно, чтобы множественные самостоятельные факторы, обусловливающие состояние объектов в культуре, ограничивались в своем воздействии только одним компонентом культурной системы. Вполне реальна задача по данным, сохранившимся в археологических остатках, выявить эти факторы.

В некоторых случаях эти факторы проявляются по-разному, в других — даже внешне схожим образом. В последних средством выявления может служить простая корреляция, мультивариантный или факторный анализ. Бинфорд отмечает, что переход к гипотезно-дедуктивному методу требует изменений во всем подходе к источникам. Единицами наблюдения и сравнения археологии обычно считают предмет (item), индустрию (industry) или комплекс (assemblage), которые в процессе исследования дробятся на категории по материалу (кремень, кость, керамика и т. д.) или по функциональному назначению. Такой анализ, по мнению Бинфорда, служит только для прояснения полученной информации и не увеличивает наших знаний. Традиционным является дальнейший путь через описательные обобщения и синтез к предположениям о событиях и, наконец, к реконструкции культурной истории и культурного процесса. Критикуя эту программу, Бинфорд исходит из двух критериев: 1) аналитические категории археологов не одномерны, ибо культура не проста и не линейна; 2) интуитивно выделяемые классы несовершенны. Археологические остатки — это побочный продукт (byproduct) деятельности культурной системы, и любая черта этих остатков может быть возведена к целому сонму факторов или компонентов этой системы. На каждом шагу исследования приходится задумываться о том, какие явления прошлого может отражать тот или иной феномен, действием каких факторов он мог быть порожден. С принятием гипотезно-дедуктивного метода и применением многоэтапной исследовательской процедуры (наблюдение — обобщение — объяснительные предположения — проверка на археологических фактах) оказывается, что единицы анализа, применяемые на начальных этапах, могут стать малопригодными на конечных; для проверки может понадобиться совсем иное членение материала.

При всей справедливости этой последней части статьи Бинфорда следует признать, что она слабее предшествующих; критика интуитивного подхода более развернуто (хотя и с впаданием в крайности) дана у М. Мальмера [7], технические возможности мультивариантного анализа более полно обсуждаются в книге Д. Кларка [8], а проблема сложности соотношений культуры с ее отражением в источниках более продуктивно разработана немецкими археологами (Ю. Эггерс и др.) и голландцем Кёббеном [9].

Итак, суть программной статьи Бинфорда сводится к пропагандированию гипотезно-дедуктивного метода в противовес эмпирическому методу исследования. Шире, применительно ко всем наукам, эту проблему в Америке ставил в 1964 г. философ Дж. Платт в статье «Метод строгих выводов» [10]. При этом Платт уже тогда резонно отмечал: «Но что в этом нового?— спросят нас.— Таков был научный метод всегда. Почему давать ему особое название? Причина заключается в том, что многие из нас почти забыли его» [11]. О необходимости строгого применения этой исследовательской процедуры и к общественным наукам говорилось на методологическом совещании в Москве в 1963 г. [12]. Однако развитие гиперскептического направления, поддержавшего авторитет эмпирического метода, в западной археологии и «бестеоретическая» ситуация и соответственно преобладание эмпирического метода в советской археологии последних двух десятилетий делают указанную проблему злободневной для археологов везде. Кроме того, следует иметь в виду, что в этой статье Бинфорда изло-

---

[7] M. Malmer. Jungneolithische Studien. Bonn — Lund, 1962.

[8] D. Clark. Analytical Archaeology. London, 1968.

[9] A. J. F. Köbben. Why Exceptions? «Current Anthropology», 8, 1967, 1—2, стр. 3—34.

[10] Вопросы философии, 1965, 9.

[11] Дж. Платт. Ук. соч., стр. 69.

[12] Д. И. Блохинцев. Актуальные вопросы современной науки — в центр внимания философов. Сб. «Методологические проблемы науки». М., 1964, стр. 262—271.

жена не вся программа его направления, и о ней нельзя судить без учета других статей самого Бинфорда и его последователей.

Очень любопытную иллюстрацию к гипотезно-дедуктивным предложениям Л. Бинфорда составляет одна из статей второй части сборника. Кроме самих выводов статья (стр. 103—142, автор Дж. Хилл) интересна методически строгим построением интерпретации: факторный анализ — распределение факторов по раскопанным помещениям — предположительное объяснение по этнографическим аналогиям (в культуре потомков) — дедуцирование следствий из предположения (ожидаемых явлений) — проверка ожиданий — предположительное объяснение для тех немногих ожиданий, которые не подтвердились и т. д.

В статье «Вариабильность и изменения в ближневосточном мустье леваллуазской фации» (стр. 49—60) Салли Бинфорд, признавая высокую ценность систематики и статистической техники Борда, подвергла критике узость интерпретационных схем Борда и его коллег, рассматривающих свои статистические графики только под углом зрения эволюции (генетического родства) и хронологии. «Слишком часто,— пишет С. Бинфорд,— преисторики усматривают в кремневых индустриях «развитие» во времени, как если бы кремни содержали генетическую материю и были способны к мутации» (стр. 49). Вообще, надо отметить, эволюционная модель интерпретации представляется участникам сборника особенно смешной, и они часто изощряются в однотипных остротах по этому поводу.

Этнограф И. де Вор отмечает, что «в прошлом нам представляли каменные индустрии, которые, судя по их описаниям, бракосочетались, гибридизировались, развивались, адаптировались и производили потомков» (стр. 346), а Дж. Сэкет добавляет, что «археологическая терминология часто намекала на практику половых сношений между каменными орудиями» (стр. 67, прим. 4).

С. Бинфорд ставит своей задачей показать, что вариабильность комплексов не обязательно отражает стойкие местные традиции (стили) или эволюционное изменение культуры, что она может отражать также функциональные различия: в рабочем назначении орудий, в специализации места.

Летом 1964 г. Л. и С. Бинфорд факторным анализом выделили в двух леваллуазских комплексах — в навесе Ябруд в Сирии и пещере Мугадет эс-Шуббабин в Израиле — ряд наборов устойчиво взаимосвязанных (по разным показателям) орудий. Такой набор обозначается «tool-kit» или просто «kit» (набор орудий, ранец, комплект снаряжения). В Ябруде таких наборов оказалось пять. Из 63 мустьерских типов первый набор объединял 16 (сверла, клювовидные резцы — becs, концевые скребки и др.), во втором оказались острия и боковые скребки и т. д. По горизонтам 2—10 удалось проследить (рис. 1) изменение пропорциональных соотношений между этими наборами (долей, занятых ими в общем составе комплекса). Благодаря этим изменениям разные горизонты имели разный облик и подлежали разным определениям по классификации Борда, имевшим хронологическое или генетическое значение (типичный леваллуазский мустье, ферраси, зубчатый мустье).

С. Бинфорд, исходя из отсутствия в первом наборе охотничьих орудий и учитывая корреляцию (по горизонтам) этого набора с жилым характером стоянки, связывает этот набор с домашней деятельностью — изготовлением вторичных орудий и отделкой шкур. Второй набор пригоден для охоты и разделки туш. Третий (ножи, пластины Леваллуа и др.) связан с очагами и, видимо, применялся при приготовлении пищи. Четвертый (зубчатый мустье), возможно, предназначен для обработки растительных материалов. Пятый (продолговатые мустьерские остроконечники, диски, неретушированные пластины и др.) предположительно связан с какой-то специализированной охотой.

«Различия между комплексами на одном и том же местонахождении,— заключает С. Бинфорд,— вполне могут представлять разные варианты деятельности, не обязательно „изменение культуры“ или заселение носителями разных „традиций“, и нам надо разработать средства анализа для различия между этими феноменами. Различия между местонахождениями могут представлять разные типы поселения, не обязательно региональные традиции, и нам также надо уметь различать их» (стр. 54).

Переходя от анализа изменений внутри культуры к проблеме смены культур, С. Бинфорд отмечает, что эти виды изменений, часто уподобляемые друг другу, различаются радикально. Она подвергает сомнению традиционную концепцию «переходных индустрий» («transitional industries»). Поиски их, не раз заходившие в тупик, могут оказаться просто безнадежным делом, так как «переходная» линия вполне может оказаться реальной только в глубинной сфере адаптации к природной среде, но не в технике орудий — здесь может произойти быстрая замена. Переход от всеядной охоты к специализированной и от неандертальца к Homo sapiens мог быть сравнительно постепенным, но введение орудий, соответствующих новой форме адаптации,— внезапным. «Нет резона считать, что палеолитический человек из культурного консерватизма делал свои орудия наполовину в технике леваллуазско-мустьерской, а наполовину — в верхнепалеолитической» (стр. 57).

Неумение отличать стилистические изменения от функциональных, стремление выстраивать кремневые индустрии в полные хронологические шеренги по ранжиру покоится на убеждении в равномерном распространении изменений во времени и

пространстве. Американские археологи часто утверждали, что культура имеет характер непрерывности (culture is a continuum), на деле же, как еще в 1957 г. отмечал А. Сполдинг, культурные явления характеризуются теденцией образовывать «кластры» в пространстве и времени (стр. 57) — сгущения, скопления или, как мы сказали бы, характеризуются дискретностью. Пока мустье и начало верхнего палеолита не будут анализированы по «ранцам», продолжает С. Бинфорд, мы не сможем измерить степень расхождения между обеими культурными системами. «За быстрым введением новых технологических приемов производства кремневых орудий могут скрываться как подоснова сходства и различия в хозяйственной базе, структуре поселения и социальной организации» (стр. 58).

Из этого пересказа видно, что приложение функционально-комплектного («ранцевого») анализа к смене культур не получило столь же конкретной разработки, как приложение его к исследованию внутрикультурной вариабильности, оставшись на уровне декларации. И неудивительно: проблема чрезвычайно трудна и имеет за собой длинную историю, которую не стоит игнорировать. Более полный учет опыта различных решений поставленной проблемы поможет расширить круг вопросов, избежать тупиков и определить более перспективные ходы. Отказываясь от эволюционистского объяснения смены культур и от всеобщности объяснений механически-двигательных (миграционизм, диффузионизм), признавая нормальность дискретного развития, С. Бинфорд в сущности незаметно для себя следует за теми европейскими археологами, которые построили теорию стадиальности (советские ученые 1920—1930 гг.) и теорию латентного становления культуры (Эрнст Вале, отчасти Матс Мальмер). При этом она выдвигает принципы более близкие, пожалуй, к теории стадиальности и взглядам Мальмера: скачкообразность прогресса, примат экономики, значение социальной организации. Однако механизм скачка, механизм перехода постепенных внутренних накоплений в быстрые качественные изменения внешних форм все еще остается в этой проблеме нераскрытым. Была ли прогрессивная смена культур только следствием изменений в адаптации? Вряд ли факты удастся уложить в эту схему. Между средним и верхним палеолитом не произошло радикальных изменений в природной среде. Становление Homo sapiens было также достаточно быстрым. Кроме смеси пополам разноэтапных индустрий мыслимы и другие переходные формы, которых, однако, также часто нет. С другой стороны, не доказана и абсолютность разрывов. Было бы неразумно от полного уподобления развития типов вещей биологическим формам эволюции отшатнуться к полному отрицанию преемственности в изменении и связях типов и культур. Эта преемственность сложнее, чем предполагалось, вероятно, не дифференциально распределена в системе культуры и сопряжена с дискретностью. Полностью проследить ее вряд ли возможно без реконструкции недостающих частей культуры. Однако без преемственности нет культуры и нет культур: нет человечества. Эволюционизм не был сплошным заблуждением, его вклад в археологию неустраним (так же как вклады других крупных концепций).

К статье С. Бинфорд примыкает по теме статья Дж. Сэкета «Метод и теория в верхнепалеолитической археологии Юго-Западной Франции» (стр. 61—83). Проследив историю изучения палеолита Дордони (Мортилье — Буисоньи и Брейль — Пейрони — Борд), автор приходит к выводу, что в настоящее время науку тормозят следующие традиции: изучение культурной истории на палеонтологический манер и приравнение артефактов к руководящим ископаемым (fossiles directeurs); недооценка сложности археологических остатков, в связи с чем минимальной ячейкой изучения оказывается целый слой (couche). «Если не считать чисто описательных обзоров новой техники, сейчас почти нет в печати обращения к общим вопросам теории и метода. Это молчание столь глубоко, что наблюдатель извне мог бы вполне заключить, что археологи наивно предполагают, будто их данные, если их достаточно много, автоматически составят культурно-выразительные фигуры... Традиционный способ заключений отвергнут большинством исследователей, но его преемник еще отчетливо не возник» (стр. 68, 69). Исходя из системного подхода Л. Бинфорда и выводов С. Бинфорд, Сэкет трактует мустьерский комплекс Борда как ряд взаимодополнительных «структурных поз» (structural poses) в годичном цикле жизни общины.

Три главных изменения считает он необходимыми в археологии верхнего палеолита. Во-первых, фундаментально пересмотреть классификационную процедуру, при которой одна-единственная таксономия (типология) предназначена служить всем целям. На ее месте должен оказаться корреляционный анализ признаков (attribute-cluster analysis), подвижный и зависящий от фаз и задач исследования. Во-вторых, фундаментально же пересмотреть технику статистических подсчетов: проценты типов вычислять не от всего комплекса (он может искаженно представлять свой горизонт), а от ограниченных групп орудий (концевых скребков, например), поскольку они должны подлежать равному искажению. В-третьих, не ограничиваться детальными раскопками немногих богатых стоянок, а постараться охватить пусть не очень детальными сборами большие территории и все разнообразие памятников, чтобы оценить репрезентативность детально исследованных стоянок. Из этих требований первое сомнительно. Вряд ли есть смысл противопоставлять аналитическую классификацию таксономической. Своим конкретным примером (несовпадение его классифика-

ции концевых скребков с классификацией Борда) Сэкет доказывает иное: расхождение интуитивной классификации с корреляционной.

В статье Сэкета еще более, чем в статье С. Бинфорд, заметна отстраненность разрабатываемой методики от проблемы смены культур или крупных этапов культурного развития. Ведь не все же различия комплексов объясняются их разными «позами» — есть и разные возрасты «позирующих», разные персоны, разные уровни развития! Как происходит, в чем проявляется и чем объясняется смена тех, других или третьих?

Одна из этих серьезных проблем очень остро поставлена в статье Л. Бинфорда «Постплейстоценовая адаптация» (стр. 313—341). Бинфорд отмечает, что изменения в культуре, отличающие мезолит от палеолита, обычно объясняются переменой естественной среды. Однако аналогичные изменения происходили и в отсутствие таких перемен среды, а такие перемены среды не всегда сопровождались соответствующими изменениями в культуре. Сформулировав понятие «неолитической революции», Чайлд объяснил ее наступление также природными факторами, приведшими к скоплению и симбиозу людей и животных в оазисах, а Брейдвуд обосновал эту гипотезу полевыми материалами. Но сам же Брейдвуд признал; «Пока что эта теория во многом сплошное гадание, и в самом деле, есть ряд вопросов, которые она оставляет без ответа. Скажу вам совсем откровенно, бывает, что я чувствую: все это просто вздор» (стр. 319). Ведь люди с животными скапливались в оазисах и в прежние эпохи, почему же тогда это не повело с одомашниванию? Затем Брейдвуд был вынужден прийти к тем же общим сомнениям относительно роли изменения естественной среды, которые выше приведены применительно к началу мезолита.

Бинфорд отвергает также простое объяснение прогресса культуры, в частности техники, внутренним и самопроизвольным (имманентным и спонтанным) процессом — совершенствованием человечества. Он приводит ряд этнографических примеров в подтверждение тезиса, что первобытным коллективам не было свойственно стремление к улучшению, облегчению и интенсификации труда, что они стремились сохранить традиционные приемы, если обстоятельства не вынуждали их к перемене. Нажим на первобытную популяцию, выводящий из равновесия ее экосистему, исходил, по Бинфорду, из демографической сферы.

Принято считать, что количество населения ограничивалось доступными на данном уровне развития техники возможностями прокормить потомство. Бинфорд приводит ряд фактов в доказательство того, что у первобытных людей, как правило, оставалось огромное количество свободного времени, а в окружении — множество пищевых и прочих ресурсов, доступных для их техники. «Есть богатые данные, которые подтверждают не только, что охотники-собиратели обладали достаточными запасами пищи, но что они пользовались обилием свободного времени на деле гораздо больше, чем современные промышленные или сельскохозяйственные рабочие или даже чем профессора археологии» (стр. 328).

Ссылаясь на Бёрдсела, автор статьи полагает, что ограничение потомства было связано с подвижным образом жизни. Мать могла носить с собой и кормить не более одного ребенка, что требует минимум трехгодичного интервала между воспитуемыми детьми (рождавшиеся в промежутках не могли остаться в живых). С вымиранием крупных зверей первобытные люди стали зависеть от перелетной птицы, рыб и т. п., а для добывания их есть особо благодатные места, в которых развивалась оседлость. Переход к оседлости влек за собой резкое увеличение выживающего потомства, приводившее к перенаселенности, расселению, сегментациям и миграциям. Эти явления обусловливали в разных местах нехватку пищевых ресурсов и приводили к поискам новых источников и способов добывания средств к жизни. Вот почему изобретения и их быстрое распространение миграциями и диффузией привязаны к одним и тем же критическим периодам.

«Это означает,— заключает Бинфорд,— что археологические исследования следовало бы нацелить на такие районы..., где есть археологически обнаруживаемый сдвиг в густоте населенности» (стр. 332).

Бинфорд рассматривает свои соображения как гипотезу, подлежащую проверке полевыми исследованиями. Если она верна, то: 1) первые опыты одомашнивания и окультуривания на Ближнем Востоке должны оказаться в районах по соседству с оседлыми рыболовами; 2) следы независимых аналогичных опытов должны найтись в Европейской России и Южно-Центральной Европе; 3) должны найтись следы параллельных инноваций в других районах (стр. 336).

Статье нельзя отказать в логической ясности, фундированности и изящности. Она убийственна для остатков мальтузианских представлений и корректирует обычную недооценку демографического фактора для развития культуры, переводя общие рассуждения на конкретную почву.

Однако сомнительным остается одно из основных, исходных положений о том, что стремление к усовершенствованию, улучшению, облегчению труда не лежит в природе человечества, не заложено в него эволюционным отбором. Бинфорд подтверждал свой негативный тезис примерами, забывая, что с точки зрения гипотезно-дедуктивного подхода примеры ничего не доказывают, а негативную идею — тем менее.

Разработка этой проблемы не ограничилась у молодых американцев чисто теоретической статьей Л. Бинфорда.

В статье С. Стрювера (стр. 285—312) описаны работы специальной крупной археологической экспедиции в долине Нижнего Иллинойса по выяснению взаимозависимости трех факторов: густоты населения, социальной стратификации и межгрупповых контактов за длительный промежуток времени в произвольно ограниченном районе. Эта взаимозависимость устанавливалась по одновременным изменениям, а для объяснения их изучались виды адаптации хозяйства к природной среде. Выявив резкую интенсификацию собирательства в специфических особо благодатных микрорайонах в период Мидл-Вудлэнд (около 100—400 гг.), исследователь пришел к выводу, что внутренних стимулов для такой интенсификации не было и что развитие любого района надо понимать с помощью изменений всего контекста среды этой культуры, а сей контекст включает в себя всю сферу межкультурных взаимодействий (стр. 311).

В статье Дж. Дица «Выведение закономерностей жительства и наследования из археологических данных» (стр. 41—48) обобщены работы в области если не самого важного, то наиболее яркого достижения всей группы — реконструкции типов наследования жилья по археологическим данным.

Л. Бинфорд четко связывает этот успех с традицией, ведущей от советской археологии. «В течение многих лет,— пишет он,— утверждалось, что сведения о действовавших в первобытной общине правилах жительства по вступлении в брак недостижимы для археологов, раз это не «материальная культура». Советский археолог П. Н. Третьяков был, насколько я знаю, первым, кто указал, что есть сведения о формах жительства в браке, сохранившиеся в археологических остатках (Третьяков, 1934, стр. 141). Его работа была суммирована и благоприятно комментирована Чайлдом (1943, стр. 6). Аргументы Третьякова были весьма прямолинейны: форма отпечатков пальцев внутри сосудов указывает на то, что керамику изготовляли женщины. В обществах, где правилом было матрилокальное жительство, можно ожидать меньшую вариабильность форм в выполнении керамических орнаментов внутри каждой отдельной общины, чем в условиях, когда правилом была патрилокальность, поскольку патрилокальность влечет за собой смешанную популяцию женщин-мастериц керамики» [13].

В 1956 г. Куимби именно этим объяснил различия в вариабильности керамики гуронских и чиппевейских поселений исторического времени в районе Великих Озер. Нехватало методов измерения и формализованного сравнения вариабильности. Их и предложил Диц, за которым их стали осваивать многие исследователи. Еще в диссертации 1960 г. и статье 1965 г. Диц на основе статистического анализа стилей пришел к выводу, что в керамике индейцев арикара происходит постепенная нивелировка микротрадиций, исчезновение мелких локальных особенностей, различимых при сравнении поселка с поселком и даже дома с домом. Он объяснил это переходом от матрилокального расселения к патрилокальному: керамику делали женщины, наследуя умение от матерей, и пока сохранялось матрилокальное жительство, сохранялись и микротрадиции, а с разрушением первого и вторые стали расплываться и смешиваться. Эти наблюдения над керамикой исторического времени были тотчас подхвачены исследователями преисторической керамики.

Далее Диц, рассмотрев объекты, изготовленные мужчинами в поселках индейцев-чумашей исторического времени, в частности наконечники стрел, обнаружил высокую степень стилистического сходства внутри поселка при значительном расхождении форм между поселками. В то же время женское производство у этих индейцев (корзины, зернотерки и т. п.) оказалось поразительно однородным для всей культуры. Диц объяснил это как результат патрилокальности: мужчины оставались в домах отцов и сохраняли локальные микротрадиции в своем инвентаре, тогда как женщины переходили из рода в род при каждой смене поколений и нивелировали свою продукцию. При билокальном поселении Диц полагает логичным ожидать четких стереотипов как в мужском, так и в женском инвентаре.

Диц добавляет, что разделение материала по половым субкомплексам позволяет получить новую информацию не только относительно социальных структур, но и для характеристики ситуаций контакта культур.

Еще при раскопках индейских кварталов поселка XIX в. Ла Пуриссима в Калифорнии (публикация 1963 г.) Диц заметил разительный контраст в половом распределении влияния колонистов на христианизируемых аборигенов — чумашей. Все вещи, связанные с мужской деятельностью (оружие и т. п.), быстро были заменены привозными, тогда как женские вещи и продукты остались в основном прежними: мужчины втянулись в систему хозяйства, вводимую европейцами, а женщины — нет. Когда же стали втягиваться и женщины, то это происходило иначе, чем у мужчин: новые вещи не вытесняли привычную утварь, а добавлялись к ней. Иными словами, мужская и женская фракции культуры участвуют в контактах культур по-разному.

Этот аспект фракционного изучения материала, не получивший дальнейшей разработки в творчестве американских археологов, представляется нам чрезвычайно

[13] L. R. Binford. Methodological considerations of the archaeological use of ethnographic data. In: R. B. Lee and I. De Vore (eds.). Man the hunter. Chicago, 1968, с. 269—270.

перспективным и уже привлекался для объяснения загадочных феноменов в происхождении и генетических связях культур.

В статье У. Лонгакра (стр. 89—102) рассмотрен пример такой же вариабильности (пуэбло Ранчо Картер). В статье Джеймса Хилла рассмотрен другой пример, также из раскопок в Аризоне: «Пуэбло Броукен К — конфигурации формы и функции» (стр. 103—142). Математический аппарат для определения гетерогенности разрабатывает на этнографическом материале Б. Уильямс (стр. 161—170).

Дж. Кауджилл (стр. 143—150) описывает использование электронно-счетной машины для факторного анализа археологического материала. У. Лонгакр и Дж. Эйрс в статье «Археологический урок из викиупа апачей» (стр. 151—159) рассказывают о своем обследовании археологическими средствами недавно покинутой стоянки семейства апачей с последующим опросом соседки, тоже из апачей. Большая часть предположений о назначении скоплений объектов подтвердилась.

Н. Уоллон-младший является автором «Исследований социальной организации позднего преисторического периода в штате Нью-Йорк» (стр. 223—244). В этой работе, развивающей приведенную идею Дж. Дица, предложена техника сравнения стилистической гомогенности материала разных комплексов. Н. Уоллон строит кумулятивные процентные графики (кривые) частотной встречаемости разновидностей той или иной детали: сначала откладывается отрезок, показывающий долю наиболее частой разновидности, затем в порядке убывания — остальные. Полная гомогенность выражается вертикалью, поднимающейся от пункта отсчета, наибольшая (по Уоллону) неоднородность — диагональю. Остальные образуют между ними выпуклые кривые, и тем более выпуклые, чем однороднее материал. Кривые наносятся на одну сетку координат, чем и обеспечивается сопоставление.

Однако диагональ на самом деле будет отражать вовсе не наибольшую неоднородность, а лишь наибольшую регулярность распределения разновидностей по частотным группам. Между тем материал, в котором редких разновидностей в совокупности больше, чем других, мы, конечно, признаем более разнородным.

Даже беглого взгляда на таблицу Уоллона, сопоставляющую такие кривые по разновидностям воротничка у сосудов, достаточно, чтобы заметить, что кривые имеют не только разную степень выпуклости, но и разную форму. У одних выпуклость располагается в нижней ветви (очень большую долю в материале занимает самая частая разновидность), у других в верхней (редких разновидностей оказывается очень много).

Отсюда следует несостоятельность предложения Уоллона считать цифровой мерой гомогенности измерение площади, описанной границами поля (или осями координат) и кривой, ибо это предложение исходит как раз из стремления снивелировать форму кривых.

Уоллон измерил также степень коррелированности (силу связей) всех признаков керамики между собой внутри каждого поселения (вычисляя χ-квадрат с числом степеней свободы и освобождаясь от громоздкости цифр с помощью перевода χ-квадрата в его функцию). График индексов также показал усиление силы связей, в основном параллельное усилению гомогенности, с резким скачком при переходе к периоду ирокезов. Уоллон полагает, что общий высокий уровень гомогенности и силы связей в керамике отражает матрилокальность, а усиление гомогенности и связей происходит от уменьшения контактов между поселками при одновременной консолидации внутри поселков и росте значения властей (это увязывается с ростом населения, появлением укреплений и т. п.).

При всей трудоемкости подсчета и плодотворности идей все же полученных результатов недостаточно для доказательства выводов Уоллона. Ведь для констатации уменьшения контактов между поселками нужно сопоставить показатели гомогенности не поселков разных периодов, а культур разных периодов (вычисленные на базе сопоставления материала разных поселков внутри каждого периода). Усиление гомогенности и силы связей в материале женской фракции культуры внутри поселка трудно интерпретировать без параллельного анализа материала мужской фракции. Только тогда можно было бы более уверенно выбирать между объяснительными моделями: матрилокальность поселка (при матрилокальности или патрилокальности дома?) или военная консолидация...

В большой статье «Системы ценностей и торговые циклы позднего архаического периода на Среднем Западе» (стр. 175—221) Г. Уинтерс исследует распределение имуществ по разным могильникам, по полу и т. п., сравнивает с частотностью тех же категорий вещей на поселениях. Шкалу ценностей подставляет условно и очень приблизительно, на глазок. В марксистской археологии есть более реалистичные разработки.

В статье Ф. Хоула (стр. 245—265) представлена попытка, опираясь на этнографические аналогии, извлечь из материалов Западного Ирана (8000—4000 гг. до н. э.) данные о социальной организации. В статье К. Флэннери и М. Коу «Социальные и экономические системы в Мезоамерике формативного периода» (стр. 267—283) рассматриваются два типа расселения: «заразительное» (contagious), при котором выселки не выходят за границы прежней природной зоны данного микрорайона, и разбросанное (dispersed), при котором выселки уходят в разные природные зоны микрорайона. В первом случае сохраняется натуральное хозяйство и «однолинейное родст-

во» (descent line), когда все сородичи, объединенные общим предком, равны. Во втором случае неизбежна специализация выселков на разных видах хозяйства, а значит, обмен продуктами, а для организации этого «симбиотического» хозяйства требуется подчинение центру (например, храмовому). С этим связана ветвящаяся система родства (ramified system, ramage), основанная на учете первородства (primogenity). Связь эгалитарной организации с натуральным хозяйством, а стратифицированного общества (rank society) — с товарным (пусть даже в примитивной форме) подмечена правильно, хоть и не впервые. Но реконструкция системы хозяйства по типу расселения, а социальной организации — по системе хозяйства вряд ли может осуществляться столь просто и прямолинейно.

Стихийное освоение идей, разработанных более ранними теориями, без достаточного изучения опыта этих теорий всегда чревато опасностью повторения ошибок, упрощений и тупиковых ходов. Для молодых американцев, вероятно, еще найдется немало полезного, а подчас и неожиданного в теоретическом багаже археологии Европы, но несомненно, что и им удалось внести в нашу науку ценный и оригинальный вклад.

Советским археологам многое в работах группы Бинфорда не только интересно, но и близко. Тем не менее уже сейчас можно заметить и то, что вызывает наши возражения и способно привести к острым спорам. Наиболее принципиальными кажутся мне следующие расхождения.

Прежде всего (1) стремление наших американских коллег уравнять потенциал всех факторов, взаимодействие которых движет историю и творит культуру. Это стремление ощущается на всех уровнях исследования — от отказа учитывать вес признаков в «мультивариантном» анализе (согласно «числовой таксономии» Сокала и Снита) до раскрытия причин смены эпох. В последнем (2) на практике демографическому фактору отдается приоритет перед производственным (возражения против идеи вторичности производственного фактора приведены выше). Вообще, как показал недавный семинар в Санта Фе с участием Л. Бинфорда, среди его сторонников царит (3) согласие в том, что источник изменений системы всегда надо искать вне системы [14].

Хотя в диалектическом материализме борьба внутренних противоречий рассматривается как главный источник развития, мы далеки от его абсолютизации. Многое зависит от того, что́ за система, какова ситуация. Часто налицо сложное взаимодействие внутренних и внешних сил.

Сборник называется «Новые перспективы в археологии». Название не обманывает читателя: выдвинутые положения действительно являются новыми и перспективными.

Л. С. Клейн

---

[14] J. N. Hill. Seminar on the explanation of prehistoric organizational change. «Current anthropology», vol. 12, 1971, № 3, с. 406—408.

Хроника

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1971 ГОДУ

Отделение истории и институты истории и этнографии Академии наук СССР провели 24—29 апреля 1972 г. в Москве Всесоюзную научную сессию, посвященную итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1971 г. На ней присутствовало около 700 специалистов из институтов, университетов, музеев РСФСР, УССР, республик Закавказья, Средней Азии и Прибалтики. Было заслушано и обсуждено более 350 докладов и сообщений [1]. Сессию открыл академик П. Н. Поспелов, который обратился к присутствующим с кратким вступительным словом, в котором говорил о важности исследований по общественным наукам, в особенности в связи с 50-летием образования СССР.

В докладе «Архитектурная математика Древней Руси» Б. А. Рыбаков познакомил слушателей с древнерусским мерилом XIII в. с тремя шкалами, найденным в Новгороде, объяснил соотношение различных систем древнерусских мер длины и одновременную необходимость в них при сооружении монументальных построек того времени. Б. Н. Мозолевский рассказал о раскопках богатейшего скифского царского кургана Толстой Могилы IV в. до н. э. у г. Орджоникидзе. Под его насыпью были погребения скифского царя, царицы, ребенка, насильственно умерщвленных слуг и большого числа коней. При погребенных было свыше 1000 предметов, из которых более 600 — золотые. Среди последних много вещей (преимущественно украшений и предметов конского снаряжения) высокого художественного достоинства. Великолепны реалистически выполненные фигуры скифов, коней, коров, овец, птиц и т. д. В. И. Бибикова познакомила слушателей с остеологическими материалами из кургана Толстая Могила.

В докладе К. Ф. Смирнова «Ранние сарматы и Ахеменидская Персия» говорилось о тесных связях тех и других в V—IV вв. до н. э. Об этом свидетельствуют, в частности, находки под Орском в сарматских курганах серебряного ахеменидского ритона и алебастрового египетского сосуда с трехъязычной надписью: «Артаксеркс великий царь». Там же была найдена золотая гривна и много других вещей. В. П. Любин познакомил слушателей с результатами изучения памятников эпохи мустье на Кавказе. Полевые исследования древнейших медных рудников Болгарии были освещены в сообщении Е. Н. Черныха. Как установлено, здесь находился древнейший в Европе очаг горной металлургии, датируемый IV тысячелетием до н. э.

Пленарные заседания Института археологии АН СССР открылись докладом Ю. Н. Захарука «Проблемные ситуации в археологии». В нем говорилось о том, что глубокое исследование методов и принципов исследовательской работы в археологии, поиски путей и способов повышения ее объективности приобретают решающее значение на современном этапе развития советской археологической науки.

О скотоводстве со стадами специализированного профиля в зависимости от экологических условий, как об экономическом базисе древних племен неолита и бронзы степей Евразии, говорил В. П. Шилов. О. Г. Шапошникова и В. С. Бочкарев познакомили слушателей с новыми полевыми исследованиями Ингульской археологической

[1] В информации освещается археологическая часть сессии.

экспедиции, которая изучала памятники древнеямной, катакомбной и скифской культур, погребения кочевников XII в.

М. И. Артамонов прочел доклад «О времени возникновения скифской культуры», в котором утверждал, что она сложилась в VII в. до н. э. в Передней Азии, а в Северное Причерноморье распространилась после 585 г. до н. э. М. П. Грязнов рассказал о сложных обрядах, связанных с принесением в жертву быков у древних скотоводов Сибири. Доклад был иллюстрирован многочисленными историческими и этнографическими параллелями. Проблемы заселения Арктики были освещены в докладе Н. Н. Гуриной и Л. П. Хлобыстина. Первоначальное проникновение сюда человека относится к эпохе верхнего палеолита. Аборигенами населения Арктики были охотники мезолита, проникшие сюда в VII—V тысячелетиях до н. э.

Г. А. Пугаченкова прочла доклад о культуре бактрийских городов в свете новых полевых исследований в южном Узбекистане. Особенно ценные материалы были получены при раскопках Халчаяна, Дальверзин-Тепе, Термеза. В сообщении Н. И. Сокольского речь шла о результатах изучения Боспорского поселения на Таманском полуострове, разрушенного в 14—12 гг. до н. э. царем Полемоном. Это поселение автор идентифицирует с усадьбой Хрисалиска — одного из знатных боспорских горожан. А. М. Беленицкий прочел доклад «Об эфталитском этапе в истории среднеазиатского искусства», где изложил результаты изучения памятников нумизматики, художественной торевтики и монументальной живописи Пенджикента V—VI вв.

Итогам изучения техники и тактики боя на Руси в XII—XIII вв. было посвящено сообщение А. Н. Кирпичникова. Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт доложили основные результаты многолетнего изучения памятников монументального зодчества XII—XIII вв. в Смоленске. В. Е. и Ю. В. Вихровы, В. А. Борисова и С. Ю. Казанский рассказали о новой методике консервации сырой деградированной древесины и изделий из дерева из археологических раскопок, которая была ими разработана за последние годы. Она впервые дает возможность экспонировать остатки деревянных построек и сооружений.

О. Н. Бадер прочел доклад о принципах организации показа археологических памятников под открытым небом, что является делом большого культурного, а нередко и патриотического значения. К. В. Шишкин рассказал об успешном опыте разведок археологических памятников с помощью аэрофотосъемки и особенностях расшифровки аэрофотоснимков. Особая расшифровка их дает возможность выявлять памятники, невидимые при наружном осмотре.

У археологов во время сессии работали секции: каменного века, энеолита и бронзового века, раннежелезного века, античной археологии, славяно-русской археологии, средневековой археологии СССР, археологии Кавказа, археологии Средней Азии, археологии Сибири, нумизматики, теории и методики археологии, на которых было заслушано 200 докладов и сообщений.

Секция каменного века. М. К. Габуния прочел доклад об обследовании пещер в Храмском ущелье в Грузии. Рядом с ними был собран материал ашельского, мустьерского и позднепалеолитического времени. Б. Г. Ерицян доложил об обследовании пещеры Лусакерт I в долине р. Раздан, напластования которой относятся к позднеашельскому и мустьерскому времени.

Л. Н. Соловьев привел классификацию костяных гарпунов из грота Хупынишахва в Абхазии. Г. П. Григорьев проанализировал новые данные о взаимоотношении искусства французского палеолита с палеолитическим искусством порейнских памятников. А. Н. Рогачев, Н. Д. Прасолов, З. А. Абрамова рассказали о работах Костенковской экспедиции, которая в 1971 г. копала стоянки Костенки I и Гмелинскую, и охарактеризовали задачи, стоящие перед экспедицией. Ю. А. Мочанов говорил о памятниках люктуйской палеолитической культуры в Якутии, которая датируется XXVIII—XXIX тысячелетиями до н. э. Носители ее, по мнению докладчика, являются далекими предками индейцев Северной Америки. Положения Ю. А. Мочанова до некоторой степени оспаривались в докладе З. А. Абрамовой, которая утверждала, что только для конца позднего палеолита есть бесспорные данные о наличии на территории Аляски и Восточной Сибири одной культурной традиции. Л. Г. Мацкевой доложил результаты работ на поселениях мезолитического и неолитического возраста, расположенных по берегам р. Кубани. О десятках новых стоянок времени от мустье до неолита, об-

наруженных в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС в 1971 г., сообщил С. Н. Астахов. Он привел характеристику находок и дал анализ материалов. В. Ф. Филатова познакомила слушателей с типами жилищ на мезолитических поселениях в Карелии. П. Э. Песонен рассказал о раскопках стоянки Ловозеро I в Мурманской обл. с наслоениями от поздненеолитических до времени раннего железа. А. А. Куратов высказал соображения о назначении каменных лабиринтов в Северной Европе. Ю. Б. Сериков привел результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка в окрестностях Нижнего Тагила, которые помогли определить функциональное назначение ряда типов орудий. В. И. Беляева доложила о неолитической стоянке на р. Шугур в Туве. Л. Я. Крижевская рассказала о раскопках неолитических стоянок по р. Миус в Ростовской области. В. Т. Петрин познакомил слушателей с раскопками стоянки Чернозерье на среднем Иртыше. Автор раскопок относит это поселение к концу плейстоцена. В. В. Сидоров в Волго-Окском междуречье выделил 10 районов сосредоточения памятников неолита и бронзы. С. С. Березанская сообщила об исследовании неолитической стоянки Гришевка в Черниговской области. На ней встретились два горизонта, относящиеся к днепро-двинской культуре, разделенные горизонтом с ямочно-гребенчатой керамикой. В. И. Неприна доложила о раскопках неолитического поселения и могильника у с. Лизогубки в Сумской области. Могильник имел вид ямы, заполненной остатками многочисленных трупосожжений. А. П. Черныш рассказал о раскопках палеолитической стоянки Кармаш IV. П. Д. Степанов продемонстрировал камень, на котором было изображение мамонта. Слушатели высказали мнение, что этот рисунок вряд ли палеолитический и скорей всего является недавней подделкой. В. Б. Савич доложил о раскопках многослойного поселения каменного века в г. Кременчуге. П. М. Долуханов коснулся проблем экологии и экономики в эпоху неолитизации Европы. А. Н. Цейтлин рассказал об изучении Бабковской палеолитической пещеры.

Секция энеолита и бронзы. Э. Я. Яковенко сделал сообщение о находке древнего рала в кургане. Высокая Могила в Запорожской области в 1971 г. Оно датируется концом III тысячелетия до н. э. Ю. Н. Урбан доложил о новых исследованиях стоянки Языково в Калининской области, на которой были открыты остатки двух наземных жилищ и 6 погребений. Р. М. Юнусова познакомила слушателей с материалами разведок в Куйбышевской области, где были исследованы несколько курганов, относящихся к срубной культуре.

Г. М. Буров рассказал о раскопках Ишеевских курганов в Ульяновской области, которые относятся к началу покровского этапа срубной культуры. Э. С. Шарафутдинова сделала сообщение о памятниках предскифского периода на Нижнем Дону, которые относятся к позднесрубной и кобяковской культурам. Генетическая связь между ними отсутствует. И. Б. Васильев сообщил о раскопках курганов у сел Лузановка и Каменный Враг в Куйбышевской области, которые принадлежат к памятникам срубной культуры, частично подвергшимся воздействию андроновской культуры. В. И. Маркевич доложил о раскопках позднетрипольского поселения Брынзены-Цыганка в 1970—1971 гг. К. В. Зиньковский дал свою интерпретацию трипольских площадок и высказал предположение о возможном наличии у трипольцев двухэтажных домов. Это предположение не нашло поддержки у слушателей. Н. М. Шмаглий, В. П. Дудкин, К. В. Зиньковский привели доводы в пользу комплексного изучения трипольских поселений с применением аэрофотосъемки, данных геофизической и магнитной съемки, в результате чего более полно раскрываются общие картины поселений и прогнозируются результаты раскопок. В. Я. Кияшко рассказал о раскопках энеолитического Константиновского поселения в Ростовской области. Д. Я. Телегин рассмотрел изменения в обряде трупосожжения в мезолите, неолите и энеолите Европейской части СССР, которые он связывает с изменениями в идеологии населения.

В. И. Канивец доложил о раскопках стоянки Шиховская I в Печорском Приполярье, относящейся к ранней стадии лебяжской культуры. А. П. Журавлев и В. И. Горлов рассказали о существовании древнего металлургического центра на территории Карелии, где известны находки самородной меди и имеется более 500 медных рудопроявлений. А. Т. Синок привел новые сведения о памятниках репинского типа на Верхнем Дону и месте их по отношению к синхронным культурам. И. В. Гаврилова отчиталась об исследовании Федоровского поселения, на котором были найдены наслое-

ния мезолита-неолита и слой с керамикой фатьяновского типа. Н. В. Анфимов рассказал о раскопках 16 курганов древнеямной культуры в Краснодарском крае. В четырех курганах были обнаружены остатки четырехколесных повозок.

Секция античной археологии. А. М. Тардаш рассказал об одной группе греческой керамики третей четверти VI в., найденной на о. Березань. Интересным было сообщение В. И. Кадеева о скорченных погребениях Херсонесского некрополя, которые, по его мнению, оставлены греческим населением, а не туземными племенами, как предполагалось ранее. А. А. Зедгенидзе дал характеристику краснофигурной керамики из раскопок в Херсонесе. А. Н. Щеглов сообщил о раскопках поселения и некрополя Панское I на Тарханкутском полуострове в Крыму второй половины IV — начала III в. до н. э. В некрополе были как курганные, так и грунтовые погребения. Т. Н. Высотская сделала сообщение о четырех зданиях типа мегарон, открытых в Неаполе Скифском, которые она относит к культовым. Рядом с некоторыми из них были исследованы жертвенные холмы — эсхары. Б. Г. Петерс доложил о новых раскопках Михайловского поселения. Изучались оборонительные сооружения, жилые помещения, производилось обследование клеров. С. С. Бессонова и Е. А. Молев рассказали о раскопках Китея в 1970—1971 гг. На поселении были вскрыты слои IV в. до н. э.— IV в. н. э., расчищены остатки сооружений и зольников. М. М. Расулова охарактеризовала торговые связи Кавказской Албании в I—III вв. Сюда привозилась стеклянная посуда, украшения, геммы и изделия из металла. И. А. Бабаев сообщил об образцах античной черепицы, найденных при раскопках Кабалы в Кавказской Албании. Вся она местного изготовления. И. Б. Брашинский доложил о раскопках Елизаветинского городища, на котором изучалась система укреплений, постройки. Интересна находка глиняного ритона в виде головы коня. М. М. Кобылина познакомила слушателей с раскопками центральной части городища Фанагория, где были расчищены постройки конца VI—V вв. до н. э. Были раскопаны остатки винодельни I—II вв. Найдена строительная надпись начала III в. н. э. Ю. С. Крушкол изложила результаты изучения синдского могильника у хутора Рассвет, в котором встретились вытянутые и скорченные погребения, захоронения черепов. Могильник датируется V—IV вв. до н. э. Н. А. Онайко рассказала о раскопках античного поселения у с. Владимировка в Геленджикской бухте, где были исследованы отдельные сооружения. И. Б. Зеест познакомила слушателей с основными итогами раскопок в Гермонассе в 1952—1970 гг. Получены интересные данные о планировке города. Культурный слой поселения расчленен на 14 строительных горизонтов. О. Д. Лордкипанидзе доложил об исследовании городища Вани в Грузии. Здесь раскапывались участки оборонительной стены III в. до н. э., остатки построек и святилищ V—I вв. до н. э. Р. М. Рамишвили, Л. Г. Цитланадзе, В. А. Джорбенадзе, Л. Д. Церетели, Дж. Г. Гвасалия, Т. Д. Арчвадзе, И. Я. Бедукадзе рассказали об исследовании разновременных памятников в зоне строительства Жинвальской ГЭС. Особенно интересным оказался могильник второй половины III в. н. э. у с. Квемо-Араниси с богатым погребальным инвентарем.

Секция археологии Кавказа. М. Г. Магомедов рассказал о раскопках хазарского города Беленджера, где были раскопаны два христианских храма VII—VIII вв. и расчищены христианские и языческие погребения этого времени. А. В. Гадло доложил о раскопках городища Казар-Кала в Дагестане, на котором есть наслоения с I по X в. А. Б. Нуриев познакомил слушателей с работами в Шергях близ Шемахи, где раскопано шесть кувшинных погребений VII в. Р. Б. Гегюшев сообщил об исследовании храма Елисея в Кавказской Албании. Выяснилось, что это сооружение стоит на фундаментах более раннего храма VI в. н. э. Ф. Л. Османов доложил о раскопках некрополя IV—I вв. до н. э. в Ширване. Погребенные лежали в глиняных составных гробах. Н. И. Окроперидзе, Г. К. Григолия, М. В. Барамидзе, Ш. Г. Чартолани рассказали о раскопках Колхского могильника VII—VI вв. до н. э. В. Г. Алиев прочел доклад о работах Нахичеванской экспедиции в 1971 г. Основные работы велись на поселении Кюльтепе II III—I тысячелетия до н. э. О. Ш. Исмизаде, Ф. А. Ибрагимов, В. П. Фоменко сделали сообщение о новых исследованиях в Бакинской крепости, где раскопаны остатки построек и собрана большая коллекция средневековой керамики. Р. М. Абрамишвили доложил о раскопках Трелийского могильника, расположенного в Дигомском ущелье. Могильник имеет сходство с Самтаврским. Ю. Н. Воронов говорил о разведках и раскопках памятников культуры апсилов III—VII вв. в

Абхазии. А. Ш. Оруджаев познакомил слушателей с орнаментацией средневековой керамики Азербайджана. Г. А. Джидди рассказал о раскопках в г. Шемахе в 1971 г., где исследовалась цитадель города. На ее территории найдены напластования X в. н. э. Г. К. Шамба говорил о работах на Эшерском городище под Сухуми. При раскопках раскрыты наслоения позднеэллинистического и средневекового времени. К. Х. Кушнарева доложила о раскопках мастерской в которой изготовлялись различные украшения. Мастерская находилась в г. Двине и датируется первыми веками I тысячелетия до н. э. Л. Г. Нечаева информировала слушателей о раскопках склепов VIII—XI вв. у сел Мужича и Лац в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М. И. Сипурадзе рассказала о работах в Болнисском районе Грузии, где исследования велись у церкви Бугуриани и на могильнике XII—XIV вв. Г. С. Исмайлов на основании изучения находок из поселений III тысячелетия до н. э. на юго-восточном склоне Малого Кавказа пришел к выводу о наличии в каждом из поселений своей металлообрабатывающей мастерской. И. Р. Селимханов и А. Л. Нечитайло доложили о том, что металлические изделия середины II тысячелетия до н. э., найденные в Ставрополье, изготовлены из мышьяковистой бронзы, что докладчики связывают с перебоями в снабжении литейщиков оловом. Ш. Дедабришвили и К. Пуцхелаури прочли доклад о раскопках богатых подкурганных погребений триалетской культуры у с. Качрети. Э. В. Ханзадян познакомил слушателей с исследованиями холма Джраовит-Маргавет, на котором обнаружены наслоения с конца IV тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. М. Н. Ложкин рассказал о находках изделий из дерева из погребений у хутора Ильич в Краснодарском крае. Находки относятся к VIII—IX вв. Р. А. Даутова познакомила слушателей с материалами раскопок из кабардинских курганов XV—XVI вв. у с. Али-Юрт. А. В. Найденко доложил о находках гончарного горна и двух домниц X—XI вв. у станицы Исправной Ставропольского края. М. Г. Гаджиев и А. И. Абакаров прочли доклад о раскопках раннесредневекового Охлинского городища в Горном Дагестане. Г. Е. Арешян доложил о раскопках поселений Адаблур и Мохраблур в Араратской долине. Оба относятся к памятникам куро-аракской культуры. М. Х. Багаев познакомил слушателей с раскопками грунтовых, склеповых и катакомбных могильников в горной Чечено-Ингушетии. В. Х. Тменов высказал предположение, что источники склепового погребального обряда у осетин основываются на поверьях, запрещающих погребать умерших в землю.

Секция археологии Средней Азии. А. Я. Щетенко изложил данные по абсолютной и относительной хронологии культур эпохи бронзы Южной Туркмении. Напластования поселения Намазга VI расчленены им на три периода. И. С. Масимов рассказали об исследовании квартала гончаров на поселении Алтын-Депе эпохи бронзы. Гончарные горны на этом поселении были двухъярусными. В. М. Массон говорил об общественной структуре Алтын-Депе на основании материалов преимущественно домостроительства и обряда погребений. Ю. А. Заднепровский попытался определить численность населения чустской культуры в Фергане и по количеству зерна, необходимого для пропитания этого населения, определить площадь обработанных полей и состав стада. Б. И. Вайнберг рассказала о раскопках поселения раннего железного века Кую-Сай II на севере Туркмении. Л. М. Левина рассказала о круглых в плане погребальных зданиях типа зороастрийских дахм, которые получили распространение в бассейне р. Жанадарьи в конце III и II вв. до н. э. Н. И. Крашенинникова доложила о раскопках Китабской крепости, под поздними напластованиями которой были открыты раннесредневековые и античные слои. М. И. Филонович познакомил слушателей с результатами археологических разведок на территории г. Ташкента, где обнаружены остатки поселений IV—V вв. н. э. Л. И. Альбаум доложил об исследовании буддийского храма Фаяз-Тепе, сооруженного на рубеже нашей эры, расположенного в 15 *км* от г. Термеза. Б. И. Маршак остановился на составе согдийских терракот, в особенности в связи с техникой их изготовления, что существенно для датировки отдельных их разновидностей. З. Х. Хакимов доложил о раскопках ахеменидского городища Кызыл-Тепе в Бактрии. Интересным было сообщение И. Т. Кругликовой «Раскопки Советско-Афганской экспедиции в Северном Афганистане». Здесь исследовались памятники эпохи бронзы и кушанское поселение Дальверзин-Тепе, где продолжалось изучение храма, посвященного диоскурам, позже переделанного в буддийское святилище. К этому же времени относятся и многочис-

ленные фресковые росписи, обнаруженные на стенах постройки. П. Н. Кожемяко рассказал о раскопках городского центра Садыр-Курган VI—XV вв. в Таласской долине в Киргизии.

Б. Абдулгазиева прочла доклад о раскопках Шор-Тепе у г. Андижана, где изучались постройки VII—VIII вв. Н. Г. Горбунова говорила о работах ферганской экспедиции Государственного Эрмитажа на поселении Куюк-Тепе и Арк-Тепе IV—VIII вв. н. э. Г. А. Брыкина познакомила присутствующих с продолжением исследований усадьбы Кайрагач. При доследовании домашнего святилища здесь опять встретились скульптурные изображения идолов из алебастра, глины и камня. Т. Ф. Кулькова, В. И. Распопова характеризовали металлургическое производство Пенджикента в VIII в. Ю. Ф. Буряков привел новые материалы по исторической топографии шахристана Самарканда. Г. В. Шишкина рассказала о раскопках мест северных ворот древнего Самарканда. Е. Атагарыев доложил результаты исследования караван-сарая XI—XII вв. на городище Мисрин в Туркмении. В. М. Массон и Ю. Ф. Буряков информировали слушателей о работе Ученого совета по археологии Средней Азии.

Секция Сибири. Г. С. Мартынова сообщила о раскопках Михайловского поселения в Кемеровской обл., где изучено 75 наземных жилищ III—IV вв. с открытыми очагами. Ю. И. Трифонов и Л. А. Иванова доложили о работе V отряда Саяно-Тувинской экспедиции, который в основном исследовал курганы тагарской культуры. А. М. Образаев говорил о типах жилищ на поселениях эпохи бронзы в Северном Казахстане. Одни из них прямоугольные, другие круглые типа юрт и третьи из двух помещений, соединенных коридором. А. И. Мартынов привел данные о поселениях и жилищах тагарской культуры в Кемеровской области. Д. Л. Бродянский на основании материала из раскопок поселений Синий Гай (в районе оз. Ханка) дал хронологию неолита и раннего металла в Южном Приморье. Результаты исследования Ивановского городища на р. Иртыше, принадлежавшего обским уграм, были отражены в сообщении И. А. Сыркиной. Н. Н. Мамонова привела результаты изучения палеоантропологических материалов из китойских могильников, которые существенным образом отличаются как от серовских, так и от глазковских. Из этого делается вывод о том, что китойцы были пришлой группой населения в Прибайкалье. Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, Е. Н. Романова, А. А. Семенцов познакомили слушателей с абсолютными датами культур палеолита — раннего железа в Якутии, установленными радиоуглеродным методом. В. Т. Юровская дала периодизацию комплексов со стоянок эпохи бронзы под г. Тюменью. Э. В. Шавкунов говорил о раскопках Шайгинского городища в Приморье. Это один из крупных ремесленных центров чжурчженьской империи Ань-чунь. С. А. Федосеева доложила о раскопках Чучур-Муранского могильника ымыяхтахской культуры позднего неолита (XVIII—XVII вв. до н. э.). Л. И. Копытова говорила о погребениях могильника Преображенка III в. в Новосибирской области, часть которых свидетельствует о тюркизации местного населения VIII—IX вв. О раскопках курганного могильника Каменный Мыс велась речь в сообщении Т. Н. Троицкой. Памятник расположен в Колыванском районе Новосибирской области и датируется эпохой раннего железа. Ю. И. Трифонов доложил об изучении древнетюркских, преимущественно погребальных памятников VI—X вв. в Центральной Туве. М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол рассказали о раскопках царского кургана Аржан раннескифского времени в Туве. Своеобразный похоронный обряд, богатый инвентарь этого кургана дают возможность уточнить датировки раннескифских культур как в Сибири, так и в степях Восточной Европы. Э. Б. Вадецкая коснулась вопроса о реконструкции вида погребальных лож в могилах тагарской культуры. В. В. Волков познакомил членов секции с результатами работ Советско-Монгольской экспедиции. М. Н. Пшеницына доложила о раскопках кургана II—I вв. до н. э. у горы Барсучиха на р. Енисее, который относится к теснинскому этапу тагарской культуры. С. С. Черников сообщил о первых результатах раскопок большого кургана в Восточноказахстанской области, который относится к скифскому времени. Сообщение В. Е. Медведева касалось Неждинского могильника в Хабаровском крае, который датируется X—XI вв. н. э. Ж. В. Андреева рассказывала о раскопках поселения железного века Малая Подушечка в Приморье.

Г. Б. Зданович посвятил свое сообщение стратиграфии культурных комплексов эпохи бронзы в Северном Казахстане. Он убедительно показал, что слои с керамикой

федоровского типа на поселениях этой территории залегают выше алакульского слоя, что не укладывается в рамки существующей периодизации андроновской культуры, предложенной в свое время К. В. Сальниковым. Э. А. Новгородова рассказала о петроглифах Монголии, открытых в последние годы. Ф. Х. Арсланова познакомила присутствующих с исследованием памятников эпохи бронзы в Восточном Казахстане. Я. И. Сунчугашев доложил об изучении памятников средневековой металлургии в Хакасско-Минусинской котловине.

Секция славяно-русской археологии. В сообщении А. К. Елкиной рассказывалось о реконструкции узоров византийских тканей из погребения половца XII в. Удалось восстановить рисунок ткани и ее расцветку, уточнить место изготовления. Э. С. Мугуревич доложил результаты шестилетних раскопок на о. Мартиньсала на р. Даугава. Здесь исследовались замок, селище XII—XIII вв. и кладбище, на котором раскрыто 1470 погребений. Р. К. Волкайте-Куликаускиене рассказала о раскопках городища Майшягала в Литве. И. Станкус совершил экскурс в историю кузнечного ремесла в Литве II—XII вв. на основании большой серии металлографических анализов. В. В. Мавродин и С. Н. Орлов дали новый комментарий к «Уставу князя Ярослава о мостах» и показали, что мостовые повинности в Новгороде возникли при Ярославе Ярославиче (в 1182—1199 гг.). Большой интерес вызвало сообщение Ю. Л. Шаповой о стеклянных кубках св. Ядвиги. Из 14 кубков, которые относились исследователями к XII в., лишь один, найденный в Новогрудке,— древний. Остальные — подражания, изготовленные в конце XVII — начале XVIII в. А. Т. Смиленко рассказала об исследовании керамических мастерских VII в. в Канцеровке. В. Д. Белецкий доложил о раскопках в Пскове (Довмонтов город) и на Савкином городище. Р. С. Багрий познакомил слушателей с раскопками в Плеснеске, где были открыты остатки глинобитных печей и древние погребения. В. А. Кузнецов остановился на славянской надписи XI в., высеченной на кресте из ст. Преградное Ставропольского края. Ю. А. Липкинг рассказал о серии славянских поселений, возникших на территории Курска задолго до упоминания города в письменных источниках. Некоторые из них он связал с первоначальным Курском. И. Г. Хынку доложил о раскопках поселения и могильника Ханска в Молдавии, которые относятся к болгаро-дунайской культуре и датируются X—XII вв. С. И. Кочкуркина познакомила слушателей с исследованиями городища Тиверск XI—XII вв. в Приозерском районе Ленинградской области. Г. В. Штыхов рассказал о раскопках курганов второй половины I тысячелетия н. э. в Витебской области. В. П. Глазов сообщил о результатах раскопок в Суздале, где найдены остатки ранних белокаменных сооружений и древнерусская полуземлянка. Автор предложил реконструкцию полуземлянки. П. Ф. Лысенко доложил о раскопках 1970—1971 гг. в древнем Берестье (г. Брест). Там хорошо сохранились остатки деревянных наземных построек. А. Г. Митрофанов говорил о раскопках 10 курганов с сожжениями VIII—IX вв. и селища V—VI вв. у хутора Гурки в Минской области. В. Ф. Черников подверг пересмотру сведения о «старом городе» и «старом городке» в Нижнем Новгороде и отстаивал общепринятую дату возникновения Нижнего Новгорода. Ф. Д. Гуревич рассказала об этапах укрепления и заселения Новгрудского детинца, который был основан в конце X в. А. Н. Кирпичников говорил о результатах раскопок в Орешке, Кингисеппе, Копорье, Тиверске и Старой Ладоге. М. А. Фронджуло доложил о раскопках разновременных, преимущественно архитектурных объектов в г. Судаке. И. И. Мовчан рассказал о разведочных раскопках в г. Киеве. около Выдубицкого монастыря, где были найдены напластования домонгольского времени. М. С. Рывкин вел речь об охранных раскопках в г. Витебске.

Секция средневековой археологии СССР. А. И. Салов рассказал о находках раннесредневекового времени, поступивших за последние годы в Анапский музей. Среди них — предметы вооружения, надгробия и плиты с надписями. Е. А. Халикова доложила о широком распространении с X в. в Волжской Болгарии определенного погребального ритуала, который говорит об исламизации населения. Г. И. Матвеева познакомила слушателей с раскопками двух болгарских городищ и горна золотоордынского времени в Куйбышевской области. Сообщение Е. В. Шнейдштейн касалось работ в дельте Волги, где исследовалось поселение Туман-Тюбе, могильник и гончарный комплекс XIII—XIV вв. А. Х. Халиков говорил о раскопках Билярского городища и приводил доказательства, что именно это городище с X в.

называлось Булгаром или Великим городом. Последние соображения не нашли поддержки у слушателей. Л. Г. Колесникова привела новые данные по организации и вооружению армии и флота средневекового Херсонеса. В. А. Семенов на основании новых раскопок и привлечения широких этнографических параллелей дал реконструкцию жилищ удмуртов в VII—XIII вв. Большой интерес вызвало сообщение Р. Г. Фахрутдинова о работе над археологической картой Волжской Болгарии. Им зарегистрировано 158 городищ, 874 селища и около 140 могильников. Н. М. Булатов рассказал о раскопках 1971 г. в г. Сарай-Бату, где исследовались керамическая и стеклоделательная мастерские и могильник. П. Д. Степанов попытался связать проблему этногенеза мордвы с событиями скифо-персидской войны 512 г. до н. э. П. Н. Старостин рассказал о раскопках V Рождественского могильника. Здесь было много мусульманских погребений и 29 захоронений азелинской культуры V—VII вв. С памятниками мордвы II—IV вв. в Пензенской области слушателей познакомил М. Р. Полесских. Д. Л. Талис говорил о раскопках 1971 г. на Баклинском и Тепе-Керменском городищах XI—XIV вв. в Западном Крыму. В. Ф. Каховский прочел сообщение о токсичности бактерий из культурного слоя древних поселений на основании биологического анализа древних напластований в г. Чебоксары. В. С. Флеров на основании изучения Семикракорского городища говорил об организации и технике крепостного строительства в хазарском каганате.

Секции нумизматики. Э. И. Кучеренко высказал предположение о том, что давно известная серебряная монета с именем Святослава не болгарская, а чеканена Святославом Ярославичем. В. В. Узенков познакомил слушателей с принципами построения справочника-определителя русских монет XVIII—XIX вв., который разрабатывается автором. Большой интерес вызвало сообщение В. А. Калинина о керамике, в которой были закрыты клады XVI—XIX вв., хранящейся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Б. Д. Михайлов и А. Н. Алексеев сообщили о находке клада русских монет второй половины XVIII — начала XIX в. в окрестностях Мелитополя. А. М. Роджабли рассказал о составе нескольких кладов XII—XVI вв., поступивших за последние годы в Музей истории Азербайджана. Н. А. Фролова на основании анализа боспорских статеров 228 г. с именем Рискупорида III доказала, что они были выпущены в правление Котиса III. А. С. Мельникова говорила о возможности возобновления деятельности Ярославского монетного двора в 20-х годах XVII в. М. А. Львов доказывал существование в Новгороде в 1420—1460 гг. двух монетных дворов, выпускавших монеты с разными изображениями на них. И. В. Можейко познакомил слушателей с историей денежного обращения в Бирме, которое возникает там в V—VI вв. А. С. Беляков подробно характеризовал девентерский денарий Оттона III, найденный в 1971 г. в кургане Пекуновского могильника. Большой интерес вызвало сообщение И. Г. Спасского, в котором на основании нумизматических материалов и письменных источников говорилось о деятельности денежного двора в Новгороде в 1611—1617 гг., где старыми штемпелями чеканились «облегченные» монеты. М. П. Сотникова доложила о подготавливаемом каталоге 70 кладов монет XV—XIX вв. из собрания Государственного Эрмитажа. К. В. Голенко, сопоставив монеты Диоскуриады с Митридатовскими эмиссиями, пришел к выводу, что начало их чекана относится ко времени включения Колхиды в состав державы Митридата VI. Д. Б. Шелов говорил о хронологии северокавказских подражаний римским денариям. М. А. Сейфетдини доложил о монетных кладах, найденных на территории Азербайджана в 1968—1971 гг. Особенно интересным оказался клад медных посеребренных монет Йазида ибн Ахмада (998—1027 гг.), чеканенных в г. Кабале. П. А. Шорин привел систематизацию монет рязанского князя Ивана Федоровича. В. А. Дуров рассказал о денежном мастере Посошкове. Сообщение И. В. Адрианова было посвящено истории создания первого советского червонца. В. Т. Корецкий рассказал о банковском монетном дворе в Петербурге. И. В. Соколова познакомила слушателей с печатями Херсонесской фемы, а Н. В. Анфимов доложил о находке двух кладов (одного — конца IV в. до н. э., другого — конца II — начала III в. н. э.) у станицы Казанской на Кубани. Монеты были боспорскими.

Секции теории и методики археологии. Было заслушано и обсуждено 25 докладов и сообщений, большая часть которых вызвала оживленные дискуссии. Заседание открылось докладом Ю. Н. Захарука «К вопросу о содержании и взаимо-

отношении методологии, теории и методики археологии». Большой интерес вызвало сообщение Г. С. Лебедева о структурной типологии погребального ритуала по материалам скандинавских могильников эпохи викингов. В. И. Стефанов поделился данными сравнительного анализа комплексов керамики, обработанных статистическим методом (с андроновских поселений и поселений эпохи бронзы). Г. П. Григорьев остановился на смысловом содержании понятий культура и тип археологии. Л. Г. Клейн говорил о приложении идей кибернетики к построению общей теории археологии и в особенности идеи коммуникации. В. Ф. Генинг изложил разработанную свердловскими археологами программу статистической обработки массового керамического материала из археологических раскопок. И. Д. Подольский дал оценку классификационной значимости признаков в археологии. Я. А. Шер остановился на некоторых общих вопросах теоретической археологии и призвал усилить внимание к марксистским теоретическим основам археологии. Ю. А. Заднепровский познакомил слушателей с основными направлениями теоретической мысли в археологии Индии. Ю. А. Смирнов дал статистический анализ погребений эпохи неолита и раннего металла в лесной полосе Восточной Европы. Г. Н. Матюшин доложил разрабатываемые им методические принципы классификационного анализа каменных изделий. В. И. Мошинская говорила о трудностях этнической интерпретации археологических материалов и необходимости привлечения для этой цели этнографических данных. Д. В. Деопик дал сопоставление результатов изучения археологических находок, полученных на основании статистического и стратиграфического методов исследования. А. А. Бобринский предложил метод количественной оценки сходства и различия форм керамики. Л. И. Ашихмина дала стратиграфическое распределение керамики на ананьинском городище Каменный Лог. В. Р. Кабо исходя из того, что структура и развитие обществ, находящихся на одинаковом или близком уровне социально-экономического развития, определяются едиными в своей основе закономерностями, призывал археологов использовать их для реконструкции первобытности. П. М. Долуханов прочел доклад «Экосоциальные и культурные системы в первобытности». М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, Д. В. Деопик, Н. Б. Леонова предложили унифицировать систему описания кремневых пластинок с притупленным краем с тем, чтобы был возможен статистический анализ категорий этой описательной системы. А. В. Виноградов дал анализ проблемы количества типов в археологии на материале таштыкской керамики и изложил свое понятие типа в археологии. А. Н. Рогачев прочел сообщение «Методические и методологические основы классификации и номенклатуры каменных орудий».

В. Д. Викторова в собщении — «Археологический факт» проследила пути движения от факта в археологии к общей теории археологии как науки. В. Ф. Генинг дал определение археологии как самостоятельной науки в системе наук об обществе и говорил об отличиях археологии по методике и методологии от других наук в том числе и истории.

Сессионные, пленарные и секционные доклады продемонстрировали значительно возросший объем полевых археологических исследований в 1971 г. Особым вниманием на сессии пользовались сообщения, прочитанные на секции теории и методологии археологии, посвященные теоретическим, методологическим и методическим вопросам.

Р. Л. Розенфельдт

АРТАМОНОВ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ

Михаил Илларионович умер 29 июля 1972 г. Он был немолод, но редко болел и был полон творческих планов, смерть была скоропостижной и трагически неожиданной...

М. И. Артамонов — классик советской археологии, ученый с мировым именем. Огромные знания, любовь к искусству, умение отдавать себя целиком служению науке сделали его не только носителем, но и одним из творцов новой советской социалистической культуры, олицетворением этой культуры — много знающим, много думающим, глубоко интеллигентным человеком, настоящим коммунистом.

Михаил Илларионович родился 5 декабря 1898 г. в дер. Выголево Тверской губернии в крестьянской семье. В 1907 г. поступил в школу в Петербурге, по окончании которой сдал экзамены на аттестат зрелости на общеобразовательных курсах. В 1916 г. М. И. Артамонов был призван в армию, а в Февральскую революцию избран членом Совета солдатских депутатов, а затем секретарем дивизионного комитета. После Великой Октябрьской социалистической революции М. И. Артамонов направляется Советским правительством управлять отделением Европейского банка в Петрограде; в 1918 г. он заведует внешкольным образованием в городе Красный Холм, в 1919 г. работает учителем и заведующим в школе. В 1921 г., вернувшись в Петроград, поступает учиться в Археологический институт, а после его присоединения к университету, становится студентом ЛГУ.

В студенческие годы он сближается не только со своими непосредственными учителями — археологами старшего поколения — А. А. Спициным, А. А. Миллером, Д. В. Айналовым, но и с многими художниками и поэтами той бурной эпохи. Его друзьями были Есенин и Ахматова, сам он писал стихи, печатался, был даже издателем литературного журнала. Несмотря на эту полную разнообразных событий и интересов жизнь, он все же решительно выбирает многотрудный путь ученого-археолога, поступив в 1926 г. в аспирантуру ГАИМК, а после окончания ее — в штат этого головного археологического учреждения СССР. До этого он написал всего две небольшие статьи, касающиеся вопросов русского искусства, а в 1931 г. вышла его небольшая, но интересная книга, посвященная искусствоведческому разбору миниатюр Кенигсбергской летописи.

С самого начала его исследовательские интересы были чрезвычайно широкими. От позднего средневековья до эпохи бронзы, от древностей северной России до сибирской и кавказской археологии — все увлекало его, все творчески осмысливалось им и кристаллизовалось в блестящие, оригинальные, до предела насыщенные материалом и в то же время сжатые и четкие работы. В 1934 г. М. И. Артамонову присвоили без защиты степень кандидата исторических наук. В последующие годы научная деятельность Михаила Илларионовича сосредоточилась на трех узловых проблемах советской археологии: истории и культуре скифов, истории средневековых кочевников, происхождении славян.

Скифами он начал заниматься в предвоенные годы; в 1941 г. им была защищена по этой проблеме докторская диссертация. На закате своей жизни Михаил Илларионович вновь обратился к скифской проблематике. Результатом были две великолепные книги. Одна из них — «Сокровища скифских курганов» вышла в 1967 г. в Праге, другая — «Сокровища саков» выходит в этом году в нашем издательстве «Искусство», третья — «Киммерийцы и скифы» сдана в издательство ЛГУ. А на его столе почти готовая к сдаче в печать осталась лежать рукопись «Скифо-сибирский звериный стиль», являющаяся итогом его работы над скифским искусством.

Еще в 1937 г. М. И. Артамоновым была опубликована монография «Очерки древнейшей истории хазар», и именно этой теме были посвящены его главные полевые исследования (Волго-Донская экспедиция 1934—1936 и 1949—1951 гг.). Итогом работ над этой проблемой явилась поистине монументальная книга «История хазар» (1962 г.).

Статьи Михаила Илларионовича, посвященные славянской проблематике, начали появляться в печати с середины 30-х годов. Характерно, что и последняя работа, страница которой осталась недопечатанной в день его смерти, также была о славя-

нах. Она называется «Первые страницы русской истории в археологическом освещении».

Характерной особенностью всех его работ, в том числе и по славянской тематике, является необычайная эрудированность автора.

Михаил Илларионович был человеком с врожденным педагогическим талантом. Профессор ЛГУ с 1935 г., он воспитал целую плеяду ученых. Даже в последние годы Михаил Илларионович читал в университете лекции, увлекая слушателей огромной эрудицей и любовью к своей науке.

В статье, написанной к его семидесятилетию, Михаил Илларионович справедливо назван не только одним из создателей, но и организатором советской археологической науки. Долгие годы стоял он во главе ряда головных в основном археологических учреждений страны. Он был директором ИИМК (ИА АН СССР, 1938—1945 гг.), проректором ЛГУ (1948—1951 гг.), заведующим кафедрой археологии ЛГУ (1949—1972 гг.), директором Эрмитажа (1951—1964 гг.), был начальником крупнейшей в СССР (а для тех лет и в мире) Волго-Донской экспедиции (1949—1951 гг.).

В ИИМКе при нем начали издаваться «Краткие сообщения» и замечательная серия «Материалов и исследований по археологии СССР», в Эрмитаже он был инициатором создания собственного издательства и наладил издание «Археологических сборников». По окончании Волго-Донской экспедиции он прежде всего постарался запланировать издание ее материалов в пяти томах МИА (три из них уже опубликованы).

Один за другим уходят люди поколения наших отцов. Мы должны быть достойными их, должны сохранить благодарную память о них — создателях той науки, которой и мы посвятили свою жизнь.

СИНИЦЫН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Советская археология понесла тяжелую утрату — 11 августа 1972 г. в городе Элисте скончался видный советский ученый-археолог профессор Саратовского государственного университета Иван Васильевич Синицын. Археологическая наука в лице И. В. Синицына потеряла тонкого полевого исследователя и большого ученого.

И. В. Синицын родился 22 февраля 1900 г. в с. Дьяковка Саратовской области в бедной крестьянской семье. Начальное образование он получил в сельской школе. В 1917 г. И. В. Синицын поступил в педагогическое училище с. Ровное Саратовской обл., по окончании которого работал учителем в сельской школе. С 1923 г. и до последних дней Иван Васильевич был связан с Саратовским университетом, где он прошел путь от студента до профессора. Уже будучи аспирантом, И. В. Синицын работал по совместительству лаборантом и преподавателем Саратовского педагогического техникума. После окончания аспирантуры он был секретарем Нижне-Волжского института краеведения, а с 1937 по 1939 г.— директором этого института. Одновременно (1928—1941 гг.) И. В. Синицын являлся сотрудником и заведующим археологическим отделом Саратовского областного музея краеведения. С 1935 г. и до последних дней Иван Васильевич работал на историческом факультете: сначала ассистентом, затем доцентом, а потом профессором археологии. С 1941 по 1954 г. И. В. Синицын был деканом исторического факультета, заведуя одновременно (1941—1946 гг.) кафедрой археологии.

На протяжении многих десятков лет И. В. Синицын вел большую и плодотворную научную работу. Он был учеником и преемником видного советского археолога П. С. Рыкова. Исследовательские принципы И. В. Синицына характеризуются отказом от погони за эффектными вещами, вниманием к рядовому материалу, выяснением бытовых деталей, отсутствием вещеведческого подхода к археологическому материалу, стремлением к историческим обобщениям.

Научные интересы И. В. Синицына связаны с изучением древней истории Нижнего Поволжья. Многолетние раскопки на территории Саратовской и Волгоградской областей обогатили науку ценнейшим материалом, который позволил уточнить, а в некоторых вопросах и пересмотреть, сложившиеся ранее представления о древнейшей истории края. Исследования поселений эпохи бронзы и сотен курганов различных исторических эпох в различных пунктах Саратовского и Волгоградского Поволжья наметили основные вехи исторического процесса развития эпохи бронзы и железа Нижнего Поволжья, позволили установить закономерность в развитии местных племен и их культурно-хозяйственных связей с населением сопредельных районов. Без преувеличения можно сказать, что без работ И. В. Синицына изучение древнейшей истории Нижне-Волжского края невозможно.

В плане научных интересов И. В. Синицына большое место занимают археологические исследования на территории Калмыкии. Они начались еще в 1930 г., когда Иваном Васильевичем была обследована совершенно не изученная в археологическом отношении область дельты Волги до нижнего течения р. Кумы. Собранный материал с дюнных поселений и стоянок с микролитическим инвентарем, памятников эпохи

бронзы, железного века и более поздних эпох прочно вошел в археологическую науку как источник первостепенной важности. Уже тогда И. В. Синицын одним из первых прозорливо отметил научную ценность калмыцких материалов для воссоздания древнейшей истории не только Предкавказья, но и всей степной полосы нашего Юга. И неслучайно до последних дней И. В. Синицын интересовался археологическим прошлым Калмыцкой АССР. С 1961 г. Иван Васильевич совместно с У. Э. Эрдниевым производил в Калмыкии крупные археологические раскопки у пос. Лола, в урочищах Архара и Кермен Толга, а также у г. Элиста и в зоне затопления Чограйского водохранилища. Материалы из этих могильников стали достоянием не только советской археологии, они известны далеко за пределами нашей Родины.

Научная и педагогическая деятельность И. В. Синицына сочеталась с большой общественной и административной деятельностью. Вступив в комсомол в 1919 г., И. В. Синицын много сил и энергии отдал организации комсомольскпх ячеек в Краснокутском районе и борьбе с кулачеством. В 1941 г. Иван Васильевич стал членом КПСС и был избран заместителем секретаря парткома университета. Длительное время И. В. Синицын был депутатом горсовета. На посту декана исторического факультета СГУ И. В. Синицын снискал себе любовь и уважение студентов и преподавателей. За плодотворную научную, педагогическую, административную и общественную деятельность Иван Васильевич неоднократно был награжден орденами и медалями, почетными грамотами Верховного Совета РСФСР и Калмыцкой АССР, а также грамотами горсовета, университета и других учреждений и организаций.

Ушел из жизни большой души человек, крупный ученый — он умер на боевом посту, в экспедиции, как солдат науки, которую он беспредельно любил.

Светлый образ Ивана Васильевича Синицына навсегда сохранится в памяти товарищей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АМ — Абаканский музей
АО — Сб. «Археологические открытия»
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Сб. «Археология и этнография Башкирии»
АЭТ — Сб. «Археология и этнография Татарии»
БГУ — Башкирский гос. университет
БЖ — Ботанический журнал
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМ — Бийский музей
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник гос. музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока».
ВМГУ — Вестник Мос. гос. университета
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГЖ — Геологічний журнал
ГМТР — Гос. музей Татарской АССР
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии, Русского археологического общества.
ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии
ИАИ [ИБАИ] — Известия на Археологическия институт (Болгария).
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИАНО — Известия Абхазского научного общества
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИМ — Иркутский музей
Изв. МФ АН СССР — Известия Молд. филиала АН СССР
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. СПб., 1865—1910.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИРГО — Известия Русского географического общества
КБН — Корпус боспорских надписей
КИЯЛИ — Казанский Институт языка, литературы и истории АН СССР
КМ — Красноярский музей
КФАН — Казанский филиал АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИМК ТГУ — Музей истории материальной культуры Томского Гос. университета
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
МКТ — Материальная культура Таджикистана
МКЭНСА — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии»
ММ — Минусинский музей
МОИП — Московское общество испытателей природы
МЭ — Материалы по этнографии
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
ОАМ ГЭ — Отдел античного мира. Гос. Эрмитажа
ОГАМ — Одесский гос. археологический музей
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПИДО — Проблема истории докапиталистических обществ
САИ — Свод археологиечских источников
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СемМ — Семипалатинский музей
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи
СНТ СГПИ — Сборник научных трудов Ставропольского гос. педагогического института

СМОМПК — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
Тр. АИЧПЕ — Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГНБС — Труды Гос. Никитского ботанического сада
Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии
Тр. ИИАЭ АН КазахССР — Труды Института истории археологии и этнографии
Тр. МАЭ — Труды марийской археологической экспедиции
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. ОИПК — Труды Отдела первобытной истории Гос. Эрмитажа
Тр. ТГУ — Труды Томского гос. университета
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ЧНИИ — Труды Черкесского научно-исслед. института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УБЖ — Український ботанічний журнал
УІЖ — Український Історичний журнал
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
Уч. зап. КГУ — Ученые записки Кишиневского гос. университета
Уч. зап. ТГПИ — Ученые записки Томского гос. педагогического института
Уч. зап. ТГУ — Ученые записки Томского гос. университета
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯС — Яфетический сборник
AAH — Acta archaeologica Hungarica
AI — Ancient India.
AM — Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
AMN — Acta Musei Napocensis
AP — Archeologia Polski
Art As — Artibus Asiae
ArOr [AO] — Archaeologia Orientalis
BMC — A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum
BMMA — Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York.
BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
BSPF — CRSM — Bulletin de la Société Préhistorique Française — Comptes rendus des seances mansuelles
IA — Iranica antiqua
ILN — Illustrated London News
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.
Materiale....,— Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a RPR.
MCA — Materiale şi cercetări arheologice
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan
OIC — The Oriental Institute of the University of Chicago. Communications
PZ — Prähistorische Zeitschrift
PPM — Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University
RLV — M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SMYA — Suomen Muinaismuisto-yhdistyksen aikakauskirja
SPA — Survey of Persian Art
SZ AÚSAV — Študijné zvesti Archeologickéno ústavu Slovenskej Akadémie Vied
ZW — Z otchłani wiekow
WPZ — Wiener Prähistorische Zeitschrift.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. С. Шарафутдинова (Ленинград). Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры) . . . 3
И. Т. Никулицэ (Кишинев). Погребальный обряд гетов в IV—III вв. до н. э. 27
Л. К. Галанина (Ленинград). Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана 45
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках 60
М. Н. Федоров (Фрунзе). Из истории денежного обращения в Средней Азии конца VIII — первой половины XII в. (К проблеме «черных дирхемов») . 75
Р. А. Симонов (Москва). Берестяная грамота № 342 разъясняет темное место у Кирика Новгородца 83
М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер (Москва). Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского 88
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Келасурская стена 100

Публикации

Л. Г. Мацкевой, Г. А. Пашкевич (Краснодар, Киев). К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита 123
И. С. Масимов (Ленинград). Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-Депе 139
В. В. Сидоров (Москва). Давыдковская стоянка на реке Яхроме 146
А. Л. Никитин (Москва). Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) 158
Е. Е. Кузьмина (Москва). Навершие со всадниками из Дагестана 178
Н. Л. Членова (Москва). Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе 191
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане 205
Л. С. Хомутова (Москва). Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII — XIV в.) 216
А. Е. Алихова (Москва). Мавзолеи города Мохши — Наровчата 226

Заметки

Л. В. Субботин, И. Т. Черняков (Николаев, Одесса). Фракийский кенотаф у с. Зализничное на левобережье Нижнего Придунавья 238
Л. В. Копейкина (Ленинград). Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань 240
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса (Крым) 244
В. В. Кропоткин, Т. И. Макарова (Москва). Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве 250
М. Д. Полубояринова (Москва). Иконка с Селитренного городища 255
К. М. Байпаков (Алма-Ата). Средневековое погребение в Илийской долине 257

Критика и библиография

В. А. Ранов (Душанбе). P. Biberson. Galets amènagés du Maghreb et du Sahara, 1968 260
В. С. Титов (Москва). R. Tringham. Hunters, Fishers und Farmers of Eastern Europe. 1971 263
К. Ф. Смирнов (Москва). T. Sulimirski. The Sarmatians. 1970 . . . 270
Е. В. Черненко (Киев); **В. Б. Виноградов, В. А. Петренко** (Грозный). А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов 271
В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов (Москва), **А. К. Амброз** (Москва). I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Nevolino. 1969 280
В. М. Василенко (Москва). Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. 1968; его же. Новгородские древности. Резное дерево. 1971 299
Л. С. Клейн (Ленинград). New perspectives in archeology 303

Хроника

Р. Л. Розенфельдт (Москва). Итоги полевых археологических исследований в 1971 году 313
Артамонов Михаил Илларионович 322
Синицын Иван Васильевич 323

SOMMAIRE

E. S. Charafoutdinova (Léningrad). Etape finale de l'âge de Bronze tardif dans le cours inférieur du Don (monuments de la civilisation de Kobiakovo) 3

I. T. Nicoulitsé (Kichinev). Rite funéraire des Gètes en IV—III ss avant n. e. 27

L. K. Galanina (Léningrad). Sépulture introduite du premier siècle de notre ère dans le tumulus de Kourdjip 45

V. A. Kouznétsov (Ordjonikidzé). La civilisation des Alains du Caucase Central et ses variantes locales des V—XIII ss. 60

M. N. Fedorov (Frounzé). A propos de l'histoire de la circulation monétaire en Asie Centrale de VIII — première moitié de XII ss (le problème des dirhams noirs) 75

R. A. Simonov (Moscou). L'épître sur écorce de bouleau N 342 éclaircit un passage obscure dans les «Enseignements» de Cyrik de Novgorod 83

M. Kh. Aléchkovskii, B. L. Altschuller (Moscou). Cathédrale de l'Annonciation et non chapelle du Basil de Césarée 88

You. N. Voronov (Soukhoumi). Muraille de Kélassour 100

Publications

L. G. Matskévoï, G. A. Pachkévitch (Krasnodar, Kiev). A propos de la paléogéographie de la presqu'île de Kertch dans le Mésolithique et Néolithique 123

I. S. Masimov (Léningrad). Fouilles d'un sanctuaire de l'âge de Bronze dans l'agglomération Altyne-dépé 139

V. V. Sidorov (Moscou). Campement Davydkovskaïa sur le cours d'eau Iakhroma 146

A. L. Nikitine (Moscou). Nécropole de Dikarikha sur le lac de Pléchtchéévo (fouilles de 1961 et 1964) 158

E. E. Kouzmina (Moscou). Le sommet de hampe aux cavaliers provenant de Daghestan et la question de l'extension de l'équitation et du culte de cheval au Caucase et en Iran 178

N. L. Tchlénova (Moscou). Trouvailles des objets de la civilisation de Karassouk à l'Oural et en Europe de l'Est 191

G. A. Pougatchénkova (Tachkent). Fours céramiques de l'époque Kouchane à l'Ouzbékistan méridional 205

L. S. Khomoutova (Moscou). Techniques du métier de forge en Sérénsk, ville médiévale russe 216

A. E. Alikhova (Moscou). Mausolées de la ville de Mokchy — Narovtchat . . 226

Notes

L. V. Subbotine et I. T. Tcherniakov (Nikolaev, Odessa). Génotaphe de Thrace près de la bourgade Zaliznithnoïe 238

L. V. Kopeïkina (Léningrad). Le plus ancien échantillon de la céramique peinte provenant des fouilles sur l'île Bérésan 240

L. V. Firsov (Novosibirsk). Essai de la datation radiocarbonique des échantillions antique et moyennâgeaux provenant de Cherson (Crimeé) 244

V. V. Kropotkine, T. I. Makarova (Moscou). Trouvaille d'une monnaie d'Oleg-Mikhaïl dans la ville de Kortchev 250

M. D. Polouboïarinova (Moscou). Petite icône provenant de l'oppidum Sélitrénnoïé 255

K. M. Baïpakov (Alma-Ata). Sépulture médiévale dans la vallée d'Ili . . . 257

Critiques et bibliographie

V. A. Ranov (Douchanbé). P. Biberson, Galets aménagés du Maghreb et du Sachara, 1968 260

V. S. Titov (Moscou). R. Tringham. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. L. 1971 263

K. F. Smirnov (Moscou) T. Sulimirski. The Sarmatians, 1970. 270

E. V. Tchernenko (Kiev). A. M. Khazanov. Essais de l'art guerrier des Sarmates 271

V. B. Vinogradov, V. A. Pétrenko (Groznyi). A. M. Khazanov. Essais de l'art guerrier des Sarmates 273

V. B. Kovalevskaïa, You. A. Krasnov (Moscou), **A. K. Ambroz** (Moscou). I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. «Das Gräberfeld von Nevolino», 1969 280

V. M. Vassilenko (Moscou). B. A. Koltchine Antiquités de Novgorod. Articles en bois 299

L. S. Klein (Léningrad). New perspectives in archaeology 303

Actualités

R. L. Rosenfeldt (Moscou). Résultats des investigations archéologiques champêtre en 1971 313

M. I. Artamonov 322

I. V. Sinitsine 323

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I—1973 г. Т-01293 Подписано к печати 9/IV-1973 г. Тираж 3100 экз.
Зак. 1613 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 28,7+1 вкл. Бум. л. 10¹/₄ Уч.-изд. л. 33,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер. 10